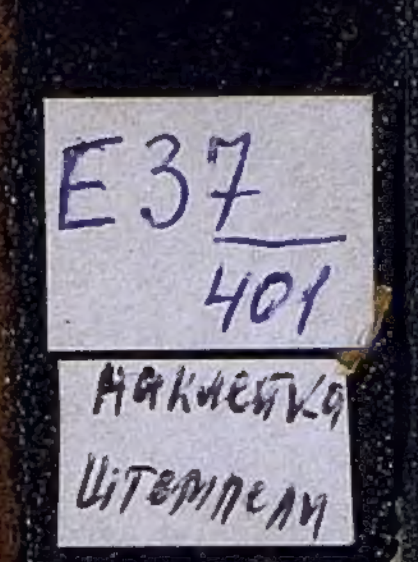

E37
401
наклейка
штемпели

ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ

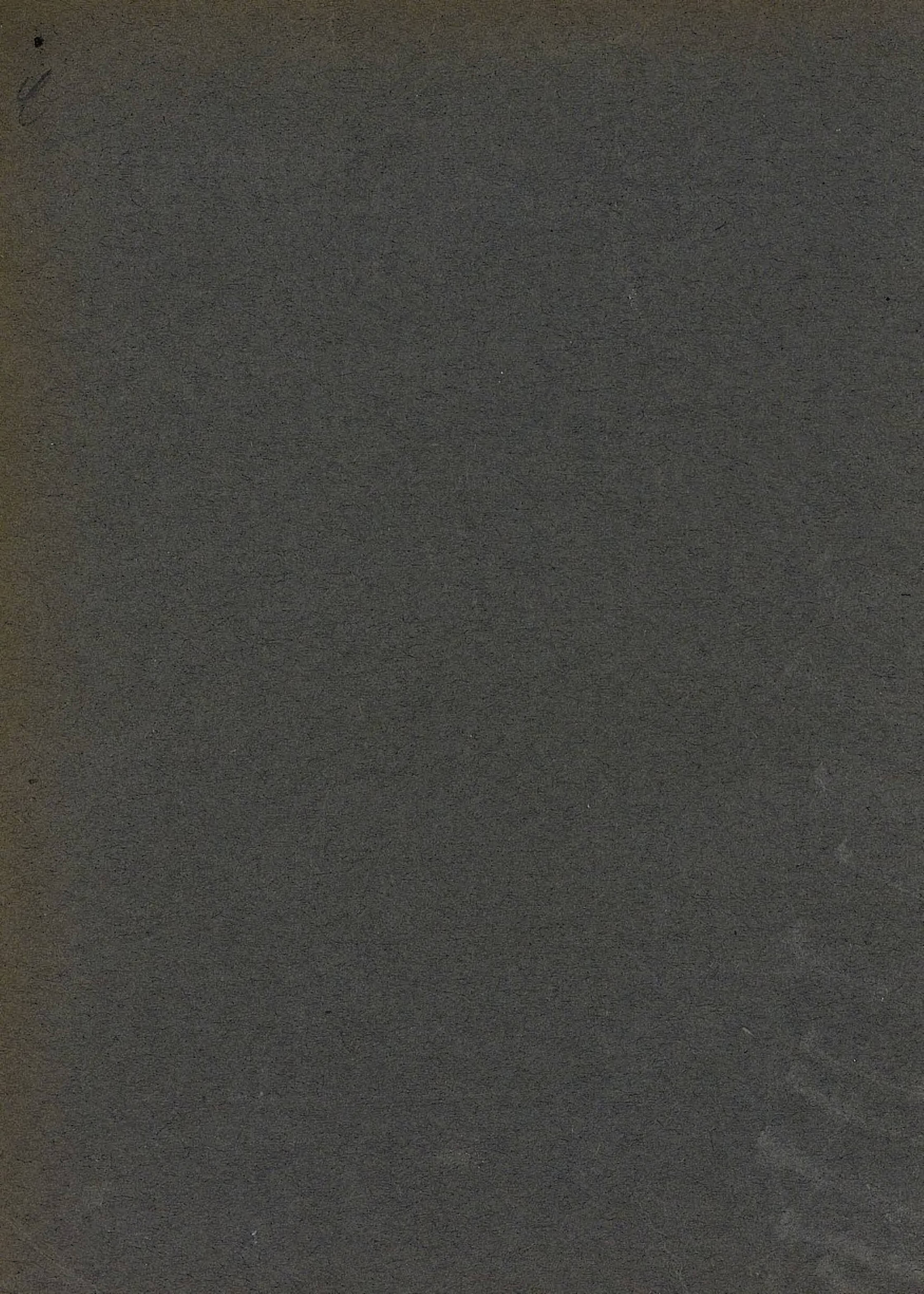
ВОСПОМИНАНІЯ

ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ II

1

1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Графъ Витте

ГРАФЪ С. Ю. ВИТТЕ

ВОСПОМИНАНІЯ

ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ II

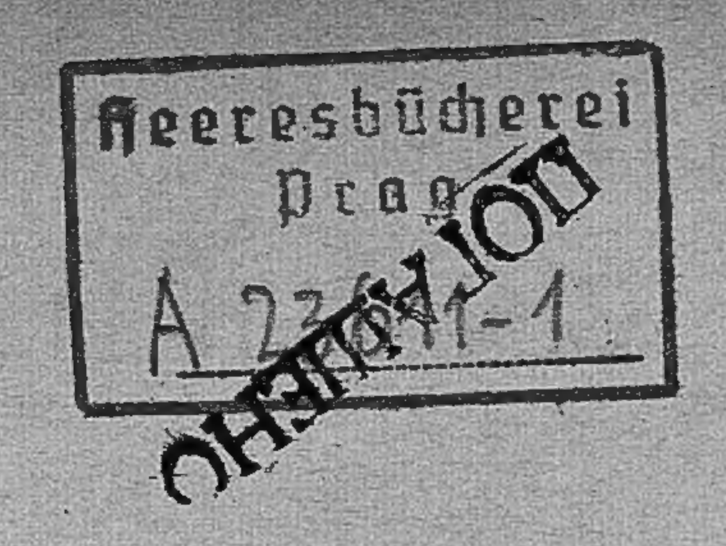
ТОМЪ I

Изданіе третье

1923

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

Heeresbücherei
Prag
A 236

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА III

КОРОНАЦІЯ. ХОДЫНКА. ДОГОВОРЪ СЪ ЯПОНІЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОРЕИ. НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА. ПОѢЗДКА ГОСУДАРЯ ВЪ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

ГЛАВА IV

ВИННАЯ МОНОПОЛІЯ

ГЛАВА V

ЗОЛОТАЯ ВАЛЮТА

ГЛАВА VI

ПРОЕКТЪ ЗАХВАТА БОСФОРА. НОВАЯ ПОЛИТИКА НА ОКРАИНАХЪ

ГЛАВА XXV

МАНИФЕСТЪ О НЕСТРОЕНІЯХЪ И СМУТАХЪ И УКАЗЪ БУЛЫГИНУ О ПРИВЛЕЧЕНІИ ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА XXVI

ЦУСИМА

ГЛАВА XXVII

ПОРТСМУТСКІЙ МИРЪ

ГЛАВА XXXII

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ДО 17 ОКТЯБРЯ 1905 ГОДА

ГЛАВА XXXIII

НАКАНУНѢ 17 ОКТЯБРЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте, въ ряду немногихъ нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, занимаетъ безспорно наиболѣе видное мѣсто. Съ его именемъ неразрывно связана крупнѣйшая реформа нашего денежнаго обращенія и коренное преобразованіе государственнаго бюджета, быстро создавшія Россіи возможность стать равноправнымъ членомъ международнаго хозяйственнаго оборота. Рѣшающая роль, принадлежащая гр. Витте въ этихъ сложныхъ вопросахъ государственной экономической жизни, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что, казалось, онъ отнюдь не былъ подготовленъ къ ней. Математикъ по образованію, онъ, по его собственнымъ признаніямъ, самоучкой познакомился съ политической экономіей и финансовой наукой и не имѣлъ опредѣленной, продуманной программы. Въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ являлся рѣшительнымъ сторонникомъ крестьянской общины, а впослѣдствіи сталъ столь же непримиримымъ противникомъ и на этомъ вопросѣ нѣсколько разъ терпѣлъ фіаско въ своей карьерѣ въ борьбѣ съ И. Л. Горемыкинымъ. Извѣстный профессоръ Постниковъ, какъ увѣряетъ гр. Витте, преподалъ ему, что вопросъ о цѣнѣ и цѣнности пустяки и что теорія спроса и предложенія есть просто выдумка людская. Этимъ людскимъ выдумкамъ онъ противопоставляетъ реальность: «то, что прежде всего требуется для «государственнаго банкира», это — способность схватывать финансовыя настроенія.»

Неудивительно поэтому, что тотчасъ послѣ смерти гр. Витте вокругъ его имени возгорѣлся страстный споръ, былъ ли онъ дѣйствительно великимъ человѣкомъ (его сравнивали съ Петромъ Великимъ) или же, какъ утверждали другіе, ему просто посчастливилось вложиться своей личностью въ великія историческія событія.

Само собой разумѣется, что еслибы я соблазнился, на основаніи многолѣтняго личнаго знакомства, съ своей стороны предложить характеристику личности гр. Витте, то она дала бы лишь новый мотивъ для этого спора, ибо точно также не могла бы претендовать на объективность. Многіе возводятъ вѣдь переживаемыя Россіей трагическія событія къ его дѣятельности, а онъ, въ свою очередь, неоднократно говоритъ въ мемуарахъ, что Россія идетъ навстрѣчу катастрофѣ, потому что его программа не была осуществлена.

Но вполнѣ объективно можно установить тотъ фактъ, что съ самаго начала своей государственной карьеры гр. Витте обращалъ на себя вниманіе своими исключительными природными дарованіями. Далеко не всегда можно сказать, что не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Но въ примѣненіи къ гр. Витте это было именно такъ. Какое бы мѣсто онъ ни занималъ, онъ дѣлалъ его замѣтнымъ и всюду оставлялъ яркій слѣдъ своей дѣятельности и неутомимой иниціативы. Въ его карьерѣ поэтому не было ничего случайнаго, онъ неуклонно возвышался, долженъ былъ раньше или позже дойти до поста министра. Если взять для сравненія другую крупную фигуру — П. А. Столыпина, которому въ мемуарахъ гр. Витте отводится больше всего непріязненнаго вниманія, то столь же объективно можно отмѣтить противоположное. До назначенія министромъ Столыпинъ имѣлъ репутацію крайне ограниченнаго, заурядняго чиновника, двигавшагося по служебной лѣстницѣ съ помощью протекціи, и назначеніе его министромъ произошло вполнѣ случайно. Онъ выросъ неожиданно въ совершенно исключительной обстановкѣ.

Какъ ни велики однако были личныя качества гр. Витте, обстановка, которую онъ засталъ, тоже оказалась весьма благопріятной для примѣненія его данныхъ.

Какъ извѣстно, эпохой реформъ, даже великихъ реформъ, установлено считать царствованіе Александра II. Дѣйствительно, преобразовательная дѣятельность достигла тогда высокаго напряженія. Крѣпостное право держало Россію въ состояніи натуральнаго хозяйства и отдѣляло ее непроницаемой стѣной отъ запада. Освобожденіе крестьянъ, переходъ къ наемному труду, разрушавшій эту стѣну, въ свою очередь властно требовалъ измѣненія всего уклада государственной жизни — —правильнаго суда, земскаго и городского самоуправленія. Но всѣ эти реформы не отличались творческимъ созидательнымъ началомъ, онѣ лишь

устраняли препятствія, мѣшавшія Россіи вступить въ европейскую семью, онѣ закладывали фундаментъ, на которомъ предстояло возвести то или другое зданіе. Соотвѣтственно этому эпоха Александра II выдвинула не мало видныхъ государственныхъ дѣятелей, но характерно, что въ біографіяхъ ихъ на первый планъ неизмѣнно выдвигаются, соотвѣтственно стоявшей передъ ними задачѣ, ихъ высокія душевныя качества, рыцарское благородство при проведеніи началъ гражданскаго равноправія и отказа отъ дворянскихъ привилегій въ пользу «меньшого брата».

Послѣ того, какъ фундаментъ былъ заложенъ, началась эпоха реакціи не только правительственной, но и общественной. Однако, вопросъ о томъ, какое зданіе и какъ его строить, повелительно стоялъ на очереди и вызывалъ горячіе споры, сводившіеся къ тому, должна ли Россія пройти черезъ тѣ же стадіи хозяйственнаго развитія, которыя продѣлала далеко шагнувшая впередъ Западная Европа, или же, въ виду поздняго выступленія Россіи на міровой рынокъ, она найдетъ свои самостоятельные пути. Книга В. В. (Василія Воронцова) «Судьбы капитализма въ Россіи», стоявшаго на второй точкѣ зрѣнія, сдѣлалась въ восьмидесятыхъ годахъ евангеліемъ нашей учащейся молодежи, но засимъ интеллигентное общественное мнѣніе подъ давленіемъ марксизма, сдѣлавшаго къ этому времени большіе успѣхи въ Россіи, стало переходить на противоположную позицію, т. е. склонялось къ тому, что экономическое развитіе Россіи должно пойти по пути эволюціи капитализма, пышно расцвѣтавшаго въ западно-европейскихъ странахъ. На долю графа Витте и выпало разрѣшить этотъ споръ практически и онъ, можетъ быть, съ гораздо большей стремительностью нежели послѣдовательностью, гордіевъ узелъ разрубилъ.

Трудно было представить себѣ человѣка болѣе подходящаго для разрѣшенія столь сложной задачи въ тѣхъ переходныхъ условіяхъ, въ которыхъ Россія тогда находилась. Конечно, для такой цѣли самъ по себѣ больше подходилъ бы какой нибудь представитель нарождающейся промышленности, человѣкъ торговаго званія. Но такая мысль тогда казалась бы просто кощунственной. Наша бюрократія всѣми корнями своими срослась и переплелась съ дворянствомъ; интересамъ коего, какъ мы это еще дальше увидимъ, переходъ къ капиталистическому строю вообще весьма мало улыбался. Допустить какого нибудь разночинца

въ святая святыхъ управленія страной, объ этомъ не только говорить — и помыслить нельзя было. А графъ Витте не только былъ дворянскаго рода, но весьма гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Но съ другой стороны его изумительно ясный практическій умъ, его кипящая энергія отчуждали его отъ пассивнаго вырождающагося, «профершпилившагося», какъ говорится въ мемуарахъ, дворянства.

И напротивъ, его служба на желѣзной дорогѣ, его провинціализмъ и отчужденность отъ бюрократическаго Петербурга, его многочисленныя и разнообразныя знакомства, кругъ коихъ онъ неустанно расширялъ — все это дѣлало для него понятной психологію «разночинца», обусловливало возможность взаимнаго пониманія.

Такимъ образомъ гр. Витте оказывался, съ одной стороны, вполнѣ пріемлемымъ, своимъ человѣкомъ для бюрократическаго Олимпа, который могъ говорить съ нимъ на общемъ языкѣ, а съ другой, онъ обладалъ всѣми качествами для того, чтобы повести Россію по новому пути, на который ее властно толкали общія условія момента. Кстати, любопытно отмѣтить, что гр. Витте былъ назначенъ министромъ финансовъ въ 1892 году, послѣ года тяжелаго неурожая, который такъ трагически засвидѣтельствовалъ неотложную необходимость перехода Россіи къ болѣе развитымъ экономическимъ формамъ.

Въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Витте разсказываетъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ на пути проведенія денежной реформы, несомнѣнно противорѣчившей интересамъ мѣстнаго дворянства. Низкій курсъ рубля и его колебаніе на иностранныхъ биржахъ казались выгодными тѣмъ, кто продавалъ хлѣбъ за границу, ибо это увеличивало шансы конкуренціи. Гр. Витте отдѣлывался отъ нихъ частными подачками въ видѣ «ссудъ» и дѣятельностью Дворянскаго земельнаго банка и тѣмъ не менѣе долженъ былъ прибѣгать къ компромиссамъ, о которыхъ онъ заднимъ числомъ высказываетъ въ мемуарахъ сожалѣніе. Но главное — переходъ къ капиталистическому строю требовалъ развитія начатыхъ въ предыдущее царствованіе политическихъ преобразованій, укрѣпленія правового порядка, равно какъ и широкихъ соціальныхъ реформъ и насажденія образованія, а это вызывало недовольство. Противодѣйствіе вызывало,

напр., учрежденіе и дѣятельность фабричной инспекціи, которая считалась очагомъ подрыванія основъ. «Фабричная инспекція», разсказываетъ гр. Витте, «всегда находилась въ подозрѣніи, какъ такое учрежденіе, которое будто бы склонно поддерживать интересы рабочихъ противъ интересовъ капиталистовъ». «Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось провести въ государственномъ совѣтѣ законъ о вознагражденіи рабочихъ въ случаѣ увѣчій и несчастныхъ случаевъ. Но законъ этотъ былъ урѣзанъ сравнительно съ подобными же законами за границей», и т. д. Но гр. Витте вынужденъ былъ идти по этому пути, вслѣдствіе чего и пріобрѣлъ вполнѣ заслуженно репутацію опаснаго либерала, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше возбуждалъ противъ себя подозрѣніе въ правящихъ кругахъ. Въ интересныхъ воспоминаніяхъ Д. Н. Шипова[1] разсказывается, что когда кн. Святополкъ-Мирскій предложилъ Государю созвать совѣщаніе для обсужденія вопроса о положеніи Россіи, то Государь отказался пригласить въ него гр. Витте, такъ какъ онъ-де франкъ-масонъ. Въ 1906 году ему было предложено гр. Фредериксомъ отъ имени Государя не возвращаться въ Россію, такъ какъ его пребываніе могло бы усилить смуту.

Въ этомъ гр. Витте и усматривалъ трагедію своей государственной карьеры. Едва ли не главная задача настоящихъ воспоминаній доказать свою преданность самодержавному принципу, неустанную заботливость объ огражденіи прерогативъ монарха и несомнѣнно, что всей своей дѣятельностью гр. Витте подтвердилъ, что по своей натурѣ, по своимъ склонностямъ и привычкамъ онъ былъ ярко выраженнымъ автократомъ. Достаточно напомнить, что главная историческая реформа — возстановленіе золотого обращенія была проведена вопреки Государственному Совѣту, съ нарушеніемъ установленнаго порядка, что — и это чрезвычайно характерно — не мѣшаетъ ему упрекать П. А. Столыпина въ пренебреженіи къ требованіямъ основныхъ законовъ. Но будучи въ душѣ автократомъ, онъ въ то же время, какъ уже сказано, вынужденъ былъ быть либераломъ, либераломъ malgré lui въ силу той роли, которая выпала на его долю въ дѣлѣ государственнаго строительства Россіи. Однако, онъ былъ безконечно далекъ отъ мысли, что самодержавный режимъ не можетъ обезпечить прочность этого строи-

[1] «Воспоминанія и думы о пережитомъ» Изд. М. и С. Сабашниковыхъ, Москва, 1918 г.

тельства, что она требуетъ совершенно опредѣленныхъ политическихъ гарантій. Онъ, напротивъ, былъ непререкаемо убѣжденъ, что поскольку руководящая роль ему будетъ поручена, постолько вопросъ о какихъ бы то ни было гарантіяхъ отпадаетъ. Когда я съ гр. Витте познакомился въ 1903 году, я могъ — и это было яркимъ знаменіемъ времени — заговорить съ представителемъ правительства о конституціи. Но мои соображенія ничего кромѣ недоумѣнія не вызвали, и оно отчетливо отразилось въ пренебрежительномъ замѣчаніи моего собесѣдника, что «никакой пользы изъ разговоровъ съ нимъ (т. е. со мной) я не извлекъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ, когда въ декабрѣ 1904 г. по настоянію министра вн. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскаго былъ составленъ проектъ указа, въ которомъ впервые возвѣщалось о созывѣ выборныхъ представителей, то, какъ это видно изъ настоящихъ воспоминаній и въ особенности изъ упомянутой книги Д. Н. Шипова, гр. Витте добился въ послѣднюю минуту исключенія означеннаго пункта, но за то осуществленіе намѣченныхъ въ указѣ реформъ было поручено ему (кн. Святополкъ-Мирскій отвѣтилъ на исключеніе означеннаго пункта прошеніемъ объ отставкѣ), и онъ былъ глубоко убѣжденъ, что ему удастся намѣченную программу реформъ осуществить («я такъ вгоню ихъ глубоко, говорилъ гр. Витте, что назадъ уже не отнимешь»). Однако, въ настоящихъ воспоминаніяхъ гр. Витте пришлось констатировать, что увѣренность его снова была рѣшительно обманута и указъ 12 декабря сведенъ былъ просто на нѣтъ. Но тѣмъ не менѣе, когда засимъ начались такъ называемыя булыгинскія совѣщанія о призывѣ выборныхъ, гр. Витте, по его словамъ, въ этихъ засѣданіяхъ молчалъ и даже около года спустя въ отношеніи манифеста 17 октября, который долженъ былъ торжественно возвѣстить о переходѣ къ конституціонному строю, гр. Витте занялъ ту же двойственную позицію и въ своихъ воспоминаніяхъ онъ и личными заявленіями, и чужими свидѣтельствами силится доказать, что онъ во всякомъ случаѣ не былъ за изданіе манифеста. Еще болѣе характерно, что попытка приглашенія общественныхъ дѣятелей къ участію въ кабинетѣ сокрушилась на вопросѣ о назначеніи министромъ вн. д. П. Н. Дурново, одного изъ наиболѣе яркихъ представителей стараго режима, относительно котораго Александръ III положилъ за нѣсколько времени до того знаменитую резолюцію — «убрать этого мерзавца въ 24 часа». — А гр. Витте признавалъ участіе именно Дурново болѣе важнымъ, нежели сотрудничество общественныхъ дѣятелей, и

черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, непосредственно передъ созывомъ Думы, онъ свое вынужденное прошеніе объ отставкѣ мотивировалъ тѣмъ, что не можетъ принять на себя передъ Думой отвѣтственности за дѣйствія Дурново. Словно какой то неизбѣжный рокъ пригвоздилъ его къ этой мѣченой фигурѣ, за которую потомъ историческая Немезида такъ жестоко ему отомстила.

Но еще и въ этотъ моментъ, при обсужденіи проекта основныхъ законовъ, главной задачей гр. Витте по его словамъ было огражденіе прерогативъ монарха и ограниченіе правъ народнаго представительства. Если же при этомъ имѣть еще въ виду, что въ своихъ воспоминаніяхъ гр. Витте самъ вполнѣ отчетливо указываетъ, что революція была давно подготовлена «полицейско-дворянскимъ режимомъ» и что тѣмъ не менѣе въ рѣшительную минуту онъ своими руками этотъ режимъ оградилъ, то нельзя не склониться передъ вѣчной исторической загадкой или, иначе сказать, передъ гримасами исторіи. Правящія сферы не на шутку боялись вручить премьерство «франкъ-масону», отъ котораго недавно съ чувствомъ облегченія удалось избавиться, и, конечно, были убѣждены, что рѣшившись на столь смѣлый шагъ, онѣ дѣлаютъ величайшую уступку общественнымъ силамъ, а эти силы, отказавшись поддержать гр. Витте, вмѣстѣ съ тѣмъ были недостаточно внушительны, чтобы заставить его открыто стать на конституціонный путь и разорвать съ прошлымъ.

Гр. Витте, впрочемъ, и самъ въ своихъ воспоминаніяхъ признаетъ, что въ его груди двѣ души живутъ и что между ними двоится его политическое вѣрованіе. «По моимъ семейнымъ традиціямъ, такъ и по складу моей души и сердца, конечно, мнѣ любо неограниченное самодержавіе, но умъ мой послѣ всего пережитаго, послѣ всего, что я видѣлъ, и вижу наверху, меня привелъ къ заключенію, что другого выхода, какъ разумнаго ограниченія, какъ устройства около широкой дороги стѣнъ, ограничивающихъ движенія самодержавія, нѣтъ». Но если вся бѣда неограниченнаго самодержавія только въ томъ, что на престолѣ можетъ оказаться неудачная личность, если бы, напр., воскресить Александра III, увѣрялъ гр. Витте, Россія была бы спасена, то отсюда сама собой подсказывается мысль, что если и при неудачной личности есть надлежащій совѣтникъ, то неограниченное самодержавіе не замедлитъ проявить всѣ свои благодѣтельныя стороны. Естественно поэтому, что когда гр. Витте становился у власти, или для того, чтобы ему стать у власти, его традиціи и

укоренившееся настроеніе просыпались во всей своей силѣ. Едва ли, однако, было бы справедливо ставить гр. Витте въ вину этотъ разительный недостатокъ исторической перспективы,—онъ раздѣляетъ въ этомъ отношеніи весьма широко распространенное заблужденіе, которое у крупныхъ людей естественно усиливается вѣрой въ значеніе роли личности.

Этимъ объясняется также счастливое для гр. Витте обстоятельство, что онъ до конца дней сохранилъ глубокое убѣжденіе въ безусловной правотѣ своей. На всемъ протяженіи его обстоятельныхъ воспоминаній, охватывающихъ столь кипучую, разнообразную государственную дѣятельность, нѣтъ ни одного случая, когда бы онъ говорилъ о какой нибудь своей ошибкѣ, вездѣ и всегда вина лежитъ на другихъ. Доказательство этого, какъ уже замѣчено было, и составляетъ главную задачу воспоминаній и соотвѣтственно этому онъ меньше всего останавливается на тѣхъ финансовыхъ и экономическихъ реформахъ, которыя завоевали ему историческое имя и полностью удались. Говоря о возстановленіи денежнаго обращенія, онъ останавливается преимущественно на внѣшней сторонѣ реформы и здѣсь не нашло себѣ ни малѣйшаго отраженія серьезное возбужденіе, которое эта реформа вызвала тогда въ обществѣ, горячіе дебаты, происходившіе въ вольно-экономическомъ обществѣ, засѣданія котораго привлекали массу народа и сосредоточивали на себѣ общее вниманіе. О реформѣ государственнаго бюджета, о которой въ журналахъ такъ много и обстоятельно писали, воспоминанія упоминаютъ только вскользь, весьма скупо освѣщена сущность русско-германскаго торговаго договора. Здѣсь, такъ сказать, говорить не о чемъ, все ясно и само по себѣ, да кромѣ того, здѣсь ему было тѣсно, здѣсь онъ не могъ расправить своихъ крыльевъ. Онъ непрестанно выходилъ за предѣлы своей компетенціи, вторгался въ международныя отношенія Россіи и уже гораздо больше паѳоса и интереса проявляетъ, разсказывая о своихъ переговорахъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ, приведшимъ къ заключенію выгоднаго договора съ Китаемъ, о переговорахъ съ маркизомъ Ито, о роли своей въ борьбѣ съ дальневосточной авантюрой, закончившейся его увольненіемъ съ поста министра финансовъ, и въ особенности о Портсмутскомъ мирѣ, которымъ мы всецѣло обязаны его блестящимъ личнымъ дарованіямъ. Но всю силу своей страсти, негодованія и своеобразной громоздкой діалектики онъ влагаетъ въ изложеніе своей неудачи 17 октября 1905 года. Двоясь между тяготѣніемъ къ

дворянско-полицейскому режиму и пониманіемъ необходимости правового строя, гр. Витте всю вину за неудачу распредѣляетъ равномѣрно между этимъ режимомъ, съ одной стороны, и партіей народной свободы, съ другой.

Понятно, поэтому, что въ воспоминаніяхъ гр. Витте нельзя искать безстрастнаго фотографическаго пересказа важнѣйшихъ событій русской исторіи, коихъ онъ былъ творцомъ и участникомъ. Но то, что отъ этого проигрываютъ воспоминанія, нетрудно восполнить сопоставленіемъ ихъ съ мемуарами другихъ авторовъ. За то, быть можетъ, они еще больше выигрываютъ отъ этого въ своей и безъ того огромной исторической цѣнности, такъ какъ окрашивающій ихъ субъективизмъ автора устанавливаетъ уровень пониманія и способность оцѣнки въ правящихъ сферахъ. Воспоминанія гр. Витте доведены почти непосредственно до всемірной войны, завершившейся для насъ революціей, которая своего послѣдняго слова еще далеко не сказала. Ясно, поэтому, что настоящіе мемуары содержатъ богатѣйшій матеріалъ для уясненія причинъ катастрофическаго хода событій, для отвѣта на многіе тревожные и мучительные вопросы современности.

* *
*

Графъ С. Ю. Витте началъ писать свои мемуары лѣтомъ 1907 года — за границей. Заканчивая первую часть своихъ воспоминаній, обнимающую время отъ поѣздки въ Парижъ, послѣ оставленія имъ поста министра финансовъ осенью 1903 года, до возвращенія въ Петербургъ послѣ заключенія Портсмутскаго мира, графъ Витте снабдилъ ее слѣдующимъ предисловіемъ:

«Въ теченіе моей жизни я не имѣлъ ни времени ни охоты писать мои записки.

Теперь, удалившись отъ активной политической жизни, я рѣшилъ написать мои воспоминанія. Думаю, что они могутъ послужить къ освѣщенію многихъ событій. Я вообще не люблю писать, а потому пишу себя принуждая, не имѣя подъ руками документовъ, за границей. Если буду продолжать писать дома, то часть документовъ буду имѣть подъ руками, теперь же пишу все по памяти, а потому, вѣроятно, дѣлаю нѣкоторыя ошибки въ датахъ и названіяхъ. У меня память ослабѣла на

даты и въ особенности имена, но что касается фактовъ и сути дѣла — то все изложено съ полной правдивостью и точностью. Пишу эти воспоминанія крайне отрывочно и неусидчиво, по пяти, десяти минутъ въ присѣстъ, а потому изложеніе не только не литературно, но часто совсѣмъ нескладно.

Прошу моихъ наслѣдниковъ ихъ напечатать, причемъ при печатаніи можно тамъ, гдѣ окажется нужнымъ, исправить слогъ, не касаясь сути изложенія.

Эту часть моихъ записокъ, я оставляю у моего зятя въ Брюсселѣ; продолженіе буду писать въ Россіи, если окажется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ всѣ мои воспоминанія буду нумеровать послѣдующими нумерами.

Брюссель.
5 ноября 1907 г.

Графъ Витте.»

Слѣдующую — вторую часть своихъ воспоминаній, посвященную исторіи манифеста 17 октября, графъ Витте писалъ въ Петербургѣ въ январѣ 1908 года.

Затѣмъ наступилъ перерывъ. Въ августѣ 1908 года въ Виши графъ Витте объясняетъ, чѣмъ перерывъ былъ вызванъ:

«Вслѣдствіе болѣзни жены и апатіи я долго не касался этой рукописи, теперь ее продолжаю въ обстановкѣ и въ состояніи духа, не дающей возможности къ какой бы то ни было систематической работѣ. Дальнѣйшее, какъ и предыдущее изложеніе — это спѣшные черновые наброски».

Однако, и на этотъ разъ графу Витте не удается значительно подвинуть свои мемуары. Уже 16 ноября 1908 года онъ дѣлаетъ въ нихъ слѣдующую личную замѣтку:

«Моей женѣ дѣлали операцію въ Бернѣ. Писать ничего не могъ. Выѣзжаю въ Петербургъ. Не знаю, удастся ли тамъ продолжать».

Слѣдующая личная замѣтка въ воспоминаніяхъ датирована: 19 іюля 1909 года, Виши:

«Вотъ уже около года, какъ я прекратилъ писать мои мемуарныя замѣтки. Сначала вслѣдствіе болѣзни жены, а затѣмъ, вернувшись въ ноябрѣ въ Петербургъ, съ одной стороны были различныя мелкія дѣла, а съ другой постоянно пускались слухи, что будто бы у меня хотятъ

тѣмъ или инымъ путемъ вынудить непріятныя бумаги. Въ заграничныхъ газетахъ говорили, что хотятъ сдѣлать обыскъ. Какъ это ни невѣроятно, но при нынѣшнемъ «коварномъ режимѣ» все возможно, благо почти вся Россія находится или формально, или въ дѣйствительности въ «чрезвычайномъ положеніи».

Тамъ же въ Виши черезъ годъ, 11 іюля 1910 года, приступая къ продолженію своихъ воспоминаній, графъ Витте писалъ:

«Собирался продолжать настоящіе наброски въ С.-Петербургѣ, но это оказалось неудобнымъ, все по той же причинѣ невозможности быть увѣреннымъ, что тѣмъ или другимъ способомъ замѣтки эти не попадутъ въ руки либеральнаго столыпинскаго правительства. При теперешнемъ quasi конституціонномъ режимѣ нѣтъ ничего невозможнаго».

Зимой 1910—1911 года графу Витте также не удается продолжать свои замѣтки въ Петербургѣ. Слѣдующая дата на его рукописи, это — іюнь 1911 года, Зальцъ-Шлирфъ бл. Франкфурта на Майнѣ.

Смерть Столыпина возбуждаетъ въ графѣ Витте надежду на возможность продолжать писаніе своихъ мемуаровъ въ Петербургѣ. Уѣзжая изъ Біаррица, онъ пишетъ:

«Сегодня 18-ое ноября 1911 года и послѣзавтра 20 ноября я покидаю Біаррицъ, ѣду въ Петербургъ; удастся ли тамъ продолжать эти замѣтки или нѣтъ, увидимъ? . .»

Надежды эти оказались неосновательны, и въ слѣдующую свою поѣздку за границу лѣтомъ 1912 года графъ Витте приступаетъ къ продолженію своихъ воспоминаній со слѣдующими словами:

«Долгое время я не писалъ своихъ замѣтокъ, такъ какъ въ Петербургѣ по различнымъ условіямъ писать нельзя и главнѣйше потому, что даже въ моемъ положеніи нельзя быть увѣреннымъ, что въ одинъ прекрасный день подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не придутъ и не заберутъ все. Тогда наживешь большія непріятности и совершенно безцѣльно, такъ какъ въ такомъ случаѣ, конечно, никто и никогда не прочтетъ то, что я писалъ. Я не имѣю теперь подъ руками то, что я ранѣе писалъ. Кажется, я кончилъ на измѣненіяхъ въ личномъ составѣ высшихъ лицъ во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнѣйшихъ событіяхъ во время моего министерства по существу».

Заканчивая свои воспоминанія, графъ Витте въ томъ же году писалъ:

«Я оканчиваю мои замѣтки и если дальше буду писать, то въ порядкѣ страницъ начиная съ 364-ой (продолженіе настоящей), касаясь болѣе современныхъ обстоятельствъ, которыхъ я не касался въ моихъ стенографическихъ диктовкахъ потому, что считалъ это невозможнымъ.

Біаррицъ, 5-го октября 1912 года».

Упоминаемыя здѣсь «стенографическія диктовки» представляютъ собой особую часть мемуаровъ графа Витте.

Началъ онъ надъ ними работать зимой 1910—1911 года, когда лишенный возможности продолжать въ Петербургѣ свои заграничныя замѣтки, онъ занялся составленіемъ политически болѣе безобидныхъ мемуаровъ, въ нѣсколько иныхъ хронологическихъ рамкахъ. Въ нихъ онъ начинаетъ съ подробнаго описанія своего дѣтства и юношества и своихъ первыхъ шаговъ на государственной службѣ.

Но мало по малу онъ увлекается этой работой, которую продолжаетъ и зимой 1911—12 года. И такимъ образомъ, его стенографическіе разсказы обращаются въ параллельную работу, обнимающую хронологически эпоху отъ дѣтства графа Витте до конца 1911 года. Въ этихъ своихъ воспоминаніяхъ графъ Витте дѣлаетъ только одинъ значительный пропускъ: съ 15 сентября 1905 года по конецъ апрѣля 1906 года, мотивируя его слѣдующими словами:

«Ходъ дальнѣйшихъ событій до 17-го октября и затѣмъ мое министерство до конца апрѣля — составляетъ предметъ моихъ личныхъ, въ смыслѣ стилистическомъ, совсѣмъ необработанныхъ записей, но записей, довольно послѣдовательно излагающихъ событія не только за это время, но и за время предшествующее. Записи эти хранятся въ должномъ мѣстѣ.

Такъ какъ я не полагалъ, что впослѣдствіи буду дѣлать настоящіе разсказы, стенографически записываемые, то въ тѣхъ моихъ рукописяхъ потомство найдетъ и изложеніе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ событій, которыя я въ настоящее время разсказываю для стенографической записи.

Вѣроятно, въ моихъ рукописныхъ записяхъ разсказы эти были и болѣе точны и, несомнѣнно, болѣе откровенны, а поэтому туда могли войти и такія событія, которыя въ стенографическія записи не вошли.

Такимъ образомъ, я прерываю свои разсказы за время съ конца сентября 1905 года до конца апрѣля 1906 года».

Такъ сложились двѣ основныя части воспоминаній графа Витте — болѣе «откровенныя», написанныя имъ преимущественно за границей и болѣе сдержанныя, которыя имъ диктовались въ Петербургѣ.

Нѣсколько труднѣе выяснить вопросъ, каковы были тѣ предварительныя работы, которыя легли въ основу воспоминаній гр. Витте. Но кое что въ этомъ отношеніи можно отмѣтить. Выше, мы привели предисловіе къ его первой части рукописныхъ записокъ, въ которомъ онъ пишетъ, что у него не было «ни времени, ни охоты» писать свои воспоминанія. Но желаніе, чтобы потомство правильно оцѣнило его роль и значеніе, владѣло имъ задолго до того, какъ онъ приступилъ къ писанію мемуаровъ. Руководясь этимъ желаніемъ, онъ, повидимому, съ самаго начала своей политической дѣятельности составлялъ свой архивъ, въ которомъ систематически собиралъ всѣ болѣе или менѣе важные документы. Особенно тщательно началъ онъ относиться къ своему архиву, когда авторитетъ его поколебался. Тогда его сталъ волновать вопросъ, чтобы справедливость, которой ему, по его мнѣнію, не воздали при жизни, была воздана ему послѣ его смерти. Въ этомъ настроеніи гр. Витте писалъ: «Конечно, я увѣренъ въ томъ, что когда я буду въ землѣ, все выяснится, и мнѣ будетъ отдано должное. Моихъ враговъ забудутъ, а меня Россія не забудетъ». Основной цѣлью собиранія архива и было облегченіе потомству этой задачи систематическимъ подборомъ всѣхъ матеріаловъ, выясняющихъ личную роль автора.

Наряду съ простымъ собираніемъ документовъ, подъ руководствомъ гр. Витте составлялись и систематическіе обзоры тѣхъ или иныхъ выдающихся событій. Къ таковымъ обзорамъ относится и брошюра «О политикѣ на Дальнемъ Востокѣ до 1901 года», которая по желанію Николая II усиленно разыскивались осенью 1904 года департаментомъ полиціи (см. гл. XXII).

Составленіе такихъ систематическихъ обзоровъ продолжалось и послѣ выхода графа Витте въ отставку. Мы знаемъ даже и имя одного изъ помощниковъ его въ этомъ дѣлѣ. Это — Гурьевъ, который работалъ въ домѣ графа Витте какъ разъ въ тотъ день, когда были обнаружены адскія машины (см. гл. XLIX).

Въ нашемъ распоряженіи находились какъ стенографическія записи (17 томовъ in folio), такъ и заграничныя замѣтки (9 тетрадей in quarto). Первыя, напечатанныя на пишущей машинѣ, вторыя, переписанныя отъ руки; и тѣ, и другія съ собственноручными исправленіями графа Витте.

Выходящіе два тома воспоминаній хронологически ограничены царствованіемъ Николая II. Въ нихъ вошли полностью собственноручныя замѣтки и около $^2/_3$ стенографическихъ записей.

Самъ гр. Витте называлъ свои мемуары «лишь черновыми набросками», «спѣшными мемуарными замѣтками». Онъ отмѣчалъ: «Я не помню, писалъ ли я это раньше, у меня нѣтъ подъ рукой моихъ предыдущихъ замѣтокъ», «мои разсказы не могутъ претендовать на какую либо систематичность». Такимъ образомъ, задача редакціи состояла въ необходимомъ упорядоченіи оставленнаго графомъ Витте матеріала. Упорядоченіе это заключалось въ перестановкѣ, въ раздѣленіи на главы и въ устраненіи повтореній. Были исправлены лишь незначительныя грамматическія погрѣшности, ибо редакція руководилась желаніемъ по возможности сохранить своеобразный, нѣсколько небрежный и не всегда подчиняющійся грамматическимъ правиламъ стиль графа Витте. Перестановка вызывалась тѣмъ характернымъ для графа Витте обстоятельствомъ, что какъ въ стенограммѣ, такъ и въ записяхъ онъ часто дѣлаетъ значительныя отступленія. Онъ самъ пишетъ: «Я не имѣю никакой возможности писать хронологически». Случайное лицо, или событіе, о которомъ ему приходится упомянуть, часто заставляетъ его надолго забыть объ основной темѣ разсказа. Этимъ вызываются и чрезвычайно многочисленныя, почти дословныя повторенія.

Однако, какъ при перестановкѣ, такъ и при раздѣленіи на главы, были приложены старанія, чтобы не нарушить естественной связи разсказа. Такимъ образомъ нѣкоторая безпорядочность свойственная подлиннику сохранена. Она особенно ярко проявляется въ начальныхъ главахъ второго тома, посвященныхъ описанію первыхъ мѣсяцевъ премьерства графа. Сохранены и нѣкоторыя повторенія, такъ же чрезвычайно характерныя для гр. Витте.

Въ случаяхъ параллельности изложенія обычно устанавливалась сводная редакція, при чемъ за основу брался болѣе «откровенный» разсказъ рукописныхъ замѣтокъ.

Наиболѣе существенныя отклоненія повторяющихся разсказовъ приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ видѣ варіантовъ.

Для критическаго подхода къ воспоминаніямъ графа Витте чрезвычайно существенны отличія стенографическихъ записей отъ собственноручныхъ замѣтокъ. Поэтому послѣднія выдѣлены въ текстѣ звѣздочками (*). Изъ приводимыхъ варіантовъ читатель можетъ убѣдиться, сколь значительно измѣнялись оцѣнки лицъ и событій въ болѣе «откровенныхъ» записяхъ.

* * *

Въ заключеніе я позволю себѣ остановиться на одной изъ допущенныхъ въ мемуарахъ неточностей, которая не лишена общественнаго интереса. Какъ уже замѣчено выше, гр. Витте весьма подчеркиваетъ свою роль охранителя прерогативъ короны при обсужденіи въ 1906 г. проекта основныхъ законовъ.

По поводу этого онъ во второмъ томѣ воспоминаній передаетъ такой эпизодъ:

«Чтобы понять происшедшее замедленіе въ опубликованіи основныхъ законовъ и характеръ сказанныхъ измѣненій, слѣдуетъ имѣть слѣдующее въ виду, сдѣлавшееся мнѣ извѣстнымъ лишь въ 1907 году отъ Владиміра Ивановича Ковалевскаго, бывшаго моимъ товарищемъ по посту министра финансовъ и вышедшаго, когда я еще былъ министромъ финансовъ, въ отставку. Я не хотѣлъ вѣрить Ковалевскому, но онъ мнѣ представилъ къ своему разсказу доказательства, хранящіяся въ моемъ архивѣ.

Какъ только совѣтъ министровъ представилъ проектъ основныхъ законовъ Его Величеству, онъ, конечно, сдѣлался извѣстнымъ генералу Трепову, который познакомилъ съ нимъ В. И. Ковалевскаго, прося Ковалевскаго обсудить этотъ проектъ и представить свои соображенія; Ковалевскій пригласилъ къ обсужденію Муромцева (кадетъ, предсѣдатель первой Думы), Милюкова, І. В. Гессена (оба кадета) и М. М. Ковалевскаго (культурный, образованный, либеральный ученый и теперешній членъ Государственнаго Совѣта). Они составили записку, которая В. И. Ковалевскимъ была передана генералу Трепову 18-го апрѣля, значитъ, тогда же была представлена Его Величеству.

Записка эта начинается такъ: «Выработанный совѣтомъ министровъ проектъ основныхъ законовъ производитъ самое грустное впечатлѣніе. Подъ видомъ сохраненія прерогативъ Верховной власти составители проекта стремились сохранить существующую безотвѣтственность и произволъ министровъ» и т. д. въ этомъ родѣ.

Затѣмъ въ запискѣ говорится: «Во избѣжаніе коренной переработки проекта онъ принятъ въ основаніе и затѣмъ въ него введены частью болѣе или менѣе существенныя, частью редакціонныя измѣненія».

Далѣе слѣдуютъ всѣ предлагаемыя измѣненія, сводящія власть Государя къ власти господина Фальера и вводящія парламентаризмъ, не говоря о крайне либеральномъ и легковѣсномъ рѣшеніи цѣлаго ряда капитальнѣйшихъ вопросовъ русской исторической жизни. Эта записка повидимому поколебала Его Величество и Онъ не утверждалъ основные законы».

Хотя гр. Витте и ссылается на документы, но въ дѣйствительности, ничего подобнаго не было: ни я, ни кто либо другой изъ названныхъ лицъ не принимали участія ни въ обсужденіи проекта основныхъ законовъ, ни проекта тронной рѣчи. За нѣсколько дней до опубликованія основныхъ законовъ текстъ ихъ былъ доставленъ мнѣ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ А. И. Браудо, который, однако, не сообщилъ мнѣ, отъ кого онъ этотъ текстъ получилъ. Проектъ былъ опубликованъ въ газетѣ «Рѣчь» и въ рядѣ статей подвергнутъ жестокой критикѣ, которая видимо произвела впечатлѣніе, и подъ этимъ вліяніемъ внесены были значительныя измѣненія, о которыхъ въ приведенной выдержкѣ упоминается. Я полагаю, что гр. Витте смѣшалъ здѣсь два различныхъ факта: года за три до манифеста 17 октября ко мнѣ дѣйствительно обратился В. И. Ковалевскій и предложилъ составить проектъ «либеральнаго манифеста», который онъ предполагалъ вручить барону Будбергу, бывшему тогда главноуправляющимъ комиссіей прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представилъ этотъ проектъ Государю для подписи въ день Свѣтлаго Воскресенья. Это порученіе я выполнилъ совмѣстно съ П. Н. Милюковымъ, но проектъ остался въ архивахъ и, какъ мнѣ извѣстно, былъ переданъ гр. Витте вмѣстѣ съ другими матеріалами передъ 17 октября.

Любимѣйшему внуку

Льву Нарышкину —

Мои Воспоминанія

ПРЕДИСЛОВІЕ

Не безъ колебанія рѣшилась я написать нѣсколько строкъ въ видѣ предисловія къ мемуарамъ моего покойнаго мужа. Быть безпристрастной въ оцѣнкѣ этого труда, которому графъ Витте придавалъ такое значеніе, я не могу, а пристрастная оцѣнка жены едва ли можетъ представить какой нибудь интересъ для читателя.

Мнѣ хотѣлось бы объяснить читателю, какое значеніе придавалъ своему труду самъ покойный авторъ, и сказать о тѣхъ причинахъ, которыя побудили моего покойнаго мужа облечь свои мысли и воспоминанія въ форму книги, не предназначавшейся для изданія при жизни автора и его современниковъ. Графъ Витте не былъ ни царедворцемъ, льстящимъ трону, ни демагогомъ, льстящимъ толпѣ. Принадлежа къ дворянству, онъ не защищалъ, однако, дворянскихъ привиллегій; ставя себѣ главной государственной задачей справедливое устроеніе крестьянскаго быта, онъ, однако, оставался государственнымъ дѣятелемъ, чуждымъ теоретическаго народничества, которымъ увлекалась значительная часть русской интеллигенціи. Онъ не былъ либераломъ, ибо не сочувствовалъ нетерпѣливому стремленію либераловъ переустроить сразу, однимъ мановеніемъ руки, весь государственный укладъ; онъ не былъ и консерваторомъ, ибо презиралъ грубые пріемы и отсталость политической мысли, характеризовавшіе правящую бюрократію Россіи. Мой мужъ неоднократно говорилъ своимъ близкимъ: «я не либералъ и не консерваторъ, я просто культурный человѣкъ. Я не могу сослать человѣка въ Сибирь только за то, что онъ мыслитъ не такъ, какъ мыслю я, и не могу лишать его гражданскихъ правъ только потому, что онъ молится Богу не въ томъ храмѣ, въ которомъ молюсь я»...

Это создало С. Ю. Витте много враговъ во всѣхъ лагеряхъ. При Дворѣ, среди консерваторовъ, у либераловъ, въ демократическихъ кругахъ — всюду на графа Витте смотрѣли какъ на человѣка «чужого». Онъ искалъ блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому имѣлъ мало постоянныхъ попутчиковъ. Справедливость заставляетъ меня признать, что выдающіеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже цѣнились во всѣхъ кругахъ Великой Россіи. Тѣмъ не менѣе, по указанной выше причинѣ, ни одинъ государственный дѣятель Россіи не былъ предметомъ столь разнообразныхъ и противорѣчивыхъ, но упорныхъ и страстныхъ нападокъ, какъ мой покойный мужъ. При Дворѣ его обвиняли въ республиканизмѣ, въ радикальныхъ кругахъ ему приписывали желаніе урѣзать права народа въ пользу монарха. Землевладѣльцы его упрекали въ стремленіи разорить ихъ въ пользу крестьянъ, а радикальныя партіи — въ стремленіи обмануть крестьянство въ пользу помѣщиковъ. Творецъ конституціи 17 октября, которой начинается новая русская исторія, былъ слишкомъ заманчивымъ объектомъ для интригъ и клеветъ; съ другой стороны, сложная и многосторонняя натура большого государственнаго дѣятеля не поддавалась никакой упрощенной формулѣ и потому плодила недоразумѣнія, иногда совершенно даже добросовѣстныя.

Полемизировать съ противниками, опровергать клеветы, разъяснять недоразумѣнія, обращаясь къ печати, мой мужъ не желалъ. Онъ былъ выше того, чтобы вмѣшаться въ злободневную суету пересудовъ. Кромѣ того, цензурныя условія стараго режима, которыя для бывшаго перваго министра Царя были строже, чѣмъ для обыкновеннаго гражданина, и въ такой же мѣрѣ желаніе щадить чувства многихъ современниковъ, совершенно исключали возможность полнаго и откровеннаго выраженія мыслей графа Витте. Отсюда — рѣшеніе довѣрить судъ надъ своей дѣятельностью слѣдующему поколѣнію, отсюда — печатаемые нынѣ мемуары.

Мемуары свои мой мужъ хранилъ за-границей. Онъ не питалъ увѣренности въ томъ, что его кабинетъ на Каменноостровскомъ проспектѣ въ Петроградѣ достаточно защищенъ и отъ ока, и отъ длани тайной полиціи. Обыскъ въ любой моментъ, могъ легко лишить автора его рукописей. Онъ зналъ, что этой его работой интересуется слишкомъ много могущественныхъ людей. Рукописи хранились все время

въ одномъ заграничномъ банкѣ на мое имя. Мой мужъ опасался, что въ случаѣ его смерти дворъ и правительство пожелаютъ завладѣть его архивомъ, и просилъ меня заблаговременно обезпечить сохранность мемуаровъ. Я это сдѣлала, переведши рукописи изъ Парижа въ Байонъ, гдѣ онѣ хранились въ банкѣ на чужое имя. Предостереженія оказались не лишними. Какъ только въ февралѣ 1915 года мой мужъ скончался, кабинетъ его въ Петроградѣ былъ опечатанъ и все найденное разсмотрѣно и забрано властями. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ отъ имени Государя явился генералъ-адъютантъ, начальникъ главной квартиры, и сказалъ, что Государь, ознакомившись съ оглавленіемъ мемуаровъ мужа, очень ими интересуется и хотѣлъ бы ихъ прочитать. Я отвѣтила, что, къ сожалѣнію, лишена возможности предоставить ихъ для чтенія Государю, такъ-какъ они хранятся за-границей. Посланецъ Государя не настаивалъ, но черезъ нѣкоторое время чиновникъ русскаго посольства въ Парижѣ появился въ нашей виллѣ въ Біаррицѣ и въ отсутствіи хозяевъ произвелъ очень тщательный обыскъ. Онъ искалъ мемуары, которые въ то время, какъ я сказала выше, спокойно лежали въ сейфѣ банка, въ Байонѣ.

Гр. М. И. Витте

Я оканчиваю мои заметки — и если дальше буду писать — то
в порядке страниц начиная (с) 364 (продолжение последующей) — последующая
будет совершенно обособленная — которой я не касаюсь в моих
стенографических диктовках — потому что считаю это невозможным [illegible]
И так — я ~~[illegible]~~ осветил — историю возникновения Русско-японской войны
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Автографъ послѣдней страницы рукописныхъ замѣтокъ гр. Витте

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАЧАЛО ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРЪ Александръ III умеръ такъ же, какъ жилъ — какъ истинный христіанинъ, какъ вѣрный сынъ православной церкви и какъ простой, твердый и честный человѣкъ. Умеръ онъ совершенно спокойно и, умирая, онъ гораздо болѣе заботился о томъ, что это огорчитъ его окружающихъ и любимую имъ его семью, нежели думалъ о самомъ себѣ.

Затѣмъ послѣдовала присяга новому Императору Николаю II и перевозъ тѣла Императора Александра III изъ Ялты въ Петербургъ.

Эта печальная церемонія была произведена съ соблюденіемъ установленныхъ на этотъ случай правилъ, но съ простотою, которая была внѣдрена въ царствованіе усопшаго Императора.

Тѣло его въ Москвѣ было выставлено (кажется на 1 день) въ Успенскомъ соборѣ. Министры и высшіе чины встрѣчали траурный поѣздъ на Николаевскомъ вокзалѣ.

Я помню, какъ теперь, какъ подошелъ поѣздъ; на вокзалѣ была масса лицъ; весь Невскій проспектъ и путь къ Петропавловскому собору были переполнены народомъ. Я былъ на самомъ перронѣ, къ которому подошелъ поѣздъ; изъ поѣзда вышелъ молодой Императоръ, а затѣмъ двѣ особы женскаго пола, обѣ бѣлокурыя. Естественно, мнѣ было интересно видѣть нашу будущую Императрицу и, такъ какъ я раньше ее никогда не видѣлъ, то увидавъ одну очень красивую, съ совершенно молодымъ тѣлосложеніемъ даму, я былъ увѣренъ, что это именно и есть принцесса Дармштадтская — будущая Императрица

Александра Өеодоровна, и былъ очень изумленъ, когда мнѣ сказали, что это не она, а что та, которую я принялъ за будущую императрицу — это королева Англіи Александра (нынѣ уже вдова). Меня поразила тогда ея моложавость, такъ что, когда я сейчасъ же послѣ нея увидѣлъ нашу будущую Императрицу — она мнѣ показалась менѣе красивой и менѣе симпатичной, нежели тетка Императора — королева Англіи. Но тѣмъ не менѣе и новая Императрица была красива, — и до сихъ поръ красива, хотя у нея всегда было и до настоящаго времени есть нѣчто сердитое въ складѣ губъ.

Какъ только вынесли гробъ Императора, погребальная процессія двинулась черезъ Невскій проспектъ, Литейный мостъ въ Петропавловскій соборъ.

Процессія шла, конечно, по заранѣе опредѣленному церемоніалу, причемъ министры шли парами впереди гроба, передъ пѣвчими и духовенствомъ. Я не помню, съ кѣмъ я шелъ. Всюду стояли шпалерами войска; была масса народа... Я былъ очень удрученъ и у меня въ памяти остались только два маленькіе эпизода, происшедшіе во время этой процессіи:

На Невскомъ проспектѣ, вдругъ, я слышу голосъ: «Смирно». — Я невольно поднялъ глаза и увидѣлъ молодого офицера, который при приближеніи духовенства и гроба скомандовалъ своему эскадрону: «Смирно». — Но вслѣдъ за этой командой — «смирно», онъ скомандовалъ еще слѣдующее: «Голову направо, смотри веселѣй».

Послѣднія слова мнѣ показались такими странными, что я спросилъ у своего сосѣда:

— Кто этотъ дуракъ?

На что мой сосѣдъ мнѣ отвѣтилъ, что это ротмистръ Треповъ, тотъ самый Треповъ, который впослѣдствіи сыгралъ такую удивительную роль, сначала въ качествѣ градоначальника Москвы, генералъ-губернатора Петербурга, потомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а въ сущности диктатора — впредь до 17-го октября; когда я сдѣлался предсѣдателемъ совѣта министровъ, то, конечно, онъ не могъ оставаться со мною и сдѣлался дворцовымъ комендантомъ, но, въ сущности говоря, продолжалъ быть закулиснымъ диктаторомъ, что и послужило, главнымъ образомъ, причиною того, что я рѣшилъ оставить мѣсто предсѣдателя совѣта министровъ.

Затѣмъ, когда мы прошли черезъ Литейный мостъ, то меня удивило еще слѣдующее: министръ внутреннихъ дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново — уже вышелъ изъ процессіи и въ качествѣ не то полицмейстера, не то вообще начальника полиціи дѣлалъ распоряженія

относительно того, какимъ образомъ должна себя держать публика и какъ должна дѣйствовать полиція.

Конечно, въ то время, всѣ эти распоряженія касались только внѣшняго порядка; всѣ были глубоко потрясены смертью Императора и были увѣрены, что ни съ чьей стороны, даже и со стороны крайнихъ лѣвыхъ, не можетъ послѣдовать никакого дѣйствія, которое не было бы въ гармоніи съ тѣмъ чувствомъ, въ которомъ пребывала въ то время вся Россія по отношенію къ покойному Императору.

Говоря о министрѣ внутреннихъ дѣлъ Иванѣ Николаевичѣ Дурново и разсказывая о первыхъ дняхъ послѣ смерти Императора Александра III, я всегда вспоминаю слѣдующее:

Когда получилось извѣстіе о кончинѣ Императора, я поѣхалъ къ Ивану Николаевичу уговориться по нѣкоторымъ вопросамъ. Онъ зналъ, какъ я былъ привязанъ къ Императору, точно такъ же, какъ и я зналъ, что Иванъ Николаевичъ очень его любилъ. Мы были, конечно, въ довольно тяжеломъ и грустномъ расположеніи духа.

Вотъ Иванъ Николаевичъ обратился ко мнѣ и говоритъ:

— Что-же вы, Сергѣй Юльевичъ, думаете относительно нашего новаго Императора?

* Я отвѣтилъ, что о дѣлахъ говорилъ съ нимъ мало, знаю, что Онъ совсѣмъ не опытный, но и не глупый и Онъ на меня производилъ всегда впечатлѣніе хорошаго и весьма воспитаннаго молодого человѣка. Дѣйствительно, я рѣдко встрѣчалъ такъ хорошо воспитаннаго человѣка, какъ Николай II, такимъ онъ и остался. Воспитаніе это скрываетъ всѣ его недостатки. На это И. Н. Дурново мнѣ замѣтилъ: «Ошибаетесь Вы, Сергѣй Юльевичъ, вспомяните меня — это будетъ нѣчто вродѣ копіи Павла Петровича, но въ настоящей современности». Я затѣмъ часто вспоминалъ этотъ разговоръ. Конечно, Императоръ Николай II не Павелъ Петровичъ, но въ Его характерѣ не мало чертъ послѣдняго и даже Александра I (мистицизмъ, хитрость и даже коварство), но, конечно, нѣтъ образованія Александра I. Александръ I по своему времени былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, а Императоръ Николай II по нашему времени обладаетъ среднимъ образованіемъ гвардейскаго полковника хорошаго семейства.*

Почти одновременно со свиданіемъ съ Иваномъ Николаевичемъ я имѣлъ собесѣдованіе и съ Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ.

Такъ вотъ, когда я пріѣхалъ къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву, онъ былъ тоже чрезвычайно огорченъ смертью Императора. Что-же касается Императора Николая II, у котораго онъ былъ преподавателемъ, то, хотя онъ, какъ преподаватель будущаго Императора, и относился къ нему любовно, но, тѣмъ не менѣе, высказался о своемъ ученикѣ какъ-то неопредѣленно. Больше всего онъ боялся, чтобы Императоръ Николай по молодости своей и неопытности не попалъ подъ дурныя вліянія. Но я старался не продолжать этотъ разговоръ.

Тѣло почившаго Императора Александра III было выставлено въ Петропавловскомъ соборѣ. Я нѣсколько разъ дежурилъ при тѣлѣ; разъ дежурилъ ночью. Все время приходила масса народа поклониться тѣлу Императора.

Затѣмъ послѣдовали похороны, которые продолжались очень долго.

Императрица Марія Θеодоровна все время стояла весьма мужественно. Когда же митрополитъ говорилъ длинную рѣчь, то къ концу рѣчи нервы Императрицы не выдержали и съ нею сдѣлалось что-то въ родѣ истерическаго припадка, хотя и очень краткаго. Она кричала: «довольно, довольно, довольно».

Послѣ похоронъ, черезъ нѣсколько дней я представлялся вдовствующей Императрицѣ.

Во время царствованія Императора Александра III она сначала относилась ко мнѣ весьма милостиво, а послѣ моей женитьбы — довольно сдержанно и сухо.

Въ этотъ разъ, когда послѣ смерти Императора я представлялся Императрицѣ, она приняла меня очень ласково и, между прочимъ, сказала такую фразу:

— Я думаю, что вамъ очень тягостна смерть Императора, потому что, дѣйствительно, онъ васъ очень любилъ.

Во время первыхъ мѣсяцевъ царствованія Императора Николая II, въ Петербургъ пріѣзжалъ принцъ Уэльскій. Какъ извѣстно, будущій король Эдуардъ VII былъ дядей принцессы Алисы Дармштадтской, нашей нынѣшней Императрицы, а потому въ обращеніи былъ съ нею очень интименъ. И вотъ, когда онъ былъ въ Петербургѣ, то во время одного изъ первыхъ завтраковъ съ Императоромъ и Императрицей, когда они были втроемъ, онъ вдругъ, обращаясь къ Императрицѣ, довольно недипломатично сказалъ: «Какъ профиль твоего мужа похожъ на

профиль Императора Павла», — что очень не понравилось какъ Императору, такъ и Императрицѣ.

Я слыхалъ объ этомъ отъ приближенныхъ принца Уэльскаго (будущаго короля Эдуарда). Разсказывая объ этомъ, онъ замѣтилъ, что сдѣлалъ «гафъ» (неловкость).

Тѣмъ не менѣе принцъ Уэльскій въ первые мѣсяцы послѣ смерти Императора Александра III оказалъ сердечную родственную дружбу вдовствующей Императрицѣ и Императору, не только съ формальной стороны, какъ это сдѣлали всѣ царствующіе дома, но и со стороны интимной.

Послѣ похоронъ Императора Александра III, я черезъ нѣсколько дней былъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ у молодого Императора Николая II. Новый Императоръ несомнѣнно очень любилъ своего отца и потому былъ огорченъ его смертью; независимо отъ того, онъ былъ смущенъ своимъ новымъ положеніемъ, къ которому совсѣмъ не былъ подготовленъ; кромѣ того, онъ прибылъ въ Петербургъ съ своей невѣстой, будущей Императрицей Александрой Ѳеодоровной, въ которую, какъ говорятъ, онъ былъ влюбленъ. Такимъ образомъ молодой Императоръ находился подъ вліяніемъ разнообразныхъ чувствъ и сильныхъ впечатлѣній.

Когда я пришелъ къ Императору съ первымъ моимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, то Николай II встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково: онъ зналъ, что отецъ его относился ко мнѣ особливо благосклонно и кромѣ того, когда онъ еще былъ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ, то я ему весьма нравился и онъ, еще будучи совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, всегда ко мнѣ благоволилъ, что и выказывалъ въ Комитетѣ Сибирск. жел. дор., въ коемъ онъ былъ предсѣдателемъ.

Когда я приступилъ къ докладу, то вопросъ, который мнѣ задалъ Императоръ Николай, былъ слѣдующій: «А гдѣ находится вашъ докладъ о поѣздкѣ на Мурманъ? Верните мнѣ его».

Я доложилъ Государю, что доклада этого его покойный отецъ мнѣ не возвращалъ. Тогда Государь сказалъ мнѣ, что докладъ этотъ ему читалъ (или показывалъ) покойный Императоръ еще въ Бѣловѣжскомъ дворцѣ, — (гдѣ Александръ III находился ранѣе, нежели переѣхалъ въ Ливадію) и что на докладѣ этомъ Императоромъ Александромъ III сдѣланы нѣкоторыя резолюціи.

Я снова подтвердилъ, что доклада этого я обратно не получалъ. Николай II былъ очень этимъ удивленъ и сказалъ, что непремѣнно его разыщетъ.

Въ слѣдующую пятницу (мои доклады всегда были по пятницамъ) Государь сказалъ мнѣ, что онъ нашелъ докладъ, и сталъ говорить со мною о томъ, что онъ считаетъ необходимымъ привести въ исполненіе этотъ докладъ и прежде всего главную мысль доклада о томъ, чтобы устроить нашъ морской опорный пунктъ на Мурманѣ, въ Екатерининской гавани. Затѣмъ Государь говорилъ о томъ, что не слѣдуетъ осуществлять проекта грандіозныхъ устройствъ въ Либавѣ, такъ какъ Либава представляетъ собою портъ, не могущій принести Россіи никакой пользы, вслѣдствіе того, что портъ этотъ находится въ такомъ положеніи, что въ случаѣ войны эскадра наша будетъ тамъ блокирована. — Вообще Императоръ высказался противъ этого порта.

Въ то время въ этомъ отношеніи было два теченія: одно теченіе, — которое я съ своей стороны признаю совершенно правильнымъ, — было противъ устройства этого порта, какъ такого, который не можетъ принести намъ пользы; а другое теченіе — за то, чтобы главный опорный пунктъ нашего флота сдѣлать въ Либавѣ, тамъ устроить громадный военный портъ.

Вотъ Императоръ Николай II и хотѣлъ немедленно объявить указомъ о томъ, что основной военный портъ долженъ быть устроенъ на Мурманѣ въ Екатерининской гавани, причемъ Екатерининская гавань должна быть соединена желѣзной дорогой съ одной изъ ближайщихъ станцій прилежащихъ къ Петербургу желѣзныхъ дорогъ.

Я съ своей стороны этому дѣлу сочувствовалъ, но совѣтовалъ Его Величеству этимъ дѣломъ не спѣшить, не издавать этого указа немедленно, т. е. въ ближайщія недѣли послѣ смерти его покойнаго отца, ибо мѣра эта несомнѣнно внесетъ нѣкоторый семейный разладъ. Генералъ адмиралъ Алексѣй Александровичъ (нынѣ покойный) почтетъ это для себя обидой, такъ какъ онъ — партизанъ устройства порта въ Либавѣ. Къ тому же Великій Князь Алексѣй Александровичъ очень близокъ къ вдовствующей Императрицѣ, которая теперь, послѣ смерти Александра III, еще болѣе будетъ къ нему привязана. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, будучи одинъ среди Великихъ Князей, братьевъ ея покойнаго мужа, холостымъ, всегда былъ очень близокъ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Такимъ образомъ, я былъ увѣренъ, что эта мѣра внесетъ разладъ въ царскую семью въ первыя же недѣли послѣ смерти Императора Александра III, чего, конечно, желательно избѣгнуть.

Затѣмъ, несомнѣнно будутъ говорить, что Императоръ Николай II только что вступилъ на престолъ, а потому дѣло это изучить не могъ, и слѣдовательно, дѣйствуетъ подъ чьимъ нибудь вліяніемъ.

На это Императоръ мнѣ отвѣтилъ, что говорить такъ не могутъ, потому что у него есть на моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о поѣздкѣ въ Мурманъ резолюціи Императора Александра III. — Но, во всякомъ случаѣ, Императоръ почелъ мои соображенія довольно уважительными и сказалъ, что этимъ дѣломъ, вѣроятно, немножко повременитъ.

Прошло мѣсяца 2—3 и вдругъ я прочелъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» указъ Императора Николая II о томъ, что онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать главнымъ нашимъ морскимъ опорнымъ пунктомъ Либаву и осуществить всѣ эти планы, которые на этотъ предметъ существуютъ, и назвать этотъ портъ — портомъ Императора Александра III, во вниманіе къ тому, что будто бы это есть завѣтъ Императора Александра III.

Меня этотъ указъ чрезвычайно удивилъ, такъ какъ мнѣ было извѣстно, да и самъ Императоръ мнѣ говорилъ, что покойный Императоръ Александръ III не только держался совсѣмъ другого мнѣнія, но за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти на моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (который, вѣроятно, находится въ личномъ архивѣ Императора Николая II), высказалъ совершенно противоположное мнѣніе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ появленія этого указа ко мнѣ явился Кази, человѣкъ очень близкій къ Великому Князю Константину Константиновичу, и говорилъ мнѣ, что вотъ какъ Великіе Князья, пользуясь молодостью Императора, пользуясь тѣмъ, что Императоръ только что вступилъ на престолъ и, такъ сказать, еще не окрѣпъ, злоупотребляютъ своимъ вліяніемъ. Кази разсказалъ мнѣ, что послѣ указа о Либавскомъ портѣ Императоръ Николай II пріѣхалъ къ Великому Князю Константину Константиновичу и со слезами на глазахъ сѣтовалъ Великому Князю о томъ, что вотъ генералъ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй заставилъ его подписать такой указъ, указъ, который совершенно противорѣчитъ его взглядамъ и взглядамъ его покойнаго отца. Отказать же ему въ этомъ Императоръ Николай II не могъ, такъ какъ Великій Князь поставилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ, что если этого не будетъ сдѣлано, то онъ почтетъ себя крайне обиженнымъ и долженъ будетъ отказаться отъ поста генерала-адмирала.

Самъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, будучи очень милымъ, честнымъ и благороднымъ, въ то же время былъ человѣкомъ въ дѣловомъ отношеніи не особенно серьезнымъ и имъ руководилъ управляющій морскимъ министерствомъ Николай Матвѣевичъ Чихачевъ. Такимъ образомъ идея устройства Балтійскаго порта была пропагандирована

Н. М. Чихачевымъ, человѣкомъ тоже очень милымъ, умнымъ, но умнымъ преимущественно въ дѣлахъ коммерческихъ, а не военныхъ. Секретаремъ Н. М. Чихачева былъ полковникъ по Адмиралтейству (нынѣ генералъ по Адмиралтейству) Обручевъ, братъ начальника Главнаго Штаба извѣстнаго Обручева, который, дѣйствительно, имѣлъ авторитетъ, какъ военный. Онъ былъ дѣйствительно выдающимся военнымъ теоретикомъ и убѣжденнымъ сторонникомъ устройства нашей военной морской опоры въ Либавѣ. Чихачевъ же въ данномъ случаѣ проводилъ только мнѣніе этого военнаго авторитета.

Мнѣ ни разу не пришлось говорить съ генералъ-адъютантомъ Обручевымъ по этому предмету, но, зная его высокій умъ и таланты, я убѣжденъ въ томъ, что его мысль имѣла извѣстное основаніе, но какъ часть его общей системы обороны государства, а не какъ отдѣльный факторъ нашей военной силы.

Большинство же моряковъ, въ томъ числѣ и Кази, были другого мнѣнія. Въ это время Кази игралъ въ Петербургѣ очень большую роль, онъ уже тогда былъ въ отставкѣ. Когда-то Кази былъ помощникомъ Н. М. Чихачева, когда этотъ послѣдній былъ директоромъ Русскаго Общества пароходства и торговли. Затѣмъ онъ съ нимъ разошелся. Несомнѣнно Кази былъ человѣкъ бо̀льшаго таланта, нежели Чихачевъ. Относительно вопроса объ устройствѣ порта Кази, какъ и многіе другіе моряки, держался того мнѣнія, что устройство порта въ Либавѣ было бы совершенно напрасной тратой денегъ, — какъ въ концѣ концовъ это и оказалось въ дѣйствительности. Мысль его была такова, что намъ нужно искать опору для морскихъ силъ въ одномъ изъ открытыхъ морей, чтобы въ случаѣ войны мы не могли быть въ этомъ портѣ заперты. Между прочимъ, это была его мысль устроить нашу опору на Мурманѣ въ Екатерининской гавани.

Но, какъ я уже сказалъ, судьба устроила иначе: Императоръ Николай II подписалъ указъ вопреки своему убѣжденію, вопреки своему мнѣнію, объ устройствѣ порта въ Либавѣ, и порту этому далъ имя покойнаго Императора Александра III, между тѣмъ какъ Императоръ Александръ III, — что мнѣ было отлично извѣстно, — и какъ это видно изъ его резолюцій на моемъ докладѣ по Мурману, не только этому дѣлу не сочувствовалъ, а считалъ устройство порта въ Либавѣ дѣломъ вреднымъ.

Когда Кази разсказалъ мнѣ, какъ все это случилось, какъ Императоръ Николай II со слезами на глазахъ разсказывалъ Великому Князю Константину Константиновичу о томъ, что Его Великій Князь Алексѣй Александровичъ, такъ сказать, насиловалъ въ этомъ вопросѣ,

то я, зная немного характеръ молодого Императора, подумалъ, что онъ этого эпизода не забудетъ, и, въ концѣ концовъ, Н. М. Чихачеву не поздоровится. Дѣйствительно не прошло и года времени, какъ Императоръ Николай II, въ Москвѣ, настоялъ на увольненіи Н. М. Чихачева съ поста управляющаго морскимъ министерствомъ и на этотъ постъ былъ назначенъ адмиралъ Тыртовъ.

Это былъ, такъ сказать, актъ мести, но на существо дѣла увольненіе Н. М. Чихачева не имѣло никакого вліянія. Въ сущности говоря, и при Тыртовѣ морское министерство шло тѣмъ же неправильнымъ аллюромъ, какимъ оно шло и при адмиралѣ Чихачевѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ Тыртовъ и управляющимъ министерствомъ сдѣлался адмиралъ Авеланъ и министерство продолжало идти тѣмъ же аллюромъ, хотя какъ Тыртовъ, такъ и Авеланъ были оба умные, прекрасные люди, но по талантамъ своимъ они были ниже посредственности.

Между тѣмъ, это злополучное рѣшеніе оставить мысль объ устройствѣ нашего опорнаго пункта въ Мурманѣ и базироваться въ Либавѣ имѣло весьма печальныя послѣдствія. Въ виду этихъ послѣдствій, мнѣ потомъ приходилось жалѣть, зачѣмъ я тогда отговорилъ Императора Николая отъ изданія указа объ устройствѣ нашего опорнаго пункта въ Мурманѣ, хотя, какъ я уже говорилъ, я совѣтовалъ ему этого не дѣлать только въ ближайшія недѣли послѣ смерти Александра III, а совѣтовалъ осуществить это хладнокровно, въ болѣе спокойной и хладнокровной формѣ. Но, оказывается, какъ потомъ я убѣдился изъ многихъ случаевъ, иногда, въ особенности, когда имѣешь дѣло съ людьми колеблющимися, весьма важно ловить моментъ, а если упустишь моментъ, то и самое дѣло упустишь.

Я говорю, что рѣшеніе это имѣло важныя послѣдствія, и вотъ почему: если бы Императоръ Николай II издалъ тогда указъ о томъ, что надобно устраивать нашъ морской базисъ на Мурманѣ, то несомнѣнно, онъ самъ увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завѣтъ покойнаго его отца. Тогда, вѣроятно, мы не искали бы выхода въ открытое море на Дальнемъ Востокѣ, не было бы этого злополучнаго шага — захвата Портъ-Артура и затѣмъ, такъ какъ мы все спускались внизъ, шли со ступеньки на ступеньку, — не дошли бы мы и до Цусимы.

Вступивъ такъ неожиданно на престолъ, Императоръ Николай II, весьма понятно, былъ совершенно къ этому не подготовленъ, а потому

и находился подъ всевозможными вліяніями, преимущественно, подъ вліяніемъ Великихъ Князей.

Въ первые годы его царствованія, доминирующее вліяніе на него имѣла Императрица-мать, но вліяніе это было непродолжительно; затѣмъ, на Императора Николая II постоянно вліяли, — до извѣстной степени, но въ значительно меньшей мѣрѣ, вліяютъ и теперь, нѣкоторые Великіе Князья. Но въ настоящее время Государь Императоръ, и не безъ основанія, имѣетъ убѣжденіе въ томъ, что онъ гораздо опытнѣе и гораздо болѣе знаетъ, нежели всѣ окружающіе его многочисленные члены царской семьи, такъ какъ онъ процарствовалъ уже 15 лѣтъ, многое въ своей жизни испыталъ, много видѣлъ и поэтому пріобрѣлъ такую, по крайней мѣрѣ механическую опытность въ управленіи, какой, конечно, ни одинъ изъ членовъ его семьи не имѣетъ.

Въ началѣ же царствованія Императора Николая II было, конечно, иное положеніе, ибо въ то время былъ живъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Сергѣй Александровичъ, Его дяди, лица, которыя несомнѣнно, въ Его глазахъ, имѣли гораздо большую опытность и значеніе и занимали болѣе или менѣе важные государственные посты тогда, когда Императоръ былъ еще совсѣмъ младенцемъ. Естественно, что вслѣдствіе этого они на него имѣли большое вліяніе. Нынѣ эти Великіе Князья всѣ поумирали. Надо при этомъ замѣтить, что среди Великихъ Князей Владиміръ Александровичъ былъ человѣкомъ замѣчательнаго образованія, замѣчательной культуры; вообще, всѣ они были люди превосходные и какъ Великіе Князья вполнѣ достойные. Объ одномъ только можно пожалѣть, что вообще Великіе Князья играютъ часто такую роль только потому, что они великіе князья, между тѣмъ, какъ роль эта совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни ихъ знанію, ни ихъ талантамъ, ни образованію.

Когда же они начинаютъ вліять на Государя, то изъ этого большею частью всегда выходятъ одни только различныя несчастья.

Нужно сказать, что при Императорѣ Александрѣ III Великіе Князья ходили по стрункѣ. Покойный Императоръ держалъ ихъ въ респектѣ и не давалъ имъ возможности вмѣшиваться въ дѣла, ихъ не касающіяся. — Императоръ Александръ III и въ области ихъ управленія имѣлъ сдерживающее вліяніе на Великихъ Князей и пользовался среди нихъ полнымъ авторитетомъ. Всѣ Великіе Князья любили Императора Александра III, но въ то же время и боялись его. Съ воцареніемъ молодого Императора все это было перевернуто, что вполнѣ естественно и объясняется раз-

ностью лѣтъ и разностью жизненнаго авторитета между молодымъ Императоромъ и нѣкоторыми Великими Князьями, родственнымъ уваженіемъ молодого Императора къ старшимъ, и, наконецъ, мягкостью характера и темпераментомъ новаго Императора. Это обстоятельство и было одною изъ причинъ многихъ неблагопріятныхъ явленій, скажу даже больше — бѣдствій царствованія Императора Николая II; въ особенности это можно сказать относительно первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая II, когда онъ самъ еще, такъ сказать, какъ личность, не окрѣпъ и не обнаружился.

Мнѣ извѣстно со словъ бывшаго военнаго министра, а впослѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютанта Ванновскаго, что въ первые же годы царствованія Императора Николая II, когда Ванновскій замѣтилъ усиливающееся вліяніе на Государя Великихъ Князей, во всѣхъ дѣлахъ, до нихъ не касающихся, въ особенности въ области военной, онъ какъ-то сказалъ Императору.

— Ваше Величество, не вводите удѣльную систему, которую уничтожилъ вашъ покойный отецъ.

Императоръ спросилъ: «О какой удѣльной системѣ вы говорите?»

Ванновскій отвѣтилъ:

— Объ удѣльной системѣ, подобной той, которая была въ древней Руси, когда каждый Великій Князь царствовалъ, пока Россія не была собрана во единое Московское царство.

Удѣльная система, только въ другой формѣ до нѣкоторой степени явилась въ царствованіе Александра II, когда Великіе Князья снова начали вмѣшиваться въ дѣла, до нихъ не касающіяся, что и было уничтожено Императоромъ Александромъ III.

Императоръ Николай II улыбнулся и сказалъ:

— Ну я, Петръ Семеновичъ, имъ тоже пообрѣжу крылья.

Но, къ сожалѣнію, это было сдѣлано не особенно энергично и нѣкоторые Великіе Князья все время имѣли на Государя неблагопріятное вліяніе, причемъ, можетъ быть, главнымъ образомъ вліялъ на него неблагопріятно Великій Князь Александръ Михайловичъ, женатый на сестрѣ Императора. Я полагаю, что если бы не этотъ Великій Князь, то, можетъ быть, мы не имѣли бы всѣхъ тѣхъ несчастій, которыя мы претерпѣли на Дальнемъ Востокѣ.

Когда Императоръ Николай II вступилъ на престолъ, то отъ него свѣтлыми лучами исходилъ, если можно такъ выразиться, духъ благо-

желательности; онъ сердечно и искренно желалъ Россіи, въ ея цѣломъ, всѣмъ національностямъ, составляющимъ Россію, всѣмъ его подданнымъ счастія и мирнаго житія, ибо у Императора, несомнѣнно, сердце весьма хорошее, доброе, и если въ послѣдніе годы проявлялись иныя черты его характера, то это произошло оттого, что Императору пришлось многое испытать; можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ испытаній онъ самъ нѣсколько виноватъ, потому что довѣрился несоотвѣтственнымъ лицамъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ онъ это, думая, что поступаетъ хорошо.

Во всякомъ случаѣ, отличительныя черты Николая II заключаются въ томъ, что онъ человѣкъ очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я въ своей жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нынѣ царствующій Императоръ Николай II.

Въ первые же мѣсяцы своего царствованія онъ женился; свадьба его по случаю траура была безъ всякихъ торжествъ. Послѣ свадьбы, которая совершилась въ Зимнемъ Дворцѣ, онъ поѣхалъ справлять медовый мѣсяцъ въ Царское Село, которое и донынѣ составляетъ, можно сказать, его главное мѣстопребываніе.

До женитьбы онъ жилъ въ Аничковомъ Дворцѣ, а послѣ женитьбы, вернувшись изъ Царскаго въ Петербургъ, онъ переѣхалъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ и жилъ до послѣднихъ лѣтъ злосчастной японской войны и затѣмъ смуты, т. е. до апрѣля 1904 года.

Съ 1905 года онъ въ Зимнемъ Дворцѣ больше не живетъ и весьма рѣдко туда наѣзжаетъ, а живетъ, преимущественно, какъ я уже сказалъ, въ Царскомъ Селѣ; лѣтніе же мѣсяцы онъ проводитъ въ Петергофѣ или Ливадіи, за исключеніемъ тѣхъ недѣль, которыя онъ, главнымъ образомъ въ первые годы своего царствованія, провелъ внѣ Россіи.

2-го ноября Государь Императоръ принялъ въ Аничковомъ Дворцѣ (такъ какъ тогда онъ еще жилъ въ Аничковомъ Дворцѣ) всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, предсѣдателя его, а такъ какъ министры по своему званію состоятъ членами Государственнаго Совѣта, то на этомъ пріемѣ были и всѣ министры.

Императоръ былъ очень взволнованъ; онъ сказалъ нѣсколько весьма сердечныхъ словъ въ память своего отца и вообще отнесся ко всѣмъ присутствующимъ весьма сердечно.

Я обратилъ вниманіе на то, что на этомъ представленіи въ числѣ членовъ Государственнаго Совѣта присутствовалъ и Александръ Аггеевичъ Абаза.

Хотя Александръ Аггеевичъ и былъ членомъ Государственнаго Совѣта, но послѣ той исторіи, которая произошла въ царствованіе Императора Александра III [1], жилъ или у себя въ деревнѣ (въ Шполѣ, Кіевской губ.), или въ Монтекарло, такъ какъ онъ по натурѣ былъ большой игрокъ.

Само по себѣ присутствіе Александра Аггеевича Абазы меня не удивило, такъ какъ съ его стороны было весьма естественно пріѣхать въ Петербургъ по случаю кончины Императора Александра III и вступленія на престолъ новаго Императора, но меня удивило, что Императоръ Николай отнесся къ нему особенно любезно и милостиво.

Александръ Аггеевичъ Абаза былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, человѣкомъ очень хорошимъ, благороднымъ, но весьма ограниченнымъ; въ то время Государственнымъ Секретаремъ былъ Александръ Александровичъ Половцевъ — большой другъ А. А. Абазы, и я сразу догадался, что А. А. Половцевъ желаетъ реабилитировать Александра Аггеевича въ глазахъ молодого Императора.

Я лично противъ А. А. Абазы ровно ничего не имѣлъ. А. А. Абаза былъ человѣкъ выдающагося здраваго разсудка, во всякомъ случаѣ, это былъ крупный государственный человѣкъ. — Но я опасался, что реабилитація Абазы можетъ послѣдовать только посредствомъ утвержденія, что все то, что послужило къ опалѣ Абазы — невѣрно; чтобы не случилось опять того же, что предполагали сдѣлать въ царствованіе Императора Александра III, когда всѣ въ Государственномъ Совѣтѣ стали утверждать, что я наклеветалъ на А. А. Абазу, вслѣдствіе чего, я просилъ назначить комиссію подъ предсѣдательствомъ Николая Христіановича Бунге. Совѣщаніе это удостовѣрило, что все то, что я докладывалъ Императору и чего не могъ не докладывать относительно некорректной игры А. А. Абазы на биржѣ — совершенно правильно.

Поэтому, въ одномъ изъ послѣдующихъ докладовъ, послѣ представленія членовъ Государственнаго Совѣта въ Аничковомъ дворцѣ Императору Николаю II, я разсказалъ вкратцѣ Государю все дѣло, разсказалъ, почему въ царствованіе его отца А. А. Абаза потерялъ довѣріе покойнаго Императора и переѣхалъ за границу. И такъ какъ въ то время былъ живъ еще Н. Х. Бунге, то я и просилъ Императора, если у него явится какое-нибудь сомнѣніе, чтобы онъ спросилъ Н. Х. Бунге, и чтобы тотъ разсказалъ ему всю исторію.

[1] Рѣчь идетъ о разоблаченіи биржевыхъ спекуляцій Абазы.

По этому предмету въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ имѣются всѣ документы, въ томъ числѣ и записка, составленная обо всей этой исторіи вице-директоромъ кредитной канцеляріи — Петровымъ.

Послѣ пріема Государственнаго Совѣта Государь Императоръ въ послѣдующіе дни принималъ всѣхъ генералъ-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ, затѣмъ принималъ различныя депутаціи иностранныхъ державъ, которыя пріѣзжали въ Петербургъ на похороны Императора Александра III или по случаю кончины Императора. Въ числѣ лицъ, пріѣзжавшихъ на похороны Императора Александра III, былъ, между прочимъ, генералъ Буадефръ и адмиралъ Жерве. Генералъ Буадефръ это тотъ самый, который первый заключилъ съ генераломъ Обручевымъ военную конвенцію, установившую нашъ союзъ съ Франціей.

13 декабря довольно неожиданно послѣдовало назначеніе графа Шувалова Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ на мѣсто ген. Гурко.

Весьма характеристиченъ былъ уходъ генерала Гурко. Въ то время въ его канцеляріи служилъ старшій его сынъ — будущій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. И вотъ генералъ-адъютантъ Гурко пожелалъ, чтобы его сына сдѣлали управляющимъ его канцеляріей. Но такъ какъ этотъ сынъ Гурко уже и въ то время пользовался въ денежномъ отношеніи дурной репутаціей, то бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново не соглашался на это. Гурко пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ молодому Императору и поставилъ ему родъ ультиматума, — сдѣлавъ это въ твердой и довольно рѣзкой формѣ, — заключающагося въ томъ, чтобы его сынъ былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей, или-же онъ уходитъ. Государь согласился на послѣднее, такимъ образомъ этотъ несомнѣнно выдающійся военный и государственный человѣкъ ушелъ со сцены и поселился у себя въ Тверской губ. Впослѣдствіи, кажется, онъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, но никакой уже роли не игралъ.

Это произошло 13 декабря 1894 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ вступленія на престолъ Императора Николая II.

Согласіе Государя на увольненіе Гурко произошло съ одной стороны отъ того, что Гурко поставилъ очень рѣзко вопросъ, а, съ другой стороны, потому что Его Величество по характеру своему съ самаго вступленія на престолъ вообще не долюбливалъ и даже не переносилъ лицъ, представляющихъ собою опредѣленную личность, т. е. лицъ, твердыхъ въ своихъ мнѣніяхъ, своихъ словахъ и своихъ дѣйствіяхъ. Уволь-

неніе Гурко — это былъ первый случай проявленія этой стороны характера Его Величества.

Хотя я нисколько не оправдываю Гурко и считаю, что, конечно, всѣ лица, которыя такъ рѣзко ставили вопросъ, или такъ твердо проводили свои мнѣнія, какъ это сдѣлалъ Гурко, нѣсколько и виновны въ томъ, что не приняли во вниманіе натуру Государя и не имѣли въ виду того, что они все-таки имѣютъ дѣло съ Его Величествомъ, — въ этомъ отношеніи я виню во многомъ и самого себя — но оправданіемъ, какъ Гурко, такъ и другимъ лицамъ (въ томъ числѣ и мнѣ), которыя такъ себя держали по отношенію къ Государю, можетъ служить то обстоятельство, что ранѣе, чѣмъ служить Императору Николаю, мы служили Императору Александру III. Покойный Императоръ на способъ выраженія мыслей, на рѣзкія слова никогда не обращалъ вниманія, наоборотъ, онъ даже очень цѣнилъ въ человѣкѣ твердыя убѣжденія; словомъ, характеръ Императора Александра III былъ совершенно иной, нежели характеръ Императора Николая II, и это всякій Его подданный, въ томъ числѣ и мы, должны были имѣть въ виду и принимать во вниманіе.

Приблизительно въ это же время, а именно 17 декабря, послѣдовало увольненіе министра путей сообщенія Кривошеина и назначеніе вмѣсто него князя Хилкова. Назначенію Кривошеина, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Иванъ Николаевичъ Дурново. Кривошеинъ былъ умный, дѣловой человѣкъ, но желѣзнодорожнаго дѣла не зналъ. Сдѣлался онъ министромъ путей сообщенія отчасти также благодаря мнѣ, потому что, если бы я, когда Императоръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ (при назначеніи меня на постъ министра финансовъ) о томъ, кого назначить вмѣсто меня министромъ путей сообщенія, — высказался бы относительно Кривошеина въ болѣе отрицательномъ смыслѣ, то конечно онъ мѣста министра путей сообщенія не получилъ бы. Но, какъ это обыкновенно бываетъ и что я самъ столько разъ испыталъ въ своей жизни, въ своей дѣятельности, — конечно, за нѣкоторыми исключеніями, — тѣ лица, которыя достигли своего положенія, часто весьма высокаго, благодаря моей школѣ, моему ихъ воспитанію, моему выбору, достигнувъ этого положенія, стараются не давать повода кому бы то ни было узнать, что они достигли своего положенія благодаря мнѣ, а потому постепенно прерываютъ со мной отношенія, а затѣмъ, когда наступаетъ моментъ, что это имъ является выгоднымъ, они даже дѣлаются моими непріятелями и врагами, желая своими неблаговидными выходками противъ меня показать свою неза-

висимость. То же самое произошло и съ Кривошеинымъ. Когда онъ сдѣлался министромъ путей сообщенія, то онъ старался, по возможности, отъ меня отгородиться. Но такъ какъ самъ по себѣ Кривошеинъ желѣзнодорожнаго дѣла не зналъ и съ государственной точки зрѣнія не представлялъ изъ себя никакого авторитета, то всетаки онъ, или, вѣрнѣе, его министерство въ значительной степени находилось подъ моимъ вліяніемъ, или подъ вліяніемъ моего министерства, т. е. министерства финансовъ.

Кривошеинъ, собственно говоря, министерствомъ не занимался, а занимались министерствомъ путей сообщенія больше его сотрудники, знавшіе желѣзнодорожное дѣло и вообще дѣло путей сообщенія. Онъ имѣлъ ту же слабость, какъ и многіе другіе министры, которыхъ мнѣ пришлось видѣть на своемъ вѣку, а именно, какъ только Кривошеинъ сдѣлался министромъ, сейчасъ же началъ разводить различныя грандеры, т. е. расходовать казенныя деньги на устройство роскоши въ своемъ помѣщеніи. Напр., помѣщеніе министра путей сообщенія и безъ того почти царское, но тѣмъ не менѣе Кривошеинъ не удовольствовался имъ и изъ сосѣдней квартиры[1], которая принадлежала его товарищу, устроилъ себѣ домашнюю церковь, держалъ тамъ священниковъ, вообще всю службу, — все это, конечно, за счетъ казны.

Я долженъ сказать, что, — какъ мнѣ это говорилъ бывшій тогда государственнымъ контролеромъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, — онъ не вполнѣ былъ корректенъ въ государственной дѣятельности. Признаюсь, я этого не провѣрялъ, а поэтому утверждать этого не могу. Но государственный контролеръ Тертій Ивановичъ Филипповъ увѣрялъ, что будто бы изъ имѣній Кривошеина ставились на желѣзныя дороги шпалы, по особо благопріятнымъ цѣнамъ; что будто бы Кривошеинъ провелъ сооруженіе одной маленькой желѣзной дороги черезъ комитетъ министровъ на югъ Россіи, а затѣмъ направилъ ее такъ, что она прорѣзала все имѣніе его. Кажется этотъ послѣдній фактъ — вѣренъ.

Вообще Кривошеинъ не имѣлъ никакого состоянія, но еще ранѣе, нежели онъ сдѣлался министромъ, онъ нажилъ большое состояніе, такъ какъ онъ былъ дѣлецъ большой руки, постоянно продавалъ имѣнія, покупалъ имѣнія, продавалъ всякіе продукты, и проч. — словомъ, это былъ именно типъ дѣльца.

Вотъ этотъ характеръ своей дѣятельности онъ обнаружилъ, будучи министромъ путей сообщенія.

[1] Въ этой квартирѣ былъ очень большой кабинетъ его товарища; помѣщеніе это также пошло подъ церковь.

Тертій Ивановичъ Филипповъ, между прочимъ, вѣроятно не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Кривошеинымъ, представилъ по этому предмету обо всемъ докладъ Императору Николаю II. Конечно, докладъ этотъ рисовалъ министра путей сообщенія Кривошеина въ очень скверномъ видѣ. Но я полагаю, что, если въ представленномъ докладѣ Т. И. Филипповъ увеличилъ въ десять разъ факты, по сравненію съ дѣйствительностью, слѣдовательно, если бы эти факты уменьшить въ 10 разъ, то и тогда я не могу не сказать, что и этого было бы все-таки достаточно, чтобы признать Кривошеина такимъ человѣкомъ, который не можетъ занимать постъ министра, потому что онъ дѣйствовалъ некорректно въ смыслѣ корыстномъ.

Это былъ первый случай, когда молодому Императору, черезъ два мѣсяца послѣ вступленія на престолъ, пришлось встрѣтиться съ фактами, такъ сказать, злоупотребленія министровъ; поэтому совершенно естественно, что это возмутило молодого Государя, который самъ, по своей натурѣ, человѣкъ весьма честный. Въ то время онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ, не имѣлъ случая еще видѣть и свыкнуться съ людской грязью, а поэтому фактъ этотъ особенно на него подѣйствовалъ и онъ уволилъ Кривошеина совсѣмъ отъ службы.

Это былъ первый случай, въ началѣ царствованія Императора Николая II, который, вѣроятно, заставилъ многихъ лицъ, такого же пошиба, какъ и Кривошеинъ, призадуматься.

По увольненіи Кривошеина явился вопросъ: кого же вмѣсто него назначить министромъ путей сообщенія?

Вся эта исторія съ увольненіемъ Кривошеина для меня была совершенно неожиданна, я не принималъ въ ней рѣшительно никакого участія и узналъ объ этомъ изъ «Правительственнаго Вѣстника». Но, когда Кривошеинъ былъ уволенъ, то при первомъ же моемъ докладѣ въ пятницу Императору Николаю (докладъ этотъ былъ въ Гатчинскомъ дворцѣ), когда я пришелъ къ нему въ кабинетъ, Государь сказалъ: «Я прошу васъ выслушать этотъ указъ», и прочелъ мнѣ указъ о назначеніи министромъ путей сообщенія отставного лейтенанта Кази. Я этому весьма удивился, ибо Кази также никогда на желѣзныхъ дорогахъ не служилъ.

Кази всю свою жизнь занимался или морскими вопросами, или вопросами, близкими къ морскимъ; по уму и по характеру, онъ былъ человѣкъ выдающійся, человѣкъ большихъ способностей, но греческаго проис-

хожденія и былъ въ значительной долѣ наполненъ стремленіемъ къ интригамъ, — это была его слабая сторона. Кази былъ врагомъ режима, который существовалъ въ морскомъ министерствѣ, въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ и я ему вполнѣ сочувствовалъ. Поэтому я и взялъ Кази, когда уѣзжалъ въ мое путешествіе на Мурманъ, и въ моемъ докладѣ, который я сдѣлалъ о Мурманѣ, — въ извѣстной мѣрѣ участвовалъ и Кази.

Очень протежировалъ Кази Великій Князь Александръ Михайловичъ. Протежировалъ онъ Кази во-первыхъ потому, что Кази былъ дѣйствительно очень выдающійся человѣкъ, а во-вторыхъ, потому что Александръ Михайловичъ, со времени вступленія на престолъ Императора Николая II, конечно, мечталъ сдѣлаться впослѣдствіи генералъ-адмираломъ, т. е. занять мѣсто Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ относился къ Александру Михайловичу довольно презрительно.

Такъ какъ Александръ Михайловичъ представляетъ изъ себя человѣка, главной чертой характера котораго является интрига, можно сказать, что онъ полонъ интригъ, то онъ и поддерживалъ Кази, какъ орудіе противъ режима морского министерства, т. е. противъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, вообще, противъ всего морского вѣдомства.

Но, какъ я уже говорилъ ранѣе, у Императора Николая II не хватило характера перевернуть направленіе дѣлъ въ морскомъ министерствѣ, — хотя бы пожертвовать для этого Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ; впрочемъ, можетъ быть все это вышло къ лучшему, потому что, еслибы Императоръ назначилъ Великаго Князя Александра Михайловича вмѣсто Вел. Князя Алексѣя Александровича — то это было бы несомнѣнно гораздо хуже, потому что Алексѣй Александровичъ былъ во всякомъ случаѣ — честный, благородный и прямой человѣкъ, чего я не могу сказать о Великомъ Князѣ Александрѣ Михайловичѣ. Несомнѣнно Вел. Кн. Александръ Михайловичъ обратилъ бы все морское министерство въ разсадникъ всевозможныхъ интригъ. Но тѣмъ не менѣе Государь, повидимому, хотѣлъ отличить такого человѣка, какъ Кази, поэтому онъ, вѣроятно, не безъ вліянія Великаго Князя Александра Михайловича, пожелалъ его назначить министромъ путей сообщенія.

Я сказалъ Государю, что Его Величество знаетъ, какого я высокаго мнѣнія о Кази, что я отношусь къ Кази весьма сочувственно и нахожусь съ нимъ въ высшей степени дружескихъ отношеніяхъ, но все-таки считаю совершенно невозможнымъ назначить Кази министромъ путей сообщенія, потому что онъ этого дѣла совершенно не знаетъ, и что только что былъ

примѣръ, въ лицѣ Кривошеина, который совершенно разстроилъ послѣ меня министерство. Я сказалъ Государю, что Кази надо беречь для какого-нибудь другого дѣла, касающагося его спеціальности; что я убѣжденъ — онъ этимъ дѣломъ заниматься не будетъ и не можетъ имъ заниматься, что онъ, въ качествѣ министра путей сообщенія, будетъ заниматься дѣлами, до него не касающимися, и преимущественно морскимъ дѣломъ; если назначить Кази министромъ, то уже прямо назначить его морскимъ министромъ, тогда, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ заниматься тѣмъ дѣломъ, которое онъ знаетъ, что же касается желѣзнодорожнаго дѣла, то его онъ совсѣмъ не знаетъ — и поэтому я очень совѣтовалъ Государю не дѣлать этого назначенія.

Хотя, повидимому, сопротивленіе мое не понравилось Императору, но онъ все-таки спросилъ меня: «кого же назначить вмѣсто Кази?» — Я посовѣтовалъ назначить моего товарища Анатолія Павловича Иващенкова.

А. П. Иващенковъ, когда я пріѣзжалъ въ Петербургъ и сдѣлался директоромъ департамента, служилъ въ государственномъ контролѣ и былъ тамъ правою рукою государственнаго контролера Сольскаго. Затѣмъ, когда я былъ назначенъ министромъ путей сообщенія, то я взялъ Иващенкова къ себѣ, руководствуясь той репутаціей, которую онъ имѣлъ; онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ порядочный. Зная, что въ министерствѣ путей сообщенія дѣлается очень много злоупотребленій въ области водяныхъ сообщеній и шоссе, я сдѣлалъ А. П. Иващенкова своимъ товарищемъ.

Когда я былъ назначенъ на постъ министра финансовъ, то я взялъ Иващенкова къ себѣ и какъ товарища министра финансовъ.

Это былъ въ высокой степени почтенный человѣкъ, но не особенно большого таланта и ума. Это былъ скромный чиновникъ, но онъ обладалъ громадною уравновѣшенностью, громадною способностью работать, весьма толковый, словомъ это былъ типъ выдающагося, хорошаго бюрократа.

Государь сказалъ мнѣ, что онъ объ Иващенковѣ подумаетъ.

Въ слѣдующій мой докладъ Его Величество сказалъ мнѣ, что онъ думалъ относительно Иващенкова, но что онъ считаетъ невозможнымъ его назначить. Государь прямо сказалъ мнѣ, что главная причина этого заключается въ томъ, что онъ мой товарищъ и что, когда онъ сдѣлается министромъ путей сообщенія, то всѣ будутъ говорить, что все, что дѣлаетъ Иващенковъ, онъ дѣлаетъ подъ моимъ вліяніемъ. Государь сказалъ, что вообще ему Иващенковъ не нравится, что вообще

ему его не хочется назначать — и поэтому склонялся опять назначить министромъ путей сообщенія Кази.

Я очень отговаривалъ Его Величество отъ этого. Когда же онъ поставилъ мнѣ вопросъ: «Кого же полагаете въ такомъ случаѣ назначить?» — у меня вдругъ блеснула мысль о князѣ Хилковѣ и я сказалъ: «Князя Хилкова».

Государь говоритъ: «Я его совсѣмъ не знаю».

Тогда я сказалъ Его Величеству:

— Ваше Величество, спросите Вашу матушку, и я убѣжденъ въ томъ, что если вы скажете вашей матушкѣ, что вотъ я рекомендую Хилкова, то ваша матушка въ особенности меня поддержитъ.

А между прочимъ, мнѣ Государь говорилъ, что именно его матушка почему-то не сочувствовала моему предложенію назначить Иващенкова; значитъ Государь уже совѣтовался съ Императрицей-матерью, а поэтому, мнѣ тогда же пришло въ голову указать такое лицо, къ которому навѣрно Императрица отнесется крайне благосклонно.

Государь говоритъ: «Я спрошу мою матушку».

Я ушелъ къ себѣ домой въ министерство. Это было около половины перваго, а уже въ три часа ко мнѣ пріѣхалъ князь Хилковъ, который сказалъ мнѣ, что его видѣлъ Государь и неожиданно предложилъ ему сейчасъ же занять постъ министра путей сообщенія, что для него, Хилкова, это совершенно неожиданно и что онъ говорилъ Государю, что онъ боится занять этотъ постъ, не зная, какъ я буду къ этому относиться, потому что я, какъ министръ финансовъ, могу имѣть большое вліяніе на министерство путей сообщенія и кромѣ того, такъ какъ я ранѣе былъ министромъ путей сообщенія, то пользовался большимъ авторитетомъ и по всѣмъ вопросамъ, касающимся желѣзныхъ дорогъ.

На это Государь сказалъ Хилкову:

— Да мнѣ Сергѣй Юльевичъ васъ первый рекомендовалъ; поѣзжайте къ нему и съ нимъ уговоритесь.

Поэтому Хилковъ и пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ очень смущенъ, такъ какъ это являлось для него совершенной неожиданностью. Онъ спросилъ меня: «можетъ ли онъ разсчитывать, что я буду ему оказывать всякое содѣйствіе». Я успокоилъ его въ этомъ отношеніи.

Хилковъ, конечно, принялъ постъ министра путей сообщенія. На этомъ посту онъ оставался до 17-го октября 1905 г. Когда же я сдѣлался

Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, то я просилъ его оставить это мѣсто, о чемъ я буду говорить впослѣдствіи.

Теперь я хочу разсказать, почему я рекомендовалъ Хилкова.

Въ царствованіе Императора Николая I мать Хилкова была очень близка къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Самъ Хилковъ былъ гвардейскимъ офицеромъ Семеновскаго полка, у него было имѣніе въ Тверской губ. Въ 60-хъ годахъ, когда явилось большое либеральное теченіе по освобожденію крестьянъ, онъ роздалъ большую часть своихъ земель крестьянамъ и, будучи крайне либеральныхъ воззрѣній, уѣхалъ въ Америку, почти безъ всякихъ средствъ.

Въ Америкѣ онъ началъ служить. Тогда только что стало сильно развиваться вездѣ желѣзнодорожное дѣло. Сначала Хилковъ поступилъ на желѣзную дорогу простымъ рабочимъ, затѣмъ сдѣлался помощникомъ машиниста, потомъ занялъ мѣсто машиниста на американской дорогѣ.

Когда у насъ началось усиленное строительство желѣзныхъ дорогъ — Хилковъ переѣхалъ въ Россію.

Въ то время я окончилъ курсъ въ университетѣ, и, когда самъ поступилъ на желѣзную дорогу, то встрѣтился въ первый разъ съ Хилковымъ. Тогда я занималъ мѣсто помощника начальника движенія Одесской желѣзной дороги, а онъ былъ начальникомъ паровознаго депо[1] въ Конотопѣ на Курско-Кіевской жел. дор.

Затѣмъ я часто встрѣчалъ Хилкова, и когда Чихачевъ сдѣлался директоромъ Русскаго Общества пароходства и торговли и Одесской желѣзной дороги, а я былъ его помощникомъ, то я рекомендовалъ Хилкова Чихачеву. Но Хилковъ тогда не перешелъ на Одесскую желѣзную дорогу; сначала онъ хотѣлъ перейти, но потомъ отказался и переѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ онъ былъ начальникомъ тракціи на Московско-Рязанской жел. дор. Когда же у насъ началась Восточная война, то Хилковъ переѣхалъ въ Болгарію. Во время войны онъ тамъ служилъ на военной желѣзной дорогѣ и даже, кажется, временно былъ въ Болгаріи министромъ путей сообщенія. Послѣ, когда начался Хивинскій походъ въ Среднюю Азію и Анненковъ началъ строить Средне-Азіатскую желѣзную дорогу, то Хилковъ пошелъ въ помощники къ генералу Анненкову. Все это время я встрѣчался съ Хилковымъ.

[1] Хилковъ былъ старшимъ машинистомъ, т. е. начальникомъ машинистовъ даннаго района. Депо — это извѣстное отдѣленіе, въ районѣ котораго двигаются данные паровозы.

Когда же я сдѣлался министромъ путей сообщенія, то я предложилъ Хилкову мѣсто управляющаго Орлово-Грязинской жел. дор., каковой постъ онъ и занялъ.

Когда же я сдѣлался министромъ финансовъ, а на мое мѣсто былъ назначенъ Кривошеинъ, то онъ сдѣлалъ Хилкова старшимъ инспекторомъ жел. дор.

Съ этого поста Хилковъ былъ прямо назначенъ министромъ путей сообщенія.

Когда Хилковъ былъ начальникомъ тракціи Московско-Рязанской жел. дор., то предсѣдателемъ правленія этой дороги былъ Дервизъ.

Жена его м-мъ Дервизъ, вторымъ бракомъ — г-жа Дукмасова. Это та самая г-жа Дукмасова, которая въ прошломъ году обвинялась въ томъ, что она будто бы отравила своего мужа.

Дервизъ, будучи предсѣдателемъ правленія, получалъ большое содержаніе; во время войны имъ былъ устроенъ на свой счетъ санитарный поѣздъ. Поѣздъ этотъ приняла подъ свое покровительство Цесаревна Марія Ѳеодоровна, будущая Императрица Марія Ѳеодоровна. Хилковъ былъ главнымъ уполномоченнымъ на этомъ поѣздѣ. Поэтому Цесаревна Марія Ѳеодоровна часто встрѣчалась съ Хилковымъ, всегда ѣздила съ этимъ поѣздомъ или, по крайней мѣрѣ, наблюдала за этимъ поѣздомъ, когда, во время войны, поѣздъ этотъ перевозилъ раненыхъ съ Балканскаго полуострова въ Петербургъ.

Хилковъ чрезвычайно понравился Цесаревнѣ и когда уже кончилась война, Хилковъ, бывая въ Петербургѣ, съ разрѣшенія будущей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, являлся къ ней. Потомъ, когда Марія Ѳеодоровна сдѣлалась вдовствующей Императрицей, Хилковъ также продолжалъ иногда приходить къ ней. Вообще Марія Ѳеодоровна относилась къ Хилкову съ крайней симпатіей.

И, дѣйствительно, какъ личность, Хилковъ былъ совершенно исключительнымъ человѣкомъ: съ одной стороны, онъ былъ человѣкъ высшаго общества, а съ другой стороны — онъ прошелъ такую удивительную карьеру. Поэтому совершенно естественно, что когда Государь сказалъ Императрицѣ, что теперь Витте рекомендуетъ Хилкова, то насколько Марія Ѳеодоровна отрицательно отнеслась къ моей первой рекомендаціи, настолько же она обѣими руками ухватилась за мою вторую рекомендацію. Она такъ настаивала на моемъ выборѣ, что я сказалъ Государю о Хилковѣ въ $12^1/_2$ часовъ, а въ 3 часа Хилковъ, почти что назначенный министромъ путей сообщенія, уже былъ у меня.

Относительно Хилкова я долженъ сказать, что онъ прекрасно зналъ желѣзнодорожное дѣло, зналъ все, что касается паровозовъ и тракціи, онъ былъ опытный желѣзнодорожникъ, вообще былъ человѣкъ чрезвычайно воспитанный, человѣкъ высшаго общества и по существу, былъ хорошій человѣкъ, но онъ имѣлъ маленькій недостатокъ — это слабость къ женщинамъ. Вслѣдствіе этой слабости въ его карьерѣ были черныя точки.

Конечно, Хилковъ не былъ государственнымъ человѣкомъ и всю свою жизнь онъ оставался скорѣе оберъ-машинистомъ, нежели министромъ путей сообщенія.

Я, конечно, этого не зналъ, такъ какъ это совершенно ясно обнаружилось только тогда, когда онъ сдѣлался министромъ путей сообщенія, но все же я имѣлъ такое предчувствіе, мнѣ казалось, что Хилковъ не государственный человѣкъ, поэтому я и рекомендовалъ его уже, такъ сказать, въ крайности, понимая, что, какъ государственный человѣкъ, онъ будетъ очень слабъ, что и оказалось въ дѣйствительности.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія Императора Николая II на престолъ, умеръ министръ иностранних дѣлъ Гирсъ и явился вопросъ о назначеніи новаго министра.

Временно управленіе министерствомъ было поручено товарищу Гирса — Шишкину, очень почтенному и прекрасному человѣку, но человѣку болѣе нежели недалекому и по наружности весьма не представительному. Онъ изъ себя представлялъ такую личность, что ни у кого не могло явиться сомнѣнія въ томъ, что онъ будетъ управлять министерствомъ самое короткое время. И, дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, черезъ нѣсколько недѣль, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ князь Лобановъ-Ростовскій, нашъ посолъ въ Вѣнѣ. Это было одно изъ такихъ назначеній, которое очень многихъ удивило; оно показало, что Императоръ Николай былъ совсѣмъ не въ курсѣ дѣла, совсѣмъ не зналъ личнаго состава государственныхъ дѣятелей, находящихся на различныхъ высшихъ мѣстахъ гражданскаго и военнаго управленія, въ противномъ случаѣ Императоръ конечно бы не назначилъ князя Лобанова-Ростовскаго, не потому чтобы Лобановъ-Ростовскій былъ хорошимъ или дурнымъ министромъ, а только въ виду той оцѣнки, которую ему далъ Императоръ Александръ III [1]. Въ то время Императоръ Николай преклонялся передъ

[1] У Императора Александра III было такое свойство: онъ часто не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ и резолюціяхъ. Такъ, на донесеніи князя Лоба-

памятью своего отца и старался буквально исполнять всѣ его завѣты, руководствоваться всѣми его мнѣніями. И такъ какъ Императоръ Николай II не былъ посвященъ во всѣ дѣла, а потому въ большинствѣ случаевъ не могъ знать ни мнѣній своего покойнаго отца, ни его оцѣнки различныхъ лицъ и различныхъ обстоятельствъ, то единственнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи ему служила его матушка.

Князь Лобановъ-Ростовскій былъ человѣкъ видный, во всякомъ случаѣ это была личность, хотя выборъ его въ министры иностранныхъ дѣлъ, по моему мнѣнію, былъ неудаченъ, такъ какъ едва ли онъ могъ быть серьезнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Еще въ моей юности я слыхалъ о Лобановѣ-Ростовскомъ; когда я былъ еще совсѣмъ мальчикомъ — онъ былъ уже молодымъ человѣкомъ, посломъ въ Константинополѣ. Я помню, что кто-то изъ моего семейства ѣздилъ въ Константинополь и потомъ, возвратясь оттуда, разсказывалъ, что въ Константинополѣ онъ былъ въ церкви посольства и, присутствуя на церковномъ служеніи, былъ очень удивленъ тѣмъ, что въ церковь пришелъ нашъ посолъ, одѣтый чуть ли не въ халатъ. Я помню, что я слышалъ объ этомъ нѣсколько разъ и каждый разъ онъ разсказывалъ объ этомъ съ большимъ возмущеніемъ. Затѣмъ говорили, что вообще Лобановъ-Ростовскій въ Константинополѣ крайне афишируется съ различными дамами не совсѣмъ серьезнаго поведенія.

Когда князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, мнѣ пришлось съ нимъ очень близко встрѣчаться на деловой почвѣ. Я буду имѣть случай разсказывать впослѣдствіи многіе изъ эпизодовъ этихъ различныхъ встрѣчъ, теперь же скажу только, что общее мое заключеніе о немъ таково:

нова-Ростовскаго Императоръ написалъ въ высшей степени рѣзкую резолюцію о личности князя Лобанова-Ростовскаго; сущность резолюціи заключалась въ томъ, что онъ, молъ, Лобановъ-Ростовскій — человѣкъ совершенно легкомысленный; это, въ сущности, была правда, но Императоръ написалъ резолюцію въ очень рѣзкой формѣ. — Когда впослѣдствіи (о чемъ я буду говорить сейчасъ) князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлался при Императорѣ Николаѣ II министромъ иностранныхъ дѣлъ — министерство иностранныхъ дѣлъ совершенно не знало: какъ поступить съ этой резолюціей Императора Александра III. Я помню, что мнѣ говорилъ графъ Ламсдорфъ, — который былъ скромнымъ сотрудникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но вслѣдствіе своихъ личныхъ качествъ былъ всегда очень близокъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу, — что тогда явилось рѣшеніе: или же уничтожить эту бумагу, чтобы она какъ нибудь случайно не попала на глаза князю Лобанову-Ростовскому, или же ее какъ нибудь такъ спрятать въ архивъ, чтобы она не могла ни къ кому попасть въ ближайшее время. Какъ они рѣшили — я этого не знаю.

Лобановъ-Ростовскій былъ человѣкъ весьма образованный, очень свѣтскій; онъ отлично владѣлъ языками, очень хорошо владѣлъ перомъ, зналъ превосходно внѣшнюю сторону дипломатической жизни; былъ очень склоненъ къ нѣкоторымъ серьезнымъ занятіямъ, — такъ, напр., къ различнымъ историческимъ изслѣдованіямъ, которыя, въ сущности, касались различныхъ родословныхъ; на этомъ поприщѣ онъ даже пріобрѣлъ себѣ нѣкоторый авторитетъ и составилъ нѣсколько книгъ; онъ былъ очень остроумный собесѣдникъ.

Мнѣ не случалось бывать съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ въ женскомъ обществѣ, но я полагаю, что онъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ весьма остроумный и тонко воспитанный.

Но, съ другой стороны, надо сказать, что Лобановъ-Ростовскій въ теченіе всей своей жизни не занимался серьезнымъ дѣломъ; онъ не имѣлъ привычки посвящать дѣлу много времени. Вообще умъ его былъ болѣе блестящій — нежели серьезный.

Несмотря на его уже большія лѣта, — когда онъ сдѣлался министромъ, ему было значительно за 60 лѣтъ, — онъ остался тѣмъ же, сохранивъ въ себѣ основу своей натуры, т.-е. крайнее легкомысліе. Подобное свойство натуры могло являться симпатичнымъ въ общественной жизни, но не могло принести сколько бы то ни было благопріятныхъ плодовъ въ дѣятельности государственной.

Какимъ же образомъ князь Лобановъ-Ростовскій былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ?

Его рекомендовалъ на это мѣсто Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, предсѣдатель государственнаго совѣта, который въ первое время царствованія Императора Николая вліялъ на Императора въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ какъ по лѣтамъ онъ былъ старшимъ въ Царскомъ родѣ, былъ человѣкъ очень почтенный, хотя весьма ограниченный.

На Великаго же Князя Михаила Николаевича повліялъ государственный секретарь Александръ Александровичъ Половцевъ, который въ силу своихъ обязанностей находился въ постоянныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю. А. А. Половцевъ былъ очень друженъ съ Лобановымъ-Ростовскимъ; подружился онъ съ нимъ во время своихъ многократныхъ и продолжительныхъ поѣздокъ за границу.

У кн. Лобанова-Ростовскаго и у А. А. Половцева были въ нѣкоторомъ отношеніи одинаковые характеры; такъ, оба они были люди культурные, образованные, свѣтскіе; оба имѣли наклонность къ различнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и, до извѣстной степени, стре-

мились привязать свои имена къ фалангѣ русскихъ исторіографовъ; оба были жуиры и любили пользоваться жизнью. Александръ Александровичъ Половцевъ, какъ человѣкъ богатый, ѣздя за границу, могъ пускать пыль въ глаза, благодаря своему состоянію, а кн. Лобановъ-Ростовскій — благодаря своему положенію, какъ чрезвычайный посолъ русскаго Императора.

Разница между ними, главнымъ образомъ, была та, что кн. Лобановъ-Ростовскій былъ гораздо болѣе бариномъ, нежели А. А. Половцевъ, который по натурѣ своей былъ очень похожъ на барина. А. А. Половцевъ дорожилъ заграничною дружбою Лобанова-Ростовскаго, какъ чрезвычайнаго посла и русскаго князя, человѣка въ высокой степени великосвѣтскаго, а Лобановъ-Ростовскій до извѣстной степени дорожилъ дружбою А. А. Половцева, какъ человѣка чрезвычайно богатаго.

Вотъ А. А. Половцевъ и убѣдилъ Великаго Князя Михаила Николаевича, что наиболѣе подходящимъ лицомъ для назначенія на постъ министра иностранныхъ дѣлъ является кн. Лобановъ-Ростовскій.

Собственно по дипломатической карьерѣ, дѣйствительно, Лобановъ-Ростовскій былъ одинъ изъ самыхъ старыхъ нашихъ пословъ и съ внѣшней стороны — онъ былъ человѣкъ блестящій.

Итакъ, Михаилъ Николаевичъ рекомендовалъ Лобанова-Ростовскаго Императору, а Государь, совсѣмъ не зная его и не зная, какъ къ нему относился Императоръ Александръ III, назначилъ Лобанова-Ростовскаго, причемъ Лобановъ-Ростовскій не былъ сразу назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, что его очень обидѣло. Когда Лобановъ-Ростовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ я видѣлъ его первый разъ, то онъ мнѣ даже высказалъ это; онъ сказалъ, что удивляется, какъ это его, съ его положеніемъ, — онъ былъ дѣйствительный тайный совѣтникъ, и долгое время былъ посломъ, — назначили управляющимъ министерствомъ, а не министромъ. — Но въ самомъ короткомъ времени, черезъ нѣсколько недѣль, — былъ изданъ указъ о назначеніи Лобанова-Ростовскаго не управляющимъ, а министромъ, что, опять таки, было сдѣлано при посредствѣ А. А. Половцева.

Какъ я уже говорилъ, князь Лобановъ-Ростовскій всю карьеру свою дѣлалъ на дипломатическомъ поприщѣ, но одно время онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и даже короткое время былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, — не помню при комъ: при Валуевѣ или при Тимашевѣ.

По поводу этого мнѣ вспомнилось слѣдующее: какъ то разъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ (я тогда служилъ на Одесской жел. дор.)

я пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ у моего дяди генерала Фадѣева, который жилъ въ гостинницѣ «Франція» на Малой Морской улицѣ. У моего дяди вечеромъ собрались его пріятели, были: Черняевъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ (будущій министръ Двора и теперешній намѣстникъ на Кавказѣ), князь Лобановъ-Ростовскій, братъ будущаго министра иностранныхъ дѣлъ. — Этотъ Лобановъ-Ростовскій постоянно жилъ за границей и, весьма рѣдко пріѣзжая въ Россію, оставался здѣсь очень непродолжительное время.

Вотъ этого то Лобанова-Ростовскаго кто-то при мнѣ спросилъ, долго ли онъ останется въ Россіи? Онъ отвѣтилъ, что недолго, что онъ, какъ можно скорѣе, хочетъ уѣхать за границу. Тогда ему сказали: «Что-жъ это вы такъ спѣшите уѣхать за границу? Прежде, когда вы пріѣзжали, вы оставались довольно долго въ Россіи». Лобановъ-Ростовскій на это говоритъ:

— Какъ-же я могу остаться въ Россіи, когда она дошла до такого положенія, что даже мой братъ можетъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ?

Князь Лобановъ-Ростовскій, конечно, понравился Государю и Государынѣ; да онъ и не могъ не понравиться, потому что онъ былъ человѣкъ весьма приличный, образованный, въ свѣтскомъ смыслѣ, въ высшей степени тонко, такъ что и юморъ его былъ въ высшей степени тонкій.

2 Апрѣля 1895 г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ по рекомендаціи Побѣдоносцева былъ назначенъ Горемыкинъ, который до этого назначенія занималъ постъ товарища министра юстиціи.

Горемыкинъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ не по выбору Ивана Николаевича Дурново, такъ какъ Иванъ Николаевичъ представилъ другихъ кандидатовъ и между прочимъ князя Кантакузена графа Сперанскаго. Но въ то время Государь уже началъ относиться недовѣрчиво къ министру внутреннихъ дѣлъ Дурново. Что послужило причиной этому, я въ точности не знаю, но Иванъ Николаевичъ Дурново говорилъ мнѣ тогда, что онъ приписываетъ нѣкоторое недовѣріе Государя Императора вліянію его Августѣйшей матушки; что Августѣйшая матушка недовольна имъ, потому что, будто бы имъ, Дурново, перлюстрируются письма, ею получаемыя, въ чемъ она и увѣряетъ Императора.

Иванъ Николаевичъ Дурново говорилъ мнѣ, что онъ перлюстраціей писемъ не занимается, хотя утвержденіе это было невѣрно, какъ въ отношеніи его, такъ и въ отношеніи всѣхъ послѣдующихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. Недавно погибшій министръ внутреннихъ дѣлъ Столыпинъ точно также негодовалъ, возмущался дѣлаемыми предположеніями, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имъ перлюстрируются частныя письма. Между тѣмъ, я знаю совершенно достовѣрно, что письма эти перлюстрировались и что Столыпинъ посвящалъ очень много времени чтенію чужихъ писемъ. Это приносило вредъ и мнѣ, ибо, когда я былъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, то и мнѣ одно время давали всѣ эти письма, и я знаю по себѣ, какъ эти письма вліяютъ на нервы и возбуждаютъ различныя чувства.

Послѣ отставки И. Н. Дурново Императоръ Николай II не назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягина, какъ это было въ мысляхъ его отца Императора Александра III, а назначилъ Горемыкина. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Когда уходилъ Иванъ Николаевичъ Дурново, то явился вопросъ, кого назначить вмѣсто него, и Государь Императоръ какъ то разъ, когда я пришелъ къ нему, спросилъ объ этомъ мое мнѣніе:

— Какъ вы думаете, кого бы вы мнѣ посовѣтовали назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ? Тогда я въ свою очередь спросилъ у Государя, кого онъ имѣетъ въ виду — потому что мнѣ самому не хотѣлось бы указывать лицъ, а я бы могъ дать только характеристику того или другого лица, которое будетъ указано Государемъ.

Государь мнѣ на это отвѣтилъ, что ему рекомендуютъ двухъ лицъ: Плеве и Сипягина. Кто ему ихъ рекомендуетъ, Государь не говорилъ, но я, конечно, догадался.

Что касается Плеве, то его рекомендовалъ Государю Николаю II И. Н. Дурново такъ же, какъ онъ его рекомендовалъ Императору Александру III; а что касается Сипягина, то относительно его, вѣроятно, Императору Николаю II было извѣстно, что это былъ кандидатъ въ министры его отца.

Относительно Плеве и Сипягина я сказалъ Государю слѣдующее, что Плеве и Сипягина я обоихъ хорошо знаю. Плеве дѣлалъ свою карьеру, какъ юристъ, онъ дослужился до прокурора судебной палаты; затѣмъ при Лорисъ-Меликовѣ изъ прокурора судебной палаты онъ былъ назначенъ директоромъ департамента полиціи; изъ директора департамента полиціи онъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, государственнымъ секретаремъ. Я сказалъ, что человѣкъ онъ несомнѣнно очень умный, очень опытный, хорошій

юристъ, вообще человѣкъ очень дѣловой, въ состояніи много работать и очень способный, но насколько на него можно положиться въ томъ смыслѣ — каковы его убѣжденія, есть ли это въ данный моментъ его убѣжденія, искренни ли они, глубоки ли, а не просто ли карьерныя — объ этомъ всегда судить очень трудно.

Когда Плеве былъ прокуроромъ судебной палаты, онъ былъ довольно либеральныхъ идей, вслѣдствіе этого графъ Лорисъ Меликовъ, когда онъ былъ начальникомъ верховнаго управленія, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (его тогда называли диктаторомъ сердца Императора Александра II) — взялъ Плеве директоромъ департамента полиціи. Въ то время Плеве поклонялся политикѣ Лорисъ Меликова, сочувствовалъ его болѣе или менѣе конституціоннымъ идеямъ.

Затѣмъ Лорисъ Меликова смѣнилъ графъ Игнатьевъ. Плеве былъ правою рукою графа Игнатьева и поклонялся графу Игнатьеву, хотя, какъ извѣстно, мнѣнія графа Игнатьева совершенно не сходились съ мнѣніями Лорисъ-Меликова.

Лорисъ-Меликовъ былъ конституціоналистомъ въ западномъ смыслѣ, а графъ Игнатьевъ былъ практическій славянофилъ, видѣвшій спасеніе въ земскомъ совѣщательномъ соборѣ.

Затѣмъ графъ Игнатьевъ былъ смѣненъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Толстымъ. Толстой, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, явился представителемъ въ полномъ смыслѣ слова самодержавной бюрократіи и Плеве сталъ самымъ большимъ поклонникомъ и сторонникомъ его системы; проводилъ его мысли и чуть ли не клялся надъ его, Толстого, формулой, какъ на текстѣ Евангелія.

Затѣмъ я сказалъ Его Величеству:

— А каковы въ дѣйствительности мнѣнія и убѣжденія Плеве, объ этомъ, я думаю, никто не знаетъ, да полагаю, что и самъ Плеве этого не знаетъ. Онъ будетъ держаться тѣхъ мнѣній, которыя онъ считаетъ въ данный моментъ для него лично выгодными и выгодными для того времени, когда онъ находится у власти.

* Я не сказалъ Государю, что Плеве ренегатъ изъ за карьеры, а я думаю, что не можетъ быть честнаго человѣка, мѣняющаго свою религію изъ житейскихъ выгодъ. Я также не сказалъ Государю, что Плеве по натурѣ хамъ и сдѣлался ярымъ адвокатомъ всѣхъ дворянскихъ эгоистическихъ тенденцій не по убѣжденіямъ и не по традиціямъ (его отецъ еще не былъ дворяниномъ, а чуть ли не органистомъ у какого то польскаго помѣщика), а потому, что посредствомъ дворянской

клики у престола онъ дѣлалъ и сдѣлалъ свою карьеру. Какъ ренегатъ и не русскій, онъ, конечно, дабы показать какой онъ «истинно-русскій и православный» готовъ былъ на всякія стѣснительныя мѣры по отношенію ко всѣмъ подданнымъ Его Величества не православнымъ. Вотъ почему Побѣдоносцевъ его презиралъ, такъ какъ самъ Побѣдоносцевъ это дѣлалъ по убѣжденію. Всѣ люди грѣшны и забавляются «благороднымъ занятіемъ», какъ выражаются итальянцы, но мало уважаютъ тѣхъ особъ, съ которыми они забавляются. *

Что же касается Сипягина, то я сказалъ, что Сипягинъ гораздо менѣе образованъ, гораздо менѣе способный, нежели Плеве. Хотя онъ кончилъ курсъ въ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, но имѣетъ довольно слабыя юридическія знанія и даже довольно слабыя вообще научныя знанія. Будучи предводителемъ дворянства, а затѣмъ вице-губернаторомъ и губернаторомъ, онъ довольно хорошо знаетъ административную губернскую часть. Вообще это человѣкъ съ здравымъ смысломъ, но что касается знаній, таланта, опыта, то онъ гораздо ниже Плеве. Но за то Сипягинъ — это человѣкъ убѣжденій; убѣжденія его очень узкія, чисто дворянскія, онъ придерживается принципа самодержавія, патріархальнаго управленія государствомъ на мѣстахъ; это его убѣжденія и убѣжденія твердыя. Вообще Сипягинъ своихъ убѣжденій не мѣняетъ; человѣкъ онъ прекрасной души, по натурѣ весьма гуманный, твердый и представляетъ собою въ истинномъ смыслѣ слова образецъ русскаго благороднаго дворянина.

Сдѣлавъ характеристику этихъ обоихъ лицъ, я разстался съ Его Величествомъ и черезъ нѣкоторое время уѣхалъ въ Виши[1].

Когда мѣсяца черезъ полтора, два я вернулся обратно изъ Виши — министръ внутреннихъ дѣлъ еще не былъ назначенъ, а Иванъ Николаевичъ Дурново, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ финансовъ, я сразу почувствовалъ крайнее неудобство отсутствія министра внутреннихъ дѣлъ. Замѣщалъ министра внутреннихъ дѣлъ временно его товарищъ Горемыкинъ, который ничего на себя брать не хотѣлъ, потому что каждый день могъ быть назначенъ другой министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе чего Горемыкинъ велъ однѣ текущія дѣла.

[1] * Я имѣлъ неосторожность передать мой разговоръ съ Его Величествомъ И. Н. Дурново, который, конечно, его передалъ Плеве, какъ я узналъ впослѣдствіи. *

При первомъ же моемъ докладѣ Государю Императору я спросилъ, кого же Его Величество полагаетъ назначить, причемъ указалъ на то, что я засталъ цѣлый рядъ бумагъ и дѣлъ не рѣшенныхъ и не двигающихся вслѣдствіе отсутствія министра внутреннихъ дѣлъ.

На это мнѣ Императоръ Николай II сказалъ:

— Я послѣ нашего разговора, который я имѣлъ съ вами о Плеве и Сипягинѣ, спросилъ еще и мнѣніе К. П. Побѣдоносцева. Онъ, — говоритъ, — сказалъ мнѣ свое мнѣніе, но я такъ и не рѣшился кого-либо назначить, все ожидалъ вашего пріѣзда.

Тогда я спросилъ Государя:

— Какое же мнѣніе Константина Петровича, если Ваше Величество соизволите мнѣ это сказать?

— Да онъ очень просто мнѣ сказалъ; когда я указалъ на этихъ кандидатовъ, то Константинъ Петровичъ сказалъ, что Плеве подлецъ, а Сипягинъ — дуракъ.

Поэтому Государь и считалъ, что какъ того, такъ и другого назначить нельзя.

Тогда я спросилъ Государя:

— Что же, Ваше Величество, самъ онъ кого нибудь рекомендовалъ?

Государь улыбнулся и говоритъ:

— Да, онъ мнѣ рекомендовалъ... между прочимъ, онъ и о васъ говорилъ.

Очевидно, Государь не хотѣлъ передать то, что онъ сказалъ обо мнѣ, но я сразу догадался и говорю:

— Ваше Величество, хотя я не знаю, что говорилъ Побѣдоносцевъ, но почти увѣренъ, что могу догадаться, что онъ про меня сказалъ.

Государь спросилъ:

— А какъ вы думаете, что?

— Да, навѣрно, — говорю, — онъ сказалъ такъ: когда вы его спросили, кто же можетъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ отвѣтилъ Вашему Величеству: есть одинъ только человѣкъ, который можетъ быть министромъ, это вотъ Витте, да и тотъ... и тутъ онъ сказалъ какое нибудь слово, какое нибудь бранное слово, что нибудь вродѣ извѣстной фразы Собакевича въ «Мертвыхъ душахъ»: «одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья». — Государь разсмѣялся.

— Я, — говоритъ, — ему сказалъ, что если бы даже я рѣшилъ Васъ назначить, то это мнѣ не облегчило бы мою задачу, потому что мнѣ пришлось бы искать замѣстителя вамъ.

Затѣмъ Государь сказалъ мнѣ, что, когда онъ спросилъ Побѣдоносцева, кого же въ концѣ концовъ онъ рекомендуетъ назначить, Побѣдоносцевъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, надо назначить того, кто и теперь уже состоитъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, — т. е. Горемыкина.

А что Вы думаете по поводу назначенія Горемыкина? — спросилъ меня Государь.

Я отвѣтилъ Государю, что Горемыкина я сравнительно очень мало знаю, ничего о немъ опредѣленнаго сказать не могу, но что вообще Горемыкинъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка порядочнаго, причемъ добавилъ, что, по всей вѣроятности, Константинъ Петровичъ, между прочимъ, рекомендуетъ Горемыкина потому, что Горемыкинъ правовѣдъ и Константинъ Петровичъ тоже правовѣдъ, а извѣстно, что правовѣды также, какъ и лицеисты, держатся другъ за друга, все равно, какъ евреи въ своемъ кагалѣ.

И если, — сказалъ я — у Вашего Величества никого больше не имѣется въ виду, то можетъ быть вы рѣшитесь назначить Горемыкина?

Государь отвѣтилъ:

— Да, я назначу Горемыкина.

Когда я уходилъ отъ Государя изъ его кабинета, туда вошелъ Танѣевъ, и когда я съ нимъ ѣхалъ обратно изъ Царскаго въ Петербургъ, Танѣевъ мнѣ сказалъ:

— Какъ я радъ, что вы наконецъ вернулись изъ за границы. Государь все время не рѣшался — кого назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ, а вотъ сегодня приказалъ представить мнѣ ему указъ о назначеніи на этотъ постъ Горемыкина.

Съ вокзала я прямо поѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, къ Горемыкину и сказалъ ему, что мнѣ извѣстно, что Его Величеству угодно было рѣшить назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Горемыкинъ этой вѣстью былъ очень доволенъ и началъ говорить со мною о слѣдующемъ:

Со времени соединенія министерства внутреннихъ дѣлъ съ 3-мъ отдѣленіемъ министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлался по своей должности и шефомъ жандармовъ и такимъ образомъ министры внутреннихъ дѣлъ, кромѣ полагающагося имъ довольствія: содержанія, казенной квартиры, отопленія и проч., стали получать и по смѣтѣ жандармскаго управленія 50 тыс. руб. въ годъ на особые расходы. Подъ этими особыми расходами подразумѣвались расходы негласные, которые министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ начальникъ полиціи, иногда долженъ былъ производить

и о которыхъ трудно было кому либо давать отчеты, кромѣ, конечно, отчета Государю Императору.

Но постепенно эти 50.000 руб. министры внутреннихъ дѣлъ просто начали тратить на свои личныя нужды, а также на представительство, что, конечно, было некорректно.

Такъ вотъ Горемыкинъ, ни съ того, ни съ сего, сказалъ мнѣ, что онъ радъ получить самостоятельное мѣсто; радъ, что состоялось опредѣленное назначеніе, и что онъ теперь уже не временно управляющій министерствомъ, не калифъ на часъ. Первое, что онъ теперь сдѣлаетъ, это распорядиться, чтобы тѣ 50.000 руб., которыя получали министры внутреннихъ дѣлъ, чтобы ихъ ему не давали, а чтобы ихъ самъ департаментъ полиціи тратилъ на секретныя нужды.

Но это благое пожеланіе такъ и осталось «благимъ пожеланіемъ». Въ концѣ концовъ, Горемыкинъ продолжалъ получать эти 50.000 руб. и тратить ихъ на свои нужды, что дѣлали всѣ его преемники. Разница между ними и покойнымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ Столыпинымъ состояла лишь въ томъ, что они брали только эти 50.000, а когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлался Столыпинъ, то уже дѣло не ограничивалось 50.000, а, насколько мнѣ извѣстно, со словъ министра финансовъ и нынѣшняго предсѣдателя совѣта министровъ — Столыпинъ и его ближайшій помощникъ по дѣламъ полиціи Курловъ тратили на свои нужды, или на свое представительство уже не 50.000, а сотни тысячъ. Это было однимъ изъ послѣдствій такъ называемаго конституціоннаго порядка, который водворялъ П. А. Столыпинъ.

Горемыкинъ, до назначенія министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ довольно либеральнаго направленія, но, какъ только онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, подъ вліяніемъ свыше, боясь себя скомпрометировать, началъ вести довольно реакціонную политику [1].

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1896 г. былъ назначенъ дворцовымъ комендантомъ генералъ Гессе.

[1] Варіантъ. *Горемыкинъ въ теченіе своего управленія министерствомъ бездѣйствовалъ и не зналъ, куда ему идти, направо или налѣво. Онъ взялъ себѣ въ товарищи князя Алексѣя Дмитріевича Оболенскаго, человѣка очень не глупаго, хорошо образованнаго, убѣдительно говорящаго, честнаго, но крайне легкомысленнаго и впечатлительнаго.

Онъ и мнѣ принесъ много бѣдъ своею неуравновѣшенностью. Когда онъ говоритъ, онъ говоритъ по убѣжденію и убѣдительно, но убѣжденія его мѣняются также часто, какъ чистоплотные люди мѣняютъ бѣлье. Затѣмъ у

Когда Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ, то при немъ, весьма недолгое время, начальникомъ дворцовой охраны былъ его личный другъ графъ Воронцовъ-Дашковъ (нынѣшній Кавказскій намѣстникъ), который затѣмъ въ скоромъ времени былъ сдѣланъ министромъ двора и оставался министромъ двора въ теченіе всего царствованія Императора Александра III.

Начальникомъ конвоя въ это время былъ генералъ-адъютантъ Черевинъ.

Какъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, такъ и генералъ-адъютантъ Черевинъ были люди съ извѣстнымъ «я».

Молодой Императоръ, такъ сказать, выросъ на ихъ глазахъ, такъ какъ оба они были близки къ Императору Александру III не только, когда онъ сдѣлался Императоромъ, но и еще тогда, когда онъ былъ наслѣдникомъ-цесаревичемъ.

Поэтому Черевинъ нѣсколько стѣснялся Императора Николая II, а въ особенности Черевинъ не могъ нравиться молодой Императрицѣ, — особѣ весьма чистой и воспитанной на нѣмецко-англійскій манеръ, — —своею нѣкоторою распущенностью и рѣзкостью выраженій. Происходило это оттого, что Черевинъ имѣлъ одинъ недостатокъ: онъ весьма часто, можно сказать, почти ежедневно былъ не въ вполнѣ нормальномъ состояніи. Совершенно естественно, что всѣ эти аллюры Черевина не могли, конечно, нравиться Императрицѣ.

Вслѣдствіе этого, Черевинъ со времени вступленія на престолъ Императора Николая II, хотя и оставался начальникомъ охраны и лицомъ по положенію близкимъ къ Императору Николаю, но никакой интимности между нимъ и новою Императорскою четою уже не было. Черевинъ не видалъ ежедневно, — какъ это было прежде, — Императора и Императрицу; прежде онъ постоянно былъ приглашаемъ къ интимному столу, — обѣду, завтраку, — это все теперь перемѣнилось. Вообще, что касается личной жизни, то Черевинъ былъ очень отдаленъ отъ двора.

него крайне безпокойный характеръ, всегда онъ всюду во всѣ партіи суется, чтобы знать, что дѣлается и давать «совѣты». Онъ пользовался большимъ почетомъ у молодыхъ дамъ высшаго общества — его такъ и звали «дамскій оракулъ». Хотя, повторяю, онъ, въ сущности, хорошій, честный человѣкъ, но опасный совѣтчикъ. Оболенскій тащилъ Горемыкина налѣво, а другіе его сотрудники — направо. Конечно, Горемыкинъ никому не угодилъ, а предсѣдатель комитета министровъ, Дурново, который жилъ головою Плеве (тогда уже государственнаго секретаря, добивавшагося стать министромъ внутреннихъ дѣлъ), конечно, страшно интриговалъ противъ Горемыкина.*

Когда Государь переѣхалъ въ Зимній Дворецъ, а онъ поселился въ Зимнемъ Дворцѣ послѣ медовыхъ мѣсяцевъ, которые Государь провелъ со своею молодой женой въ Царскомъ, — то Черевинъ даже не получилъ помѣщенія ни въ Зимнемъ, ни въ Аничковомъ дворцахъ, а жилъ на частной квартирѣ.

Только отношенія вдовствующей Императрицы къ Черевину не перемѣнились; она осталась въ высокой степени къ нему расположенной и весьма любила и уважала Черевина.

Приближеннымъ Черевина былъ генералъ Гессе.

Генералъ Гессе раньше служилъ въ Преображенскомъ полку, потомъ состоялъ при Черевинѣ еще въ чинѣ полковника (Гессе при Императорѣ Александрѣ III я помню тоже въ чинѣ полковника).

Молодой Императоръ зналъ Гессе, такъ какъ онъ самъ служилъ одно время въ Преображенскомъ полку и командовалъ батальономъ; затѣмъ, когда Императоръ Николай II былъ еще Цесаревичемъ, Гессе училъ его ружейнымъ пріемамъ. Наконецъ, Гессе былъ приближеннымъ Черевина, а потому зналъ все, что касается дворцовой охраны.

Естественно поэтому, что послѣ смерти Черевина, вмѣсто него, былъ назначенъ Гессе.

Черевинъ умеръ отъ воспаленія легкихъ. Для него воспаленіе легкихъ было смертельною болѣзнью, потому что у лицъ, — подобно Черевину, — пропитанныхъ алкоголемъ, воспаленіе легкихъ обыкновенно кончается смертью.

Гессе былъ человѣкъ не дурной, довольно корректный, но во всѣхъ отношеніяхъ самый обыкновенный человѣкъ, и потому его нельзя сравнить съ Черевинымъ, такъ какъ Черевинъ былъ человѣкъ замѣчательнаго здраваго ума и крайне забавный; онъ представлялъ собою типичную личность.

Гессе сдѣлалъ военную карьеру между прочимъ и потому, что онъ былъ женатъ на дочери Козлянинова, бывшаго командующаго войсками въ Кіевѣ, сестра же его жены была фрейлиной при Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ. Такимъ образомъ, на карьеру Гессе имѣла вліяніе именно его женитьба на дочери генералъ-адъютанта, бывшаго командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа Козлянинова, который въ свое время имѣлъ очень большое значеніе въ военномъ мірѣ.

Сами Гессе еврейскаго происхожденія, въ нихъ есть значительная доля еврейской крови. Въ наружности генерала Гессе это не было замѣтно, но въ наружности его брата, который былъ въ Кіевѣ губер-

наторомъ (также вслѣдствіе вліянія Козлянинова), еврейскій типъ рѣзко проглядывалъ, что не мѣшало, какъ Кіевскому губернатору Гессе, такъ и генералу Гессе быть людьми весьма порядочными.

Супруга генерала Гессе также была дама весьма порядочная, но очень «себѣ на умѣ». Въ сущности она имѣла громадное вліяніе на мужа и вообще на устройство домашнихъ и мелкихъ дворцовыхъ дѣлъ, на устройство своего личнаго положенія, хотя она и была происхожденія чисто русскаго и крови чисто русской.

Многіе думаютъ, что если кто-нибудь имѣетъ предками евреевъ, то непремѣнно имѣетъ и недостатки этой націи, но это не вполнѣ вѣрно. Такъ, напримѣръ, въ Гессе его еврейское происхожденіе ничѣмъ не обнаружилось, тогда какъ въ его женѣ, которая была чисто русская, недостатки, которыми страдаютъ многіе евреи, были весьма замѣтны.

Характерно, что, когда вмѣсто Черевина былъ назначенъ Гессе, то въ высочайшемъ указѣ было сказано, что Государь ни въ какой охранѣ не нуждается, поэтому и начальникъ дворцовой охраны совсѣмъ не нуженъ, вслѣдствіе чего онъ, Гессе, назначается дворцовымъ комендантомъ.

Вотъ каковы были мысли, если не по существу, то въ смыслѣ постановки дѣла передъ обществомъ, въ 1896 году; если подумаешь о настоящемъ положеніи дѣла, о томъ значеніи охраны, о томъ, какъ она была выдвинута покойнымъ Столыпинымъ со всѣми этими исторіями Азефовъ, Дубровиныхъ, поддонковъ съ Сѣнной площади, союза русскаго народа; вспомнишь о Багровѣ, Казанцевѣ и о всевозможныхъ политическихъ охранникахъ, подъ различными наименованіями и видами, то можно сказать, что тѣ предвидѣнія, которыя въ то время были гласно высказаны относительно необходимости упраздненія дворцовой охраны и замѣны ее дворцовымъ комендантомъ, не вполнѣ оправдались.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ СЪ ЛИ-ХУНЪ-ЧАНОМЪ И ЗАКЛЮЧЕНІЕ ДОГОВОРА СЪ КИТАЕМЪ

Въ концѣ царствованія Имп. Александра III отношенія между Японіей и Китаемъ крайне обострились, а затѣмъ вспыхнула война между Японіей и Китаемъ. У насъ тогда войска на Дальнемъ Востокѣ во Владивостокѣ было очень мало. Ту часть войска, которая была во Владивостокѣ, мы направили къ Гирину на тотъ случай, чтобы эти самыя военныя дѣйствія между Японіей и Китаемъ не подвинулись на сѣверъ и не коснулись въ томъ или другомъ направленіи русскихъ владѣній и интересовъ, — вотъ все, что мы сдѣлали.

Въ это время Императоръ Александръ умеръ. Война эта кончилась полною побѣдою японцевъ. Вначалѣ царствованія Императора Николая II, какъ извѣстно, японцы взяли весь Ляодунскій полуостровъ и при заключеніи мира съ Китаемъ выговорили себѣ различныя выгоды и, главнымъ образомъ — пріобрѣтеніе всего Ляодунскаго полуострова.

При такомъ положеніи дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ то время строился великій Сибирскій желѣзнодорожный путь, который доходилъ уже почти до Забайкалья. Являлся вопросъ: какъ направить дальше желѣзную дорогу — по нашимъ владѣніямъ, дѣлая большой кругъ по Амуру, или въ томъ, или въ другомъ направленіи воспользоваться китайской территоріей, т. е. сѣверною частью Манджуріи.

Но вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ и никогда даже не было предположенія, чтобы мы могли достигнуть согласія Китая на проведеніе дороги по сѣверной Манджуріи.

Но такъ какъ все сооруженіе великаго Сибирскаго пути, т. е. соединеніе Владивостока съ Европейской Россіей, еще по завѣту Импера-

тора Александра III-го, было поручено мнѣ, то изъ государственныхъ дѣятелей единственно кто занимался этимъ вопросомъ — былъ я. Такъ какъ я болѣе всѣхъ остальныхъ, такъ сказать, игралъ роль въ этомъ дѣлѣ, то и дѣло это я наиболѣе изучилъ и зналъ.

Въ то время, въ сущности говоря, было очень мало лицъ, которыя знали бы вообще: что такое Китай, имѣли бы ясное представленіе о географическомъ положеніи Китая, Кореи, Японіи, о соотношеніи всѣхъ этихъ странъ; вообще въ отношеніи Китая наше общество и даже высшіе государственные дѣятели были полные невѣжды.

Только что назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій тоже не имѣлъ никакого понятія о дѣлахъ Дальняго Востока. Если бы его въ то время спросить: что такое Манджурія? Гдѣ Мукденъ? гдѣ Гиринъ? — то его знанія оказались бы знаніями гимназиста второго класса. Впрочемъ, это надо сказать не про одного Лобанова-Ростовскаго, а про большинство государственныхъ дѣятелей.

Князь Лобановъ-Ростовскій, какъ я уже прежде говорилъ, былъ человѣкъ очень образованный, онъ зналъ все, что касается Запада, Дальній же Востокъ его никогда не интересовалъ и онъ ничего о немъ не зналъ.

Не успѣлъ онъ получить постъ министра, какъ война между Японіей и Китаемъ кончилась извѣстнымъ Симоносекскимъ соглашеніемъ. Соглашеніе это представлялось мнѣ въ высокой степени неблагопріятнымъ для Россіи, ибо Японія получала территорію на Китайскомъ материкѣ, и благодаря этому приблизилась къ намъ въ томъ смыслѣ, что наши приморскія владѣнія, Приморскій край прежде отдѣлялся отъ Японіи моремъ, а теперь Японія переходила уже на материкъ и завязывала интересы на материкѣ, на томъ самомъ материкѣ, гдѣ были и наши весьма существенные интересы, а потому являлся вопросъ: какъ же поступить?

Въ то время вопросами Дальняго Востока занимался исключительно я. Государь Императоръ желалъ вообще распространить вліяніе Россіи на Дальній Востокъ и увлекался этой идеей именно потому, что въ первый разъ онъ вышелъ, такъ сказать, на свободу поѣздкою на Дальній Востокъ. Но, конечно, въ то время у него никакой опредѣленной программы не сложилось; было лишь только стихійное желаніе двинуться на Дальній Востокъ и завладѣть тамошними странами. Поэтому мнѣ въ то время пришлось всесторонне обдумать: какъ же надлежитъ поступить по поводу заключеннаго договора между Японіей и Китаемъ, по которому къ Японіи переходилъ весь Ляодунскій полуостровъ. Я пришелъ тогда къ заключенію, котораго держался все время, а именно, что Россіи наиболѣе выгодно имѣть около себя сосѣдомъ

своимъ — сильный, но неподвижный Китай, что въ этомъ заключается залогъ спокойствія Россіи со стороны Востока, а, слѣдовательно, и будущаго благоденствія Россійской Имперіи; поэтому мнѣ стало ясно, что невозможно допустить, чтобы Японія внѣдрилась около самаго Пекина и пріобрѣла столь важную область, какъ Ляодунскій полуостровъ, который въ извѣстномъ отношеніи представлялъ собою доминирующую позицію. Вслѣдствіе этого я поднялъ вопросъ о томъ, что необходимо воспрепятствовать осуществленію сказаннаго договора между Японіей и Китаемъ.

Благодаря этому, Его Величеству благоугодно было назначить совѣщаніе, которое имѣло мѣсто на временной квартирѣ [1], занимаемой тогда недавно назначеннымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Совѣщаніе это происходило подъ предсѣдательствомъ генералъ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича и состояло изъ слѣдующихъ лицъ: военнаго министра генералъ-адъютанта Ванновскаго, начальника Главнаго Штаба генералъ-адъютанта Обручева, управляющаго морскимъ министерствомъ Николая Матвѣевича Чихачева, меня и министра иностранныхъ дѣлъ.

Въ этомъ совѣщаніи я высказалъ и проводилъ тотъ принципъ, что весь интересъ Россіи на многіе и многіе годы заключается въ томъ, чтобы Китай оставался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, а для этого необходимо всѣми силами поддерживать принципъ цѣльности и неприкосновенности Китайской Имперіи.

Этотъ принципъ я проводилъ въ совѣщаніи весьма рѣшительно и твердо. Меня поддерживалъ лишь Ванновскій; Обручевъ относился довольно равнодушно къ этому вопросу, такъ какъ онъ всегда увлекался возможными столкновеніями на Западѣ и исключительно предавался этой идеѣ. Остальные же члены совѣщанія никакого опредѣленнаго мнѣнія не выражали.

Предсѣдатель этотъ вопросъ не баллотировалъ, а поставилъ другой вопросъ: какимъ образомъ поступить для осуществленія моего желанія?

Тогда я сказалъ, что Японіи необходимо поставить ультиматумъ, что мы не можемъ допустить нарушенія принципа цѣлости и неприкосновенности Китайской Имперіи, а потому не можемъ согласиться на тотъ договоръ, который состоялся между Японіей и Китаемъ; конечно, согласіе Китая на этотъ договоръ было вынужденнымъ, такъ какъ Китай является

[1] Это была квартира товарища министра иностранныхъ дѣлъ.

стороной побѣжденной. Затѣмъ я сказалъ, что Японіи, какъ сторонѣ побѣдившей, надо предоставить вознаградить свои расходы посредствомъ болѣе или менѣе значительной контрибуціи со стороны Китая. Если же Японія на это не согласится, то намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ начать активныя дѣйствія; что теперь еще не время судить о томъ, какія активныя дѣйствія предпринимать, но я того убѣжденія, что можно дойти и до бомбардировки нѣкоторыхъ японскихъ портовъ.

Такимъ образомъ въ этомъ совѣщаніи было ясно формулировано и мое убѣжденіе и какія средства я предлагаю для достиженія этого моего мнѣнія.

Но ничѣмъ опредѣленнымъ засѣданіе не кончилось, такъ какъ мнѣ никто опредѣленно не возражалъ, но въ то же время многіе члены этого совѣщанія не сказали, что они согласны съ моимъ мнѣніемъ. Князь Лобановъ-Ростовскій все время молчалъ.

Объ этомъ совѣщаніи Великимъ Княземъ было доложено Императору. Тогда Государь созвалъ совѣщаніе у себя, но уже не въ полномъ составѣ тѣхъ же лицъ; на этомъ совѣщаніи присутствовали только я, генералъ Ванновскій, князь Лобановъ-Ростовскій и Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Въ присутствіи Его Величества я опять повторилъ мои мнѣнія; другіе или совсѣмъ не возражали, или же возражали весьма слабо, въ концѣ концовъ Государь согласился принять мое предложеніе и князю Лобанову-Ростовскому поручено было привести его въ исполненіе. Нужно отдать справедливость князю Лобанову-Ростовскому, онъ это исполнилъ ловко: немедленно вошелъ въ соглашеніе съ Германіей и Франціей, которыя изъявили согласіе поддержать требованіе Россіи; затѣмъ, безъ промедленія Россіей былъ поставленъ Японіи ультиматумъ. Японія была вынуждена принять его и взамѣнъ Ляодунскаго полуострова потребовала значительную денежную контрибуцію.

Мы, т. е. Россія, въ вопросы о размѣрахъ контрибуціи и другіе вопросы не вмѣшивались, выставивъ только одинъ принципъ, а именно, что мы не можемъ допустить какого-бы то ни было нарушенія цѣлости территоріи Китайской Имперіи.

Такимъ образомъ состоялся Симоносекскій договоръ, въ которомъ территоріальное пріобрѣтеніе было замѣнено контрибуціей.

Одновременно я вошелъ въ сношенія съ Китаемъ и предложилъ услуги Россіи по заключенію займа. Конечно, такой большой заемъ

не могъ быть совершенъ Китаемъ только на основаніи кредита Китая, а потому Россія дала свою гарантію, т. е. что заемъ долженъ быть гарантированъ таможенными пошлинами, затѣмъ вообще достояніемъ Китая, а въ случаѣ неисправности Китая, Россія дала этому займу гарантію.

Кромѣ того, я же въ сущности и совершалъ для Китая этотъ заемъ между Парижскими банкирами на биржѣ; въ этомъ займѣ принимали участіе банкъ de Paris et Pays bas, Crédit Lyonnais, банкирскій домъ Готенгеръ; по этому дѣлу представители этихъ домовъ, а именно Нестли и Готенгеръ пріѣзжали сюда, причемъ они просили меня, чтобы взамѣнъ той услуги, которую они мнѣ дѣлаютъ по заключенію займа, я помогъ имъ по расширенію банковой дѣятельности въ Китаѣ со стороны французскаго рынка.

Вслѣдствіе этого, по моей иниціативѣ и по просьбѣ этихъ французскихъ банкировъ, мною былъ основанъ русско-китайскій банкъ, въ которомъ главное участіе приняли французы. Сперва значительнымъ акціонеромъ этого банка была и наша государственная казна, а въ послѣднее время она въ этомъ дѣлѣ не принимаетъ почти никакого участія. Послѣ несчастной русско-японской войны мы значительно потеряли нашъ престижъ въ Китаѣ, и этотъ русско-китайскій банкъ, мною основанный, въ которомъ принимали участіе, какъ французскіе банкиры и Россія, такъ и Китайская Имперія, которая сдѣлала довольно значительный вкладъ, — послѣ того, какъ я ушелъ изъ министерства финансовъ и послѣ того, какъ произошла несчастная русско-японская война, — потерялъ въ значительной степени подъ собою почву, и въ настоящее время соединенъ съ Сѣвернымъ банкомъ; такимъ образомъ, образовался новый банкъ, который называется русско-азіатскимъ банкомъ.

Послѣ того, какъ мы оказали такую значительную помощь Китаю, въ Китай ѣздилъ князь Ухтомскій, очень приближенный въ то время къ Государю, для того, чтобы съ одной стороны ближе познакомиться съ Китаемъ, а съ другой стороны, познакомиться съ тамошними государственными дѣятелями.

Когда наступило время коронованія Его Величества, то всѣ страны, — какъ это принято въ такихъ случаяхъ, — послали въ Россію своихъ представителей; представители эти были большей частью или же лица царствующихъ домовъ, или же высшіе государственные сановники. Отъ

Китая былъ посланъ Ли-Хунъ-Чанъ, — это самый выдающійся дѣятель, занимавшій въ то время наивысшій постъ въ Китаѣ, такъ что отправленіе Ли-Хунъ-Чана на коронацію должно было обозначать особую благодарность Китая нашему молодому Императору за оказанную имъ Китаю услугу въ томъ смыслѣ, что благодаря нашему Государю была спасена цѣлость китайской территоріи, а потомъ благодарность за оказанную нами помощь въ денежныхъ дѣлахъ Китая.

Между тѣмъ, въ то время нашъ великій Сибирскій путь уже подходилъ къ Забайкалью и являлась необходимость рѣшить вопросъ: какъ же вести его дальше. Весьма естественно, у меня родилась мысль вести желѣзную дорогу далѣе напрямикъ во Владивостокъ, перерѣзывая Монголію и сѣверную часть Манджуріи. Этимъ достигалось значительное ускореніе въ его сооруженіи. При этомъ великій Сибирскій путь являлся дѣйствительно транзитнымъ, міровымъ путемъ, соединяющимъ Японію и весь Дальній Востокъ съ Россіей и съ Европой.

Весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы достигнуть этой цѣли путемъ миролюбивымъ, основаннымъ на взаимно-коммерческихъ выгодахъ. Этою мыслью я увлекался и посвятилъ въ нее князя Ухтомскаго и имѣлъ случай докладывать объ этомъ и Его Величеству.

Между тѣмъ, въ это время докторъ Бадмаевъ [1] ѣздилъ къ себѣ на родину къ бурятамъ; онъ непремѣнно желалъ вести дорогу прямо черезъ

[1] Я познакомился съ Бадмаевымъ черезъ Ухтомскаго, къ которому онъ подлѣзъ во время одного изъ его путешествій въ Китай.

Бадмаевъ принадлежитъ къ типичнѣйшимъ азіатцамъ; человѣкъ онъ несомнѣнно весьма умный; въ отношеніи своего леченія — онъ обладаетъ большою долею шарлатанства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ своимъ леченіемъ онъ приноситъ пользу, но его леченіе всегда связано съ различными интригами и политикою. Это вскорѣ было замѣчено, какъ княземъ Ухтомскимъ, такъ и мною; мы ясно видѣли, что Бадмаевъ занимался вопросами Дальняго Востока, а поэтому онъ былъ совсѣмъ отдаленъ, какъ отъ князя Ухтомскаго, такъ и отъ меня.

Иногда же Бадмаевъ старается эти свои занятія сдѣлать источникомъ всевозможныхъ личныхъ денежныхъ аферъ.

Сначала Ухтомскій ввелъ Бадмаева и къ Цесаревичу Николаю и въ первое время своего царствованія Императоръ даже принималъ Бадмаева, и вообще относился къ нему благосклонно.

Уже много лѣтъ, какъ Ухтомскій, такъ и я, Бадмаева къ себѣ не допускали, но еще недавно я слыхалъ, что Бадмаевъ какъ-то сумѣлъ пролѣзть, какъ къ Курлову, который нынѣ, вслѣдствіе убійства Столыпина, потерялъ мѣсто, такъ и къ теперешнему дворцовому коменданту Дедюлину. Недавно еще въ Медицинскомъ Совѣтѣ разсматривалось дѣло объ учрежденіи какого-то общества леченія бурятской медициной, во главѣ съ Дедюлинымъ, Курловымъ, Бадмаевымъ. Изъ этого я вижу, что Бадмаевъ теперь снова пролѣзъ въ сферы высшей полиціи.

Кяхту въ Пекинъ, считая, что дорога, идущая на Владивостокъ, представляется второстепенной. Я, конечно, этой мысли никакъ не могъ сочувствовать, такъ какъ, во первыхъ, я считалъ необходимымъ соединеніе насъ съ Владивостокомъ; во вторыхъ, я считалъ, и весьма основательно, что такая дорога въ Пекинъ несомнѣнно подниметъ противъ насъ всю Европу.

Между тѣмъ, самое проведеніе великой Сибирской дороги, — по мысли Императора Александра III, — вовсе не являлось дѣломъ военно-политическимъ, а только экономическимъ, касающимся внутренней политики, а именно: помощью этой желѣзной дороги Императоръ Александръ III желалъ достигнуть кратчайшаго соединенія одной изъ нашихъ окраинъ — Приморской Области съ Россіей. Иначе говоря, вся великая Сибирская дорога имѣла въ глазахъ Императора Александра III, а также и въ глазахъ Императора Николая II только экономическое значеніе; значеніе въ смыслѣ оборонительномъ, а никакъ не наступательномъ; въ особенности она не должна была служить орудіемъ для какихъ бы то ни было новыхъ захватовъ.

Докторъ Бадмаевъ, когда ѣздилъ въ Монголію и Пекинъ, то велъ себя тамъ такъ неудобно и двусмысленно, что князь Ухтомскій, а затѣмъ и я прекратили съ нимъ всякія сношенія, усмотрѣвъ въ немъ умнаго, но плутоватаго афериста.

Когда Ли-Хунъ-Чанъ уже выѣхалъ изъ Китая (а это былъ его первый выѣздъ изъ Китайской Имперіи) и долженъ былъ скоро подъѣхать къ Суэцкому каналу, то я сказалъ Государю, что было бы очень удобно, еслибы Ли-Хунъ-Чана встрѣтилъ въ Суэцкомъ каналѣ князь Ухтомскій, который еще ранѣе былъ лично знакомъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ и установилъ съ нимъ хорошія отношенія. Считалъ же это я не только удобнымъ, но и необходимымъ потому, что до моего свѣдѣнія дошло, что и другія страны, а именно: Англія, Германія и Австрія также старались какъ-нибудь заманить къ себѣ Ли-Хунъ-Чана; онѣ хотѣли, чтобы Ли-Хунъ-Чанъ пріѣхалъ въ Петербургъ черезъ Европу. Я, напротивъ, желалъ, чтобы Ли-Хунъ-Чанъ никуда не ѣздилъ раньше, чѣмъ онъ пріѣдетъ къ намъ, такъ какъ для меня было ясно, что если онъ раньше поѣдетъ въ Европу, то онъ будетъ находиться подъ вліяніемъ всевозможныхъ интригъ дѣятелей европейскихъ государствъ.

Его Величество одобрилъ мои соображенія и поручилъ встрѣтить Ли-Хунъ-Чана князю Ухтомскому, который видѣлся со мною и подробно

условился на счетъ встрѣчи. Но Государь пожелалъ, чтобы это было сдѣлано незамѣтно, и потому князь Ухтомскій поѣхалъ въ Европу и, сѣвъ на одинъ изъ пароходовъ (кажется даже чуть ли не въ Марселѣ) поѣхалъ навстрѣчу къ Ли-Хунъ-Чану и встрѣтилъ его на выѣздѣ изъ Суэцкаго канала. Затѣмъ, несмотря на то, что Ли-Хунъ-Чанъ получилъ всевозможныя приглашенія ѣхать въ различные европейскіе порты, — онъ сѣлъ на нашъ пароходъ Русскаго общества пароходства и торговли, мною для этой встрѣчи приготовленный, и прямо со всею своею свитою и княземъ Ухтомскимъ пріѣхалъ въ Одессу.

Такъ какъ Одесса былъ первый русскій городъ, въ который вступилъ Ли-Хунъ-Чанъ, то мнѣ хотѣлось, чтобы онъ былъ тамъ принятъ съ надлежащимъ почетомъ. Я докладывалъ объ этомъ Государю, сказавъ, что было бы очень хорошо, еслибы Ли-Хунъ-Чана въ соотвѣтствіи съ его саномъ встрѣтилъ почетный караулъ отъ нашихъ войскъ и что именно въ такомъ видѣ Ли-Хунъ-Чанъ въ первый разъ долженъ былъ бы увидѣть наши войска.

Государь одобрилъ эту мысль и написалъ объ этомъ военному министру Ванновскому.

Но вотъ тутъ я встрѣтилъ чувство бюрократической ревности, какъ со стороны генералъ-адъютанта Ванновскаго, такъ и со стороны князя Лобанова-Ростовскаго.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій, получивъ мое увѣдомленіе, отвѣтилъ мнѣ письмомъ, въ которомъ сообщалъ мнѣ, что онъ хотя и сдѣлалъ это распоряженіе, но желалъ бы знать: съ какихъ поръ я сдѣлался докладчикомъ Его Величеству по военнымъ вопросамъ, по военному министерству, такъ какъ дѣло военныхъ карауловъ относится къ компетенціи военнаго министра, а не министра финансовъ.

Что касается князя Лобанова-Ростовскаго, то онъ желалъ, чтобы Ли-Хунъ-Чанъ въ Одессѣ ожидалъ коронаціи, или же, чтобы онъ, прямо проѣхавъ въ Москву, ожидалъ тамъ коронацію, но чтобы онъ ни въ коемъ случаѣ не пріѣзжалъ въ Петербургъ, такъ какъ пріѣзжать въ Петербургъ до коронаціи ему совершенно не за чѣмъ.

Между тѣмъ, несмотря на приглашенія другихъ европейскихъ странъ посѣтить раньше коронаціи Европу, — Ли-Хунъ-Чанъ пріѣхалъ прямо въ Россію черезъ Одессу и пріѣхалъ онъ именно потому, что мы, желая этого, послали ему навстрѣчу князя Ухтомскаго: кромѣ того, если вести какіе-либо переговоры, то къ нимъ надлежало приступить до коронаціи, такъ какъ во время коронаціи вести переговоры было бы очень трудно, въ виду того, что каждый день въ это время былъ наполненъ различными торжествами.

Въ виду всего этого, я долженъ былъ опять обратиться къ Государю и просить его, чтобы Ли-Хунъ-Чанъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ.

Несмотря на то, что князь Лобановъ-Ростовскій былъ противоположнаго объ этомъ мнѣнія, Государь разрѣшилъ Ли-Хунъ-Чану пріѣхать прямо въ Петербургъ. По моему распоряженію былъ сформированъ особый экстренный поѣздъ, съ которымъ Ли-Хунъ-Чанъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Государь Императоръ поручилъ мнѣ вести переговоры съ Ли-Хунъ-Чаномъ, а поэтому князь Лобановъ-Ростовскій съ нимъ никакихъ переговоровъ не велъ, да онъ и не могъ ихъ вести съ Ли-Хунъ-Чаномъ, такъ какъ въ то время князь Лобановъ-Ростовскій рѣшительно ничего не зналъ, да и не интересовался тѣмъ, что касалось нашей политики и нашихъ вопросовъ на Дальнемъ Востокѣ.

Сначала Ли-Хунъ-Чанъ сдѣлалъ мнѣ оффиціальный визитъ въ домѣ министерства финансовъ, потомъ я ему отдалъ этотъ визитъ, а затѣмъ мы съ нимъ нѣсколько разъ видѣлись и вели политическія бесѣды относительно улаживанія взаимныхъ отношеній между Россіей и Китаемъ.

При этомъ, съ перваго же раза мнѣ сказали, что при веденіи переговоровъ съ китайскими сановниками прежде всего никогда не надо спѣшить, такъ какъ это считается у нихъ дурнымъ тономъ, надо все дѣлать крайне медленно и обставлять все различными китайскими церемоніями.

И вотъ, когда вошелъ ко мнѣ Ли-Хунъ-Чанъ въ гостинную, я вышелъ къ нему навстрѣчу въ вицъ-мундирѣ; мы съ нимъ очень поздравствовались, очень низко другъ другу поклонились; потомъ я его провелъ во вторую гостинную и приказалъ дать чай. Я и Ли-Хунъ-Чанъ сидѣли, а всѣ лица его свиты, такъ же, какъ и мои чиновники, стояли. Затѣмъ я предложилъ Ли-Хунъ-Чану — не желаетъ ли онъ закурить? Въ это время Ли-Хунъ-Чанъ началъ издавать звукъ, подобный ржанію жеребца; немедленно изъ сосѣдней комнаты прибѣжали два китайца, изъ которыхъ одинъ принесъ кальянъ, а другой табакъ; потомъ началась церемонія куренія, которая заключалась въ томъ, что Ли-Хунъ-Чанъ сидѣлъ совершенно спокойно, только втягивая и выпуская изъ своего рта дымъ, а зажиганіе кальяна, держаніе трубки, выниманіе этой трубки изо рта и затѣмъ вставленія

ея въ ротъ — все это дѣлалось окружающими китайцами съ большимъ благоговѣніемъ.

Подобнаго рода церемоніями Ли-Хунъ-Чанъ явно желалъ произвести на меня сильное впечатлѣніе. Я къ этому относился, конечно, очень спокойно и дѣлалъ видъ, какъ будто я на все это не обращаю никакого вниманія.

Конечно, во время перваго визита я ни слова не говорилъ о дѣлѣ. Мы только другъ друга десятки разъ разспрашивали: — онъ о томъ, какъ здоровье Государя Императора, какъ здоровье Государыни Императрицы, какъ здоровье каждаго изъ дѣтей; а я разспрашивалъ, какъ здоровье богдыхана и вообще всѣхъ ближайшихъ родныхъ богдыхана. Такъ что въ первый разъ, въ первое наше свиданіе разговоры наши только этимъ и ограничились.

Затѣмъ, въ слѣдующее наше свиданіе Ли-Хунъ-Чанъ ознакомился ближе со мною и видя, что на меня собственно всѣ эти церемоніи не особенно дѣйствуютъ, началъ говорить со мною на распашку и уже болѣе этихъ церемоній не дѣлалъ. Въ особенности же мы съ нимъ сблизились послѣ, въ Москвѣ, гдѣ уже видѣлись другъ съ другомъ совсѣмъ по-просту.

По поводу Ли-Хунъ-Чана я долженъ сказать, что мнѣ, въ моей государственной дѣятельности, приходилось видѣть массу государственныхъ дѣятелей, имена нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣчно останутся въ исторіи, и въ числѣ ихъ Ли-Хунъ-Чана я ставлю на высокій пьедесталъ: это былъ, дѣйствительно, выдающійся государственный дѣятель, но, конечно, это былъ китаецъ съ отсутствіемъ всякаго европейскаго образованія, но съ громаднымъ китайскимъ образованіемъ, — а главное, съ выдающимся здравымъ умомъ и здравымъ смысломъ.

Недаромъ поэтому онъ имѣлъ такое громадное значеніе въ исторіи Китая и въ управленіи Китаемъ; въ сущности Ли-Хунъ-Чанъ и управлялъ Китайской Имперіей.

Вотъ я и началъ говорить съ Ли-Хунъ-Чаномъ о томъ, что мы оказали такую громадную пользу Китаю, что благодаря намъ Китай остался цѣлъ, что мы провозгласили принципъ цѣлости Китая и что, провозгласивъ этотъ принципъ, мы будемъ вѣчно его держаться. Но для того, чтобы мы могли поддерживать провозглашенный нами принципъ, необходимо прежде всего — поставить насъ въ такое положеніе, чтобы, въ случаѣ чего, мы дѣйствительно могли оказать имъ помощь. Мы же этой помощи оказать не можемъ, пока не будемъ имѣть желѣзной дороги, потому что вся наша военная сила находится

и всегда будетъ находиться въ Европейской Россіи; слѣдовательно, необходимо съ одной стороны, чтобы мы могли, въ случаѣ надобности, подавать войска изъ Европейской Россіи, и, съ другой стороны, — чтобы мы могли подавать войска также и изъ Владивостока. А что теперь, — говорилъ я, — хоть мы во время войны Китая съ Японіей двинули нѣкоторыя части нашихъ войскъ изъ Владивостока по направленію къ Гирину, но по неимѣнію путей сообщенія, войска эти шли такъ медленно, что не дошли до Гирина даже тогда, когда война между Китаемъ и Японіей уже окончилась.

Наконецъ, для того, чтобы комплектовать войска въ Пріамурской области, намъ нужно оттуда возить новобранцевъ и туда ихъ перевозить.

Такимъ образомъ, для того, чтобы мы могли поддерживать цѣлость Китая, намъ прежде всего необходима желѣзная дорога, и желѣзная дорога, проходящая по кратчайшему направленію во Владивостокъ; для этого она должна пройти черезъ сѣверную часть Монголіи и Манджуріи; наконецъ, дорога эта нужна и въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ она подыметъ производительность и нашихъ русскихъ владѣній, гдѣ она пройдетъ, и также производительность тѣхъ китайскихъ владѣній, черезъ которыя она будетъ идти. Наконецъ, дорога эта, вѣроятно, будетъ встрѣчена безъ всякой злобы — что и оказалось въ дѣйствительности, — со стороны Японіи, такъ какъ путь этотъ будетъ, въ сущности говоря, соединять Японію со всею Западной Европой, а между тѣмъ Японія, какъ извѣстно, еще ранѣе и уже давно пріобщилась къ европейской культурѣ, по крайней мѣрѣ къ внѣшней, во всей ея технической части, и, слѣдовательно, дорога эта можетъ быть встрѣчена Японіей только благожелательно.

Ли-Хунъ-Чанъ, конечно, ставилъ различныя препятствія. Но изъ разговоровъ съ нимъ я понялъ, что онъ на это согласится, если увидитъ, что этого желаетъ нашъ Императоръ. Поэтому я сказалъ Государю, что было бы очень желательно, чтобы онъ увидѣлъ Ли-Хунъ-Чана.

Государь принялъ Ли-Хунъ-Чана, но принялъ его почти частнымъ образомъ, такъ какъ въ то время объ этомъ пріемѣ совсѣмъ не говорилось въ оффиціальныхъ органахъ; весь пріемъ этотъ прошелъ незамѣтно.

Я отлично помню, что передъ коронаціей былъ по какому-то поводу выходъ Государя; ему приносили поздравленія въ Царскосельскомъ дворцѣ (это было ранѣе выѣзда Государя въ Москву). Когда приносятъ поздравленія, то всѣ лица, участвующія въ этомъ

поздравленiи, идутъ къ Государю по очереди, гуськомъ. И вотъ, когда я подошелъ къ Императору и когда Государь подалъ мнѣ руку, то у него засвѣтилось лицо и онъ мнѣ почти шопотомъ сказалъ: — «Ли-Хунъ-Чанъ у меня былъ и я ему сказалъ».

Затѣмъ я видѣлъ Ли-Хунъ-Чана и мы съ нимъ обо всемъ условились и установили слѣдующiя начала секретнаго соглашенiя съ Китаемъ:

1) что Китайская имперiя разрѣшаетъ намъ провести желѣзную дорогу по своей территорiи по прямому пути изъ Читы къ Владивостоку; но устройство этой дороги должно быть поручено частному обществу; Ли-Хунъ-Чанъ ни въ какомъ случаѣ не согласился на мое предложенiе, чтобы дорогу эту строила казна, или чтобы эта дорога принадлежала казнѣ и государству. Вслѣдствiе этого пришлось образовать общество Восточно-Китайской желѣзной дороги, которое, конечно, было и до настоящаго времени состоитъ въ полномъ распоряженiи правительства, но такъ какъ оно числится, какъ частное общество и, такъ какъ всѣ частныя общества находятся въ вѣдѣнiи министерства финансовъ, то служащiе тамъ не суть чиновники государственной службы, а или же они состоятъ на равномъ положенiи со служащими частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, или же находятся въ командировкѣ въ частномъ обществѣ восточно-китайской желѣзной дороги, подобно тому, какъ инженеры путей сообщенiя, находящiеся въ вѣдѣнiи министерства путей сообщенiя, служатъ въ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществахъ Европейской Россiи.

2) Затѣмъ, что мы будемъ имѣть подъ эту дорогу полосу отчужденiя, необходимую для желѣзнодорожнаго движенiя. Въ этой полосѣ отчужденiя мы будемъ хозяевами въ томъ смыслѣ, что, такъ какъ эта земля принадлежитъ намъ, то мы можемъ тамъ распоряжаться, имѣть свою полицiю, имѣть свою охрану, т.-е. то, что и образовало такъ называемую охранную стражу восточно-китайской желѣзной дороги. Но количество земли, отчуждаемое подъ желѣзную дорогу, будетъ столько, сколько это необходимо для эксплоатацiи желѣзной дороги, и вотъ въ этой полосѣ Россiя, т.-е. вѣрнѣе, восточно-китайская желѣзная дорога является хозяиномъ. Окончательное направленiе желѣзной дороги будетъ опредѣлено по изысканiю, но во всякомъ случаѣ, желѣзная дорога будетъ проходить болѣе или менѣе по прямому пути изъ

Читы во Владивостокъ. Китай не несетъ никакого риска по сооруженiю и по эксплоатацiи этой дороги.

Съ другой стороны, мы обязуемся защищать Китайскую территорiю отъ всякихъ агрессивныхъ дѣйствiй со стороны Японiи. Такимъ образомъ, мы вступаемъ въ оборонительный союзъ съ Китаемъ по отношенiю Японiи.

Вотъ сущность тѣхъ началъ, относительно которыхъ мы договорились съ Ли-Хунъ-Чаномъ.

Между тѣмъ наступило время выѣзда въ Москву на коронацiю.

Ли-Хунъ-Чанъ уѣхалъ въ Москву со всею своею свитой и чиновниками, которые были къ нему приставлены.

Я доложилъ Государю Императору о результатахъ моихъ переговоровъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ и Государь уполномочилъ меня переговорить съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Я пошелъ къ князю Лобанову-Ростовскому и разсказалъ ему о томъ, что вотъ мнѣ было дано полномочiе, — о чемъ, повидимому, онъ зналъ, — сказалъ ему, что я пришелъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ къ соглашенiю по всѣмъ пунктамъ, но къ соглашенiю только словесному; что теперь весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы это соглашенiе оформить.

Вотъ тутъ меня очень удивилъ князь Лобановъ-Ростовскiй своими природными способностями. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы можете разсказать мнѣ подробно и послѣдовательно — на чемъ же вы остановились?

Я подробно и систематически передалъ ему наше соглашенiе по пунктамъ.

Князь Лобановъ-Ростовскiй, выслушавъ меня, взялъ перо и написалъ по всѣмъ пунктамъ все соглашенiе. Когда я его прочелъ, то былъ удивленъ точностью и послѣдовательностью изложенiя. Князь Лобановъ-Ростовскiй изложилъ то, что я сказалъ, въ самой послѣдовательной и превосходной формѣ. Такъ что, когда онъ мнѣ передалъ написанное, сказавъ: прочтите, такъ ли написано и не сдѣлаете ли какихъ-либо поправокъ? — то я сказалъ, что не имѣю сдѣлать рѣшительно никакихъ поправокъ, потому что вы изложили все это такъ превосходно, точно вы сами вели переговоры съ Ли-Хунъ-Чаномъ. Затѣмъ я прибавилъ, что если бы мнѣ самому пришлось написать, то я употребилъ бы на это гораздо болѣе времени и, можетъ быть, все-таки, написалъ бы не такъ складно, какъ онъ.

Тогда князь Лобановъ-Ростовскій сказалъ мнѣ, что завтра онъ будетъ у Государя, представитъ ему этотъ проектъ и затѣмъ, если Государь одобритъ, то сообщитъ его мнѣ.

На другой день я получилъ отъ князя Лобанова-Ростовскаго проектъ, но, къ моему великому удивленію, тотъ пунктъ, въ которомъ раньше было написано, что мы съ Китаемъ дѣлаемъ оборонительный союзъ противъ Японіи, что въ случаѣ нападенія Японіи на Китай или же на наши приморскія владѣнія, мы должны защищать Китай, а Китай, въ свою очередь — насъ, вотъ этотъ пунктъ обобщенъ; уже не было указано прямо «на Японію», а было сказано такимъ образомъ, что въ случаѣ нападенія съ чьей-либо стороны на Китай или на нашу Пріамурскую область — Китай обязанъ защищать насъ, а мы обязаны защищать Китай.

Такая редакція этого пункта меня привела въ испугъ, ибо громадная разница: заключать ли съ Китаемъ оборонительное соглашеніе по отношенію одной Японіи, или же по отношенію всѣхъ державъ, потому что Китай имѣетъ отношеніе и къ Англіи, такъ какъ Англія находится въ сосѣдствѣ съ Китаемъ и между ними постоянно возникаютъ различныя недоразумѣнія, вѣчные вопросы (напримѣръ, недоразумѣнія относительно Тибета, которыя длятся и до настоящаго времени); затѣмъ, съ Франціей, нашей союзницей, потому что она имѣетъ владѣніе Тонкинъ въ Индо-Китаѣ. Затѣмъ другія европейскія страны имѣютъ нѣкоторыя колоніи, имѣютъ различныя концессіи и проч. Вслѣдствіе того, брать на себя оборону Китая отъ всѣхъ державъ, кто бы изъ державъ не напалъ на Китай, — это вещь не только невозможная, но, кромѣ того, въ случаѣ, еслибы это соглашеніе состоялось и еслибы о немъ узнала какая-нибудь держава, то это возбудило бы противъ насъ многія европейскія державы.

Поэтому я немедленно отправился къ Государю и доложилъ ему, что вотъ князь Лобановъ-Ростовскій послѣ того, какъ я ему изложилъ все, къ чему я пришелъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ, написалъ соглашеніе, что соглашеніе это онъ далъ мнѣ прочесть и я его одобрилъ, но что теперь въ этомъ соглашеніи измѣненъ пунктъ и измѣненъ крайне опасно.

Государь это понялъ и говоритъ:

— Поѣзжайте къ Лобанову-Ростовскому, скажите ему это и уговорите его, чтобы онъ написалъ такъ, какъ было написано прежде.

Я сказалъ Его Величеству, что мнѣ это ужасно трудно исполнить, потому что князь Лобановъ-Ростовскій по лѣтамъ мнѣ годится въ отцы и по своему положенію, въ смыслѣ старшинства чиновъ, онъ гораздо старше меня. Кромѣ того, я велъ всѣ эти переговоры и теперь мнѣ

исправлять то, что сдѣлалъ князь Лобановъ-Ростовскій — это значитъ несомнѣнно крайне обидѣть его и возбудить противъ себя; что я его, собственно говоря, конечно, не имѣю основанія ни въ чемъ бояться, но что все-таки это неловко по отношенію личности князя Лобанова-Ростовскаго и было бы гораздо лучше, еслибы Вашему Величеству было угодно самому сказать князю Лобанову-Ростовскому объ этомъ.

Государь говоритъ:

— Я самъ ему это скажу.

Вскорѣ послѣ этого мы всѣ уѣхали въ Москву на коронацію.

Въ Москву я пріѣхалъ ранѣе пріѣзда Его Величества, а еще ранѣе меня пріѣхалъ туда Ли-Хунъ-Чанъ. Все мое время было занято этими оффиціальными торжествами, связанными съ коронаціей, а также Ли-Хунъ-Чаномъ, ибо я считалъ дѣломъ величайшей государственной важности привести начатые мною разговоры къ концу, дабы, съ одной стороны, Россія имѣла прямой великій Сибирскій путь до Владивостока, безъ значительнаго уклоненія и заворота къ сѣверу по Амуру, а съ другой стороны, дабы установить крѣпкія, незыблемыя отношенія съ такимъ великимъ колоссомъ, какимъ является Китай, колоссомъ, находящимся въ сосѣдствѣ съ Россіей.

Когда Его Величество пріѣхалъ и былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ Москву, и по принятому обычаю, Его Величество съ Августѣйшей семьей помѣстился въ Нескучномъ дворцѣ, то я сейчасъ же имѣлъ докладъ у Государя Императора.

Какъ только я вошелъ къ Государю для доклада, Его Величество изволилъ сказать мнѣ:

— Я говорилъ съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и высказалъ ему мое мнѣніе о неудобствѣ для насъ — принять на себя оборону Китая отъ нападеній не только со стороны Японіи, но и другихъ странъ. Князь съ этимъ совершенно согласился, и поэтому этотъ пунктъ проектированнаго соглашенія будетъ измѣненъ имъ, Лобановымъ; такъ что соглашеніе будетъ проредактировано именно въ той формѣ, въ какой это было вами установлено.

Государь сказалъ мнѣ это въ столь положительной формѣ, что я считалъ это несомнѣннымъ. Послѣ разговора съ Государемъ я нѣсколько разъ встрѣчался съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, но ни я, ни онъ, мы другъ съ другомъ по этому предмету не заговаривали.

Затѣмъ я еще велъ съ Ли-Хунъ-Чаномъ переговоры о томъ, чтобы одновременно съ тѣмъ договоромъ высокой политической важности, о

которомъ я уже разсказывалъ ранѣе и по которому намъ давалось право проведенія желѣзной дороги на Владивостокъ, установить между Китаемъ и Россіей оборонительный дружескій союзъ. И такъ какъ по этому соглашенію Китай давалъ концессію на сооруженіе дороги частному обществу, то я и рѣшилъ, чтобы эта концессія была дана Русско-китайскому банку, который уже въ то время былъ основанъ и функціонировалъ. Поэтому пришлось установить форму, по которой, съ одной стороны, китайское государство въ лицѣ Ли-Хунъ-Чана давало концессію на сооруженіе восточно-китайской дороги и давало концессію именно русско-китайскому банку, а съ другой стороны — одновременно русско-китайскій банкъ особымъ актомъ передавалъ это право обществу Восточно-китайской желѣзной дороги. Сдѣлано это было такъ потому, что до составленія и утвержденія концессіи восточно-китайской дороги китайскимъ богдыханомъ — нельзя было образовать общества восточно-китайской дороги, а поэтому и Ли-Хунъ-Чанъ не могъ дать концессію по сооруженію дороги несуществующему обществу восточно-китайской дороги. Общество же восточно-китайской жел. дороги тогда только могло быть образовано, когда концессія получала полную силу, а концессія еще не была составлена и не могла быть составлена съ Ли-Хунъ-Чаномъ такъ скоро, потому что тутъ уже являлись вопросы детальные, которые требуютъ болѣе или менѣе подробной разработки. Но мнѣ хотѣлось имѣть въ рукахъ два документа: во первыхъ секретный договоръ съ Китаемъ, по которому Китай взялъ бы на себя обязательство дать возможность русскому обществу построить восточно-китайскую дорогу черезъ Монголію и Сибирь, а во-вторыхъ соглашеніе китайскаго правительства съ какимъ-нибудь изъ русскихъ обществъ по сооруженію этой дороги. Самымъ подходящимъ въ данномъ случаѣ былъ, естественно, русско-китайскій банкъ; но, чтобы русско-китайскій банкъ не могъ воспользоваться этимъ весьма цѣннымъ правомъ, я одновременно приготовилъ и соглашеніе съ русско-китайскимъ банкомъ, по которому русско-китайскій банкъ передавалъ все это дѣло въ руки общества восточно-китайской дороги, которое имѣло быть сформировано русскимъ правительствомъ.

Итакъ, прежде всего предстояло заключить съ китайскимъ уполномоченнымъ, главнымъ сановникомъ Китайской Имперіи Ли-Хунъ-Чаномъ общее секретное соглашеніе. Былъ назначенъ день, когда уполномоченные съ русской стороны, а таковыми были князь Лобановъ-Ростовскій и я, и уполномоченный съ китайской стороны, а именно Ли-Хунъ-Чанъ, который получилъ полномочія соотвѣтственной телеграммой изъ Пекина,

— должны были съѣхаться у министра иностранныхъ дѣлъ и, по принятому въ этомъ случаѣ этикету и съ принятыми въ этихъ случаяхъ формальностями, подписать договоръ. Такіе договоры пишутся обыкновенно на особой бумагѣ, особо тщательно, красиво и подписываются соотвѣтствующими уполномоченными; при каждой подписи прикладывается печать этого уполномоченнаго.

И вотъ въ опредѣленный день мы съѣхались въ Москвѣ, въ домѣ, который былъ нанятъ на время коронаціи для министра иностранныхъ дѣлъ — князя Лобанова-Ростовскаго. Съ одной стороны были русскіе уполномоченные съ состоящими при нихъ чинами, а съ другой стороны, Ли-Хунъ-Чанъ со всею своею свитой.

Когда мы собрались и сѣли около стола, то князь Лобановъ-Ростовскій обратился къ намъ и говоритъ, что соглашеніе особой важности, которое мы имѣемъ подписать, извѣстно уполномоченнымъ, т. е. ему, мнѣ и Ли-Хунъ-Чану, поэтому его не стоитъ читать; оно уже было показано сотрудникамъ Ли-Хунъ-Чана, сотрудники, вѣроятно, познакомили съ нимъ Ли-Хунъ-Чана; что соглашеніе это переписано все точно, что секретари его провѣрили и намъ теперь слѣдуетъ только подписать. Но что, впрочемъ, сотрудникамъ Ли-Хунъ-Чана можетъ быть угодно его еще разъ прочесть.

Такимъ образомъ, одинъ соотвѣтствующій экземпляръ былъ данъ въ руки сотрудникамъ Ли-Хунъ-Чана для прочтенія (въ этихъ случаяхъ обыкновенно подписываются два экземпляра: одинъ пишется для насъ, а другой для Китая) — я съ своей стороны взялъ экземпляръ, который былъ переписанъ для насъ, чтобы его просмотрѣть, а именно, чтобы удостовѣриться, что тотъ пунктъ, который касается нашего обязательства относительно защиты Китая отъ внезапнаго нападенія, написанъ именно такъ, какъ онъ былъ написанъ въ первоначальной редакціи, т. е., что мы обязуемся охранять Китай только отъ нападеній Японіи.

Вдругъ, къ моему ужасу, я вижу, что пунктъ этотъ написанъ не такъ, какъ онъ былъ написанъ въ первоначальной редакціи, а именно такъ, какъ онъ затѣмъ былъ исправленъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, что и вызвало съ моей стороны просьбу къ Его Величеству, чтобы редакція пункта была принята въ первоначальномъ видѣ. Какъ я уже говорилъ ранѣе, Государь, уже пріѣхавшій въ Москву, сказалъ мнѣ, что онъ объ этомъ говорилъ князю Лобанову-Ростовскому и что князь не встрѣтилъ никакого затрудненія къ тому, чтобы вернуться къ первоначальной редакціи.

Это вынудило меня подойти къ князю Лобанову-Ростовскому, отозвать его въ сторону и сказать ему тихонько на ухо:

— Князь, вѣдь такой-то пунктъ не измѣненъ такъ, какъ хотѣлъ этого Государь.

Я думалъ, что это было сдѣлано княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ преднамѣренно, — вдругъ, къ моему удивленію, онъ себя ударилъ по лбу и сказалъ:

— Ахъ, Боже мой, я и забылъ сказать секретарямъ, чтобы они переписали этотъ пунктъ въ первоначальной редакціи. Но нисколько этимъ не смутился, посмотрѣлъ на часы, было уже 12 съ четвертью; тогда князь Лобановъ-Ростовскій хлопнулъ нѣсколько разъ въ ладоши, вошли люди, онъ и говоритъ:

— Подавайте завтракать. Послѣ подписанія договора предполагалось, что будетъ завтракъ у Лобанова-Ростовскаго.

Затѣмъ, обращаясь къ Ли-Хунъ-Чану и къ присутствующимъ, князь Лобановъ-Ростовскій сказалъ:

— Теперь уже прошло 12 часовъ, пойдемте завтракать, потому что иначе кушанье испортится, а послѣ завтрака мы и подпишемъ.

Мы всѣ пошли завтракать, кромѣ двухъ секретарей, которые въ это время, пока мы завтракали, снова переписали договоръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ по моему указанію въ Петербургѣ въ первоначальной редакціи; такъ что послѣ завтрака на столѣ лежали уже не тѣ договоры, которые лежали ранѣе, а договоры съ однимъ измѣненнымъ пунктомъ. Вотъ этотъ договоръ въ новой, а въ дѣйствительности первоначальной редакціи, и былъ подписанъ съ одной стороны Ли-Хунъ-Чаномъ, а съ другой — мною и княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ.

Договоръ былъ актомъ чрезвычайной важности и, если бы мы слѣдовали этому договору, то Россіи, конечно, не пришлось бы пережить позорную японскую войну и мы стояли бы твердою ногой на Дальнемъ Востокѣ.

Но, какъ это я буду имѣть случай разсказывать далѣе, — мы сами — не то коварно, не то легкомысленно — нарушили этотъ договоръ и пришли на Дальнемъ Востокѣ къ тому положенію, въ которомъ находимся и нынѣ.

Послѣ подписанія договора онъ былъ ратифицированъ, какъ китайскимъ богдыханомъ, такъ и русскимъ Императоромъ. Договоръ этотъ долженъ былъ служить базисомъ всѣхъ нашихъ отношеній съ Китаемъ и всего нашего положенія на Дальнемъ Востокѣ.

Ли-Хунъ-Чанъ послѣ подписанія договора оставался въ Москвѣ до выѣзда Его Величества. Мнѣ случалось часто видѣться съ Ли-Хунъ-Чаномъ: или онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, или я пріѣзжалъ къ нему. Ли-Хунъ-Чанъ жилъ на частной квартирѣ, которая была нанята для него и предоставлена ему, какъ чрезвычайному уполномоченному китайскаго богдыхана.

Ли-Хунъ-Чанъ привыкъ ко мнѣ, и поэтому больше ужъ не занимался въ моемъ присутствіи различными китайскими церемоніями. При немъ было нѣсколько тѣлохранителей, но эти тѣлохранители въ Китаѣ понимаются иначе, нежели у насъ. У насъ тѣлохранителями называются часовые или агенты, которые охраняютъ жизнь и здоровье человѣка отъ сторонняго покушенія; въ Китаѣ же тѣлохранителями называются тѣ лица, которыя занимаются буквально только тѣломъ того лица, которое они охраняютъ; поэтому они постоянно находятся около него: утромъ они дѣлаютъ ему туалетъ, вечеромъ раздѣваютъ, въ теченіе дня дѣлаютъ ему массажъ, трутъ различными благовонными мазями, однимъ словомъ, исключительно занимаются его тѣломъ. И многія изъ такихъ занятій Ли-Хунъ-Чанъ предоставлялъ дѣлать своимъ тѣлохранителямъ даже въ моемъ присутствіи.

Однажды, когда я былъ у Ли-Хунъ-Чана, вдругъ доложили, что пріѣхалъ съ визитомъ Эмиръ Бухарскій. Ли-Хунъ-Чанъ сейчасъ же привелъ себя въ полный порядокъ, сѣлъ важно на кресло и, когда Эмиръ Бухарскій со всею свитою вошелъ въ гостинную, въ которой онъ сидѣлъ, то Ли-Хунъ-Чанъ всталъ, сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и съ нимъ поздоровался.

Такъ какъ я обоихъ хорошо зналъ, то не удалился, а сидѣлъ вмѣстѣ съ ними. Эмиръ Бухарскій былъ видимо шокированъ важностью Ли-Хунъ-Чана, а поэтому первымъ дѣломъ далъ ему понять, что онъ представляетъ собою царственную особу и отдаетъ визитъ самому Ли-Хунъ-Чану только изъ уваженія къ его владыкѣ-богдыхану; онъ все время разспрашивалъ Ли-Хунъ-Чана о здоровьѣ богдыхана, о здоровьѣ его матери и совсѣмъ не интересовался здоровьемъ и вообще личностью самого Ли-Хунъ-Чана, что для китайцевъ, при ихъ церемоніяхъ, конечно, являлось крайне обиднымъ.

Съ своей стороны Ли-Хунъ-Чанъ все время допрашивалъ Эмира Бухарскаго о томъ, какой онъ религіи, объясняя ему, что вотъ китайцы держатся религіозныхъ началъ, установленныхъ еще Конфуціемъ, и все

пытался узнать, какой-же религіи держится самъ Эмиръ Бухарскій и его подданные.

Эмиръ Бухарскій объяснялъ Ли-Хунъ-Чану, что онъ мусульманинъ и держится началъ религіи, установленной Магометомъ, объяснялъ сущность этой религіи.

Послѣ этихъ объясненій Эмиръ Бухарскій всталъ и Ли-Хунъ-Чанъ по собственной ли иниціативѣ, или ему было подсказано, пошелъ провожать Эмира Бухарскаго до самой коляски, въ которой тотъ пріѣхалъ, причемъ Ли-Хунъ-Чанъ шелъ уже, показывая видъ довольно униженный сравнительно съ особой Эмира Бухарскаго.

Я подумалъ: вотъ какъ на него подѣйствовалъ Эмиръ Бухарскій своимъ указаніемъ на то, что онъ, Эмиръ Бухарскій, Царственная Особа.

Затѣмъ, когда Эмиръ Бухарскій сѣлъ въ экипажъ и экипажъ долженъ былъ уже тронуться, то Ли-Хунъ-Чанъ вдругъ что-то закричалъ. Экипажъ остановился. Русскій офицеръ, ѣхавшій въ экипажѣ съ Эмиромъ Бухарскимъ въ качествѣ переводчика, спросилъ: «Что вамъ угодно?»

Ли-Хунъ-Чанъ говоритъ:

— Передайте, пожалуйста, Эмиру, я ему забылъ это сказать, теперь я припомнилъ, что этотъ самый Магометъ, который основалъ его религію, онъ вѣдь также былъ въ Китаѣ и тамъ онъ оказался каторжникомъ, его изъ Китая выгнали и вотъ, вѣроятно, онъ попалъ къ нимъ и тамъ основалъ ихъ религію.

Это было такъ неожиданно, что повидимому Эмиръ Бухарскій былъ озадаченъ такой выходкой, для меня же стало ясно, что это была месть Ли-Хунъ-Чана по отношенію Эмира Бухарскаго за его царственную важность.

Затѣмъ, Ли-Хунъ-Чанъ, очень довольный, вернулся къ себѣ въ гостинную; такъ какъ было уже поздно, я оставилъ Ли-Хунъ-Чана и отправился къ себѣ домой.

Если обратиться къ оффиціальнымъ сообщеніямъ газетъ того времени, то можно видѣть, что о пріѣздѣ всѣхъ царственныхъ особъ, особъ высокопоставленныхъ и ихъ уполномоченныхъ, о пріемѣ и прощаніи съ ними Государя, когда они послѣ коронаціи оставили Россію, — обо всемъ этомъ были сообщенія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Вообще о всякомъ шагѣ этихъ высокопоставленныхъ лицъ и Его Величества въ то время были правительственныя сообщенія. Менѣе всего было свѣдѣній о Ли-Хунъ-Чанѣ; ни одного слова не было о его пріемѣ

въ Петербургѣ, такъ же, какъ и о его пріемѣ въ Москвѣ, ни о его пріемѣ послѣ коронаціи, когда Ли-Хунъ-Чанъ пріѣхалъ уже изъ Москвы.

Ни одного слова не было проронено объ этомъ секретномъ, чрезвычайно важномъ соглашеніи, которое тогда было заключено Россіей съ Китаемъ.

Нѣчто, только часть этого соглашенія, могло сдѣлаться извѣстнымъ Европѣ и то только въ томъ смыслѣ, что Китай далъ концессію Русско-китайскому банку на сооруженіе Восточно-китайской желѣзной дороги, служащей продолженіемъ великаго Сибирскаго пути; это неизбѣжно должно было сдѣлаться извѣстнымъ, потому что во исполненіе договора, заключеннаго въ Москвѣ, русскіе уполномоченные и уполномоченный со стороны Китая должны были составить концессію на сооруженіе восточно-китайской дороги. Всѣ указанія по этому предмету, т. е. въ какомъ смыслѣ должна быть составлена концессія, чего мы въ этой концессіи должны добиваться — были мною даны моему товарищу по министерству финансовъ Петру Михайловичу Романову, въ высокой степени почтенному и знающему государственному дѣятелю, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умеръ въ Царскомъ Селѣ, уже будучи членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ бюджетной комиссіи государственнаго совѣта (по выбору). А со стороны Китая для составленія проекта концессіи былъ уполномоченъ китайскій посолъ въ Петербургѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и посломъ въ Берлинѣ; часть года — обыкновенно всю зиму и весну онъ проживалъ въ Петербургѣ, а лѣто и осень — въ Берлинѣ. И вотъ, такъ какъ пришлось составлять и заключать эту концессію лѣтомъ, то П. М. Романовъ отправился въ Берлинъ и, согласно моимъ указаніямъ, составилъ съ этимъ китайскимъ посломъ проектъ концессіи, который затѣмъ былъ утвержденъ какъ русскимъ правительствомъ, такъ и правительствомъ китайскаго богдыхана.

Я не могъ сдѣлать эту работу, потому что послѣ коронаціи я долженъ былъ поѣхать на Нижегородскую выставку, а затѣмъ на Волгу, такъ какъ въ приволжскихъ губерніяхъ была въ то время введена питейная монополія; пока я былъ министромъ финансовъ, я, по мѣрѣ введенія питейной монополіи въ различныхъ губерніяхъ, всегда посѣщалъ эти губерніи для того, чтобы видѣть, какъ идетъ эта реформа и давать соотвѣтствующія указанія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОРОНАЦІЯ. ХОДЫНКА. ДОГОВОРЪ СЪ ЯПОНІЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО КОРЕИ. НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА. ПОѢЗДКА ГОСУДАРЯ ВЪ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Я не стану говорить о всѣхъ празднествахъ, которыя были въ Москвѣ по случаю коронаціи и которыя традиціонно повторяются при всякомъ такомъ высоко-торжественномъ, особо исключительномъ событіи, — все это дѣлается почти по установленному церемоніалу; остановлюсь нѣсколько еще на событіи весьма печальномъ, весьма грустномъ, которое тогда произошло и которое, конечно, въ церемоніалъ не входило, я говорю о такъ называемой «Ходынкѣ».

Обыкновенно послѣ коронованія дѣлается громадное гулянье для народа, причемъ народу этому выдаются отъ Государя различные подарки, большею частью и даже почти исключительно — съѣдобные, т. е. народъ кормится, угощается отъ имени Государя Императора. Затѣмъ, на этой громадной площади, находящейся внѣ Москвы, но сейчасъ же около самаго города, для народа дѣлаются всевозможныя увеселенія; обыкновенно и Государь пріѣзжаетъ посмотрѣть, какъ веселится и угощается его народъ.

Въ тотъ день, когда всѣ должны были пріѣхать туда, долженъ былъ пріѣхать къ полудню и Государь, между прочимъ, выслушать концертъ, въ которомъ по программѣ предполагалось участіе громаднѣйшаго оркестра, подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Сафонова; оркестръ этотъ долженъ былъ сыграть особую кантату, которая была сочинена по случаю коронаціи; съ утра же началось угощеніе народа. — Такъ вотъ, ѣдучи туда, садясь въ экипажъ, я вдругъ узнаю, что на

Ходынскомъ полѣ, гдѣ должно происходить народное гулянье, утромъ произошла катастрофа, произошла страшная давка народа, причемъ было убито и искалѣчено около двухъ тысячъ человѣкъ.

Въ такомъ настроеніи я поѣхалъ на Ходынское поле, въ такомъ настроеніи пріѣхали, конечно, и всѣ остальныя лица, которыя должны были присутствовать на этомъ торжествѣ. Меня мучилъ прежде всего вопросъ: какъ же поступятъ со всѣми искалѣченными людьми, какъ поступятъ со всѣми этими трупами убитыхъ людей, успѣютъ ли поразвозить по больницамъ тѣхъ, которые еще не умерли, а трупы свезти въ какое-нибудь такое мѣсто, гдѣ бы они не находились на виду у всего остального, веселящагося народа, Государя, всѣхъ его иностранныхъ гостей и всей тысячной свиты. Затѣмъ у меня являлся вопросъ: не послѣдуетъ ли приказъ Государя, чтобы это веселое торжество, по случаю происшедшаго несчастья, обратить въ торжество печальное и вмѣсто слушанія пѣсенъ и концертовъ выслушать на полѣ торжественное богослуженье?

Когда я пріѣхалъ на мѣсто, то уже ничего особеннаго не замѣтилъ, какъ будто никакой особой катастрофы и не произошло, потому что съ утра успѣли все убрать и никакихъ видимыхъ слѣдовъ катастрофы не было; ничто не бросалось въ глаза, а гдѣ могли быть какіе-нибудь признаки катастрофы — все это было замаскировано и сглажено.

Но, конечно, всѣ пріѣзжающіе (для этого случая была устроена громадная бесѣдка для пріѣзжающихъ) чувствовали и понимали, что произошло большое несчастье и находились подъ этимъ настроеніемъ.

Подъѣхалъ и экипажъ Ли-Хунъ-Чана съ его свитой. Когда Ли-Хунъ-Чанъ вошелъ въ бесѣдку и я подошелъ къ нему, онъ обратился ко мнѣ черезъ переводчика (такъ какъ Ли-Хунъ-Чанъ, кромѣ китайскаго языка, никакого другого не зналъ, то поэтому всегда приходилось вести съ нимъ бесѣды черезъ переводчика) со слѣдующимъ вопросомъ:

— Правда ли, что произошла такая большая катастрофа и что есть около двухъ тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ?

Такъ какъ, повидимому, Ли-Хунъ-Чанъ зналъ уже всѣ подробности, то я ему нехотя отвѣтилъ, что да, дѣйствительно, такое несчастье произошло.

На это Ли-Хунъ-Чанъ задалъ мнѣ такой вопросъ:

— Скажите, пожалуйста, неужели объ этомъ несчастьѣ все будетъ подробно доложено Государю?

Я сказалъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это будетъ доложено, и я даже убѣжденъ, что это было доложено немедленно послѣ того, когда эта катастрофа случилась.

Тогда Ли-Хунъ-Чанъ помахалъ головою и сказалъ мнѣ:

— Ну, у васъ государственные дѣятели неопытные; вотъ, когда я былъ генералъ-губернаторомъ Печилійской области, то у меня была чума и поумирали десятки тысячъ людей, а я всегда писалъ богдыхану, что у насъ все благополучно, и когда меня спрашивали: нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь болѣзней? я отвѣчалъ: никакихъ болѣзней нѣтъ, что все населеніе находится въ самомъ нормальномъ порядкѣ.

Кончивъ эту фразу, Ли-Хунъ-Чанъ какъ бы поставилъ точку и затѣмъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщеніемъ, что у меня умираютъ люди? Еслибы я былъ сановникомъ Вашего Государя, я, конечно, все отъ него скрылъ бы. Для чего его, бѣднаго, огорчать?

* Послѣ этого замѣчанія я подумалъ: ну, все таки мы ушли далѣе Китая. *

Вскорѣ пріѣхали Великіе Князья и Государь Императоръ и, къ моему удивленію, празднества не были отмѣнены, а продолжались по программѣ: такъ массою музыкантовъ былъ исполненъ концертъ подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Сафонова; вообще все имѣло мѣсто, какъ будто бы никакой катастрофы и не было. Только на лицѣ Государя можно было замѣтить нѣкоторую грусть и болѣзненное выраженіе лица. Мнѣ представляется, что еслибы Государь былъ тогда предоставленъ собственному влеченію, то, по всей вѣроятности, онъ отмѣнилъ бы эти празднества и вмѣсто нихъ совершилъ бы на полѣ торжественное богослуженіе. Но, повидимому, Государю дали дурные совѣты и не нужно было быть особенно прозорливымъ, чтобы понять, что совѣты эти исходили отъ Московскаго генералъ-губернатора, Великаго Князя Сергѣя Александровича, женатаго на сестрѣ Императрицы. Вел. Князь Сергѣй Александровичъ въ это время и, можно сказать, до самой своей смерти, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ и вліятельныхъ лицъ при Государѣ Императорѣ.

Несмотря на то, что рѣшено было случившуюся ужасную катастрофу какъ бы не признавать, съ нею не считаться, тѣмъ не менѣе, весьма естественно, катастрофа эта вызвала совершенно особое настроеніе во всей Москвѣ, и, по обыкновенію, породила на верху борьбу придворныхъ партій и цѣлую массу интригъ.

На вопросъ о томъ, какимъ образомъ могла произойти такая катастрофа и кто за нее отвѣтствененъ, сейчасъ же получили отвѣтъ: что катастрофа произошла отъ полной нераспорядительности, а между тѣмъ никого отвѣтственнаго.

Въ то время оберъ-полицiймейстеромъ въ Москвѣ былъ полковникъ Власовскiй; этотъ Власовскiй ранѣе былъ полицiймейстеромъ въ одномъ изъ прибалтiйскихъ городовъ, кажется, въ Ригѣ, и былъ рекомендованъ Великому Князю, какъ человѣкъ весьма энергичный и ничѣмъ не стѣсняющiйся, а слѣдовательно, такой человѣкъ, который можетъ водворить въ Москвѣ должный порядокъ. До Власовскаго оберъ-полицiймейстеромъ Москвы былъ генералъ Козловъ, человѣкъ, правда, весьма порядочный, но по натурѣ своей — не «полицейскiй» человѣкъ.

Власовскiй же (какъ я съ нимъ познакомился), дѣйствительно, принадлежитъ къ числу такихъ людей, которыхъ достаточно видѣть и поговорить съ ними минутъ 10, чтобы усмотрѣть, что онъ представляетъ собою такого рода типъ, который на русскомъ языкѣ называется «хамомъ». Все свое свободное время этотъ человѣкъ проводилъ въ ресторанахъ и въ кутежахъ. По натурѣ Власовскiй человѣкъ хитрый и пронырливый, вообще же онъ имѣетъ видъ хама-держиморды; онъ внѣдрилъ и укрѣпилъ въ московской полицiи начала общаго взяточничества; съ наружной же стороны, дѣйствительно, онъ какъ-будто бы держалъ въ Москвѣ порядокъ. Кромѣ того, онъ былъ очень удобный человѣкъ, потому что весь дворъ Великаго Князя Сергѣя Александровича, конечно, обращался съ нимъ не какъ съ господиномъ, а какъ съ хамомъ и онъ исполнялъ всевозможныя порученiя этой великокняжеской дворни.

И вотъ, этотъ оберъ-полицiймейстеръ заявилъ, что, въ сущности говоря, на Ходынскомъ полѣ всѣмъ распоряжалось и все это народное гулянье и угощенье устраивало министерство двора, а что полицiя собственно никакого тамъ на самомъ полѣ касательства не имѣла, что все это было дѣломъ министерства двора, а вотъ все, что касалось мѣстности около поля и до поля — это все касалось его, касалось полицiи; тамъ же никакихъ исторiй, никакихъ катастрофъ не было, тамъ все было въ порядкѣ. Произошла же эта катастрофа, при которой столько людей было убито и побито, отъ того, что на всѣ эти угощенiя Государя народъ набросился и началъ другъ друга давить и такимъ образомъ было задавлено двѣ тысячи людей, въ числѣ ихъ множество женщинъ и дѣтей.

Съ другой стороны, министерство двора, а именно уполномоченные отъ министерства двора заявили, что, дѣйствительно, они распоряжа-

лись раздачею всѣхъ гостинцевъ народу и вообще всѣми увеселеніями, но не брали на себя установленія полицейскаго порядка на самомъ полѣ, что дѣло это лежало на обязанности московской полиціи и что если произошло нарушеніе порядка, то въ этомъ не они виноваты, а виновата исключительно полиція.

Затѣмъ, московскій генералъ-губернаторъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ началъ, конечно, поддерживать свою полицію. И если-бы собственно московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ не Великій Князь, а кто-нибудь другой, то, разумѣется, первымъ отвѣтственнымъ лицомъ за Ходынскую катастрофу былъ бы московскій генералъ-губернаторъ, а затѣмъ и министръ двора графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ министромъ двора еще при покойномъ Императорѣ Александрѣ III и, по своему положенію, имѣлъ въ глазахъ молодого Императора особый авторитетъ; онъ также защищалъ всѣхъ своихъ чиновъ, утверждая, что они здѣсь не при чемъ, что вся вина лежитъ на московскомъ управленіи и, прежде всего, на генералъ-губернаторѣ.

Такъ вотъ на этой почвѣ разногласія и пошла, какъ говорится, писать губернія. На верху высшіе сановники начали дѣлиться на партіи; одна партія — за графа Воронцова-Дашкова, за министра двора, который, какъ извѣстно, пользовался особымъ благоволеніемъ матери Императора, вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая въ то время имѣла еще очень большое вліяніе на Государя. Поэтому одна партія утверждала, что здѣсь министерство двора не при чемъ, что виновата исключительно въ катастрофѣ московская полиція, а другіе почли болѣе для себя выгоднымъ пристать къ партіи Великаго Князя Сергѣя Александровича и потому утверждали, что Великій Князь и его полиція тутъ не причемъ, а вся вина падаетъ исключительно на чиновъ министерства двора.

Въ то время, впрочемъ, многіе сановники находились въ недоумѣніи, на какую сторону стать: на сторону ли московскаго генералъ-губернатора, или на сторону министра двора, такъ какъ они еще себѣ не отдали яснаго отчета, кто будетъ имѣть болѣе вліянія на Императора: вдовствующая ли Императрица-мать, или Великій Князь Сергѣй Александровичъ, женатый на сестрѣ молодой Императрицы.

Въ концѣ концовъ разслѣдованіе было поручено министру юстиціи того времени Николаю Валеріановичу Муравьеву. Этотъ министръ юстиціи сдѣлалъ разслѣдованіе, которое составляетъ отдѣльный малень-

кій томъ, нынѣ секретный, имѣющійся, между прочимъ, и въ моемъ архивѣ. Муравьевъ всю эту исторію, всю катастрофу, какъ она произошла, описываетъ съ полной точностью. Но вотъ насчетъ виновности — онъ эти вопросы обходитъ, или же его объясненія являются крайне субъективными, такъ какъ самъ Н. В. Муравьевъ сдѣлался министромъ юстиціи по протекціи Великаго Князя Сергѣя Александровича; ранѣе онъ былъ прокуроромъ московской судебной палаты и близкимъ человѣкомъ къ Сергѣю Александровичу.

Назначеніе Н. В. Муравьева производить разслѣдованіе понималось въ Москвѣ, какъ преобладающее вліяніе Великаго Князя Сергѣя Александровича. Но вліяніе это, повидимому, продолжалось недолго, потому что явилось другое вліяніе — преобладающее, — вліяніе министра двора; вліяніе это понималось, какъ вліяніе Императрицы Маріи Өеодоровны. Въ виду этого, было поручено произвести новое разслѣдованіе бывшему министру юстиціи, весьма почтенному и достойнѣйшему человѣку, который былъ на коронаціи оберъ-церемоніймейстеромъ[1], а именно — графу Палену.

Разслѣдованія графа Палена я не читалъ; его заключенія мнѣ оффиціально неизвѣстны, но я нѣсколько разъ слышалъ отъ графа, что онъ нашелъ, что была виновата, главнымъ образомъ, московская полиція и вообще управленіе Москвою, а не министръ двора, т. е. иначе говоря, графъ Паленъ винилъ московскаго генералъ-губернатора.

Причемъ, когда онъ еще былъ въ Москвѣ и слѣдствіе еще не кончилось, немедленно послѣ катастрофы графъ Паленъ имѣлъ неосторожность сказать во дворцѣ, что вся бѣда заключается въ томъ, что Великимъ Князьямъ поручаются отвѣтственныя должности и что тамъ, гдѣ Великіе Князья занимаютъ отвѣтственную должность, всегда происходитъ или какая-нибудь бѣда или крайній безпорядокъ. Вслѣдствіе этого, противъ графа Палена пошли всѣ Великіе Князья.

Мнѣ извѣстно, что графъ Паленъ представилъ по поводу своего разслѣдованія подробный докладъ Государю и мнѣ извѣстно, что на этомъ докладѣ Государь написалъ резолюцію (хотя мнѣ эту резолюцію передавалъ графъ Паленъ, но я ее не помню). Мнѣ извѣстно, что докладъ этотъ съ резолюціей Государя, которая графа Палена опечалила, находится у него въ архивѣ, въ его деревнѣ около Митавы[2].

[1] Назначеннымъ спеціально для коронаціи.

[2] Варіантъ. *Его Величество соизволилъ написать самую лестную резолюцію на докладъ графа Палена, но черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Москвы Великій Князь Сергѣй Александровичъ и дѣло было совершенно перерѣшено.*

Въ концѣ концовъ, во всей этой исторіи, при которой погибло и пострадало около двухъ тысячъ русскихъ людей, оказался виновенъ одинъ только человѣкъ, а именно оберъ-полиціймейстеръ Власовскій, который и былъ уволенъ со службы.

Такимъ образомъ, все это дѣло было заглушено, но, конечно, оно надолго останется въ лѣтописяхъ русской исторіи.

Послѣ этого графъ Паленъ нѣкоторое время былъ какъ-будто бы въ тѣни, но Государь къ нему не измѣнилъ своего настроенія и потомъ, черезъ нѣкоторое время, началъ къ нему относиться такъ же благоволительно, какъ онъ относился къ нему прежде, какъ относится и теперь.

Но никогда съ тѣхъ поръ графу Палену никакого дѣятельнаго порученія даваемо не было, впрочемъ, это можно объяснить и тѣмъ, что графъ Паленъ — человѣкъ весьма пожилыхъ лѣтъ.

Что касается Н. В. Муравьева, то онъ сдѣлалъ очень счастливую для себя карьеру, благодаря все той же протекціи Великаго Князя Сергѣя Александровича, о чемъ я, вѣроятно, буду имѣть случай говорить впослѣдствіи.

Въ день Ходынской катастрофы, 18 мая, по церемоніалу былъ назначенъ балъ у французскаго посла графа (впослѣдствіи маркиза) Монтебелло; французскій посолъ по женѣ былъ весьма богатый человѣкъ, какъ по этой причинѣ, такъ и по своимъ личнымъ качествамъ, а въ особенности по качествамъ своей жены, онъ былъ очень любимъ въ высшемъ обществѣ.

Балъ долженъ былъ быть весьма роскошнымъ и, конечно, на балу долженъ былъ присутствовать Государь Императоръ съ Императрицею. Въ теченіе дня мы не знали, будетъ ли отмѣненъ, по случаю происшедшей катастрофы, этотъ балъ или нѣтъ, оказалось, что балъ не отмѣненъ. Тогда предполагали, что хотя балъ будетъ, но, вѣроятно, Ихъ Величества не пріѣдутъ.

Въ назначенный часъ я пріѣхалъ на этотъ балъ, а вмѣстѣ со мною пріѣхалъ Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ, главноуправляющій комиссіей прошеній, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ и Великій Князь Сергѣй Александровичъ, московскій генералъ-губернаторъ. Какъ только мы встрѣтились, естественно заговорили объ этой катастрофѣ, причемъ Великій Князь намъ сказалъ, что многіе совѣтовали Государю просить посла отмѣнить этотъ балъ и во всякомъ случаѣ не пріѣзжать на этотъ балъ, но что Государь съ этимъ мнѣніемъ совершенно несогласенъ, по

его мнѣнію, эта катастрофа есть величайшее несчастье, но несчастье, которое не должно омрачать праздникъ коронаціи; ходынскую катастрофу надлежитъ въ этомъ смыслѣ игнорировать.

При этихъ словахъ мнѣ естественно пришла въ голову аналогія между этимъ разсужденіемъ и разсужденіемъ, которое я слышалъ утромъ отъ великаго государственнаго человѣка въ Китаѣ — Ли-Хунъ-Чана.

Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ Государь и Императрица; открылся балъ, причемъ первый контрадансъ Государь танцовалъ съ графиней Монтебелло, а Государыня съ графомъ Монтебелло. Впрочемъ, Государь вскорѣ съ этого бала удалился.

Государь былъ скученъ и видимо катастрофа произвела на него сильное впечатлѣніе. И если бы онъ былъ предоставленъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, самому себѣ, т. е. еслибы онъ слушалъ свое сердце, то въ отношеніи этой катастрофы и всѣхъ этихъ празднествъ, я увѣренъ, онъ поступилъ бы иначе

Тамъ же въ Москвѣ былъ подписанъ и договоръ съ Японіей. Всѣ переговоры по этому договору велъ князь Лобановъ-Ростовскій, я тоже принималъ участіе, но участіе второстепенное. Я считаю этотъ договоръ весьма удачнымъ. По этому договору Россія и Японія раздѣлили между собою вліяніе на Корею, причемъ доминирующее вліяніе было на сторонѣ Россіи.

Представители Японіи охотно на этотъ договоръ согласились. Мы могли имѣть по этому договору въ Кореѣ военныхъ инструкторовъ и нѣсколько сотенъ человѣкъ нашихъ солдатъ, такъ что въ военномъ и финансовомъ отношеніи, въ смыслѣ управленія государственными финансами, Россіи были предоставлены значительныя, можно сказать, доминирующія права; такъ, по этому договору, мы должны были назначить и совѣтника по финансовымъ дѣламъ при корейскомъ императорѣ, что равносильно назначенію министра финансовъ. Но вліяніе на Корею было обоюдное, какъ со стороны Россіи, такъ и со стороны Японіи; Японія также могла имѣть тамъ промышленныя общества и вершить торговлю; никакихъ особыхъ денежныхъ преимуществъ, которыя не были бы предоставлены Японіи, одинаково не допускалось и Россіи и проч. Вообще, какъ я уже сказалъ, этотъ договоръ я считаю удачнымъ.

Такимъ образомъ, казалось, въ Москвѣ прочно установилось раздѣленіе вліяній на Корею со стороны Россіи и со стороны Японіи, — но уже на Корею самостоятельную, такъ какъ до японо-китайской

войны, Корея считалась какъ бы автономной областью Китая и находилась подъ полнымъ вліяніемъ Китая.

По японо-китайскому договору послѣ войны Корея была объявлена страною самостоятельною. Вотъ этотъ договоръ въ Москвѣ опредѣлилъ и размежевалъ наше вліяніе на Корею и вліяніе на Корею Японіи.

Съ другой стороны, секретнымъ договоромъ съ Китаемъ, который былъ составленъ, — о чемъ я ранѣе уже говорилъ — мы получали право проведенія желѣзной дороги черезъ Монголію и Манджурію до Владивостока. Такимъ образомъ, въ наши руки передавалась дорога величайшаго политическаго и коммерческаго значенія, причемъ въ то время мы усиленно подчеркивали, — и я подчеркивалъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, что дорога эта не должна служить, ни при какихъ обстоятельствахъ, орудіемъ какихъ бы то ни было захватовъ; она должна была быть орудіемъ сближенія восточныхъ и европейскихъ націй, сближенія, какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго, и должна была служить орудіемъ моральнаго вліянія постолько, посколько новая культура — христіанская, сильнѣе и могущественнѣе культуры желтыхъ націй, родившихся въ идолопоклонствѣ.

Мнѣ тогда же Ли-Хунъ-Чанъ, съ которымъ я очень подружился, нѣсколько разъ повторялъ, что онъ, какъ другъ Россіи, совѣтуетъ ни въ какомъ случаѣ не идти Россіи на югъ отъ линіи, которая должна соединить Сибирскій великій путь съ Владивостокомъ, такъ какъ, если бы мы пошли на югъ, то это могло бы возбудить такія политическія волненія и неожиданность среди китайцевъ, въ этой массѣ, совсѣмъ не знакомой съ европейцами, смотрящей на каждаго бѣлаго, въ извѣстной степени, какъ на недоброжелателя, что подобный шагъ могъ бы имѣть самыя неожиданныя печальныя послѣдствія, какъ для Россіи, такъ и для Китая. Всѣ эти убѣжденія Ли-Хунъ-Чана лично для меня были напрасны, ибо я, какъ вѣрный носитель идей Императора Александра III, котораго сынъ, въ извѣстномъ манифестѣ прозвалъ «Миротворцемъ», былъ самымъ искреннимъ, и остаюсь имъ и до настоящаго времени, адептомъ идеи мира и считаю, что только тогда христіанское ученіе пріобрѣтетъ силу и расцвѣтетъ, когда человѣчество исполнитъ первѣйшій завѣтъ Христова ученія, завѣтъ, заключающійся въ томъ, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ нравственнаго права, или вѣрнѣе — божескаго права убивать существъ себѣ подобныхъ.

Я упоминаю объ этомъ настоятельномъ совѣтѣ Ли-Хунъ-Чана для того, чтобы показать, насколько Ли-Хунъ-Чанъ былъ изъ ряда вонъ

выходящій государственный дѣятель Китая, — который считается, съ нашей европейской точки зрѣнія, человѣкомъ совсѣмъ необразованнымъ и некультурнымъ, но съ точки зрѣнія Китая, китайской цивилизаціи — это былъ человѣкъ въ высокой степени образованный, въ высокой степени культурный.

Въ то время Государь Императоръ носилъ въ себѣ прекрасныя сѣмена всего лучшаго, что можетъ быть въ человѣкѣ, какъ въ смыслѣ духа человѣческаго, такъ и въ смыслѣ сердца, а потому и мнѣ было совершенно безполезно передавать Государю совѣтъ Ли-Хунъ-Чана, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что и Государь Императоръ смотрѣлъ на договоръ съ Китаемъ, какъ на договоръ, преслѣдующій исключительно мирныя цѣли. Договоръ же этотъ былъ секретный не потому, что имъ давались права Россіи построить желѣзную дорогу черезъ Монголію и Манджурію, такъ какъ права эти непосредственно вытекали изъ той нравственной помощи, которую оказала Россія Китаю послѣ несчастной войны Китая съ Японіей, — секретность этого договора истекала изъ того, что этотъ договоръ былъ въ то же время и договоромъ союзно-оборонительнымъ противъ возможнаго противника Японіи, дабы не могло повториться то, что имѣло мѣсто, когда Японія разгромила Китай.

Во время коронаціи, независимо отъ тѣхъ широкихъ общихъ льготъ, которыя манифестомъ Его Величества были предоставлены всему населенію, конечно, къ Его Величеству обращались тысячи и тысячи лицъ съ своими частными просьбами и ходатайствами.

Его Величество, будучи весьма добрымъ, сердечнымъ человѣкомъ, широко удовлетворялъ всѣ эти просьбы; конечно, и извѣстный князь Мещерскій, редакторъ «Гражданина», не упустилъ случая постараться завязать свои отношенія съ Государемъ, но Государь не обратилъ никакого вниманія на эти, если можно такъ выразиться, «княжескія заигрыванья».

Затѣмъ, послѣ подписанія договора съ Японіей о торговлѣ и мореплаваніи — мною, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и японскимъ посломъ миссіи — 17-го мая я уѣхалъ въ Нижній Новгородъ открыватъ Нижегородскую ярмарку.

Выставка эта была сдѣлана по моему почину и, хотя она была устроена очень хорошо, но имѣла средственный успѣхъ, — можетъ

быть потому, что былъ выбранъ неудобный моментъ послѣ коронаціи. Я открылъ выставку 28-го мая; она еще почти не была окончена.

Комиссаромъ выставки мною былъ назначенъ агентъ министерства финансовъ въ Берлинѣ Тимирязевъ, который представляетъ собою типъ чиновника, вершащаго всѣ дѣла лишь на бумагѣ, а поэтому въ такомъ живомъ дѣлѣ онъ всюду и опоздалъ. — Выбралъ же я Тимирязева потому, что ранѣе при моихъ предшественникахъ онъ занимался выставками.

Вслѣдствіе такого положенія Нижегородской выставки, уже передъ окончаніемъ устройства выставки, я просилъ поработать директора департамента Владиміра Ивановича Ковалевскаго, человѣка живого, очень энергичнаго, весьма способнаго и талантливаго, человѣка, о которомъ нельзя сказать ничего, кромѣ хорошаго и который себѣ крайне повредилъ, если не погубилъ себя, своими неудачными увлеченіями женскимъ поломъ. Ковалевскій энергично началъ дѣйствовать и выставка уже черезъ нѣсколько дней была совершенно готова.

Все это время до 21-го іюня Государь продолжалъ оставаться въ Москвѣ и ея окрестностяхъ.

Вскорѣ по открытіи выставки въ Нижнемъ Новгородѣ пріѣхалъ туда Ли-Хунъ-Чанъ. Онъ пробылъ на выставкѣ нѣсколько дней, такъ сказать, у меня въ гостяхъ; я говорю у меня, т.-е. въ гостяхъ у министра финансовъ.

Ли-Хунъ-Чанъ очень всему удивлялся, въ особенности онъ удивлялся всему тому, что касалось отдѣла машинъ и техники. Затѣмъ онъ уѣхалъ изъ Россіи въ Европу и посѣтилъ нѣкоторыя европейскія страны. Онъ служилъ предметомъ большого удивленія иностранцевъ, которые будучи совсѣмъ чужды азіатской, и въ особенности китайской культуры, находили Ли-Хунъ-Чана и его свиту людьми полудикими.

Какъ я уже говорилъ, въ исполненіе договора, заключеннаго съ Ли-Хунъ-Чаномъ, была составлена конвенція моимъ товарищемъ Романовымъ и китайскимъ посломъ въ Петербургѣ и Берлинѣ; конвенція эта была затѣмъ ратифицирована.

Въ Европѣ въ то время говорили, будто бы Ли-Хунъ-Чанъ получилъ отъ русскаго правительства взятку; это невѣрно. Тогда въ Петербургѣ Ли-Хунъ-Чанъ никакой взятки не получилъ. Объ этомъ не было со стороны Ли-Хунъ-Чана никакой рѣчи.

17-го іюля пріѣхали въ Нижній Новгородъ на выставку Ихъ Величества и съ ними Великій Князь генералъ-адмиралъ Алексѣй Александровичъ.

Приблизительно въ эти же дни послѣдовало увольненіе управляющаго морскимъ министерствомъ Чихачева и назначеніе вмѣсто него Тыртова, о чемъ я говорилъ ранѣе, поэтому Его Величество былъ особенно милостивъ къ своему дядѣ генералъ-адмиралу Алексѣю Александровичу; въ характерѣ Государя: если Онъ причинялъ своимъ близкимъ какое-нибудь огорченіе, то старался и старается загладить это ласками.

Его Величество пробылъ въ Нижнемъ Новгородѣ 18-е и 19-е, 20-го Онъ уѣхалъ изъ Нижняго; остановился Онъ въ домѣ г.-губернатора, который представляетъ собою генералъ-губернаторскій дворецъ.

Въ теченіе своего пребыванія Государь нѣсколько разъ на выставкѣ подробно все осматривалъ, но мнѣ почему то представлялось, что Ихъ Величества были ко мнѣ нѣсколько холодны. Я не зналъ, въ чемъ заключается причина, хотя былъ уже настолько опытный сановникъ, что понималъ, что это, вѣроятно, есть результатъ какихъ-нибудь навѣтовъ на меня во время Нижегородской выставки. Но съ чьей стороны — я догадаться не могъ; думалъ, что можетъ быть со стороны князя Лобанова-Ростовскаго, такъ какъ ему не была пріятна моя выдающаяся роль по заключенію договора съ Ли-Хунъ-Чаномъ. Но это только мое предположеніе, такъ какъ я вообще считалъ и считаю до настоящаго времени князя Лобанова человѣкомъ весьма порядочнымъ и довольно далекимъ отъ всякихъ дворцовыхъ интригъ.

Изъ Нижняго Его Величество выѣхалъ въ Петергофъ 20-го іюля.

13-го августа Его Величество изволилъ отправиться изъ Петергофа въ Вѣну сдѣлать визитъ престарѣлому Императору Францу-Іосифу. Въ Вѣнѣ Его Величество былъ два дня; затѣмъ изъ Вѣны прибылъ въ Кіевъ.

Дорогою, недалеко отъ Кіева, бѣдный князь Лобановъ-Ростовскій умеръ отъ разрыва сердца во время одной изъ остановокъ поѣзда на станціи. Смерть эта очень огорчила Государя и Государыню и была въ извѣстномъ смыслѣ роковою, ибо, я увѣренъ, что несмотря на нѣкоторую легкомысленность князя Лобанова-Ростовскаго, онъ былъ все-таки настолько опытный и культурный человѣкъ, что не допустилъ бы многихъ событій въ нашей политикѣ, которыя такъ плачевно окончились и результаты коихъ мы переживаемъ теперь.

Его Величество прибылъ въ Кіевъ 19, а уже 22-го выѣхалъ въ Германію сдѣлать визитъ Императору Вильгельму.

24-го Его Величество прибылъ въ Бреславль, тамъ былъ смотръ войскамъ. Затѣмъ изъ Бреславля Государь Императоръ черезъ Киль поѣхалъ въ Копенгагенъ сдѣлать визитъ королю Датскому, своему дѣду.

Уже 3-го сентября Ихъ Величества покинули Копенгагенъ и 12-го сентября прибыли въ Англію сдѣлать визитъ королевѣ Викторіи, бабушкѣ молодой Императрицы.

Вслѣдствіе смерти князя Лобанова-Ростовскаго, Государя Императора сопровождалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ почтеннѣйшій Шишкинъ, о которомъ я говорилъ ранѣе.

23-го сентября Его Величество прибылъ въ Шербургъ сдѣлать визитъ президенту французской республики.

Ихъ Величества всюду были встрѣчаемы съ особымъ энтузіазмомъ, такъ какъ они представляли молодую обворожительную пару, которая уже вслѣдствіе своей молодости и всѣхъ чистыхъ качествъ, присущихъ неиспорченной молодости, само собою разумѣется, не могла не производить чарующаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что Императоръ Николай II обладаетъ особымъ даромъ очаровыванія.

Я не знаю такихъ людей, которые будучи первый разъ представлены Государю, не были бы имъ очарованы; онъ очаровываетъ, какъ своею сердечною манерою, обхожденіемъ, такъ и въ особенности и своею удивительною воспитанностью, ибо мнѣ, въ жизни не приходилось встрѣчать по манерѣ человѣка болѣе воспитаннаго, нежели нашъ Императоръ.

При такихъ качествахъ нашего Императора, разумѣется, прибытіе молодой Императорской четы во Францію очаровало всѣхъ французовъ.

Во-первыхъ, это былъ первый визитъ русскаго Императора послѣ визита Его дѣда Императора Александра II Наполеону, когда великій Императоръ подвергся возмутительному выстрѣлу со стороны поляка Березовскаго.

Во-вторыхъ, этимъ визитомъ Императоръ подчеркивалъ свое твердое рѣшеніе слѣдовать по стопамъ своего Отца, создателя франко-русскаго соглашенія.

Въ третьихъ, — это качество французовъ увлекаться всѣмъ тѣмъ, что имъ пріятно и что величественно.

Наконецъ, французы республиканцы имѣютъ то свойство, что они особливо восхищаются Царствующими Особами, а такая Царствующая чета, какъ русскій самодержавный Государь, держащій въ своей державной рукѣ одну пятую часть пространства всего міра, конечно, не могла не возбуждать во Франціи чувства не только восхищенія, но и своего рода экстаза.

Поэтому, та недѣля, которую провелъ Государь въ Парижѣ и Версалѣ, въ окрестностяхъ Парижа, была названа русскою недѣлею.

Государь и Его Августѣйшая супруга были всюду встрѣчаемы съ величайшимъ восторгомъ.

17-го октября Его Величество изъ Франціи прибылъ въ Дармштадтъ, родину Императрицы, къ ея брату великому герцогу Дармштадтскому, а 19 октября Его Величество былъ уже въ Царскомъ Селѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ, конечно, ранѣе, а именно въ первыхъ числахъ сентября.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВИННАЯ МОНОПОЛІЯ

2-ГО іюня 1896 г. было опубликовано преобразованіе департамента неокладныхъ сборовъ въ главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, такъ какъ со времени введенія мною винной монополіи главное по важности занятіе этого департамента заключается въ дѣлѣ питейномъ. Это было чрезвычайно важное преобразованіе, ибо къ тому времени уже значительно подвинулось введеніе питейной монополіи въ различныхъ губерніяхъ. Во главѣ этого дѣла былъ поставленъ директоръ департамента неокладныхъ сборовъ — прекраснѣйшій, почтеннѣйшій и выдающійся человѣкъ — Марковъ, который всю свою карьеру сдѣлалъ въ акцизномъ вѣдомствѣ, будучи приглашенъ на службу еще устроителемъ акцизнаго вѣдомства, бывшимъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ извѣстнымъ Гротомъ. По воспитанію Марковъ былъ военный; онъ перешелъ на акцизную службу изъ военныхъ.

Преобразованіе это знаменовало то, что питейная монополія, введенная по иниціативѣ Императора Александра III, получила уже прочные устои и постепенно будетъ введена во всей Россіи.

Когда я въ августѣ 1903 г. ушелъ изъ министерства финансовъ, то питейная монополія была уже введена почти во всей Россіи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдаленныхъ окраинъ ея. Но вообще дѣло это еще не было вполнѣ закончено.

При введеніи этой монополіи въ Петербургской губерніи и, въ частности въ г. Петербургѣ, я встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе, которое мнѣ легко удалось побороть, въ виду того авторитета, вліянія и расположенія, которымъ я пользовался еще въ то время у молодого Императора.

При введеніи монополіи, конечно, весьма значительно страдали интересы водочныхъ заводовъ, вообще частныхъ распивочныхъ заведеній, въ томъ числѣ трактировъ и гостинницъ второстепеннаго разбора. Въ Петербургѣ же отъ введенія винной монополіи, конечно, интересы эти должны были значительно пострадать, вслѣдствіе чего ватага заинтересованныхъ лицъ нашла себѣ пути къ Великому Князю, весьма благороднѣйшему, почтеннѣйшему, но далекому отъ всякихъ житейскихъ дѣлъ, нынѣ покойному Владиміру Александровичу, дядѣ Императора.

Великаго Князя увѣрили, что въ тотъ день, когда я введу монополію въ Петербургѣ — произойдутъ въ городѣ волненія, которыя могутъ имѣть кровавыя послѣдствія, а такъ какъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ былъ главноуправляющій войсками, то въ этомъ смыслѣ это до него касалось.

Великій Князь передалъ объ этомъ Государю Императору и Его Величество за нѣсколько дней до того, какъ монополія должна была быть введена и всѣ приготовленія къ ней уже были окончены — высказалъ нѣкоторое колебаніе относительно того, вводить ли монополію въ Петербургѣ, или нѣтъ?

Но простое объясненіе съ Государемъ — Его Величество успокоило и я ввелъ эту монополію въ Петербургѣ, причемъ, какъ я и былъ увѣренъ, никакихъ волненій не было, все обошлось совершенно спокойно.

Долженъ сказать, что въ теченіе всего моего управленія, питейная монополія, по завѣту покойнаго Императора Александра III, имѣла главнымъ образомъ въ виду возможное уменьшеніе пьянства. Я говорю «возможное» — посколько это уменьшеніе можетъ быть достигнуто путемъ механическимъ, полицейскимъ и путемъ регламентаціи; такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общее отрезвленіе народа, прочное его отрезвленіе — возможно и мыслимо только посредствомъ широкаго распространенія культуры, образованія и матеріальнаго достатка.

Къ сожалѣнію, когда началась японская война и министромъ финансовъ сдѣлался Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ, то онъ, съ одной стороны, находясь въ трудномъ положеніи, въ виду громадныхъ военныхъ расходовъ, а съ другой стороны, вслѣдствіе боязливаго характера, — боясь, чтобы какъ-нибудь не случилось, что не

хватитъ денегъ, нѣсколько измѣнилъ то направленіе питейной монополіи, которое было дано Императоромъ Александромъ III, по его приказанію, мною, а по моему приказанію Марковымъ и всѣми чинами акцизнаго вѣдомства.

Владиміръ Николаевичъ обратилъ вниманіе на монополію, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія фиска, дабы извлечь изъ этой реформы наибольшій доходъ, а потому не только не были предприняты дальнѣйшія мѣры, такъ сказать, къ механическому, полицейскому воздѣйствію на уменьшеніе пьянства, но наоборотъ, питейный доходъ сталъ служить однимъ изъ мѣрилъ достоинства акцизныхъ чиновниковъ; не уменьшеніе пьянства ставилось и ставится акцизнымъ чиновникамъ въ особую заслугу, а увеличеніе питейнаго дохода.

Кромѣ того, была серьезно повышена и цѣна на вино, и повышеніе это дѣлалось неоднократно.

Извѣстно, что цѣна на уменьшеніе потребленія вина можетъ имѣть большое вліяніе; вліяніе это можетъ быть достигаемо или назначеніемъ такой цѣны на вино, благодаря которой вино не было бы по средствамъ большинству населенія, — къ этому пріему прибѣгаютъ довольно рѣдко; онъ неудобенъ въ томъ смыслѣ, что порождаетъ корчемство и вызываетъ злоупотребленія, или же того же самаго результата посредствомъ измѣненія цѣны — можно достигать назначеніемъ умѣренной цѣны на вино, цѣны, соотвѣтствующей достатку самаго бѣднаго класса населенія.

Ни то, ни другое не было предпринято, а была назначаема, — и до сихъ поръ существуетъ такая цѣна на вино, которая доступна почти всему населенію, но которая раззорительна для него.

Эта мѣра значительно увеличила питейный доходъ, но, конечно, имѣла и имѣетъ вліяніе на пьянство.

Съ другой стороны, съ тою же цѣлью, увеличеніе питейнаго дохода за послѣдніе годы было чрезвычайно увеличено и число винныхъ лавокъ, — чуть ли не удвоено.

Эти два фактора имѣли вліяніе на увеличеніе пьянства.

Такое направленіе питейной монополіи во время войны не можетъ быть поставлено въ вину кому бы то ни было; всякій министръ финансовъ дѣлалъ бы то же самое, что сдѣлалъ и Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ. Но, по моему мнѣнію, когда война прекратилась и когда финансы опять пришли въ хорошее состояніе, — первый долгъ министра финансовъ вспомнить, что питейная монополія была введена для

уменьшенія пьянства, и направить дѣло въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно должно быть направлено по завѣту Императора Александра III.

Я каждый годъ старался ѣздить именно по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ вводилась эта новая реформа, и при всѣхъ моихъ объѣздахъ, внушалъ акцизному вѣдомству, что реформа эта вводится не съ цѣлью увеличенія дохода, а съ цѣлью уменьшенія народнаго пьянства и что дѣйствія чиновъ акцизнаго вѣдомства будутъ цѣниться совсѣмъ не въ зависимости отъ того, какой доходъ отъ этой реформы получается, и исключительно съ точки зрѣнія благоустройства, порядка и уменьшенія народнаго пьянства.

Когда въ Россію пріѣзжалъ президентъ Французской республики Форъ, то послѣ его отъѣзда остался одинъ изъ инспекторовъ французскаго финансоваго вѣдомства, который сопровождалъ Фора и который долженъ былъ сопровождать и меня въ предстоящей моей поѣздкѣ по губерніямъ, гдѣ вводилась питейная монополія, а именно въ губерніяхъ Смоленской и Могилевской.

Я забылъ фамилію этого весьма почтеннаго француза. Вотъ я съ нимъ и совершалъ эти объѣзды, причемъ, такъ какъ мнѣ очень много приходилось ѣздить въ коляскѣ, то онъ при этихъ объѣздахъ всегда ѣздилъ со мной вмѣстѣ, въ моемъ экипажѣ.

Когда я совершилъ этотъ объѣздъ, то я спросилъ этого француза, какъ я уже говорилъ весьма почтеннаго дѣятеля, носящаго древнюю дворянскую фамилію (онъ, между прочимъ, былъ родственникъ графа Монтебелло), что онъ думаетъ по поводу питейной монополіи?

Его послалъ со мною Форъ, предполагая, что ту же самую реформу можно ввести и во Франціи.

Французъ на это далъ мнѣ весьма умный отвѣтъ: онъ находитъ, что эта реформа съ точки зрѣнія государственной превосходная и что она должна дать самые благіе результаты. Реформа эта могла бы дать столь же благіе результаты во Франціи, но для того, чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условіе, — чтобы та страна, въ которой она вводится, имѣла Монарха неограниченнаго, и мало того, что неограниченнаго, но и съ большимъ характеромъ.

Дѣйствительно, если бы Императоръ Александръ III не обладалъ этимъ свойствомъ, то и реформу я никогда бы не былъ въ состояніи ввести. При парламентарномъ режимѣ, вообще, а при республиканскомъ въ особенности, введеніе такой реформы почти немыслимо, такъ какъ она задѣваетъ столько интересовъ высшихъ лицъ и вообще лицъ съ достаткомъ, что по нынѣшнему времени никакой парламентъ такой реформы не пропуститъ.

Когда въ послѣдніе годы мнѣ приходилось подолгу жить во Франціи, я часто вспоминалъ эти слова, потому что дѣйствительно и нынѣ во Франціи при выборѣ депутатовъ въ Палаты, можно сказать, первенствующую роль играютъ лица, содержащія кабакъ во всѣхъ его видахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗОЛОТАЯ ВАЛЮТА

ЕЩЕ въ царствованіе Императора Александра III была въ основѣ предрѣшена денежная реформа, которую я имѣлъ честь совершить, которая спасла, укрѣпила русскіе финансы и на которой зиждется и основывается не смотря на несчастную японскую войну и всѣ ужасныя происшедшія отъ нея послѣдствія — настоящее финансовое благосостояніе России.

Но я долженъ сказать, что у меня, когда я сдѣлался министромъ финансовъ, не было сомнѣній въ томъ, что денежное обращеніе основанное на металлѣ, есть благо; но такъ какъ я ранѣе этимъ вопросомъ глубоко не занимался, то поэтому у меня являлись не то, чтобы нѣкоторыя колебанія, а непослѣдовательные шаги и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Россія жила на денежной системѣ, основанной на кредитныхъ билетахъ, съ Севастопольской войны въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; всѣ жившіе въ то время (въ концѣ 80-хъ годовъ) поколѣнія не знали и не видѣли металлическаго обращенія; ни въ университетахъ, ни въ высшихъ школахъ правильной теоріи денежнаго обращенія не читалось, по крайней мѣрѣ не читались основы металлическаго денежнаго обращенія и не читались по той простой причинѣ, что этого обращенія не было въ дѣйствительности, и потому оно имѣло скорѣе какъ бы теоретическій, а не практическій характеръ. По этому предмету не было на русскомъ языкѣ сколько-нибудь порядочныхъ книгъ и учебниковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, а именно, то, что выходило изъ подъ пера Николая Христіановича Бунге, когда онъ былъ профессоромъ Кіевскаго университета, а также и профессора Дерптскаго университета Вагнера, который потомъ покинулъ этотъ университетъ, сдѣлался профессоромъ Берлинскаго университета и до сихъ поръ здравствуетъ.

Я очень хорошо помню разговоръ, который я имѣлъ съ Бунге передъ однимъ изъ первыхъ засѣданій Комитета Финансовъ, въ которомъ я началъ проводить денежную реформу.

Когда мы шли въ это засѣданіе, Бунге мнѣ сказалъ слѣдующее:

— Сергѣй Юльевичъ, вамъ будетъ очень трудно проводить эту реформу, потому что въ Финансовомъ Комитетѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы это дѣло зналъ. Всѣ члены Финансоваго Комитета теоретически этого дѣла не изучали и на практикѣ его не видали.

Мною была сдѣлана ошибка, которая отчасти, можетъ быть, помѣшала мнѣ оріентироваться сразу въ этомъ вопросѣ, ошибка эта заключалась въ томъ, что я, будучи министромъ финансовъ, взялъ себѣ въ товарищи профессора Кіевскаго университета Антоновича. Я сдѣлалъ это потому, что Антоновичъ написалъ по этому предмету докторскую диссертацію, а именно, о денежномъ обращеніи.

Это была одна изъ тѣхъ книгъ, которую я читалъ ранѣе, нежели спеціально занялся этимъ предметомъ, будучи министромъ финансовъ.

Мнѣ казалось, — да такъ было и въ дѣйствительности, — что Антоновичъ весьма твердо высказывался за необходимость металлическаго обращенія, но я не принялъ во вниманіе характера, съ одной стороны, крайне неустойчиваго, а съ другой стороны, грубаго и некультурнаго. Онъ, по своей натурѣ, гораздо больше думалъ о своей мелкой пользѣ, нежели о томъ, будетъ ли совершена денежная реформа или нѣтъ.

Когда Антоновичъ увидѣлъ, что не только Петербургъ, но и вся Россія противъ этой реформы, то онъ, конечно, началъ вилять, а затѣмъ и самъ сталъ высказываться противъ этой реформы.

Антоновичъ былъ недурной человѣкъ, порядочный русскій профессоръ, но замѣчательно хитрый хохолъ; очень маленькій по своему характеру и міровоззрѣнію. Въ деталяхъ, конечно, онъ меня сбивалъ.

Такъ напр., онъ принялъ значительное участіе въ преобразованіи Государственнаго Банка, и, если бы его не было, то новый уставъ Государственнаго Банка былъ бы иной; онъ бы въ большей степени отразилъ ту основную мысль, что банкъ нужно преобразовать именно потому, что государство рѣшило совершить денежную реформу, основанную на металлѣ. Антоновичъ ввелъ туда различные параграфы, которые я пропустилъ, расширяющіе дѣятельность Государственнаго

Банка въ смыслѣ выдачи различныхъ долгосрочныхъ ссудъ, основанныхъ не на вѣрныхъ и краткосрочныхъ обезпеченіяхъ.

Дѣйствительно эта часть новаго устава Государственнаго Банка не находилась въ полной гармоніи съ идеей преобразованія денежнаго обращенія въ Россіи и впослѣдствіи мнѣ иногда это ставили въ вину, ибо, когда уставъ этотъ вошелъ въ силу, мнѣ же самому пришлось принимать мѣры, чтобы банкъ не совершалъ тѣхъ или иныхъ операцій долгосрочныхъ и недостаточно обезпеченныхъ, которыя тѣмъ не менѣе разрѣшались по его уставу, мною проведенному.

Я долженъ сказать слѣдующее: въ то время вопросъ о денежной реформѣ осложнялся еще слѣдующими обстоятельствами.

Многіе изъ финансистовъ теоретиковъ и практиковъ, для которыхъ преимущество металлическаго обращенія надъ бумажнымъ не составляло никакого вопроса, а являлось аксіомой, тѣмъ не менѣе колебались, когда дѣло шло о томъ, слѣдуетъ ли ввести денежное обращеніе, основанное только на одномъ золотѣ, или же можетъ быть введено денежное обращеніе, основанное на серебрѣ, или же на совмѣстномъ обращеніи денегъ изъ двухъ металловъ — какъ золота, такъ и серебра. Словомъ, между лицами, которыя стояли вообще за необходимость денежнаго обращенія, основаннаго на металлѣ, не было единогласія въ вопросѣ о томъ, должно ли обращеніе основываться на одномъ металлѣ — золотѣ или серебрѣ, или на двухъ металлахъ совмѣстно, какъ на золотѣ, такъ и на серебрѣ.

Впослѣдствіи, когда я почти совсѣмъ овладѣлъ этимъ предметомъ съ точки зрѣнія пониманія его, когда я уже почти проломалъ стѣну и ввелъ денежное обращеніе, основанное исключительно на золотѣ, мнѣ приходилось по этому вопросу говорить и спорить съ такими крупными финансистами, — крупными не столько въ смыслѣ практики, сколько въ смыслѣ ума, какъ напр., знаменитый Альфонсъ Ротшильдъ, Леонъ Сэ, бывшій министръ финансовъ въ началѣ французской республики, сынъ знаменитаго экономиста Сэ.

Альфонсъ Ротшильдъ и Леонъ Сэ были за денежное обращеніе, основанное на серебрѣ; того же мнѣнія было и другое большое лицо, но очень слабый финансистъ, это бывшій президентъ французской республики и мой близкій знакомый человѣкъ, относящійся ко мнѣ крайне доброжелательно, такъ же, какъ и я къ нему, — почтеннѣйшій старецъ Лубэ, который еще недавно спорилъ со мною по этому предмету, хотя въ настоящее время уже трудно спорить по этому предмету, но все-таки онъ еще пытался оправдывать свои идеи.

Въ то время и президентъ французскаго министерства извѣстный экономистъ Мелинъ, который проводилъ во Франціи протекціонизмъ, также былъ противъ меня, какъ защитника денежнаго обращенія, основаннаго на золотѣ.

У него былъ извѣстный журналистъ экономистъ, который рѣзко проводилъ эту идею, а именно Тьери. Все это довольно понятно, съ одной стороны потому, что въ то время, когда я началъ вводить денежное обращеніе въ Россіи, то серебро еще не было окончательно обезцѣнено и была надежда, что оно можетъ получить опять устойчивую цѣну, въ особенности, конечно, если Россія введетъ денежное обращеніе, основанное на серебрѣ. А съ другой стороны, вообще французы были за денежное обращеніе, основанное, если не на одномъ серебрѣ, то по крайней мѣрѣ на двухъ металлахъ, но никакъ не на одномъ золотѣ. Это потому, что Франція есть страна, которая имѣетъ въ обращеніи наибольшее количество серебра, а именно, она имѣетъ, кажется, до трехъ милліардовъ франковъ. Такимъ образомъ для французовъ это былъ вопросъ въ нѣкоторомъ родѣ карманный.

Императоръ Александръ III въ вопросахъ денежнаго обращенія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предварительныхъ мѣрахъ, которыя я принялъ, меня вполнѣ поддерживалъ.

Я долженъ сказать, что, конечно, вопроса этого онъ не понималъ, такъ какъ вообще вопросъ этотъ спеціальный, и въ то время въ Россіи за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ никто его не понималъ; поддерживалъ же меня Императоръ Александръ III потому, что онъ мнѣ довѣрялъ и вѣрилъ въ то, что то, что я хочу сдѣлать и къ чему я относился съ такою страстью — не можетъ быть вредно Россіи.

Когда я увидѣлъ, что Антоновичъ въ этомъ вопросѣ интригуетъ — я съ нимъ разстался, тѣмъ болѣе, что онъ вслѣдствіе той манеры, которой онъ придерживался въ отношеніи служащихъ, вслѣдствіе крайней грубости и некультурности сумѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ чиновниковъ министерства финансовъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ.

Еще ранѣе прибытія Его Величества въ Царское Село послѣ посѣщенія Франціи я изъ банковскихъ сферъ узналъ, что во время пребыванія Государя Императора въ Парижѣ, президентъ тогдашняго министерства Мелинъ интриговалъ противъ моего твердаго рѣшенія во что бы то ни стало ввести въ Россіи золотую валюту.

Я тогда же писалъ Его Величеству о дошедшихъ до меня слухахъ, но Его Величество отвѣтилъ мнѣ, что мои свѣдѣнія суть ничто иное, какъ сплетни.

Но черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда я былъ у Его Величества, Государь Императоръ вынулъ изъ своего стола двѣ записки и передалъ ихъ мнѣ, сказавъ:

— Вотъ я вамъ отдаю записки, которыя мнѣ были поданы, по поводу предполагаемаго вами введенія золотой валюты въ Россіи, я ихъ не читалъ, можете оставить ихъ у себя.

Пріѣхавъ домой, я началъ разсматривать эти записки. Одна изъ записокъ — была записка предсѣдателя совѣта министровъ Мелина, въ которой этотъ государственный дѣятель позволилъ себѣ вмѣшиваться въ чрезвычайно важное дѣло, касающееся Россіи, и вмѣшиваться съ точки зрѣнія эгоистической, не личной, а эгоистической французской. — Къ этой запискѣ были приложены приложенія, составленныя извѣстнымъ, но заблуждающимся экономистомъ Тьери, сторонникомъ серебряной валюты.

Въ этихъ запискахъ авторы считали нужнымъ предостеречь Государя Императора, что введеніе мною металлическаго обращенія, основаннаго на золотой валютѣ, будетъ пагубно для Россіи, и проводили мысль о введеніи валюты, основанной, если не исключительно на серебрѣ, то на биметаллизмѣ, т.-е. основанной какъ на серебрѣ, такъ и на золотѣ, подобно тому, какъ это существуетъ во Франціи.

Я почелъ со стороны предсѣдателя совѣта министровъ французской республики такое дѣйствіе въ высшей степени некорректнымъ, такъ какъ это вопросъ чисто внутренній Россіи и ни русскій Императоръ, ни русское правительство не нуждалось въ этомъ отношеніи въ совѣтахъ Мелина.

Некорректенъ этотъ поступокъ и потому, что предсѣдатель министерства выбралъ пріѣздъ Государя въ Парижъ, чтобы возбудить этотъ вопросъ, причемъ, повидимому, Его Величество сказалъ, чтобы Мелинъ прислалъ ему свои соображенія въ Петербургъ.

И вотъ эти записки, которыя Его Величество передалъ мнѣ, сказавъ, что ихъ не читалъ и не намѣренъ читать, были переданы Его Величеству французскимъ посломъ въ Петербургѣ, графомъ Монтебелло, за нѣсколько дней до того, когда Его Величество передалъ мнѣ ихъ. Графъ Монтебелло имѣлъ по этому предмету особое порученіе отъ своего правительства, или вѣрнѣе отъ президента министерства.

Одною изъ самыхъ крупнѣйшихъ реформъ, которую мнѣ пришлось сдѣлать во время нахожденія моего у власти, была денежная

реформа, окончательно упрочившая кредитъ Россіи и поставившая Россію въ финансовомъ отношеніи наряду съ другими великими европейскими державами.

Благодаря этой реформѣ, мы выдержали несчастную японскую войну, смуты, разыгравшіяся послѣ войны, и все то тревожное положеніе, въ какомъ донынѣ находится Россія.

Если бы не было сдѣлано этой реформы съ самаго начала войны, послѣдовалъ бы общій финансовый и экономическій крахъ и всѣ тѣ успѣхи въ экономическомъ отношеніи, которые достигнуты въ послѣдніе десятки лѣтъ, пошли бы на смарку.

Къ этой реформѣ подготовляли наши финансы мои предшественники, какъ Бунге, такъ и Вышнеградскій, но приготовленія, сдѣланныя ими, были сравнительно незначительны; въ ихъ время не былъ еще установленъ окончательный планъ денежной реформы, даже въ общихъ чертахъ, не говоря уже о всѣхъ деталяхъ.

Все это было совершено мною и приведено въ исполненіе совершенно противъ теченія; я имѣлъ за собою довѣріе Его Величества и благодаря его твердости и поддержкѣ мнѣ удалось совершить эту величайшую реформу. Это одна изъ реформъ, которыя, несомнѣнно, будутъ служить украшеніемъ царствованія Императора Николая II.

Противъ этой реформы была почти вся мыслящая Россія: во 1-хъ, по невѣжеству въ этомъ дѣлѣ, во 2-хъ, по привычкѣ, и въ 3-хъ, по личному, хотя и мнимому интересу нѣкоторыхъ классовъ населенія.

По невѣжеству, потому что этотъ теоретическій вопросъ былъ въ то время чуждъ даже большинству русскихъ экономистовъ и финансистовъ.

Дѣйствительно, такъ какъ мы въ Россіи со временъ Крымской кампаніи находились въ режимѣ бумажно-денежнаго обращенія, то самое понятіе о теоріи и практикѣ металлическаго обращенія у насъ въ обществѣ, въ прессѣ и между образованными людьми, совсѣмъ утратилось. Всѣ привыкли къ бумажно-денежному обращенію, какъ люди привыкаютъ къ нѣкоторымъ хроническимъ болѣзнямъ, хотя понемногу и ведущимъ къ полному разстройству организма.

Такъ какъ всѣ лица, заинтересованныя въ экспортѣ нашихъ продуктовъ и, преимущественно, сельскіе хозяева, считали, что имъ выгодно денежно-бумажное обращеніе, такъ какъ съ пониженіемъ цѣны нашей денежной валюты, они какъ бы болѣе получаютъ за свои продукты, именно знаками этой разстроенной денежной валюты.

Такъ напримѣръ, въ тѣ времена нашъ рубль еще считался равнымъ четыремъ франкамъ, въ дѣйствительности же онъ упалъ такъ, что онъ равнялся около $2\frac{1}{2}$ франкамъ. Слѣдовательно, на то количество франковъ, которое получалъ каждый землевладѣлецъ, продавая заграницу, скажемъ, пудъ пшеницы, — чѣмъ рубль стоялъ ниже, тѣмъ онъ болѣе получалъ рублей и копеекъ, а потому и считалъ, что ему выгодно, чтобы курсъ понижался.

Это мнѣніе, конечно, ошибочно, потому что въ зависимости отъ пониженія рубля этотъ же самый землевладѣлецъ, получая, напримѣръ, за хлѣбъ больше рублей, за то и платилъ большее количество рублей за большинство того, что онъ потребляетъ и чѣмъ онъ пользуется. Но это послѣднее обстоятельство землевладѣлецъ не принималъ въ расчетъ, такъ какъ не будучи финансистомъ и экономистомъ, онъ не могъ соображать зависимость одной цѣны отъ другой.

Такимъ образомъ, мнѣ приходилось идти противъ общаго теченія въ Россіи, какъ бы желавшаго не нарушать то положеніе, которое существовало. Конечно, были такіе люди, которые понимали, что металлическое обращеніе лучше, нежели бумажно-денежное обращеніе, но и они были все-таки противъ меня, боясь моей энергичности и рѣшительности, — которыя и вели къ успѣшности. Я же съ своей стороны отлично понималъ, что если я не проведу это дѣло быстро, то оно, по той или по другой причинѣ, совсѣмъ не удастся.

Вообще изъ послѣдующаго моего государственнаго опыта, я пришелъ къ заключенію, что въ Россіи необходимо проводить реформы быстро и спѣшно, иначе онѣ большей частью не удаются и затормаживаются.

Такъ какъ уже въ то время знали мой нравъ, то многія лица боялись этого нрава, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы я эту реформу, задуманную мною, не совершилъ быстро и рѣшительно, предпочитая медленность и систематичность.

Кромѣ того, противъ этой реформы внутри Россіи были тѣ лица, которыя вообще, по тѣмъ или другимъ причинамъ, желали меня, если не свергнуть, то обезцвѣтить.

Наконецъ, противъ этой реформы въ томъ видѣ, въ какомъ я ее проводилъ, т. е. реформы, основанной исключительно на золотѣ, иначе говоря, — реформы денежнаго обращенія, основанной на монометаллизмѣ, — были многіе изъ весьма компетентныхъ и достойныхъ финансистовъ, которые еще не утеряли вѣру въ серебро, какъ металлъ, могущій служить основаніемъ для денежной единицы. Хотя въ то время серебро уже значительно упало въ своей цѣнѣ, но многіе изъ финан-

систовъ полагали, или, вѣрнѣе говоря, хотѣли вѣрить, что это есть временное явленіе, что серебро можетъ повыситься въ цѣнѣ и что оно во всякомъ случаѣ не будетъ далѣе падать.

Я же былъ того убѣжденія, которое и оправдалось, что цѣна на серебро будетъ все болѣе и болѣе падать, и что можетъ наступить время, когда серебро совсѣмъ потеряетъ титулъ благороднаго металла.

Наконецъ, при проведеніи денежной реформы, я столкнулся еще съ слѣдующимъ препятствіемъ:

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1896 г., когда разсматривалось въ департаментахъ государственнаго совѣта мое представленіе, имѣвшее положить начало денежнаго преобразованія и введенія металлическаго обращенія, я встрѣтилъ въ государственномъ совѣтѣ неожиданное противодѣйствіе.

Противодѣйствіе это, конечно, не заключалось въ томъ, чтобы прямо сказать «нѣтъ», но въ томъ, чтобы замедлить это дѣло и поставить такія препятствія, при которыхъ дѣло это было бы провалено.

Такое препятствіе въ государственномъ совѣтѣ я встрѣтилъ опять-таки главнымъ образомъ потому, что большинство членовъ государственнаго совѣта совсѣмъ не были знакомы съ вопросомъ, а между тѣмъ среди членовъ государственнаго совѣта явились двое, которые имѣли репутацію людей, знающихъ дѣло, и которые явились моими противниками.

Одинъ изъ нихъ — это почтеннѣйшій Борисъ Павловичъ Мансуровъ, — онъ дѣлалъ возраженія, главнымъ образомъ, по недовѣрію къ тому, что мнѣ удастся провести реформу, а съ другой стороны — по своему характеру, крайне критическому.

Другимъ моимъ оппонентомъ былъ членъ государственнаго совѣта Верховскій, бывшій директоромъ кредитной канцеляріи при Бунге, а потому имѣвшій нѣкоторый авторитетъ въ глазахъ членовъ государственнаго совѣта. — Верховскій дѣлалъ возраженія исключительно съ личной точки зрѣнія: онъ почему-то считалъ себя призваннымъ быть министромъ финансовъ и никакъ не могъ помириться съ мыслью, что на креслѣ министра финансовъ сидитъ не онъ, а я.

Въ результатѣ засѣданій департаментовъ государственнаго совѣта былъ поставленъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые я долженъ былъ освѣтить и представить по нимъ подробныя фактическія объясненія, но которыхъ я (никогда) и не представилъ, такъ какъ отлично понялъ, что мнѣ эту реформу черезъ государственный совѣтъ не провести, а потому я и рѣшилъ провести ее помимо государственнаго совѣта.

Всѣ вопросы обсуждались въ финансовомъ комитетѣ, члены котораго, большею частью, шли за мною, что впрочемъ довольно естественно, такъ какъ вообще назначеніе членовъ въ финансовый комитетъ, а равно и предсѣдателя — въ значительной степени зависитъ отъ министра финансовъ. Наконецъ, обыкновенно, членами финансоваго комитета назначаются лица, которымъ финансовые вопросы вообще не вполнѣ чужды.

Когда я почувствовалъ, что необходимо съ вопросомъ о введеніи золотой валюты покончить и, зная, что государственный совѣтъ опять меня затормозитъ, я испросилъ у Его Величества, чтобы Государь Императоръ собралъ финансовый комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и пригласилъ къ присутствованію въ финансовомъ комитетѣ предсѣдателя государственнаго совѣта, Великаго Князя Михаила Николаевича и тѣхъ членовъ онаго, которыхъ онъ почтетъ нужнымъ пригласить.

Его Величество исполнилъ мое ходатайство и собралъ 2-го января 1897 года финансовый комитетъ въ усиленномъ составѣ, подъ своимъ предсѣдательствомъ. На этомъ засѣданіи и была, въ сущности, рѣшена участь финансовой реформы, т. е. рѣшено было ввести въ Россійской Имперіи металлическое обращеніе, основанное на золотѣ, которое во всѣхъ отношеніяхъ укрѣпило Россію.

Изъ изложеннаго краткаго очерка видно, что, въ сущности, я имѣлъ за себя только одну силу, но силу, которая сильнѣе всѣхъ остальныхъ, это — довѣріе Императора, а потому, я вновь повторяю, что Россія металлическому золотому обращенію обязана исключительно Императору Николаю II.

Въ настоящее время, послѣ японской войны, всѣ, или по крайней мѣрѣ, за рѣдкими исключеніями, понимаютъ все благое значеніе этой реформы. Къ сожалѣнію, пониманіе это должно было быть достигнуто новыми испытаніями Россіи, а именно японской войной и смутами.

Говоря о денежной реформѣ, часто дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе: почему Витте, дѣлая эту великую реформу, основалъ ее на девальваціи, и почему онъ не установилъ болѣе мелкую единицу, чѣмъ одинъ рубль? Еслибы была установлена болѣе мелкая единица, то было бы дешевле жить.

Я основалъ реформу на девальваціи, т. е. на томъ основаніи, что цѣна рубля противъ его номинальной цѣнности была понижена, для того, чтобы не производить общей пертурбаціи въ Россіи. Я совершилъ реформу такъ, что населеніе Россіи совсѣмъ и не замѣтило ея, какъ будто бы ничего собственно не измѣнилось. И, когда послѣдовалъ 3-го

января 1897 года указъ, то все осталось такъ, какъ было, цѣны предметовъ не измѣнились, а потому никакихъ пертурбацій и не произошло; всякія пертурбаціи и въ будущемъ были предотвращены и тому положенію вещей, которое существовало 3-го января, былъ данъ прочный устой; подъ это положеніе былъ подведенъ фундаментъ, который предотвратилъ всякія возможныя колебанія цѣнъ отъ непрочности валюты.

Между тѣмъ, въ числѣ доводовъ, которые мнѣ представили въ прессѣ и въ государственномъ совѣтѣ, были и тѣ, что необходимо стремиться къ тому, чтобы возстановить номинальную цѣну рубля, т. е. рубля, равнаго четыремъ франкамъ, а не $2^2/_3$ франка, какъ это я сдѣлалъ. Понятно, сказать въ то время, чтобы сдѣлать рубль равнымъ четыремъ франкамъ, это значило бы, не только сдѣлать полную пертурбацію въ Россіи, но и поставить задачу, которая, можно сказать, фактически не имѣла никакой вѣроятности для исполненія; это значило бы просто провалить то дѣло, за которое я взялся со всею энергіей, которой я всегда отличался и отличаюсь, а въ особенности, которой я былъ полонъ, когда былъ молодъ.

Другое возраженіе заключалось въ томъ, что слѣдовало бы, дѣлая реформу, вмѣсто единицы рубля ввести какую-нибудь болѣе мелкую единицу, причемъ указывалось, что тамъ, гдѣ есть болѣе мелкая единица, напримѣръ, въ Германіи марка, во Франціи — франкъ, что тамъ жизнь дешевле.

Въ извѣстной мѣрѣ относительно дешевизны жизни это замѣчаніе правильно. Что касается всякихъ оптовыхъ сдѣлокъ, міровой международной торговли, то предположенія, что при болѣе мелкой единицѣ, можно покупать дешевле — невѣрно, но что касается обыкновенной жизни, въ особенности городской, то, дѣйствительно, при болѣе низкой валютѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жизнь дешевле, хотя этотъ вопросъ — дешевизны — имѣетъ скорѣе значеніе личное. Тутъ замѣшаны интересы личные и извѣстныхъ классовъ населенія, но не общегосударственные, не затрагиваются общегосударственные интересы всей страны.

Я, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, думалъ сдѣлать болѣе мелкую единицу и хотѣлъ ввести единицу «русь», — какъ я ее назвалъ, — которая представляетъ собою цѣну значительно менѣе рубля. Такимъ образомъ я рубль хотѣлъ замѣнить «русью»; даже образцы такой золотой монеты уже были отчеканены. Но когда я увидѣлъ, что противъ моей реформы, которую я рѣшился во что бы то ни стало провести, я встрѣчаю столько возраженій, то я эту мысль откинулъ.

Когда я совершилъ реформу, то весь простой классъ населенія, весь народъ совсѣмъ не замѣтилъ и не подозрѣвалъ, что я сдѣлалъ реформу,

а между тѣмъ, еслибы я вздумалъ рубль замѣнить «русью» и, соотвѣтственно «руси», ввелъ 100 новыхъ копеекъ, причемъ каждая копейка была бы гораздо меньше въ цѣнѣ, чѣмъ теперешняя копейка (100 которыхъ составляетъ теперешній рубль), то эта мѣра коснулась бы всего населенія и произошла бы полная пертурбація въ цѣнахъ, чѣмъ могло быть обезпокоено все крестьянство, все, такъ сказать, темное населеніе и, конечно, тогда, послѣ введенія реформы, которая прошла у меня совершенно гладко и незамѣтно, — явились бы тысячи и тысячи жалобъ и недоразумѣній.

Такимъ образомъ, перемѣны рубля на «русь» и жалобы, вытекающія изъ этой мѣры, были бы поставлены главнымъ доводомъ неудачности моей реформы. Всѣ сказали бы: «вотъ затѣялъ дѣло вопреки всевозможныхъ предостереженій и произвелъ полную смуту въ умахъ всей Россіи».

Я полагаю, что вѣроятно и Мелину было извѣстно, что государственный совѣтъ идетъ противъ меня, а потому думалъ, что, если онъ подастъ записку Государю, то окончательно повліяетъ на Государя. Съ своей стороны опасаясь, чтобы Его Величество не внялъ тѣмъ возраженіямъ, которыя шли противъ меня въ то время со всѣхъ концовъ Россіи, т. е. не противъ меня, а противъ моей идеи немедленно ввести денежную реформу, я рѣшилъ совершить ее быстро, неотлагательно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРОЕКТЪ ЗАХВАТА БОСФОРА. НОВАЯ ПОЛИТИКА НА ОКРАИНАХЪ

Въ концѣ 1896 г., какъ только Государь Императоръ вернулся изъ-за-границы, въ Петербургѣ появился нашъ посолъ въ Константинополѣ Нелидовъ и начались различные слухи о томъ, что предполагается принять какія-нибудь мѣры относительно Турціи. Уже тогда Оттоманская имперія находилась въ достаточномъ разложеніи, которое затѣмъ кончилось сверженіемъ султана Гамида и установленіемъ въ Турціи конституціоннаго образа правленія, которое ни къ какому твердому и устойчивому порядку въ Оттоманской имперіи не приводитъ. Въ настоящее время Турція находится въ критическомъ положеніи. Впрочемъ, процессъ разложенія Турціи идетъ уже издавна и продолжается уже десятки лѣтъ. Въ то время процессъ этотъ проявлялся различными острыми явленіями, которыя большею частью выражались избіеніемъ армянъ въ той или другой мѣстности Турецкой имперіи.

Въ концѣ 1896 года, незадолго до возвращенія Государя изъ-заграницы, въ Константинополѣ былъ погромъ армянъ, а ранѣе этого избіеніе армянъ въ Малой Азіи.

Поэтому, появленіе Нелидова въ Петербургѣ, которому можетъ быть предшествовали различные переговоры, или разговоры въ Парижѣ, возбудило слухи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и вообще въ правительственныхъ сферахъ о томъ, что надлежитъ принять какія-нибудь мѣры относительно Турецкой имперіи.

Дѣйствительно, 12-го ноября 1896 года, т. е. приблизительно менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія государя изъ за границы, слухи эти вынудили меня подать Его Императорскому Величеству записку, въ которой я излагалъ мои взгляды относительно Турецкой

имперіи, взгляды, клонящіеся къ мѣрамъ миролюбивымъ и совѣтующіе не прибѣгать ни къ какимъ мѣрамъ, требующимъ силы.

На этой запискѣ Его Величеству благоугодно было написать, что мы объ этомъ поговоримъ при слѣдующемъ докладѣ.

Но объ этомъ со мною Его Величество не говорилъ.

Между тѣмъ 21 ноября я получилъ весьма секретную записку Нелидова, въ которой Константинопольскій посолъ въ туманныхъ выраженіяхъ, присущихъ истиннымъ дипломатамъ, всю жизнь занимающимся изображеніемъ на бумагѣ туманныхъ картинъ, излагалъ о тревожномъ положеніи Турецкой имперіи, въ частности Константинополя и султана, а въ сущности предлагалъ создать такіе инциденты, которые бы дали намъ право и возможность завладѣть верхнимъ Босфоромъ.

Одновременно съ полученіемъ этой записки, я получилъ приглашеніе отъ временно-управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Шишкина явиться въ засѣданіе, которое и состоялось подъ предсѣдательствомъ Его Величества 23-го ноября. Въ этомъ засѣданіи присутствовали: военный министръ Ванновскій, я, управляющій морскимъ министерствомъ Тыртовъ, начальникъ главнаго штаба генералъ Обручевъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Шишкинъ и Россійскій посолъ въ Константинополѣ.

Нелидовъ въ этомъ засѣданіи развивалъ ту мысль, что въ ближайшемъ времени произойдутъ въ Турецкой имперіи катастрофы и въ предупрежденіе того положенія, въ которомъ можетъ очутиться Россія, слѣдуетъ захватить Верхній Босфоръ, вызвавъ, если окажется нужнымъ, такія событія, которыя давали бы намъ право и возможность это совершить.

Военный министръ и начальникъ главнаго штаба очень поддерживали мнѣніе нашего посла, чего я и ожидалъ, такъ какъ, что касается Ванновскаго, то онъ всегда руководствовался въ этихъ случаяхъ соображеніями своего начальника штаба — Обручева, а у Обручева захватъ Босфора, — а если окажется возможнымъ, то и Константинополя, — былъ всегда его идефиксомъ.

Я помню, что еще нѣсколько недѣль до смерти министра иностранныхъ дѣлъ Гирса я какъ-то у него былъ и говорилъ съ нимъ о международномъ положеніи. Гирсъ сказалъ мнѣ тогда, что вообще бѣда съ военными, которые непремѣнно хотятъ создавать событія, вызывающія войну, и заслуга Императора Александра III именно и заключается въ томъ, что при немъ всѣ эти затѣи падаютъ.

Когда я спросилъ: а изъ этихъ затѣй какія онъ считаетъ наиболѣе опасными? — Гирсъ мнѣ сказалъ:

— Я бы вамъ совѣтовалъ взять изъ министерства иностранныхъ дѣлъ дѣло о томъ, какъ генералъ Обручевъ хочетъ захватить Босфоръ, передвигая туда войска на плотахъ. — Эта мысль въ военномъ министерствѣ весьма укоренилась и послѣ нашей послѣдней Восточной войны, въ концѣ царствованія Александра II и въ началѣ царствованія Александра III на Босфоръ ѣздили и инкогнито и прямо оффиціально нѣсколько нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба, во главѣ ихъ былъ генералъ, — тогда еще полковникъ — Куропаткинъ, который дѣлалъ всякія рекогносцировочныя соображенія о томъ, какъ и при какихъ условіяхъ можно захватить Босфоръ и тамъ укрѣпиться.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Шишкинъ во время совѣщаній большей частью молчалъ или говорилъ отдѣльныя фразы, ничего опредѣленнаго не выражающія.

Управляющій морскимъ министерствомъ Тыртовъ, повидимому, не особенно сочувствовалъ соображеніямъ Ванновскаго и Обручева, но не имѣлъ смѣлости имъ твердо возражать, а только указывалъ на нѣкоторыя условія, которыя необходимо выполнить съ точки зрѣнія морской, для того, чтобы это предпріятіе могло удаться.

Такимъ образомъ единственно кто возражалъ и возражалъ весьма настоятельно, рѣзко и рѣшительно противъ этой затѣи — былъ я. Я указывалъ, что эта затѣя приведетъ, въ концѣ концовъ, къ европейской войнѣ и поколеблетъ то прекрасное политическое и финансовое положеніе, въ которое поставилъ Россійскую Имперію Императоръ Александръ III.

Его Императорское Величество, какъ предсѣдатель и какъ русскій неограниченный Царь, никакихъ мнѣній не выражалъ, только задавалъ различные вопросы. Но, зная моего Государя, я видѣлъ, что его симпатіи въ данномъ случаѣ не находятся на моей сторонѣ.

Послѣ неоднократнаго обмѣна возраженій между мною, съ одной стороны, и Нелидовымъ, Обручевымъ и Ванновскимъ — съ другой, Его Императорскому Величеству угодно было въ заключеніе сказать, что онъ раздѣляетъ мнѣніе нашего посла.

Такимъ образомъ, вопросъ по существу былъ конченъ и, въ сущности, было рѣшено вызвать такія событія въ Константинополѣ, которыя бы дали намъ право и возможность высадиться въ Босфорѣ и занять Верхній Босфоръ; тогда войти въ сношеніе съ султаномъ и въ случаѣ, если онъ станетъ на нашу сторону, то обѣщать ему наше покровительство. Слѣдовало немедленно начать приготовленія по этому предмету

дессанта изъ Одессы и Севастополя. Когда же окажется, по соображеніямъ посла, что наступилъ моментъ — дессантъ этотъ двинуть, — онъ долженъ дать депешу нашему финансовому агенту въ Лондонѣ — Татищеву, въ такой редакціи, что ему поручается купить такое-то количество хлѣба. Татищеву должна быть дана инструкція, — что и было тогда же сдѣлано, — чтобы онъ немедленно эту телеграмму передалъ управляющему государственнымъ банкомъ, которымъ въ то время былъ Плеске (впослѣдствіи въ 1903 году Плеске замѣнилъ меня въ качествѣ министра финансовъ), а Плеске долженъ былъ передать эту телеграмму морскому и военному министрамъ.

Нелидовъ поѣхалъ въ Константинополь, горя желаніемъ осуществить свою завѣтную идею — захвата Константинополя, во всякомъ случаѣ Босфора, а сигналъ его къ отправленію дессанта считался на столько близкимъ, что я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Плеске ночью постоянно имѣлъ дежурнаго чиновника, дабы въ случаѣ, если получится телеграмма изъ Лондона о закупкѣ хлѣба, чтобы она ему немедленно была передана, дабы ни въ какой степени не замедлилось отправленіе судовъ изъ Одессы и Севастополя съ войсками.

Управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Шишкинъ составилъ журналъ этого совѣщанія, причемъ въ журналѣ совѣщанія всѣ соображенія, приведенныя къ этому заключенію, были изложены, какъ единогласныя.

Получивъ проектъ журнала, я написалъ Шишкину письмо, что никакъ не могу подписать этого журнала, такъ какъ нахожу, что тамъ предполагаются такія мѣры, которыя приведутъ Россію къ большимъ бѣдствіямъ, а потому прошу его испросить разрѣшенія Государя: или помѣстить мое особое мнѣніе въ журналѣ, или же, хотя бы кратко сказать, что я со всѣми этими соображеніями и заключеніями совсѣмъ не согласенъ, такъ какъ я не желаю принять передъ исторіей отвѣтственность за эту затѣю.

Шишкинъ былъ поставленъ въ затрудненіе, но, тѣмъ не менѣе, написалъ о моемъ письмѣ Государю Императору. Государь Императоръ былъ такъ милостивъ, что разрѣшилъ измѣнить журналъ и написать тамъ о томъ, что я со всѣми этими соображеніями не согласенъ.

Это было высказано въ самомъ началѣ журналѣ въ такой формѣ, что «по мнѣнію статсъ-секретаря Витте занятіе Верхняго Босфора безъ соглашенія съ великими державами по настоящему времени и при

настоящихъ условіяхъ крайне рисковано, а потому можетъ имѣть гибельное послѣдствіе.»

Журналъ этотъ былъ утвержденъ Его Императорскимъ Величествомъ 27-го ноября 1896 года, причемъ Его Императорское Величество на журналѣ, кромѣ того, сдѣлалъ замѣтку, вполнѣ укрѣпляющую рѣшеніе большинства членовъ совѣщанія, а слѣдовательно, и вполнѣ не раздѣляющую моихъ возраженій.

Я, конечно, ожидалъ, что все это дѣло кончится большими бѣдствіями, а потому не могъ тогда же не высказать моихъ сомнѣній и тревогъ двумъ лицамъ, которыя были весьма близки къ Его Величеству, и къ словамъ которыхъ Его Величество не могъ выказывать никакого раздраженія, а именно, дядѣ Его Величества Великому Князю Владиміру Александровичу и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, бывшему преподавателю Государя Императора, Константину Петровичу Побѣдоносцеву. Они мнѣ на мои сомнѣнія и на мои тревоги ничего не высказали.

Но Побѣдоносцевъ, прочитавъ копію журнала, которую я ему далъ, ознакомившись съ моимъ особымъ мнѣніемъ, 28-го ноября написалъ мнѣ: «Спѣшу возвратить и поблагодарить за присылку. Iacta est alea Помилуй насъ Богъ!»

Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ этихъ лицъ, или же подъ вліяніемъ той силы, которая руководитъ всѣмъ міромъ, и которую мы называемъ Богомъ, Его Императорское Величество измѣнилъ свое рѣшеніе и, какъ только Нелидовъ доѣхалъ до Константинополя, онъ получилъ указанія, которыя воспрепятствовали ему совершить ту затѣю, которую онъ задумалъ.

Но Государь Императоръ былъ нѣсколько дней послѣ засѣданія, повидимому, мною недоволенъ. Какъ разъ 27-го или 28-го ноября въ Царскосельскомъ дворцѣ было засѣданіе Сибирскаго Комитета. Въ этомъ засѣданіи разсматривался проектъ концессіи, данной китайскимъ правительствомъ на сооруженіе Восточно-Китайской дороги[1] мною и Ли-Хунъ-Чаномъ.

Въ виду моего представленія, Его Величеству благоугодно было сказать нѣсколько весьма сочувственныхъ словъ по поводу смерти князя Лобанова-Ростовскаго.

Я этимъ словамъ глубоко сочувствовалъ, не только потому, что они исходили отъ моего Государя, но изъ памяти къ князю Лобанову-

[1] См. выше, стр. 46, сл.

Ростовскому, при которомъ, конечно, такой записки, какая была подана Нелидовымъ и какую мы разсматривали по поводу занятія Босфора, Нелидовъ подать не рѣшился бы.

Но, говоря о князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было приписать всю заслугу полученія этой концессіи на Восточно-Китайскую дорогу исключительно одному князю Лобанову-Ростовскому и это было сдѣлано въ такой формѣ, что всѣмъ присутствующимъ въ комитетѣ, которые все-таки по слухамъ отлично знали, что все это дѣло было сдѣлано мною, стало ясно, что Его Императорское Величество чѣмъ-то мною недоволенъ.

Если дѣйствительно Государь Императоръ былъ мною недоволенъ по поводу этого инцидента, то, вѣроятно, главнымъ образомъ недоволенъ рѣзкостью моихъ дѣйствій и мнѣній, въ чемъ я признаю себя весьма виновнымъ передъ Государемъ Императоромъ; но, къ сожалѣнію, я не могъ себя передѣлать — я былъ всегда таковъ, остаюсь таковымъ и нынѣ. Но, тѣмъ не менѣе, это не повліяло на отношеніе ко мнѣ Государя въ области финансовой, такъ это уже видно изъ того, что не далѣе, чѣмъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, — о чемъ я уже разсказывалъ ранѣе, — Государь Императоръ всталъ исключительно на мою сторону въ вопросѣ о введеніи денежной реформы въ Россіи и благодаря только этому, денежная реформа была спасена и осуществлена.

Вся эта исторія съ предположеніемъ о захватѣ Босфора была, какъ я говорилъ, въ концѣ 1896 года.

Въ томъ же 1896 году въ декабрѣ мѣсяцѣ произошли слѣдующія, довольно важныя событія, а именно: 6 декабря былъ уволенъ отъ должности по прошенію главноначальствующій на Кавказѣ генералъ отъ кавалеріи Шереметевъ по болѣзни; увольненіе это произошло дѣйствительно по болѣзни.

Шереметевъ былъ кавказцемъ и его на Кавказѣ очень любили; онъ отлично зналъ Кавказъ; Шереметевъ представлялъ собою человѣка слабаго, очень милаго, культурнаго и человѣка — безъ всякаго темперамента; тѣмъ не менѣе на Кавказѣ его очень любили и уважали точно также, какъ его не могли не уважать всѣ лица, его знавшія.

Вмѣсто Шереметева 12 декабря былъ назначенъ князь Григорій Голицынъ, членъ Государственнаго Совѣта, тотъ Голицынъ, котораго мы въ обществѣ называли «Гри-Гри». Это былъ очень порядочный, воспи-

танный, весьма честный человѣкъ, но, какъ говорится, «съ зайчикомъ». И этотъ «зайчикъ», который такъ свойственен русскимъ дѣятелямъ извѣстнаго закала, который такъ рельефно выражается нынѣ у крайне-правыхъ и націоналистовъ, въ немъ еще осложнялся тѣмъ, что мать кн. Голицына была полька; онъ былъ воспитанъ своею матерью, а потому у него извѣстнаго рода сумасбродство было соединено съ мягкостью обращенія, умѣніемъ мягко стлать, — что свойственно натурѣ поляка. Въ концѣ концовъ кн. Голицынъ былъ человѣкъ весьма воспитанный, образованный, но крайне ограниченный, особенно для государственнаго дѣятеля.

Двойственность его характера дѣлала то, что онъ не могъ пріобрѣсти друзей въ обществѣ и въ толпѣ людей непосредственнаго характера, людей, которые дѣйствуютъ, какъ имъ Богъ на душу положилъ — безъ различныхъ политическихъ увертокъ.

Я помню кн. Голицына, когда онъ недалеко отъ Тифлиса (въ Бѣломъ Ключѣ) командовалъ грузинскимъ полкомъ, — въ то время я еще былъ мальчикомъ.

Хотя кн. Голицынъ былъ весьма корректнымъ полковымъ командиромъ, но онъ не пробылъ долго на Кавказѣ, потому что не могъ внушить къ себѣ въ обществѣ кавказскихъ прямодушныхъ людей симпатій. Онъ былъ черезчуръ въ своихъ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ тонокъ и дипломатиченъ для людей такого непосредственнаго характера, а поэтому и не оставилъ по себѣ въ Тифлисѣ и вообще на Кавказѣ симпатичную память.

Кажется, чтобы избавить Кавказъ отъ кн. Голицына, онъ и получилъ мѣсто командира финляндскаго полка въ Петербургѣ. Всю свою послѣдующую карьеру онъ дѣлалъ въ Петербургѣ. Послѣдняя должность, которую онъ занималъ — былъ постъ атамана Оренбургскаго казачьяго округа, оттуда онъ былъ сдѣланъ членомъ военнаго совѣта, а потомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Ему очень протежировалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ по причинѣ — мнѣ неизвѣстной. Кн. Голицынъ всю свою карьеру (въ томъ числѣ и назначеніе его на Кавказъ) совершилъ по протекціи сказаннаго Великаго Князя. Въ то время Великій Князь Михаилъ Николаевичъ не могъ не имѣть вліянія на Государя Императора, потому что онъ самъ былъ довольно долгое время намѣстникомъ кавказскимъ и, конечно, именно благодаря вліянію Великаго Князя, кн. Голицынъ получилъ послѣ уволеннаго по болѣзни Шереметева — мѣсто главноуправляющаго на Кавказѣ.

Какъ я уже говорилъ, кн. Голицынъ не могъ быть симпатиченъ Кавказу; кромѣ того, кн. Голицынъ, какъ человѣкъ довольно тонкій (не по корпуленціи, а по духу) чувствовалъ уже въ воздухѣ нѣчто

такое, что привлекало симпатіи Его Величества на сторону національныхъ идей, но, конечно, національныхъ идей въ ихъ возвышенномъ смыслѣ, идей, которыя раздѣляютъ всѣ русскіе люди, но не «истинно» русскіе люди, а просто «русскіе» люди, — а не тѣхъ національныхъ стремленій характера болѣе или менѣе физіологическаго, которымъ заражены теперешніе, такъ называемые «националисты», которыхъ, между прочимъ, такъ поощрялъ покойный Столыпинъ.

Поэтому кн. Голицынъ, управляя Кавказомъ такими пріемами и такими принципами, которые до того времени были чужды Кавказу, весьма сильно возбудилъ кавказское туземное населеніе противъ Россіи и въ значительной степени способствовалъ тому проявленію сепаратическихъ идей, которыя одно время захватили умы кавказцевъ въ годы общей смуты въ Россіи, т.-е. въ 1904, 1905 и 1906 гг.

Управленіе кн. Голицынымъ Кавказомъ ничѣмъ не ознаменовалось, кромѣ того, что онъ возбудилъ весь Кавказъ и противъ себя и косвенно — противъ русскаго правительства. Въ концѣ концовъ, на него было сдѣлано покушеніе, онъ былъ раненъ и затѣмъ покинулъ Кавказъ. Но это произошло послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его управленія, когда онъ уже въ значительной степени дезорганизовалъ тотъ особаго рода духъ, которымъ держался Кавказъ.

Всѣ его предшественники, начиная со знаменитаго свѣтлѣйшаго князя Воронцова — намѣстника кавказскаго, назначеннаго еще Императоромъ Николаемъ I, держались того принципа, что туземцы, въ особенности христіанскаго вѣроисповѣданія и тѣ, которые добровольно предались скипетру Россіи — должны пользоваться полнымъ равноправіемъ. Поэтому Кавказъ былъ завоеванъ, какъ оружіемъ русскихъ, т. е. лицъ, пришедшихъ изъ Россіи, такъ и оружіемъ туземцевъ Кавказа. На протяженіи 60-ти лѣтней войны Кавказа мы видимъ, что въ этихъ войнахъ всюду и вездѣ отличались тамошніе туземцы и не только въ низшихъ рядахъ милиціи, но и на самыхъ высшихъ постахъ. Они дали въ русскихъ войскахъ цѣлую плеяду героевъ, героевъ, достигшихъ самыхъ высшихъ чиновъ и знаковъ отличій. Такихъ именъ можно насчитать десятками и десятками, какъ напр., князья Орбеліани, князья Бебутовы, князь Амелахвари, князья Чевчевадзе, князья Аргутинскіе и проч. и проч. Поэтому, всѣ правители Кавказа всегда относились къ этимъ туземцамъ съ полнымъ благорасположеніемъ и старались ни въ чемъ не нарушать ихъ правъ.

Многія изъ народностей Кавказа представляютъ собой людей чрезвычайно непосредственныхъ, задушевныхъ, которые за сердечное къ нимъ отношеніе отвѣчаютъ полною сердечностью.

Только такою политикою, какой придерживались правители Кавказа (до кн. Голицына) мы завоевали весь этотъ край и прочно спаяли его съ Россійской Имперіей.

Князь Голицынъ былъ первый правитель, который началъ проводить на Кавказѣ узко-національную точку зрѣнія «гостиннаго ряда». Если бы при этомъ кн. Голицынъ отличался какимъ-нибудь талантомъ, былъ бы способенъ на какую-бы то ни было преобразовательную дѣятельность, то непріятное для кавказцевъ направленіе его дѣятельности было бы уравновѣшено другими достоинствами его управленія: его твердостью, авторитетностью, въ особенности авторитетностью въ военномъ дѣлѣ; если бы кн. Голицынъ представлялъ собою такую характерную личность, какою былъ, наприм., генералъ Гурко, проводившій въ Царствѣ Польскомъ также чисто русскія начала, предъ которымъ, тѣмъ не менѣе, поляки преклонялись. Но въ томъ то и дѣло, что кн. Голицынъ ничего въ своемъ активѣ не имѣлъ, онъ не имѣлъ ни военнаго таланта, ни особой военной доблести (я этимъ не хочу сказать, что кн. Голицынъ не былъ храбрымъ), ни административнаго таланта, ни административной опытности; наконецъ, онъ не обладалъ и прямотою характера, и не могъ ею обладать по тому смѣшенію крови, которое въ немъ находилось. Въ концѣ концовъ кн. Голицынъ былъ чернымъ ворономъ на Кавказѣ и покинулъ Кавказъ всѣми нелюбимый, въ томъ числѣ и русскими.

Если я такъ, можетъ быть «жестоко» выражаюсь о кн. Голицынѣ, то потому, что я самъ кавказецъ, я родился на Кавказѣ, мнѣ этотъ край близокъ; я помню всѣ традиціи Кавказа, и поэтому я не могу относиться равнодушно къ тому, что дѣлалъ кн. Голицынъ на Кавказѣ, какъ не могутъ къ этому относиться равнодушно вообще всѣ кавказцы всѣхъ національностей, а въ томъ числѣ и русской.

Въ концѣ 1896 года варшавскій генералъ-губернаторъ, замѣнившій генералъ-фельдмаршала Гурко, графъ Шуваловъ заболѣлъ, съ нимъ случился ударъ, а потому онъ оставилъ постъ варшавскаго генералъ-губернатора.

Онъ былъ очень недолго въ Царствѣ Польскомъ и ничѣмъ — ни хорошимъ, ни дурнымъ себя не проявилъ. Но, какъ человѣкъ, онъ пользовался вообще большими симпатіями; въ Царствѣ Польскомъ онъ пользовался симпатіями въ особенности среди офицеровъ, съ которыми онъ любилъ часто проводить время и пиршествовать.

Вмѣсто него генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ свѣтлѣйшій князь Имеретинскій, членъ Государственнаго Совѣта, прекрасный, милый человѣкъ.

Хотя онъ — князь Имеретинскій, но родился не на Кавказѣ, а поэтому и былъ совсѣмъ чуждъ Кавказу.

Послѣ того, какъ графъ Тотлебенъ замѣнилъ Великаго Князя Николая Николаевича, какъ главнокомандующій войсками въ Турціи, кн. Имеретинскій былъ у гр. Тотлебена начальникомъ штаба при взятіи Плевны и былъ хорошимъ военнымъ начальникомъ.

Вообще кн. Имеретинскій былъ очень остраго ума, способный, талантливый и культурный человѣкъ.

Я былъ очень радъ назначенію кн. Имеретинскаго, такъ какъ очень съ нимъ сблизился, будучи министромъ финансовъ, ибо кн. Имеретинскій былъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту экономіи, т.-е. именно по тому департаменту, съ которымъ министръ финансовъ имѣетъ постоянныя отношенія.

Ранѣе, чѣмъ сдѣлаться членомъ Государственнаго Совѣта, послѣ турецкой войны, кн. Имеретинскій былъ сдѣланъ начальникомъ военносуднаго управленія. По моему мнѣнію, онъ установилъ весьма правильныя отношенія въ Царствѣ Польскомъ къ полякамъ и при его управленіи было полное вѣроятіе, что установятся взаимное согласіе и довѣріе между русскими и благоразумными поляками. Онъ шелъ по этому пути, несмотря на многія, творимыя ему въ Петербургѣ, препятствія.

Князь Имеретинскій былъ женатъ на очень богатой и почтенной женщинѣ, которая его обожала, а именно на графинѣ Мордвиновой.

Графиня Мордвинова была очень богата, а потому и князь Имеретинскій располагалъ достаточными средствами для того, чтобы жить весьма широко въ Царствѣ Польскомъ.

У кн. Имеретинскаго былъ одинъ серьезный недостатокъ, — это его пристрастіе къ женскому полу; недостатокъ этотъ отчасти и былъ причиной и его внезапной кончины, которая была оплакиваема многими, въ томъ числѣ его прекрасной супругой и его многочисленными друзьями.

Въ то время, когда главноначальствующимъ на Кавказѣ было назначено лицо, которое начало проводить тамъ, такъ называемую, ультранаціональную политику, или какъ, по моему мнѣнію, ее правильнѣе назвать: «національную политику гостиннаго ряда», — въ Царство Польское, наоборотъ, было назначено лицо, которое на флагѣ своемъ имѣло лозунгъ политики культурной и примирительной.

Въ это же время произошло увольненіе финляндскаго генералъ-губернатора графа Гейдена, который представлялъ собою человѣка

весьма почтеннаго (онъ былъ ранѣе начальникомъ главнаго штаба при военномъ министрѣ графѣ Милютинѣ). Проводя въ Финляндіи русскую точку зрѣнія, графъ Гейденъ, тѣмъ не менѣе дѣлалъ это съ большимъ тактомъ, не нарушая финляндской конституціи, или во всякомъ случаѣ тѣхъ порядковъ, которые получили право гражданства въ царствованіе нашихъ Императоровъ, начиная съ Александра Благословеннаго.

Увольненіе графа Гейдена послѣдовало отчасти по его нездоровью, но, главнымъ образомъ, потому, что въ Петербургѣ начали проявляться тенденціи руссифицированія Финляндіи и притомъ такими пріемами, которые, по мнѣнію графа Гейдена, не соотвѣтствовали ни положенію дѣла, ни достоинству великой Россійской Имперіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАЗНАЧЕНІЕ ГР. МУРАВЬЕВА МИНИСТРОМЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ. ОТСТАВКА ВОРОНЦОВА-ДАШКОВА

НАЗНАЧЕНІЕ графа Муравьева, 1-го января 1897 г. управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ 13-го апрѣля того же года министромъ иностранныхъ дѣлъ, передъ прибытіемъ въ Петербургъ австрійскаго императора Франца-Іосифа, — было роковымъ. Оно привело къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, которыя перевернули исторію Россіи, навлекли на нее громадныя бѣдствія.

Графъ Муравьевъ былъ назначенъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ съ поста посланника въ Копенгагенѣ; онъ и былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ именно потому, что онъ занималъ постъ посланника въ Копенгагенѣ. Посланникъ въ Копенгагенѣ естественно становился приближеннымъ къ Императорской фамиліи, которая какъ во времена Императора Александра III, такъ и впослѣдствіи посѣщала Копенгагенъ, вслѣдствіе близкихъ родственныхъ отношеній съ Датскимъ королевскимъ домомъ, и естественно сталкивалась съ русскимъ посланникомъ; причемъ русскіе посланники въ Копенгагенѣ имѣли весьма узкое поприще для проявленія своихъ дипломатическихъ способностей, но имѣли и имѣютъ очень обширное поприще для проявленія своихъ способностей царедворцевъ.

Такъ какъ молодой Императоръ никого изъ дипломатовъ не зналъ, то весьма естественно, что его выборъ остановился на графѣ Муравьевѣ, съ которымъ онъ, бывая въ Даніи, встрѣчался. Наконецъ, графа Муравьева хорошо знала Императрица-мать, которая постоянно бывала и бываетъ въ Даніи. — Этимъ объясняется его назначеніе.

Въ то время, какъ это назначеніе состоялось, я графа Муравьева совсѣмъ не зналъ, но какъ то разъ я спросилъ мнѣніе о немъ бывшаго

посла въ Берлинѣ графа Павла Андреевича Шувалова, такъ какъ при немъ одно время гр. Муравьевъ былъ совѣтникомъ посольства.

Гр. П. А. Шуваловъ отозвался о способностяхъ гр. Муравьева крайне скептически, сказавши:

— Все, что я могу сказать вамъ про гр. Муравьева, это то, что онъ жуиръ.

Графъ Муравьевъ былъ, какъ и князь Лобановъ, свѣтскій человѣкъ и свѣтскій забавникъ, но совершенно другого типа, нежели князь Лобановъ-Ростовскій.

Насколько князь Лобановъ-Ростовскій былъ въ обществѣ изященъ въ своихъ словахъ и разсказахъ и интересенъ для культурнаго общества, настолько графъ Муравьевъ, хотя и былъ забавенъ, но забавенъ плоскими разсказами и манерами. Насколько князь Лобановъ-Ростовскій былъ литературно-культурный человѣкъ, настолько графъ Муравьевъ былъ человѣкъ литературно мало образованный, если не сказать — во многихъ отношеніяхъ просто невѣжественный.

Кромѣ того, гр. Муравьевъ имѣлъ слабость хорошо пообѣдать и во время обѣда порядочно выпить. Поэтому, послѣ обѣда гр. Муравьевъ весьма неохотно занимался дѣлами и вообще, обыкновенно, ими не занимался. Относительно занятій онъ былъ очень скупъ и посвящалъ имъ очень мало времени.

При такихъ качествахъ, гр. Муравьевъ выбралъ себѣ товарищемъ графа Владиміра Николаевича Ламсдорфа, который былъ совѣтникомъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, человѣка въ высокой степени рабочаго. Гр. Ламсдорфъ всю свою карьеру сдѣлалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, отличнаго сердца, другъ своихъ друзей, человѣкъ въ высокой степени образованный, несмотря на то, что онъ кончилъ только Пажескій корпусъ (слѣдовательно, онъ самъ себя образовалъ), человѣкъ очень скромный.

Гр. Ламсдорфъ вѣчно работалъ и вслѣдствіе этого, какъ только онъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ всегда былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ министровъ, сначала въ качествѣ секретаря, а потомъ въ качествѣ управляющаго различными отдѣлами министерства и, наконецъ, въ качествѣ совѣтника.

Гр. Ламсдорфъ началъ свою карьеру еще при свѣтлѣйшемъ князѣ Горчаковѣ; затѣмъ былъ секретаремъ и ближайшимъ человѣкомъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу; далѣе онъ былъ совѣтникомъ министерства и ближайшимъ сотрудникомъ князя Лобанова-Ростовскаго.

Гр. Ламсдорфъ былъ ходячимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ по всѣмъ секретнымъ дѣламъ этого министерства.

Какъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ — это былъ неоцѣнимый кладъ, а потому, естественно, что гр. Муравьевъ, который весьма мало зналъ и понималъ обще-міровую дипломатію, былъ весьма въ этомъ мало-свѣдущъ, и вообще мало образованъ, къ тому же онъ не любилъ заниматься — взялъ себѣ въ товарищи графа Ламсдорфа, — самъ же графъ Муравьевъ больше занимался жуирствомъ, нежели дѣломъ. Тѣмъ не менѣе онъ почему то нравился, какъ Императору, такъ и молодой Императрицѣ. Графъ Муравьевъ хвастался тѣмъ, что его часто, даже почти всегда Императоръ послѣ доклада приглашаетъ завтракать и разсказывалъ своимъ коллегамъ, въ томъ числѣ и мнѣ, о томъ, какъ онъ забавляетъ молодую Императрицу своими разсказами.

6-го мая того же года послѣдовало увольненіе графа Воронцова-Дашкова съ поста министра Двора.

Это увольненіе для всѣхъ, понимавшихъ психологію дворцовыхъ сферъ, не было неожиданнымъ. Графъ Воронцовъ-Дашковъ зналъ молодого Императора съ его колыбели, онъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ его Августѣйшему отцу и былъ почти во все время царствованія Императора Александра III министромъ Двора, а потому, естественно, онъ долженъ былъ производить на молодого Императора нѣкоторое гнетущее вліяніе.

Эта психологія отношеній совершенно понятна, тѣмъ болѣе, что министры Августѣйшаго батюшки молодого Императора, вѣроятно, также не вполнѣ свыклись съ новымъ своимъ положеніемъ и не могли, по крайней мѣрѣ сразу, стать на ту точку зрѣнія, что тотъ молодой царевичъ, котораго они знали еще мальчикомъ или юношей — волею Всевышняго сдѣлался неограниченнымъ Монархомъ величайшей Имперіи, а потому они (это касается и меня, я долженъ въ этомъ признаться) часто говорили съ молодымъ Императоромъ не такъ, какъ они должны были бы говорить съ самодержавнымъ Государемъ великой Имперіи.

Это, конечно, болѣе чувствительно должно было проявляться въ отношеніяхъ молодого Императора къ престарѣлому министру Двора покойнаго его отца, ибо министръ Двора имѣетъ постоянное отношеніе къ Императору и не только къ Императору, но и къ Императрицѣ.

Вѣроятно, проскакивающій иногда въ рѣчахъ гр. Воронцова-Дашкова нѣсколько менторскій тонъ шокировалъ молодого Императора и его Августѣйшую супругу. Но главное, что явилось причиной несоот-

вѣтствующихъ отношеній между Государемъ Императоромъ и гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, конечно, заключалось въ той несчастной исторіи, которая произошла во время коронованія Императора на «Ходынкѣ». Послѣ этой катастрофы между Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и гр. Воронцовымъ-Дашковымъ сразу создались враждебныя отношенія.

Вообще гр. Воронцовъ-Дашковъ въ отношеніи всѣхъ Великихъ Князей держался въ высокой степени самостоятельно, къ чему онъ былъ пріученъ покойнымъ Императоромъ Александромъ III, а потому онъ, если можно такъ выразиться, и не спускалъ Великому Князю Сергѣю Александровичу.

Съ другой стороны, Великій Князь Сергѣй Александровичъ былъ человѣкъ самолюбивый и имѣлъ значительное вліяніе на молодого Императора не только какъ дядя, но и какъ мужъ сестры Императрицы.

Вотъ эти отношенія и послужили главнымъ образомъ причиною того, что гр. Воронцовъ-Дашковъ, согласно желанію Императора,долженъ былъ покинуть постъ министра Двора.

Тогда я жилъ на Елагиномъ и хотя всегда я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ, но именно въ то время я имѣлъ съ нимъ нѣкоторое разногласіе по вопросу о порядкѣ испрошенія кредитовъ по министерству Двора.

Сперва гр. Воронцовъ-Дашковъ въ этомъ вопросѣ возсталъ весьма рѣзко противъ моей точки зрѣнія, а потомъ сразу уступилъ, видя, что Его Императорское Величество въ этомъ вопросѣ всталъ на мою точку зрѣнія.

Я помню, что въ тотъ день, когда Государь сказалъ гр. Воронцову-Дашкову о томъ, что онъ его освобождаетъ съ поста министра Двора, графъ пріѣхалъ ко мнѣ на Елагинскій островъ и былъ весьма разстроенъ; гр. Воронцовъ-Дашковъ жаловался на то, что онъ самъ нѣсколько недѣль тому назадъ просилъ Государя освободить его съ поста министра двора, что Его Величество тогда на это не согласился, а что сегодня самъ Государь въ концѣ доклада сказалъ ему, что «вотъ вы мнѣ нѣсколько разъ выражали желаніе уйти съ поста министра Двора, такъ я васъ сегодня освобождаю».

Графъ Воронцовъ-Дашковъ подробно мнѣ все это разсказывалъ, такъ какъ онъ думалъ, что я говорилъ что-нибудь Государю относительно моихъ разногласій съ нимъ по кредитамъ министерства и жаловался на него.

На это я сказалъ гр. Воронцову-Дашкову, что дѣйствительно Его Величество по этому предмету со мною говорилъ, но я никогда жалобъ

никакихъ на него не высказывалъ и что вообще я такъ съ дѣтства близко знаю гр. Воронцова, что почелъ бы для себя въ высокой степени некорректнымъ дѣйствовать противъ графа, котораго я искренно уважаю и почитаю, не сказавъ ему раньше откровенно, что я намѣренъ дѣлать.

Вмѣсто гр. Воронцова, министромъ Двора былъ назначенъ его товарищъ баронъ Фредериксъ, (который состоитъ министромъ Двора и до настоящаго времени) прекраснѣйшій, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, — но и только. Впрочемъ, этого вообще, а въ особенности по нынѣшнимъ временамъ, очень много. Можно сказать, что баронъ Фредериксъ, по нынѣшнимъ временамъ, по своей честности и благородству — рыцарь. Но, конечно, ни по своимъ знаніямъ, ни по своимъ способностямъ, ни по своему уму онъ не можетъ имѣть рѣшительно никакого вліянія на Государя Императора и не можетъ служить ему ни въ какой степени совѣтчикомъ по государственнымъ дѣламъ и даже по непосредственному управленію министерствомъ Двора.

По характеру Государя Императора такой министръ Двора представляетъ собою типъ человѣка наиболѣе для Императора подходящаго.

Вскорѣ по вступленіи на постъ министра Двора барона Фредерикса я получилъ отъ него Высочайшее повелѣніе, формулированное по пунктамъ, которымъ опредѣлялся порядокъ испрошенія кредитовъ по министерству Двора и именно такъ, какъ то проектировалъ министръ Двора гр. Воронцовъ-Дашковъ, а слѣдовательно, уже изъ этого видно, что я въ моемъ разногласіи съ министромъ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ относительно способа испрошенія кредитовъ министерствомъ Двора не произвелъ на Государя Императора никакого неблагопріятнаго для гр. Воронцова-Дашкова вліянія.

*По закону смѣта министерства Двора должна была разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ на общемъ основаніи, на практикѣ расходы эти регулировались соглашеніемъ министра двора и финансовъ и затѣмъ государственный совѣтъ принималъ цифру, сообщенную министромъ финансовъ.

Вскорѣ послѣ назначенія барона Фредерикса я вдругъ отъ него получаю Высочайшее повелѣніе, отмѣняющее законы и устанавливающее

такой порядокъ относительно смѣты министерства двора: смѣту эту составляетъ и представляетъ на утвержденіе Государя министръ двора, а затѣмъ сообщаетъ общую цифру министру финансовъ, который долженъ внести именно эту цифру, безъ обсужденія въ государственномъ совѣтѣ, въ государственную роспись. Въ заключеніи говорилось, что Государь повелѣваетъ, чтобы сіе Высочайшее повелѣніе не распубликовывалось, дабы не возбуждать толковъ, а чтобы при кодификаціи законовъ, т.-е. печатаніи новаго изданія, были соотвѣтственно измѣнены соотвѣтствующія статьи. Такихъ Высочайшихъ повелѣній, конечно, въ Россіи не было со временъ Павла Петровича, да и Онъ, вѣроятно, не предлагалъ бы незамѣтно фальсифицировать новое изданіе законовъ. Конечно, эта выдумка не принадлежала инціативѣ Государя, а Его министру двора, но достаточно то, что такія повелѣнія могли имѣть мѣсто еще за десять лѣтъ до революціи. *

По поводу этого маленькаго инцидента, которому я не придавалъ никакого значенія съ точки зрѣнія финансовъ, я помню такой разговоръ, который я имѣлъ съ Его Императорскимъ Величествомъ.

Когда я сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, кредиты должны быть испрашиваемы по соглашенію министра Двора съ министерствомъ финансовъ, — если не въ общемъ порядкѣ черезъ государственный совѣтъ, — то Его Величеству угодно было мнѣ замѣтить:

— Что же вы находите, что я трачу много денегъ?

На что я Его Императорскому Величеству всеподданнѣйше доложилъ, и доложилъ совершенно правдиво и искренно, что образъ жизни Государя и его Августѣйшей семьи столь скроменъ, что даже болѣе скроменъ, нежели личная жизнь его ближайшихъ слугъ, совѣтчиковъ, въ томъ числѣ и меня, — (и это совершенная правда), но что дѣло не въ расходахъ, которые производятся на Его Величество и на Его Августѣйшую семью, а дѣло идетъ о расходахъ, производимыхъ по министерству Двора во всѣхъ его разнообразныхъ учрежденіяхъ и отдѣлахъ. Вотъ что касается этихъ расходовъ, то я не могъ бы не признать, что эти расходы производятся не въ должномъ порядкѣ, не съ должной экономіей и не при должномъ контролѣ.

Вообще, какъ я уже говорилъ, во всемъ, что касалось непосредственно меня, какъ министра финансовъ, я все время пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ и полнѣйшей поддержкой Его Величества. Благодаря именно этому, то начало благоустройства финансовъ, которое

положилъ его Августѣйшій родитель, мнѣ удалось укрѣпить и установить во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ отрасляхъ.

Что касается моихъ дѣйствій и мнѣній, какъ по экономическимъ вопросамъ, такъ и по вопросамъ политическимъ, то тутъ я встрѣчалъ большое соперничество въ мнѣніяхъ другихъ министровъ, и часто Его Величеству благоугодно было со мной не соглашаться и дѣлать вопреки моимъ мнѣніямъ и моимъ совѣтамъ.

Вѣроятно, я во многомъ и ошибался, но, тѣмъ не менѣе, и нынѣ я глубоко увѣренъ въ томъ, что если бы Его Императорскому Величеству благоугодно было принимать во вниманіе мои мнѣнія по вопросамъ какъ внутренней такъ и внѣшней политики, то, можетъ быть, и были бы сдѣланы ошибки, можетъ быть, были бы сдѣланы даже крупныя ошибки, но, тѣмъ не менѣе, мы избѣгли бы всѣхъ тѣхъ катастрофъ, которыя послѣдовали начиная съ 1903 года, когда я былъ вынужденъ покинуть постъ министра финансовъ, — впрочемъ, — объ этомъ я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ 1897 ГОДУ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ІОСИФА, ВИЛЬГЕЛЬМА II И ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ФЕЛИКСА ФОРА

15-го апрѣля въ Петербургъ пріѣхалъ отдать визитъ Государю престарѣлый австрійскій Императоръ Францъ-Іосифъ. Представленіе ему и пріемъ происходили въ Зимнемъ Дворцѣ, причемъ нашъ молодой Императоръ относился къ Францу Іосифу въ высокой степени почтительно, какъ къ престарѣлому старцу, что производило на всѣхъ самое прекрасное впечатлѣніе.

Императоръ Францъ-Іосифъ пробылъ въ Петербургѣ только два дня и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ домой. Пребываніе его въ Петербургѣ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось.

16 іюля прибыли въ Петергофъ Императоръ и Императрица Германскіе. Императоръ пробылъ здѣсь до 30-го іюля, 30-го іюля онъ выѣхалъ за границу.

*Я видѣлъ Императора Вильгельма, когда еще онъ былъ сыномъ наслѣдника Фридриха и внукомъ Императора Вильгельма der Grosse, два раза, при слѣдующей обстановкѣ. Разъ въ Эмсѣ незадолго до смерти Вильгельма I. Старикъ Императоръ пріѣхалъ туда на нѣсколько дней (это была послѣдняя его поѣздка въ Эмсъ) и остановился въ домѣ Кургауза. По своему обыкновенію онъ занимался передъ

большимъ окномъ, выходящимъ на площадь передъ Кургаузомъ, такъ чтобы всѣ могли его видѣть за занятіями. Съ нимъ пріѣхалъ молодой внукъ Вильгельмъ — нынѣшній Императоръ. Меня удивило, что во время занятій дѣда онъ все время стоялъ около его кресла и почтительнѣйше исполнялъ курьерскія обязанности, какъ то распечатаніе и запечатаніе пакетовъ, подача перьевъ, карандашей и проч... Затѣмъ я видѣлъ Вильгельма, когда въ первые годы царствованія Александра III Его Величество присутствовалъ на маневрахъ около Бреста. Мы стояли съ Императорскимъ поѣздомъ на одной изъ маленькихъ станцій линіи, идущей изъ Бреста въ Бѣлостокъ. Государь занималъ замокъ, находившійся около станціи и принадлежавшій одному помѣщику. Я былъ управляющимъ желѣзною дорогою. Вдругъ пріѣзжаетъ на станцію генералъ-адъютантъ Черевинъ и спрашиваетъ меня, сколько нужно времени, чтобы экстренно доставить прусскій мундиръ для Его Величества изъ Петербурга.

Я сказалъ, что 48 часовъ.

Затѣмъ послѣдовало экстренное распоряженіе о доставленіи этого мундира экстреннымъ паровозомъ.

Черезъ два дня Императорскій поѣздъ отошелъ въ Брестъ, причемъ мнѣ тогда же, когда потребовали мундиръ, Черевинъ сказалъ, что Императоръ Вильгельмъ просилъ разрѣшенія Царя отправить къ Нему Его привѣтствовать своего внука Вильгельма. Нашъ поѣздъ подошелъ къ станціи за нѣсколько минутъ до прибытія поѣзда съ Вильгельмомъ. Когда этотъ послѣдній поѣздъ подходилъ, Государь снялъ плащъ и передалъ его конвойному казаку. Вильгельмъ вышелъ изъ поѣзда, Государь съ нимъ поздоровался, представилъ почетный караулъ и свиту. Вильгельмъ себя держалъ высоко почтительно, точно флигель-адъютантъ Императора. Когда церемонія была окончена, Государь повернулся по направленію къ казаку съ плащемъ и громко сказалъ: «дай плащъ». Въ этотъ моментъ Вильгельмъ со всѣхъ ногъ кинулся къ казаку, выхватилъ у него плащъ, поднесъ и накинулъ его на Государя...

Тогда эти факты меня нѣсколько удивили, ибо такое отношеніе къ Императорамъ не только со стороны членовъ царской фамиліи, но и свиты у насъ не практикуется. Послѣ же узнавши ближе характеръ будущаго Императора, я вспомнилъ, что сказанные факты совсѣмъ въ его натурѣ и что такой образъ дѣйствій не есть внѣшнее оказательство, но находится въ полнѣйшей гармоніи съ его убѣжденіями. Онъ по натурѣ правитель народовъ и считаетъ Императора сверхъ-человѣкомъ. Теперь его братъ принцъ Генрихъ весьма часто, прощаясь съ нимъ,

цѣлуетъ ему руку въ присутствіи всѣхъ. Вильгельмъ этимъ и, вообще, когда ему въ присутствіи многихъ лицъ цѣлуютъ руку, нисколько не стѣсняется и принимаетъ это какъ должное. Я съ своей стороны нахожу, что было бы не лишнимъ, если бы такія отношенія къ Государю были введены въ нравы и нашего Царскаго Дома. Было бы меньше распущенности...*

Пребываніе Германскаго Императора ознаменовалось нѣкоторыми фактами, которые имѣли громадное вліяніе на послѣдующія событія. Германскій Императоръ остановился въ Петергофѣ въ Большомъ дворцѣ. Тамъ онъ все время и жилъ и только лишь одинъ разъ пріѣхалъ въ Петербургъ на завтракъ къ германскому послу, князю Радолину. Послѣ завтрака Императоръ имѣлъ выходъ въ общіе салоны, а затѣмъ особое свиданіе со мною въ кабинетѣ посла.

По принятому обычаю, по прибытіи Императора, былъ парадный оффиціальный обѣдъ. Передъ обѣдомъ, какъ только я пріѣхалъ въ Петергофъ, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ состоящихъ при Германскомъ Императорѣ и сказалъ мнѣ, что Германскій Императоръ желалъ бы до обѣда со мною познакомиться и желалъ бы, чтобы я пришелъ къ нему въ его аппартаменты.

Я пришелъ къ Императору, когда онъ былъ еще не совсѣмъ одѣтъ; я говорилъ съ нимъ въ первый разъ. Германскій Императоръ обратился ко мнѣ со слѣдующей рѣчью: онъ знаетъ о томъ, какой я мудрый и выдающійся государственный дѣятель, а потому, какъ совершенное исключеніе, онъ мнѣ жалуетъ высшій орденъ Чернаго Орла.

Этотъ орденъ Германскій Императоръ немедленно мнѣ вручилъ, добавивъ, что таковой дается только царскимъ особамъ и министрамъ иностранныхъ дѣлъ, а мнѣ, министру финансовъ, онъ жалуетъ его, какъ совершенное исключеніе, такъ какъ этого исключенія еще никогда не дѣлалось.

Я, конечно, былъ польщенъ этою высокою честью и милостью.

Затѣмъ въ Петергофѣ были военные смотры, въ которыхъ я не принималъ никакого участія.

Когда Германскій Императоръ посѣтилъ Петербургъ, я былъ приглашенъ посломъ Радолинымъ, который сказалъ мнѣ, что Императоръ очень бы просилъ меня придти къ такому то часу, такъ какъ онъ хотѣлъ со мною переговорить.

Послѣ завтрака, который происходилъ исключительно въ посольской средѣ, Германскій Императоръ вышелъ въ гостинную, въ которой какъ полагается стояли всѣ чины посольства, а также туда вышли и всѣ русскіе чины, состоявшіе при немъ — кажется: генералъ свиты, генералъ-адъютантъ, флигель-адъютантъ и т. д.

Германскій Императоръ очень удивилъ меня своими манерами: онъ вышелъ, вѣроятно, потому, что былъ въ интимномъ кружкѣ, совершенно какъ фертъ, дѣлая совсѣмъ неподобающіе личности Императора жесты, какъ рукою, такъ и ногою. Очевидно, онъ дѣлалъ это потому, что былъ въ интимномъ кружкѣ.

Императоръ Германскій пошелъ со мной въ кабинетъ посла, гдѣ, оставшись со мной наединѣ, Императоръ обратился ко мнѣ со слѣдующей рѣчью: онъ сказалъ, что Америка представляетъ для Европы большую конкурренцію, конкурренцію всему европейскому земледѣлію, что Америка наживается на счетъ Европы, а потому онъ находитъ, что слѣдовало бы въ отношеніи Америки принять особливыя мѣры т.-е. относительно таможни; не почитать ее страною наиболѣе благопріятствуемой, т.-е. не трактовать ее, какъ всѣ остальныя европейскія страны, а держать для нея совершенно особливыя пошлины, дабы Америка не могла наводнять Европу своими продуктами.

По этому предмету я замѣтилъ Его Императорскому Величеству, что я не могъ бы принять его мнѣніе, что, по моему, не только можно было бы, но и должно принять эту точку зрѣнія вообще въ отношеніи всѣхъ странъ, не входящихъ въ континентъ Европы, т.-е. странъ отдѣленныхъ отъ Европы морями, а слѣдовательно въ томъ числѣ и Англіи; но что принимать такую спеціальную мѣру по отношенію Америки я считалъ бы весьма неудобнымъ и безцѣльнымъ, такъ какъ едва ли другія европейскія страны на это согласятся.

Германскій Императоръ объяснилъ мнѣ, что онъ не можетъ причислить Англію къ странамъ заморскимъ и что онъ стремится установить съ англичанами наилучшія отношенія; что его мнѣніе заключается въ томъ, что слѣдуетъ принять эти мѣры только въ отношеніи Америки, такъ какъ Англія не наводняетъ Европу сельско-хозяйственными продуктами, между тѣмъ, какъ именно Америка понижаетъ цѣны всѣхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ Европѣ.

На это я Его Величеству доложилъ, что, мнѣ кажется, Россіи будетъ чрезвычайно трудно встать на такую точку зрѣнія уже потому, что Россія находится съ Америкой, со временъ освободительной войны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ

и Россіи нѣтъ повода вдругъ измѣнить свои отношенія къ Америкѣ. Что касается вообще обще-политическаго положенія, то я держусь такого убѣжденія, что экономическія отношенія находятся въ неразрывной связи съ политическими. Въ концѣ концовъ, хорошія политическія отношенія къ извѣстнымъ странамъ не могутъ существовать безъ хорошихъ экономическихъ отношеній и обратно; что Европа въ средѣ другихъ странъ представляетъ собою дряхлѣющую старуху и, что если такъ будетъ продолжаться, то черезъ нѣсколько столѣтій Европа будетъ совершенно ослаблена и потеряетъ первенствующее значеніе въ міровомъ концертѣ, а заморскія страны будутъ пріобрѣтать все большую и большую силу и черезъ нѣсколько столѣтій жители нашей земной планеты будутъ разсуждать о величіи Европы, такъ какъ мы теперь разсуждаемъ о величіи римской Имперіи, о величіи Греціи, о величіи нѣкоторыхъ мало-азіатскихъ странъ и о величіи Карѳагена; затѣмъ я сказалъ, что недалеко то время, когда къ Европѣ будутъ относиться только съ почтеніемъ и съ почтеніемъ въ такой мѣрѣ, въ какой вообще благовоспитанныя лица относятся къ бывшимъ красавицамъ, уже одряхлѣвшимъ и еле двигающимъ ногами.

Его Величество этотъ взглядъ очень удивилъ и онъ мнѣ поставилъ вопросъ:

— Что же, по вашему мнѣнію, нужно дѣлать для того, чтобы этого избѣгнуть?

Я ему на это отвѣтилъ:

— Вообразите себѣ Ваше Величество, что вся Европа представляетъ собою одну Имперію; что Европа не тратитъ массу денегъ, средствъ, крови и труда на соперничество различныхъ странъ между собою, не содержитъ милліоны войскъ для войнъ этихъ странъ между собою и что Европа не представляетъ собою того военнаго лагеря, какимъ она нынѣ въ дѣйствительности является, такъ какъ каждая страна боится своего сосѣда; конечно, тогда Европа была бы и гораздо богаче, и гораздо сильнѣе, и гораздо культурнѣе; она, дѣйствительно, явилась бы хозяиномъ всего міра, а не дряхлѣла бы подъ тяжестью взаимной вражды, соревнованій и междоусобныхъ войнъ. Для того чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочныя союзныя отношенія между Россіей, Германіей и Франціей. Разъ эти страны будутъ находиться между собою въ твердомъ, непоколебимомъ союзѣ, то несомнѣнно, всѣ остальныя страны континента Европы къ этому центральному союзу примкнутъ и такимъ образомъ образуется общій континентальный союзъ, который освободитъ Европу отъ тѣхъ тягостей, которыя она сама на себя наложила для взаимнаго соперни-

чества. Тогда Европа сдѣлается великой, снова расцвѣтетъ и ея доминирующее положеніе надъ всѣмъ міромъ будетъ сильнымъ и установится на долгія времена. Иначе Европа и вообще отдѣльныя страны ее составляющія находятся подъ рискомъ большихъ невзгодъ.

Его Величество, выслушавъ эту рѣчь, сказалъ мнѣ, что мой взглядъ очень интересенъ и оригиналенъ, затѣмъ милостиво распростился со мною.

Это было въ 1897 году; прошло менѣе 15 лѣтъ, въ это время уже появилась на свѣтѣ Божій великая Японская Имперія, произошла война между Англіей и бурами, результатомъ которой создалось особое государство въ Африкѣ, входящее въ сферу Англійской Имперіи. Въ значительной степени усилились нѣкоторыя южно-американскія республики, — вообще заморскія страны пріобрѣтаютъ все большую и большую силу, какъ политическую, такъ и военную и экономическую.

Когда уѣхалъ Германскій Императоръ, то при первомъ моемъ докладѣ Государю Императору Его Величество передалъ мнѣ маленькую записку, говоря, что записку эту ему далъ Германскій Императоръ.

Въ этой запискѣ было изложено то, что мнѣ говорилъ Германскій Императоръ, т.-е. въ ней говорилось объ установленіи боевыхъ пошлинъ противъ Сѣверо-Американской республики.

Я доложилъ Его Величеству, что объ этомъ со мною говорилъ Германскій Императоръ и что я держусь такого то мнѣнія. Государь Императоръ приказалъ мнѣ составить на эту записку отвѣтъ въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ я говорилъ Германскому Императору, причемъ Императоръ сказалъ, что онъ мое мнѣніе раздѣляетъ.

Я составилъ отвѣтъ въ видѣ ноты безъ подписи и передалъ Государю Императору. Государь Императоръ сказалъ мнѣ, что отошлетъ этотъ отвѣтъ Германскому Императору, при своемъ собственноручномъ письмѣ.

Послѣ отбытія Германскаго Императора, я какъ то разговаривалъ съ генералъ-адмираломъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ по поводу пребыванія Императора Вильгельма. Великій Князь сказалъ мнѣ, что вообще Германскій Императоръ человѣкъ довольно эксцентричный, и что вотъ, когда Императоръ Вильгельмъ былъ въ Петергофѣ, то разъ случился слѣдующій инцидентъ:

Государь Императоръ возвращался вдвоемъ съ Германскимъ Императоромъ въ экипажѣ. Когда Государь вернулся изъ этой поѣздки, то

къ нему по какому то дѣлу зашелъ Великiй Князь, Государь сказалъ Великому Князю, что ему крайне непрiятно, что на возвратномъ пути Германскiй Императоръ спросилъ его: нуженъ ли Россiи китайскiй портъ Кiао-Чао, что въ этотъ портъ русскiя суда никогда не заѣзжаютъ и что въ своихъ цѣляхъ, въ интересахъ Германiи, онъ желалъ бы занять этотъ портъ, чтобы онъ былъ стоянкой германскихъ судовъ, но не хочетъ этого сдѣлать, не имѣя на то согласiя русскаго Императора.

Государь не сказалъ Великому Князю Алексѣю Александровичу, далъ ли онъ или не далъ этого согласiя, но только прибавилъ, что Германскiй Императоръ, заговоривъ съ нимъ объ этомъ, поставилъ его въ самое неловкое положенiе, такъ какъ онъ гость и категорически отказать ему въ этомъ было бы неловко, что вообще ему это крайне непрiятно.

Его Величество, человѣкъ весьма деликатный, и эта черта деликатности и крайней воспитанности проявлялась въ немъ особенно въ его молодости. Мнѣ поэтому понятно, что разъ онъ ѣхалъ съ своимъ гостемъ, Германскимъ Императоромъ, который такъ некорректно обратился къ нему, прося, чтобы Государь не препятствовалъ занятiю Германiей китайскаго порта Кiао-Чао, то Государь, по характеру своему, не могъ категорически отказать и Германскiй Императоръ могъ понять, что Русскiй Государь даетъ, такъ сказать, на это свое благословенiе.

30-го iюля, какъ я уже говорилъ, Германскiй Императоръ уѣхалъ за границу, а 11 августа прибылъ въ Петербургъ съ отвѣтнымъ визитомъ Государю Императору президентъ французской республики Феликсъ Форъ.

Феликса Фора сопровождалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Ганото, который былъ въ то время сравнительно молодымъ человѣкомъ. Въ настоящее время Ганото извѣстенъ не только какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, но и какъ академикъ; онъ былъ причисленъ къ «безсмертнымъ» за свои выдающiеся научно-литературные труды, въ особенности за книгу о герцогѣ Ришелье.

Президентъ Форъ представлялъ собою человѣка довольно виднаго, въ молодости, вѣроятно, красиваго, и имѣвшаго претензiю на красоту и въ то время, когда онъ былъ уже въ пожилыхъ годахъ президентомъ. Форъ сначала попалъ въ Сенатъ, а потомъ уже сдѣлался президентомъ. Ранѣе же онъ былъ оптовымъ торговцемъ, кажется, лѣсомъ.

Онъ представлялъ собою типъ человѣка любезнаго, умнаго, галантнаго, но въ буржуазномъ смыслѣ этого слова; имѣлъ претензiю нра-

виться женщинамъ и держалъ себя довольно высокомѣрно; конечно, въ душѣ, онъ сожалѣлъ, что онъ, собственно, только президентъ французской республики, а не король или не Императоръ Франціи.

Я встрѣчался съ Феликсомъ Форомъ и имѣлъ случай съ нимъ говорить не только въ Петербургѣ, но и впослѣдствіи въ Парижѣ. Какъ то, будучи въ Парижѣ, я былъ даже приглашенъ къ нему въ Рамбулье (въ Рамбулье президенты живутъ, обыкновенно лѣтомъ), гдѣ онъ мнѣ далъ торжественный обѣдъ, а затѣмъ, послѣ обѣда мы сидѣли съ нимъ на балконѣ, а подъ балкономъ проходили группы различныхъ обществъ съ мѣстной музыкой.

Самъ по себѣ, по своимъ дарованіямъ, Феликсъ Форъ ничего выдающагося изъ себя не представлялъ. Жена его, которая по лѣтамъ вполнѣ соотвѣтствовала его возрасту, была простая, буржуазная француженка, весьма скромная, и, повидимому, шокировавшая его при торжественныхъ случаяхъ.

Феликсъ Форъ продолжалъ ловеласничать и, — что не составляетъ секрета, — кончилъ свою жизнь крайне трагически и для человѣка, въ особенности пожилого, а тѣмъ болѣе для президента республики, крайне неприлично: у него произошелъ разрывъ сердца, когда онъ находился наединѣ, въ комнатѣ, съ одной дамой, женою извѣстнаго художника Стенэль, которая годъ или два тому назадъ имѣла въ Парижѣ скандальный процессъ, будучи обвинена въ убійствѣ или въ соучастіи въ убійствѣ своего мужа. Она, кажется, жива, но живетъ въ Англіи. Бывая часто въ Біаррицѣ, я много о ней слышалъ, когда она была еще дѣвицей; она тамъ жила и родилась, кажется, въ Байонѣ (7 верстъ отъ Біаррица). Дама эта была очень красивая.

Лица, которыя на крикъ этой дамы вошли въ ту комнату, гдѣ былъ президентъ Форъ, застали картину, которую трудно изобразить: Форъ находился въ самомъ неприличномъ положеніи, мертвый, съ рукою, охватившей ея густые прекрасные волосы, а она стояла около него на колѣняхъ.

Когда Феликсъ Форъ былъ въ Петербургѣ, то произошло, слѣдующее знаменательное событіе, которое обрисовываетъ разность характеровъ Императора Александра III и его сына Императора Николая II-го.

Императоръ Александръ III, вопреки всѣмъ традиціямъ Россіи, вошелъ въ соглашеніе съ Франціей и нарушилъ традиціонный союзъ съ Германіей. Во время своего царствованія, онъ точно исполнялъ это соглашеніе и, что особенно знаменательно для такого абсолютнаго

Императора какъ Александръ III, онъ выслушивалъ при оффиціальныхъ свиданіяхъ и при оффиціальныхъ встрѣчахъ республиканскій гимнъ Франціи, въ отвѣтъ на русскій гимнъ, который приводилъ французовъ въ восторгъ. Но далѣе соглашенія Императоръ Александръ III не шелъ.

При пріѣздѣ Феликса Фора въ Петербургъ въ своемъ отвѣтномъ въ честь Феликса Фора тостѣ, провозглашенномъ Государемъ Императоромъ, на тостъ Феликса Фора, Его Величество объявилъ соглашеніе сдѣланное его отцомъ, союзомъ съ Франціей. Итакъ, съ того времени мы находимся съ Франціей не въ соглашеніи, а въ союзѣ. Такимъ образомъ, мы еще болѣе, по буквѣ, на бумагѣ, соединились съ Франціей. Насколько это соединеніе сдѣлается большимъ въ жизни, это покажетъ намъ исторія.

Такой результатъ былъ достигнутъ тою дипломатіею, которую велъ Ганото, будучи въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Феликсомъ Форомъ, такъ какъ Феликсъ Форъ, конечно, въ такихъ дѣлахъ жилъ умомъ своего министра иностранныхъ дѣлъ.

Съ Ганото я нѣсколько разъ говорилъ въ Петербургѣ, а потомъ встрѣчался съ нимъ и въ Парижѣ, когда онъ уже не былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ несомнѣнно человѣкъ весьма даровитый, очень образованный и умный; въ то время онъ, сравнительно, былъ молодымъ но не симпатичнымъ; мнѣ, напримѣръ, не понравились его аллюры, когда онъ, вмѣстѣ съ Форомъ, пріѣхалъ въ Петропавловскій соборъ, возложить вѣнокъ на памятникъ создателя русско-французскаго соглашенія, Императора Александра III-го. Въ это время я тоже былъ въ Петропавловскомъ соборѣ, кажется потому, что Форъ или заѣзжалъ или имѣлъ намѣреніе заѣхать на монетный дворъ, который находился въ моемъ вѣдѣніи.

Ганото вошелъ въ соборъ въ плащѣ и около могилы, когда нужно было класть вѣнокъ, онъ, видя, что всѣ находятся безъ верхняго платья, догадался снять свой плащъ, но снявъ его не положилъ къ себѣ на руку, а самымъ безцеремоннымъ образомъ отдалъ его въ руки одному изъ находящихся около русскихъ офицеровъ. Офицеръ этотъ, нѣсколько растерявшись, взялъ плащъ и держалъ на рукахъ, пока Ганото, выходя изъ собора снова его на себя не надѣлъ. Меня тогда очень возмутила эта безцеремонность французика Ганото.

Будучи въ Петербургѣ Феликсъ Форъ подробно осматривалъ экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ, которую я ему въ качествѣ министра финансовъ показывалъ. Онъ взялъ себѣ на память нѣсколько бездѣлушекъ изъ произведенія этого замѣчательнаго въ техническомъ и художественномъ отношеніи заведенія. Тамъ мы пили за

здоровье его, за благополучіе Франціи, а онъ съ своей стороны, пилъ за здоровье Императора и за благополучіе Русской Имперіи.

Какъ только Феликсъ Форъ покинулъ Петербургъ, Его Величество съ Августѣйшей супругой изволили отправиться въ Варшаву, были въ Бѣлостокѣ на маневрахъ и въ Бѣловѣжѣ, а затѣмъ изъ Варшавы прибыли въ Спалу; тамъ Государь Императоръ охотился, а затѣмъ 19-го сентября отправился въ Дармштадтъ, къ брату своей Августѣйшей супруги.

Эта поѣздка Государя Императора въ Царство Польское была знаменательна въ томъ отношеніи, что поляки встрѣчали Его Величество крайне радушно, надѣясь, что новый молодой Императоръ установитъ такія отношенія къ полякамъ, которыя, если не похоронятъ, то въ значительной степени загладятъ прошедшее, въ коемъ, конечно, въ значительной степени виноваты и сами поляки.

Основанія для такой надежды полякамъ давалъ генералъ-губернаторъ Имеретинскій, который ввелъ, или вѣрнѣе, началъ вводить умиротвореніе и единеніе между поляками и русскими.

Его Величество также отнесся къ полякамъ и высшему польскому обществу весьма милостиво и симпатично, — что также порождало въ полякахъ нѣкоторыя надежды, которыя, къ сожалѣнію, не осуществились.

Я увѣренъ, что въ настоящее время поляки и не только въ настоящее время, но вообще послѣ смерти князя Имеретинскаго и назначенія на постъ генералъ-губернатора Черткова, весьма сожалѣютъ о томъ времени, когда генералъ-губернаторомъ былъ Гурко, который хотя и велъ чисто русское направленіе и не давалъ спуску излишнимъ тенденціямъ и фанаберіямъ поляковъ, но представлялъ собою человѣка твердаго, опредѣленнаго, справедливаго, честнаго и знающаго, чего онъ хочетъ.

Около 20 октября Его Величество уже вернулся въ Царское Село, а 22-го октября была представлена Государю офенбаховская депутація короля абиссинскаго, состоящая изъ Леонтьева и полубезграмотнаго абиссинца Ато Іосифа.

Леонтьевъ былъ по натурѣ большой авантюристъ. Сначала онъ былъ офицеромъ, потомъ началъ пускаться въ разныя аферы довольно мелкаго свойства, попалъ въ Абиссинію и увѣрилъ нѣкоторыя русскія

высшія сферы, что онъ чуть ли не ближайшій совѣтникъ и руководитель короля Абиссиніи Менелика, — хотя Менеликъ его совсѣмъ не чтилъ, очень мало его видѣлъ и если терпѣлъ, то только потому, что съ другой стороны Леонтьевъ увѣрилъ Менелика, что за нимъ стоитъ русское правительство и русскій Государь Императоръ.

Я знаю отъ лицъ, которыя были посланы съ депутаціей отъ правительства въ Абиссинію, — напримѣръ, отъ графа Велепольскаго, офицера лейбъ-гусарскаго полка, — что Леонтьевъ никакой роли въ Абиссиніи не игралъ и что тамъ къ нему также относились крайне недовѣрчиво, а потому Леонтьева и отправили управлять какою то совершенно дикою областью, назначивъ его генералъ-губернаторомъ этой области, чтобы онъ былъ подальше отъ короля Менелика и отъ Абиссинскаго правительства.

Тѣмъ не менѣе Леонтьевъ объявилъ себя тамъ графомъ и пріѣзжая затѣмъ въ Россію и за границу именовалъ себя абиссинскимъ графомъ Леонтьевымъ, причемъ онъ все время дѣлалъ какія то аферы, основывалъ какія то концессіи, бралъ промессы, и всегда путался.

У насъ въ Россіи въ высшихъ сферахъ существуетъ страсть къ завоеваніямъ, или вѣрнѣе къ захватамъ того, что, по мнѣнію правительства, плохо лежитъ.

Такъ какъ Абиссинія, въ концѣ концовъ, страна полуидолопоклонническая, но въ этой ихъ религіи есть нѣкоторые проблески православія, православной церкви, то на томъ основаніи мы очень желали объявить Абиссинію подъ своимъ покровительствомъ, а при удобномъ случаѣ ее и скушать.

Если кто хочетъ наглядно познакомиться съ исторіей Россійской Имперіи и купить въ книжныхъ магазинахъ продаваемую въ нихъ краткую исторію (съ атласами) развитія Россійской Имперіи, — изданіе одного изъ благотворительныхъ правительственныхъ учрежденій, — для дѣтей средняго возраста, — то, пробѣжавъ карты развитія Россіи со временъ Рюрика, каждый гимназистъ убѣдится, что великая Россійская Имперія, въ теченіе тысяче-лѣтняго своего существованія, образовалась тѣмъ, что славянскія племена, жившія въ Россіи, постепенно поглощали силою оружія и всякими другими путями цѣлую массу другихъ народностей и такимъ образомъ явилась Россійская Имперія, которая представляетъ собой конгломератъ различныхъ народностей, а потому, въ сущности говоря, Россіи нѣтъ, а есть Россійская Имперія; ну, а послѣ того, какъ мы поглотили цѣлую массу чуждыхъ намъ племенъ и захватили ихъ земли — теперь въ Думѣ и «Новомъ Времени» явилась полу-комическая національная партія, которая объявляетъ, что, молъ,

Россія должна быть для русскихъ, т.-е. для тѣхъ, которые исповѣдаютъ православную религію, фамилія которыхъ кончается на «овъ» и которые читаютъ «Русское Знамя» и «Голосъ Москвы».

Въ концѣ этого же 1897 года послѣдовали слѣдующія серьезныя измѣненія въ нашей администраціи:

Былъ уволенъ отъ должности Кіевскаго генералъ-губернатора графъ Игнатьевъ, Алексѣй Павловичъ (братъ Константинопольскаго посла), человѣкъ безъ всякихъ талантовъ, довольно пронырливый, но, по существу, человѣкъ не дурной. Благодаря своимъ связямъ въ Петербургѣ и пронырливости, онъ и составлялъ свою карьеру. Еще при Императорѣ Александрѣ III, гр. Игнатьевъ былъ назначенъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, но ему не были даны въ командованіе войска Кіевскаго военнаго округа, а командующимъ войсками Кіевскаго военнаго округа былъ назначенъ извѣстный генералъ Драгомировъ.

Между гр. Игнатьевымъ и Драгомировымъ были нелады, что у насъ въ Россіи часто бываетъ, когда власть гражданскую въ данномъ округѣ не соединяютъ съ властью военной; — это происходитъ именно отъ того, что у насъ и по настоящее время, несмотря на такъ называемую конституцію, а въ особенности послѣ ея окраски Столыпинымъ, — власть гражданская основывается гораздо больше на произволѣ, нежели на законѣ. Когда этотъ произволъ хлещетъ обывателей, то, конечно, никакой справы съ гражданскимъ высшимъ властителемъ обыватели имѣть не могутъ, но когда этотъ произволъ коснется до вопросовъ, съ которыми связаны интересы военнаго вѣдомства, то тутъ онъ получаетъ отпоръ со стороны командующихъ войсками.

Въ результатѣ рождаются такія отношенія, которыя, въ концѣ концовъ, приводятъ къ тому, что или тотъ или другой начальникъ долженъ уйти.

То же самое случилось и въ Кіевѣ.

Какъ гр. Игнатьевъ, такъ и Драгомировъ имѣли свои поддержки въ Петербургѣ; одолѣлъ Драгомировъ, или, вѣрнѣе говоря, одолѣлъ генералъ Ванновскій, военный министръ — министра внутреннихъ дѣлъ того времени, Горемыкина, а потому гр. Игнатьевъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, а Драгомировъ былъ сдѣланъ и командующимъ войсками и генералъ-губернаторомъ.

Драгомировъ представлялъ собою человѣка несомнѣнно талантливаго, оригинальнаго, человѣка образованнаго, особливо въ военномъ отношеніи, съ большимъ юморомъ, знающаго военное дѣло, хотя и дер-

жался старыхъ военныхъ традицій, традицій того времени, когда все военное искусство сводилось къ храбрости и къ афоризму Суворова: «штыкъ — молодецъ, а пуля — дура». Послѣднія войны, а въ особенности японская война, не вполнѣ оправдали этотъ афоризмъ. Японская война показала, что кромѣ храбрости въ настоящихъ войнахъ имѣетъ громадное вліяніе техника, т.-е. та же пуля во всѣхъ ея преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ съ развитіемъ техническихъ наукъ.

Драгомировъ отличился во время послѣдней турецкой войны при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай; тогда же онъ былъ раненъ въ ногу и, благодаря этой ранѣ, всегда немножко прихрамывалъ, — и кичился этимъ недостаткомъ.

Драгомировъ очень любилъ поѣсть, выпить, а поэтому изъ его подчиненныхъ у него всегда были друзья, которые потакали этимъ его слабостямъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗАХВАТЪ ЛЯОДУНСКАГО ПОЛУОСТРОВА

КАКЪ то разъ, въ 1897 г. во время засѣданія чумной комиссіи[1] изъ министерства иностранныхъ дѣлъ принесли экстренную депешу дешифрованную въ министерствѣ, и подали ее министру иностранныхъ дѣлъ графу Муравьеву.

Графъ Муравьевъ, прочитавъ эту депешу и нѣсколько взволновавшись, передалъ ее прочесть мнѣ. Въ этой депешѣ говорилось, что германскія военныя суда вошли въ портъ Тзинъ-Тоу (Кіао-Чао).

Прочитавъ эту телеграмму, я сказалъ графу Муравьеву, что я надѣюсь на то, что это, вѣроятно, временное занятіе и что они (т.-е. нѣмцы) затѣмъ уйдутъ, но, если бы они не ушли, то я увѣренъ, что Россія и другія державы заставятъ ихъ покинуть этотъ портъ.

На это графъ Муравьевъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, очевидно, не желая сказать ни «нѣтъ», ни «да».

Послѣ сказаннаго засѣданія чумной комиссіи, на которомъ министръ иностранныхъ дѣлъ и я узнали о входѣ нѣмецкихъ военныхъ судовъ въ портъ Цинтау — причемъ для министра иностранныхъ дѣлъ это извѣстіе не было вполнѣ неожиданнымъ, для меня же это было вполнѣ неожиданно, — черезъ нѣсколько дней о входѣ этихъ судовъ въ портъ Цинтау сдѣлалось извѣстнымъ изъ оффиціальныхъ сообщеній, причемъ германская дипломатія объявила, что суда эти туда вошли для того, чтобы наказать китайцевъ, такъ какъ тамъ нѣсколько времени тому назадъ былъ убитъ одинъ изъ нѣмецкихъ миссіонеровъ. Но всѣмъ показалось страннымъ, что для совершенія такой экзекуціи понадоби-

[1] См. стр. 503.

лось, чтобы въ портъ этотъ вошла довольно сильная эскадра, эскадра эта высадила на берегъ военную силу, которая и заняла Цинтау.

Въ скоромъ времени, а именно въ началѣ ноября, нѣкоторые министры и я въ томъ числѣ получили записку графа Муравьева, а затѣмъ и приглашеніе прибыть въ засѣданіе, которое будетъ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества для обсужденія этой записки.

На засѣданіи присутствовали: военный министръ Ванновскій, я, управляющій морскимъ министерствомъ Тыртовъ и министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ.

Въ запискѣ этой высказывалось: что въ виду того, что нѣмцы заняли Цинтау, явился благопріятный для насъ моментъ занять одинъ изъ китайскихъ портовъ, причемъ предлагалось занять Портъ-Артуръ или рядомъ находящійся Да-лянь-ванъ.

Въ этомъ засѣданіи графъ Муравьевъ заявилъ, что считаетъ такого рода занятіе, или выражаясь правильнѣе «захватъ», — весьма своевременнымъ, такъ какъ для Россіи было бы желательно имѣть портъ въ Тихомъ океанѣ на Дальнемъ Востокѣ, причемъ порты эти (Портъ-Артуръ или Да-лянь-ванъ) по стратегическому своему положенію являются мѣстами, которыя имѣютъ громадное значеніе.

Я весьма протестовалъ противъ этой мѣры, высказывалъ, что такого рода захватъ, послѣ того, какъ мы провозгласили принципъ неприкосновенности Китая, въ силу этого принципа заставили Японію покинуть Ляодунскій полуостровъ, — а въ томъ числѣ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ, которые входятъ въ Ляодунскій полуостровъ, — послѣ того, какъ мы вошли съ Китаемъ въ секретный союзный оборонительный договоръ противъ Японіи, причемъ обязались защищать Китай отъ всякихъ поползновеній Японіи занять какую-либо часть китайской территоріи, — что послѣ всего этого подобнаго рода захватъ явился бы мѣрою возмутительною и въ высокой степени коварною. Что кромѣ того, если оставить въ сторонѣ коварство подобной мѣры, какъ по отношенію Японіи, такъ и по отношенію Китая и руководствоваться исключительно эгоистическими соображеніями, то и въ такомъ случаѣ, по моему мнѣнію, мѣра эта является опасною, ибо мы только что начали постройку Восточно-Китайской дороги черезъ Монголію и Китай, отношенія у насъ тамъ превосходныя, но занятіе Портъ-Артура или Да-лянь-вана

несомнѣнно возбудитъ Китай и изъ страны крайне къ намъ расположенной и дружественной сдѣлаетъ страну насъ ненавидящую, вслѣдствіе нашего коварства. — Я сказалъ, что пункты эти, Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ, очевидно придется тогда соединить съ восточно-китайской дорогой для того, чтобы хоть такимъ образомъ какъ нибудь обезпечить прочность владѣнія этими пунктами; кромѣ того это вынудитъ насъ построить еще вѣтвь желѣзной дороги и провести эту вѣтвь по Манджуріи (мѣстности, весьма густо населенной китайцами) черезъ Мукденъ, — родину китайскаго императорскаго дома. Все это вовлечетъ насъ въ такія осложненія, которыя могутъ кончиться самыми плачевными результатами.

Графа Муравьева очень поддерживалъ военный министръ Ванновскій, стоя на той точкѣ зрѣнія, что, хотя онъ не судья въ вопросахъ международной дипломатіи, но находитъ, что разъ министръ иностранныхъ дѣлъ мѣру эту считаетъ безопасною, то онъ со своей стороны, какъ военный министръ, полагаетъ, что слѣдуетъ захватить Портъ-Артуръ или Да-лянь-ванъ.

Морской министръ по существу вопроса не высказывался, а только заявлялъ, что онъ, какъ управляющій морскимъ министерствомъ, находитъ, что для флота было бы гораздо удобнѣе имѣть русскій портъ гдѣ нибудь на берегу Кореи, ближе къ открытому Тихому океану; что порты эти Да-лянь-ванъ и Портъ-Артуръ не являются такими пунктами, которые могли бы вполнѣ удовлетворить морское министерство.

Такъ какъ я предвидѣлъ въ этомъ шагѣ — дѣло роковое, которое должно было кончиться ужасами, то я нѣсколько разъ входилъ въ пренія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и военнымъ министромъ, причемъ министръ иностранныхъ дѣлъ на мои указанія, что къ этимъ мѣрамъ не могутъ отнестись равнодушно ни Японія, ни Англія, — заявилъ, что онъ беретъ это на свою отвѣтственность и увѣренъ, что ни Японія, ни Англія никакихъ репрессій по этому предмету не предпримутъ.

Тѣмъ не менѣе, въ виду моихъ горячихъ возраженій, Государь Императоръ (которому мои возраженія, повидимому, были непріятны) съ ними изволилъ согласиться и такимъ образомъ былъ составленъ журналъ совѣщанія, въ которомъ было сказано, что Его Величеству не желательно было согласиться съ предложеніемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Долженъ сказать, что графъ Муравьевъ, будучи человѣкомъ весьма пустымъ, тѣмъ не менѣе желалъ непремѣнно чѣмъ нибудь отличиться и ему не давалъ покоя тотъ фактъ, что, ранѣе вступленія его на постъ министра, я и князь Лобановъ-Ростовскій достигли такихъ большихъ

результатовъ въ политикѣ на Дальнемъ Востокѣ, что, съ одной стороны, мы получили возможность вести прямо восточно-китайскую дорогу, а съ другой получили преобладающее вліяніе, сравнительно съ Японіей, въ Кореѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили весьма дружественныя отношенія съ Китаемъ и не враждебныя отношенія съ Японіей, такъ какъ Японія мирилась съ тѣмъ, что послѣ японско-китайской войны мы удалили ее съ Ляодунскаго полуострова; мирилась же она съ этимъ потому, что ожидала большихъ для себя благъ отъ проведенія великаго сибирскаго пути по прямой линіи до Владивостока, — что еще въ большей степени вводило Японію въ сонмъ европейскихъ державъ.

Во время упомянутаго засѣданія я, между прочимъ, развивалъ ту мысль, что я не могу понять подобной логики.

Если Германія вошла въ Цинтау съ намѣреніемъ его захватить, и если этотъ шагъ для насъ вреденъ, то конечно мы должны воздѣйствовать на Германію; но изъ этого факта, что Германія поступила некорректно и неправильно въ отношеніи насъ въ томъ случаѣ, если Цинтау намъ нуженъ и для насъ нежелательно и вредно, чтобы тамъ возсѣла Германія, — никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что и мы должны поступить точно также, какъ Германія, и сдѣлать также захватъ у Китая. Тѣмъ болѣе такого вывода нельзя сдѣлать потому, что Китай не находится съ Германіей въ союзномъ отношеніи, а мы находимся съ Китаемъ въ союзѣ; мы обѣщались оборонять Китай и вдругъ вмѣсто обороны мы сами начнемъ захватъ его территоріи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ засѣданія, когда Государю Императору уже угодно было утвердить журналъ совѣщанія, я былъ у Его Величества съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Государь Императоръ, повидимому, немного смущенный, сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, Сергѣй Юльевичъ, я рѣшилъ взять Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ и направилъ уже туда нашу флотилію съ военной силой, — причемъ прибавилъ: — Я это сдѣлалъ потому, что министръ иностранныхъ дѣлъ мнѣ доложилъ послѣ засѣданія, что, по его свѣдѣніямъ, англійскія суда крейсируютъ въ мѣстностяхъ около Портъ-Артура и Да-лянь-ванъ и что, если мы не захватимъ эти порты, то ихъ захватятъ англичане.

Конечно, послѣднее свѣдѣніе, которое доложилъ графъ Муравьевъ Государю, было невѣрно, какъ я узналъ послѣ объ этомъ отъ англійскаго посла: дѣйствительно въ водахъ Тихаго океана, около тѣхъ мѣстностей находилось нѣсколько англійскихъ военныхъ судовъ, но они появились

тамъ послѣ того, какъ Германія вышла съ своими военными судами въ Цинтау, — но никакого намѣренія захватить какой нибудь портъ англичане не имѣли.

Сказанное Его Величествомъ сообщеніе меня весьма разстроило. Выходя изъ кабинета Государя, я въ пріемной встрѣтилъ Великаго Князя Александра Михаиловича, которому, вѣроятно, о томъ, что наши суда были направлены въ Портъ-Артуръ, нагруженныя войсками, уже было извѣстно, такъ какъ онъ заговорилъ со мною объ этомъ.

Я съ нимъ въ разговоръ не вступалъ, а только сказалъ:

— Вотъ, Ваше Императорское Высочество, припомните сегодняшній день, — вы увидите, какія этотъ роковой шагъ будетъ имѣть ужасныя для России послѣдствія.

Затѣмъ, отъ Государя Императора, изъ Царскаго Села, я прямо отправился къ г. Чирскому — лицу, замѣнявшему германскаго посла, такъ какъ германскій посолъ, — князь Радолинъ, — былъ въ отпуску.

Г-ну Чирскому (который нынѣ состоитъ германскимъ посломъ въ Вѣнѣ, а въ то время былъ совѣтникомъ германскаго посольства въ Петербургѣ) я сказалъ, что, когда здѣсь былъ Германскій Императоръ, то онъ мнѣ говорилъ, что, если когда нибудь я пожелаю просить его о чемъ нибудь, или высказать ему какое-нибудь мое мнѣніе, то я могу это сдѣлать не стѣсняясь — прямо черезъ посольство. И вотъ теперь, — сказалъ я, — я прошу Васъ убѣдительно телеграфировать Германскому Императору, что я, какъ въ интересахъ моего отечества, такъ и въ интересахъ Германіи — убѣдительно прошу и совѣтую, расправившись съ виновными въ Цинтау, — казнивъ тѣхъ, кого онъ считаетъ нужнымъ казнить, взыскавъ контрибуцію, — если онъ это сочтетъ нужнымъ, — удалиться изъ Цинтау, такъ какъ этотъ шагъ повлечетъ за собою и другіе шаги, которые будутъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Чирскій пріѣхалъ ко мнѣ и показалъ мнѣ, въ отвѣтъ на мою телеграмму, телеграмму отъ имени Германскаго Императора, слѣдующаго содержанія:

— Передайте Витте, что изъ его телеграммы я усмотрѣлъ, что ему нѣкоторыя обстоятельства, весьма существенныя и касающіяся этого дѣла — неизвѣстны, а потому послѣдовать его совѣту мы не можемъ.

Тогда я припомнилъ то, что мнѣ говорилъ генералъ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ; я припомнилъ о томъ, что случилось, когда Германскій Императоръ, будучи въ Петергофѣ, ѣхалъ съ

нашимъ Императоромъ со смотра войскъ во дворецъ; припомнилъ также нѣмое поведеніе графа Муравьева въ чумной комиссіи, когда получилось первое извѣстіе о входѣ германскихъ судовъ въ Цинтау.

Наконецъ, черезъ нѣкоторое время графъ Муравьевъ, въ оправданіе себя, мнѣ говорилъ: — Вотъ вы въ засѣданіи говорили, что если мы считаемъ для насъ вреднымъ шагъ Германіи по захвату Цинтау, то мы должны воздѣйствовать на Германію, но не дѣлать захватовъ у Китая, но мы не можемъ дѣйствовать на Германію, такъ какъ нами было дано неосторожно согласіе на тотъ шагъ, который она сдѣлала.

Тѣмъ не менѣе, предвидя всѣ пагубныя послѣдствія отъ того рѣшенія, которое Его Величеству угодно было принять — я все таки не сдавался и, съ своей стороны, старался всяческими путями заставить одуматься и покинуть Портъ-Артуръ, причемъ имѣлъ нѣсколько, весьма рѣзкихъ объясненій съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этихъ объясненій до самой смерти графа Муравьева (о чемъ я буду говорить далѣе) между мною и имъ установились весьма натянутыя и холодныя отношенія.

Но всѣ мои попытки привести къ благоразумію были тщетны, что весьма понятно; разъ Его Императорскому Величеству министръ иностранныхъ дѣлъ и военный министръ совѣтуютъ для блага Россіи взять и захватить Портъ-Артуръ или Да-лянь-ванъ, то довольно естественно было со стороны Государя Императора, молодого, жаждавшаго славы, успѣховъ и побѣдъ, слѣдовать совѣту этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей.

Когда наши суда стояли еще около Портъ-Артура и мы еще не дѣлали высадку, я нѣсколько разъ видѣлся съ англійскимъ посломъ О'Конором (который впослѣдствіи былъ англійскимъ посломъ въ Константинополѣ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ) и германскимъ посломъ Радолинымъ (который впослѣдствіи былъ посломъ въ Парижѣ и нынѣ находится въ отставкѣ). Съ Радолинымъ я лично былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ.

Когда Радолинъ вернулся изъ отпуска, то придя ко мнѣ онъ заговорилъ со мною о происшедшемъ и спросилъ:

— Что вы думаете о всемъ происшедшемъ?

Я ему отвѣтилъ:

— Я думаю, что все это большое ребячество и, къ сожалѣнію, это ребячество очень дурно кончится. (Причемъ, конечно, слово «ребячество» я относилъ къ дѣйствіямъ Германскаго Императора, который и вызвалъ весь этотъ инцидентъ).

Радолинъ почелъ нужнымъ дать по поводу этого разговора со мною телеграмму въ Берлинъ. Въ какомъ видѣ онъ передалъ въ этой телеграммѣ разговоръ со мною — я не знаю. Но вотъ что произошло.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, — какъ и вообще всѣ министерства, — конечно, стараются дешифрировать телеграммы, которыя подаются иностранными послами; весьма естественно, что и наше министерство дешифрировало депеши, которыя посылали иностранные послы, причемъ, несмотря на крайне запутанные дипломатическіе шифры и постоянную ихъ перемѣну — у насъ, въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мое время, не могли совладать лишь съ нѣкоторыми шифрами, а большинство шифровъ легко дешифрировали; поэтому и мой разговоръ съ Радолинымъ былъ дешифрированъ и переданъ графу Муравьеву.

Графъ Муравьевъ почелъ порядочнымъ телеграмму Радолина о моемъ съ нимъ разговорѣ представить Его Величеству.

Когда я, черезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Радолинымъ, былъ у Его Величества, то Государь со мною былъ необыкновенно холоденъ и, когда я съ нимъ прощался, онъ всталъ и сказалъ:

— Сергѣй Юльевичъ, я бы совѣтовалъ вамъ быть болѣе осторожнымъ въ разговорахъ съ иностранными послами.

Я тогда сразу не понялъ, о какомъ именно разговорѣ идетъ рѣчь, и отвѣтилъ Государю:

— Ваше Императорское Величество, я не знаю, на какой разговоръ Вы намекаете, но знаю одно, что я никогда съ иностранными послами не говорю что либо, что могло бы принести вредъ Вашему Императорскому Величеству или моей родинѣ.

На это мнѣ Государь Императоръ ничего не отвѣтилъ.

Наши суда съ войсками все стояли около Портъ-Артура, причемъ, когда они прибыли въ Портъ-Артуръ, то графъ Муравьевъ далъ указаніе нашему посланнику въ Китаѣ, чтобы онъ успокоилъ китайское правительство и заявилъ, что мы пришли туда для того, чтобы помочь Китаю избавиться отъ нѣмцевъ, что мы пришли защищать Китай отъ нѣмцевъ и какъ только нѣмцы уйдутъ — и мы уйдемъ.

Поэтому Китай отнесся къ нашему приходу весьма радостно и первыя недѣли вѣрилъ нашему сообщенію.

Но вскорѣ китайское правительство отъ своего посла въ Берлинѣ узнало, что мы дѣйствуемъ по соглашенію съ Германіей и поэтому начало къ намъ относиться крайне недовѣрчиво.

Между тѣмъ 1 января послѣдовало увольненіе военнаго министра генералъ-адъютанта Ванновскаго; вмѣсто него управляющимъ министерствомъ былъ сдѣланъ генералъ-лейтенантъ Куропаткинъ. — Такимъ образомъ вся эта исторія съ захватомъ Портъ-Артура въ первоначальномъ ея видѣ была совершена безъ участія Куропаткина.

Я надѣялся, что съ перемѣной военнаго министра, можетъ быть, новый военный министръ Куропаткинъ воздѣйствуетъ въ моемъ направленіи и мы покинемъ Портъ-Артуръ.

Въ это время было назначено совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, которое имѣло въ виду опредѣлить: какія требованія предъявить Китаю.

Въ этомъ засѣданіи уже участвовалъ Куропаткинъ.

Ко всей этой затѣѣ, — какъ ранѣе, такъ и въ этомъ засѣданіи, я продолжалъ относиться отрицательно, но поддержки у Куропаткина не нашелъ.

Напротивъ того, Куропаткинъ считалъ, что намъ слѣдуетъ предъявить Китаю не только требованія, чтобы онъ намъ уступилъ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ, но и всю часть Ляодунскаго полуострова, которая составила нашу, такъ называемую, Квантунскую область. Куропаткинъ при этомъ опирался на тотъ доводъ, что безъ этого мы не будемъ въ состояніи защищать Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ въ случаѣ войны. Затѣмъ онъ говорилъ, что кромѣ того необходимо скорѣй построить вѣтвь отъ восточно-китайской дороги до Портъ-Артура.

Вообще Куропаткинъ не высказывался о томъ, хорошо ли мы сдѣлали, что пошли въ Портъ-Артуръ и Да-лянь-ванъ, но только предъявилъ вотъ эти требованія, какъ требованія необходимыя.

Въ этомъ совѣщаніи, согласно этимъ требованіямъ, были выработаны условія, которыя и были предъявлены Китаю.

Послѣ этого, когда уже Его Величество переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Зимній Дворецъ и послѣ того, какъ Государь сказалъ мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что совѣтуетъ мнѣ быть болѣе осторожнымъ въ

разговорахъ съ послами — я при первомъ докладѣ Его Величеству въ Зимнемъ Дворцѣ высказалъ Государю, что въ виду замѣчанія, которое Его Величество мнѣ сдѣлалъ, и въ виду моихъ разногласій по поводу всего происшедшаго, я просилъ бы Его Величество освободить меня отъ должности министра.

Государь Императоръ на это мнѣ сказалъ, что не считаетъ возможнымъ меня отпустить, что какъ министру финансовъ онъ мнѣ оказываетъ полнѣйшее довѣріе, что я на Его отношенія ко мнѣ, какъ къ министру финансовъ, сѣтовать не могу (что совершенно правильно, такъ какъ до самаго моего ухода съ поста министра финансовъ Государь всегда оказывалъ мнѣ полное довѣріе), что Онъ меня лично очень цѣнитъ, а поэтому не отпускаетъ меня и проситъ продолжать ему оказывать содѣйствіе; причемъ Его Величество сказалъ мнѣ, что вопросъ относительно захвата Портъ-Артура и Да-лянь-вана уже конченъ, хорошо ли сдѣлано это или дурно — покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, дѣло это кончено и онъ этого не измѣнитъ; поэтому Государь просилъ меня оказать Ему содѣйствіе, чтобы дѣло это было приведено въ исполненіе возможно болѣе благополучно, что Онъ лично меня объ этомъ проситъ.

Между тѣмъ въ это время въ Пекинѣ посланникъ Павловъ, замѣняющій нашего посланника Кассини, предъявилъ условіе, по которому Китай долженъ былъ намъ передать въ арендное содержаніе на 36 лѣтъ всю Квантунскую область вмѣстѣ съ Портъ-Артуромъ и бухтой Да-лянь-ванъ, причемъ это арендное содержаніе было особаго свойства, такъ какъ ни нами, ни со стороны Китая вопросъ объ уплатѣ за аренду не подымался. Китайское правительство артачилось и не соглашалось на это.

Наши же военныя суда, нагруженныя войсками, стояли въ бухтѣ Портъ-Артуръ; войска наши не высаживались. Причемъ сперва къ нашимъ морякамъ и къ нашимъ русскимъ судамъ китайскія власти въ Портъ-Артурѣ относились благосклонно, но затѣмъ рѣзко перемѣнили образъ своего поведенія.

Китайская Императрица-регентша, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ, переѣхала изъ Пекина въ обыкновенное дачное мѣстопребываніе, недалеко отъ города, куда постоянно ѣздили съ докладомъ министры и, подъ вліяніемъ англійскихъ и японскихъ дипломатовъ, ни на какія уступки не соглашалась.

При такомъ положеніи дѣла, видя, что Его Величество не уступитъ и, если мы не заключимъ договорныхъ условій относительно передачи намъ Квантунской области, то произойдетъ высадка нашихъ войскъ и, въ случаѣ сопротивленія, кровопролитіе — я вмѣшался въ дѣло, а именно: телеграфировалъ агенту министерства финансовъ Покотилову (который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Пекинѣ) — что я прошу его повидаться съ Ли-Хунъ-Чаномъ и съ другимъ сановникомъ Чанъ-Инъ-Хуаномъ и посовѣтовалъ имъ, отъ моего имени, оказать вліяніе на то, чтобы соглашеніе, нами предложенное, было принято; причемъ я пообѣщалъ какъ первому, такъ и второму сановнику значительные подарки, а именно — первому 500 000 руб, а второму — 250 000 руб. Это былъ единственный разъ, когда въ моихъ переговорахъ съ китайцами я прибѣгъ къ заинтересованію ихъ посредствомъ взятокъ.

Эти два сановника, видя, что передача намъ Квантунской области, во всякомъ случаѣ, является неизбѣжной, такъ какъ они узнали, что наши суда стоятъ нагруженныя войсками и въ полномъ боевомъ порядкѣ, рѣшили поѣхать къ Императрицѣ и уговорить ее разрѣшить подписать предложеніе Россіи.

Послѣ долгихъ уговоровъ Императрица уступила, о чемъ я получилъ телеграмму отъ Покотилова, въ которой говорилось, что соглашеніе будетъ подписано; эту телеграмму я сообщилъ Государю Императору, и, такъ какъ Его Величество не зналъ о предпринятыхъ мною шагахъ, то онъ написалъ на моемъ сообщеніи: «Не понимаю, въ чемъ дѣло?» Когда же я объяснилъ Государю, что дѣло идетъ о томъ, что китайское правительство согласилось, по моему настоянію, подписать соглашеніе, чего тщетно добивался нѣсколько недѣль нашъ повѣренный по дѣламъ, то Его Величеству угодно было на телеграммѣ отмѣтить: «Это такъ хорошо, что даже не вѣрится».

Соглашеніе было подписано 15-го марта 1898 года Ли-Хунъ-Чаномъ и Чанъ-Инъ-Хуаномъ съ одной стороны и нашимъ повѣреннымъ — съ другой.

Если бы китайское правительство намъ не уступило, то главному командиру адмиралу Дубасову (который былъ главнымъ командиромъ эскадры и сухопутныхъ войскъ, тамъ находящихся) былъ бы отданъ приказъ, чтобы черезъ нѣсколько дней, въ случаѣ отказа Китая — занять Квантунскую область, что было сдѣлать, въ сущности, весьма легко, такъ какъ самая крѣпость Портъ-Артуръ была совершенно игрушечной и никакихъ войскъ въ Квантунской области Китай не имѣлъ.

Такимъ образомъ совершился тотъ роковой шагъ, который повлекъ за собой всѣ дальнѣйшія послѣдствія, кончившіяся несчастной для насъ японской войной и затѣмъ и смутами. Этотъ захватъ нарушилъ всѣ наши традиціонныя отношенія къ Китаю и нарушилъ ихъ навсегда.

Захватъ и событія, которыя явились послѣдствіемъ его, привели Китай къ тому положенію, въ которомъ онъ находится и нынѣ, т. е. къ тому, что на дняхъ должна рухнуть Китайская Имперія и водвориться республика, которая есть результатъ вспыхнувшей среди китайцевъ междоусобной войны. Несомнѣнно эта междоусобица и паденіе Китайской Имперіи произведетъ такой громадный переворотъ на Дальнемъ Востокѣ, что послѣдствія этого будутъ ощущаться и нами и Европою еще десятки и десятки лѣтъ.

Этотъ захватъ Квантунской области, какъ это видно изъ моего предыдущаго разсказа, — послѣдствія котораго несомнѣнно выяснятъ историки на основаніи документовъ, которые имѣются въ достаточной полнотѣ у бывшихъ государственныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и у меня, — представляетъ собою актъ небывалаго коварства.

Нѣсколько лѣтъ до захвата Квантунской области, мы заставили уйти оттуда японцевъ и подъ лозунгомъ того, что мы не можемъ допустить нарушенія цѣлости Китая, заключили съ Китаемъ секретный оборонительный союзъ противъ Японіи, пріобрѣвши черезъ это весьма существенныя выгоды на Дальнемъ Востокѣ и затѣмъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, сами же захватили часть той области, изъ которой вынудили Японію, послѣ побѣдоносной войны, уйти подъ лозунгомъ, что мы не можетъ допустить нарушенія цѣлости Китайской Имперіи.

Несомнѣнно, что толчекъ къ такому акту далъ Императоръ Вильгельмъ захватомъ Цинтау; можетъ быть, онъ и не сознавалъ ясно, къ какимъ послѣдствіямъ это поведетъ, но несомнѣнно то, что германская дипломатія и германскій императоръ въ то время всячески старались насъ втиснуть въ дальневосточныя авантюры; онъ стремился къ тому, чтобы отвлечь всѣ наши силы на Дальній Востокъ и быть спокойнымъ относительно западной границы; это и было имъ вполнѣ достигнуто, такъ какъ занятіе Квантунской области повлекло за собой — (какъ это я буду имѣть случай разсказывать далѣе) — жестокую японскую войну, въ которой мы потерпѣли самое обидное и чрезвычайное пораженіе. — Во время этой войны Германскій Императоръ явился какъ бы защитникомъ нашей западной границы, но, конечно, защитникомъ

недобровольнымъ. Подъ видомъ дружбы — онъ выхлопоталъ превыгодный для Германіи и крайне невыгодный для Россіи торговый договоръ.

Какъ только мы захватили Квантунскую область, всѣ державы, имѣвшія тамъ интересы, всполошились и прежде всего: Японія и Англія. Англія захватила Вей-ха-вей, а Японія начала предъявлять аналогичныя притязанія относительно Кореи.

Графъ Муравьевъ, видимо, этого не ожидалъ, такъ какъ онъ увѣрилъ Его Величество, что все обойдется совершенно спокойно, — за это онъ ручался; — поэтому онъ сейчасъ же, сдѣлавъ уступки, вошелъ въ соглашеніе съ Англіей и Японіей.

Англіи онъ формально обѣщалъ, что, если мы сдѣлаемъ Портъ-Артуръ своимъ портомъ, въ который не будемъ допускать иностранныя суда, то Россія обязуется рядомъ съ Портъ-Артуромъ устроить большой коммерческій портъ, въ который былъ бы доступъ судамъ всѣхъ державъ, что этотъ портъ будетъ совершенно свободный отъ какихъ бы то ни было пошлинъ, т. е., что это будетъ порто-франко.

Конечно, такое обѣщаніе, сдѣланное Англіи и всему свѣту, нѣсколько сгладило впечатлѣніе, произведенное нашимъ захватомъ, но, тѣмъ не менѣе, не внѣдрило полнаго спокойствія; въ особенности негодовала Японія. Поэтому мы начали уходить изъ Кореи на попятный дворъ.

Вслѣдствіе соглашенія нашего съ Японіей, совершеннаго во время коронаціи Его Величества, мы имѣли преобладающее значеніе въ Кореѣ; тамъ мы имѣли военныхъ инструкторовъ, небольшой военный отрядъ и, главнымъ образомъ, держали всю финансовую часть Корейской Имперіи въ своихъ рукахъ. Для этого, въ соотвѣтствіи съ соглашеніемъ съ Японіей, совершенномъ во время коронаціи, я назначилъ туда совѣтника при Корейскомъ Императорѣ, который, въ сущности, игралъ роль корейскаго министра финансовъ; совѣтчикомъ этимъ былъ Алексѣевъ, который ранѣе служилъ подъ моимъ начальствомъ, въ качествѣ управляющаго канцеляріей департамента таможенныхъ сборовъ.

Алексѣевъ въ короткое время достигъ полнаго вліянія на Корейскаго Императора въ смыслѣ управленія всѣми финансами этой имперіи и несомнѣнно, что постепенно онъ бы забралъ въ руки всю экономическую и финансовую часть Кореи.

Нашъ захватъ Квантунской области произвелъ такое удручающее впечатлѣніе на Японію, что графъ Муравьевъ, боясь военнаго столкновенія съ Японіей, по требованію ея — удалилъ изъ Кореи нашихъ военныхъ инструкторовъ, нашу военную команду, а засимъ долженъ былъ уѣхать оттуда и нашъ совѣтникъ при Корейскомъ Императорѣ Алексѣевъ.

Какъ военное вліяніе въ Кореѣ, такъ и финансовое и экономическое нами было передано изъ рукъ нашихъ агентовъ въ руки агентовъ Японіи.

Въ результатѣ, чтобы успокоить Японію, послѣдовало 13 апрѣля 1898 года соглашеніе съ Японіей, въ которомъ мы явно отдали Корею подъ доминирующее вліяніе Японіи. Японія это такъ и понимала и, до поры до времени, успокоилась.

Если бы мы это соглашеніе сдержали въ точности, не только по буквѣ, но и по духу его, т. е. предоставили бы Корею прямо полному вліянію Японіи, то несомнѣнно, что на долгое время установились бы миролюбивыя отношенія между Японіей и Россіей.

Возвращаясь къ нашему соглашенію съ Китаемъ 15-го марта 1898 года, я хотѣлъ замѣтить, что съ того момента, когда Ли-Хунъ-Чанъ подписалъ это соглашеніе — онъ уронилъ свой престижъ въ Китаѣ и съ того момента его престижъ началъ падать, такъ что онъ покинулъ высшій, между всѣми сановниками, постъ, который до того времени занималъ въ Китаѣ, и принялъ генералъ-губернаторство на югѣ Китая.

Другого сановника, подписавшаго тоже соглашеніе, Чанъ-Инъ-Хуана, во время боксерскаго возстанія, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ, правительство сослало въ глубь Китая въ какую то тюрьму, тамъ онъ былъ зарѣзанъ или удушенъ.

Бывшій въ то время посломъ въ Петербургѣ и Берлинѣ Сюнъ-Кингъ-Шенъ, весьма почтенный и добросовѣстный китаецъ, когда вернулся въ Пекинъ, — то былъ тамъ публично казненъ.

Эти вотъ отдѣльные факты показываютъ, какъ общественное мнѣніе Китая относилось къ этому соглашенію о передачѣ намъ, Россіи, Квантунской области.

Послѣ взятія Квантунской области болѣе рѣзко выступилъ вопросъ о расширеніи сооруженія нашего флота, вслѣдствіе этого въ началѣ 1898 года генералъ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ

вошелъ со мною въ переговоры, нельзя ли отпустить внѣ государственной росписи чрезвычайный кредитъ на устройство судовъ по программѣ, которая была одобрена Его Величествомъ. Мнѣ было совершенно ясно, что разъ мы влѣзли въ Квантунскую область, намъ необходимо на Дальнемъ Востокѣ имѣть соотвѣтствующій флотъ, и поэтому я отнесся къ желанію Великаго Князя соотвѣтственно. Вслѣдствіе этого Его Величество призвалъ меня и генералъ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича и совѣщался съ нами относительно направленія этого дѣла. Въ этомъ маленькомъ совѣщаніи было рѣшено, чтобы внѣ государственной росписи на 1898 годъ, которая въ то время дѣйствовала, отпустить на расширеніе сооруженія флота 90 милліоновъ рублей. Его Величество былъ очень доволенъ такимъ рѣшеніемъ и это опять установило доброжелательныя отношенія Его Величества ко мнѣ. Вслѣдствіе этого Государю Императору угодно было 26 февраля издать весьма милостивый на мое имя указъ.

Когда мы взяли Квантунскій полуостровъ и объявили Портъ-Артуръ военнымъ портомъ, въ который не могутъ входить иностранныя суда, и когда вслѣдствіе рѣзкаго протеста Англіи обязались передъ всѣмъ свѣтомъ рядомъ открыть большой коммерческій портъ, доступный судамъ всего свѣта, и установить тамъ въ гавани Да-лянь-ванъ порто-франко и когда я приступилъ къ сооруженію этого порта, то явился вопросъ: какъ же назвать этотъ портъ?

Тогда, согласно указанію Его Величества, я обратился къ Президенту Академіи, которымъ былъ тогда Великій Князь Константинъ Константиновичъ, тотъ самый почтенный, благородный, въ полномъ смыслѣ «великій князь» Константинъ Константиновичъ, который и нынѣ состоитъ Президентомъ Академіи и просилъ его обсудить съ академиками: какъ было бы всего соотвѣтственнѣе назвать портъ, который строится въ бухтѣ Да-лянь-ванъ, почти что рядомъ съ Портъ-Артуромъ?

Я получилъ отъ Великаго Князя письмо, въ которомъ онъ мнѣ указывалъ различныя имена, которыми можно было бы назвать этотъ портъ. Такъ было указано на возможность назвать его именемъ Императора Николая, напримѣръ: «Свѣтониколаевскъ», можно было бы назвать отъ слова: «слава» — «Портъ-Славься»; можно было бы назвать портъ отъ слова «свѣтъ», напримѣръ, «Свѣтозаръ»; можно было бы назвать «Алексѣевскъ» въ честь генералъ-адмирала Великаго Князя Алексѣя Александровича, такъ какъ портъ этотъ былъ, въ концѣ концовъ, взятъ нашей маленькой эскадрой подъ командой адмирала

Дубасова; начальникомъ морского вѣдомства былъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

При докладѣ въ Петергофѣ я доложилъ объ этомъ Его Величеству и указалъ на различныя предложенія Августѣйшаго Президента Академіи.

Когда Его Величеству угодно было меня спросить: «А какъ вы думаете, какимъ именемъ назвать этотъ портъ?» — Тогда я Его Величеству сказалъ, что я бы не назвалъ его такимъ громкимъ именемъ, потому что Богъ знаетъ какая будетъ участь этого порта? Можетъ быть, онъ прославитъ Россію, а, можетъ быть, онъ будетъ причиной нанесенія Россіи большого урона. Лучше назвать какимъ нибудь скромнымъ именемъ.

Тогда Государь спросилъ: «Какимъ же, напримѣръ?»

Мнѣ сразу пришло въ голову и я сказалъ:

— Да вотъ, напримѣръ, Ваше Величество, бухта называется Да-ляньванъ, — вѣроятно, наши солдаты окрестятъ ее и скажутъ «Дальній», и это названіе будетъ соотвѣтствовать дѣйствительному положенію дѣла, потому что этотъ портъ ужасно какъ далекъ отъ Россіи.

Государю это понравилось, онъ сказалъ:

— Да, я также нахожу, что было бы лучше назвать «Дальній».

Я принесъ Государю приготовленный указъ, въ которомъ было оставлено свободное мѣсто для того, чтобы туда проставить названіе порта — когда будетъ рѣшено, какъ пожелаютъ его назвать.

Государь, подписавъ указъ, самъ прописалъ на свободномъ мѣстѣ, которое было оставлено для названія порта: — портъ «Дальній».

Я въ общихъ чертахъ, въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ эту интересную и грустную страницу изъ нашей исторіи, при дальнѣйшихъ разсказахъ я, можетъ быть, буду еще возвращаться къ различнымъ отдѣльнымъ эпизодамъ, касающимся этой исторіи. Вообще, такъ какъ я веду свои разсказы, которые воспроизводятся посредствомъ стенограммъ, совершенно не подготовляясь къ этимъ разсказамъ, а беру изъ моей памяти то, что я помню, то, конечно, разсказы эти не могутъ претендовать ни на какую бы то ни было систематичность, ни на полную точность; на что они имѣютъ полное право претендовать — это на то, что въ общихъ чертахъ все сказанное составляетъ несомнѣнную правду и излагаетъ обстоятельства дѣла вполнѣ безпристрастно и добросовѣстно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

А. Н. КУРОПАТКИНЪ

Генералъ-адъютантъ Ванновскій ушелъ съ поста военнаго министра, какъ значилось и какъ говорили, по болѣзни, — въ дѣйствительности онъ ушелъ потому, что чувствовалъ, что онъ не можетъ управлять военнымъ вѣдомствомъ такъ авторитетно, какъ онъ имъ управлялъ при покойномъ Императорѣ Александрѣ III, такъ какъ съ воцареніемъ молодого Императора Великіе Князья начали пріобрѣтать такой авторитетъ и такъ вмѣшивались въ дѣла, что генералъ-адъютантъ Ванновскій не могъ этого переносить, и потому выходили постоянныя тренія.

Съ другой стороны, надо сказать, что генералъ-адъютантъ Ванновскій былъ человѣкъ твердаго, авторитетнаго и упрямаго характера; онъ былъ военнымъ министромъ въ теченіе всего царствованія Императора Александра III, а потому имѣлъ такой авторитетъ въ глазахъ молодого Императора, который не могъ не стѣснять Его Величества, — вслѣдствіе чего Государь Императоръ, съ своей стороны, былъ доволенъ избавиться отъ одного изъ министровъ его отца, которые въ отношеніи молодого Государя держали себя иногда не какъ министры, а какъ менторы.

Государь просилъ Ванновскаго указать: кто бы могъ его замѣнить?

Генералъ-адъютантъ Ванновскій, — какъ это онъ мнѣ самъ впослѣдствіи разсказывалъ, — говорилъ Государю о своемъ начальникѣ штаба Обручевѣ, но при этомъ указывалъ на то, что генералъ-адъютантъ Обручевъ самъ, собственно, никогда, никакими военными частями не командовалъ, а потому является скорѣе военнымъ кабинетнымъ ученымъ и совѣтчикомъ, что и составляетъ слабую сторону его, какъ кандидата на военнаго министра.

Затѣмъ Ванновскій указывалъ на своего начальника канцеляріи Лобко, къ которому Государь относился съ бо̀льшимъ благоволеніемъ,

нежели къ Обручеву; къ тому же Лобко былъ преподавателемъ молодого Императора, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола. Но при этомъ Ванновскій указывалъ также и на то, что Лобко имѣетъ тотъ недостатокъ, что онъ не командовалъ войсками.

Ванновскій говорилъ также Государю и о Куропаткинѣ, какъ о человѣкѣ молодомъ, командовавшемъ многими войсками, проведшемъ почти всю свою карьеру въ войскахъ, какъ въ мирное, такъ и военное время, и пользующимся большою репутаціей въ военномъ мірѣ. Но такъ какъ Куропаткинъ, по мнѣнію Ванновскаго, былъ еще недостаточно подготовленъ для занятія поста военнаго министра, то Ванновскій совѣтовалъ временно назначить военнымъ министромъ Обручева или Лобко, а Куропаткина пока назначить начальникомъ главнаго штаба, чтобы затѣмъ въ непродолжительномъ времени онъ занялъ постъ военнаго министра.

Вѣроятно, о такомъ предположеніи Ванновскаго сдѣлалось извѣстнымъ и Обручеву, такъ какъ Обручевъ ожидалъ, что онъ будетъ назначенъ военнымъ министромъ, а Куропаткинъ будетъ начальникомъ главнаго штаба.

Куропаткинъ, будучи начальникомъ Закаспійской области, по прежней своей боевой службѣ пользовался большимъ престижемъ во всей Россіи. Когда умеръ персидскій шахъ и въ 1897 году вступилъ на престолъ его сынъ (тотъ сынъ, внукъ котораго [мальчикъ] нынѣ считается фиктивнымъ шахомъ Персіи), то Его Величество командировалъ генерала Куропаткина привѣтствовать новаго шаха со вступленіемъ на престолъ.

Оттуда Куропаткинъ пріѣхалъ прямо въ Петербургъ и представилъ Его Величеству записку. Записка эта интересна съ точки зрѣнія исторической въ томъ отношеніи, что изъ нея видно, что въ то время было совершенно естественно, что мы разсматривали Персію, какъ такое государство, которое находится, съ одной стороны, подъ полнымъ нашимъ покровительствомъ, а съ другой — подъ полнымъ нашимъ вліяніемъ. Иначе говоря, мы съ Персіей въ то время могли дѣлать то, что мы считали для насъ полезнымъ.

Если сравнить положеніе Персіи въ то время, съ теперешнимъ ея положеніемъ, — хотя, съ тѣхъ поръ прошло менѣе 15 лѣтъ, то можно поразиться той метаморфозѣ, которая произошла. И это, опять таки, есть результатъ нашей кровавой политики на Дальнемъ Востокѣ. Результатомъ этой же политики была несчастная и постыдная для нашего

государственнаго управденія война съ Японіей, которая ослабила насъ на всѣхъ концахъ и умалила нашъ престижъ.

Куропаткинъ, по вызову, пріѣхалъ изъ Закаспійской области и прямо отправился сначала къ военному министру, а затѣмъ къ Его Величеству. Какую Государь Императоръ велъ съ нимъ бесѣду — это мнѣ неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что отъ Его Величества Куропаткинъ отправился къ Обручеву.

Обручевъ его встрѣтилъ, ожидая, что Куропаткинъ ему скажетъ, что Государь назначаетъ его, Обручева, военнымъ министромъ, а Куропаткина начальникомъ штаба и что Куропаткинъ явился къ нему, какъ начальникъ штаба къ военному министру.

Къ большому удивленію Обручева, онъ услышалъ отъ Куропаткина, что назначается управляющимъ военнымъ министерствомъ — Куропаткинъ, причемъ Куропаткинъ началъ уговаривать Обручева, чтобы онъ остался по крайней мѣрѣ нѣкоторое время начальникомъ штаба, — все это удивило и огорчило Обручева.

Мнѣ вполнѣ понятно, что Куропаткинъ, какъ молодой генералъ, умѣющій къ тому же быть очень подобострастнымъ съ высшими, пользующійся большою репутаціей въ Россіи, долженъ былъ производить на Его Величество весьма большое впечатлѣніе, и мнѣ вполнѣ понятно, что Его Величество остановился на назначеніи именно генерала Куропаткина.

Въ генералѣ Куропаткинѣ такъ всѣ ошибались и если бы въ то время подвергнуть баллотировкѣ вопросъ: кого назначить военнымъ министромъ, то большинство высказалось бы за Куропаткина. Въ какомъ заблужденіи находилось общественное мнѣніе относительно Куропаткина — это съ особенной силою проявилось тогда, когда, во время войны съ Японіей, Куропаткинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей.

Можно сказать даже болѣе: когда Куропаткина назначили главнокомандующимъ арміей, то уже тогда Государь охладѣлъ къ нему и понялъ его слабыя стороны, былъ же Куропаткинъ назначенъ главнокомандующимъ не столько по влеченію Государя, какъ, можно сказать, по требованію общественнаго мнѣнія и газетъ; въ особенности за него ратовало «Новое Время» и сотрудникъ «Новаго Времени» Меньшиковъ.

Генералъ Куропаткинъ въ первое время былъ persona gratissima у Государя Императора, онъ пользовался также симпатіями и у Императрицы; но это продолжалось не особенно долго и, въ сущности говоря, это не могло долго продолжаться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ

Императрицѣ, потому что Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ, будучи человѣкомъ общества, тѣмъ не менѣе имѣлъ всѣ аллюры и всѣ разговоры, соотвѣтствующіе аллюрамъ и разговорамъ штабнаго писаря, а потому естественно, что особаго престижа онъ на молодую Императрицу имѣть не могъ.

* Генералъ Куропаткинъ представлялъ собою типичнаго офицера генеральнаго штаба 60—70 годовъ, но не получившаго домашняго образованія и воспитанія. Иностранныхъ языковъ онъ не вѣдалъ, не имѣлъ никакого лоска, но могъ говорить и писать обо всемъ и сколько хотите и производилъ видъ браваго коренастаго генерала и бравость эту ему въ значительной степени придавала Георгіевская ленточка на портупеѣ и офицерскій Георгій въ петлицѣ, да еще Георгій на шеѣ при отсутствіи, можетъ быть и ненатуральномъ, сѣдыхъ волосъ. И это въ то время (60—70 гг.), когда Георгіевскія ленты и кресты не давались даромъ. До какой степени низвели этотъ величайшій знакъ отличія въ послѣдніе годы, достаточно сказать, что адмиралъ Алексѣевъ, пресловутый главнокомандующій при послѣдней японской войнѣ, который въ жизни не слыхалъ боевого выстрѣла, имя котораго будетъ связано съ этой войной только потому, что онъ одинъ изъ ея главныхъ виновниковъ, послѣ того, какъ былъ отозванъ изъ Мукдена и замѣненъ Куропаткинымъ, въ утѣшеніе ни съ того, ни съ другого получилъ прямо Георгія на шею.

Нужно сказать, что этотъ самый Куропаткинъ во многомъ виноватъ въ такомъ «паденіи Георгія». Несмотря на то, что онъ носитъ этотъ знакъ отличія по заслугамъ, когда онъ забрался на верхи, то потерялъ голову и самъ далъ поводъ Его Величеству раздавать знаки военнаго ордена какъ цвѣты при котильонѣ. Во время пресловутой экспедиціи въ Пекинъ (прелюдія къ Японской войнѣ) для усмиренія китайцевъ и затѣмъ въ Манджурію, а въ сущности со скрытой мыслью, которая была у Куропаткина — занять Манджурію и обратить ее въ Бухару, онъ самъ представлялъ къ вознагражденію военными орденами безъ всякихъ основаній, и затѣмъ, когда былъ главнокомандующимъ, то сыпалъ ими направо и налѣво.

Несомнѣнно лично храбрый и бодрый скобелевскій начальникъ штаба, что особливо давало ему престижъ, ловкій на языкъ и на перо и также на дипломатическіе аллюры по части карьеры вообще, онъ конечно, понялъ, что именно онъ, какъ молодой военный министръ выбран-

ный самимъ Императоромъ, будетъ Его человѣкомъ, а въ Имперіи, преимущественно военной, значитъ будетъ весьма вліятельнымъ человѣкомъ. Особая милость Государя выражалась тѣмъ, что министра послѣ доклада приглашали завтракать. Старыхъ министровъ т.-е. министровъ Отца или совсѣмъ не приглашали или приглашали весьма рѣдко. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ и Куропаткинъ (въ первые годы своего министерства) въ этомъ отношеніи пользовались особымъ вниманіемъ, они приглашались постоянно.

Первый нравился своими забавными, хотя весьма плоскими шутками Императрицѣ, а второй по благоволенію Государя, — но для такихъ приглашеній одно благоволеніе Государя было недостаточно, нужно было хотя маленькое расположеніе Ея Величества и Куропаткинъ это тоже скоро понялъ.*

Лѣтомъ 1898 года, когда я жилъ на Елагиномъ островѣ, въ запасномъ домѣ лѣтняго дворца, а Куропаткинъ жилъ на Каменномъ островѣ, въ домѣ также принадлежащемъ министерству двора, какъ то разъ вечеромъ я зашелъ къ Куропаткину, по поводу одного срочнаго дѣла, это было наканунѣ доклада военнаго министра Государю Императору.

Объяснившись съ Куропаткинымъ по дѣлу, я хотѣлъ уходить, онъ меня началъ задерживать. Я ему говорю:

— Я васъ не хочу безпокоить, такъ какъ знаю, что у васъ всеподданнѣйшій докладъ, и, слѣдовательно, вамъ надо приготовиться по всѣмъ дѣламъ, которыя вы будете докладывать.

На это мнѣ Куропаткинъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ... что касается дѣлъ, то я и безъ того знаю дѣла, которыя буду докладывать, а вотъ я теперь читаю Тургенева, такъ какъ послѣ доклада я всегда завтракаю у Государя Императора, вмѣстѣ съ Императрицей, и вотъ я все хочу постепенно ознакомить Государыню съ типами русской женщины.

*На слѣдующій годъ Государь былъ весною въ Ялтѣ. Были пасмурные дни. Какъ то разъ Куропаткинъ, возвращаясь съ всеподданнѣйшаго доклада, заѣхалъ на дачу ко мнѣ и мнѣ между прочимъ говоритъ: «Кажется, я сегодня порадовалъ Государя, вы знаете — во время доклада была все время пасмурная погода и Государь былъ хмурый. Вдругъ около окна, у котораго Государь принимаетъ доклады, я вижу Импе-

ратрицу въ роскошномъ халатѣ; я и говорю Государю — Ваше Величество, а солнышко появилось. Государь мнѣ отвѣчаетъ — гдѣ вы тамъ видите солнце? а я говорю — обернитесь Ваше Величество; Государь обернулся и видитъ на балконѣ Императрицу и затѣмъ улыбнулся и повеселѣлъ».

Говоря о А. Н. Куропаткинѣ, я всегда вспоминаю характеристику, данную ему А. А. Абазой. Какъ то разъ вхожу я къ нему въ кабинетъ, а оттуда въ это время выходитъ молодой генералъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ. Въ то время Куропаткинъ былъ совсѣмъ молодымъ генераломъ, имѣлъ только Георгія на шеѣ и Станиславскую ленту; онъ былъ назначенъ начальникомъ Закаспійской области и раньше чѣмъ ѣхать въ Закаспійскую область, онъ представлялся всѣмъ сановникамъ и въ числѣ ихъ первому — Абазѣ.

Куропаткинъ, встрѣтивъ меня у двери, говоритъ:

— Ахъ, Сергѣй Юльевичъ, извините, что я у васъ не былъ. Я теперь не могу у васъ быть; вы знаете, что я только что получилъ назначеніе въ Среднюю Азію и долженъ туда немедленно выѣхать. Но черезъ нѣсколько недѣль я вернусь и тогда я къ вамъ первому приду...

Куропаткинъ вообще любилъ лѣзть цѣловаться и тутъ онъ, обнявшись, расцѣловавшись со мною, ушелъ.

Вошелъ я въ кабинетъ къ Александру Аггеевичу, а онъ меня спрашиваетъ:

— Вы хорошо знаете Куропаткина, что такъ съ нимъ дружески встрѣтились и простились.

Повидимому онъ видѣлъ, какъ мы съ нимъ встрѣтились, въ зеркало, противъ котораго онъ сидѣлъ, и слышалъ нашъ разговоръ.

— Да, — говорю я, — я хорошо знаю Куропаткина потому, что я, въ качествѣ директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, часто встрѣчался съ нимъ по дѣламъ, потому что Куропаткинъ завѣдывалъ такъ называемымъ Азіатскимъ отдѣломъ главнаго штаба. Такъ какъ постоянно возбуждались вопросы о различныхъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогахъ, о мобилизаціонномъ планѣ, объ усиленіи желѣзныхъ дорогъ съ стратегическою цѣлью, — то вслѣдствіе этого мнѣ часто приходилось видѣться съ Куропаткинымъ.

Я разсказалъ Абазѣ, что я познакомился съ Куропаткинымъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Когда началась восточная война — я былъ сдѣланъ въ сущности начальникомъ дороги тыла армій, т. е. Одесской желѣзной дороги. По

дѣламъ перевозки войскъ я ѣздилъ въ Кіевъ въ своемъ маленькомъ вагончикѣ. Въ Кіевѣ я встрѣтилъ полковника Скобелева (въ то время онъ имѣлъ Георгія на шеѣ и былъ въ полковничьемъ чинѣ), будущаго героя послѣдней восточной войны, войны съ Турціей, этого народнаго героя. Я зналъ его немного, такъ какъ встрѣчалъ его въ Петербургѣ у моего дяди Фадѣева, который былъ очень близокъ съ отцомъ генерала Скобелева.

Такъ вотъ мнѣ Скобелевъ и говоритъ:

— Не довезете ли меня въ своемъ вагонѣ?

Я говорю: — Съ большимъ удовольствіемъ.

— Со мной ѣдетъ — говоритъ, — капитанъ Куропаткинъ, который былъ моимъ начальникомъ штаба въ Средней Азіи.

(Въ Средней Азіи Скобелевъ отличался въ особенности при взятіи Ферганской области.)

Я говорю:

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотя троимъ тамъ спать будетъ невозможно.

Скобелевъ говоритъ: — Мы не будемъ спать, а будемъ сидѣть.

Такимъ образомъ, со мною въ моемъ вагонѣ поѣхали Скобелевъ и Куропаткинъ. Во время этой поѣздки я былъ удивленъ пренебрежительнымъ отношеніемъ Скобелева къ Куропаткину. Съ одной стороны у Скобелева проявлялось къ Куропаткину чувство довольно любовное, а съ другой стороны — пренебрежительное.

Итакъ я разсказалъ Абазѣ, какимъ образомъ я познакомился съ Куропаткинымъ и почему у насъ съ нимъ установились такія отношенія.

Извѣстно, что Куропаткинъ, какъ я говорилъ, былъ начальникомъ штаба въ отрядѣ Скобелева; при взятіи Плевны Скобелевъ получилъ генералъ-адъютанта и всевозможныя отличія; кажется получилъ Георгіевскую звѣзду; Куропаткинъ также на восточной войнѣ получилъ Георгія на шею.

Я самъ не слыхалъ отзывовъ Скобелева о Куропаткинѣ, но сестра Скобелева, княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, разсказывала мнѣ, что братъ ея очень любилъ Куропаткина, но всегда говорилъ, что онъ очень хорошій исполнитель и чрезвычайно храбрый офицеръ, но что онъ (Куропаткинъ), какъ военноначальникъ, является совершенно неспособнымъ во время войны, что онъ можетъ только исполнять распоряженія, но не имѣетъ способности распоряжаться; у него нѣтъ для этого надлежащей военной жилки, — военнаго характера. Онъ храбръ въ томъ смыслѣ, что не боится смерти, но труслив въ томъ смыслѣ, что онъ

никогда не въ состоянiи будетъ принять рѣшенiе и взять на себя отвѣтственность.

Такъ вотъ, послѣ того, какъ я разсказалъ Абазѣ о томъ, какъ я познакомился съ Куропаткинымъ, у меня съ нимъ произошелъ знаменательный разговоръ, который показываетъ, какимъ большимъ здравымъ смысломъ обладалъ Александръ Аггеевичъ Абаза. Если бы мы жили въ древнiя времена, то разговоръ этотъ можно было бы счесть за пророчество и самаго Абаза за пророка. Разговоръ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

— Вотъ вы, говоритъ Абаза, человѣкъ молодой, а я человѣкъ старый, то о чемъ я говорю, — говоритъ, — я не увижу, а вы увидите. Генералъ Куропаткинъ генералъ умный, генералъ храбрый, онъ, — говоритъ, — сдѣлаетъ громадную карьеру, онъ будетъ военнымъ министромъ. Да что — говоритъ — военнымъ министромъ, онъ будетъ гораздо выше нежели министръ. А знаете, чѣмъ это все кончится?

— Нѣтъ, — говорю, — не знаю.

— Кончится, — говоритъ, — тѣмъ, что всѣ въ немъ разочаруются, а знаете, почему всѣ въ немъ разочаруются?

— Нѣтъ, — говорю, — ничего не знаю.

— Потому что, — говоритъ, — умный генералъ, храбрый генералъ, но душа у него штабнаго писаря.

Дѣйствительно, такъ и оказалось.

* О Куропаткинѣ будутъ со временемъ много писать въ виду его выдающагося рока въ несчастiяхъ царствованiя Николая II. Онъ самъ оставитъ о себѣ цѣлые томы. Онъ давно велъ и ведетъ свои дневники, записывая всѣ свои разговоры. Долженъ сказать, что дневники эти, выражаясь мягко, крайне субъективны.

Нѣсколько разъ онъ имѣлъ случаи читать мнѣ изъ своихъ дневниковъ разговоры, которые онъ имѣлъ со мною. Я всегда находилъ, что его изложенiе неточно, иначе говоря, многое переврано.

Съ этими дневниками его произошелъ слѣдующiй курьезный случай. Онъ ушелъ съ поста министра военнаго вопреки своему желанiю, по волѣ Государя. Его вытолкнули передъ войной Безобразовъ и Ко. Онъ былъ сперва одинъ изъ главныхъ виновниковъ мѣръ, приведшихъ насъ къ войнѣ. Вопреки тенденцiямъ мниистра иностранныхъ дѣлъ графа Ламсдорфа и моимъ онъ все побуждалъ Государя къ политикѣ захвата и пренебреженiя интересами Китая и Японiи. Все это изложено документально въ оставляемой рукописи «О возникновенiи Японской войны».

Когда появился Безобразовъ и Ко., то потому ли, что онъ испугался ихъ образа дѣйствія, неминуемо ведшаго къ войнѣ, или изъ ревности къ вліянію этихъ молодцовъ, онъ началъ рѣзко имъ противодѣйствовать, т.-е. присталъ ко мнѣ и графу Ламсдорфу. Замѣтивъ, что эти молодцы уже возымѣли такую силу, что съ ними не сладить, онъ началъ съ ними искать компромиссовъ, но уже было поздно и его заставили уйти. Чтобы позолотить эту пилюлю, Государь, отпуская его, просилъ его совѣта, кого назначить военнымъ министромъ. Онъ указывалъ на нѣсколькихъ лицъ. Государь его спросилъ, что онъ думаетъ о Сахаровѣ, начальникѣ главнаго штаба. Куропаткинъ его аттестовалъ крайне неблагопріятно. Конечно, Сахаровъ былъ сейчасъ же послѣ этого разговора назначенъ, такъ какъ это было предрѣшено и разговоръ съ Куропаткинымъ былъ только для вѣжливости. Тогда же Куропаткинъ представилъ Государю, не зная, что Государь ему предложитъ уйти послѣ его доклада, о нѣкоторыхъ мѣрахъ, которыя нужно принять въ виду начавшейся войны. Затѣмъ, по единогласному желанію общественнаго мнѣнія, насколько таковое могло выражаться, Куропаткинъ былъ назначенъ командующимъ манджурской арміей при оставленіи адмирала Алексѣева главнокомандующимъ. Когда Куропаткинъ явился къ Государю, получивъ это назначеніе, то онъ просилъ Его Величество привести въ исполненіе тѣ мѣры, которыя онъ Ему докладывалъ при послѣднемъ своемъ докладѣ, когда онъ былъ военнымъ министромъ. Государь отвѣтилъ, что прикажетъ Сахарову и зная, что Куропаткинъ составляетъ дневники, просилъ прислать дневникъ для того, чтобы Онъ, Государь, могъ точно формулировать свое приказаніе. Куропаткинъ въ тотъ же день послалъ Его Величеству двѣ тетрадки своего дневника. Въ первой излагались мѣры, о которыхъ онъ просилъ и разговоръ о его Куропаткина увольненіи. Этотъ разговоръ оканчивался во второй тетрадкѣ, въ которой были изложены и аттестаціи кандидатовъ вмѣсто него, Куропаткина. Его Величество написалъ Сахарову, чтобы тотъ привелъ въ исполненіе мѣры, предложенныя Куропаткинымъ въ его дневникѣ и вмѣсто того, чтобы послать Сахарову первую тетрадку дневника, послалъ вторую.

Сахаровъ, прочитавши приказъ, открываетъ дневникъ и вдругъ читаетъ: «Я не совѣтую назначить Сахарова: онъ никогда не занималъ серьезнаго поста въ строю, ожирѣлъ и страшный лѣнтяй...»

Сахаровъ недолго былъ военнымъ министромъ. Онъ былъ назначенъ подъ злосчастнымъ вліяніемъ Великаго Князя Николая Николаевича, который полагалъ найти въ немъ орудіе въ своихъ рукахъ, и когда въ этомъ отношеніи ошибся, то Сахаровъ подъ тѣмъ же вліяніемъ былъ уволенъ. *

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ

ОКОЛО середины 1898 года, какъ то разъ ко мнѣ явился министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Муравьевъ, съ которымъ послѣ моихъ пререканій по вопросу о захватѣ Портъ-Артура и Да-лянь-вана у меня были крайне натянутыя отношенія. Графъ Муравьевъ объяснилъ мнѣ, что онъ ко мнѣ пришелъ для того, чтобы спросить моего мнѣнія по слѣдующему вопросу: онъ получилъ отъ военнаго министра Куропаткина письмо, въ которомъ Куропаткинъ говоритъ, что Австрія, по его свѣдѣніямъ, приступаетъ къ быстрому перевооруженію и усиленію артиллеріи, что мы въ отношеніи артиллеріи находимся въ такомъ положеніи, что можемъ быть покойны, что наша артиллерія будетъ не менѣе слабой, нежели артиллерія германской арміи; но, что въ виду такого рѣшенія, принятаго въ Австріи, намъ необходимо будетъ тоже значительно усиливать нашу артиллерію, между тѣмъ въ настоящее время у насъ происходитъ перевооруженіе всей пѣхоты, на что требуются громадныя суммы, которыя недавно и было рѣшено отпускать: и по этому одновременное перевооруженіе и пѣхоты и артиллеріи было бы чрезвычайно стѣснительно и лишило бы военное министерство возможности дѣлать совершенствованія въ другихъ частяхъ нашей вооруженной силы и поэтому онъ предлагаетъ министру иностранныхъ дѣлъ — не сочтетъ ли онъ возможнымъ войти въ сношеніе съ австрійскимъ правительствомъ, чтобы они не перевооружали своей артиллеріи и не увеличивали ее, и, что мы, съ своей стороны, примемъ также то же обязательство или, по крайней мѣрѣ, если они будутъ дѣлать эти перевооруженія, то чтобы они дѣлали это въ той мѣрѣ, въ какой и мы будемъ это производить. Я сказалъ Муравьеву, что по моему мнѣнію предложеніе генерала Куропаткина совершенно невозможное, во-первыхъ, потому, что оно не достигнетъ никакой цѣли, ибо для меня очевидно, что Австрія отвергнетъ

такое предложеніе и, пожалуй, даже деликатно надсмѣется надъ нимъ, съ другой стороны, предложеніе это прямо покажетъ Европѣ всю нашу несостоятельность, что мнѣ какъ министру финансовъ ясно, что подобное предложеніе можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ самый отпускъ денегъ на перевооруженіе артиллеріи, такъ какъ оно будетъ знаменовать такое положеніе финансовъ, при которомъ министръ финансовъ не можетъ добывать деньги на самыя необходимыя нужды, такимъ образомъ я считаю это предложеніе совершенно дѣтскимъ. Но въ бесѣдѣ съ графомъ Муравьевымъ я ему дальше высказалъ и объяснилъ, какой вредъ принесетъ всему свѣту и спеціально Европѣ все увеличивающееся перевооруженіе, что такого рода затраты совершенно обезсиливаютъ населеніе и лишаютъ населеніе возможности безбѣдно жить, что отъ такого положенія вещей рождаются соціалистическія ученія и пропаганда соціализма во всѣхъ ея видахъ въ Западной Европѣ, что уже начинаетъ переноситься и къ намъ, — поэтому я, съ своей стороны, считаю величайшимъ благомъ для Европы въ частности и для всего міра вообще, если будетъ положенъ предѣлъ вооруженію, если, наконецъ, люди и государства поймутъ, что отъ вооруженнаго мира народы страдаютъ не менѣе, нежели отъ войны. Всѣ эти мысли я развивалъ въ разговорѣ весьма подробно и энергично и видимо произвелъ на графа Муравьева значительное впечатлѣніе.

Я могъ произвести на него это впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что хотя мысли мои не представляли ничего особенно новаго, но для Муравьева, при полной его некультурности въ серьезномъ смыслѣ этого слова, многія изъ моихъ мыслей являлись совершенно новыми.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моей бесѣды съ нимъ, я получилъ отъ него приглашеніе, что по Высочайшему повелѣнію онъ проситъ меня придти въ министерство иностранныхъ дѣлъ на совѣщаніе по одному весьма важному дѣлу. На этомъ совѣщаніи, кромѣ меня, присутствовали: военный министръ, товарищъ Муравьева графъ Ламсдорфъ и еще нѣсколько высшихъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Графъ Муравьевъ передалъ намъ, что онъ докладывалъ Его Величеству о томъ, не слѣдуетъ ли поднять вопросъ о разоруженіи или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы поставить предѣлъ дальнѣйшему вооруженію и что Его Величество отнесся къ этой мысли весьма симпатично. Потомъ онъ прочелъ проектъ обращенія къ представителямъ державъ по поводу созыва мирной конференціи.

Куропаткинъ возражалъ противъ такого предположенія, что было естественно съ его стороны, какъ министра военнаго. Я же, съ своей стороны, высказалъ, что по моему мнѣнію можно такое обращеніе не дѣлать и не возбуждать этого вопроса, — но что во всякомъ случаѣ такое предложеніе, какое исходило отъ военнаго министра, чтобы уговорить Австрію не перевооружать свою артиллерію, потому что мы не можемъ угоняться за нею, является несравненно гораздо болѣе неисполнимымъ и страннымъ; но кромѣ того, я съ своей стороны нахожу, что возбужденіе вопроса о принятіи мѣръ для мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ есть мысль весьма симпатичная и плодотворная, а поэтому я вполнѣ сочувствую проекту обращенія министра иностранныхъ дѣлъ.

Обращеніе это и послѣдовало 12 августа 1898 года. Это обращеніе вызвало общее сочувствіе иностранныхъ державъ, которыя всѣ выразили Его Императорскому Величеству благодарность за принятый имъ починъ къ упроченію всеобщаго мира. Затѣмъ послѣдовала мирная конференція въ Гаагѣ, а именно 6 мая 1899 года конференція эта была открыта, а 18 мая закрыта.

Послѣ циркулярнаго письма министра иностранныхъ дѣлъ съ предложеніемъ, 18 мая 1898 года я имѣлъ случай говорить по этому предмету съ Государемъ, а именно поздравилъ Его Величество съ тѣмъ, что ему было угодно принять на себя починъ такого великаго и благороднаго дѣла, — причемъ выразилъ Государю Императору, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что практическихъ результатовъ отъ этой конференціи въ ближайшемъ будущемъ и даже въ болѣе ли менѣе отдаленномъ будущемъ ожидать нельзя, такъ какъ возстановить всеобщій миръ и прекратить тотъ, можно сказать, всеобщій развратъ внѣдрившійся въ народахъ, который приводитъ ихъ къ разрѣшенію всѣхъ недоразумѣній посредствомъ пролитія крови, также трудно — какъ трудно проводить священныя истины Сына Божія. Мы видимъ, что эти истины христіанскія были высказаны Христомъ и его апостолами уже скоро 2000 лѣтъ тому назадъ и все таки еще значительная часть населенія совершенно индифферентна къ этимъ истинамъ, или же прямо ихъ отвергаетъ и что, вѣроятно, еще потребуются тысячелѣтія, чтобы эти истины были познаны всѣми народами и вошли въ плоть и кровь ихъ бытія. Точно также потребуются столѣтія для того, чтобы идея о мирномъ разрѣшеніи всѣхъ недоразумѣній между народами вошла въ практическій обиходъ, но тѣмъ не менѣе величайшая заслуга

Государя, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ, но, конечно, будетъ еще бо̀льшая заслуга, если въ дальнѣйшемъ царствованіи своемъ онъ своими дѣйствіями покажетъ, что мирное предложеніе, имъ сдѣланное, представляетъ не только внѣшнюю фо̀рму, но и содержитъ въ себѣ практическую реальность. Къ величайшему сожалѣнію надо признаться, что на практикѣ покуда мысль о мирномъ разрѣшеніи вопроса осталась въ области разговоровъ, и Россія сама дѣлаетъ примѣръ совершенно обратный тому, что было предложено ея Монархомъ, ибо несомнѣнно, что вся Японская война и кровавыя послѣдствія отъ этого происшедшія не имѣли бы мѣста, если бы мы не на словахъ, а на дѣлѣ руководствовались мирными великими идеями.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

И. Л. ГОРЕМЫКИНЪ

Въ 1899 году, послѣ объѣзда губерній, въ которыхъ вводилась монополія, я поѣхалъ на нѣкоторое время въ Крымъ, гдѣ меня ожидала жена и дочь. Мы жили въ Никитскомъ саду. Тамъ же въ Крыму въ имѣніи, которое нынѣ принадлежитъ князю Долгорукому и которое тогда принадлежало графу Шувалову (княгинѣ Долгорукой оно досталось по наслѣдству) — проживалъ министръ юстиціи Муравьевъ. Имѣніе это находится съ правой стороны Ялты, а Никитскій садъ — съ лѣвой стороны. Такъ что для того, чтобы поѣхать изъ Никитскаго сада въ это имѣніе, надо употребить часа два времени.

Я пріѣхалъ въ Крымъ довольно поздно, такъ что Муравьевъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда уѣхалъ изъ Крыма.

Когда я пріѣхалъ туда, то черезъ нѣсколько дней поѣхалъ къ Муравьеву. Муравьевъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ не то разговоромъ, не то просьбой: Муравьевъ сказалъ мнѣ, что ему достовѣрно извѣстно, что Горемыкинъ долженъ будетъ оставить постъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ Государь Императоръ находитъ его человѣкомъ чрезвычайно либеральнымъ и недостаточно твердо проводящимъ консервативныя, въ дворянскомъ духѣ, идеи; при этомъ Муравьевъ прибавилъ, что несомнѣнно я объ этомъ знаю и что ему очень хочется сдѣлаться министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Горемыкина, что ему протежируетъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, что Великій Князь говорилъ уже объ этомъ Государю, и что онъ, Муравьевъ, проситъ меня, чтобы я не мѣшалъ ему, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы я не проводилъ вмѣсто Горемыкина Сипягина.

Я отвѣтилъ Муравьеву, что во-первыхъ, я объ этомъ въ первый разъ слышу и не вѣрю, чтобы Государь разстался съ Горемыкинымъ

изъ-за его либеральныхъ взглядовъ, а во-вторыхъ, я убѣжденъ въ томъ, что Его Величество моего мнѣнія не спроситъ. Я сказалъ Муравьеву, что, когда уходилъ съ поста министра внутреннихъ дѣлъ Дурново и Его Величество говорилъ со мною о томъ: кого назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ — Плеве или Сипягина? — то дѣйствительно я высказался за Сипягина, но въ концѣ концовъ Его Величество не назначилъ ни Плеве, ни Сипягина, а, какъ ему извѣстно, назначилъ Горемыкина, очевидно, по рекомендаціи Константина Петровича Побѣдоносцева.

Повидимому, Муравьевъ никакъ не хотѣлъ вѣрить тому, что я не знаю о предстоящемъ уходѣ Горемыкина. Я же съ своей стороны никакъ не могъ постичь: какимъ образомъ Горемыкинъ можетъ уйти именно потому, что онъ недостаточно консервативенъ, ибо, какъ только Горемыкинъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ — онъ бросилъ всѣ свои либеральные взгляды и сдѣлался вполнѣ консервативнымъ.

Такъ, напримѣръ, онъ высказывался за земскихъ начальниковъ, поддерживалъ ихъ; онъ показалъ себя весьма консервативнымъ при тѣхъ студенческихъ безпорядкахъ, которые имѣли мѣсто въ 1899 или 1898 гг.; когда студенты С.-Петербургскаго университета произвели безпорядки, то конная полиція должна была вмѣшаться, ибо студенты производили безпорядки на улицѣ около университета. Причемъ эта конная полиція, не употребивъ никакихъ предварительныхъ мѣръ для того, чтобы студенты разошлись, прямо начала съ мѣръ насильственныхъ и избила нѣкоторыхъ студентовъ.

По этому предмету происходило совѣщаніе въ квартирѣ Горемыкина, въ которомъ участвовалъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ, я и еще нѣсколько лицъ, причемъ Горемыкинъ и Боголѣповъ весьма одобряли дѣйствія полиціи.

Я высказывался противъ этихъ дѣйствій и утверждалъ, что безпорядки тогда прекратятся, когда будетъ произведено разслѣдованіе: кто именно виноватъ, студенты или полиція. По этому предмету я написалъ записку въ то время, которая хранится въ моемъ архивѣ.

Въ концѣ концовъ Его Величество склонился на мою сторону и разслѣдованіе было поручено ко всеобщему удивленію бывшему военному министру генералъ-адъютанту Ванновскому.

Государь Императоръ выбралъ Ванновскаго, зная его, какъ человѣка весьма твердаго, рѣшительнаго и рѣзкаго, рѣзкаго постольку, поскольку рѣзкость вообще присуща военному человѣку.

Я, съ своей стороны, когда послѣдовало это назначенiе, нѣсколько усумнился въ томъ, чтобы назначенiе это было соотвѣтственнымъ. Но, между тѣмъ, оказалось, что почтенный генералъ Ванновскiй отнесся къ этому дѣлу въ высокой степени добросовѣстно.

Нужно сказать, что Ванновскiй, дѣлая свою карьеру, очень долгое время былъ начальникомъ одного изъ Петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, потому привыкъ имѣть дѣло съ юношествомъ, понималъ и зналъ психологiю молодыхъ людей, о чемъ такъ часто забываютъ взрослые люди, которымъ приходится рѣшать участь молодежи.

Ванновскiй призналъ виновной въ большей степени полицiю. Тогда послѣдовали нѣкоторыя взысканiя, хотя только съ второстепенныхъ чиновъ полицiи. По моему же мнѣнiю, надлежало бы тогда выразить неодобренiе не второстепеннымъ чинамъ полицiи, а начальству: градоначальнику и даже министру внутреннихъ дѣлъ Горемыкину, который въ томъ засѣданiи комиссiи, о которомъ я говорилъ, защищалъ полицiю и находилъ, что полицiя безусловно такъ именно и должна всегда дѣйствовать.

Какъ я уже говорилъ, Муравьевъ уѣхалъ изъ Крыма ранѣе меня и, повидимому, находился подъ тѣмъ впечатлѣнiемъ, что я скрываю о томъ, что мнѣ извѣстно о предстоящемъ уходѣ Горемыкина и что во всякомъ случаѣ я хлопочу о Сипягинѣ.

Я вернулся въ Петербургъ изъ Крыма довольно поздно, а именно около 20-го октября; Сипягинъ прiѣхалъ изъ деревни 19 октября и 19-го же октября былъ вечеромъ у моей жены. Я былъ занятъ и увидѣлъ Сипягина лишь тогда, когда онъ уходилъ отъ моей жены.

Я спросилъ Сипягина: не знаетъ ли онъ чего нибудь о Горемыкинѣ, что Муравьевъ меня убѣждалъ въ томъ, что будто бы, какъ только вернется Государь, (а Государь въ то время еще былъ въ Дармштадтѣ) немедленно послѣдуетъ увольненiе Горемыкина. На что мнѣ Сипягинъ отвѣтилъ, что онъ рѣшительно ничего объ этомъ не знаетъ.

20-го октября, т.-е. на слѣдующiй день утромъ, я прочелъ указъ объ увольненiи Горемыкина съ поста министра внутреннихъ дѣлъ и о назначенiи вмѣсто него Сипягина. Утромъ же у меня былъ Сипягинъ и сказалъ мнѣ, что онъ предо мною извиняется, что вчера на мой вопросъ онъ мнѣ сказалъ неправду, но что ему нельзя было иначе поступить, такъ какъ Государь Императоръ, рѣшивъ еще передъ своимъ

отъѣздомъ за границу вопросъ объ увольненіи Горемыкина, предложилъ ему, Сипягину, эту должность и онъ ее принялъ, но при этомъ Государь взялъ съ него слово, что онъ никому объ этомъ не скажетъ, до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ приказъ, а потому онъ не могъ мнѣ сказать объ этомъ вчера вечеромъ, когда я задалъ ему этотъ вопросъ, и что онъ даже все время былъ въ деревнѣ, чтобы какъ нибудь не проговориться. Государь разрѣшилъ Сипягину сказать объ этомъ только его женѣ.

После этого Муравьевъ, который былъ крайне недоволенъ этимъ назначеніемъ, такъ какъ считалъ уже себя министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе того, что его рекомендовалъ и за него стоялъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, вполнѣ убѣдился въ томъ, что я зналъ о назначеніи Сипягина, кромѣ того, онъ былъ увѣренъ, что Государь, именно благодаря моему вліянію, назначилъ Сипягина.

Вслѣдствіе этого, съ тѣхъ поръ Муравьевъ началъ относиться ко мнѣ, какъ къ министру финансовъ, крайне враждебно.

Такимъ образомъ Муравьевъ, съ которымъ я былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, перемѣнился ко мнѣ изъ за того предположенія, что будто бы я содѣйствовалъ назначенію министромъ внутреннихъ дѣлъ не его, а Сипягина.

Плеве, когда былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, былъ также убѣжденъ въ томъ, что не онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Горемыкинъ, тоже подъ моимъ вліяніемъ и назначенъ именно потому, что я былъ противъ назначенія Плеве.

Такимъ образомъ я нажилъ себѣ двухъ недоброжелателей, весьма сильныхъ — Плеве и Муравьева, которые были вполнѣ убѣждены, что это благодаря мнѣ: первый — въ 1895 году, а второй въ 1899 году не получили назначенія министрами внутреннихъ дѣлъ, хотя изъ моего предыдущаго изложенія видно, что оба эти предположенія, какъ Плеве, такъ и Муравьева — были совершенно не вѣрны.

Говоря о Горемыкинѣ, какъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, я долженъ попутно сказать нѣсколько словъ о Рачковскомъ.

Рачковскій еще при Императорѣ Александрѣ III былъ назначенъ завѣдующимъ тайной полиціей въ Парижѣ.

Когда мы сблизились съ Франціей и Императоръ Александръ III вошелъ въ соглашеніе съ французской республикой, то параллельно

съ этимъ фактомъ значительно увеличилась и роль Рачковскаго въ Парижѣ. Во первыхъ, потому, что французы начали относиться совсѣмъ иначе къ тѣмъ нашимъ революціонерамъ, которые производили террористическіе акты въ Россіи и находили себѣ пріютъ во Франціи. Во вторыхъ, потому что Рачковскій несомнѣнно былъ чрезвычайно умный человѣкъ и умѣлъ организовать дѣло полицейскаго надзора. Несомнѣнно, какъ полицейскій агентъ, Рачковскій былъ однимъ изъ самыхъ умныхъ и талантливыхъ полицейскихъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. Послѣ него всѣ эти Герасимовы, Комиссаровы, не говоря уже о такихъ негодяяхъ, какъ Азефъ и Гартингъ — все это мелочь и мелочь не только по таланту, но и мелочь въ смыслѣ порядочности, ибо Рачковскій, во всякомъ случаѣ, гораздо порядочнѣе, чѣмъ всѣ эти господа.

Значенію Рачковскаго содѣйствовало и то, что онъ былъ въ Парижѣ при послахъ: Моренгеймѣ и затѣмъ Урусовѣ, людяхъ совершенно безцвѣтныхъ и не могущихъ имѣть никакого значенія. Такъ что Рачковскій во многихъ случаяхъ вслѣдствіе своихъ дарованій могъ оказывать большее вліяніе къ сближенію съ Франціей, нежели послы. Вліяніе это онъ оказывалъ или непосредственно черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и дворцовыхъ комендантовъ, или же при посредствѣ самихъ же этихъ пословъ.

Насколько Рачковскій имѣлъ значеніе, можно видѣть изъ того, что, какъ я помню, президентъ французской республики Лубэ говорилъ мнѣ, что онъ такъ довѣряетъ полицейскому таланту и таланту организаціи Рачковскаго, что, когда ему пришлось ѣхать въ Ліонъ, гдѣ, — какъ ему заранѣе угрожали, — на него будетъ сдѣлано нападеніе, то онъ довѣрилъ охрану своей личности Рачковскому и его агентамъ, вѣря больше въ полицейскія способности Рачковскаго, нежели поставленной около президента французской охранѣ.

Когда въ 1899 году Государь Императоръ уѣхалъ въ концѣ августа за границу, то, — какъ я говорилъ, — въ скоромъ же времени я предпринялъ путешествіе по Россіи; вскорѣ также уѣхалъ и Горемыкинъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ.

Съ Горемыкинымъ поѣхали: инженеръ Балинскій, сынъ извѣстнаго психіатра Балинскаго, затѣмъ полу-литераторъ, полу-агентъ тайной полиціи М. М. Лященко, который кончилъ свою карьеру въ сумасшедшемъ домѣ, сынъ кавалерійскаго генерала и, наконецъ, въ Парижѣ къ Горемыкину присталъ Рачковскій.

Такимъ образомъ дальнѣйшее путешествіе они совершали вмѣстѣ, причемъ Горемыкинъ тогда еще былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Они всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Англію; путешествовали по Англіи и входили тамъ въ какія то соглашенія съ различными промышленными фирмами, между прочимъ, и въ соглашеніе, касающееся сооруженія на эстокадахъ круговой желѣзной дороги вокругъ Петербурга.

Въ то время агентомъ министерства финансовъ въ Парижѣ былъ извѣстный Татищевъ. Я говорю «извѣстный» по причинамъ, которыя я объясню далѣе.

Вотъ этотъ Татищевъ мнѣ, какъ министру финансовъ, рапортовалъ, что вотъ, молъ, поѣхалъ Горемыкинъ съ такой своей свитой; совершалъ путешествіе по Англіи и входилъ въ такія то соглашенія, весьма неприличныя, съ промышленными фирмами, что онъ, Татищевъ, не смѣетъ думать, что объ этомъ знаетъ самъ Горемыкинъ, но несомнѣнный фактъ (чему онъ представилъ доказательства), что вся его свита брала отъ этихъ промышленниковъ различныя промессы.

Но изъ описанія этого дѣла Татищевымъ было ясно, что если самъ И. Л. Горемыкинъ во всѣхъ этихъ промессахъ и не участвовалъ, то во всякомъ случаѣ, ему о нихъ было безусловно извѣстно.

Нужно сказать, что Горемыкинъ относился весьма симпатично къ Рачковскому, какъ къ своему агенту въ Парижѣ, и между ними были самыя лучшія отношенія. Такъ что, когда впослѣдствіи Горемыкинъ сдѣлался Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, то онъ сейчасъ же снова приблизилъ къ себѣ Рачковскаго; Рачковскій даже поселился у Предсѣдателя Совѣта Министровъ въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ на Фонтанкѣ.

Это донесеніе Татищева я положилъ въ архивъ министерства финансовъ.

Въ то время моимъ секретаремъ (а можетъ быть, я хорошо не помню, и директоромъ канцеляріи) былъ Путиловъ, который впослѣдствіи былъ управляющимъ дворянскимъ и крестьянскимъ банками, затѣмъ ушелъ съ этого мѣста вмѣстѣ со мною, когда я покинулъ постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ. Нынѣ онъ находится предсѣдателемъ правленія Русско-Азіатскаго банка.

Я сказалъ — извѣстный Татищевъ потому, что Татищевъ служилъ прежде въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и былъ блестящимъ дипломатомъ; онъ былъ католикъ и, въ сущности говоря, правилъ посольствомъ въ Вѣнѣ въ то время, когда посломъ тамъ былъ Новиковъ.

Когда вспыхнула Турецкая война, то Татищевъ былъ большимъ противникомъ нашихъ близкихъ и дружескихъ отношеній съ Германіей. Вообще онъ былъ противъ нашего сближенія съ Германіей. Поэтому, какъ увѣрялъ самъ Татищевъ, — и что весьма вѣроятно, — подъ вліяніемъ Бисмарка онъ долженъ былъ покинуть постъ секретаря вѣнскаго посольства; тогда онъ поступилъ въ добровольцы и пошелъ на войну. На войнѣ онъ заслужилъ Георгіевскій крестъ и затѣмъ вернулся въ Россію.

Нужно сказать, что, съ одной стороны, хотя и очень вѣроятно, что дѣйствительно указанія Татищева на интриги Бисмарка были правильны, но, съ другой стороны, — Татищевъ велъ себя не вполнѣ соотвѣтственно своему положенію въ Вѣнѣ, такъ какъ онъ жилъ съ извѣстной въ то время опереточной пѣвицей, на которой потомъ и женился. Вообще онъ велъ себя въ этомъ отношеніи не такъ, какъ было бы желательно для столь виднаго дипломата. Его даже обвиняли въ продажѣ иностранцамъ документовъ и этому обвиненію вѣрили какъ Императоръ Александръ III, такъ и Императрица.

Всѣ эти передряги выбили его совсѣмъ изъ колеи и тогда я, зная Татищева, какъ человѣка крайне талантливаго и способнаго, предложилъ ему мѣсто агента министерства финансовъ въ Лондонѣ, которое онъ и занималъ все время до вступленія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве. Когда Плеве занялъ этотъ постъ, Татищевъ поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Кромѣ того Татищевъ извѣстенъ своими различными литературными трудами, статьями въ «Новомъ Времени» и довольно капитальнымъ трудомъ «Исторія Царствованія Императора Александра II».

Въ то время, когда Горемыкинъ совершалъ свое путешествіе по Европѣ, послѣдовало, какъ я уже говорилъ, 20-го октября его увольненіе и назначеніе вмѣсто него Сипягина.

По впечатлѣнію, которое произвело это увольненіе на жену Горемыкина, которая въ это время находилась въ Петербургѣ, можно было заключить и даже быть въ томъ увѣреннымъ, что все это было совершенною неожиданностью для Горемыкина, хотя, съ другой стороны, впослѣдствіи Горемыкинъ мнѣ говорилъ, что будто бы онъ объ этомъ былъ предупрежденъ Государемъ; — но я этому не вѣрю и думаю, что со стороны Горемыкина такого рода указаніе являлось необходимостью — faire bonne mine aux mauvais jeux.

Послѣ вступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ Сипягина, повидимому, Горемыкинъ со своими сотрудниками по путешествію за границей вели противъ меня какія то интриги, такъ какъ, какъ то разъ Сипягинъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: Знаю ли я М. М. Лященко. Я ему отвѣтилъ, что знаю, и знаю, что этотъ господинъ таковъ, что отъ него нужно держаться подальше, потому что это величайшій негодяй. Онъ говоритъ сейчасъ одно и сейчасъ же отказывается отъ сказаннаго; дѣлаетъ одно и потомъ божится, что онъ никогда этого не дѣлалъ.

Впрочемъ, я долженъ отмѣтить, что потомъ, когда онъ въ скоромъ времени сдѣлался сумасшедшимъ — я отчасти могъ объяснить себѣ поведеніе этого господина.

Я между прочимъ разсказалъ Сипягину всю исторію путешествія Горемыкина съ г. Балинскимъ, съ М. М. Лященко и съ Рачковскимъ.

Тогда Сипягинъ просилъ меня дать ему на нѣкоторое время то донесеніе, которое я получилъ по поводу поѣздки Горемыкина въ Англію. Я далъ Сипягину это донесеніе. Затѣмъ, какъ то онъ меня спросилъ: «нужно ли мнѣ это донесеніе и можно ли его задержать на нѣсколько недѣль?»

Я отвѣтилъ, что мнѣ это донесеніе не нужно, что оно находилось въ архивѣ министерства финансовъ и я имъ ни въ какомъ отношеніи не пользовался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія Сипягинъ былъ убитъ Балмашевымъ, о чемъ я буду говорить далѣе.

Тогда у меня явилась мысль между прочимъ о томъ, чтобы получить обратно этотъ документъ.

Документы, оставшіеся послѣ смерти Сипягина, были разобраны особой комиссіей, во главѣ которой стоялъ, кажется, князь Святополкъ-Мирскій — товарищъ Сипягина, или Дурново, также одинъ изъ товарищей Сипягина. Я обратился къ этимъ лицамъ съ вопросомъ, не нашли ли они тамъ такого документа?

Они мнѣ сказали, что нашли этотъ документъ, но, не зная откуда онъ появился у Сипягина, передали его директору департамента полиціи Зволянскому. Но затѣмъ документъ этотъ я отъ Зволянскаго получить не могъ подъ тѣмъ предлогомъ, что документъ этотъ былъ уничтоженъ.

Между тѣмъ, долженъ сказать, что Зволянскій былъ интимный другъ Горемыкина, потому что оба они, и Горемыкинъ и Зволянскій, были ярые поклонники жены генерала Петрова, который одно время

былъ директоромъ департамента полицiи и начальникомъ жандармовъ. По причинамъ трудно объяснимымъ они на этомъ поприщѣ не только не разсорились, но близость къ госпожѣ Петровой совершенно ихъ между собою связала.

Я очень впослѣдствiи жалѣлъ о томъ, что документъ этотъ пропалъ. ибо, если бы онъ находился въ моемъ распоряженiи, то, конечно, я бы положилъ предѣлъ всѣмъ тѣмъ интригамъ, которыя дѣлалъ Горемыкинъ въ совѣщанiи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а въ особенности послѣ 1905 года, а также передъ 17 октября и послѣ 17-го октября.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

БОКСЕРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ И НАША ПОЛИТИКА НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ

КАКЪ я уже говорилъ, слѣдуя нашему примѣру, Англія захватила Вей-ха-вей; затѣмъ Франція, съ своей стороны, сдѣлала захватъ на югѣ Китая; Италія тоже предъявила различныя требованія къ Китаю относительно уступокъ, которыя Китай долженъ былъ сдѣлать Италіи.

Такимъ образомъ Германія, а вслѣдъ за тѣмъ и мы, подали примѣръ къ постепенному захвату различныхъ частей Китая всѣми державами Европы.

Это положеніе дѣла крайне возбудило въ китайцахъ ихъ національное чувство и появилось, въ результатѣ, такъ называемое «боксерское» движеніе.

Движеніе это сначала явилось на югѣ, затѣмъ перешло въ Пекинъ и на сѣверъ.

Оно заключалось въ томъ, что китайцы набрасывались на европейцевъ, истребляли ихъ имущество и подвергали жизнь нѣкоторыхъ изъ нихъ опасности.

Китайское правительство, мало по малу, было вынуждено, если не явно, то тайно, встать на сторону боксеровъ. Во всякомъ случаѣ оно не имѣло ни желанія, ни средствъ противодѣйствовать этому возстанію.

Когда возстаніе это перешло въ Пекинъ, то тамъ былъ убитъ нѣмецкій посланникъ, что еще болѣе обострило положеніе. Въ концѣ концовъ, европейскія посольства были тамъ какъ бы въ осадѣ.

Тогда европейскія державы, а равно и Японія, вошли въ соглашеніе относительно совмѣстныхъ дѣйствій по усмиренію этого возстанія и наказанію виновныхъ.

Обо всемъ этомъ я буду имѣть случай говорить болѣе обстоятельно впослѣдствіи; пока замѣчу только слѣдующее:

Когда началось боксерское возстаніе, то военный министръ Куропаткинъ находился въ Донской области; онъ немедленно вернулся въ Петербургъ и прямо съ вокзала пришелъ ко мнѣ въ министерство финансовъ съ весьма сіяющимъ видомъ.

Когда я сказалъ ему: «Вотъ результатъ и послѣдствія нашего захвата Квантунской области», онъ съ радостью мнѣ отвѣтилъ:

— Я съ своей стороны этимъ результатомъ чрезвычайно доволенъ, потому что это намъ дастъ поводъ захватить Манджурію.

Тогда я его спросилъ: «Какимъ образомъ онъ хочетъ захватить Манджурію? Что-же онъ хочетъ Манджурію сдѣлать тоже нашей губерніей?»

На это Куропаткинъ мнѣ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, — но изъ Манджуріи надо сдѣлать нѣчто въ родѣ Бухары.

Итакъ, вслѣдствіе захвата Квантунскаго полуострова, произошли слѣдующія событія:

1. Уничтоженіе нашего вліянія въ Кореѣ, — для успокоенія Японіи (что и было оформлено протоколомъ соглашенія 13 апрѣля 1898 г.).

2. Нарушеніе секретнаго договора, состоявшагося съ Китаемъ и заключеннаго въ Москвѣ во время коронаціи.

3. Начало захвата Китая различными державами, которыя разсуждали такъ: если Россія позволила себѣ захватить Портъ-Артуръ и Квантунскій полуостровъ, то почему-же намъ также не заниматься захватомъ? — И начали захватывать отдѣльные порты и требовать отъ Китая различныхъ концессій подъ угрозой принудительнаго воздѣйствія.

Такого рода расхватъ Китая возбудилъ тамошнее населеніе и явилось боксерское возстаніе, которое проявлялось въ 1898 году довольно нерѣшительно; въ 1899 г. — значительно усилилось и, наконецъ, въ 1900 г. вызвало репрессивныя мѣры со стороны европейскихъ государствъ.

Сначала къ этому боксерскому возстанію китайское правительство относилось индифферентно, не принимая никакихъ мѣръ для его подавленія, а, въ концѣ концовъ, тайно начало ему содѣйствовать. Это и вызвало со своей стороны вооруженное вмѣшательство иностранныхъ державъ.

8 іюня 1900 г. послѣдовала кончина министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева. Изъ предыдущихъ моихъ разсказовъ видно, что по случаю бѣдственной политики Муравьева на Дальнемъ Востокѣ я съ нимъ совершенно разошелся и между нами сохранились только оффиціальныя отношенія. Въ маѣ и началѣ іюня рѣзко выразилось въ Китаѣ боксерское возстаніе. Это было послѣдствіе политики, внушенной Муравьевымъ, захвата китайской территоріи. Я не сомнѣвался въ томъ, что эта политика приведетъ къ бѣдствіямъ. Когда разразилось боксерское возстаніе и послы европейскихъ державъ въ Пекинѣ оказались въ полуосадномъ положеніи, то 7 іюня этого 1900 года вечеромъ, часовъ въ десять, пріѣхалъ ко мнѣ графъ Муравьевъ. Я очень удивился его визиту, такъ какъ въ послѣднее время мы частныхъ визитовъ другъ другу не дѣлали.

Въ это время я жилъ на дачѣ, въ такъ называемомъ свитскомъ домѣ Елагина дворца на Елагиномъ островѣ. Мой кабинетъ былъ въ верхнемъ этажѣ. Я пригласилъ Муравьева въ кабинетъ и въ это время пріѣхалъ также курьеръ изъ министерства, который мнѣ привезъ портфель различныхъ бумагъ, которыя я долженъ былъ просмотрѣть и подписать. Муравьевъ вошелъ ко мнѣ и началъ съ того, что вотъ, Сергѣй Юльевичъ, мы съ вами очень разошлись по вопросу о взятіи Портъ-Артура и Дальняго. Теперь я вижу, что дѣйствительно, можетъ быть, вы были тогда правы и что не слѣдовало этого дѣлать, такъ какъ это привело къ такимъ знчительнымъ осложненіямъ. Но, что сдѣлано, то сдѣлано. Теперь я желаю съ вами примириться и прошу вашего содѣйствія и энергичной поддержки для проведенія тѣхъ мѣръ, которыя будутъ вызваны боксерскимъ возстаніемъ и полною смутою въ Пекинѣ. Я ему сказалъ, что для меня это явленіе совершенно естественное, его нужно было ожидать и что, конечно, мы оба служимъ одной и той же самой родинѣ и одному и тому же Государю, то конечно, мой долгъ идти въ данномъ случаѣ съ нимъ рука объ руку, причемъ графъ Муравьевъ мнѣ обѣщалъ, что онъ будетъ относиться съ большимъ вниманіемъ впредь къ моимъ опытнымъ совѣтамъ. Этотъ разговоръ продолжался почти до 11 часовъ

вечера; затѣмъ онъ всталъ и уходя спросилъ: а что, Матильда Ивановна (моя жена), дома или нѣтъ. Я ему сказалъ, что дома, находится внизу въ гостинной. Тогда онъ ушелъ, а я сказалъ: извините, что я васъ не могу проводить. Его проводилъ туда мой человѣкъ потому, что я хотѣлъ избавиться отъ бумагъ, которыя привезъ курьеръ. Я просмотрѣлъ всѣ бумаги и уже близко къ 12 часамъ — я началъ спускаться внизъ. Когда я спускался внизъ, то я слышалъ громкій смѣхъ Муравьева и моей жены. Муравьевъ пріѣхалъ ко мнѣ въ 10 часовъ отъ графини Клейнмихель съ обѣда, причемъ обѣдъ этотъ, очевидно, былъ сопровождаемъ и соотвѣтствующимъ питьемъ хорошихъ винъ. Когда я входилъ въ гостинную, оттуда выходилъ Муравьевъ, продолжая смѣяться, онъ говорилъ, что когда онъ приходитъ къ моей женѣ, такъ прекрасно проводитъ время. Затѣмъ онъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Я же захотѣлъ пить — была большая жара — я сказалъ, чтобы мнѣ дали воды и потомъ взялъ большую бутылку шампанскаго, думая, что тамъ шампанское, — оказалось, что Муравьевъ выпилъ до послѣдней капли. Тогда я обратился къ женѣ и говорю: какой счастливый этотъ графъ Муравьевъ. Если бы я продѣлалъ такую штуку, какъ онъ, я къ утру былъ бы мертвый, а ему ровно ничего не значитъ — подвыпивъ — на ночь еще выпить. И съ него, какъ съ гуся вода.

На другое утро, 8 іюня, я рано всталъ и отправился по обыкновенію сдѣлать верховую прогулку. Я обыкновенно ѣздилъ въ сопровожденіи солдата пограничной стражи. Возвратясь обратно съ прогулки часа черезъ полтора-два, когда я слѣзалъ съ лошади, ко мнѣ обратился мой камердинеръ и говоритъ: графъ Муравьевъ вамъ приказалъ долго жить. Я сразу не понялъ и говорю: что ты толкуешь. Онъ говоритъ: графъ Муравьевъ сегодня утромъ скончались.

Я сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ нему. Онъ уже лежалъ въ постели мертвый и мнѣ сказали, что онъ утромъ всталъ, сѣлъ пить кофе около стола и съ нимъ навѣрное сдѣлался ударъ и онъ упалъ мертвымъ на полъ.

Тогда явился вопросъ о назначеніи ему преемника.

При моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, Его Величество послѣ доклада обернулся лицомъ къ окну, а ко мнѣ спиной и спрашиваетъ меня: «Скажите, пожалуйста, Сергѣй Юльевичъ, кого бы вы мнѣ рекомендовали назначить министромъ иностранныхъ дѣлъ». Я Его, по обыкновенію, спросилъ: «А кого, Ваше Величество, Вы имѣете въ виду». Онъ говоритъ: «никого». Тогда я ему говорю: что это зависитъ отъ того, изъ

какой среды Вы желаете назначить — изъ лицъ, которы служили въ этомъ корпусѣ или нѣтъ. Если Вы желаете изъ лицъ, которые не служили въ дипломатическомъ корпусѣ, то я бы совѣтовалъ назначить одного изъ министровъ наиболѣе заслуженныхъ и наиболѣе уравновѣшенныхъ — одного изъ старшихъ министровъ, потому что, хотя такой министръ можетъ быть и не будетъ знать иностранныя дѣла, но, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ остороженъ и не будетъ такъ легко относиться къ различнымъ чрезвычайно важнымъ событіямъ, какъ относился отчасти князь Лобановъ-Ростовскій и, въ особенности, графъ Муравьевъ. Если же Вы желаете выбрать кого-нибудь изъ дипломатическаго корпуса, то я не вижу изъ пословъ никого, кто бы могъ съ пользою занять это мѣсто, и могъ бы Вамъ указать только на графа Ламсдорфа, товарища графа Муравьева. Хотя онъ въ посольствѣ никогда не служилъ, но всю свою карьеру сдѣлалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и представляетъ собою какъ бы ходячій архивъ этого министерства и затѣмъ, по своимъ умственнымъ качествамъ, человѣкъ безусловно выдающійся и достойный.

Его Величеству благоугодно было принять во вниманіе мою рекомендацію и Ламсдорфъ былъ назначенъ сначала управляющимъ министерства, а затѣмъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Я съ своей стороны всегда дѣлалъ упрекъ этому благородному человѣку, графу Ламсдорфу, за то, что онъ допустилъ графа Муравьева сдѣлать захватъ Портъ Артура и возбудить ту «бучу», которая затѣмъ привела къ самымъ страшнымъ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ, разыгрывающимся и до настоящаго времени, и которыя еще очень и очень долго будутъ разыгрываться. Мнѣ кажется, что графъ Ламсдорфъ могъ бы остановить Муравьева. Вѣроятно, онъ его не остановилъ, не желая ссориться со своимъ начальникомъ.

Въ вооруженномъ вмѣшательствѣ мы шли во главѣ съ европейскими державами. Сначала англійскія, японскія и наши суда съ адмираломъ Алексѣевымъ появились въ Чифу, бомбардировали его, а затѣмъ англійскій адмиралъ Сеймуръ пошелъ экспедиціей сначала къ Тянь-Цзиню, потомъ къ Пекину для того, чтобы освободить посольства, которыя находились подъ страхомъ быть насилованными китайцами.

Сеймуръ оказался несостоятельнымъ со своимъ маленькимъ отрядомъ, и было рѣшено отправить усиленный отрядъ подъ главенствомъ генералъ-фельдмаршала Вальдерзэ. Но пока этотъ генералъ ѣхалъ въ

Китай изъ Германіи моремъ, событія въ Китаѣ разыгрались не ожидая его и мы приняли на себя инціативу экспедиціи въ Пекинъ.

Тутъ опять произошло полное разногласіе между мною и Куропаткинымъ. Я уговаривалъ Куропаткина, просилъ Его Величество оставить Пекинъ въ покоѣ, не двигаться съ нашими войсками для подавленія безпорядковъ въ Пекинѣ, предоставивъ эту задачу иностраннымъ державамъ.

Куропаткинъ же наоборотъ настаивалъ на томъ, чтобы мы играли доминирующую роль въ наказаніи китайцевъ въ Пекинѣ и на пути въ Пекинъ.

Я убѣждалъ Его Величество, что намъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ это дѣло, потому что мы, собственно въ Пекинѣ, да и вообще въ Китаѣ, — за исключеніемъ Манджуріи — не имѣемъ никакихъ серьезныхъ интересовъ, что намъ нужно защищать наше положеніе въ Манджуріи, не раздражая китайцевъ и Китай. Пусть это дѣлаютъ тѣ державы, которыя заинтересованы въ положеніи дѣлъ въ Пекинѣ и южномъ Китаѣ.

Тѣмъ не менѣе, вопреки моему совѣту и совѣту министра иностранныхъ дѣлъ гр. Ламсдорфа, наши войска, подъ начальствомъ генерала Линевича, вмѣстѣ съ японскими войсками были двинуты къ Пекину.

Такимъ образомъ, мы взяли на себя экзекуцію надъ Китаемъ. Мы осадили Китай. Вдовствующая императрица-регентша и богдыханъ бѣжали изъ Пекина. Мы вмѣстѣ съ японцами взяли Пекинъ и взятіе это ознаменовалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что войска занялись грабежами, — дворецъ богдыханши былъ разграбленъ.

Послѣ взятія Пекина никакихъ экзекуцій надъ китайцами не производили. Но только частныя имущества были сильно разграблены, въ особенности цѣнности дворца, причемъ, — какъ это ни больно и ни грустно сознаться, — до насъ доходили слухи, что русскіе военачальники въ этомъ отношеніи не отставали отъ другихъ военачальниковъ, что, впрочемъ, было подтверждено мнѣ не оффиціально агентомъ министерства финансовъ въ Пекинѣ — будущимъ посланникомъ въ Пекинѣ — Покотиловымъ.

Послѣ взятія Пекина мы образумились и въ скоромъ времени, благодаря моему настоянію и настоянію министра иностранныхъ дѣлъ, наши войска оттуда ушли.

И настоянія наши увѣнчались бы успѣхомъ, если бы боксерское возстаніе не распространилось на Манджурію, которое сперва выража-

лось отдѣльными инцидентами, захватомъ нѣкоторыхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пожарами нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ зданій, а засимъ, возстаніе это выразилось и въ болѣе значительной степени.

Когда началось возстаніе, то Куропаткинъ сейчасъ же хотѣлъ вести войска въ Китай, т. е. двинуть ихъ изъ Пріамурской области въ Манджурію. Я долго уговаривалъ этого не дѣлать и, дѣйствительно, въ Манджуріи все было спокойно — за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ незначительныхъ инцидентовъ, — но послѣ того, какъ мы совершили экспедицію въ Пекинъ, событіе это, вмѣстѣ съ захватомъ Квантунскаго полуострова, совершенно вооружило противъ насъ китайское населеніе. Начались такія грозныя явленія, что я самъ былъ вынужденъ просить вести наши войска изъ Пріамурской области въ Манджурію.

Но и въ этомъ дѣлѣ Куропаткинъ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему легкомысліемъ и не прозорливостью. Такъ, онъ отправилъ войска не только изъ Пріамурской области, но и двинулъ войска моремъ изъ Европейской Россіи и двинулъ войска въ значительномъ количествѣ.

Я указывалъ на то, что Китай находится въ такомъ положеніи, что самый незначительный отрядъ можетъ положить предѣлъ всѣмъ безпорядкамъ.

Тѣмъ не менѣе, Куропаткинъ отправилъ войска въ значительномъ количествѣ.

Но вскорѣ обнаружилось, что несмотря на довольно произвольныя дѣйствія нашихъ войскъ въ отношеніи Китая въ Манджуріи, населеніе Китая, послѣ того, какъ только нѣсколько тысячъ войскъ нашихъ было введено въ Манджурію, скоро успокоилось.

Такимъ образомъ, войска, отправленныя изъ Европейской Россіи моремъ, доѣхавъ до Портъ-Артура и Да-лянь-вана, сейчасъ же вернулись обратно. Но тѣ части, которыя пришли въ Пріамурскую область и Сибирь по желѣзной дорогѣ, прочно оккупировали, какъ югъ, такъ и сѣверъ Манджуріи.

Какъ только войска вошли въ Манджурію, такъ началась двойственность власти въ направленіи дѣйствій русскихъ властей въ Китаѣ. Вся администрація желѣзной дороги, всѣ служащіе желѣзной дороги, а въ томъ числѣ пограничная или охранная стража, держались политики

миролюбивой. Они, во время пребыванія тамъ, успѣли установить хорошія отношенія съ китайскими властями и населеніемъ, а поэтому утверждали, что если бы мы сами поступали въ отношеніи Китая корректно, то Китай оставался бы самымъ вѣрнымъ нашимъ союзникомъ, а поэтому слѣдуетъ загладить всѣ ошибки, которыя были сдѣланы, какъ по захвату Квантунскаго полуострова, — что повело за собой сооруженіе южной вѣтви къ Портъ-Артуру — такъ и по занятію нами Пекина, тогда какъ мы не имѣли тамъ никакихъ интересовъ; вмѣсто того, чтобы предоставить дѣлать эту экзекуцію европейскимъ державамъ, заинтересованнымъ въ Пекинѣ, Среднемъ и Южномъ Китаѣ — мы сами добровольно на себя взяли эту экзекуцію.

Куропаткинъ же держался той идеи, которую онъ мнѣ высказалъ съ такою радостью, когда началось боксерское возстаніе, а именно, что необходимо захватить, пользуясь этимъ случаемъ, всю Манджурію. Онъ проводилъ совсѣмъ другія идеи — идеи не мирныя. Наши войска распоряжались въ Китаѣ совершенно произвольно, т. е. такъ, какъ поступаетъ непріятель въ захваченной странѣ, да и то въ странѣ азіатской.

Такимъ образомъ была создана та почва, на которой неизбѣжно должна была разразиться катастрофа.

Я и графъ Ламсдорфъ убѣждали Его Величество вывести войска изъ Манджуріи и возстановить тѣ нормальныя и дружелюбныя отношенія, которыя были до захвата нами Квантунской области. Мы выражали надежду, что, въ концѣ концовъ, Китай можетъ съ этимъ захватомъ примириться, если только далѣе мы не будемъ совершать произвольныхъ шаговъ и вообще всякихъ насилій.

Наоборотъ, Куропаткинъ и, подъ его вліяніемъ, военные чины держались того мнѣнія, что разъ мы можемъ захватить Манджурію если не юридически, то, по крайней мѣрѣ, фактически, то слѣдуетъ этимъ воспользоваться, а поэтому въ ихъ интересахъ было, чтобы въ Манджуріи постоянно происходили различные инциденты.

Въ первое время, когда разыгралось боксерское возстаніе въ Манджуріи, послѣ того, какъ мы захватили Пекинъ, дѣйствительно въ Китаѣ были нѣкоторыя силы, имѣющія подобіе силъ военныхъ организованныхъ, но въ скоромъ времени онѣ были уничтожены нашими войсками. Наиболѣе сильный боксерскій отрядъ находился около Мукдена и былъ побитъ нашимъ небольшимъ отрядомъ подъ командою генерала Субботича. Генералъ Субботичъ получилъ за это Георгіевскій

крестъ, впрочемъ, онъ получилъ Георгіевскій крестъ, главнымъ образомъ потому, что былъ товарищемъ Куропаткина, былъ съ нимъ на «ты».

Послѣ разбитія этого ничтожнаго китайскаго отряда, въ сущности говоря, китайское населеніе въ Манджуріи совершенно успокоилось.

Но военное вѣдомство дѣлало все, чтобы имѣть предлогъ не выводить войска изъ Манджуріи. Въ теченіе $1^1/_2$ года происходили въ этомъ отношеніи постоянныя разногласія, съ одной стороны, между министерствомъ финансовъ, всею массою служащихъ на восточно-китайской желѣзной дорогѣ и агентами министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ другой стороны — военнымъ министромъ и подчиненными ему военными чинами, находящимися въ Манджуріи

Его Императорское Величество никакихъ твердыхъ рѣшеній по этому предмету не предпринималъ. Съ одной стороны не высказывалъ категорично, что онъ не согласенъ съ воззрѣніями министра иностранныхъ дѣлъ и министра финансовъ, а, съ другой стороны, какъ бы поддерживалъ тенденціи Куропаткина, клонившіяся, въ концѣ концовъ, къ захвату Манджуріи.

Такое положеніе дѣла вытекало не изъ обстоятельствъ, которыя заключались въ разногласіи между министромъ финансовъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ одной стороны, и Куропаткинымъ — съ другой, а вытекало изъ обстоятельствъ другого порядка, именно: какъ только былъ захваченъ Квантунскій полуостровъ и мы, такъ сказать, ушли отъ Кореи, передавъ доминирующее вліяніе въ Кореѣ японцамъ, явилась другая сила, сила неоффиціальная, такъ сказать, внѣвѣдомственная, которая начала вести свою политику.

Явился нѣкій отставной ротмистръ кавалергардскаго полка Безобразовъ. Безобразовъ одинъ изъ цѣлой плеяды авантюристовъ, проявившихъ себя въ послѣднее время въ Россіи, какъ-то: Вонлярлярскій, Матюнинъ, ротмистръ Санинъ и другіе. Между ними разница заключается только въ образованіи и общественномъ состояніи, но у всѣхъ у нихъ доминирующей чертой является авантюра, причемъ развѣ только одинъ Безобразовъ, по существу, представляетъ собою честнаго человѣка, чего нельзя сказать о всѣхъ прочихъ.

Что касается Безобразова, который сыгралъ такую видную роль въ авантюрѣ, приведшей насъ къ войнѣ съ Японіей, то относительно

его личности является естественно вопросъ: какимъ образомъ могъ онъ, будучи честнымъ человѣкомъ, продѣлать всю эту авантюру.

На этотъ вопросъ могла бы лучше всего отвѣтить его почтеннѣйшая жена, которая по нездоровью постоянно жила въ Женевѣ, куда часто пріѣзжалъ и подолгу жилъ съ ней ея мужъ.

Когда передъ Японской войной Его Величество сдѣлалъ Безобразова статсъ-секретаремъ и онъ началъ играть такую выдающуюся роль въ судьбахъ Россіи, то онъ привезъ сюда свою жену, для того, чтобы представить ее при дворѣ. И madame Безобразова, эта честная, очень милая и образованная женщина, была чрезвычайно смущена и говорила: «Никакъ не могу понять: какимъ образомъ Саша можетъ играть такую громадную роль, неужели не замѣчаютъ и не знаютъ, что онъ полупомѣшанный?»

Безобразовъ началъ проповѣдывать, что, молъ, мы не должны покидать Корею, а разъ мы послѣ захвата нами Квантунскаго полуострова, были вынуждены ее покинуть для того, чтобы не вызвать немедленнаго столкновенія съ Японіей, и разъ мы оффиціально это сдѣлали, то нужно стараться добиваться нашего вліянія въ Кореѣ неоффиціально, такъ сказать скрытымъ путемъ, посредствомъ установленія въ Кореѣ различныхъ концессій, имѣющихъ по виду совершенно частный характеръ, но въ дѣйствительности, поддерживаемыя и руководимыя правительствомъ, которыя постепенно, по системѣ паука, захватили бы Корею.

Эту мысль Безобразовъ представилъ съ одной стороны графу Воронцову-Дашкову, который въ то время жилъ въ Петербургѣ, находясь не у дѣлъ, въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта. Графъ Воронцовъ-Дашковъ зналъ Безобразова, потому что Безобразовъ состоялъ при немъ молодымъ офицеромъ, когда вступилъ на престолъ Императоръ Александръ III, и графъ Воронцовъ-Дашковъ былъ начальникомъ охраны Его Величества.

Съ другой стороны, Безобразовъ подъѣхалъ съ этою же самою идеей къ Великому Князю Александру Михайловичу.

Вотъ эти два лица ввели Безобразова къ Его Величеству, вполнѣ поддерживая его идею захвата Кореи по системѣ паука, посредствомъ фальсифицированныхъ частныхъ обществъ, руководимыхъ и поддерживаемыхъ какъ матеріально, такъ и, въ случаѣ нужды, силою авторитета русскаго правительства.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ этому сочувствовалъ, просто потому, что онъ не соображалъ послѣдствія такой политики; а Его Императорское Высочество Великій Князь — по склонности ко всѣмъ государствен-

нымъ, мягко выражаясь, выступленіямъ, могущимъ или его выдвинуть, или дать пищу его неспокойному духу.

Вслѣдствіе рѣшенія попробовать осуществить планъ Безобразова, были добыты концессіи въ Кореѣ, затѣмъ были посланы туда экспедиціи для изслѣдованія Кореи съ точки зрѣнія коммерческой и, главнымъ образомъ, стратегической, — хотя все это дѣлалось въ формѣ довольно дѣтской.

Затѣмъ Безобразовъ, получая постепенно вліяніе у Его Величества, устранилъ отъ этого дѣла графа Воронцова-Дашкова и Великаго Князя Александра Михайловича, которые, вѣроятно, ушли довольно охотно послѣ того, какъ черезъ нѣкоторое время они поняли, что все дѣло можетъ кончиться катастрофой.

Такимъ образомъ, Безобразовъ началъ дѣйствовать на свой, такъ сказать, счетъ и страхъ.

Все это, конечно, было вполнѣ извѣстно японцамъ и японцы поняли, что съ одной стороны мы имъ оффиціально уступили Корею, а съ другой — не оффиціально — хотимъ все таки властвовать въ Кореѣ. Такое положеніе дѣла, естественно, крайне настроило японцевъ противъ насъ и уже не столько китайцы — какъ японцы, поддерживаемые, между прочимъ, Англіей и Америкой, настаивали на удаленіи насъ изъ Манджуріи.

Когда мы ввели наши войска въ Манджурію, то мы тоже громогласно объявили, что мы вводимъ въ Манджурію войска только для того, чтобы поддержать Пекинское правительство и прекратить боксерскую смуту, которую не можетъ прекратить законное китайское правительство и что, коль скоро эта смута будетъ прекращена, мы сейчасъ же уйдемъ изъ Манджуріи.

Между тѣмъ смута была прекращена, китайское правительство вернулось въ Пекинъ и тамъ возсѣло, а мы все же оставались въ Манджуріи. Китайское правительство насъ всячески просило, уговаривало оставить Манджурію, но мы, тѣмъ не менѣе, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ не уходили.

Такимъ образомъ, понятно, что Китай началъ сочувствовать японцамъ и иностраннымъ державамъ, которыя какъ бы въ соотвѣтствіи съ его интересами, требовали удаленія нашихъ войскъ изъ Манджуріи.

Послѣ захвата нами Квантунскаго полуострова и введенія нашихъ войскъ въ Манджурію подъ предлогомъ поддержанія законнаго правительства Китая и подавленія боксерскаго возстанія, а затѣмъ неухода нашего изъ Китая — вслѣдствіе вотъ этихъ 2-хъ нашихъ дѣйствій, — Китай пересталъ намъ окончательно въ чемъ либо вѣрить.

Затѣмъ, если бы мы исполнили въ точности наше соглашеніе съ Японіей отъ 13-го апрѣля и не начали въ Кореѣ тайныхъ махинацій, имѣя въ виду тамъ доминировать, — Японія, навѣрное, успокоилась бы и не начала-бъ довольно рѣшительно дѣйствовать противъ насъ; но такъ какъ Японія увидѣла, что на насъ ни въ чемъ положиться нельзя, что, съ одной стороны, мы, удаливъ японцевъ съ Ляодунскаго полуострова, сами, затѣмъ, захватили этотъ полуостровъ, а, съ другой стороны, заключивъ съ ними соглашеніе, которое должно было имъ компенсировать нашъ захватъ, — начали тайно, обходнымъ путемъ его нарушать — то и Японія перестала совершенно намъ вѣрить.

Поэтому составилась противъ насъ общая коалиція; Китая, Японіи, Америки и Англіи; всѣ перестали намъ вѣрить и начали настоятельно требовать нашего ухода изъ Манджуріи.

Послѣ того, какъ былъ разграбленъ Пекинъ, генералъ-лейтенантъ Линевичъ, получившій за взятіе Пекина Георгія на шею, вернулся на свой постъ корпуснаго командира, въ Пріамурскій край и вмѣстѣ со своимъ багажемъ привезъ 10 сундуковъ различныхъ цѣнныхъ вещей изъ Пекина. Къ сожалѣнію, примѣру ген. Линевича послѣдовали и другіе военные чины и также вывезли вещи изъ китайскихъ дворцовъ и жилищъ.

Я очень сожалѣлъ, что не зналъ объ этомъ тогда, когда сундуки эти были вывезены, если бы я объ этомъ зналъ, то я, конечно, приказалъ бы ихъ раскрыть и сдѣлать по этому предмету скандалъ.

Когда былъ разграбленъ дворецъ богдыхана, то между прочимъ, были захвачены тамъ различные документы.

И вотъ, вдругъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламсдорфъ получилъ изъ нашего посольства взятое изъ дворца нашими военными подлинное соглашеніе, заключенное мною и княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, съ одной стороны, и Ли-Хунъ-Чаномъ — съ другой, во время коронаціи и затѣмъ получившее ратификацію, какъ Императора Николая II, такъ и богдыхана.

Оказывается, что китайская императрица-мать регентша — придавала этому соглашенію такое большое значеніе, что держала его въ своей спальнѣ въ особомъ шкафу.

Когда при осадѣ Пекина вдовствующая императрица и весь императорскій домъ экстренно покинули дворецъ и уѣхали изъ Пекина, то не успѣли захватить съ собой это соглашеніе.

Тогда явился вопросъ: что же дѣлать съ этимъ соглашеніемъ? Графъ Ламсдорфъ совѣтовался со мной и я высказывалъ мнѣніе, что хотя это соглашеніе безусловно нами нарушено, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ его вернуть, дабы показать, что мы все таки отъ него не отказывались и желаемъ продолжать дружбу съ Китаемъ.

Конечно, соглашеніе это мы вернули, но Китай убѣдился въ томъ, что намъ вѣрить нельзя, потому что и послѣ того, какъ мы вернули это соглашеніе, — все таки мы продолжали настойчиво пребывать въ Манджуріи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ПАРИЖЪ НА ВСЕМІРНУЮ ВЫСТАВКУ. ЗАѢЗДЪ ВЪ КОПЕНГАГЕНЪ. БОЛѢЗНЬ ГОСУДАРЯ. ВОПРОСЪ О ПРЕСТОЛОНАСЛѢДІИ

ОСЕНЬЮ 1900 г. я ѣздилъ въ Парижъ на всемірную выставку въ качествѣ министра финансовъ и торговли и промышленности Россійской Имперіи. Проѣздомъ туда мнѣ было дано знать изъ Копенгагена, гдѣ въ то время находилась Императрица Марія Феодоровна, что она желала бы, чтобы я туда заѣхалъ. Я поѣхалъ туда, захвативъ съ собою Грубе, который былъ агентомъ министерства финансовъ въ Персіи. Захватилъ потому, что онъ самъ датчанинъ, его знала Императрица и онъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Орлеанской принцессой Маріей Датской, нынѣ умершей, которая была женой принца Датскаго, брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны и которая очень содѣйствовала въ царствованіе Императора Александра III сближенію Франціи съ Россіей.

Въ Копенгагенѣ я былъ всего полутора сутокъ, такъ какъ спѣшилъ въ Парижъ, видѣлся съ Ея Величествомъ и Ея Величество интересовалась положеніемъ боксерскаго возстанія. Я Ея Величеству кратко доложилъ, отчего возстаніе произошло и, съ своей стороны, завѣрилъ, что если только мы будемъ благоразумны, то никакихъ особенныхъ послѣдствій, чрезвычайныхъ для Россіи, ожидать нельзя. Къ сожалѣнію, мы были очень неблагоразумны и послѣ долгихъ перипетій довели Россію до несчастной и довольно безславной войны съ Японіей.

Въ то время, когда я разговаривалъ съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной, въ комнату вошла ея сестра, королева Англійская, которой она меня представила. Затѣмъ распростившись съ ними я ушелъ, но

мнѣ адъютантъ короля, престарѣлаго почтеннѣйшаго Христіана, отца вдовствующей Императрицы, сказалъ, что король желаетъ меня видѣть.

Я отправился къ королю. Ему представился. Король былъ со мною очень милостивъ и подарилъ мнѣ свой портретъ съ надписью, который виситъ до сихъ поръ въ кабинетѣ, что онъ дѣлалъ чрезвычайно рѣдко, такъ какъ свои портреты давалъ только членамъ своей семьи, и сказалъ, что онъ ничего не можетъ больше дать, такъ какъ я имѣю ордена выше датскаго ордена. Король спросилъ, видѣлъ ли я его дочь, Императрицу, я доложилъ, что видѣлъ, и вкратцѣ сказалъ нашъ разговоръ. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ: «мнѣ моя дочь говорила, что вы занимаетесь съ моимъ внукомъ Мишей и что между вами и Мишей существуютъ отличныя отношенія. Скажите мнѣ пожалуйста, что собой представляетъ Миша, т.-е. Великій Князь Михаилъ Александровичъ». Я ему сказалъ, что дѣйствительно, я имѣю высокую честь и радость преподавать Великому Князю и его знаю хорошо, но что мнѣ очень трудно обрисовать его личность въ нѣсколькихъ словахъ, что вообще, чтобы охарактеризовать человѣка, то самый лучшій способъ это провести его черезъ горнило различныхъ, хотя и воображаемыхъ событій и указать, какъ по его характеру онъ въ такихъ случаяхъ поступилъ бы, т. е. написать нѣчто вродѣ повѣсти или романа; такъ какъ въ характерѣ человѣка есть такіе сложные аппараты, что ихъ нѣсколькими словами описать очень трудно. На это мнѣ король замѣтилъ: «ну, а все таки вы можете въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать; я его знаю, какъ мальчика, я съ нимъ серьезно никогда не говорилъ». Тогда я позволилъ себѣ сказать королю: «Ваше Величество, Вы хорошо знаете моего державнаго повелителя Императора Николая?» Тогда онъ говоритъ: «Да, я его хорошо знаю». Я говорю: «само собой разумѣется, Вы отлично знаете и Императора Александра III». Король сказалъ: «Ну, да я его отлично знаю». «Такъ я приблизительно именно въ самыхъ такихъ общихъ контурахъ, чтобы опредѣлить личность Михаила Александровича, сказалъ бы такъ: что Императоръ Николай есть сынъ своей матери и по своему характеру и по натурѣ, а Великій Князь Михаилъ Александровичъ есть больше сынъ своего отца». Король на это разсмѣялся и затѣмъ мы разстались. Я больше никогда не имѣлъ случая видѣть этого достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ монарха.

Будучи въ Даніи я сдѣлалъ визитъ и принцессѣ Маріи, вмѣстѣ съ Грубе. Принцесса очень интересовалась въ то время образованіемъ

датскаго пароходнаго Азіатскаго Общества, бесѣдовала со мною по этому предмету въ томъ смыслѣ, чтобы оказать содѣйствіе этому обществу.

Затѣмъ я уѣхалъ съ Грубе по направленію Гамбурга и Кельна, въ Парижъ, причемъ Грубе вернулся въ Петербургъ, я же прибылъ въ Парижъ. Хотя всемірная выставка уже была открыта нѣсколько мѣсяцевъ, но нѣкоторые отдѣлы и въ томъ числѣ русскій отдѣлъ не были еще окончены. Комиссаромъ этой выставки со стороны Россіи былъ назначенъ мною князь Тенишевъ, весьма богатый человѣкъ, сдѣлавшій состояніе собственнымъ трудомъ, начавъ службу на желѣзной дорогѣ техникомъ съ содержаніемъ въ 50 рублей въ мѣсяцъ. Онъ въ Парижѣ очень широко устроился, принималъ и по своимъ практическимъ знаніямъ былъ совершенно на мѣстѣ. Сынъ этого Тенишева теперешній членъ Государственной Думы былъ тогда еще мальчикомъ.

Я, конечно, въ деталяхъ осматривалъ всю выставку, сдѣлалъ надлежащіе визиты и затѣмъ былъ приглашенъ президентомъ республики почтеннѣйшимъ Лубэ пріѣхать къ нему въ дачное его мѣстопребываніе «Рамбулье». Я поѣхалъ туда въ сопровожденіи нашего посла Урусова. Тамъ были нѣкоторые изъ министровъ, а именно министръ финансовъ Кайо, который вотъ только нѣсколько недѣль тому назадъ оставилъ министерство, въ которомъ онъ уже фигурировалъ въ качествѣ президента министерства. Тамъ былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ извѣстный Дюпюи, который и нынѣ тоже состоитъ министромъ одного изъ министерствъ, человѣкъ не имѣвшій никакихъ средствъ, но составившій себѣ громадное состояніе на газетѣ «Petit Journal». Тамъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе и еще нѣсколько министровъ. Во время обѣда я сидѣлъ по правой сторонѣ Лубэ и Кайо по лѣвой сторонѣ Лубэ. Въ это время президентомъ министерства былъ Вальдекъ Руссо, но его не было въ Парижѣ. Во время всего обѣда, я и Кайо съ одной стороны и Лубэ съ другой стороны спорили о денежномъ обращеніи. Онъ все продолжалъ поддерживать теорію биметаллизма, а я и Кайо поддерживали, конечно, теорію мономенталлизма, т. е. основанія, на которыхъ я совершилъ реформу денежнаго обращенія въ Россіи. Этотъ споръ былъ въ высокой степени безстрастный и дипломатичный, хотя Кайо тогда въ очень вѣжливой формѣ пускалъ стрѣлы въ почтеннѣйшаго президента республики. Послѣ обѣда была иллюминація и къ вечеру мы вернулись со всѣми министрами въ Парижъ, причемъ во

время путешествія я много съ ними говорилъ. Затѣмъ, я, будучи въ Парижѣ, нѣсколько разъ видѣлся, какъ съ Кайо, такъ и съ Делькассе. Делькассе былъ знакомъ съ моей женой, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, тогда и познакомились — и поэтому Делькассе нѣсколько разъ катался съ моей женой и подросткомъ дочерью въ автомобилѣ въ окрестностяхъ Парижа и ѣздилъ показывать имъ Версаль.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1899 года умеръ Наслѣдникъ-Цесаревичъ Георгій Александровичъ и Наслѣдникомъ Престола былъ объявленъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. По моему мнѣнію, объявленіе Великаго Князя Наслѣдникомъ Престола не вытекало непосредственно изъ закона: по закону само собою разумѣется, что если у Государя до его смерти не было бы сына, то Михаилъ Александровичъ вступилъ бы на престолъ прямо, какъ лицо Царствующаго дома, имѣющій первенствующее право на Престолъ. Но объявленіе его Наслѣдникомъ было въ такомъ случаѣ неудобно, ибо въ это время Государь былъ уже женатъ и слѣдовательно могъ всегда имѣть сына, что и случилось, такъ какъ послѣ четырехъ дочерей у Государя, наконецъ, родился сынъ, нынѣшній Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, которому въ настоящее время минуло только семь лѣтъ, но тѣмъ не менѣе съ рожденіемъ его пришлось какъ бы разжаловать Великаго Князя Михаила Александровича изъ Наслѣдниковъ и ввести въ ряды просто Великихъ Князей.

Какъ я говорилъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ явился на свѣтъ, когда у Государя было четыре дочери и поэтому одно время, насколько мнѣ было извѣстно отъ бывшаго министра юстиціи Николая Валеріановича Муравьева, у Ихъ Величествъ какъ бы появилась мысль, или вѣрнѣе вопросъ, нельзя ли въ случаѣ, если они не будутъ имѣть сына, передать престолъ старшей дочери. Я подчеркиваю, что это не было отнюдь рѣшеніе, а лишь только вопросъ. Этимъ вопросомъ занимался, какъ Николай Валеріановичъ Муравьевъ, такъ и Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, который къ такой мысли относился совершенно отрицательно, находя, что это поколебало бы существующіе законы о престолонаслѣдіи, изданные при Императорѣ Павлѣ и которые имѣли ту весьма важную государственную заслугу, что съ тѣхъ поръ русскій престолъ въ смыслѣ правъ на престолонаслѣдіе сдѣлался устойчивымъ и прочнымъ.

После посѣщенія мною парижской выставки въ 1900 г. я отправился черезъ Петербургъ въ Крымъ. Въ Крыму, кромѣ меня, были министръ графъ Ламсдорфъ, военный министръ Куропаткинъ, конечно,

министръ двора баронъ Фредериксъ, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Я жилъ въ домѣ министерства путей сообщенія, на шоссе, идущемъ изъ Ялты въ Ливадійскій дворецъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда Его Величество заболѣлъ инфлуэнцой и по обыкновенію не желалъ серьезно лечиться. Это какъ будто семейная Царская черта. Его Отецъ, по моему глубокому убѣжденію, умеръ преждевременно потому, что началъ лечиться серьезно, когда уже было поздно. Главный діагнозъ болѣзни производился профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Поповымъ, который по моей мысли былъ вызванъ изъ Петербурга, такъ какъ до этого времени Государя лечилъ лейбъ-медикъ старикъ Гиршъ, хирургъ, который, если когда нибудь что и зналъ, то навѣрное все перезабылъ. По діагнозу этого профессора оказалось, что Государь Императоръ боленъ брюшнымъ тифомъ.

Государь Императоръ болѣлъ тифомъ въ Ялтѣ съ 1-го по 28 ноября; только 28-го ноября процессъ тифа закончился и наступило выздоровленіе.

Во время болѣзни Государя, которая чрезвычайно встревожила всѣхъ окружающихъ, а въ томъ числѣ и меня, произошелъ слѣдующій инцидентъ.

Какъ то разъ, когда съ Государемъ по свѣдѣніямъ отъ докторовъ было очень плохо, утромъ мнѣ телефонировалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ и просилъ меня пріѣхать къ нему. Я поѣхалъ къ Сипягину въ гостинницу Россія, гдѣ онъ жилъ, и засталъ у него графа Ламсдорфа — министра иностранныхъ дѣлъ, министра двора барона Фредерикса и Великаго Князя Михаила Николаевича. Какъ только я пріѣхалъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, если случится несчастье и Государь умретъ? Какъ поступить въ такомъ случаѣ съ престолонаслѣдіемъ?

Меня вопросъ этотъ очень удивилъ и я отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ наслѣдникомъ престола Его Величествомъ уже объявленъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ; но, если бы даже онъ не былъ объявленъ, то это нисколько не мѣняло бы положенія дѣла, ибо согласно нашимъ законамъ о престолонаслѣдіи, по точному смыслу и духу этихъ законовъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ долженъ немедленно вступить на престолъ.

На это мнѣ дѣлали не то возраженія, не то указанія, что Императрица можетъ быть въ интересномъ положеніи (вѣроятно, министру

двора было извѣстно, что Императрица находилась въ интересномъ положеніи), и слѣдовательно можетъ случиться, что родится сынъ, который и будетъ имѣть право на престолъ. На это я указалъ, что законы престолонаслѣдія такого случая не предвидятъ, да думаю — и предвидѣть не могутъ, такъ какъ, если Императрица и находится въ интересномъ положеніи, то никоимъ образомъ нельзя предвидѣть, какой будетъ конечный результатъ этого положенія и что, во всякомъ случаѣ, по точному смыслу закона, немедленно вступаетъ на престолъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Невозможно поставить Имперію въ такое положеніе, чтобы въ теченіе, можетъ быть, многихъ мѣсяцевъ страна самодержавная оставалась безъ Самодержца, что изъ этого совершенно незаконнаго положенія могутъ произойти только большія смуты.

Мои собесѣдники нѣсколько разъ просматривали и читали законы, которые безусловно подтверждали мое мнѣніе.

Тогда старый Великій Князь Михаилъ Николаевичъ поставилъ мнѣ вопросъ: — Ну, а какое положеніе произойдетъ, если вдругъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Ея Величество разрѣшится отъ бремени сыномъ.

Я отвѣтилъ, что въ настоящую минуту едва ли возможно на это дать опредѣленный отвѣтъ, и мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ, отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ бы дать только самъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ, если произойдетъ такое великое несчастіе и Государь скончается, тогда, онъ въ качествѣ Императора долженъ будетъ судить: какъ надлежитъ въ этомъ случаѣ поступить. Мнѣ кажется, на сколько я знаю Великаго Князя Михаила Александровича, онъ настолько честный и благородный человѣкъ въ высшемъ смыслѣ этого слова, что, если онъ сочтетъ полезнымъ и справедливымъ — самъ откажется отъ престола въ пользу своего племянника.

Въ концѣ концовъ всѣ со мною согласились и было рѣшено, чтобы объ этомъ нашемъ совѣщаніи частнымъ образомъ доложить Ея Величеству.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, генералъ Куропаткинъ, ѣдучи отъ всеподданнѣйшаго доклада Государю (а Государь, несмотря на свою болѣзнь, въ экстренныхъ случаяхъ принималъ всеподданнѣйшіе доклады министровъ), изъ Ливадійскаго дворца заѣхалъ ко мнѣ, въ домъ министерства путей сообщенія, завтракать. Такъ какъ домъ этотъ находится на пути изъ Ялты въ Ливадію, то обыкновенно министры, если имѣли всеподданнѣйшій докладъ и не оставались во дворцѣ завтракать, на обратномъ проѣздѣ заѣзжали ко мнѣ завтракать.

Такъ вотъ генералъ Куропаткинъ послѣ завтрака, когда я остался съ нимъ наединѣ, спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, какое это совѣщаніе вы имѣли у Сипягина?

Я ему отвѣтилъ, что, какъ мнѣ говорилъ Сипягинъ, вѣдь и вы на это совѣщаніе были приглашены и жаль, — сказалъ я — что вы не пріѣхали, такъ какъ былъ обмѣнъ мнѣній по очень важному вопросу.

Онъ говоритъ: «Я не могъ пріѣхать», — а затѣмъ всталъ въ трагическую позу и, ударяя себя въ грудь, сказалъ мнѣ очень громкимъ голосомъ:

— Я свою Императрицу въ обиду не дамъ.

Зная Алексѣя Николаевича за комедіанта балаганныхъ труппъ, я этому выраженію его не придалъ никакого значенія и сказалъ:

— Почему, Алексѣй Николаевичъ, вы принимаете на себя привиллегію не давать въ обиду никому — Императрицу? Это право принадлежитъ всѣмъ, а въ томъ числѣ и мнѣ.

Такъ какъ Государь вскорѣ, къ величайшему счастью, выздоровѣлъ, то объ этомъ больше и рѣчи не было; только при выѣздѣ изъ Ялты, я нарочно заѣхалъ къ барону Фредериксу и сказалъ ему, чтобы онъ доложилъ Государю о томъ затрудненіи, въ которое мы были поставлены по вопросу о престолонаслѣдіи въ случаѣ могущаго произойти съ нимъ несчастія; что, по моему мнѣнію, во избѣжаніе въ этомъ вопросѣ какихъ бы то ни было неопредѣленностей, если Его Величеству угодно будетъ дать какія нибудь новыя указанія,то указанія эти должны быть сдѣланы и оформлены совершенно категорически въ законѣ.

Въ Петербургѣ мнѣ говорилъ К. П. Побѣдоносцевъ (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода) и министръ юстиціи Муравьевъ, что имъ было поручено составить соотвѣтствующій указъ, который не былъ опубликованъ и затѣмъ, вѣроятно, потерялъ силу съ счастливымъ событіемъ рожденія Великаго Князя Алексѣя Николаевича. Болѣе по поводу этого историческаго эпизода мнѣ ничего не было извѣстно.

Затѣмъ, черезъ много лѣтъ, а именно въ прошломъ 1910 году какъ то разъ въ Біарицѣ я зашелъ къ извѣстной въ обществѣ дамѣ Александрѣ Николаевнѣ Нарышкиной. Дама эта главнымъ образомъ извѣстна тѣмъ, что была замужемъ за Эммануиломъ Дмитріевичемъ Нарышкинымъ, оберъ-гофмаршаломъ Императора Александра III и сыномъ незаконнаго сожитія Императора Александра I съ извѣстной Нарышкиной по происхожденію полькой. (См. изданныя по этому поводу нѣсколько лѣтъ тому назадъ мемуары Великаго Князя Николая Михайловича.)

Этого Нарышкина я лично зналъ; это былъ честнѣйшій, благороднѣйшій дворянинъ и царедворецъ. Онъ умеръ въ глубочайшей старости восемь лѣтъ тому назадъ.

Когда я разговаривалъ съ Нарышкиной, она вдругъ обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Сергѣй Юльевичъ, знаете вы или нѣтъ, почему Императрица къ вамъ относится такъ, если не сказать враждебно, то во всякомъ случаѣ не симпатично?

Я отвѣтилъ, что понятія объ этомъ не имѣю и даже вообще не имѣю понятія о томъ, чтобы Императрица ко мнѣ такъ относилась; видѣлъ я ее очень мало и говорилъ съ нею въ жизни только нѣсколько разъ.

На это Нарышкина мнѣ сказала:

— Мнѣ извѣстно, что такое чувство ея происходитъ отъ того, что вы въ Ялтѣ, когда Императоръ былъ боленъ въ предположеніи, что Императоръ можетъ умереть, настаивали на томъ, чтобы на престолъ вступилъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Я сказалъ, что это совершенно правильно, но я ни на чемъ не настаивалъ, а только открыто въ совѣщаніи высказалъ свое мнѣніе, и къ этому мнѣнію пристали всѣ члены совѣщанія, въ томъ числѣ и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, сынъ Императора Николая I, котораго, кажется, никто ужъ не можетъ заподозрить ни въ нелойяльности, ни въ недостаткѣ безусловной преданности къ Государю Императору. Вообще я высказалъ не свое мнѣніе, а только объяснилъ точный смыслъ существующихъ законовъ.

* Я тогда понялъ, что, вѣроятно, благороднѣйшій и честнѣйшій баронъ Фредериксъ, но не обладающій геніальнымъ умомъ что либо сбрякнулъ Императрицѣ и съ тѣхъ поръ, вѣроятно, получила основаніе легенда, которая многимъ была въ руку, а потому весьма распространилась — а именно, что я ненавижу Императора Николая II. Этой легендѣ, муссированной во всѣхъ случаяхъ, когда я былъ не нуженъ, легендѣ, которая могла приниматься въ серьезъ только такими прекрасными, но съ болѣзненною волею или ненормальною психикою людьми, какъ Императоръ Николай II и Императрица Александра Θеодоровна и объясняются мои отношенія къ Его Величеству и моя государственная дѣятельность. *

Я имѣлъ большое счастье преподавать Великому Князю Михаилу Александровичу народное и государственное хозяйство (политическую

экономію и финансы). Преподаваніе это я началъ въ 1900 году и кончилъ въ 1902.

Я преподавалъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Великому Князю, когда произошелъ вышеописанный инцидентъ въ Ялтѣ.

Способъ моего изложенія, манера моего изложенія, а можетъ быть и другія причины, мнѣ неизвѣстныя, сдѣлали то, что Великій Князь очень охотно со мною занимался и мнѣ часто послѣ лекцій, во время антракта отъ одной лекціи до другой, приходилось съ нимъ разговаривать, иногда завтракать, а иногда и ѣздить на автомобилѣ по парку. Поэтому я въ концѣ концовъ очень хорошо познакомился съ Михаиломъ Александровичемъ.

Какъ по уму, такъ и по образованію Великій Князь Михаилъ Александровичъ представляется мнѣ значительно ниже способностей своего старшаго брата Государя Императора, но по характеру онъ совершенно пошелъ въ своего отца.

Ранѣе этого я преподавалъ Великому Князю Андрею Владиміровичу, вслѣдствіе просьбы его отца Великаго Князя Владиміра Александровича, съ которымъ я былъ въ отличныхъ отношеніяхъ.

Великій князь Андрей Владиміровичъ уже въ 1902 году началъ нѣсколько уклоняться отъ правильной нормальной жизни, особенно присущей столь высокимъ лицамъ, каковы Великіе Князья, поведеніемъ и дѣйствіями которыхъ интересуется все общество и преимущественно та часть общества, которая склонна къ всевозможнымъ пересудамъ.

Мнѣ какъ то разъ пришлось говорить съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, который былъ очень друженъ съ Андреемъ Владиміровичемъ, что вотъ Андрей Владиміровичъ начинаетъ нѣсколько пошаливать, и я боюсь, чтобы это не кончилось дурно.

Велъ я этотъ разговоръ главнымъ образомъ съ цѣлью предостеречь Великаго Князя Михаила Александровича отъ подобныхъ увлеченій. На это я получилъ отъ Великаго Князя отвѣтъ:

— Я рѣшительно не понимаю, Сергѣй Юльевичъ, какимъ образомъ человѣкъ, который сознаетъ, что то или другое дурно, что этого не слѣдуетъ дѣлать — можетъ это дѣлать? Я по крайней мѣрѣ увѣренъ, что, если я убѣжденъ, что что-нибудь дурно, то никакія силы не въ состояніи меня заставить совершить это дурное.

Теперь Великому Князю Михаилу Александровичу 33 года. Послѣднее время говорятъ, что онъ будто бы запутался въ какомъ то романѣ;

впрочемъ, мнѣ этому не хочется вѣрить. Но, если бы даже случилось такое несчастное обстоятельство, то я долженъ сказать, что въ этомъ во многомъ виновато его воспитаніе. Его вѣдь воспитывали совершенно какъ молодую дѣвицу и тогда, когда ему уже минуло 29 лѣтъ.

Затѣмъ, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ увлекся своей двоюродной сестрой принцессой Кобургской, дочерью Великой Княгини Маріи Александровны и хотѣлъ на ней жениться. На это не послѣдовало согласія, потому что она его двоюродная сестра.

Теперь на этой принцессѣ женился испанскій принцъ.

Я сожалѣлъ тогда о томъ, что Великому Князю Михаилу Александровичу не было дозволено на ней жениться, хотя и находилъ это рѣшеніе совершенно правильнымъ.

Очень жалко, что впослѣдствіи такое принципіальное рѣшеніе, касающееся бракосочетаній Великихъ Князей, а въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе или менѣе близки къ трону — было нарушено.

Такъ, Великому Князю Кириллу Владиміровичу было разрѣшено жениться тоже на своей двоюродной сестрѣ, на сестрѣ той самой принцессы, на которой не разрѣшили жениться Великому Князю Михаилу Александровичу, да еще на сестрѣ разведенной и, кромѣ того, мужемъ которой былъ великій герцогъ Дармштадтскій, братъ Государыни Императрицы.

Точно также было разрѣшено Великому Князю Николаю Николаевичу жениться на сестрѣ жены его брата Петра Николаевича, также разведенной съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, двоюроднымъ братомъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Можетъ быть отъ того, что въ 1900 году я началъ читать лекціи Великому Князю Михаилу Александровичу, и можетъ быть потому, что Великій Князь отзывался обо мнѣ чрезвычайно симпатично, явились какія-нибудь неправильныя, скажу больше, безчестныя предположенія относительно мотивовъ моего мнѣнія о престолонаслѣдіи, которое я долженъ былъ высказать въ Ялтѣ.

Хотя я Великаго Князя Михаила Александровича почитаю и сердечно люблю, но эти мои чувства къ нему не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми чувствами, которыя я питалъ къ Николаю Александровичу и которыя я понынѣ питаю къ моему Государю Николаю II.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

УБІЙСТВО П. Н. БОГОЛѢПОВА И Д. С. СИПЯГИНА

14 февраля 1901 года послѣдовало покушеніе на министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Покушеніе это произошло такимъ образомъ:

Во время пріема явился къ Боголѣпову бывшій студентъ Московскаго университета Карповичъ и выстрѣлилъ ему въ шею.

Это было первое анархическое покушеніе; оно было какъ бы предвѣстникомъ всѣхъ тѣхъ событій, которыя мы переживали съ 1901 по 1905 годы и которыя, въ другой формѣ, мы переживаемъ и нынѣ, но уже по причинамъ иного порядка, не потому, чтобы Россіи не было дано того, чего она желала. Въ концѣ концовъ Его Величеству благоугодно было 17-го октября 1905 года дать Россіи то, о чемъ лучшіе ея люди мечтали, начиная съ царствованія Императора Александра Благословеннаго.

Но нынѣшнее положеніе дѣла происходитъ отъ другихъ причинъ, а именно отъ того, что Столыпинъ по соображеніямъ личнымъ, не будучи въ состояніи уничтожить 17 октября 1905 года, — постепенно его коверкалъ и коверкалъ въ направленіи политическаго распутства.

Боголѣповъ былъ весьма порядочный, корректный и честный человѣкъ, но онъ держался крайне реакціонныхъ взглядовъ. Его реакціонныя мѣры несомнѣнно возбудили университетъ, — хотя я не могу не признать, что все таки Боголѣповъ дѣйствовалъ закономѣрно, и что его режимъ въ 1901 году, хотя и былъ реакціонный, но закономѣрный и благородный.

Вообще, когда сравнишь тотъ режимъ, который былъ въ 1901 году съ тѣмъ, который нынѣ водворилъ министръ народнаго просвѣщенія Кассо, то приходится дивиться тому, какимъ образомъ

такой режимъ, режимъ полнѣйшаго произвола и усмотрѣнія, мыслимъ послѣ 17-го октября 1905 года.

Это удивленіе можетъ быть умалено сознаніемъ, что, въ сущности говоря, Кассо — есть продуктъ общей распутной политики, внѣдренной Столыпинымъ, которая и породила Кассо.

Какъ только Боголѣповъ былъ раненъ, я поѣхалъ къ нему и засталъ тамъ его жену, весьма почтенную женщину (урожденную княжну Ливенъ), также его товарища Звѣрева (нынѣ члена Государственнаго Совѣта), человѣка мелкаго, но не дурного и крайняго реакціонера. Вообще Звѣревъ человѣкъ безъ всякихъ талантовъ и очень слабой учености.

Я настоялъ на томъ, чтобы изъ Берлина немедленно былъ выписанъ знаменитый хирургъ Бергманъ.

Боголѣпову пуля прострѣлила шею.

Бергманъ пріѣхалъ; осмотрѣлъ Боголѣпова, а потомъ былъ у меня и далъ мнѣ весьма успокоительныя свѣдѣнія. Но, къ несчастью, предсказанія Бергмана не сбылись и черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Бергмана Боголѣповъ 2-го марта 1901 года скончался.

Вмѣсто Боголѣпова министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ бывшій военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій вѣроятно потому, что, съ одной стороны, онъ по своей службѣ былъ извѣстенъ за человѣка крайне консервативныхъ воззрѣній, а съ другой — потому, что ему было поручено разслѣдованіе студенческихъ безпорядковъ, бывшихъ во время министерства Горемыкина, — о чемъ я говорилъ ранѣе.

2-го апрѣля 1902 г. былъ убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ, благороднѣйшій дворянинъ Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ. Онъ былъ убитъ въ вестибюлѣ подъѣзда въ комитетъ министровъ. Было засѣданіе комитета министровъ. Члены комитета начали собираться, пріѣхалъ Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ. Въ вестибюлѣ къ нему подошелъ офицеръ, одѣтый въ адъютантскую форму, и протянулъ руку съ пакетомъ. Сипягинъ спросилъ, отъ кого этотъ пакетъ, и этотъ офицеръ отвѣтилъ: отъ Великаго Князя Сергѣя Александровича изъ Москвы. Когда Сипягинъ протянулъ руку, чтобы взять этотъ пакетъ, въ него послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ, т. е. этотъ офицеръ въ него сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ браунинга. Сипягинъ упалъ, но

былъ въ сознаніи. Его перевезли въ Максимиліановскую лечебницу, находящуюся невдалекѣ отъ помѣщенія комитета министровъ, т. е. Маріинскаго Дворца. Когда послѣдовали выстрѣлы, то всѣ члены комитета спустились по лѣстницѣ внизъ въ вестибюль. Министръ Ванновскій, посмотрѣвъ на этого офицера, сказалъ: это не офицеръ, это человѣкъ, наряженный офицеромъ; офицеръ такъ одѣваться не можетъ, это не военный. Когда я спустился, этого офицера раздѣвали въ сосѣдней комнатѣ. Онъ былъ высокаго роста, блондинъ. Онъ сознался сейчасъ же, что онъ не военный, а анархистъ, что фамилія его Балмашовъ, что онъ бывшій студентъ. Я все время не отходилъ отъ Сипягина и на моихъ глазахъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ покушенія, онъ умеръ, что возбудило во мнѣ искреннее, сердечное сожалѣніе.

Какъ я уже имѣлъ случай говорить, это былъ прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ зналъ, что находится въ большой опасности. Передъ самой смертью, за нѣсколько дней, я съ нимъ велъ бесѣду въ присутствіи его жены и говорилъ ему о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по моему мнѣнію, онъ принимаетъ черезчуръ рѣзкія мѣры, которыя по существу никакой пользы не приносятъ, а между тѣмъ возбуждаютъ нѣкоторые свои общества и слои благонамѣренные и, во всякомъ случаѣ, умѣренные, на что онъ мнѣ сказалъ: можетъ быть, ты правъ, но иначе поступить я не могу, на верху находятъ, что тѣ мѣры, которыя я принимаю, недостаточны, что нужно быть еще болѣе строгимъ.

Явился вопросъ: кого же назначить министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Еще за нѣсколько недѣль до убійства Сипягина мы обѣдали у князя Мещерскаго, редактора пресловутаго «Гражданина». Сипягинъ былъ въ нѣкоторомъ родствѣ съ Мещерскимъ и онъ имѣлъ ту неосторожность, что ввелъ Мещерскаго въ фаворъ къ Его Императорскому Величеству, послѣ того, какъ Его Императорское Величество со дня вступленія на престолъ и слышать не хотѣлъ о Мещерскомъ, отзываясь о немъ весьма рѣзко. Такъ какъ князь Мещерскій человѣкъ весьма вкрадчивый и угодливый, то, если можно такъ выразиться, онъ влѣзъ въ уголокъ души Государя Императора.

Во время обѣда у Мещерскаго, а за обѣдомъ были только я, Сипягинъ и Мещерскій, Сипягинъ заговорилъ, что его положеніе такое трудное, что онъ иногда подумываетъ о томъ, чтобы просить Государя Императора, чтобы его отпустить. Тогда возбудился вопросъ, кто же могъ бы его замѣнить, причемъ было названо имя Плеве. Сипягинъ

сказалъ, что это будетъ величайшее несчастье, если будетъ назначенъ Плеве, такъ какъ онъ былъ прежде отрицательнаго мнѣнія о Плеве и бывши министромъ внутреннихъ дѣлъ и познакомившись съ дѣятельностью Плеве, когда онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, убѣдился, что это такой человѣкъ, который сдѣлавшись министромъ будетъ преслѣдовать только свои личныя цѣли и принесетъ Россіи величайшія несчастія. Со всѣми этими разсужденіями Сипягина вполнѣ согласился князь Мещерскій; тѣмъ не менѣе, какъ только Сипягинъ умеръ, Мещерскій видѣлся съ Плеве и написалъ Его Величеству письмо о томъ, что единственный возможный кандидатъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ есть Плеве. Дѣйствительно, черезъ два дня послѣ смерти Сипягина Плеве былъ назначенъ.

* Вспоминая о Сипягинѣ, чтобы обрисовать характеръ Государя, приведу слѣдующій фактъ. Сипягинъ, ставъ главноуправляющимъ комиссіей прошеній, а затѣмъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, велъ ежедневно свой краткій дневникъ. Когда его убили, первымъ вошелъ въ его кабинетъ его товарищъ П. Н. Дурново, но онъ бумагъ не трогалъ. Затѣмъ было поручено Его Величествомъ дворцовому коменданту генералъ-адъютанту Гессе и Дурново разобрать бумаги покойнаго Сипягина. Бумаги ими были разобраны, всѣ обыкновенныя министерскія были переданы по назначенію, а личныя оффиціальныя переданы Гессе, частныя же женѣ Сипягина.

Александра Павловна Сипягина знала, что ея мужъ писалъ дневники, причемъ первая тетрадь обнимала время, когда ея мужъ былъ главноуправляющимъ комиссіей прошеній, а вторая — его министерство. Она спросила Дурново, гдѣ дневники мужа. Онъ отвѣтилъ, что ихъ взялъ Гессе. Весь этотъ и дальнѣйшій разсказъ я знаю отъ А. П. Сипягиной и Шереметьева, мужа ея сестры.

Черезъ нѣсколько дней А. П. Сипягина ѣздила благодарить Государя и Государыню за вниманіе, причемъ Государь сказалъ А. П. Сипягиной, что Ему переданы дневники ея мужа и что разрѣшитъ ли она на нѣкоторое время задержать ихъ, потому что Онъ, Государь, интересуется ихъ прочесть. Конечно, Сипягина согласилась.

Прошло много мѣсяцевъ, а Сипягина все не получала обратно записокъ мужа. Тогда она обратилась къ своему племяннику графу Шереметьеву, флигель-адъютанту, бывшему другу дѣтства Государя, прося при одномъ изъ дежурствъ напомнить Государю о запискахъ мужа ея.

Через нѣкоторое время А. П. Сипягина представлялась Государынѣ и когда она собиралась удалиться, Государыня попросила ее обождать, сказавъ, что ее желаетъ видѣть Государь. Черезъ нѣсколько минутъ появился Государь, и, вручивъ ей пакетъ, сказалъ, что Онъ съ благодарностью возвращаетъ мемуары ея покойнаго мужа, прибавивъ, что мемуары очень интересны.

Возвратившись домой, А. П. Сипягина увидала, что ей возвращены лишь мемуары за время, когда Сипягинъ былъ главноуправляющимъ комиссіей прошеній. Въ виду этого она просила старика графа Шереметьева разъяснить это недоразумѣніе.

Графъ Шереметьевъ обратился къ Гессе, который ему довольно неделикатно отвѣтилъ: чего они тамъ носятся съ записками Сипягина. Послѣ такого отвѣта графъ Шереметьевъ прервалъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько дней Государь былъ въ Москвѣ, говѣлъ и затѣмъ провелъ тамъ первые дни великаго праздника. Во время одного царскаго обѣда графъ Шереметьевъ сидѣлъ рядомъ съ Гессе и не говорилъ съ нимъ. Тогда Гессе самъ съ нимъ заговорилъ и сказалъ: «Что касается мемуаровъ Сипягина, то могу васъ увѣрить, что я передалъ Государю все, что получилъ».

По возвращеніи Государя въ Петербургъ онъ позвалъ къ себѣ графа Шереметьева и сказалъ ему, что Ему, Государю, извѣстно, что одна тетрадь мемуаровъ Сипягина пропала и что, какъ онъ, Шереметьевъ, думаетъ, какъ это могло случиться. Графъ Шереметьевъ сказалъ, что онъ спрашивалъ Дурново, который удостовѣрилъ, что было двѣ тетради мемуаровъ, которыя онъ вручилъ Гессе, и что онъ увѣренъ, что Дурново говоритъ правду, такъ какъ ему не было никакого интереса присваивать вторую тетрадку; да, наконецъ, Гессе самъ не отрицаетъ, что онъ получилъ двѣ тетрадки.

Тогда Его Величество замѣтилъ, что Гессе не былъ въ ладахъ съ Сипягинымъ и что, можетъ быть, въ мемуарахъ Сипягинъ что нибудь написалъ о Гессе, а потому Гессе ихъ уничтожилъ, чтобы Онъ, Государь, это не прочелъ. Затѣмъ графъ Шереметьевъ мнѣ сказалъ:

— А я знаю достовѣрно, что эту тетрадку уничтожилъ Самъ Государь.

Тогда я съ графомъ Шереметьевымъ былъ еще изъ за Сипягина въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Мы съ нимъ разошлись послѣ 17 октября, когда графъ Шереметьевъ, прочитавъ манифестъ 17 октября, приказалъ портреты Государя въ своемъ дворцѣ перевернуть, повѣсивъ изображеніе къ стѣнѣ и подкладку наружу, а одинъ портретъ отнесли на чердакъ.

Я мемуаровъ Сипягина не читалъ, но жена его мнѣ говорила, что онъ писалъ въ нихъ все совершенно откровенно. Сипягинъ же былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, совершенный дворянинъ, ультра-консерваторъ, онъ въ послѣдніе полгода своего министерства откровенно и съ большою горечью мнѣ говорилъ, что на Государя полагаться нельзя и главное, что Государь не правдивъ и коваренъ. Это онъ въ отчаяніи говорилъ и своей женѣ. *

Вскорѣ послѣ назначенія Плеве уволился отъ должности министра народнаго просвѣщенія Ванновскій. Оказалось, что Ванновскій такой ярый консерваторъ, такой военный человѣкъ до мозга костей, что не могъ ужиться съ Плеве, такъ какъ Плеве, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, предъявлялъ ему такія требованія, которыя Ванновскій признавалъ невозможными; такъ какъ онъ видѣлъ, что Его Величество сочувствуетъ направленію Плеве, то онъ и уволился отъ должности министра народнаго просвѣщенія.

Вмѣсто него назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія Зенгеръ, бывшій профессоръ Варшавскаго университета, человѣкъ кристальной чистоты, но не отъ міра сего. Классикъ, до такой степени увлекавшійся классическимъ языкомъ, что перевелъ и очень хорошо на латинскій языкъ Евгенія Онѣгина Пушкина. Зенгеръ велъ министерство народнаго просвѣщенія въ духѣ порядка, но не реакціонномъ, потому въ скоромъ времени онъ долженъ былъ оставить свой постъ и на его мѣсто назначенъ былъ генералъ Глазовъ, начальникъ военной академіи. Зенгеръ по краткости времени ничего хорошаго не могъ сдѣлать, но онъ сдѣлалъ одну вещь непохвальную, это то, что онъ назначилъ товарищемъ къ себѣ начальника института экспериментальной медицины Лукьянова, бывшаго профессора въ Варшавѣ, потому что онъ былъ его товарищемъ по профессурѣ въ Варшавѣ, а также, можетъ быть, и не безъ протекціи принца и принцессы Ольденбургскихъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В. К. ПЛЕВЕ

* ПЛЕВЕ имѣлъ противъ меня личный зубъ потому, что онъ думалъ, что я дважды помѣшалъ ему стать министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ злопамятенъ и мстителенъ. Мы съ нимъ расходились и относительно государственной политики (я не говорю по убѣжденіямъ, такъ какъ таковыхъ онъ не имѣлъ) по большинству вопросовъ. Мое убѣжденіе, что русскій Государь долженъ опираться на народъ, Плеве же считалъ, что Онъ долженъ опираться на дворянство.

Въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтняго моего управленія финансами, я ихъ привелъ въ блистательное состояніе, но очень мало могъ сдѣлать для экономическаго состоянія народа, ибо не только не встрѣчалъ сочувствія реальнаго (а не на словахъ) въ правящихъ сферахъ, а напротивъ встрѣчалъ противодѣйствіе и во главѣ онаго за кулисами стоялъ всегда Плеве.*

Когда онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, то уже въ то время началось крестьянское движеніе. Крестьяне въ различныхъ мѣстностяхъ бунтовали и требовали земли. Бывшій въ то время въ Харьковѣ губернаторъ князь Оболенскій вслѣдствіе крестьянскихъ безпорядковъ произвелъ всѣмъ крестьянамъ усиленную порку, причемъ лично ѣздилъ по деревнямъ и въ своемъ присутствіи дралъ крестьянъ.

Плеве, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, сейчасъ же отправился въ Харьковъ и весьма поощрилъ дѣйствія князя Оболенскаго, который за такую свою храбрость затѣмъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи и былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ.

* Я расходился также съ Плеве по поводу политики на Кавказѣ. До князя Голицына всѣ правители Кавказа, начиная съ свѣтлѣйшаго

князя Воронцова ставили себѣ задачею сперва покореніе Кавказа, а затѣмъ пріобщеніе его къ Россійской Имперіи посредствомъ привитія къ нему общихъ началъ русской государственности.

Освободительныя начала, произведшія смутное движеніе въ Имперіи, отразились и на Кавказѣ, причемъ или русскіе, живущіе и пріѣзжающіе на Кавказъ, или туземные молодые люди, воспитывавшіеся въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи дали толчекъ освободительному движенію на Кавказѣ, связанному со смутой. Безъ этихъ русскихъ и туземцевъ, воспитывавшихся въ Россіи, Кавказъ, т. е. его туземные жители были бы спокойны.

Смутѣ отчасти содѣйствовало все болѣе и болѣе развившееся взяточничество, т. е. порочность администраціи. Когда умеръ главноначальствующій Кавказа, почтенный, умный, но слабый Шереметьевъ, на его мѣсто Государь назначилъ князя Голицына, честнаго, хорошаго человѣка, но съ удивительнымъ сумбуромъ въ головѣ. Голицынъ по собственной иниціативѣ, или слѣдуя общему модному паролю, явился на Кавказъ съ программой его руссифицировать, причемъ и эту программу проводилъ со страстностью и свойственной ему сумбурностью.

Покуда Плеве не былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, министры его, Голицына, сдерживали, хотя часто безуспѣшно. Но когда появился Плеве и пронюхалъ, что Государь сочувствуетъ князю Голицыну, то сейчасъ же началъ его поддерживать. Опять по общему правилу, каждый ударъ съ одной стороны вызывалъ реакцію съ другой.

Постепенно смута росла и скоро Кавказъ возгорѣлся такъ, что многіе говорятъ (хотя въ этомъ есть большое преувеличеніе), что Кавказъ нужно снова покорять. Нужно покорить Россію, тогда не трудно будетъ покорить Кавказъ и привести къ благоразумію окраины.

Ну вотъ, пусть покорятъ Россію. Не по режиму «истинно русскихъ» людей это можетъ быть сдѣлано. Наибольшее неудовольствіе вызывали на Кавказѣ армяне, какъ лица торгующія съ долею эксплоататорскаго начала.

Князь Голицынъ пошелъ противъ всѣхъ національностей, обитающихъ Кавказъ, такъ какъ онъ всѣхъ хотѣлъ обрусить, но естественно враждебнѣе всего отнесся къ армянамъ. Къ тому въ послѣдніе годы вслѣдствіе преслѣдованія турецкихъ армянъ въ Турціи многія тысячи обреволюціонизировавшихся турецкихъ армянъ переселились на Кавказъ. Они, конечно, какъ опытные революціонеры стали революціонизировать своихъ единовѣрцевъ и братьевъ русскихъ подданныхъ.

Вообще смута на Кавказѣ пріобрѣла особый оттѣнокъ, ибо племена Кавказа суть азіаты, у которыхъ особая психологія и особыя понятія о гражданственности и въ особенности о цѣнѣ жизни человѣческой.

Чтобы обуздать армянъ, князь Голицынъ выдумалъ секвестрировать имущества армянскихъ церквей. У армянъ церковь живая, это душа жизни армянъ, въ ней сосредоточена вся благотворительность и все образованіе народа. По его докладу было образовано совѣщаніе, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, состоящее изъ Побѣдоносцева, министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, министра юстиціи Муравьева, Сипягина, Голицына и меня.

Я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ этой безобразной затѣи, какъ съ политической, такъ и съ этической точекъ зрѣнія.

Съ политической потому, что эта мѣра должна была возстановить всѣхъ армянъ и не только русскихъ, но и иностранныхъ. Съ этической потому, что армяне такіе же христіане, какъ и мы, и ихъ церковь наиболѣе близка къ нашей православной. Когда обсуждалась предложенная княземъ Голицынымъ мѣра съ политической стороны, К. П. Побѣдоносцевъ ее поддерживалъ, но когда я представилъ все фарисейство наше, которое выразилось бы въ этой мѣрѣ съ религіозной точки зрѣнія, онъ сталъ на мою сторону.

Такимъ образомъ все совѣщаніе высказалось противъ этой мѣры за исключеніемъ князя Голицына. Журналъ совѣщанія остался у Государя безъ резолюціи.

Когда Плеве сдѣлался министромъ, то при первомъ пріѣздѣ Голицына въ Петербургъ тотъ же вопросъ возбужденъ былъ снова и на этотъ разъ онъ былъ внесенъ въ комитетъ министровъ, причемъ защитникомъ его явился Плеве.

Обыкновенно во всѣхъ мелкихъ вопросахъ, когда есть признаки, что Государь желаетъ, чтобы дѣло было рѣшено въ такомъ то направленіи, какъ въ комитетѣ министровъ, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ большинство членовъ отмалчивалось и искало какого нибудь повода къ промедленію или такому направленію дѣла, чтобы не получилось опредѣленнаго рѣшенія, а чтобы спустить, по выраженію Побѣдоносцева, дѣло «въ песокъ».

По этому въ засѣданіи говорили преимущественно Плеве и я. Я рѣзко противъ, а Плеве рѣзко за. Всѣ члены за исключеніемъ трехъ присоединились ко мнѣ и въ томъ числѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, бывшій намѣстникъ Кавказа. Такимъ образомъ меньшинство составилось изъ Плеве, Голицына и Зенгера, министра народнаго просвѣщенія. Послѣдній присоединился къ Плеве, вѣроятно, по недоразумѣнію. Онъ чистый, честный, но слабый человѣкъ. По профессіи классикъ и къ тому же классикъ — поэтъ.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ упрашивалъ Государя утвердить мнѣніе большинства, но Его Величество утвердилъ мнѣніе меньшинства. Мѣру эту начали приводить въ исполненіе. Это окончательно взбаламутило всѣхъ армянъ. Начались со стороны армянъ рѣзкіе революціонные выступы. Затѣмъ борьба властей съ армянами перешла въ борьбу армянъ съ мусульманами. Говорятъ, что это дѣло рукъ мѣстныхъ властей. Потомъ на Голицына послѣдовало покушеніе. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и болѣе на Кавказъ не возвращался. Удивительно, что этотъ въ сущности честный и хорошій человѣкъ вооружилъ на Кавказѣ всѣхъ противъ себя, въ томъ числѣ русскихъ и военныхъ. Впрочемъ, какъ военный Голицынъ будучи еще командиромъ Грузинскаго полка во время намѣстничества Великаго Князя Михаила Николаевича (тогда я былъ мальчикомъ и жилъ на Кавказѣ, гдѣ я родился), не пользовался симпатіями военныхъ.

Вмѣсто князя Голицына былъ назначенъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, который намѣстничествуетъ тамъ до сего времени. Онъ повелъ традиціонную политику лучшихъ правителей Кавказа князя Воронцова, князя Барятинскаго..., прекративъ тѣсненіе туземцевъ. По его представленію отмѣнили рѣшеніе секвестра имущества армянскихъ церквей, хотя теперь не могутъ въ этомъ дѣлѣ практически распутаться, такъ какъ большинство имущества уже было отобрано. Его на Кавказѣ любятъ, уважаютъ. Но теперь покуда не прекратятся смуты въ Россіи, невозможно прекратить смуты на Кавказѣ. Повторилось общее явленіе, взбаламутившее Россійскую Имперію. Всѣ же благоразумныя мѣры опаздываютъ. On vient toujours trop tard.

Я совѣтовалъ назначить графа Воронцова-Дашкова на Кавказъ послѣ Шереметьева, когда назначили Голицына. Если бы его назначили тогда, то не произошелъ бы весь сумбуръ, который надѣлалъ Голицынъ, и теперь Кавказъ былъ бы гораздо спокойнѣе.

Графъ Воронцовъ человѣкъ немудреный, но благородный, честный, благонамѣренный. Его большой недостатокъ заключался въ томъ, что онъ не умѣетъ выбирать людей. Конечно, всѣ «истинно русскіе» люди и консервативныя газеты его травятъ и часто поговариваютъ объ его уходѣ.

Я расходился съ Плеве и по еврейскому вопросу. Въ первые годы моего министерства при Императорѣ Александрѣ III, Государь какъ то разъ меня спросилъ:

«Правда ли, что вы стоите за евреевъ?»

Я сказалъ Его Величеству, что мнѣ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ, и просилъ позволенія Государя задать Ему вопросъ въ отвѣтъ на этотъ. Получивъ разрѣшеніе, я спросилъ Государя, можетъ ли Онъ потопить всѣхъ русскихъ евреевъ въ Черномъ морѣ. Если можетъ, то я понимаю такое рѣшеніе вопроса, если же не можетъ, то единственное рѣшеніе еврейскаго вопроса заключается въ томъ, чтобы дать имъ возможность жить, а это возможно лишь при постепенномъ уничтоженіи спеціальныхъ законовъ, созданныхъ для евреевъ, такъ какъ въ концѣ концовъ не существуетъ другого рѣшенія еврейскаго вопроса, какъ предоставленіе евреямъ равноправія съ другими подданными Государя.

Его Величество на это мнѣ ничего не отвѣтилъ и остался ко мнѣ благосклоннымъ и вѣрилъ мнѣ до послѣдняго дня своей жизни. Несчастный день для Россіи...

Я и до нынѣ остаюсь при высказанномъ мною Александру III убѣжденіи по еврейскому вопросу. Поэтому, когда я былъ министромъ финансовъ, я систематически возражалъ противъ всѣхъ новыхъ мѣръ, которыя хотѣли принимать противъ евреевъ. Я былъ безсиленъ заставить пересмотрѣть всѣ существующіе законы противъ евреевъ, изъ которыхъ многіе крайне несправедливы, а въ общемъ законы эти принціпіально вредны для русскихъ, для Россіи, такъ какъ я всегда смотрѣлъ и смотрю на еврейскій вопросъ не съ точки зрѣнія, что пріятно для евреевъ, а съ точки зрѣнія, что полезно для насъ русскихъ и для Россійской Имперіи. Всѣ наиболѣе существенные законы, ограничивающіе права евреевъ, пошли въ послѣднія десятилѣтія не въ законодательномъ порядкѣ, а черезъ комитетъ министровъ, какъ законы временные. Всегда употреблялась одна фарисейская формула «впредь до пересмотра всѣхъ законовъ объ евреяхъ (причемъ всегда давалось понять, что законы эти будутъ пересматриваться съ точки зрѣнія расширительной, а не ограничительной) повелѣваемъ и пр.». Законодатели не имѣли государственнаго мужества ставить вопросъ открыто. Они знали, что государственный совѣтъ (старый, составленный исключительно по нынѣ модному выраженію изъ бюрократовъ) или большинствомъ выскажется противъ или спуститъ представленіе «въ песокъ» или по меньшей мѣрѣ наговоритъ много непріятныхъ истинъ для министровъ, внесшихъ проектъ новыхъ стѣсненій евреевъ. Поэтому въ государственный совѣтъ, какъ-бы то по закону слѣдовало, такихъ законовъ не вносили, а проводили ихъ черезъ комитетъ министровъ, а если и тутъ опасались возраженій, то черезъ особыя совѣщанія или просто всеподданнѣйшими докладами.

Особенно ярымъ противникомъ евреевъ былъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Онъ вообще былъ ультраретроградъ, крайне ограни-

ченный и узкій человѣкъ, но онъ несомнѣнно былъ человѣкомъ честнымъ, мужественнымъ и прямымъ. Онъ самъ управлять московскимъ генералъ-губернаторствомъ не могъ, за него всегда управляли его подчиненные, которые входили въ его фаворъ, ему потакая, и затѣмъ держали его вполнѣ въ рукахъ.

Послѣдніе годы его управленія такимъ подчиненнымъ былъ оберъ-полицеймейстеръ, прославившійся генералъ Треповъ. Онъ своею политикою довелъ Москву до состоянія вполнѣ революціоннаго. Москва — сердце Россіи, оплотъ русской государственности, обратилась въ центръ россійской революціи. Извѣстный адмиралъ Дубасовъ, человѣкъ прямой, честный, мужественный, бывшій генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ послѣ 17-го октября, во время моего министерства, мнѣ нѣсколько разъ говорилъ послѣ московскаго возстанія, что В. К. Сергѣй и Треповъ въ сущности революціонировали всю Москву и довели ее до такого состоянія.

Мѣры, принятыя Великимъ Княземъ относительно евреевъ въ Москвѣ, не только не прошли черезъ государственный совѣтъ, но даже не могли пройти черезъ комитетъ министровъ. Нѣкоторыя прошли черезъ особыя совѣщанія, а другія прямо по всеподданнѣйшимъ докладамъ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, вынужденный Великимъ Княземъ провести ту или другую мѣру, сомнѣвался даже получить на нее согласіе въ совѣщаніи изъ подлежащихъ министровъ. Если бы послѣ Александра II продолжали вести политику относительно евреевъ въ духѣ Его царствованія, т. е. постепенно уничтожали исключительные законы относительно евреевъ, то еврейскаго вопроса въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится въ Россіи нынѣ, не было бы. Евреи бы не стали однимъ изъ злыхъ факторовъ нашей проклятой революціи, еврейскій вопросъ существовалъ бы въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существуетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ имѣется изрядное количество евреевъ. Для того, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно преданъ забвенію, конечно, нужно десятки и, вѣроятнѣе, сотни лѣтъ. Расовыя особенности евреевъ могутъ изгладиться только постепенно и медленно. Послѣ же Александра II вмѣсто того, чтобы вести политику относительно евреевъ въ смыслѣ постепеннаго уничтоженія спеціальныхъ еврейскихъ законовъ, начали принимать рядъ самыхъ рѣзкихъ законодательныхъ стѣсненій. Такъ какъ вся груда еврейскихъ законовъ представляетъ смѣсь неопредѣленностей съ возможностью широкаго толкованія въ ту или другую сторону, то на этой почвѣ создалась цѣлая куча всякихъ произвольныхъ и противорѣчивыхъ толкованій. Въ результатѣ явился источникъ самаго разнообразнаго взяточничества. Ни

съ кого администрація не беретъ столько взятокъ, сколько она пользуется съ евреевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прямо создана особая система взяточническаго налога на жидовъ. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи вещей вся тяжесть антиеврейскаго режима легла на бѣднѣйшій классъ, ибо чѣмъ еврей болѣе богатъ, тѣмъ онъ легче откупается, а богатые евреи иногда не только не чувствуютъ тяжесть стѣсненій, а напротивъ, въ извѣстной мѣрѣ, главенствуютъ, они имѣютъ вліяніе на высшихъ чиновъ мѣстной администраціи. Въ началѣ 80-хъ годовъ сенатъ боролся съ такимъ положеніемъ вещей, стараясь не допускать произвольныхъ толкованій законовъ и стѣсненій евреевъ, но затѣмъ со стороны министровъ внутреннихъ дѣлъ послѣдовали всякіе навѣты на нѣкоторыхъ сенаторовъ, какъ противодѣйствующихъ администраціи. Начали обходить такихъ сенаторовъ наградами, переводить ихъ изъ однихъ департаментовъ въ другіе, даже были случаи увольненія наиболѣе строптивыхъ, наконецъ, начали назначать новыхъ послушныхъ сенаторовъ. Въ результатѣ и сенатъ началъ давать по еврейскимъ законамъ такія толкованія, которыя по правдѣ никоимъ образомъ изъ законовъ не слѣдовали.

Все это способствовало крайнему революціонированію еврейскихъ массъ и въ особенности молодежи. Этому содѣйствовали также и русскія школы. Изъ феноменально трусливыхъ людей, которыми были почти всѣ евреи лѣтъ 30 тому назадъ, явились люди, жертвующіе своею жизнью для революціи, сдѣлавшіеся бомбистами, убійцами, разбойниками... Конечно, далеко не всѣ евреи сдѣлались революціонерами, но несомнѣнно, что ни одна національность не дала въ Россіи такой процентъ революціонеровъ, какъ еврейская. Громадное количество евреевъ пристало къ самымъ крайнимъ партіямъ. Ожидая отъ освободительнаго движенія облегченія своей участи, почти вся еврейская интеллигенція, кончившая высшія учебныя заведенія, пристала къ «партіи народной свободы», которая сулила имъ немедленное равноправіе. Партія эта въ громадной степени обязана своему вліянію еврейству, которое питало ее какъ своимъ интеллектуальнымъ трудомъ, такъ и матеріально. Я неоднократно предупреждалъ главъ русскаго и иностраннаго еврейства, что они стали на весьма рискованный и некорректный путь, что слѣдуя этому пути они еще болѣе обострятъ еврейскій вопросъ въ Россіи, что они должны добиваться облегченій корректными путями, что они должны явить примѣръ вѣрноподданности, что облегченій они могутъ добиться только черезъ царя, что ихъ лозунгъ долженъ быть не стремленіе ко всякимъ свободамъ, а только «мы просимъ лишь одного, чтобы для насъ не создавалось исключеній». Но въ пылу освободительныхъ

и революціонныхъ стремленій и довѣрившись вожакамъ партіи «народной свободы», т. е. кадетовъ, на мои совѣты не обращалось никакого вниманія. Какъ это я имъ совѣтую благоразуміе и корректность, когда они находятся у порога тризны равноправія!...

Въ результатѣ, конечно, явилась сильнѣйшая реакція, многіе сочувствовавшіе евреямъ или индифферентные къ нимъ, стали антисемитами и весьма рѣзкими. Въ Россіи никогда не было столько враговъ евреевъ, какъ нынѣ, никогда еврейскій вопросъ не стоялъ такъ неблагопріятно для евреевъ. Такое положеніе очень тягостно для нихъ и крайне неблагопріятно для Россіи, т. е. для ея успокоенія. Я убѣжденъ въ томъ, что покуда еврейскій вопросъ не получитъ правильнаго, неозлобленнаго, гуманнаго и государственнаго теченія, Россія окончательно не успокоится; но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опасаюсь, чтобы сразу данное равноправіе евреямъ не надѣлало много новыхъ смутъ и опять не обострило дѣло. Подобные, какъ и всякіе политическіе вопросы, касающіеся массъ, затрагивающіе, такъ сказать, историческіе предразсудки, въ нѣкоторой степени, основанные на расовыхъ особенностяхъ, тѣмъ болѣе несимпатичныхъ особенностяхъ, могутъ рѣшаться только постепенно, исподволь; — всякія быстрыя, рѣзкія рѣшенія разстраиваютъ равновѣсіе, лучше временное равновѣсіе, хотя бы оно было искусственное, кособокое.

Государство есть живой организмъ, а потому нужно быть очень осторожнымъ въ рѣзкихъ операціяхъ. Съ государственной точки зрѣнія графъ Н. П. Игнатьевъ (оффиціальный авторъ антиеврейскаго закона 1882 г.) и И. Н. Дурново надѣлали много вреда своей глупой политикой въ еврейскомъ вопросѣ. Такой ультраконсерваторъ, но умный человѣкъ, какъ графъ Толстой, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ III, не допустилъ бы этихъ ошибокъ. Онъ не успѣлъ исправить ошибки Игнатьева, но при немъ еврейскій вопросъ успокоился. Послѣ его смерти Дурново взялъ прежній курсъ Игнатьева, хотя лично былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми еврейскими крезами и не изъ матеріальныхъ расчетовъ, ибо онъ денежно былъ человѣкъ честный. Онъ просто былъ крайне недалекъ и угодливъ. Такой курсъ былъ въ дворцовой камарильѣ и онъ угодничалъ. Душою же и сочинителемъ всѣхъ антиеврейскихъ проэктовъ и административныхъ мѣръ былъ Плеве, какъ при графѣ Игнатьевѣ, такъ и при Дурново. Лично, какъ это было ясно изъ многочисленныхъ разговоровъ о Плеве по еврейскому вопросу, онъ противъ евреевъ ничего не имѣлъ, онъ былъ настолько уменъ, что понималъ, что политика эта неправильна, но она

нравилась В. Кн. Сергѣю Александровичу, повидимому, и Его Величеству, а потому Плеве старался во всю. Еврейскій вопросъ сопровождался погромами. Они были особенно сильны при графѣ Игнатьевѣ. Графъ Толстой, вступившій вмѣсто Игнатьева, сразу ихъ прекратилъ. Затѣмъ, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ Плеве, то онъ, ища психологическаго перелома въ революціонномъ настроеніи массъ во время Японской войны, искалъ его въ еврейскихъ погромахъ, а потому при немъ разразились еврейскіе погромы, изъ которыхъ былъ особенно безобразенъ дикій и жестокій погромъ въ Кишиневѣ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ, генералъ-адъютантъ закала Императора Николая I, бывшій тогда командующимъ войсками Одесскаго округа, разсказывалъ, что немедленно послѣ погрома онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, чтобы разслѣдовать дѣйствія войскъ. Описывая всѣ ужасы, которые творили съ беззащитными евреями, онъ удостовѣрялъ, что все произошло отъ того, что войска совершенно бездѣйствовали, а бездѣйствовали они отъ того, что имъ не давали приказанія дѣйствовать со стороны гражданскаго начальства, какъ того требуетъ законъ. Онъ возмущался всей этой ужасной исторіей и говорилъ, что этимъ путемъ развращаютъ войска.

Пушкинъ не любилъ евреевъ, но онъ былъ честный человѣкъ. Еврейскій погромъ въ Кишиневѣ, устроенный попустительствомъ Плеве, свелъ евреевъ съ ума и толкнулъ ихъ окончательно въ революцію. Ужасная, но еще болѣе идіотская политика!..

Я не рѣшусь сказать, что Плеве непосредственно устраивалъ эти погромы, но онъ не былъ противъ этого, по его мнѣнію, антиреволюціонернаго противодѣйствія. Послѣ того, какъ еврейскій погромъ въ Кишиневѣ возбудилъ общественное мнѣніе всего цивилизованнаго міра, Плеве входилъ съ еврейскими вожаками въ Парижѣ, а равно и съ русскими раввинами въ такіе разговоры — «заставьте вашихъ прекратить революцію, я прекращу погромы и начну отмѣнять стѣснительныя противъ евреевъ мѣры». Ему отвѣчали: «мы не въ силахъ, ибо большая часть — молодежь, озвѣрѣвшая отъ голода, и мы ея не держимъ въ рукахъ, но думаемъ и даже увѣрены, что, если вы начнете проводить облегчительныя относительно еврейства мѣры, то они успокоятся». Онъ началъ проводить такія мѣры передъ его убійствомъ (напримѣръ: объявленіемъ многихъ мѣстечекъ на западѣ, какъ мѣста, допустимыя для еврейскаго жительства)...

Вообще мнѣ приходилось расходиться со взглядами Плеве и по большинству другихъ вопросовъ. Поэтому онъ, конечно, не скупился

представить Государю всякія самыя нелѣпыя обо мнѣ свѣдѣнія, доходящія до того, какъ это выяснилось послѣ его смерти изъ архивовъ департамента полиціи, что я чуть ли не революціонеръ, конспирирующій на священную для всякаго честнаго русскаго жизнь Государя Императора. Плеве зналъ, что я не дамъ хода его полицейскимъ вожделѣніямъ, крайне революціонировавшимъ Россію, а потому, чтобы сохранить постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ во чтобы то ни стало рѣшилъ меня устранить. Можетъ быть, отчасти это побудило его стать во главѣ политической затѣи Безобразова, приведшей къ войнѣ съ Японіей, въ увѣренности, что я скорѣе уйду, нежели сдамся на эту пагубнѣйшую авантюру. *

Министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве старался всячески аппланировать сильно развившееся революціонное настроеніе, но такъ какъ онъ былъ лишь умный, культурный и безсовѣстный полицейскій, то конечно, онъ и не могъ придумывать никакихъ мѣръ для устраненія этого общественнаго возмущенія, кромѣ мѣръ полицейскихъ, мѣръ силы или мѣръ полицейской хитрости. Чтобы сдержать рабочее движеніе, онъ началъ усиленно проводить зубатовщину.

Такими же полицейскими путями онъ думалъ устранить безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ и въ обществѣ, причемъ во все время его управленія онъ иначе не выѣзжалъ и не выходилъ, какъ окруженный полицейскими; такъ, когда онъ ѣздилъ въ каретѣ, то всегда вокругъ кареты ѣздило нѣсколько агентовъ на велосипедахъ, и это дѣлалось такъ неискусно, что его переѣзды обращали на себя всеобщее вниманіе.

Хотя Плеве происходилъ отъ поляковъ и онъ перемѣнилъ свою фамилію еще будучи молодымъ человѣкомъ, но, какъ всегда бываетъ съ ренегатами, онъ началъ проявлять особенно непріязненное чувство ко всему, что не есть православное. Я не думаю, чтобы онъ вѣрилъ болѣе въ Бога, нежели въ чорта, но тѣмъ не менѣе, онъ, чтобы понравиться наверху, а также Московскому генералъ-губернатору Великому Князю Сергѣю Александровичу проявлялъ свою особую набожность; такъ: какъ только онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ отправился въ Москву на поклоненіе въ Сергіевско-Троицкую Лавру.

* Идея зубатовщины столь же проста, какъ и наивна. Рабочіе уходятъ въ руки революціонеровъ, т. е. всякихъ соціалистическихъ и анархическихъ организацій, потому что революціонеры держатъ ихъ сторону,

проповѣдуютъ имъ теоріи, сулящія имъ всякія блага. Какъ же бороться съ этимъ? Очень просто. Нужно дѣлать то же, что дѣлаютъ революціонеры, т. е. нужно устраивать всякія полицейско-рабочія организаціи, защищать, или главнымъ образомъ кричать о защитѣ интересовъ рабочихъ, устраивать всякія общества, сборища, лекціи, проповѣди, кассы и пр. Революціонеры идутъ противъ современной организаціи общества, но что особенно соблазнительно рабочимъ — противъ капитала. Намъ же какое дѣло до капиталистовъ, до промышленности, основанной на современной организаціи общества; намъ нужно лишь спокойствіе, т. е. сохраненіе полицейско-государственнаго режима, дающаго внѣшнее спокойствіе. Конечно, Зубатовы, Треповы и пр. не могли разобраться, въ чемъ заключается дѣло анархическаго соціализма. Они полагали, что тѣми же средствами можно достигать діаметрально противоположныя цѣли. Затѣи Зубатова, который, въ сущности говоря, держалъ въ рукахъ и Великаго Князя Сергѣя Александровича и Трепова, производили въ Москвѣ большія сенсаціи. Фабричная инспекція съ ними боролась. Я поддерживалъ инспекцію, но ничего существеннаго къ уничтоженію этихъ затѣй сдѣлать не могъ. Великій Князь дѣлалъ все, что хотѣлъ, ничѣмъ не стѣсняясь. Министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, ничтожный чиновникъ, конечно, всячески угождалъ Великому Князю.

Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ Сипягинъ, онъ началъ бороться съ «зубатовщиной», но все, что могъ достигнуть — это локализировать «зубатовщину» въ Москвѣ; съ Великимъ Княземъ онъ тоже бороться не могъ. Когда Сипягина убили и на его мѣсто былъ назначенъ Плеве, я при первомъ же моемъ съ нимъ свиданіи, обратилъ его вниманіе на эту опасность. Онъ мнѣ сказалъ, что ѣдетъ въ Москву являться къ Великому Князю и надѣется все устроить; о затѣѣ Зубатова высказался, какъ о вредномъ и глупомъ экспериментѣ.

Но послѣ, вдругъ Зубатовъ очутился главнымъ дѣятелемъ въ департаментѣ полиціи и началъ организовывать охранныя отдѣленія, которыя всѣ находились въ его вѣдѣніи. Такимъ образомъ въ его руки поступила вся секретная часть департамента полиціи. Насколько Плеве цѣнилъ Зубатова, видно изъ того, что еще мѣсяца за три до оставленія мною поста министра финансовъ, я какъ то спросилъ Плеве, что онъ думаетъ дѣлать лѣтомъ, — онъ мнѣ отвѣтилъ, что поѣдетъ на нѣкоторое время въ деревню. Я ему сказалъ, какъ же вы это сдѣлаете, когда мнѣ говорили, что Лопухинъ ѣдетъ по дѣламъ за границу. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ сущности теперь вся полицейская часть, т.-е. полицейское спокойствіе государства въ рукахъ Зубатова, на котораго можно положиться.

Зубатовъ, зная, что я противъ его рабочихъ организацій, никогда ко мнѣ не являлся и я его никогда не видѣлъ. Вдругъ въ началѣ іюля (1903 г.) мѣсяца за полтора до моего ухода съ поста министра финансовъ мнѣ докладываютъ, что меня желаетъ видѣть Зубатовъ. Я его принялъ. Онъ мнѣ началъ подробно разсказывать о состояніи Россіи по его секретнымъ свѣдѣніямъ охранныхъ отдѣленій. Онъ мнѣ докладывалъ, что въ сущности вся Россія бурлитъ, что удержать революцію полицейскими мѣрами невозможно, что политика Плеве заключается въ томъ, чтобы вгонять болѣзнь внутрь и что это ни къ чему не приведетъ, кромѣ самаго дурного исхода. Онъ прибавилъ, что Плеве убьютъ и что онъ его уже нѣсколько разъ спасалъ.

Выслушавъ его подробный разсказъ, я его спросилъ, для чего вы мнѣ все это разсказываете, вы должны все это говорить Плеве, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что Плеве все это онъ говорилъ, но что Плеве, взявши чисто полицейскій курсъ, отъ него отойти не хочетъ или не можетъ. Въ заключеніе я ему сказалъ, что по настоящему я долженъ бы былъ поѣхать къ Плеве и передать ему все, что вы мнѣ разсказывали, но я, не желая вамъ вредить, этого не сдѣлаю и буду считать, что между нами никакого разговора не было, но совѣтую вамъ все, что вы мнѣ сказали, внушить Плеве.*

Затѣмъ, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Зубатовъ отправился къ князю Мещерскому и тоже самое говорилъ князю Мещерскому, причемъ сказалъ, что онъ былъ у меня, говорилъ все это и просилъ моего вмѣшательства, чтобы я уговорилъ Плеве перестать его мракобѣсную политику и что я отъ этого отказался. Тогда князь Мещерскій поѣхалъ къ Плеве и все ему разсказалъ, причемъ сказалъ, что Зубатовъ былъ у меня. Это было достаточнымъ поводомъ для того, чтобы Зубатова не только устранить отъ его мѣста, но даже сослать въ городъ Владиміръ.

*Черезъ нѣсколько недѣль разразилась общая забастовка въ черноморскихъ портахъ относительно морскихъ перевозокъ[1]. Великій Князь Александръ Михаиловичъ, который былъ начальникомъ главнаго управленія мореплаванія (характерно было также созданіе этого своего рода министерства для большого интригана и нехорошаго человѣка Александра Михаиловича), потребовалъ объясненій отъ портовыхъ управленій и къ удивленію своему получилъ отвѣтъ, что эта забастовка устроена по приказу изъ Петербурга правительственными агентами, а потому они удивляются сдѣланному имъ запросу. Въ это время я уже

[1] Рабочія организаціи по системѣ Зубатова были въ Одессѣ организованы агентомъ Департамента полиціи «докторомъ философіи» Шаевичемъ.

получилъ донесеніе мѣстной фабричной инспекціи, изъ котораго было видно, что все это устроено зубатовскими организаціями. Плеве вынужденъ былъ своихъ же агентовъ (въ томъ числѣ главнаго — еврейку изъ Минска) арестовать и выслать съ юга.

Великій Князь Александръ Михаиловичъ, полагая, что портовыя управленія указываютъ, какъ на организаторовъ стачки, на фабричную инспекцію, пріѣхалъ ко мнѣ для объясненій. Я ему передалъ всѣ донесенія фабричныхъ инспекторовъ и весь матеріалъ по «Зубатовщинѣ».

Тогда же я подробно докладывалъ Его Величеству о всей этой исторіи, напомнивъ Государю всю «зубатовщину», и указывалъ на весь вредъ этой затѣи. Это было за нѣсколько недѣль до моего ухода съ поста министра финансовъ. Его Величество меня спокойно выслушалъ, но не сказалъ ни одного слова. Великому же Князю сказалъ, что Онъ думаетъ, что я неправъ, такъ какъ Плеве и Великій Князь Сергѣй Александровичъ вполнѣ довѣряютъ Зубатову. Когда черезъ нѣсколько недѣль я былъ уволенъ, то на слѣдующій день я былъ у Великаго Князя Александра Михаиловича, который меня поздравилъ телеграммой съ высокимъ назначеніемъ на постъ предсѣдателя комитета министровъ. Великій Князь мнѣ сказалъ:

«Вчера вечеромъ Государь изволилъ сказать — а знаешь, Витте правъ, оказалось, что Зубатовъ устроилъ всю эту забастовку и дѣлалъ всѣ рабочія организаціи; онъ (Витте) не правъ только въ томъ направленіи, что говоритъ, что Плеве обо всемъ этомъ знаетъ. Плеве ничего не зналъ, только теперь все открылъ и представилъ мнѣ объ увольненіи Зубатова».

Для меня было совершенно очевидно, что все это повышенное революціонное настроеніе Россіи кончится или катастрофой или большимъ переворотомъ, что и случилось 17 октября 1905 года, и что мѣры принимаемыя Плеве, приведутъ къ тому, что онъ будетъ убитъ, ибо если есть тысячи и тысячи людей, которые рѣшаются пожертвовать собою для того, чтобы убить того или другого сановника, то можно избѣгать этой катастрофы мѣсяцы, наконецъ годъ, но, въ концѣ концовъ, человѣкъ этотъ будетъ непремѣнно убитъ и я помню, за нѣсколько мѣсяцевъ до его убіенія, какъ то разъ я къ нему заѣхалъ, для того, чтобы съ нимъ объясниться по поводу одного изъ его заявленій, сдѣланныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что будто бы я принципіально буду всегда идти противъ всякой его мѣры. Плеве думалъ, что я хочу занять

его мѣсто, вслѣдствіе сего я хотѣлъ его убѣдить, чтобы онъ оставилъ эти опасенія. * Я ему старался объяснить, что, если ему иногда возражаю, то потому, что мои воззрѣнія расходятся съ его воззрѣніями по большинству государственныхъ вопросовъ и что въ моемъ положеніи добиваться поста министра внутреннихъ дѣлъ значитъ быть глупымъ, а этого, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени мнѣ никто не приписывалъ. Затѣмъ я старался убѣдить его, что принятый имъ курсъ политики кончится дурно и для него и для государства.* Что при той политикѣ, какую онъ ведетъ, онъ въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ устраненъ отъ всякой дѣятельности, потому что онъ неизбѣжно погибнетъ отъ руки какого нибудь фанатика. Онъ такое мое предсказаніе выслушалъ, былъ имъ очень подавленъ, но ничего на это не отвѣтилъ.

*Конечно, этотъ разговоръ на него мало подѣйствовалъ. Нужно сказать, что петербургскій режимъ создалъ массу людей, которые занимаются тѣмъ, что травятъ другъ друга ложью и клеветою, ища для себя черезъ это мимолетной выгоды. Многія личности (въ томъ числѣ и Государь) легко поддаются на эти навѣты.

Плеве такъ долго добивался поста министра, что, добившись своей цѣли, онъ готовъ былъ задушить всякаго, кого онъ могъ подозрѣвать въ способствованіи его уходу съ министерскаго мѣста.*

Въ іюлѣ мѣсяцѣ я поѣхалъ въ Германію заключать съ канцлеромъ Бюловымъ новый торговый договоръ. 16-го іюля я былъ въ Берлинѣ и шелъ по главной улицѣ и, проходя мимо нашего посольства, узналъ, что вчера, т.-е. 15 іюля, былъ убитъ Плеве Сазоновымъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, то я узналъ о слѣдующихъ подробностяхъ убійства Плеве: онъ ѣхалъ къ Государю Императору на Балтійскій вокзалъ съ докладомъ, по обыкновенію въ каретѣ, окруженной велосипедистами охранниками. Сазоновъ бросилъ подъ карету бомбу. Плеве былъ убитъ, кучеръ сильно раненъ. Портфель Плеве остался невредимымъ. Затѣмъ портфель этотъ со всеподданнѣйшими докладами былъ осмотрѣнъ его товарищемъ Петромъ Николаевичемъ Дурново, причемъ въ портфелѣ было найдено письмо, будто бы агента тайной полиціи, какой то еврейки одного изъ городовъ Германіи, если я не ошибаюсь Кисингена, въ которомъ эта еврейка сообщала секретной полиціи, что, будто бы, готовится какое то революціонное выступленіе противъ Его Величества, связанное съ приготовленіемъ бомбы, которая

должна быть направлена въ Его Величество и что будто бы я принимаю въ этомъ дѣлѣ живое участіе. Какъ потомъ я выяснилъ, это письмо было ей продиктовано. Очевидно планъ Плеве былъ таковъ, чтобы получать такія письма отъ агентовъ его, въ которыхъ бы сообщалось о томъ, что я принимаю участіе въ революціонныхъ выступленіяхъ и, въ частности, въ покушеніи на жизнь моего Государя Императора Николая, съ тѣмъ, чтобы Плеве могъ невиннымъ образомъ подносить эти письма Государю, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не можетъ ихъ скрыть отъ Государя, причемъ, конечно, онъ сказалъ бы, что хотя онъ не можетъ скрыть, но самъ то онъ сообщаемому не вѣритъ, думаетъ, что это ложь; но тѣмъ не менѣе представленіе этихъ писемъ имѣло опредѣленную цѣль какъ можно болѣе вооружить чувство Государя Императора противъ меня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПЕРЕГОВОРЫ СЪ МАРКИЗОМЪ ИТО. МОЯ ПОѢЗДКА НА ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ. ОБРАЗОВАНІЕ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ТОРГОВАГО МОРЕПЛАВАНІЯ И ПОРТОВЪ

Около 15-го ноября 1901 г. прибылъ въ Петербургъ замѣчательный и даже великій государственный дѣятель Японіи маркизъ Ито. Цѣлью пріѣзда маркиза Ито было установить, наконецъ, соглашеніе между Россіей и Японіей, которое предотвратило бы ту несчастную войну, которая затѣмъ случилась. Базисомъ этого соглашенія было слѣдующее начало. Россія должна окончательно уступить Корею полному вліянію Японіи. Японія примиряется съ фактомъ захвата Квантунской области и сооруженія восточной вѣтви Китайской дороги къ Портъ-Артуру, но съ тѣмъ, чтобы мы вывели изъ Манджуріи наши войска, оставивъ лишь охранную стражу желѣзной дороги, и затѣмъ ввели бы въ Манджуріи политику открытыхъ дверей. Въ этомъ, собственно, заключалась сущность его предложеній, которыя были оформлены особымъ проектомъ, излагающимъ то же самое, но въ иной дипломатической формѣ.

Ито былъ встрѣченъ въ Петербургѣ весьма холодно. Онъ представлялся Его Величеству, былъ у министра иностранныхъ дѣлъ, но никакихъ особыхъ знаковъ вниманія или радушія ему оказано не было. Со мною онъ велъ нѣсколько разъ продолжительныя бесѣды, такъ какъ зналъ, что я являлся ярымъ сторонникомъ соглашенія съ Японіей, предвидя, что если мы не заключимъ такого соглашенія, то произойдутъ на Дальнемъ Востокѣ катастрофы, результаты которыхъ предвидѣть нельзя.

Такъ какъ одновременно японскій посланникъ въ Англіи велъ съ Англіей переговоры, то Ито спѣшилъ со своими переговорами съ Россіей дабы предотвратить соглашеніе Японіи съ Англіей и во всякомъ случаѣ дать этому соглашенію другое направленіе. Къ сожалѣнію, мы медлили. На проэктъ соглашенія, представленный Ито, мы никакого опредѣленнаго отвѣта не дали. Министръ иностранныхъ дѣлъ запросилъ по этому предмету отзывы подлежащихъ министровъ, т.-е. морского, военнаго и мое мнѣніе и я выразилъ мнѣніе о желательности скорѣе покончить дѣло съ Японіей, но другіе министры дѣлали различныя возраженія. Наконецъ предложеніе Ито не встрѣтило сочувствія на верху. Въ концѣ концовъ, вмѣсто его предложенія, мы составили свое предложеніе, въ которомъ на самыя существенныя вещи, которыя желала Японія, не соглашались. Проэктъ этого соглашенія мы послали вслѣдъ за Ито въ Берлинъ, но затѣмъ на этотъ проэктъ намъ никакого отвѣта Ито не далъ, да и не могъ дать, потому что, видя какую встрѣчу его мирныя предложенія получили въ Петербургѣ, онъ уже не препятствовалъ соглашенію Японіи съ Англіей, по которому Англія являлась защитникомъ Японіи въ дальнѣйшихъ съ нами распряхъ, которыя привели къ печальной для насъ войнѣ съ японцами.

Въ то время вліяніе Безобразова и Компаніи, которое вело Россію къ авантюрѣ на Дальнемъ Востокѣ, уже имѣло надлежащую силу, а потому, хотя Ито и не сказалъ нѣтъ, но поставилъ такія условія, при которыхъ соглашеніе съ Японіей было немыслимо. Вѣроятно въ то время, т.-е. въ концѣ 1901—1902 года уже авантюра Безобразова приняла значительные размѣры.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Димитрій Сергѣевичъ Сипягинъ, которому доступны всевозможныя секретныя свѣдѣнія, неоднократно обращался ко мнѣ съ вопросомъ: «Скажи мнѣ, пожалуйста, кто это такіе Безобразовъ, Вонлярлярскій и Абаза. Я по всему вижу, что они имѣютъ какое то тайное, серьезное вліяніе на верху, и очень боюсь послѣдствій тѣхъ авантюръ, которыя они затѣваютъ».

Лѣтомъ 1902 года Государь Императоръ ѣздилъ въ Ревель на морскіе маневры. Въ іюнѣ мѣсяцѣ на маневры пріѣзжалъ Германскій Императоръ, причемъ послѣ маневровъ совершилось слѣдующее интересное событіе, показывавшее настроеніе Германскаго Императора: когда его яхта начала отходить, то началось обыкновенное сигнальное прощаніе, причемъ Германскій Императоръ далъ слѣдующій сигналъ: Адміралъ

Атлантическаго океана шлетъ привѣтъ Адмиралу Тихаго океана. Государь очень былъ стѣсненъ, что ему на этотъ привѣтъ отвѣтить. Я не знаю, какъ Его Величество отвѣтилъ, но знаю положительно, что Германскій Императоръ далъ нашему такой сигналъ, который значилъ, если перевести его на обыкновенный языкъ: я стремлюсь къ захвату или къ доминирующему положенію въ Атлантическомъ океанѣ, а, молъ, Тебѣ совѣтую и буду поддерживать въ томъ, чтобы Ты принялъ доминирующее положеніе въ Тихомъ океанѣ.

Какъ я уже имѣлъ случай говорить, Императоръ Вильгельмъ втюрилъ насъ въ дальне-восточную исторію, понимая, что если насъ отвлечетъ на Дальній Востокъ, то онъ развяжетъ себѣ руки въ Европѣ и этимъ сигналомъ онъ продолжалъ ту же самую характерную комедію.

Не знаю, вліяніе ли Императора Вильгельма, выразившееся между прочимъ, въ сказанномъ сигналѣ, или нѣчто другое, но съ того времени, а еще болѣе въ 1903 году, въ депешахъ, даваемыхъ намѣстнику Его Величества на Дальнемъ Востокѣ и въ другихъ актахъ, неоднократно высказывалась Государемъ мысль о томъ, что онъ желаетъ, чтобы Россія имѣла доминирующее вліяніе въ Тихомъ океанѣ.

После отъѣзда Его Величества 14 Сентября 1902 г. въ Крымъ и кажется даже ранѣе этого, я совершилъ путешествіе на Дальній Востокъ, былъ въ Портъ-Артурѣ, былъ во Владивостокѣ, въ Дальнемъ, совершенно ознакомился съ тѣмъ, что тамъ дѣлается на дальней окраинѣ, и изъ всего моего осмотра вывелъ мрачныя заключенія.

По возвращеніи моемъ, я составилъ Его Величеству подробный всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ высказалъ о всей ненормальности положенія дѣла. Горячо настаивалъ, чтобы эта ненормальность была кончена, чтобы наши войска изъ Манджуріи были выведены, чтобы край вошелъ въ мирную жизнь. Высказалъ снова о необходимости соглашенія съ Японіей, предсказывалъ, что въ противномъ случаѣ все кончится большими бѣдствіями.

Извлеченія изъ моего всеподданнѣйшаго доклада были помѣщены въ Правительственномъ Вѣстникѣ, но самый всеподданнѣйшій докладъ представлялъ такой документъ, который, конечно, обнародованію не подлежалъ. Значительная часть его была обнародована послѣ Портсмутскаго договора. Я подробно о томъ, что я видѣлъ и что я докладывалъ Государю, здѣсь не излагаю. Въ моемъ архивѣ находится экземпляръ моего всеподданнѣйшаго доклада, изъ котораго видно, что если

бы угодно было принять во вниманіе мои мнѣнія и указанія, то мы избѣгли бы ужасной и несчастнѣйшей Японской войны и всѣхъ послѣдствій отъ того происшедшихъ.

Часто говорятъ, что Японія готовилась къ войнѣ и все равно какъ бы мы себя не вели, она бы намъ объявила войну. Это разсужденіе безусловно не вѣрное. Если бы мы въ точности исполнили наши договоры съ Китаемъ, если бы мы не завели сказочную для конца 19-го вѣка авантюру въ Кореѣ, авантюру, которая можетъ быть названа по автору ея «Безобразовщина», если бы мы приняли искреннія предложенія, которыя были намъ сдѣланы Ито и дальнѣйшее предложеніе, даже передъ самой войной, сдѣланное намъ японскимъ посломъ Курино, то войны бы не было.

О томъ, насколько неосновательно мнѣніе, что Японія готовилась къ войнѣ и поэтому война должна была быть, можетъ служить лучшимъ примѣромъ слѣдующій фактъ: какъ только я кончилъ курсъ въ университетѣ, сначала служа на западныхъ желѣзныхъ дорогахъ, потомъ въ качествѣ директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, министра путей сообщенія, министра финансовъ, наконецъ предсѣдателя комитета министровъ, все время слышалъ разговоры о томъ, что намъ въ ближайшіе годы, если не мѣсяцы предстоитъ война съ Германіей. Въ теченіе 20 лѣтъ, мы все время, по желѣзнымъ дорогамъ, по финансамъ, въ военномъ вѣдомствѣ всегда всѣ мѣры принимали, главнымъ образомъ имѣя въ виду войну на Западѣ, точно также и Германія принимала и нынѣ принимаетъ мѣры, имѣя въ виду войну съ нами.

Передъ самой Японской войной, когда не хотѣли вѣрить въ эту войну и ведя самую задорную политику, къ войнѣ не приготовлялись, всѣ помыслы военнаго вѣдомства были направлены къ возможной войнѣ съ Германіей.

Какъ я говорю, за нѣсколько мѣсяцевъ до войны, высшее военное начальство занималось не возможною войною съ Японіей, а неизбѣжно, будто бы, предстоящей войной съ Германіей. Уже были назначены главнокомандующіе арміями, такъ: арміей, которая должна была сражаться съ войсками германскими, главнокомандующимъ былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а главнокомандующимъ арміей, которая должна была сражаться съ австрійской арміей, былъ назначенъ военный министръ Куропаткинъ. Между тѣмъ, слава Богу этой войны

не было и до сихъ поръ ее нѣтъ и если мы будемъ вести разумную, невызывающую и добросовѣстную политику, то я увѣренъ, что войны этой еще долго не будетъ.

Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что государства приготовляются къ войнѣ, еще никоимъ образомъ не служитъ основаніемъ заключенію, что поэтому война въ непродолжительномъ времени неизбѣжна, напротивъ, именно разумное приготовленіе къ войнѣ при разумной не ребяческой политикѣ служитъ гарантіей къ тому, чтобы война безъ самыхъ неизбѣжныхъ причинъ не разразилась.

Съ Дальняго Востока я прямо пріѣхалъ въ Ливадію и кратко доложилъ Государю о моихъ впечатлѣніяхъ. Но Государь подробно меня не выслушивалъ, прося меня прислать ему свой докладъ. Этотъ докладъ я составилъ въ Петербургѣ и Ему представилъ уже въ Петербургѣ.

Въ то время уже Безобразовъ посредствомъ Великаго Князя Александра Михайловича снова вошелъ въ полный фаворъ къ Его Величеству. Этимъ и объясняется, что Его Величество не былъ склоненъ особенно много говорить со мной о моихъ впечатлѣніяхъ на Дальнемъ Востокѣ, ибо, если Его Величество склонялся болѣе къ взглядамъ Безобразова, то эти взгляды вели къ авантюрѣ, къ риску, къ войнѣ, безъ серьезнаго приготовленія къ ней.

Во время пребыванія моего въ Ялтѣ произошелъ другой характеристичный фактъ — образованія главнаго управленія торговаго мореплаванія и назначеніе главноуправляющимъ Великаго Князя Александра Михайловича.

*Насколько Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью приближенныхъ и знавшихъ его лицъ — настолько же этимъ не пользовалась его супруга Великая Княгиня Ольга Федоровна, принцесса Баденская. Красивая, умная, съ волею, она обладала пресквернымъ характеромъ, имѣла постоянныхъ фаворитовъ и была дамой хитрой и безсердечной. Она совершенно держала мужа въ своихъ рукахъ. Была распространена сплетня, что дѣйствительный ея отецъ былъ нѣкій банкиръ еврей, баронъ Haber. Императоръ Александръ III иногда называлъ ее въ интимномъ кружкѣ «тетушка» Haber.

Великій Князь Александръ Михайловичъ совсѣмъ пошелъ въ мать и въ интригахъ перещеголялъ ее. Красивый по наружности, не глупый,

полуобразованный, съ большимъ самомнѣніемъ, скрытный и страстный интриганъ, въ отношеніяхъ довольно симпатичный. Старшую дочь Ксенію нужно было выдать замужъ. Государю, по его чисто русской натурѣ, нежелательно было выдавать ее за иностраннаго принца, да и къ тому же старшую дочь Императора Александра III нельзя было выдавать за какого бы то ни было принца, Ксеніи же полюбился Александръ Михайловичъ. Свадьба была рѣшена, хотя Александръ Михайловичъ, какъ и всѣ Михайловичи, не особенно то нравился Императору.

Передъ свадьбой, лѣтомъ, приблизительно за годъ до своей смерти, Александръ III, уже будучи не вполнѣ здоровымъ, совершалъ свою обыденную прогулку по финляндскимъ шхерамъ. Александръ III почему то не могъ выкупаться въ своей ваннѣ, Александръ Михайловичъ предложилъ Государю свою гутаперчевую ванну. Онъ согласился и послѣ ванны сказалъ Александру Михайловичу въ присутствіи другихъ лицъ, что Ему ванна очень понравилась. Послѣ этого Александръ Михайловичъ сказалъ одному изъ флигель-адъютантовъ Государя, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, саркастически, что онъ радъ, что, наконецъ, Императору понравилось хотя что либо до него касающееся.

Ксенія была весьма дружна съ Наслѣдникомъ Николаемъ, потому, конечно, Николай весьма подружился съ Александромъ Михайловичемъ. Покуда Императоръ Александръ III былъ живъ, само собою разумѣется, Александръ Михайловичъ никакой роли не игралъ. Когда воцарился Николай II, то онъ сейчасъ же завелъ свои интриги, что ему было тѣмъ легче разыгрывать, такъ какъ Николай II по свойству своего характера переживалъ по отношенію къ Александру Михайловичу «la lune de miel».

Александръ Михайловичъ былъ морякъ, но не совершилъ полагаемаго по цензу плаванія, поэтому онъ не могъ двигаться и съ тою протекціею, которую имѣлъ. Но какое тамъ плаваніе при молодой женѣ, сестрѣ Императора. Ему хотѣлось сдѣлать карьеру сразу и добиться поста генералъ-адмирала.

Морской министръ генералъ-адъютантъ Чихачевъ и, въ особенности, генералъ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, зная склонность Александра Михайловича къ интригамъ, стояли на томъ, чтобы онъ проходилъ установленный цензъ. Поэтому со вступленіемъ на престолъ Николая II началась борьба. Какъ это всегда бываетъ, лица почему либо недовольныя даннымъ вѣдомствомъ, т. е. его начальствомъ, сейчасъ же становятся во враждебный лагерь. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ Кази. Онъ имѣлъ старые счеты съ Чихачевымъ. Когда послѣдній былъ директоромъ русскаго общества пароходства и торговли, тогда весьма

процвѣтавшаго, Кази былъ его помощникомъ. Такъ какъ Кази хотѣлъ занять мѣсто Чихачева, то онъ долженъ былъ оставить службу. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ его врагомъ.

Кази былъ лейтенантъ въ отставкѣ, нигдѣ серьезнаго образованія не получилъ, но самъ себя образовалъ, долго жилъ въ Англіи и былъ человѣкъ весьма даровитый и способный. Въ общемъ онъ былъ выдающійся человѣкъ и несомнѣнно хорошо понималъ морское дѣло. Александръ Михайловичъ съ нимъ сошелся и они начали борьбу съ морскимъ министерствомъ. Кази писалъ записки, проекты и они передавались Императору Николаю. Императоръ говорилъ, что онъ ихъ вполнѣ раздѣляетъ, что Онъ приведетъ ихъ въ дѣйствіе, но по обыкновенію не становился прямо ни на одну, ни на другую сторону. Внутренно Онъ желалъ бы осуществленія идеи Александра Михайловича и Кази, Онъ хотѣлъ бы видѣть ихъ во главѣ морского дѣла, но тогда Онъ былъ еще подъ полнымъ вліяніемъ Императрицы Матери, которая любила любимаго брата своего мужа генералъ-адмирала Алексѣя, а Алексѣй поддерживалъ своего подчиненнаго Чихачева.

Я думаю, что идеи Кази объ организаціи флота были болѣе правильны, нежели Чихачева, а слѣдовательно, Кази и Александръ Михайловичъ были ближе къ истинѣ по существу и обладали бо̀льшимъ талантомъ, нежели Великій Князь Алексѣй Александровичъ и Чихачевъ. Но несомнѣнно также, что послѣдніе были болѣе порядочные, нежели первые. Кази по натурѣ былъ склоненъ къ интригѣ, а объ Александрѣ Михайловичѣ въ этомъ отношеніи и говорить не стоитъ. Первый, по крайней мѣрѣ, былъ весьма умный, талантливый и въ общемъ порядочный человѣкъ.

Генералъ-адъютантъ Чихачевъ несомнѣнно былъ благородный и порядочный человѣкъ, а также умный, хотя можетъ быть ему не было дано дара создателя русскаго флота, но все таки онъ былъ способнѣе всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были послѣ него морскими министрами до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, завязалась съ самаго воцаренія Николая II борьба между Алексѣемъ (Чихачевъ) и Александромъ (Кази). Борьба эта прежде всего разыгралась въ Либавѣ. Государь говорилъ мнѣ, что Онъ непремѣнно приведетъ желаніе почившаго отца въ исполненіе и построитъ портъ на Мурманѣ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вдругъ появился указъ о томъ, что Либавскій портъ сооружается согласно желанію Императора Александра III и что военному порту, который будетъ тамъ сооруженъ, даруется именованіе порта Императора Александра III. Послѣ этого указа, само собою разумѣется, пошли громадныя затраты

на этотъ портъ, а теперь возбудился вопросъ, что дѣлать съ этимъ портомъ на случай войны. Есть спеціалисты, которые чуть ли не совѣтуютъ его уничтожить. Генералъ-адъютантъ Дубасовъ теперь поѣхалъ на Мурманъ опять изслѣдовать, не слѣдуетъ ли сооружать портъ въ Мурманѣ. Въ тотъ же самый день, когда Государь подписалъ указъ о портѣ Александръ III, Онъ былъ у Великаго Князя Константина Константиновича и сѣтовалъ на то, что указъ этотъ у Него вырвали.

Тогда я сочувствовалъ этому сѣтованію и понималъ его, но съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, а Государь всякій разъ, когда подпишетъ какой либо документъ, который затѣмъ Ему не нравится, говоритъ Самъ или сіе возглашаетъ придворная камарилья, что документъ этотъ у Него вырванъ. Вѣдь придворная камарилья и Сама Императрица не стѣсняются говорить, что будто бы я вырвалъ у Государя манифестъ 17-го октября, а насколько это утвержденіе ложно, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Конечно, послѣ подписанія указа о портѣ Александра III, Александръ Михайловичъ, пользуясь затаеннымъ неудовольствіемъ Государя за то, что генералъ-адмиралъ Алексѣй и Чихачевъ «вырвали» у Него указъ, пустилъ свои интриги во всю. Одну изъ его записокъ, составленную Кази, Государь передалъ, какъ заслуживающую вниманія, генералъ-адмиралу Алексѣю. Такъ какъ эта записка критиковала дѣйствія морского министерства, то Алексѣй потребовалъ увольненія со службы офицера флота Александра Михайловича. Этимъ борьба обострилась до крайности. Конечно, Александръ Михайловичъ и Кази побѣдили бы, но Государь тогда еще не смѣлъ идти противъ матери.

Кончилось тѣмъ, что около коронаціи Чихачевъ былъ уволенъ съ поста управляющаго морскимъ министерствомъ, но на его мѣсто былъ назначенъ адмиралъ Тыртовъ по выбору Алексѣя.

Такимъ образомъ, жертвой этой интриги и борьбы явился Чихачевъ. Алексѣй все таки побѣдилъ Александра Михайловича. Въ морскомъ министерствѣ все осталось по старому съ тою разницею, что Тыртовъ, будучи также порядочнымъ человѣкомъ, какъ Чихачевъ, былъ значительно менѣе умнѣе послѣдняго. Государь «показалъ свой характеръ» и успокоился. Александръ Михайловичъ былъ устраненъ изъ морскихъ совѣтчиковъ, но зато Алексѣй Александровичъ сдѣлался точнымъ исполнителемъ предначертаній Его Величества, до того точнымъ, что не имѣлъ мужества возражать противъ затѣи Безобразова и К-о, поведшей къ японской войнѣ. Онъ и мнѣ совѣтовалъ тотъ же образъ дѣйствія — «все равно Государь сдѣлаетъ по своему, только себѣ повредите». Александръ Михайловичъ и не могъ больше плодотворно интриговать по

морскимъ дѣламъ, такъ какъ сейчасъ же послѣ коронаціи Кази, будучи со мною на Нижегородской выставкѣ, неожиданно скончался, а самъ Александръ Михайловичъ былъ большой мастеръ на интриги, но полуобразованный, а во многихъ случаяхъ просто невѣжественный диллетантъ во всѣхъ областяхъ знанія, конечно, ни о чемъ никакой толковой записки составить не могъ.

Такъ какъ послѣ перемѣны положенія съ уходомъ Чихачева Александръ Михайловичъ увидѣлъ, что ему блестящая карьера въ морскомъ вѣдомствѣ была закрыта, то онъ обратилъ свои помыслы на другіе пути къ достиженію власти. Ближе всего къ его спеціальности, посколько она выражалась мундиромъ, имъ носимымъ, было морское дѣло, а потому, потерпѣвъ неудачу въ области военнаго морского дѣла, онъ началъ интриговать, чтобы составить себѣ положеніе въ области торговаго мореходства.

Онъ прежде всего подалъ мысль объ отдѣленіи изъ морского вѣдомства «Добровольнаго флота», созданнаго подъ покровительствомъ Александра III К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ вспомогательное орудіе морского вѣдомства. Встрѣтивъ опять отпоръ отъ генералъ-адмирала Алексѣя, у него естественно обратились взоры на торговое мореплаваніе вообще, которое находилось, какъ все касающееся торговли, въ вѣдѣніи главнаго управленія торговли и мануфактуръ министерства финансовъ.

Вообще въ Россіи торговое мореплаваніе по причинамъ экономическимъ и географическимъ развито весьма мало, причемъ внѣшнее (морское) было въ вѣдѣніи главнаго управленія торговли и мануфактуръ, какъ сказано выше, а внутреннее (рѣчное) въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія. Вотъ Александръ Михайловичъ и пожелалъ заняться внѣшнимъ торговымъ мореплаваніемъ. Онъ черезъ своихъ сотрудниковъ, или вѣрнѣе, приспѣшниковъ, передалъ мнѣ о семъ желаніи. Я доложилъ объ этомъ Его Величеству, который, повидимому, къ этой мысли былъ совершенно подготовленъ, и предложилъ образовать при министерствѣ финансовъ комиссію изъ представителей различныхъ вѣдомствъ и торговли для предварительнаго обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся торговаго мореплаванія, причемъ коллегія эта имѣла характеръ совѣщательный, не связывающій подлежащихъ министровъ.

Соотвѣтствующій законопроектъ прошелъ черезъ Государственный Совѣтъ и предсѣдателемъ совѣщанія былъ назначенъ Александръ Михайловичъ. Одновременно я былъ по какому то дѣлу у генералъ-адмирала Алексѣя, который заговорилъ со мною о назначеніи Александра Михайловича, спросилъ меня, знаю ли я его, и предупредилъ меня,

чтобы я былъ съ нимъ остороженъ, такъ какъ онъ большой интриганъ. Тогда я дѣйствительно очень мало его зналъ. На видъ онъ мнѣ казался приличнымъ и симпатичнымъ.

Какъ только сказанное совѣщаніе открыло свои дѣйствія, начались исторіи. Около Александра Михайловича сейчасъ же появилась масса приспѣшниковъ со всевозможными проектами. Въ совѣщаніи при всей склонности членовъ уступать мнѣніямъ Великаго Князя, мужу любимой сестры Императора, постоянно являлись разногласія. Мнѣ приходилось не утверждать мнѣнія, поддерживаемыя Великимъ Княземъ. Такимъ образомъ, отношенія все обострялись. Наконецъ, произошелъ такой инцидентъ.

Совѣщаніе выработало положеніе о портовыхъ управленіяхъ, причемъ часть совѣщанія съ Александромъ Михайловичемъ пожелала совершенно обособить эти управленія, сдѣлавши ихъ независимыми не только отъ мѣстныхъ губернаторовъ (градоначальниковъ), но и отъ контроля. Конечно, такой проектъ я не утвердилъ. Тогда Александръ Михайловичъ, будучи въ это время въ Крыму (лѣтомъ 1901 г.), телеграфировалъ мнѣ, что, если я не утвержу выработаннаго проекта, то онъ уйдетъ и что вообще въ виду постоянныхъ разногласій онъ тяготится положеніемъ предсѣдателя совѣщанія.

Я доложилъ эту телеграмму Государю, выяснивъ невозможность нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ положеній проекта. Его Величество совершенно со мною согласился и сказалъ, отвѣтьте ему, что если онъ не хочетъ быть предсѣдателемъ, пусть уходитъ. Не ссылаясь на Государя, я отвѣтилъ Александру Михайловичу, что утвердить проекта не могу. Мѣсяца черезъ два Его Величество уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ былъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, а черезъ нѣкоторое время и я туда пріѣхалъ, послѣ моей поѣздки на Дальній Востокъ.

При первомъ моемъ докладѣ Государь меня спросилъ, правда ли, что при портовыхъ сооруженіяхъ дѣлаются большія злоупотребленія. Я отвѣтилъ, что не имѣю по этому предмету фактовъ, но знаю, что подрядчики часто весьма наживаются, потому что контракты съ ними вѣроятно опредѣляютъ по преувеличеннымъ цѣнамъ.

Послѣ доклада Государь меня пригласилъ завтракать. Завтракала вся семья Его Величества, лица ближайшей свиты, а изъ постороннихъ я и командующій войсками Одесскаго округа, благороднѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. Послѣ завтрака всѣ вышли на террасу Государь подошелъ ко мнѣ и очень ласково спросилъ:

— Какъ вы думаете относительно образованія главнаго управленія торговаго мореплаванія и портовъ?

Я отвѣтилъ, что нынѣ торговое мореплаваніе вѣдается однимъ столомъ въ департаментѣ торговли, что можетъ быть слѣдуетъ нѣсколько усилить эту часть, но во всякомъ случаѣ эту часть торговли нераціонально отдѣлять отъ торговли вообще, а тѣмъ болѣе образовывать изъ этой части особое министерство. Если же образовать новое министерство, то нужно выдѣлить изъ министерства финансовъ все касающееся торговли и образовать министерство торговли.

Государь отвѣтилъ:

— Я говорю объ образованіи главнаго управленія, а не министерства.

Я отвѣтилъ, что разница только въ наименованіи, по существу же это одно и то же и добавилъ, что если образовывать новыя министерства, то въ Россіи есть много отраслей народнаго труда, заслуживающихъ бо́льшаго вниманія, нежели торговое мореплаваніе, напримѣръ, министерство труда, министерство кустарныхъ промысловъ, министерство хлѣбной торговли.

На это Государь сказалъ:

— Вы такъ думаете?

Я отвѣтилъ утвердительно, добавивъ, что я увѣренъ въ томъ, что если такое министерство (мореплаванія) будетъ основано, то оно просуществуетъ недолго. (Такъ оно и случилось. Послѣ 17 октября главное управленіе торговаго мореплаванія было уничтожено.)

Государь сказалъ на это: «увидимъ» и отошелъ отъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ графъ Мусинъ-Пушкинъ и спросилъ:

— Какой это непріятный разговоръ вы вели съ Государемъ на террасѣ?

Я отвѣтилъ, что по поводу мореплаванія, но что ничего непріятнаго не было.

Графъ Пушкинъ отвѣтилъ:

— Однако, я замѣтилъ, что у Государя, когда Онъ отъ васъ отошелъ, было крайне разсерженное лицо, — и добавилъ, что это все интриги Александра Михайловича.

На другой день утромъ я явился къ Его Величеству откланяться, такъ какъ въ тотъ же день выѣзжалъ въ Петербургъ. Его Величество былъ со мною ласковъ и о дѣлахъ не изволилъ ничего говорить. Какъ только я пріѣхалъ въ Петербургъ и вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, курьеръ мнѣ доложилъ, что пріѣхалъ ко мнѣ отъ Государя фельдъегерь

съ пакетомъ. Я былъ очень удивленъ, такъ какъ только что самъ пріѣхалъ изъ Крыма. Распечатавъ пакетъ, я нашелъ въ немъ указъ, подписанный Его Величествомъ, объ образованіи главнаго управленія торговаго мореплаванія и торговыхъ портовъ и приказъ о назначеніи начальникомъ этого главнаго управленія на правахъ министра Великаго Князя Александра Михайловича. Все сіе прошло безъ Государственнаго Совѣта и совѣщанія съ кѣмъ бы то ни было, т. е. совсѣмъ конспиративно.

Александръ Михайловичъ началъ съ того, что взялъ себѣ въ товарищи адмирала Абазу, двоюроднаго брата Безобразова, одного изъ главныхъ виновниковъ японской авантюры. Александръ Михайловичъ былъ прародителемъ этой проклятой затѣи, составившей несчастіе Россіи. Онъ ввелъ Безобразова и Абазу къ Государю.

Сдѣлавшись министромъ, Великій Князь, конечно, началъ вмѣшиваться въ дѣла, до него не касающіяся. Поскольку это вмѣшательство касалось министерства финансовъ (и торговли), я давалъ ему постоянный отпоръ, а потому Александръ Михайловичъ сдѣлался надежнымъ передатчикомъ Государю всякихъ записокъ противъ меня и моихъ сотрудниковъ. Какъ только кто либо осмѣливался не соглашаться съ какимъ нибудь корыстнымъ предложеніемъ, онъ сейчасъ же аттестовался Государю, какъ измѣнникъ. Такъ Государь нѣсколько разъ указывалъ мнѣ на неблагонадежность директора кредитной канцеляріи Малешевскаго, честнѣйшаго и надежнѣйшаго человѣка, до сихъ поръ занимающаго этотъ постъ. Я категорически возражалъ противъ его увольненія.

Что же сдѣлалъ Александръ Михайловичъ съ новымъ министерствомъ? Ничего положительнаго, а только развелъ злоупотребленія. Когда я уходилъ съ поста министра финансовъ, то дѣла Международнаго банка были довольно запутаны благодаря увлеченіямъ главнаго управителя Ротштейна, берлинскаго еврея, замѣчательно даровитаго финансиста-банкира, честнаго и умнаго человѣка, но довольно нахальнаго и мало симпатичнаго въ обращеніи. Говорили, будто онъ наживаетъ милліоны спекуляціями, а когда онъ умеръ, оказалось, что онъ оставилъ жену съ самыми ограниченными средствами.

Когда я еще былъ министромъ финансовъ, то въ послѣдній годъ я не принималъ Ротштейна въ наказаніе за то, что онъ разстроилъ дѣла банка. Я узналъ объ этомъ стороною, такъ какъ изъ отчетовъ это было трудно усмотрѣть.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего ухода Ротштейнъ просилъ меня его принять. Онъ мнѣ сказалъ, что явился для того, чтобы доложить, что дѣла банка приведены имъ въ порядокъ и что, хотя

теперь я не министръ финансовъ, но онъ счелъ долгомъ мнѣ это доложить, такъ какъ считаетъ себя виновнымъ за то, что не доложилъ мнѣ о разстройствѣ дѣлъ, когда я былъ еще министромъ, разсчитывая ихъ поправить.

На мой вопросъ, какимъ образомъ это достигнуто, онъ отвѣтилъ, что самыя шаткія дѣла имъ ликвидированы, такъ, напримѣръ, заводъ Ланге (кажется въ Ригѣ), который за ссуду остался на шеѣ банка, былъ проданъ главному управленію торговаго мореплаванія съ большою выгодою. На мой вопросъ, какъ это случилось, онъ мнѣ отвѣтилъ: мы запросили настоящую цѣну, но лицо, которое было уполномочено купить, сказало, что за эту цѣну оно купить не можетъ, но согласно купить за цѣну въ два раза большую, но съ тѣмъ, чтобы банку была внесена настоящая цѣна!..

Съ этимъ заводомъ Ланге мнѣ пришлось встрѣтиться вторично послѣ 17 октября, когда я былъ предсѣдателемъ совѣта. Когда началась японская война, былъ образованъ комитетъ для добровольнаго сбора денегъ съ цѣлью устройства дополнительныхъ военныхъ судовъ. Предсѣдателемъ комитета сталъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ, а вице-предсѣдателемъ Великій Князь Александръ Михайловичъ. Въ сущности послѣдній затѣялъ все дѣло и держалъ его въ рукахъ, а милѣйшаго и честнѣйшаго славнаго Великаго Князя Михаила Александровича поставилъ какъ ширму.

Суда начали заказывать упомянутому заводу Ланге, у него не было денегъ, ему дали изъ добровольныхъ пожертвованій ссуду, туда же ухлопали часть портовыхъ сборовъ. Война кончилась, а заимствованныя деньги не вернули. Министръ торговли Тимирязевъ сдѣлалъ представленіе по повелѣнію Государя въ совѣтъ министровъ о регулированіи этого дѣла.

Морской министръ Бирилевъ въ засѣданіи заявилъ, что заводъ негоденъ для морского вѣдомства, да и построенныя тамъ суда не лучше. Тогда явился вопросъ о покрытіи недостачи денегъ изъ казны. Зная изъ предыдущаго разсказа, что все это дѣло нечисто, я категорически отказался разсматривать это дѣло въ совѣтѣ министровъ. Тогда его внесли въ Государственный Совѣтъ, куда я тоже на засѣданіе не явился. Графъ Сольскій, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, меня спрашивалъ, почему я не пришелъ въ Государственный Совѣтъ. Я ему откровенно объяснилъ причину, причемъ онъ мнѣ сказалъ, что Великій Князь Александръ Михайловичъ былъ у него по этому дѣлу, просилъ его выручить, причемъ прослезился.

Я сказалъ Сольскому, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что Великій Князь денежно честный человѣкъ, но не имѣя никакого понятія о дѣлахъ, его подчиненные развели воровство, и если бы я былъ на его мѣстѣ, то вмѣсто того, чтобы слезиться, заплатилъ бы недостачу изъ своихъ велико-княжескихъ средствъ.

Приходилось мнѣ часто слышать о вредѣ замужествъ русскихъ Великихъ Княженъ за иностранныхъ принцевъ. Можетъ быть указанія эти имѣютъ нѣкоторое основаніе, но если разсматривать обратный опытъ — женитьбу царской дочери на русскомъ Великомъ Князѣ, например. бракъ Ксеніи Александровны съ Александромъ Михайловичемъ, то едва ли этотъ опытъ далъ лучшіе результаты. Впрочемъ, не всѣ Великіе Князья Александры Михайловичи!..*

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

УСИЛЕНІЕ ВЛІЯНІЯ БЕЗОБРАЗОВА. МОЯ ОТСТАВКА

Въ 1903 г., послѣ открытія мощей Серафима Саровскаго, Его Величество вернулся въ Петергофъ 20 іюля, а 30 іюля послѣдовало неожиданно для всѣхъ министровъ утвержденіе намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ и назначеніе на постъ намѣстника Алексѣева.

Въ теченіе 1902—1903 гг. шла интрига Безобразова и компаніи, и когда къ этой интригѣ присталъ Плеве, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, то Его Величество склонился на сторону этихъ господъ, вопреки мнѣній, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, моего, такъ отчасти и военнаго министра генерала Куропаткина.

По мѣрѣ пріобрѣтенія Безобразовымъ и компаніей все большаго и большаго вліянія — было нѣсколько совѣщаній; во всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ я всегда являлся самымъ несговорчивымъ изъ членовъ; всегда въ самыхъ рѣзкихъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ я указывалъ, что вся эта авантюра приведетъ Россію и Государя къ несчастію.

Его Величеству было благоугодно стараться склонить меня, если не къ противоположному, то по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы мои возраженія не были столь рѣшительны, а часто и рѣзки, — въ послѣднемъ — я признаю себя виновнымъ, ибо нахожу, что въ присутствіи Государя его вѣрноподданные должны умѣть себя сдерживать. Но это ласковое вниманіе Его Величества не могло поколебать меня въ моихъ убѣжденіяхъ и я продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи.

Еще ранѣе, передъ 6-мъ маемъ 1903 года, когда я увидѣлъ, что Его Величество все болѣе и болѣе склоняется къ опасному мнѣнію

Безобразова и компаніи, и такъ какъ въ то время на Государя имѣлъ нѣкоторое вліяніе князь Мещерскій, то я какъ то разъ спеціально поѣхалъ къ князю Мещерскому для того, чтобы понудить его написать Государю Императору объ опасности принимаемаго имъ курса.

Долженъ отдать справедливость князю Мещерскому: онъ всѣ мои доводы вполнѣ понялъ и раздѣлилъ; тогда же онъ написалъ Государю Императору, на что получилъ отъ Его Величества отвѣтную записку, весьма характерную, по содержанію и обращенію, показывающую на крайнюю интимность, которая въ то время существовала между княземъ Мещерскимъ и Его Величествомъ.

Въ этой запискѣ Государь высказался противъ предупрежденій князя Мещерскаго и въ концѣ добавилъ: «6-го мая увидятъ, какого мнѣнія по этому предмету я держусь».

Получивъ эту записку, я помню, князь Мещерскій пріѣхалъ ко мнѣ и все недоумѣвалъ: что такое произойдетъ 6-го мая?

Я ему сказалъ, что рѣшительно никакого понятія объ этомъ не имѣю.

6-го мая Безобразовъ былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ Его Величества, что являлось событіемъ, при положеніи Безобразова, крайне исключительнымъ и знаменательнымъ.

А сотрудникъ Безобразова генералъ Вогакъ, опять таки въ совершенно исключительномъ порядкѣ, былъ сдѣланъ генераломъ свиты Его Величества.

Объ учрежденіи намѣстничества на Дальнемъ Востокѣ и о назначеніи Алексѣева — я, графъ Ламсдорфъ и министры (за исключеніемъ, конечно, Плеве) узнали утромъ, читая газеты.

Для меня было ясно, изъ хода всѣхъ предыдущихъ отношеній моихъ и Безобразова къ Алексѣеву, что Алексѣевъ, увидѣвъ, что сила на сторонѣ Безобразова, въ концѣ концовъ склонился передъ нимъ и поступилъ къ нему въ услуженіе, вслѣдствіе чего онъ изъ начальника Квантунской области и былъ возведенъ въ намѣстники.

Со дня утвержденія намѣстничества, я уже считалъ дѣло Дальняго Востока проиграннымъ и былъ увѣренъ, что все это поведетъ къ войнѣ, а потому поставилъ на этомъ дѣлѣ крестъ.

Въ началѣ августа Его Величество ѣздилъ на нѣсколько дней въ Псковъ на маневры. Передъ отъѣздомъ на маневры, ко мнѣ неожиданно

зашелъ Безобразовъ (въ виду моихъ отношеній съ Безобразовымъ, — я за все время видѣлся съ нимъ раза 2—4, не болѣе). Въ послѣдній разъ онъ пришелъ ко мнѣ, — не знаю, по своей ли инціативѣ, или по инціативѣ свыше — опять попробовать: не можетъ ли онъ склонить меня на примиреніе съ новымъ курсомъ политики.

Онъ сказалъ мнѣ, что Государь Императоръ такого то числа поѣдетъ на Путиловскій заводъ, для того, чтобы осмотрѣть миноноски, которыя тамъ дѣлаютъ. Безобразовъ сказалъ, что совѣтуетъ мнѣ пріѣхать въ такой то часъ къ заводу для того, чтобы встрѣтить Государя.

Нужно сказать, что Путиловскій заводъ находился, въ сущности говоря, подъ управленіемъ Государственнаго банка; вслѣдствіе несостоятельности Путиловскаго завода Государственный банкъ долженъ былъ взять его въ администрацію.

Однимъ изъ директоровъ завода былъ Альбертъ, который въ послѣдніе годы, помимо министра финансовъ, по представленію той же партіи Безобразова, былъ сдѣланъ коммерціи совѣтникомъ. Этотъ Альбертъ, по происхожденію изъ евреевъ, поступилъ также въ услуженіе Безобразова и компаніи, что, однако, не помѣшало Альберту, когда онъ какъ то разъ былъ у меня, издѣваться надъ сумасбродствомъ Безобразова и его компаніи. На мое замѣчаніе, какимъ же образомъ онъ находится въ этой компаніи, — Альбертъ мнѣ отвѣтилъ: «Рыба идетъ туда, гдѣ вода глубже».

Безобразову я отвѣтилъ, что считаю себя обязаннымъ встрѣчать Его Величество вездѣ, гдѣ Его Величеству угодно, но поѣду лишь тогда, когда получу оффиціальное увѣдомленіе отъ подлежащихъ лицъ, что Государю Императору угодно посѣтить Путиловскій заводъ, а самъ по себѣ, по собственной инціативѣ или по указкѣ его, Безобразова, — не поѣду.

Его Величество, какъ оказалось, въ точности согласно съ тѣмъ, какъ говорилъ Безобразовъ, дѣйствительно былъ на Путиловскомъ заводѣ, гдѣ его, между прочимъ, встрѣтилъ Управляющій Государственнымъ банкомъ Плеске.

Другой характерный примѣръ того отношенія Его Величества ко мнѣ, которое создалось благодаря разнообразнымъ причинамъ, въ особенности, моей несговорчивости по вопросу о политикѣ на Дальнемъ Востокѣ, произошелъ, приблизительно въ то же время. Тогда начальникомъ конвоя свиты Его Величества былъ генералъ-маіоръ Мейендорфъ,

очень милый, хорошій человѣкъ, но въ высшей степени пустой и безсодержательный.

Онъ женатъ на княжнѣ Васильчиковой, женщинѣ содержательной, въ томъ смыслѣ, что она понимаетъ свои интересы и матеріальные расчеты.

Въ это время въ Петербургѣ появился нѣкій Завойко. Какъ я узналъ впослѣдствіи, Завойко этотъ, желая получить значительныя ссуды изъ дворянскаго или крестьянскаго банка, которыя ему не были выданы, подалъ особую записку по поводу этихъ банковъ, которая въ результатѣ сводилась къ тому, что высшее управленіе этими банками слѣдуетъ передать изъ министерства финансовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Записка эта была внушена ему и составлена Плеве; передана же она была Его Величеству черезъ генерала Мейендорфа. Мейендорфъ сдѣлалъ это для того, чтобы угодить Завойко, который предлагалъ барону Мейендорфу купить имѣніе въ Западномъ краѣ за очень дешевую цѣну, что, — по мнѣнію Завойко, — должно было послужить къ значительному обогащенію Мейендорфа.

Нужно сказать, что ни баронъ Мейендорфъ, ни его супруга, урожденная Васильчикова, личнаго состоянія не имѣли, а если и имѣли, то крайне ограниченное. Поэтому супруга Мейендорфа искала какихъ нибудь аферъ для мужа, которыя могли бы возсоздать ихъ матеріальное благосостояніе.

Для покупки имѣнія, о которомъ я только что упоминалъ, кромѣ дворянскихъ ссудъ, была еще необходима выдача 250 тыс. рублей.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ ко мнѣ вдругъ явился генералъ свиты Его Величества баронъ Мейендорфъ и заявилъ, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ Государя Императора съ повелѣніемъ, чтобы ему была выдана ссуда изъ Государственнаго банка въ 250 тыс. рублей.

Я сказалъ генералу Мейендорфу, что мнѣ Высочайшее повелѣніе могутъ передавать или статсъ-секретарь Его Величества или генералъ-адъютантъ, и такъ какъ онъ ни то и ни другое, а кромѣ того дѣло, которое онъ мнѣ передаетъ, лично и непосредственно его, Мейендорфа, касается, то я, конечно, никакого Высочайшаго распоряженія исполнить не могу, доколѣ не получу отъ Государя приказа.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Его Императорскаго Величества записку о выдачѣ ссуды. Хотя выдача этой ссуды совершенно не соотвѣтствовала Уставу Государственнаго банка, тѣмъ не менѣе, въ виду резолюціи Его Величества, конечно, она была немедленно выдана, но инцидентъ этотъ, — какъ мнѣ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно,

— послужилъ къ тому, что Государю и Государынѣ Императрицѣ сказали: что, вотъ, молъ, министръ финансовъ Витте дошелъ до того, что не желаетъ слушаться Государя Императора.

Въ началѣ августа, въ четвергъ передъ 16-мъ числомъ, вечеромъ, я получилъ отъ Государя Императора записку, въ которой Его Величеству угодно было мнѣ приказать: когда я пріѣду завтра, въ пятницу, къ Государю съ всеподданнѣйшимъ докладомъ въ Петергофъ, то чтобы привезъ съ собою и управляющаго Государственнымъ банкомъ Плеске.

Я, признаться, недоумѣвалъ: почему именно Государю Императору угодно, чтобы я привезъ ему Плеске. Но, съ другой стороны, у меня было убѣжденіе, что при данномъ положеніи вещей я остаться министромъ финансовъ не могу, такъ какъ въ противномъ случаѣ приму на себя отвѣтственность за всѣ тѣ послѣдствія, которыя произойдутъ въ случаѣ японской войны. Я отлично понималъ, что если другіе министры могли имѣть оправданіе, что, молъ, такъ Государю Императору было благоугодно, то я этого оправданія въ общественномъ мнѣніи не получу, ибо Россія уже достаточно хорошо знала и мой характеръ, и мою рѣшительность, и мою твердость, и никто не повѣрилъ бы, что я, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы не было войны и что, только склонившись передъ необходимостью, остался на своемъ посту. Но тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что если Его Величеству и угодно будетъ кого-нибудь назначить, то это будетъ сдѣлано обыкновеннымъ порядкомъ; что Его Величеству благоугодно будетъ меня вызвать и объ этомъ мнѣ сказать. И я вполнѣ понималъ это желаніе Государя Императора, ибо, очевидно, если Государь рѣшилъ вести политику совершенно обратную моимъ убѣжденіямъ, то я, оставаясь на посту вліятельнаго министра, — министра, который имѣлъ такое большое значеніе въ дѣлахъ Дальняго Востока, — буду всегда служить препятствіемъ къ введенію новаго курса, и какое бы ни было рѣшеніе, то или другое — но самое худшее изъ нихъ — это двойственность.

Итакъ, я все таки не могъ понять: для чего Его Величеству угодно было, чтобы я привезъ къ нему Плеске? Мнѣ представлялось, что, если Его Величеству угодно будетъ назначить вмѣсто меня другого министра — то почему Государь остановился именно на Плеске, котораго онъ совершенно не зналъ и видѣлъ его, внѣ оффиціальныхъ пріемовъ, только на Путиловскомъ заводѣ.

Я далъ знать Плеске, чтобы онъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ на Елагинъ островъ, а оттуда мы отправились на пароходѣ пограничной стражи, который обыкновенно меня возилъ въ Петергофъ.

Плеске спрашивалъ меня дорогою: для чего онъ вызванъ?

Я не могъ отвѣтить ему опредѣленно, а только высказывалъ догадки, что, можетъ быть, Государю Императору угодно его назначить на какой нибудь постъ.

Затѣмъ, пріѣхавъ въ Петергофъ, я вмѣстѣ съ Плеске въ каретѣ поѣхали къ Его Величеству. Плеске остался въ пріемной комнатѣ, а я пошелъ къ Государю въ кабинетъ.

Государь очень милостиво меня встрѣтилъ. Какъ всегда, докладъ мой продолжался около часа. Во время доклада я сообщалъ Его Величеству мои различныя предположенія относительно будущаго и просилъ разрѣшенія Государя, когда онъ уѣдетъ за границу, поѣхать по обыкновенію по Россіи, во всѣ тѣ губерніи, гдѣ я еще не былъ и гдѣ была открыта питейная монополія.

Его Величество это одобрилъ, сказавъ, что я хорошо дѣлаю, что самъ лично осматриваю учрежденіе этого весьма важнаго дѣла.

Когда я уже всталъ, чтобы проститься съ Его Величествомъ, Государь Императоръ, видимо нѣсколько стѣсненный, сконфуженный, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: привезъ ли я Плеске? Я сказалъ, что привезъ. Тогда Государь спросилъ меня: «Какого вы мнѣнія о Плеске?» Я отвѣтилъ, что самаго прекраснаго.

И дѣйствительно, я почиталъ и почитаю Плеске, какъ человѣка въ высокой степени порядочнаго, прекраснаго, имѣвшаго значительную практику и свѣдѣнія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ финансоваго управленія. Онъ все время былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ сотрудниковъ.

Послѣ такой, сдѣланной мною, рекомендаціи Плеске, Государь Императоръ сказалъ мнѣ:

— Сергѣй Юльевичъ, я васъ прошу принять постъ предсѣдателя Комитета министровъ, а на постъ министра финансовъ я хочу назначить Плеске.

Меня это неожиданное рѣшеніе, — неожиданное, главнымъ образомъ, по своей формѣ, — весьма удивило. Его Величество, замѣтивъ, вѣроятно, что я выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе, сказалъ мнѣ:

— Что, Сергѣй Юльевичъ, развѣ вы недовольны этимъ назначеніемъ. Вѣдь мѣсто предсѣдателя комитета министровъ это есть самое высшее мѣсто, которое только существуетъ въ Имперіи.

На это я сказалъ Государю, что если это назначеніе не выражаетъ собою признака неблаговоленія ко мнѣ Его Величества, то я, конечно, буду очень радъ этому назначенію, но я не думаю, чтобы на этомъ мѣстѣ я могъ быть полезнымъ, сколько я могъ бы быть полезнымъ на мѣстѣ болѣе дѣятельномъ.

Затѣмъ, простившись съ Его Величествомъ, я ушелъ изъ кабинета и согласно повелѣнію Государя сказалъ Плеске, чтобы онъ пошелъ къ Императору.

Вѣроятно, Императрица Марія Ѳеодоровна знала о томъ, что должно было произойти, а потому пригласила меня къ себѣ завтракать.

Изъ дворца Государя Императора я поѣхалъ къ Императрицѣ. Императрица была ко мнѣ въ высокой степени милостива и любезна.

Мой уходъ съ должности министра финансовъ съ высшимъ назначеніемъ на бездѣятельное положеніе предсѣдателя комитета министровъ, какъ я говорилъ, объясняется почти исключительно моимъ несогласіемъ съ той политикой относительно Дальняго Востока, которая привела насъ къ Японской войнѣ.

Естественно, рождается вопросъ: почему же остался на своемъ посту графъ Ламсдорфъ, который съ тѣхъ поръ, какъ онъ, послѣ смерти графа Муравьева, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, все время поддерживалъ одинаковые со мной взгляды.

Произошло это, съ одной стороны, отъ разности характеровъ — моего и графа Ламсдорфа, — а съ другой стороны, отъ разности внѣшнихъ пріемовъ дѣйствій.

По этому предмету, одинъ изъ дѣятелей того времени, стоявшій близко ко двору, представилъ положеніе дѣла въ формѣ слѣдующаго разсказа.

Онъ говорилъ: — Представьте себѣ отца семейства, который имѣетъ сына и дочь, и представьте себѣ, что этотъ отецъ семейства дѣлаетъ нѣчто такое, что, по мнѣнію его дѣтей, гибельно для самого отца семейства. Положимъ, напримѣръ, что этотъ отецъ семейства, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, хочетъ развестись со своей женой и жениться на молодой дѣвушкѣ; дѣти уговариваютъ его этого не дѣлать, но способы отговоровъ сына и дочери совершенно различны.

Сынъ приходитъ къ отцу и говоритъ: «Отецъ, не дѣлай этого; вѣдь если ты это сдѣлаешь, ты повредишь себѣ, повредишь всѣмъ твоимъ родичамъ и потеряешь престижъ». И говоритъ это въ такой

рѣзкой формѣ, что, наконецъ, отецъ выходитъ изъ себя и, послѣ многихъ предостереженій сыну, чтобы онъ пересталъ говорить съ нимъ на эту щекотливую тему, говоритъ ему: «Уходи вонъ», — и удаляетъ сына изъ дома.

А затѣмъ приходитъ тихая и скромная дочка и говоритъ то-же самое, но въ другомъ тонѣ: «Милый папа, я тебѣ совѣтую этого не дѣлать. Ты знаешь, какъ я тебя люблю. Ты себѣ повредишь и потому, ради того, что я тебя такъ люблю и боюсь, что ты навредишь себѣ — я умоляю тебя, пожалуйста, не дѣлай этого».

Въ такомъ случаѣ отецъ семейства треплетъ свою дочку по щечкѣ и говоритъ: «Ахъ ты милая, моя душечка, иди погуляй немножко, а вечеромъ я поѣду съ тобой въ театръ».

Вотъ аналогичныя отношенія были у Его Величества ко мнѣ и графу Ламсдорфу. Точно также и способъ разговора моего и графа Ламсдорфа уподобляется разговору неугомоннаго сына и скромной дочки.

Когда я ушелъ съ поста министра финансовъ, то товарищъ графа Ламсдорфа, князь Валеріанъ Сергѣевичъ Оболенскій, и другіе его сослуживцы очень ему совѣтовали подать прошеніе объ отставкѣ, но графъ Ламсдорфъ ихъ совѣту не послѣдовалъ.

Графъ Ламсдорфъ имѣлъ по этому предмету совершенно откровенный разговоръ со мною; онъ сказалъ мнѣ: одно изъ двухъ — или нашъ Государь Самодержавный, или не Самодержавный. Я его считаю Самодержавнымъ, а потому полагаю, что моя обязанность заключается въ томъ, чтобы сказать Государю, что я о каждомъ предметѣ думаю, а затѣмъ, когда Государь рѣшитъ — я долженъ безусловно подчиниться и стараться, чтобы рѣшеніе Государя было выполнено.

Съ извѣстной точки зрѣнія нельзя отвергать логичности такого разсужденія, хотя для такого образа дѣйствій, нужно имѣть крайне эластичное «я», чѣмъ, къ сожалѣнію, я не отличаюсь.

Почему Государь Императоръ остановился на назначеніи вмѣсто меня министромъ финансовъ Плеске, — я не знаю, но думаю, — вѣроятно, потому, что онъ былъ рекомендованъ Его Величеству, между прочимъ, Безобразовымъ и компаніей, а Безобразовъ и компанія полагали, что Плеске, какъ человѣкъ мягкій и не укрѣпившійся еще на своемъ посту, будетъ имъ очень сподрученъ; впрочемъ, кажется, въ этомъ отношеніи они нѣсколько ошиблись, потому что Плеске былъ человѣкъ весьма

принципіальный, весьма нравственно чистый, вслѣдствіе чего онъ не шелъ на различные компромиссы съ Безобразовымъ и компаніей.

Въ этомъ отношеніи Безобразовъ лучше бы сдѣлалъ, если бы рекомендовалъ Государю Владиміра Николаевича Коковцева, который, вслѣдствіе своей натуры, легче плаваетъ по различнымъ теченіямъ, нежели могъ плавать Плеске; хотя, съ другой стороны, Коковцевъ все таки является лицомъ гораздо болѣе характернымъ, нежели Плеске.

Во время этого назначенія Коковцевъ былъ въ Парижѣ и, какъ я потомъ узналъ, былъ очень огорченъ этимъ назначеніемъ, такъ какъ онъ считалъ, что имѣетъ гораздо больше права на мѣсто министра финансовъ, нежели Плеске, что несомнѣнно вѣрно.

Я обязанъ по долгу совѣсти сказать, что пока министры въ отношеніи политики, которой необходимо держаться въ Кореѣ послѣ захвата Квантунскаго полуострова, были въ единогласіи, — Его Императорское Величество, несмотря на вліяніе и графа Воронцова-Дашкова и Великаго Князя Александра Михаиловича, и Безобразова, — который, повидимому, особенно нравился Его Величеству, — все таки въ концѣ концовъ, склонялся къ поддержанію мнѣнія своихъ отвѣтственныхъ министровъ и лишь тогда началъ склоняться ко мнѣнію Безобразова и компаніи, а равно и генералъ-адъютанта адмирала Алексѣева, когда явился на сцену министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, который явно всталъ на сторону сказанной авантюры Безобразова.

Конечно, сдѣлалъ это Плеве для того, чтобы избавиться отъ нежелательныхъ для него министровъ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. И такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ по своему положенію имѣетъ различныя средства для вліянія на Его Величество, которыхъ другіе министры не имѣютъ, то онъ и передвинулъ вѣсы на сторону Безобразова.

Такимъ образомъ, долгомъ моей совѣсти считаю отмѣтить, что Его Величество, послѣ нѣкоторыхъ колебаній по различнымъ частнымъ случаямъ, въ концѣ концовъ, все таки становился на сторону своихъ отвѣтственныхъ министровъ и лишь тогда, когда появился на сцену злополучный во всѣхъ отношеніяхъ министръ Плеве, который сталъ на сторону авантюристовъ, — во главѣ которыхъ былъ Безобразовъ, — и поощрялъ это направленіе, Его Величество склонился на сторону мнѣнія

статсъ-секретаря Безобразова и министра внутреннихъ дѣлъ Вячеслава Константиновича Плеве.

За годъ до этого времени вопросъ о томъ: какого направленія держаться, — держаться ли направленія, представителемъ котораго былъ я, или держаться направленія Безобразова — былъ рѣзко поднятъ.

Какъ мнѣ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ отъ дворцоваго коменданта, генералъ-адъютанта Гессе, Его Величество колебался какъ ему поступить: избавиться ли ему отъ меня, — такъ какъ Государь зналъ, что я отъ своихъ мнѣній и убѣжденій не отступлю, а, слѣдовательно, буду дѣлать всякія препятствія тому направленію, котораго держался Безобразовъ, — или же избавиться отъ Безобразова?

И, несмотря на то, что Безобразовъ былъ Государю весьма симпатиченъ, а я по многимъ соображеніямъ уже сдѣлался Государю не вполнѣ пріятнымъ — Его Величество все таки рѣшилъ держаться моей политики, такъ какъ эту политику поддерживаетъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, — и избавиться отъ Безобразова.

Вслѣдствіе этого Безобразовъ долженъ былъ тогда уѣхать въ Женеву къ своей женѣ.

И только черезъ годъ, когда я уѣхалъ на Дальній Востокъ, а Государь былъ въ Ялтѣ, Великій Князь Александръ Михаиловичъ опять выудилъ изъ Женевы Безобразова и только тогда Безобразовъ вошелъ опять въ силу и, будучи поддержанъ Плеве, довелъ дѣло до катастрофы.

Я это разсказываю въ самыхъ общихъ и не полныхъ чертахъ. Потомство, которое, можетъ быть, прочтетъ настоящую мою стенографическую запись, когда меня не будетъ въ живыхъ, найдетъ по этому предмету въ моемъ архивѣ самыя обстоятельныя, фактическія, подробныя и вполнѣ разработанныя данныя.

Во время моего министерства финансовъ нашъ бюджетъ окончательно укрѣпился и не только въ теченіе всего времени моего управленія не было дефицита, но напротивъ того, всегда былъ значительный излишекъ доходовъ надъ расходами, что дало мнѣ возможность всегда держать свободную наличность государственнаго казначейства въ значительныхъ размѣрахъ, доходившихъ до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей.

Долженъ сказать, что Его Величество въ отношеніи поддержанія равновѣсія бюджета оказывалъ мнѣ полное довѣріе и только при такомъ,

со стороны Государя, отношеніи я могъ довести нашъ бюджетъ до такой прочности.

Вопросъ о томъ, что я держалъ значительную свободную наличность, служилъ предметомъ постоянной критики; многіе, въ особенности газеты, находили, что это неправильная система и что лучше эту свободную наличность употреблять на производительныя цѣли; говорили, что нигдѣ такой системы накопленія наличности не существуетъ, причемъ ссылались, обыкновенно, на страны съ вполнѣ благоустроенными финансами — на Францію, Англію и даже Германію.

Я эти мнѣнія никогда не раздѣлялъ и нахожу, конечно, и теперь, что Россійская Имперія имѣетъ такія особенности, что держать свободную наличность въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей не только всегда полезно, но часто и необходимо.

Тѣ лица, которыя критикуютъ эту систему, не принимаютъ во вниманіе слѣдующихъ обстоятельствъ, а именно, что, съ одной стороны, Россія — страна исключительной иностранной задолженности; ни Англія, ни Франція, ни Германія въ этомъ отношеніи несравнимы съ Россіей; это есть одна изъ слабѣйшихъ сторонъ русской государственной жизни. И разъ страна имѣетъ столь громадную задолженность за границей — необходимо держать такой резервъ, который, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, могъ бы остановить паническое движеніе русскихъ фондовъ, находящихся за границей и въ Россіи, а, слѣдовательно, и паденіе русскихъ фондовъ.

Съ другой стороны, Россія, къ несчастью, до настоящаго времени, представляетъ собою такую страну, которая въ смыслѣ земледѣльческомъ живетъ при самой низкой культурѣ. Главный факторъ — ея урожай — заключается въ стихіяхъ, — одинъ или два дождя, которые упадутъ во время, могутъ дать прекрасные урожаи и нѣсколько недѣль бездождія во время сильной жары — уничтожаютъ всѣ хлѣбные посѣвы и производятъ полнѣйшій неурожай.

Когда главный источникъ богатства страны — земледѣліе, — находится въ зависимости отъ стихіи, является необходимымъ всегда имѣть въ резервѣ значительныя суммы на случай неурожаевъ и опять таки въ этомъ отношеніи нельзя сравнивать Россію съ Германіей, Англіей, Франціей и прочими культурными странами.

Наконецъ, я всегда старался держать значительную свободную наличность и потому, что я все время со вступленія на престолъ Императора Николая II чувствовалъ, что въ ближайшее время должна вообще, въ томъ или другомъ мѣстѣ, разыграться кровавая драма.

Это происходило отъ стеченія двухъ обстоятельствъ: съ одной стороны, явились многія лица и преимущественно военные, — среди нихъ первую роль игралъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ, — которые толкали Его Величество на созданіе такихъ международныхъ отношеній, которыя могли получить разрѣшеніе посредствомъ войны.

При такомъ настроеніи военныхъ совѣтчиковъ Государя было бы очень удивительно, если бы молодой Императоръ, съ темпераментомъ, если не воинственнымъ, то, во всякомъ случаѣ, не спокойнымъ и не миролюбивымъ — не поддался искушенію, — особливо, когда лица, которыя входили въ его довѣріе, увѣряли, что тѣ затѣи, которыя они проповѣдывали, не повлекутъ къ войнѣ, ибо, въ концѣ концовъ, будто бы всѣ должны преклониться передъ желаніями русскаго Императора.

Въ дѣйствительности, вслѣдствіе моей системы накопленія наличности, когда я ушелъ, я оставилъ свободную наличность, приблизительно въ 380 милл. рублей, которая и дала возможность Россійской Имперіи, когда началась японская война, жить нѣсколько мѣсяцевъ безъ займа; эта наличность дала возможность сдѣлать заемъ болѣе спокойно и на болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели это имѣло бы мѣсто, если бы видѣли, что Россія такъ нуждается въ деньгахъ для веденія войны, что должна во что бы то ни стало экстренно, немедленно, сдѣлать большой заемъ.

Въ теченіе моего управленія министерствомъ финансовъ я совершилъ громаднѣйшія конверсіи русскихъ займовъ, т. е. переходъ съ займовъ съ болѣе высокими процентами на займы съ меньшими процентами; кромѣ этихъ громадныхъ финансовыхъ операцій, я совершилъ и нѣсколько прямыхъ займовъ, исключительно на нужды строительства желѣзныхъ дорогъ и увеличенія золотого фонда при введеніи денежной реформы.

Въ этомъ отношеніи я также всегда встрѣчалъ полнѣйшую поддержку и полнѣйшее довѣріе Его Величества.

Въ мое управленіе министерствомъ финансовъ въ значительной степени развилась наша желѣзнодорожная сѣть. Послѣ восточной войны съ Турціей, въ концѣ 70-хъ годовъ, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ было временно пріостановлено и только въ мое министерство я опять началъ быстро строить и развивать сѣть желѣзныхъ дорогъ.

Въ то время и эта мѣра подвергалась критикѣ; увѣряли, что я иду очень быстро. Ну, а теперь этихъ нареканій не слышно, такъ какъ всѣ

поняли, что эти вновь сооруженныя желѣзныя дороги принесли и приносятъ государству значительную пользу, такъ что въ послѣдніе годы начали опять довольно энергично строить еще новыя дороги.

Въ мое время значительно возросла русская промышленность. Благодаря систематичному проведенію протекціонной системы и защитѣ съ моей стороны, и приливу къ намъ иностранныхъ капиталовъ, промышленность у насъ быстро начала развиваться и въ мое управленіе министерствомъ, можно сказать, прочно установилась національная русская промышленность.

Въ этомъ отношеніи я также встрѣчалъ поддержку Его Величества, но уже въ меньшей степени. Я былъ и остаюсь сторонникомъ не стѣсненія иностранныхъ капиталовъ, идущихъ въ Россію на пользу ея развитія. Нѣкоторые же, изъ-за узко-національной точки зрѣнія, были не особенно склонны къ притоку иностранныхъ капиталовъ въ Россію, и только тогда оказывали этому содѣйствіе, когда лично, въ той или другой формѣ, были заинтересованы въ созданіи этого или другого завода, или въ той или другой эксплоатаціи нашихъ натуральныхъ богатствъ.

Эта заинтересованность большею частью выражалась въ томъ, что эти господа получали мѣста въ правленіяхъ частныхъ обществъ или получали выгоду въ другихъ формахъ.

Какъ одинъ изъ тысячи подобныхъ примѣровъ, я вспоминаю слѣдующій случай:

У насъ на Камчаткѣ и въ другихъ мѣстахъ Азіатской Россіи есть золото и многіе иностранныя или русскія же фирмы при иностранныхъ капиталахъ желали бы получить концессію на обработку этого золота. Противъ этого возражали всѣ и именно съ точки зрѣнія національной: «Нужно, молъ, чтобы русскія богатства разрабатывались русскими людьми и на русскія деньги» (которыхъ, между прочимъ, было, да и теперь — сравнительно мало). Подъ этимъ флагомъ нѣкій отставной полковникъ Вонлярлярскій, какъ истинно русскій человѣкъ, который долженъ разрабатывать національныя богатства руками русскихъ людей и посредствомъ русскихъ капиталовъ, получилъ, въ концѣ концовъ, по желанію Его Величества, концессію на разработку золотыхъ пріисковъ на Чукотскомъ полуостровѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ эта концессія была дана Вонлярлярскому, онъ ее продалъ иностранцамъ, получивъ, такимъ образомъ, въ свой карманъ совершенно незаслуженную прибыль.

Я бы могъ привести тысячи такихъ примѣровъ.

Его Величество всегда былъ болѣе склоненъ поддерживать тѣхъ, которые препятствовали мнѣ въ созданіи обществъ для разработки нашихъ національныхъ богатствъ при помощи иностранныхъ капиталовъ и иностранцевъ.

Собственно говоря, никто не препятствовалъ тому, чтобы иностранныя деньги на различныя предпріятія къ намъ шли, но наивно желали, чтобы иностранныя деньги шли, но чтобы распоряжались этими деньгами россіяне, и распоряжались не имѣя въ дѣлѣ никакого интереса со свойственнымъ русскимъ дѣльцамъ новѣйшей формаціи денежнымъ распутствомъ.

Съ одной стороны тенденція эта шла отъ крупныхъ русскихъ промышленниковъ, которые вообще не желали имѣть въ Россіи въ различныхъ промышленныхъ производствахъ — конкуррентовъ.

Съ другой стороны, эту мысль — препятствовать водворенію въ Россіи иностранныхъ капиталовъ постолько, посколько они связаны съ иностранцами, — поддерживали всѣ лица, входящія въ торговлю и промышленность послѣ того, когда они профершпилились.

Этотъ контингентъ — въ большинствѣ случаевъ — составляетъ наше дворянство.

Я нѣсколько разъ принципіально ставилъ вопросъ о томъ, что необходимо признать, что водвореніе въ Россіи иностранныхъ капиталовъ для развитія торговли и промышленности есть вещь желательная, которую нужно поощрять. По этому предмету были разныя совѣщанія въ Зимнемъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Императора Николая II.

Мнѣ прямо не говорили: «нѣтъ» и главнымъ образомъ потому что не могли представить надлежащихъ доводовъ. Всѣ доводы, которые мнѣ представляли, всегда были мною разбиваемы. Но Государь Императоръ, — подъ чьимъ вліяніемъ не знаю, — всегда какъ будто бы не сочувствовалъ этой идеѣ. Мнѣ представляется, что это несочувствіе происходило прямо отъ того, что Государь Императоръ — близко не знакомый ни съ финансовой исторіей, ни съ финансовой наукой — боялся того, чтобы посредствомъ этого пути не внести въ Россію значительнаго вліянія иностранцевъ.

Вообще я никогда не слышалъ серьезныхъ доводовъ противъ иностранныхъ капиталовъ; но это было всегда и теперь остается для многихъ чѣмъ то вродѣ Островскаго «жупела».

Конечно, большинство членовъ финансоваго комитета и членовъ комитета министровъ вполнѣ сознавали всю неправильность воззрѣній о вредности иностранныхъ капиталовъ. Но чувствуя, что иностранные

капиталы не въ особенномъ фаворѣ на верху, боялись категорически по этому предмету высказаться.

Вслѣдствіе этого, хотя я во все время моего министерства и не покидалъ мысли объ иностранныхъ капиталахъ для русской промышленности и въ значительной степени вводилъ ихъ, но это происходило исключительно благодаря моему личному вліянію, причемъ я большею частью всегда встрѣчалъ тѣ или другія препоны въ комитетѣ министровъ.

Затѣмъ, въ области чистаго управленія министерствомъ финансовъ, которое въ мое время было и министерствомъ торговли, я тоже не встрѣчалъ поддержки Его Величества во всемъ, что касалось организаціи и функцій фабричной инспекціи.

Фабричная инспекція была основана при министрѣ финансовъ Бунге и всегда находилась въ подозрѣніи, какъ такое учрежденіе, которое, будто бы, склонно поддерживать интересы рабочихъ и противъ интересовъ капиталистовъ; хотя это была, да и въ настоящее время есть совершенная неправда.

Фабричная инспекція какъ прежде, такъ и въ настоящее время относилась и относится къ интересамъ рабочихъ и фабрикантовъ вполнѣ объективно, и только въ надлежащихъ случаяхъ поддерживаетъ рабочихъ отъ несправедливой эксплоатаціи ихъ труда нѣкоторыми фабрикантами и капиталистами. А такъ какъ многіе изъ фабрикантовъ и капиталистовъ принадлежатъ къ дворянскимъ семьямъ и имѣютъ гораздо большій доступъ въ высшія сферы, нежели рабочіе, то они распространяли и распространяютъ легенду о томъ, что будто бы фабричная инспекція — есть институтъ крайне либеральный, имѣющій въ виду лишь поддержку рабочихъ и ихъ либеральныхъ стремленій.

Когда въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія и въ первые годы этого столѣтія броженіе между рабочими значительно увеличилось и въ среду русскихъ рабочихъ начали постепенно проникать идеи соціалистическія, которыя такъ сильно завладѣли умами всѣхъ рабочихъ за границей, что это вынудило заграничныя страны пойти на цѣлый рядъ капитальнѣйшихъ мѣръ для большаго обезпеченія рабочихъ, мѣръ, которыя были проведены всѣ въ законодательномъ порядкѣ, какъ законы: о страхованіи рабочихъ, о рабочемъ днѣ, о рабочихъ ассоціаціяхъ, объ обязанностяхъ фабрикантовъ по отношенію леченія рабочихъ и помощи имъ въ случаѣ происшедшихъ съ ними несчастій, — когда всѣ эти законы и мѣры начали проводиться въ иностранныхъ государствахъ

и такими несомнѣнными консерваторами, какъ, напримѣръ, князь Бисмаркъ, то и въ Россіи явилось движеніе не только между рабочими, но и другими классами — между интеллигентами и либералами, которые видѣли необходимость проведенія болѣе или менѣе аналогичныхъ мѣръ и въ Россіи.

Но всѣ подобныя мѣры встрѣчали въ реакціонныхъ кругахъ рѣшительный отпоръ. Такъ, напримѣръ, мнѣ съ большимъ трудомъ удалось провести въ Государственномъ Совѣтѣ законъ о вознагражденіи рабочихъ въ случаѣ увѣчій и несчастныхъ случаевъ. Но законъ этотъ былъ весьма урѣзанъ сравнительно съ подобными же законами, существующими за границей.

Подобное положеніе вещей служило значительнымъ поводомъ къ обостренію отношеній рабочихъ и фабрикантовъ у насъ въ Россіи и къ развитію и распространенію между рабочими крайнихъ воззрѣній съ соціалистическимъ, а иногда и революціоннымъ оттѣнкомъ.

Въ мое управленіе я значительно расширилъ въ департаментѣ торговли отдѣлъ образованія коммерческаго и во главѣ этого дѣла поставилъ бывшаго члена совѣта министра просвѣщенія Анопуло.

Я провелъ черезъ Государственный Совѣтъ положеніе о коммерческомъ образованіи, благодаря которому послѣдовало значительное расширеніе сѣти коммерческихъ училищъ.

По этому положенію я возбудилъ инициативу между самими промышленниками и коммерческимъ людомъ, давъ имъ значительную иниціативу, какъ въ учрежденіи коммерческихъ школъ, такъ и въ ихъ управленіи. Вслѣдствіе этого они охотно начали давать средства на устройство и поддержаніе своихъ коммерческихъ училищъ.

Анопуло по образованію былъ технологъ. Я познакомился съ нимъ, какъ только я сдѣлался министромъ финансовъ, потому что онъ въ это время былъ директоромъ ремесленнаго училища Цесаревича Николая, а когда я послѣ смерти Вышнеградскаго былъ назначенъ министромъ финансовъ, то я въ то же время занялъ должность предсѣдателя дома призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, находившагося подъ особымъ покровительствомъ Императора Александра III, такъ какъ по уставу этого дома почетнымъ предсѣдателемъ его считается Государь Императоръ.

Такимъ образомъ, я занимался этимъ домомъ, въ которомъ было 2 училища: ремесленное училище Цесаревича Николая и женская школа Императрицы Маріи Александровны.

Вотъ этими двумя училищами я занимался весьма ретиво и съ большимъ удовольствіемъ и такъ какъ въ это время директоромъ ремесленнаго училища былъ г. Анопуло, то я тогда съ нимъ и познакомился.

Развивъ сѣть коммерческаго образованія въ Россіи у меня явилась мысль устроить высшія заведенія коммерческія и техническіе университеты въ Россіи, въ формѣ политехническихъ институтовъ, которые содержали бы въ себѣ различныя отдѣленія человѣческихъ знаній, но имѣли бы организацію не техническихъ школъ, а университетовъ, т. е. такую организацію, которая наиболѣе способна была бы развивать молодыхъ людей, давать имъ обще-человѣческія знанія, вслѣдствіе соприкосновенія съ товарищами, занимающимися всевозможными спеціальностями.

Мною былъ созданъ при помощи моихъ сотрудниковъ уставъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института, который нынѣ составляетъ одно изъ главныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Петербурга. Этотъ уставъ былъ проведенъ не безъ затрудненій черезъ Государственный Совѣтъ.

Вь этомъ политехническомъ институтѣ въ Петербургѣ имѣются отдѣленія: экономическое и техническое. Это техническое отдѣленіе дѣлится на различные отдѣлы: на механическій, отдѣлъ кораблестроенія и химическій.

Я относился къ этому дѣлу съ полнымъ увлеченіемъ; вслѣдствіе этого мнѣ удалось устроить политехническій институтъ въ смыслѣ помѣщенія — прекрасно. Будучи министромъ финансовъ, мнѣ было конечно, легче, чѣмъ другимъ министрамъ имѣть средства на устройство этого Института.

Долженъ сказать, что устройство этого Института было мною осуществлено не безъ различныхъ затрудненій и только благодаря моему вліянію, которымъ я въ это время пользовался, какъ у Его Величества, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ, мнѣ удалось провести это великолѣпное учрежденіе.

Явился вопросъ: кого назначить директоромъ этого Института. Нужно было назначить человѣка, который не возбуждалъ бы въ высшихъ сферахъ какихъ нибудь сомнѣній, ибо, какъ я уже сказалъ, я встрѣ-

чалъ затрудненія въ организаціи и устройствѣ этого Института не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ, ибо мнѣ указывали, когда я задумаю что нибудь такое сдѣлать, то нахожу деньги, а когда другіе просятъ у меня деньги на свои потребности, — я скуплюсь; но кромѣ того я встрѣчалъ затрудненія и политическія: мнѣ указывали, что я устраиваю такое заведеніе, которое впослѣдствіи можетъ внести смуту; говорили: развѣ мало у насъ университетовъ и съ университетскими студентами мы не можемъ справляться, постоянные безпорядки, а тутъ Витте подъ носомъ желаетъ устроить еще новый громаднѣйшій университетъ, который будетъ новымъ источникомъ всякихъ безпорядковъ.

При такихъ условіяхъ мнѣ приходилось выбирать директора Института, относительно котораго не встрѣчалось бы сомнѣній. Я остановился на князѣ Гагаринѣ.

Князь Гагаринъ — артиллерійскій офицеръ, кончившій курсъ въ артиллерійской академіи. Онъ былъ склоненъ и до сихъ поръ остался весьма склоннымъ по своей натурѣ къ ученымъ техническимъ изслѣдованіямъ; онъ считался по артиллерійской части однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ. Князь Гагаринъ человѣкъ идеальной чистоты. Мать его была статсъ-дамой при Императрицѣ Маріи Александровнѣ и пользовалась самымъ большимъ почетомъ при дворѣ. Женатъ онъ на княжнѣ Оболенской. Жена князя Гагарина — сестра членовъ Государственнаго Совѣта Александра Дмитріевича и Алексѣя Дмитріевича Оболенскихъ и генерала свиты Его Величества Николая Дмитріевича Оболенскаго, состоящаго нынѣ при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

На князя Гагарина, какъ на человѣка, имѣющаго, такъ сказать цензъ знаній, мнѣ указалъ генералъ Петровъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и почетный академикъ).

Казалось бы всѣ эти данныя безусловно не могли бы возбуждать никакихъ сомнѣній.

Передъ самымъ назначеніемъ Гагарина, вечеромъ былъ у меня Сипягинъ. Я сказалъ ему, что имѣю въ виду просить Государя о назначеніи директоромъ Политехническаго Института кн. Гагарина и спросилъ Сипягина, какого онъ мнѣнія о князѣ Гагаринѣ.

Сипягинъ сказалъ мнѣ, что Гагарина онъ знаетъ близко, знаетъ его съ самаго дѣтства и про него ничего, кромѣ самаго прекраснаго, сказать не можетъ. Одно только — это, что по натурѣ князь Гагаринъ собственно «блаженный» и поэтому, — сказалъ мнѣ Сипягинъ, — онъ боится, чтобы это качество князя не повредило ему.

Князь Гагаринъ былъ утвержденъ Его Величествомъ въ должности директора Политехническаго Института съ полной охотой. Онъ дѣйствительно былъ прекраснымъ директоромъ Политехническаго Института и пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ среди профессоровъ, несмотря на то, что эти профессора имѣютъ всевозможные ученые цензы и гораздо старше князя Гагарина, — такъ и среди студентовъ.

Вообще князь Гагаринъ такой человѣкъ, который не можетъ не пользоваться уваженіемъ. Но тѣмъ не менѣе, даже такого человѣка все таки убіенный предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ почелъ нужнымъ сдѣлать революціонеромъ. Въ концѣ концовъ, его судилъ Сенатъ и онъ былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. Конечно, такое рѣшеніе было заранѣе подсказано.

Жена князя Гагарина, близкая родственница Столыпина, весьма почтенная женщина. Какъ она мнѣ говорила, она знала Петю Столыпина съ дѣтства и когда это случилось — она мнѣ сказала: «Вотъ никогда бы не думала, чтобы Петя, въ концѣ концовъ, сдѣлался такимъ подлецомъ».

Семейство кн. Гагарина, когда Столыпинъ выказался во всемъ его полицейскомъ блескѣ, конечно, прервало съ нимъ всякія сношенія.

Кромѣ С.-Петербургскаго Политехническаго Института, въ то время, когда я былъ министромъ финансовъ, приблизительно по тому же принципу мнѣ удалось основать еще два политехническихъ института: одинъ въ Варшавѣ, а другой въ Кіевѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

МОЯ ПОѢЗДКА ВЪ ПАРИЖЪ ОСЕНЬЮ 1903 ГОДА. ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВЯЩИХЪ КРУГОВЪ

*ПОСТЪ предсѣдателя комитета министровъ представляется совершенно бездѣятельнымъ. Комитетъ министровъ былъ уничтоженъ послѣ преобразованій, вызванныхъ 17-мъ октябремъ 1905 года. До 17-го октября 1905 года объединеннаго правительства (кабинета министровъ) не было. Комитетъ представлялъ высшее административное учрежденіе, которое весьма мало служило къ объединенію правительства; въ него вносилась масса административнаго хлама — все, что не было болѣе или менѣе точно опредѣлено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встрѣтить систематическое и упорное сопротивленіе со стороны государственнаго совѣта. Такимъ образомъ черезъ комитетъ министровъ прошли почти всѣ временные законы, ограничивающіе права евреевъ, поляковъ, армянъ и иностранцевъ, различныя полицейскія мѣры о всевозможныхъ охранахъ, всякія опеки различнымъ лицамъ, протежируемымъ свыше, коль скоро давались льготы внѣ закона и т. п. дѣла. Комитетъ состоялъ изъ всѣхъ министровъ или ихъ замѣстителей, предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта и лицъ по назначенію Государя. Въ комитетѣ играли роль обыкновенно два, три лица, которыя въ данное время пользовались особымъ благоволеніемъ Его Величества, а все остальное къ нимъ прислушивалось. Такими лицами въ мое время были графъ Толстой (министръ внутреннихъ дѣлъ); И. Н. Дурново, очень недалекій человѣкъ, но житейски умный и хитрый; Плеве, очень умный агентъ тайной полиціи, недурной юристъ, оппортунистъ, поверхностно образованный, хитрый и ловкій карьеристъ-чиновникъ, вообще весьма неглупый, но безъ всякаго государственнаго инстинкта; Побѣдоносцевъ, выдающагося образованія и культуры чело-

вѣкъ, безусловно честный въ своихъ помышленіяхъ и личныхъ амбиціяхъ, большого государственнаго ума, нигилистическаго по природѣ, отрицатель, критикъ, врагъ созидательнаго полета, на практикѣ поклонникъ полицейскаго воздѣйствія, такъ какъ другого рода воздѣйствія требовали преобразованій, а онъ ихъ понималъ умомъ, но боялся по чувству критики и отрицанія, поэтому онъ усилилъ до кульминаціоннаго пункта полицейскій режимъ въ православной церкви. Благодаря ему провалился проектъ зачатка конституціи, проектъ, составленный по инціативѣ графа Лорисъ-Меликова и который долженъ былъ быть введенъ наканунѣ ужаснаго для Россіи убійства Императора Александра II и въ первые дни воцаренія Императора Александра III. Это его, Побѣдоносцева, великій грѣхъ; — тогда бы исторія Россіи сложилась иначе и мы, вѣроятно, не переживали бы въ настоящее время подлѣйшую и безумнѣйшую революцію и анархію.

Въ комитетѣ игралъ также роль генералъ-адъютантъ Ванновскій, военный министръ, а потомъ министръ народнаго просвѣщенія, недурной человѣкъ, съ военнымъ характеромъ, мало образованный, не безъ здраваго смысла и съ упрямымъ характеромъ. Иногда въ комитетѣ играли роль умныя мнѣнія и вообще люди, умнѣе другихъ, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросы ранѣе не были, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, предрѣшены.

Забылъ упомянуть объ А. А. Абазѣ. Это человѣкъ съ громаднымъ здравымъ смысломъ, большой игрокъ, весьма лѣнивый, кончилъ курсъ въ университетѣ, но затѣмъ мало учившійся. Благодаря природному уму, петербургскому чиновничьему такту и связямъ, онъ игралъ большую роль въ Государственномъ Совѣтѣ и въ комитетѣ министровъ. Воспитанный въ салонахъ Великой Княгини Елены Павловны, вслѣдствіе сего былъ начиненъ либерализмомъ, хотя не пожертвовалъ бы ни однимъ вечеромъ картежной игры для проведенія той или другой либеральной мѣры.

Будучи предсѣдателемъ комитета министровъ, я подобно нѣкоторымъ моимъ предшественникамъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы уклониться по возможности отъ рогатыхъ дѣлъ, которыя обыкновенно сплавляли въ комитетъ, дабы не участвовать въ одіозныхъ рѣшеніяхъ, и потому стремился передавать ихъ по назначенію въ Государственный Совѣтъ или предоставить министрамъ испрашивать утвержденія всеподданнѣйшими докладами.

Вообще, предсѣдатель комитета министровъ имѣлъ очень рѣдкіе доклады у Государя, всѣ доклады посылались управляющимъ комитета, я

же, какъ находившійся въ то время въ нѣкотораго рода опалѣ, совсѣмъ Его Величества наединѣ не видѣлъ.

Я покинулъ постъ министра финансовъ въ августѣ 1903-го года. Черезъ нѣсколько дней Императоръ уѣхалъ моремъ за границу и довольно долго былъ у брата Императрицы въ Дармштадтѣ. Я уѣхалъ черезъ нѣсколько дней въ Берлинъ, а потомъ въ Парижъ.

Въ Парижѣ я прожилъ съ мѣсяцъ времени, старался никого не видѣть, въ особенности оффиціальныхъ лицъ. Тогда я былъ убѣжденъ, что война неизбѣжна и на носу, говорить же кому либо сіе или, вѣрнѣе, проговориться, конечно, не хотѣлъ. Меня въ Парижѣ удивляло французское правительство, въ особенности министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ, который, повидимому, въ возможность войны не вѣрилъ а потому такъ пѣла и французская пресса[1]...

Въ Парижѣ я нѣсколько разъ видѣлся съ главою дома Ротшильдовъ — барономъ Альфонсомъ, 70-ти лѣтнимъ старцемъ, человѣкомъ большого государственнаго ума и отличнаго образованія. Я былъ съ нимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ и любилъ говорить съ этимъ умнымъ и много знающимъ человѣкомъ. Онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Наполеономъ III и вообще со всѣми выдающимися дѣятелями второй Имперіи. Въ душѣ имперіалистъ, уживался, но не любилъ республику. Много зналъ, видѣлъ и былъ весьма начитанный.

Изъ Ротшильдовъ онъ въ сущности былъ единственный выдающійся человѣкъ. Между его братьями, кузенами, дѣтьми и племянниками есть люди весьма порядочные, всѣ очень свѣтскіе, но съ выдающимися способностями нѣтъ, — можетъ есть между молодыми, но еще не высказались.

Сынъ барона Альфонса Эдуардъ — очень милый, молодой человѣкъ, но едва ли пойдетъ по дѣловитости въ отца. Конечно, при свиданіи съ

[1] Делькассэ всюду авторитетно говорилъ, что по имѣющимся у него достовѣрнымъ свѣдѣніямъ войны быть не можетъ. Какъ впослѣдствіи оказалось, эти достовѣрныя свѣдѣнія заключались въ томъ, что нашъ посолъ кн. Урусовъ увѣрилъ Делькассэ, что войны съ Японіей быть не можетъ. Что же касается дипломатическихъ свѣдѣній изъ другихъ французскихъ источниковъ — изъ Пекина и Токіо, то министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассэ этихъ свѣдѣній совсѣмъ не имѣлъ, что явно доказывало всю неудовлетворительность постановки дипломатической части Франціи на Дальнемъ Востокѣ. Когда я пріѣхалъ въ Парижъ и увидѣлъ, что тамъ существуетъ такое оптимистическое настроеніе, то, боясь проговориться, я старался ни съ кѣмъ не видѣться и уѣхалъ поскорѣе въ Виши.

барономъ Альфонсомъ онъ заводилъ рѣчь о Дальнемъ Востокѣ, отъ которой я систематически уклонялся, но болѣе всего онъ говорилъ о дурномъ, по его мнѣнію, признакѣ при нашемъ дворѣ, о водвореніи страннаго мистицизма. Онъ нѣсколько разъ возвращался къ этому разговору, указывая на то, что исторія показываетъ, что предвѣстникомъ крупныхъ событій въ странахъ, въ особенности событій внутреннихъ, всегда является водвореніе при дворахъ правителей страннаго мистицизма, конечно, всегда связаннаго съ именами крупныхъ шарлатановъ. Онъ мнѣ прислалъ затѣмъ цѣлую книгу по этому предмету, въ которой авторъ на основаніи историческихъ фактовъ поддерживаетъ эту мысль. На мой вопросъ, почему онъ мнѣ все это говоритъ, онъ отвѣтилъ, что по поводу всякихъ разговоровъ, распространяемыхъ во Франціи о вліяніи на Ихъ Величествъ и нѣкоторыхъ Великихъ Князей и Княгинь доктора Филиппа (изъ Ліона); затѣмъ онъ мнѣ разсказалъ нѣкоторые изъ этихъ слуховъ, добавилъ, что много, вѣроятно, преувеличено, но фактъ всетаки несомнѣнный, что шарлатанъ докторъ Филиппъ видится съ Ихъ Величествами, почитается ими чуть ли не за святого и имѣетъ существенное вліяніе на ихъ психику. Всѣ эти разсказы, распространяемые во Франціи, производили на насъ русскихъ, конечно, тяжелое впечатлѣніе. О Филиппѣ, конечно, я много слышалъ и въ Петербургѣ. Сообщаю кратко то, что мнѣ извѣстно достовѣрно или почти достовѣрно.

Филиппъ нигдѣ оконченнаго образованія не получилъ, проживалъ онъ въ окрестностяхъ Ліона. Дочь его вышла замужъ за маленькаго доктора. Когда Филиппъ началъ практику леченія различными чудодѣйственными средствами, то, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ бываетъ, имѣлъ нѣкоторые случаи успѣха леченія и также предсказанія. Лица, его знавшія, говорили, что онъ вообще человѣкъ умный и имѣетъ какую-то мистическую силу надъ слабовольными и нервно-больными. Онъ имѣлъ также полицейскіе процессы вслѣдствіе жалобъ нѣкоторыхъ лицъ на его шарлатанство. Правительство ему запретило лечить и потому иногда преслѣдовало. Тѣмъ не менѣе онъ составилъ себѣ небольшую кучку поклонниковъ, преимущественно въ числѣ націоналистовъ (исторія Буланже-Дрейфусъ). Къ этой кучкѣ поклонниковъ принадлежалъ также нашъ военный агентъ въ Парижѣ полковникъ генеральнаго штаба графъ Муравьевъ-Амурскій (младшій братъ министра юстиціи Н. В. Муравьева, которому дядя не пожелалъ передать титула вслѣдствіе его дурного

поведенія — процесса со своею матерью и пр.) Этотъ графъ былъ человѣкъ положительно ненормальный, онъ все хотѣлъ насъ втащить въ исторію съ ненавистнымъ ему республиканскимъ правительствомъ, а такъ какъ я былъ въ числѣ лицъ, препятствовавшихъ сей авантюрѣ, полагая, что намъ не слѣдуетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, и такъ какъ въ результатѣ графъ Муравьевъ-Амурскій былъ смѣненъ, то онъ меня возненавидѣлъ, хотя лично онъ меня не зналъ; графъ Муравьевъ-Амурскій и другіе поклонники Филиппа провозгласили его святымъ, во всякомъ случаѣ они увѣряли, что онъ не родился, а съ небесъ сошелъ на землю и такъ же уйдетъ обратно. Съ этимъ Филиппомъ познакомилась за границею жена Великаго Князя Петра Николаевича, черногорка №1, или жена принца Лейхтенбергскаго, черногорка № 2. Охъ ужъ эти .... черногорки, натворили онѣ бѣдъ Россіи...

Чтобы разсказать, какія пакости онѣ натворили — нужно написать цѣлую исторію; не добромъ помянутъ русскіе люди ихъ память.....

Это двѣ дочери князя Николая Черногорскаго. Онъ ихъ дѣвочками отдалъ въ Смольный институтъ, тамъ на нихъ очень мало обращали вниманія. Онѣ кончили курсъ, какъ разъ когда Императоръ Александръ III разорвалъ традиціонныя узы съ Германіей и союзъ съ Франціей былъ въ зародышѣ. Тогда онъ за обѣдомъ, даннымъ въ честь князя Николая черногорскаго, провозгласилъ знаменитый тостъ «за моего единственнаго друга, князя Николая Черногорскаго». Тостъ этотъ, конечно, былъ провозглашенъ не столько по любви къ князю Николаю, какъ для того, чтобы сказать всему свѣту «у меня нѣтъ союзниковъ и я въ нихъ не нуждаюсь». Съ своей стороны князь Николай дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы заслужить расположеніе Императора. Это расположеніе, впрочемъ, совершенно естественно вытекало изъ того, что князь Николай былъ князь рыцарскаго народа — черногорцевъ, изъ всѣхъ славянъ всегда заявлявшихъ свою наибольшую привязанность къ намъ русскимъ. При такомъ положеніи вещей, естественно, что Императоръ Александръ III оказывалъ вниманіе кончившимъ въ Смольномъ институтѣ черногорскимъ княжнамъ. Этого было достаточно, чтобы явились изъ царской семьи женихи.

Вѣдь въ это время у насъ всякихъ Великихъ Князей размножилось цѣлое стадо. Слабогрудый Петръ Николаевичъ, младшій сынъ Великаго Князя Николая Николаевича (главнокомандующаго въ послѣднюю турецкую войну), женился на черногоркѣ № 1, а принцъ Юрій Лейхтенбергскій, третій сынъ Великой Княгини Маріи Николаевны,

женился на черногоркѣ № 2. Но послѣдній, женившись на черногоркѣ № 2, (вторымъ бракомъ), продолжалъ свою связь съ куртизанкою за границей, гдѣ большею частью и проживалъ. Такое его поведеніе, конечно, не могло нравиться такому въ высшей степени нравственному человѣку, какъ Александръ III, и я помню, какъ то разъ, на общемъ пріемѣ представляющихся, Онъ спросилъ одного изъ представлявшихся, пріѣхавшаго изъ Біаррица — много ли тамъ русскихъ. Онъ отвѣтилъ и указалъ, что тамъ, между прочимъ, находится принцъ Юрій Максимиліановичъ, на что Государь замѣтилъ: «а, и онъ тамъ полоскалъ свое поганое тѣло въ волнахъ океана». Впрочемъ, долженъ сказать, что Юрій Максимиліановичъ былъ въ сущности безобидный человѣкъ и совсѣмъ недурной, это типъ великихъ князей послѣднихъ формацій. И такъ, благодаря Александру III, черногорки были пристроены за второстепенныхъ Великихъ Князей и этимъ бы при Александрѣ III все бы и кончилось, но вступаетъ на престолъ Николай II и женится на Alix.

Молодая Императрица встрѣтила со стороны Императрицы матери и русскихъ Великихъ Княгинь самый радушный пріемъ и сердечное отношеніе, но не такое отношеніе, какъ къ Императрицѣ. А вѣдь она Императрица. Только черногорки не только гнулись передъ нею, какъ передъ Императрицей, но начали проявлять къ Ней безконечную любовь и преданность.

Какъ разъ Императрица заболѣла какою то желудочною болѣзнью; черногорки тутъ, какъ тутъ, ее не покидаютъ, устраняютъ горничныхъ и сами добровольно принимаютъ на себя эту непріятную въ подобныхъ болѣзняхъ обязанность. Такимъ образомъ, онѣ втираются въ Ея фаворъ и дѣлаются Ея первыми подругами. Покуда Государь не разошелся, это было не особенно замѣтно, но по мѣрѣ того, какъ Онъ началъ расходиться и Императрица мать начала терять свое вліяніе — вліяніе черногорокъ все усиливалось и усиливалось.

Конечно, прежде всего явилось у нихъ желаніе раздобыть побольше денегъ. Вотъ на этой почвѣ мнѣ пришлось сталкиваться съ черногорками. Какъ то разъ черногорка Лейхтенбергская заявила мнѣ, что имъ трудно жить, и что она просила помощи у Государя черезъ Императрицу и просила и моего содѣйствія къ устройству этого дѣла. Вопросъ сводился къ тому, чтобы казна выдавала Лейхтенбергскому ежегодно 150.000 рублей. Конечно, я призналъ это невозможнымъ и дѣло устроилось такъ, что бюджетъ министерства двора былъ увеличенъ на 150.000 рублей, а сіе министерство уплачиваетъ Лейхтенбергскому равную сумму.

Какъ это устроится теперь, когда черногорка № 2 покинула своего мужа Лейхтенбергскаго и вышла замужъ за Великаго Князя Николая Николаевича, не знаю.

Такой простой способъ устройства пособія черногоркѣ № 2 вытекалъ изъ особаго Высочайшаго повелѣнія относительно бюджетовъ министерства двора.

Дѣлами Великаго Князя Петра Николаевича управлялъ молодой человѣкъ, сынъ его бывшаго гувернера (кажется, фамилія его Дюмени). Онъ заигрался, вѣроятно, не безъ вѣдома Великаго Князя на биржѣ и крайне одно время разстроилъ его дѣла. Тогда Великій Князь обратился ко мнѣ, дабы я помогъ ему изъ государственнаго банка. Я, конечно, отказалъ, такъ какъ это противорѣчило уставу банка. Въ результатѣ Великому Князю помогъ Государь, кажется изъ удѣловъ, но супруга, черногорка № 1, такую мою дерзость простить не могла.

Нужно отдать справедливость черногоркамъ: онѣ были преданныя дочери и постоянно хлопотали о всякихъ денежныхъ субсидіяхъ своему княжескому родителю. Вся игра велась на томъ, что въ интересахъ Россіи въ случаѣ столкновенія ея съ Германіей, поставить Черногорію въ такое положеніе, чтобы она могла оказать Россіи содѣйствіе. Черногорцы молодцы; нужно только сформировать постоянныя части, а для этого нужны деньги. Вотъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ и начали отпускать черногорскому князю на содержаніе сказанныхъ частей войскъ особыя суммы и теперь въ смѣтѣ военнаго министерства такихъ расходовъ значится около милліона рублей, если не больше, но какъ именно расходуются эти деньги, никому въ Россіи неизвѣстно. Князь Николай по этому предмету писалъ Государю самыя убѣдительныя письма, увѣряя, что война съ Германіей неизбѣжна и весьма нелестно отзывался о Вильгельмѣ. У меня въ архивѣ одно такое интересное письмо сохранилось. Но l'appetit vient en mangeant. Въ 1901 или 1902 году вдругъ появился Николай Черногорскій въ Петербургѣ. Затѣмъ, я вижусь съ черногоркой № 2, которая мнѣ говоритъ, что ея отецъ просилъ Государя о помощи, что Государь на это согласился и, вѣроятно, я на дняхъ получу повелѣніе. Она прибавила, что очень проситъ меня оказать содѣйствіе. Я пожелалъ узнать, о какой помощи идетъ рѣчь. Черногорка мнѣ отвѣтила, что ея отецъ проситъ Государя, чтобы ему была уступлена контрибуція, которую платитъ Турція Россіи — около 3.000.000 рублей въ годъ и что Государь на это согласился, а потому князь Николай благодарилъ уже Государя и уѣхалъ къ себѣ обратно въ Черногорію. Я сказалъ черногоркѣ, что это, по моему мнѣнію, невозможно.

На ближайшемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Государь мнѣ сказалъ, что князь Черногорскій просилъ, чтобы Россія ему оказывала денежную помощь, что Онъ сказалъ князю, что не считаетъ возможнымъ изъ денегъ, платимыхъ русскимъ народомъ, оказывать денежную помощь иностраннымъ, хотя бы болѣе нежели дружественнымъ народамъ. Тогда князь Николай Ему отвѣтилъ, что и онъ не счелъ бы возможнымъ просить о такой помощи, а потому онъ проситъ, чтобы ему давали не русскія деньги, а турецкія, т.-е. чтобы Турція слѣдуемую отъ нея ежегодную контрибуцію до 3.000.000 рублей въ годъ передавала не Россіи, а Черногоріи. Я доложилъ Его Величеству, что турецкая контрибуція согласно закону ежегодно вносится въ государственную роспись и затѣмъ въ отчетъ государственнаго контроля и что объ исчезновеніи этой статьи дохода сдѣлается сейчасъ же всѣмъ извѣстнымъ. Я добавилъ, что это такія же русскія деньги, какъ и всякія другія, входящія въ роспись, что Турція намъ платитъ контрибуцію въ возмѣщеніе лишь части расходовъ, произведенныхъ русскимъ народомъ въ послѣднюю восточную войну и что исчезновеніе изъ доходовъ этой суммы русскому народу въ той или другой формѣ придется восполнить, и, наконецъ, что такая новая подачка Черногоріи по своимъ размѣрамъ переходитъ всякіе предѣлы. Въ отвѣтъ на это Государь мнѣ говоритъ:

«Что же дѣлать — я уже обѣщалъ».

Его Величество меня часто обезоруживалъ этимъ доводомъ, но въ данномъ случаѣ я доложилъ Государю, что если Онъ обѣщалъ, то потому, что князь Николай вольно и невольно ввелъ Его въ заблужденіе, указавъ, что онъ самъ не считаетъ возможнымъ брать русскія деньги и потому проситъ турецкія, а такъ какъ оказывается, что это деньги русскія, то слѣдовательно весь Его разговоръ съ княземъ падаетъ. Государь склонился къ моимъ убѣжденіямъ и я съ министромъ иностранныхъ дѣлъ дѣло это уладилъ, но все таки пришлось по бюджету военнаго министерства увеличить субсидію на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Послѣ этого мнѣ черногорка № 2 съ яростью сказала:

«Ну, я вамъ это не забуду, — будете помнить...»

Я воображаю, сколько эти сестры потомъ на меня клеветали Императрицѣ. Вообще эти особы крѣпко присосались къ русскимъ деньгамъ. На одной изъ ихъ сестеръ (старшей) былъ женатъ князь Петръ Карагеоргіевичъ, теперешній Сербскій король, поэтому онѣ также интриговали противъ короля Александра, такъ ужасно погибшаго отъ рукъ убійцъ, вмѣстѣ со своей женой.

Незадолго до этого событія, когда Государь былъ въ Ялтѣ, король Александръ повидимому хотѣлъ пріѣхать къ Государю съ женой съ

визитомъ, но визитъ этотъ былъ отклоненъ, что произошло не безъ интригъ черногорокъ.

Замѣчательно, что когда король Александръ женился на бывшей фрейлинѣ своей матери, сдѣлавъ такимъ образомъ mésalliance, то черногорка № 2 говорила, что король дурно кончитъ.

Незадолго до убійства короля Александра и воцаренія Петра Карагеоргіевича, послѣдній у меня былъ, чтобы просить также денежной помощи, и опять о немъ просила черногорка № 2. Онъ имѣлъ такой несчастный видъ, что вотъ ужъ я никакъ не думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ королемъ. У него было имѣніе въ Румыніи и вопросъ заключался въ томъ, чтобы ему выдать ссуду подъ это имѣніе. Я не согласился на выдачу ссуды ни изъ казны, ни изъ Государственнаго банка. Но съ высочайшаго разрѣшенія ему была выдана ссуда изъ правленія Бессарабско-Таврическаго банка. Высочайшее разрѣшеніе потребовалось только потому, что по уставу банкъ не могъ выдать ссуду подъ землю за границей. Въ этомъ году имѣніе было продано королемъ и ссуда возвращена.*

Я помню, что, когда пришелъ ко мнѣ Петръ Карагеоргіевичъ, я, какъ разъ случайно, сію минуту принять его не могъ и заставилъ его ждать съ четверть часа въ моей пріемной.

Затѣмъ, ко мнѣ вошелъ въ кабинетъ человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, очень скромный, весьма приличный въ своихъ манерахъ и разговорѣ. Конечно, мнѣ въ то время и въ голову не могло прійти, что этотъ скромный, пожилыхъ лѣтъ человѣкъ можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться королемъ Сербіи, хотя для того, чтобы эта вещь, о которой я тогда и думать не могъ, осуществилась, нужно было ранѣе жестокимъ образомъ убить короля Сербіи Александра и его жену.

Когда случилось это возмутительное убійство, то родъ, династія Обреновичей — прекратилась и престолъ достался старшему лицу изъ рода Карагеоргіевичей, какъ принадлежащему къ династіи, изъ которой происходили прежніе владѣтельные князья Сербіи, — и такимъ образомъ этотъ Петръ Карагеоргіевичъ, который являлся ко мнѣ въ видѣ просителя, неожиданно сдѣлался королемъ Сербіи.

Многіе держатся того мнѣнія, что въ заговорѣ, который привелъ Петра Карагеоргіевича къ престолу, участвовалъ, между прочимъ, и самъ Петръ Карагеоргіевичъ, что ему было извѣстно объ этомъ заговорѣ, о томъ, что будутъ убиты король и королева Сербіи.

Насколько это вѣрно, я не знаю. Долженъ только сказать, что со времени вступленія Петра Карагеоргіевича на престолъ конституціоннаго государства, къ какимъ принадлежитъ Сербія, онъ себя держитъ

въ высокой степени корректно-конституціонно, такъ что онъ представляетъ собою короля, противъ котораго нельзя сдѣлать никакого упрека. Вѣроятно, это происходитъ и отъ того, что продолжительная его жизнь, какъ простого обывателя французской республики, дала ему такіе политическіе принципы и устои, которымъ чужды государства не конституціонныя, или псевдо-конституціонныя, я говорю, такіе принципы, слѣдуя которымъ, Петръ Карагеоргіевичъ представляетъ собою короля весьма корректнаго.

Итакъ, возвращаюсь снова къ упомянутому Филиппу. Черезъ черногорокъ Филиппъ влѣзъ къ Великимъ Князьямъ Николаевичамъ и затѣмъ и къ Ихъ Величествамъ. Такимъ образомъ, Филиппъ нѣсколько разъ проживалъ секретно по мѣсяцамъ въ Петербургѣ и преимущественно въ лѣтнихъ резиденціяхъ, онъ постоянно занимался бесѣдами и мистическими сеансами съ Ихъ Величествами, Николаевичами и черногорками. На дачѣ Великаго Князя Петра Николаевича около Петергофа съ Филиппомъ видѣлся и Іоаннъ Кронштадтскій. Повидимому, тамъ и родилась мысль о провозглашеніи старца Серафима Саровскаго святымъ. Объ этомъ эпизодѣ мнѣ разсказывалъ К. П. Побѣдоносцевъ такъ:

Неожиданно онъ получилъ приглашеніе на завтракъ къ Ихъ Величествамъ. Это было неожиданно потому, что К. П. въ послѣднее время пользовался очень холодными отношеніями Ихъ Величествъ, хотя онъ былъ однимъ изъ преподавателей Государя и Его Августѣйшаго батюшки. К. П. завтракалъ одинъ съ Ихъ Величествами и послѣ завтрака Государь въ присутствіи Императрицы заявилъ, что онъ просилъ бы К. П. представить Ему ко дню празднованія Серафима, что должно было послѣдовать черезъ нѣсколько недѣль, указъ о провозглашеніи Серафима Саровскаго святымъ. К. П. доложилъ, что святыми провозглашаетъ Святѣйшій Синодъ и послѣ ряда изслѣдованій, главнымъ образомъ, основанныхъ на изученіи лица, который обратилъ на себя вниманіе святою жизнью и на основаніи мнѣній по сему предмету населенія, основанныхъ на преданіяхъ. На это Императрица соизволила замѣтить, что «Государь все можетъ». Этотъ напѣвъ имѣлъ и я случай слышать отъ Ея Величества по различнымъ поводамъ. Государь соизволилъ принять въ резонъ доводы К. П. и послѣдній при такомъ положеніи вопроса покинулъ Петергофъ и вернулся въ Царское Село, но уже вечеромъ того же дня получилъ отъ Государя любезную записку, въ которой онъ соглашался съ доводами К. П., что этого сразу сдѣлать нельзя, но одновременно повелѣвалъ,

чтобы къ празднованію Серафима въ будущемъ году Саровскій старецъ былъ сдѣланъ святымъ. Такъ и было исполнено.

Государь и Императрица изволили ѣздить на открытіе мощей. Во время этого торжества было нѣсколько случаевъ чудеснаго исцѣленія. Императрица ночью купалась въ источникѣ цѣлительной воды. Говорятъ, что были увѣрены, что Саровскій святой дастъ Россіи послѣ четырехъ Великихъ Княженъ наслѣдника. Это сбылось и окончательно и безусловно укрѣпило вѣру Ихъ Величествъ въ святость дѣйствительно чистаго старца Серафима. Въ кабинетѣ Его Величества появился большой портретъ — образъ святого Серафима.

Во время революціи, послѣ 17-го октября, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, князь А. Д. Оболенскій, нѣсколько разъ мнѣ сѣтовалъ, что черногорки все вмѣшиваются въ духовныя дѣла и мѣшаютъ Святѣйшему Синоду и что какъ то разъ по этому предмету онъ заговорилъ съ Его Величествомъ о святомъ Серафимѣ Саровскомъ, на что Государь ему сказалъ: «Что касается святости и чудесъ святого Серафима, то уже въ этомъ я такъ увѣренъ, что никто никогда не поколеблетъ Мое убѣжденіе. Я имѣю къ этому неоспоримыя доказательства». *

Ихъ Величества пробыли въ Саровѣ нѣсколько дней. Эти торжества имѣли большое вліяніе на укрѣпленіе расположенія Его Величества къ двумъ лицамъ: къ министру внутреннихъ дѣлъ Плеве, который былъ на этихъ торжествахъ, и къ губернатору Лауницъ.

Оба эти лица впослѣдствіи были убиты. Плеве ранѣе 17-го октября 1905 года (15 іюля 1904 г.) и уже послѣ, во время революціи — Лауницъ.

Долженъ по совѣсти сказать, что будучи противъ всякихъ убійствъ, а особенно анархическихъ, — я тѣмъ не менѣе не могу не сознаться, что безпринципность этихъ двухъ лицъ во многомъ содѣйствовала такой трагической ихъ смерти.

Безпринципность Плеве, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, окупалась его умомъ и знаніями, а безпринципность Лауница соотвѣтствовала его невѣжеству и ограниченности.

* Покрывало къ мощамъ Серафима рисовалъ князь Путятинъ, помощникъ оберъ-гофмаршала (полковникъ, какъ его прозвали, отъ котлетъ). Онъ пріобрѣлъ особенное благоволеніе Его Величества и сдѣлался секретнымъ проводникомъ между дворомъ и такъ называемыми «черносотенцами» (г. г. Пуришкевичи, Грингмуты, Юзефовичи и прочая политическая с....ь). Я князя Путятина лично мало зналъ; когда бывалъ

при дворѣ и даже теперь передъ выѣздомъ изъ Россіи онъ мнѣ постоянно расшаркивался.

Съ Саровскимъ Серафимомъ связанъ отецъ Серафимъ, недавно еще артиллерійскій офицеръ, потомъ іеромонахъ въ Москвѣ; онъ на этихъ поприщахъ оставилъ по себѣ не особенно лестную память, а теперь онъ уже состоитъ архіереемъ въ Орлѣ. Еще передъ моимъ отъѣздомъ теперь изъ Петербурга почтеннѣйшій архимандритъ Поліостровскаго монастыря Варнава мнѣ говорилъ, что сего архіерея Серафима прочатъ въ митрополиты петербургскіе и что именно потому самыя безобразнѣйшія изъ всѣхъ русскихъ газетъ, т. е. газеты «черносотенныя», которыя между прочимъ во всѣхъ отношеніяхъ поддерживаются свыше, газеты полныя самой нелѣпой клеветою и ложью, систематически травятъ митрополита Антонія, надѣясь вынудить его покинуть постъ. По словамъ архимандрита Варнавы на верху существуетъ убѣжденіе, что для того, чтобы насталъ въ Россіи покой, нужно, чтобы Петербургскій митрополитъ назывался Серафимомъ. Таково предсказаніе. Что сіе весьма вѣроятно, я сужу по тому, что полковникъ отъ котлетъ Путятинъ во время войны съ Японіей нѣсколько разъ выражалъ свое удивленіе въ томъ, что есть люди и, казалось ему, порядочные люди, которые полагаютъ, что мы можемъ быть сокрушены японцами, тогда какъ существуетъ несомнѣнное предсказаніе Серафима, что нами побѣдоносный миръ будетъ заключенъ въ Токіо. Это Путятинъ съ полнымъ спокойствіемъ еще выражалъ послѣ Цусимы.

Въ связи съ Саровскимъ Серафимомъ сдѣлалъ себѣ карьеру прокуроръ Московской синодальной конторы князь Ширинскій-Шахматовъ, приготовившій все для открытія мощей. Послѣ этого торжества онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Твери, но такъ какъ онъ тамъ потребовалъ отъ священниковъ, чтобы они ему аттестовали политическую благонадежность населенія, то князь Мирскій, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣ Плеве, его уволилъ, хотя и не безъ неудовольствія со стороны Его Величества. Какъ только князь Ширинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государь его принялъ, спокойно выслушалъ всякія инсинуаціи на князя Мирскаго и назначилъ вопреки обыденнымъ правиламъ сенаторомъ.

Затѣмъ, когда я былъ вынужденъ, собравъ первую Думу, покинуть постъ предсѣдателя совѣта министровъ, князь Ширинскій былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ синода въ кабинетѣ Горемыкина, а когда послѣ 72-хъ дней вмѣсто Горемыкина былъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта Столыпинъ, князь Ширинскій опять долженъ былъ уйти, но Его Величество сейчасъ же назначилъ его членомъ Государственнаго

Совѣта. Теперь онъ присутствуетъ въ Государственномъ Совѣтѣ въ качествѣ предсѣдателя черносотенной банды. Князь Ширинскій имѣетъ всѣ пороки К. П. Побѣдоносцева, не имѣя даже тѣни его положительныхъ качествъ: образованія, культуры, опытности, знаній и даже политической порядочности.

Можетъ быть, далѣе мнѣ придется говорить о «черносотенномъ» движеніи, которое сыграло уже громадную роль въ нашей революціи и анархіи, но теперь долженъ оговориться тѣмъ, что партія эта сыграетъ еще громадную роль въ дальнѣйшемъ развитіи анархіи въ Россіи, такъ какъ въ душѣ она пользуется полною симпатіей Государя, а въ особенности несчастной для Россіи Императрицы и имѣетъ свои положительныя и симпатичныя стороны. Эта партія въ основѣ своей патріотична, а потому при нашемъ космополитизмѣ симпатична. Но она патріотична стихійно, она зиждется не на разумѣ и благородствѣ, а на страстяхъ. Большинство ея вожаковъ политическіе проходимцы, люди грязные по мыслямъ и чувствамъ, не имѣютъ ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и всѣ свои усилія направляютъ на разжиганіе самыхъ низкихъ страстей дикой, темной толпы. Партія эта, находясь подъ крылами двуглаваго орла, можетъ произвести ужасные погромы и потрясенія, но ничего кромѣ отрицательнаго создать не можетъ. Она представляетъ собою дикій, нигилистическій патріотизмъ, питаемый ложью, клеветою и обманомъ, и есть партія дикаго и трусливаго отчаянія, но не содержитъ въ себѣ мужественнаго и прозорливаго созиданія. Она состоитъ изъ темной, дикой массы, вожаковъ — политическихъ негодяевъ, тайныхъ соучастниковъ изъ придворныхъ и различныхъ, преимущественно титулованныхъ дворянъ, все благополучіе которыхъ связано съ безправіемъ и лозунгъ которыхъ «не мы для народа, а народъ для нашего чрева». Къ чести дворянъ эти тайные черносотенники составляютъ ничтожное меньшинство благороднаго русскаго дворянства. Это — дегенераты дворянства, взлелѣянные подачками (хотя и милліонными) отъ царскихъ столовъ. И бѣдный Государь мечтаетъ, опираясь на эту партію, возстановить величіе Россіи. Бѣдный Государь... И это главнымъ образомъ результатъ вліянія Императрицы.

Пишу эти строки, предвидя всѣ послѣдствія безобразнѣйшей телеграммы Императора проходимцу Дубровину, предсѣдателю союза русскаго народа (3 іюня 1907 года). Телеграмма эта въ связи съ манифестомъ о роспускѣ второй Думы показываетъ все убожество политической мысли и болѣзненность души Самодержавнаго Императора...

Въ связи съ Серафимомъ Саровскимъ, конечно, еще нѣсколько десятковъ лицъ сдѣлали себѣ служебную карьеру. Но возвращаюсь къ пресловутому Филиппу.

Когда одна изъ черногорокъ была въ Парижѣ, она потребовала къ себѣ завѣдывавшаго тамъ нашею тайною полиціей Рачковскаго и выразила ему желаніе, чтобы Филиппу разрѣшили практиковать и дали ему медицинскій дипломъ. Конечно, Рачковскій объяснилъ этой черномазой принцессѣ всю наивность ея вожделѣнія, причемъ недостаточно почтительно выразился объ этомъ шарлатанѣ. Съ тѣхъ поръ онъ нажилъ въ ней опаснаго при дворѣ врага. Покуда занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ благородный и честный человѣкъ Сипягинъ, Рачковскаго не трогали, такъ какъ онъ по части своей профессіи имѣлъ несомнѣнныя заслуги въ Парижѣ. Но послѣ того, какъ Сипягина безвинно злодѣйски убили и вступилъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, съ Рачковскимъ скоро расправились. Еще Сипягинъ нѣсколько разъ смущенно мнѣ говорилъ о томъ, что ему очень не нравится эта исторія съ Филиппомъ, но что онъ ничего сдѣлать не можетъ, такъ какъ она не входитъ въ сферу его дѣйствій и вліяній.

Что касается Филиппа, то будучи въ Россіи, онъ находился на особомъ попеченіи дворцоваго коменданта Гессе, который (какъ и нынѣ дворцовый комендантъ) имѣетъ свою секретную полицію по охранѣ. Генералъ-адъютантъ Гессе счелъ нужнымъ запросить Рачковскаго, что представляетъ собою Филиппъ. Рачковскій составилъ относительно этой личности рапортъ, гдѣ онъ фактически представилъ Филиппа шарлатаномъ. Этотъ рапортъ онъ привезъ въ Петербургъ съ собою, куда пріѣхалъ по дѣламъ. Ранѣе нежели представить его Гессе, онъ прочелъ его Сипягину. Сипягинъ ему сказалъ, что какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ объ этомъ рапортѣ ничего не знаетъ, такъ какъ онъ ему не адресованъ, а какъ человѣкъ совѣтуетъ бросить его въ топившійся каминъ. Рачковскій тѣмъ не менѣе представилъ рапортъ по назначенію. Какъ только Плеве сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Рачковскій былъ уволенъ, причемъ ему было воспрещено жить въ Парижѣ и, кажется, вообще во Франціи. Тогда же я спрашивалъ Плеве, почему это случилось, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ отъ него потребовали. Гессе всячески защищалъ Рачковскаго, но безуспѣшно. Впрочемъ, послѣ, при Треповѣ (родъ диктаторства) Рачковскій былъ снова призванъ занять выдающійся постъ въ департаментѣ полиціи.

Такъ какъ Филиппу не удалось получить диплома во Франціи, то вопреки всѣмъ законамъ, при военномъ министрѣ Куропаткинѣ, ему

дали доктора медицины отъ Петербургской военной медицинской академіи и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Все это безъ всякихъ оглашеній. Святой Филиппъ пошелъ къ военному портному и заказалъ себѣ военно-медицинскую форму. Императрицу Марію Федоровну не мало смущали ночные сеансы съ Филиппомъ, хотя они держались въ секретѣ. Великій Князь Николай Николаевичъ и принцъ Лейхтенбергскій, второй и первый супругъ черногорки № 2, на вопросы ихъ друзей о Филиппѣ категорически отвѣчали, что во всякомъ случаѣ, это святой человѣкъ. Понемногу около Филиппа образовалась немногочисленная секта своего рода иллюминатовъ. Насколько Филиппъ воздѣйствовалъ на психозъ Императрицы, а слѣдовательно, и Царя, видно изъ слѣдующаго, достовѣрно мнѣ извѣстнаго факта.

Когда Императоръ послѣдній разъ былъ во Франціи, то во время смотра на площади передъ аттакой кавалеріи вдругъ замѣтили на серединѣ площади человѣка. Стоявшія около Императрицы лица, обративъ на сіе вниманіе Ея Величества, испугались, но Императрица, узнавъ въ немъ Филиппа, преспокойно замѣтила, что замѣченный человѣкъ во всякомъ случаѣ останется цѣлымъ.

Филиппъ черезъ нѣсколько лѣтъ, еще до окончанія войны, умеръ, но по увѣренію его поклонниковъ, поднялся живымъ на небо, окончивъ на нашей планетѣ свою миссію. Кажется, въ особенности увлекался Филиппомъ Великій Князь Николай Николаевичъ, который вообще мистически тронутъ. Благодаря верченію столовъ и вызову духовъ онъ сошелся съ купчихой Бурениной, съ которой долго жилъ maritalement, а Буренина на этомъ, кажется, совсѣмъ помѣшалась. Съ тѣхъ поръ онъ постсянно занимался шарлатанами мистицизма. Чтобы судить о его психологіи, приведу такой разговоръ, который я съ нимъ однажды имѣлъ.

Я познакомился съ нимъ у его матери Великой Княгини Александры Петровны въ Кіевѣ, у которой я часто бывалъ. Въ то время я былъ управляющимъ юго-западными дорогами, а онъ полковникомъ генеральнаго штаба. Иногда я съ нимъ игралъ въ карты. Мать его была прекрасная женщина, но тоже была мистически тронута. Послѣ я съ нимъ хотя встрѣчался, но никогда не имѣлъ случай бесѣдовать.

Когда я былъ министромъ, онъ на праздники завозилъ или присылалъ мнѣ свои карточки. Въ то время, когда я былъ въ опалѣ и занималъ постъ предсѣдателя комитета министровъ, то до меня дошли свѣдѣнія, что въ домѣ его брата какъ то разсказывали сплетню о моей женѣ. Я думаю, ни одинъ государственный дѣятель въ Россіи, и

всего міра не былъ подвергаемъ столькимъ самымъ ужаснымъ и отвратительнымъ сплетнямъ, какъ я. Я никогда на нихъ не обращалъ и до сего времени не обращаю никакого вниманія, но когда дѣло касалось моей жены, то это иногда меня задѣвало. Вотъ по моимъ старымъ отношеніямъ я заѣхалъ къ Великому Князю Николаю Николаевичу и говорю ему, что до меня дошло, что въ домѣ его брата говорили то-то и то-то и что все это ложь. Онъ отвѣтилъ, что ничего объ этомъ не слыхалъ, но если когда нибудь услышитъ, то скажетъ свое мнѣніе. Затѣмъ мы заговорили о Государѣ и вдругъ онъ мнѣ задаетъ такой вопросъ:

— «Скажите мнѣ откровенно, Сергѣй Юльевичъ, какъ вы считаете Государя, человѣкомъ или нѣтъ?»

Я отвѣтилъ:

— «Государь есть мой Государь и я Его вѣрный на всю жизнь слуга, но хотя Онъ Самодержавный Государь, Богомъ или природою намъ данный, Онъ все таки человѣкъ со всѣми людямъ свойственными особенностями».

На это Великій Князь мнѣ отвѣтилъ:

— «Видите ли, а я не считаю Государя человѣкомъ, Онъ не человѣкъ и не Богъ, а нѣчто среднее...»

Такъ мы съ нимъ и разстались. Впрочемъ, несмотря на многіе недостатки Великаго Князя Николая Николаевича, я его считаю человѣкомъ крайне ограниченнымъ, но недурнымъ и честнымъ, безусловно преданнымъ Государю, имѣющимъ нѣкоторыя военныя способности. Онъ натворилъ и, вѣроятно, еще натворитъ много бѣдъ Россіи, но способенъ приносить пользу. Онъ оказалъ Россіи громадную услугу, помогши мнѣ уничтожить поразительный и грозившій самыми ужасными послѣдствіями Россіи договоръ, заключенный Императоромъ и Вильгельмомъ въ Біоркахъ, по секрету отъ министра иностранныхъ дѣлъ въ то время, когда я, на пути въ Америку, чтобы вести мирные переговоры съ Японіей, былъ въ Парижѣ. Императоръ Вильгельмъ много способствовалъ втащить насъ въ несчастную японскую войну, а когда мы искалѣченные выбрались изъ этого несчастья въ Портсмутѣ онъ хотѣлъ совсѣмъ намъ навязать петлю на шею [1].

Во время моего пребыванія въ Парижѣ какъ то ко мнѣ зашелъ нѣкто Мануйловъ, одинъ изъ духовныхъ сыновей редактора «Гражданина», князя Мещерскаго (такъ онъ называлъ молодыхъ людей его за-

[1] Въ Біоркэ.

бавлявшихъ), который былъ назначенъ Плеве послѣ Рачковскаго въ Парижъ по секретнымъ дѣламъ, чтобы сказать мнѣ, чтобы я на него не гнѣвался, если узнаю, что за мною слѣдятъ тайные агенты не его, а сопровождавшіе меня прямо изъ Петербурга — Плевенскіе.

Дѣйствительно на другой день нѣкоторые члены французскаго министерства сообщили мнѣ черезъ третье лицо, что за мною слѣдятъ русскіе филеры. Когда затѣмъ я началъ обращать вниманіе, то замѣтилъ ихъ и вернувшись въ Петербургъ благодарилъ Плеве за заботу о моей безопасности, что немало его сконфузило. Плеве имѣлъ противъ меня громаднѣйшій зубъ. Я никогда не скрывалъ моего о немъ мнѣнія, часто излагалъ въ различныхъ письмахъ знакомымъ, которые онъ, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, конечно, читалъ. Это подогрѣвало его злобу.

Къ концу моего пребыванія въ Парижѣ, пріѣхалъ туда изъ Дармштадта баронъ Фредериксъ, министръ двора. Онъ мнѣ передавалъ, что Государь въ отличномъ расположеніи духа, отдыхаетъ, катается на автомобиляхъ, много гуляетъ по городу пѣшкомъ. Его нѣсколько смущало, что Государь не имѣетъ внушительнаго Царскаго вида вслѣдствіе малаго роста, изъ за чего Ему пришлось отказаться отъ ношенія нѣкоторыхъ германскихъ формъ, которыя еще больше уменьшаютъ Его видъ.

На вопросъ мой: ну, а какъ же идутъ переговоры съ Японіей, баронъ Фредериксъ мнѣ отвѣтилъ, что, несмотря на присутствіе въ Дармштадтѣ министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламсдорфа, всѣ дипломатическія и прочія сношенія по вопросамъ Дальняго Востока ведутся Государемъ непосредственно съ намѣстникомъ (большимъ карьеристомъ) генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ помимо графа Ламсдорфа, поэтому походной военной канцеляріи приходится цѣлыми днями дешифрировать, составлять и шифровать телеграммы. На мое замѣчаніе, что такое положеніе дѣла чрезвычайно опасно, баронъ Фредериксъ, весьма недалекій человѣкъ, но съ рыцарскимъ характеромъ, мнѣ отвѣтилъ, что онъ на это указывалъ Государю и даже былъ вынужденъ передать обо всемъ графу Ламсдорфу. Въ результатѣ графъ Ламсдорфъ объяснился съ Его Величествомъ и послѣдствіемъ этого разговора было то, что копіи телеграммъ Алексѣева и Его Величества передавались графу Ламсдорфу, но тутъ же баронъ Фредериксъ замѣтилъ, что хотя, къ сожалѣнію, не всѣ.

Графъ Ламсдорфъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ, что при этомъ объясненіи Государь изволилъ высказать, что всѣ дѣла, касающіяся Даль-

няго Востока, Онъ поручилъ намѣстнику, который и отвѣчаетъ за результаты. Его Величество прибавилъ, что ему будутъ посылаться копіи депешъ и что Онъ его проситъ составить отвѣтъ на послѣднюю телеграмму Алексѣева, въ которой Алексѣевъ, выражая мнѣніе, что переговоры съ Японіей вслѣдствіе ея нахальства не приведутъ къ соглашенію, совѣтовалъ прибѣгнуть къ силѣ. Графу Ламсдорфу на этотъ разъ удалось отвратить открытіе военныхъ дѣйствій. При этомъ Его Величество высказалъ, что Онъ войны не желаетъ. Что Государь этой войны не хотѣлъ — это вѣрно, но по внушенію банды авантюристовъ (Безобразовъ и К-о), Онъ полагалъ, что можетъ предписывать свои условія и желанія и что, если Японія и Китай не подчиняются, то это потому, что мы съ ними церемонились; съ ними можно дѣйствовать только внушая страхъ и не дѣлая уступокъ, если же и сдѣлать какую-либо уступку, то какъ милость бѣлаго русскаго царя. Однимъ словомъ я войны ни за что не начну, а они не посмѣютъ — значитъ войны не будетъ.

Когда Государь былъ въ Дармштадтѣ, Императоръ Вильгельмъ Ему сообщилъ, что по его свѣдѣніямъ[1] Японія сильно приготовляется къ войнѣ, на что Его Величество съ полнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ: «Войны не будетъ, такъ какъ Я ея не хочу».

Въ это время въ отношеніи военныхъ приготовленій мы гораздо болѣе заботились о военныхъ приготовленіяхъ на западной границѣ, нежели на Дальнемъ Востокѣ. На западной границѣ мы какъ будто чего-то ожидали. Въ это время остро поднялся вопросъ о командованіи арміи въ случаѣ войны на Западѣ.

Было рѣшено, что главнокомандующимъ арміей, которая должна будетъ идти противъ Германіи, будетъ Великій Князь Николай Николаевичъ, а главнокомандующимъ арміей, которая будетъ дѣйствовать противъ Австріи будетъ военный министръ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ.

Между Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ и Куропаткинымъ уже начали происходить всевозможныя разногласія по вопросамъ этой войны.

[1] Германское министерство иностранныхъ дѣлъ получало съ Дальняго Востока свѣдѣнія весьма грозныя относительно возможности японской войны. По свѣдѣніямъ, которыя доставлялись въ Берлинъ, оказывалось, что Японія чрезвычайно усиленно готовится къ войнѣ, что при томъ способѣ дѣйствій, какой усвоила Россія, въ Японіи войну считаютъ неизбѣжной. Къ заключенію о неизбѣжности войны Японія пришла послѣ того, какъ узнала, что я удалился отъ дѣлъ, — такъ какъ ей было извѣстно, что я являюсь главнымъ элементомъ, сдерживающимъ воинствующее направленіе.

Николай Николаевичъ, въ видѣ приготовленій, требовалъ различныхъ мѣропріятій, въ томъ числѣ проведенія нѣкоторыхъ вѣтокъ желѣзныхъ дорогъ, и, такъ какъ въ то время Куропаткинъ — будущій главнокомандующій арміей противъ Австріи — былъ военнымъ министромъ, то Великій Князь Николай Николаевичъ не могъ проводить этихъ подготовительныхъ мѣръ безъ участія Куропаткина. Куропаткинъ же во многомъ не соглашался съ Великимъ Княземъ и вотъ на этой то почвѣ у нихъ и происходили пререканія, причемъ я нѣсколько разъ слышалъ отъ Куропаткина самые отрицательные отзывы относительно проектовъ Николая Николаевича и вообще относительно его различныхъ способностей, какъ военнаго.

Что касается оцѣнки Великаго Князя Николая Николаевича, какъ человѣка, очень мягко выражаясь, самоувѣреннаго и неуравновѣшеннаго, съ весьма малымъ запасомъ логики — я былъ въ этомъ отношеніи совершенно согласенъ съ Куропаткинымъ.

Фактъ тотъ, что относительно приготовленій нашихъ къ военнымъ дѣйствіямъ на Дальнемъ Востокѣ мы не принимали почти никакихъ серьезныхъ мѣръ, будучи увѣрены, что ранѣе всего намъ грозитъ война на Западѣ.

Тогда въ Японіи посланникомъ былъ баронъ Розенъ, который затѣмъ былъ посломъ въ Америкѣ и состоялъ при мнѣ вторымъ уполномоченнымъ при заключеніи мирнаго договора въ Портсмутѣ.

Баронъ Розенъ человѣкъ честный, разсудительный, но съ нѣмецкимъ мышленіемъ. Онъ предупреждалъ правительство, что въ Японіи волнуются, совѣтовалъ бросить затѣи («заслонъ») на Ялу, войти въ соглашеніе съ Японіей относительно Кореи, но держался того мнѣнія, что Манджурія должна быть наша. Онъ держался этого мнѣнія съ нѣмецкимъ благороднымъ упрямствомъ.

Между тѣмъ Манджурія не могла быть нашей; было бы хорошо, если бы за нами осталась восточно-китайская дорога и коварно захваченный Квантунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ. Ни Америка, ни Англія, ни Японія, ни всѣ ихъ союзники явные или тайные, ни Китай никогда не согласились бы намъ дать Манджурію, а потому держась убѣжденія, что такъ или иначе, а нужно захватить всю Манджурію, устранить войну было невозможно. Этого не понималъ баронъ Розенъ, а потому и не представлялся удобнымъ дипломатомъ для веденія переговоровъ въ такое критическое время съ Японіей, въ особенности подъ руководствомъ въ сущности по уму хитраго армяшки, какъ Алексѣевъ.

Само собою разумѣется, что характеризуя такъ Алексѣева, я не хочу обидѣть этимъ армянъ, ибо дѣйствительно сравненіе натуры всѣхъ армянъ съ низенькою натурою Алексѣева для нихъ было бы обидно. Я хочу сказать, что Алексѣевъ по натурѣ мелкій и нечестный торгашъ, а не государственный дипломатъ.

Камарильѣ Государя всегда нужны козлы искупленія, на которыхъ спускаютъ свору полубѣшенныхъ псовъ въ случаѣ неудачи политической охоты

Послѣ 17 октября такимъ козломъ оказался я и свора псовъ черной масти была спущена при молчаливомъ соизволеніи Его Величества на меня. Но я Богъ дастъ сіе выдержу, а затѣмъ исторія, надѣюсь, скажетъ свое правдивое слово.

Графа Ламсдорфа въ концѣ концовъ стремились сдѣлать козломъ искупленія за нелѣпѣйшую, безсмысленнѣйшую, бездарнѣйшую, а потому и несчастнѣйшую японскую войну. Конечно, Государь самъ этого не дѣлалъ, это дѣлала прокаженная дворцовая камарилья, но долженъ сказать, что Государь сіе зналъ и допускалъ. Грустно сказать, но это черта благороднаго Царскаго характера. На такія (впрочемъ и на многія другія вещи) никогда бы не пошелъ благороднѣйшій Царь — Его Отецъ — Императоръ Александръ III. Царь, не имѣющій царскаго характера, не можетъ дать счастія странѣ. Александръ III былъ простой человѣкъ, но былъ Царь и далъ Россіи 13 лѣтъ покоя. Вильгельмъ I былъ не мудрѣе Александра III и сдѣлался великимъ потому, что у него былъ царскій характеръ.

Коварство, молчаливая неправда, неумѣніе сказать да или нѣтъ, и затѣмъ сказанное исполнить, боязненный оптимизмъ, т.-е. оптимизмъ какъ средство подымать искуственно нервы — все это черты отрицательныя для Государей, хотя не великихъ.

Такъ какъ можетъ быть публика когда либо прочтетъ эти строки, то я чувствую нравственную потребность сказать нѣсколько словъ о графѣ Ламсдорфѣ. Графъ былъ благороднѣйшимъ и во всѣхъ отношеніяхъ порядочнымъ человѣкомъ. Умный, безконечно трудолюбивый, будучи сорокъ лѣтъ въ министерствѣ и правою рукою серіи послѣднихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, онъ отлично зналъ свое дѣло. Это не былъ орелъ, но дѣльный человѣкъ. Онъ пользовался уваженіемъ всѣхъ дипломатовъ, такъ какъ, если что говорилъ, то говорилъ правду.

Человѣкъ съ изысканными свѣтскими манерами, но не любящій и даже не переносящій общества. Въ засѣданіяхъ не могъ говорить; наединѣ или въ близкомъ кругу всегда выражалъ свое мнѣніе толково и съ большимъ знаніемъ. Что касается японской войны, то первымъ шагомъ къ ней было взятіе Портъ-Артура (Квантунской области) и какъ послѣдствіе сего — сооруженіе южной вѣтки восточно-китайской дороги. Это сотворилъ бывшій тогда министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ, недурной человѣкъ, но типичный легкомысленный хлыщъ.

Онъ игралъ шута при дворѣ и имѣлъ счастье забавлять Ихъ Величества, въ особенности молодую Государыню своими анекдотами, впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, весьма плоскими.

Тогда графъ Ламсдорфъ былъ товарищемъ графа Муравьева и затѣмъ, когда онъ сдѣлался министромъ и мнѣ приходилось указывать ему на крупнѣйшую ошибку взятія Портъ-Артура, онъ, графъ Ламсдорфъ, хоть и не защищалъ легкомысленной политики графа Муравьева, но старался находить различныя оправданія. Графъ Муравьевъ сдѣлалъ эту глупость, желая подладиться къ Императору, а Императоръ, съ одной стороны по молодости, съ другой стороны, вѣроятно, по естественно родившемуся въ немъ дурному чувству къ японцамъ послѣ покушенія на Его жизнь во время пребыванія Его въ Японіи (хотя Онъ объ этомъ никогда не говорилъ) и, наконецъ, главное, по склонности Его прославиться, въ глубинѣ души желалъ побѣдоносной войны. Я даже думаю, что если бы не разыгралась война съ Японіей, то явилась бы на границѣ Индіи и въ особенности въ Турціи изъ за Босфора и она затѣмъ, конечно, распространилась бы.

Послѣ коронаціи Его Величества, поѣздки во Францію и смерти князя Лобанова-Ростовскаго, вслѣдствіе безпорядковъ въ Малой Азіи, Нелидовъ (тогдашній посолъ въ Константинополѣ) чуть-чуть не втащилъ насъ въ войну съ Турціей. Я одинъ высказался въ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ Государя, противъ нея и хотя Государь рѣшилъ дѣло вопреки моему мнѣнію, но затѣмъ благодаря помощи, оказанной мнѣ нѣкоторыми лицами (Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ и К. П. Побѣдоносцевымъ), Его Величество принялъ рѣшеніе согласно моему мнѣнію.

Будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Ламсдорфъ проводилъ всегда честно и мудро политику миролюбивую. Что касается Дальняго Востока, онъ всегда шелъ со мною, избѣгая всякихъ мѣръ, которыя могли бы разстроить наши отношенія съ Китаемъ и Японіей, которыя впрочемъ послѣ захвата Квантуна уже были порядочно испорчены. Онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть войны съ

Японіей, но его вліяніе было ничтожно, а поведеніе, какъ министра по отношенію къ своему Государю, несоотвѣтственно. Онъ въ сущности по отношенію къ этой несчастной войнѣ говорилъ всегда то же, что и я, но онъ говорилъ мягко, я рѣшительно, а иногда рѣзко (въ чемъ меня часто упрекали и въ чемъ, можетъ быть, я и былъ иногда виноватъ по отношенію къ моему Государю). Графъ Ламсдорфъ избѣгалъ видѣться со всею сворою, которая тащила Государя на войну. Я съ ними видѣлся, по крайней мѣрѣ не избѣгалъ ихъ, старался ихъ обезсилить и они знали, что я на ихъ сторону не стану и буду сражаться до конца. Въ концѣ концовъ, такъ какъ Его Величество не безъ основанія убѣдился, что я буду въ этомъ вопросѣ всегда противъ войны и потому уже никоимъ образомъ не буду содѣйствовать этой пагубной затѣѣ, то Онъ меня, попросту сказать, прогнать съ поста министра финансовъ, поставивъ на, пожалуй, очень почетный, но бездѣятельный постъ.

Графъ же Ламсдорфъ не имѣлъ мужества самъ уйти, а прогнать его было не за что, такъ какъ онъ только выражалъ свои мнѣнія, а не спорилъ. Государь зналъ, что онъ далѣе мнѣній, выраженныхъ въ очень дипломатической формѣ, не пойдетъ и не обращалъ на него вниманія. Ему даже дали мысль, что графъ Ламсдорфъ такъ говоритъ потому, что я такъ говорю, а какъ только я буду устраненъ, онъ перемѣнитъ свое мнѣніе. Мнѣніе онъ не перемѣнилъ, но продолжалъ ограничиваться мягкими, а иногда и нѣсколько противорѣчивыми дипломатическими нотами на имя Его Императорскаго Величества.

Когда же война такъ дурно кончилась, произошло 17 октября и наконецъ явилось открытіе Думы, я на этотъ разъ самъ потребовалъ отставки, такъ какъ убѣдился, что дѣло вести не могу и быть игрушкой въ рукахъ всей тайной и явной камарильи не желалъ, то вслѣдъ за мною уволили графа Ламсдорфа (безъ его просьбы). Когда на другой день я спросилъ барона Фредерикса и другихъ придворныхъ, для чего уволили Ламсдорфа, мнѣ цинично отвѣтили, что нужно было дать удовлетвореніе общественному мнѣнію за японскую войну.

Конечно, сейчасъ открылся лай въ органахъ извѣстнаго направленія. Во всякомъ случаѣ бѣдный и благороднѣйшій графъ Владиміръ Николаевичъ Ламсдорфъ виновенъ только въ томъ, что онъ до войны не подалъ въ отставку. Конечно, это войны не устранило бы, но избавило бы его память, во всѣхъ отношеніяхъ достойную, отъ нареканій.

Что же касается вліянія подачи въ отставку со стороны министровъ, какъ актъ государственнаго воспитанія Государя, то по этому предмету

я, будучи при Императорѣ Николаѣ болѣе 8 лѣтъ министромъ, слышалъ совершенно противорѣчивые упреки и обвиненія. Вы должны были настоять, чтобы было сдѣлано такъ или не сдѣлано этакъ. Я говорю: я не могъ, Государь со мной не соглашался. Въ такомъ случаѣ, вы должны были подать въ отставку, если бы министры такъ поступали, то Государь въ концѣ концовъ ихъ слушался бы.

Вы не имѣли права уходить съ поста министра финансовъ передъ войной, — такъ патріоты не поступаютъ. — Да, я не ушелъ, меня прогнали. — Да, прогнали потому, что вы все время возражали и боролись; если бы подчинялись желаніямъ Государя, то не прогнали бы.

Съ вашей стороны было преступленіе покинуть постъ предсѣдателя совѣта министровъ передъ первой Думой — если бы вы остались, дѣло бы уладилось, много послѣдовавшихъ затѣмъ ужасовъ не произошло бы. — Да я же не могъ оставаться, когда меня не слушались, при такомъ положеніи вещей я былъ безполезенъ и кончилось бы тѣмъ, что меня опять прогнали бы. — Это еще вопросъ, прогнали ли бы или нѣтъ, а всетаки вы сами настояли на отставкѣ, — не просить же Государю васъ остаться, тогда бы онъ долженъ былъ васъ слушаться.

Вы очень рѣзко говорите съ Его Величествомъ въ засѣданіяхъ, такъ спорить нельзя, а потомъ васъ Государь не слушается потому, что вы не настаиваете на своемъ мнѣніи и даете Ему въ вашихъ доводахъ выходъ и въ другія стороны.

Гдѣ тутъ истина, Богъ знаетъ. Я знаю достаточно только то, что, когда узнали, что я покинулъ постъ министра финансовъ, и спросили весьма приближеннаго къ Императрицѣ, что же сказалъ Государь, когда это разрѣшилось — ему отвѣтили, что Государь сказалъ «Уфъ».*

Во время пребыванія Государя Императора въ Дармштадтѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости со стороны Государя отдать визитъ итальянскому королю Виктору Эммануилу, ибо въ то время Его Величество уже отдалъ визиты всѣмъ другимъ монархамъ; единственно кому не отдалъ визита — это итальянскому королю.

Между тѣмъ, то смутное настроеніе, которое царствовало въ тѣ годы въ Россіи, т. е. такъ сказать подпольно революціонное настроеніе, имѣло свои отголоски и въ Италіи. Различныя произвольныя мѣры, которыя у насъ принимались, какъ въ отношеніи Россіи, такъ и ея окраинъ — въ особенности въ министерство Плеве — служили предметомъ неблагопріятнаго обсужденія въ Италіи, въ партіяхъ лѣвыхъ соціалистическихъ (а въ Италіи лѣвыя и соціалистическія партіи пред-

ставляли тогда, да и теперь представляютъ собою партіи наиболѣе сильныя). Поэтому, когда появились въ прессѣ свѣдѣнія, что нашъ Императоръ поѣдетъ въ Италію, то большинство итальянскихъ газетъ начали протестовать противъ такого визита, называя нашего Императора «деспотомъ». Это настроеніе распространилось въ Италіи.

Въ Римѣ всѣ газеты прямо говорили, что если Императоръ пріѣдетъ, то противъ него будетъ сдѣлана демонстрація.

Такъ какъ въ то время русская анархическая партія, скрывающаяся за границей, находилась въ особо цвѣтущемъ положеніи, то и боялись, чтобы члены этой партіи, пользуясь пребываніемъ Императора въ Римѣ, не устроили какого нибудь анархическаго выступа. — Съ другой же стороны, король Италіи Викторъ Эммануилъ писалъ, что онъ беретъ на себя лично отвѣтственность за Государя Императора, во время пребыванія его въ Италіи, что онъ убѣжденъ въ томъ, что всѣ крики ни къ чему серьезному повести не могутъ, что могутъ быть только какія нибудь единичныя демонстраціи уличныя, но ничего серьезнаго, что могло бы въ какой нибудь степени угрожать личности Его Величества, быть не можетъ, что онъ беретъ на себя ручательство въ этомъ.

Вслѣдствіе этого въ Дармштадтъ былъ вызванъ тогдашній директоръ департамента полиціи Лопухинъ (нынѣ находящійся въ ссылкѣ въ Сибири по весьма жестокому приговору нашего суда). Лопухинъ ѣздилъ въ Италію для того, чтобы оріентироваться въ положеніи дѣлъ и потомъ, возвратясь въ Дармштадтъ, докладывалъ Его Величеству (какъ онъ, Лопухинъ, впослѣдствіи говорилъ мнѣ), что онъ увѣренъ, что никакого анархическаго выпада не будетъ; что противъ такой случайности несомнѣнно будутъ приняты мѣры, но онъ не можетъ поручиться, что не будетъ нѣкоторыхъ уличныхъ демонстрацій.

Въ концѣ концовъ, Его Величество, который ранѣе заявилъ, королю Виктору Эммануилу, что пріѣдетъ къ нему съ визитомъ, отъ этого визита уклонился, что весьма обидѣло короля Виктора Эммануила, причемъ король нашелъ, что во всемъ этомъ инцидентѣ весьма двусмысленно дѣйствовалъ нашъ посолъ въ Римѣ Нелидовъ. Викторъ Эммануилъ обвинялъ посла Нелидова въ томъ, что онъ дѣлалъ донесенія въ Дармштадтъ, несоотвѣтствующія тому, что онъ, Нелидовъ, говорилъ ему. Поэтому король Викторъ Эммануилъ потребовалъ, чтобы посолъ Нелидовъ былъ замѣненъ другимъ лицомъ.

Тогда Его Величество хотѣлъ прямо назначить Нелидова членомъ Государственнаго Совѣта (т. е. своего рода отставка), но за него заступился графъ Ламсдорфъ.

Графъ Ламсдорфъ мнѣ самъ говорилъ, что хотя онъ считаетъ Нелидова весьма тупымъ дипломатомъ, но все таки онъ не можетъ допустить, чтобы посолъ, который такъ долго служилъ въ этомъ званіи за границей, по такому инциденту могъ бы быть чуть ли не уволенъ въ отставку. Вслѣдствіе этого, онъ упросилъ Его Величество перевести Нелидова въ Парижъ, а парижскаго посла Урусова перевести въ Римъ.

*Въ Парижѣ былъ у меня Лопухинъ директоръ департамента полиціи при Плеве. Повидимому, онъ хотѣлъ узнать у меня, какъ случилось увольненіе Зубатова, и не передалъ ли я Плеве, что Зубатовъ былъ у меня и то, что онъ мнѣ разсказалъ. Я подтвердилъ, что ни Плеве, ни кому другому о разсказѣ Зубатова ничего не говорилъ и что, насколько мнѣ извѣстно, онъ уволенъ за рабочія организаціи, на что Лопухинъ мнѣ отвѣтилъ:

— «Да вѣдь всѣ организаціи дѣлались съ вѣдома и одобренія Плеве, у меня есть по этому предмету оффиціальныя резолюціи».

Когда я вернулся въ Петербургъ, я узналъ, что Зубатовъ въ виду моего холоднаго пріема поѣхалъ потомъ къ князю Мещерскому (онъ игралъ въ то время громадную роль тайнаго совѣтника и конфидента) и все, что говорилъ мнѣ, разсказалъ ему. Мещерскій передалъ все Плеве, тутъ Плеве и представилъ Зубатова къ увольненію за рабочія организаціи.

Князь Мещерскій, редакторъ-издатель «Гражданина», игралъ въ послѣдніе 25 лѣтъ довольно видную роль въ нашей политической жизни.

Онъ человѣкъ не глупый, талантливый, но безпринципный и до мозга костей безнравственный. Онъ постоянно былъ окруженъ нѣсколькими молодыми людьми, которымъ всѣми правдами и неправдами дѣлалъ карьеру. Сколько онъ въ своей жизни написалъ изобличительныхъ статей по адресу власть имѣющихъ только потому, что эти лица не устроили такъ, какъ этого желалъ князь Мещерскій, его молодыхъ людей.

Императоръ Николай II въ первые годы своего царствованія не хотѣлъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Когда сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что князь Мещерскій началъ снова писать Государю, и что Его Величество къ нему относится благосклонно.

Когда же Сипягина убили, Мещерскій написалъ Государю, умоляя Его назначить Плеве на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ это устроилось, мнѣ неизвѣстно, но Плеве былъ назначенъ и затѣмъ Мещерскій болѣе уже не стѣснялся секретомъ и началъ показывать письма

Государя къ нему. Государь ему писалъ «ты» вполнѣ на распашку, а вообще никому не писалъ «ты», кромѣ своихъ родныхъ.

Князь Мещерскій одно время пріобрѣлъ самое рѣшительное вліяніе на Государя. Такъ какъ Плеве не всегда исполнялъ желанія Мещерскаго, то между ними начали пробѣгать кошки. Мещерскій писалъ Его Величеству, критикуя Плеве, на что Плеве какъ то и мнѣ жаловался.

Когда Плеве убили — Мещерскій сейчасъ же окатилъ его помоями. Это въ порядкѣ вещей для Мещерскаго. Это онъ. Наконецъ, князь Святополкъ-Мирскій сломалъ ему шею. Государь пересталъ писать Мещерскому, но послѣдній продолжалъ писать Государю, и ничего не будетъ удивительнаго, если опять начнетъ вліять на Его Величество. Впрочемъ, теперь ему придется столкнуться съ такою сволочью, какъ Пуришкевичъ, Дубровинъ и пр., которые, что касается интригъ, подлости, лжи и угодничества, едва ли Мещерскому уступятъ.

Еще до увольненія моего съ поста министра финансовъ, когда я еще не терялъ надежды остановить войну, я черезъ князя Шервашидзе, состоящаго при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, счелъ необходимымъ предупредить Императрицу, что, если рѣзко не перемѣнятъ курсъ политики, война съ Японіей неизбѣжна, и совѣтовалъ Ей вызвать графа Ламсдорфа. Онъ былъ немедленно вызванъ и подтверждалъ мои предсказанія, но по обыкновенію мягко и уклончиво. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что Императрица говорила съ сыномъ и Его Величество вполнѣ Ее успокоилъ, заявивъ, что Онъ войны не хочетъ. Тѣмъ не менѣе, когда Государь меня уволилъ, Императрица Марія Ѳеодоровна поняла причину моего увольненія и пригласила въ тотъ же день меня завтракать въ своемъ семейномъ кругу и была особенно относительно меня любезна. О дѣлахъ не говорила, но только сказала, что Она чуетъ, что Плеве доведетъ Государя до бѣды, прибавивъ, «не даромъ мой покойный мужъ ни за что не хотѣлъ назначить Плеве на самостоятельный постъ».

Возвращаясь изъ Парижа въ Берлинъ, я видѣлся съ членомъ палаты господъ Эрнестомъ фонъ Мендельсонъ-Бартольди, лицомъ близко знающимъ канцлера кн. Бюлова и пользующагося уваженіемъ Германскаго Императора. Онъ часто наединѣ или въ интимномъ кругу у Императора завтракалъ и обѣдалъ. Мендельсонъ мнѣ тогда передавалъ, что императоръ очень смущенъ, что нашъ Государь находится у него въ имперіи и не показываетъ никакого желанія съ нимъ видѣться.

Такія отношенія происходили потому, что Вильгельмъ довольно строго и свысока относился къ великому герцогу Дармштадтскому, брату нашей Императрицы. Я просилъ передать Бюлову, что очень ему совѣтую устроить свиданіе Императоровъ и что для сего пусть Вильгельмъ сдѣлаетъ первый шагъ.

Затѣмъ свиданіе состоялось въ Потсдамѣ, на обратномъ пути Государя изъ Дармштадта. Оно было кратковременное, въ теченіе одного дня. Императоръ Вильгельмъ былъ наединѣ съ Государемъ, лишь предложивъ ему сдѣлать прогулку въ шарабанѣ въ паркѣ.

Послѣ этого свиданія Императоръ Вильгельмъ разсказывалъ, что онъ былъ весьма удивленъ, что въ теченіе всего времени Государь съ нимъ ни слова не говорилъ о политикѣ вообще и, въ частности, относительно дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ. Можетъ быть, это произошло вслѣдствіе того, что Государь чувствовалъ, что въ сущности Императоръ Вильгельмъ Его вовлекъ въ капканъ Дальняго Востока, вырвавъ согласіе на Кіао-Чау или, можетъ быть, вообще Ему было непріятно выслушивать совѣты, можетъ быть, благоразумные, а, можетъ быть, коварные, нѣмецкаго Императора.

Государь не возвратился прямо въ Петербургъ, а пробылъ нѣсколько недѣль въ Царствѣ Польскомъ (въ Скерневицахъ). Графъ Ламсдорфъ вернулся въ Петербургъ, да онъ и не былъ нуженъ, такъ какъ переговоры съ Японіей велъ Алексѣевъ. Графъ Ламсдорфъ не терялъ еще надежды вывернуться и избѣгнуть войны, но при разговорахъ со мною я всегда разбивалъ его иллюзіи, которыя, впрочемъ, исходили не отъ разума, а отъ нервнаго желанія, чтобы войны не было. Думать, что не будетъ войны, могъ только тотъ, кто не зналъ характера (или безхарактерности, какъ хотите) Государя и всю обстановку, неизбѣжно влекшую къ войнѣ. Я чуялъ, что во главѣ всего стоитъ Плеве, но онъ не демонстрировался. Когда онъ былъ убитъ и стали разбирать его кабинетъ, то оказалось, что всѣ документы, касавшіеся дѣлъ Дальняго Востока, или въ подлинникахъ, или въ копіяхъ, очутились у него. Бумаги его разбиралъ И. Н. Дурново.

Всѣ бумаги, касавшіяся Дальнаго Востока, Его Величество приказалъ передать адмиралу Абазѣ, управляющему дѣлами комитета Дальняго Востока, сподручному и родственнику Безобразова. О немъ говорить много не стоитъ, ...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ВОЙНА СЪ ЯПОНІЕЙ

*По возвращеніи моемъ въ Петербургъ какъ то заѣхалъ ко мнѣ Курино, японскій посланникъ, человѣкъ умный, и его point d'honneur какъ посланника былъ, чтобы войны не было. Онъ любилъ Россію, насколько японецъ могъ ее любить. Онъ мнѣ передалъ, что переговоры ведутся такъ, что Россія видимо хочетъ войны. Японія даетъ отвѣты немедленно, а Россія черезъ недѣли или мѣсяцы.

Ламсдорфъ ссылается на Алексѣева. Розенъ и Алексѣевъ на то, что Государь въ отъѣздѣ.

Если бы въ это время Россія не дѣлала приготовленія къ войнѣ, то Японія могла бы не безпокоиться. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ говорятъ о приготовленіяхъ. Общественное мнѣніе въ Японіи все болѣе возгорается и правительству очень трудно его удержать. Японія такая же независимая страна, какъ и всякая другая, для нея унизительно вести переговоры съ какимъ то намѣстникомъ Дальняго Востока, точно Дальній Востокъ принадлежитъ Россіи или Россія протекторъ Дальняго Востока. Я отвѣчалъ, что сдѣлать ничего не могу, такъ какъ внѣ власти, и совѣтовалъ обратиться къ графу Ламсдорфу. Курино отвѣтилъ, что Ламсдорфъ играетъ роль передатчика и въ этихъ предѣлахъ себя держитъ.

Въ концѣ года Государь переѣхалъ въ Петербургъ и въ началѣ января начались придворные балы, какъ ни въ чемъ не бывало.*

На одномъ изъ нихъ я встрѣтилъ японскаго посла въ Петербургѣ — Курино, который подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ считаетъ нужнымъ меня предупредить, чтобы я повліялъ на министерство иностранныхъ дѣлъ, чтобы оно дало скорѣе отвѣтъ на послѣднее заявленіе Японіи; что вообще переговоры съ Японіей ведутся крайне вяло, ибо на заявленіе Японіи, въ теченіе цѣлой недѣли, не дается отвѣта, такъ что, очевидно, всѣ переговоры съ Японіей объ урегулированіи Корейскаго

и Манджурскаго дѣла нарочито замедляются, что такое положеніе дѣла вывело изъ терпѣнія Японію, что онъ какъ другъ нашъ, умоляетъ дать скорѣе отвѣтъ, ибо, если въ теченіе нѣсколькихъ дней не будетъ данъ отвѣтъ, то вспыхнетъ война.

Этого Курино я зналъ еще до моего ухода съ поста министра финансовъ; онъ мнѣ и графу Ламсдорфу въ іюлѣ мѣсяцѣ 1903 года, за мѣсяцъ до моего ухода съ поста министра финансовъ, представилъ проэктъ нашего соглашенія между Японіей и Россіей относительно дальневосточныхъ дѣлъ, который, если бы былъ принятъ, устранилъ бы разрѣшеніе дальневосточнаго дѣла посредствомъ войны.

По моему соглашеніе это было вполнѣ пріемлемо и я на этомъ настаивалъ; но мои настоянія ни къ чему не привели и все это соглашеніе было послано на заключеніе намѣстника Алексѣева. Тамъ застряло, или вѣрнѣе говоря, вслѣдствіе этого заявленія и начались безконечные переговоры, которые тянулись съ іюля до января и ничѣмъ не кончились.

Такое рѣшительное заявленіе Курино заставило меня передать его слова графу Ламсдорфу; графъ Ламсдорфъ мнѣ ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ, а сказалъ только: «Я въ этомъ отношеніи ничего не могу сдѣлать, такъ какъ переговоры ведутся не мною».

Это было такъ, въ серединѣ января.

Въ концѣ концовъ, во время мы отвѣта не дали и 26-го января японскія суда напали на нашу эскадру, около Портъ-Артура, и потопили нѣсколько изъ нашихъ судовъ, а 27-го января послѣдовалъ манифестъ о войнѣ.

На другой день былъ торжественный молебенъ въ Зимнемъ дворцѣ; молебенъ этотъ былъ довольно печальный въ томъ смыслѣ, что тяготѣло какое-то мрачное настроеніе.

Когда Его Величество вышелъ изъ церкви и направился въ свои покои, я былъ недалеко отъ Его Величества; когда Государь проходилъ мимо генерала Богдановича, Богдановичъ закричалъ ура и это ура было поддержано только нѣсколькими голосами.

Затѣмъ, въ тотъ же самый день, я видѣлъ Его Величество проѣзжающимъ около моего дома на Каменноостровскомъ проспектѣ, въ коляскѣ съ Императрицей; Государь ѣхалъ съ визитомъ къ принцессѣ Альтенбергской. Его Величество, проѣзжая мимо моего дома, обернулся къ моимъ окнамъ и, видимо, меня увидѣлъ, — у него было выраженіе

и осанка весьма побѣдоносныя. Очевидно, происшедшему онъ не придавалъ никакого значенія въ смыслѣ, бѣдственномъ для Россіи.

*Началось ужасное время. Несчастнѣйшая изъ несчастнѣйшихъ войнъ и затѣмъ, какъ ближайшее послѣдствіе — революція, давно подготовленная полицейско-дворянскимъ режимомъ или, вѣрнѣе, полицейско-дворцово-камарильнымъ режимомъ. Затѣмъ революція перешла въ анархію. Что Богъ сулитъ намъ далѣе? Во всякомъ случаѣ еще много придется намъ пережить. Жаль Царя. Жаль России. Сердце и душа изстрадались и покуда нѣтъ просвѣта. Бѣдный и несчастный Государь. Что Онъ получилъ и что оставитъ. И вѣдь хорошій и не глупый человѣкъ, но безвольный, и на этой чертѣ Его характера развились Его государственные пороки, т. е. пороки какъ правителя, да еще такого самодержавнаго и неограниченнаго. Богъ и Я.

Администраціей былъ устроенъ рядъ уличныхъ манифестацій, но онѣ не встрѣтили никакого сочувствія. Было сразу видно, что война эта крайне не популярна, что народъ ея не желаетъ, а большинство проклинаетъ. Уже по одному этому ожидать хорошихъ результатовъ отъ войны было невозможно.

Когда Куропаткинъ покинулъ постъ военнаго министра и порученіе ему командованія арміей еще не было рѣшено, онъ упрекалъ Плеве, что онъ — Плеве — былъ только одинъ изъ министровъ, который эту войну желалъ и примкнулъ къ бандѣ политическихъ аферистовъ. Плеве, уходя, сказалъ ему:

«Алексѣй Николаевичъ, вы внутреннее положеніе Россіи не знаете. Чтобы удержать революцію, намъ нужна маленькая побѣдоносная война.»

Вотъ вамъ государственный умъ и проницательность... Государь былъ, конечно, глубочайше увѣренъ, что Японія, хотя можетъ быть съ нѣкоторыми усиліями, будетъ разбита въ дребезги. Что же касается денегъ, то бояться нечего, такъ какъ Японія все вернетъ посредствомъ контрибуціи.

Въ первое время обыкновенное выраженіе Его въ резолюціяхъ было «эти макаки». Затѣмъ это названіе начали употреблять такъ называемыя патріотическія газеты, которыя въ сущности содержались на казенныя деньги.*

Главнокомандующимъ арміей былъ назначенъ Алексѣевъ, намѣстникъ на Дальнемъ Востокѣ; онъ могъ быть такимъ же главнокомандующимъ, какъ и я, никогда онъ воиномъ не бывалъ, дѣлъ съ сухопутными войсками не имѣлъ и сдѣлалъ свою морскую карьеру, болѣе своею дипломатичностью, нежели морскою службою.

Будучи молодымъ морскимъ офицеромъ, Алексѣевъ совершалъ путешествія съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Когда этотъ Великій Князь, будучи молодымъ, женился на Жуковской, то онъ былъ посланъ Императоромъ Александромъ II, для отрезвленія, въ кругосвѣтное путешествіе. Какъ говорятъ, въ Марсели, молодой Великій Князь съ компаніей товарищей моряковъ отправился ночью въ веселое заведеніе съ дамами. Въ этомъ заведеніи Великій Князь совершилъ различныя буйства, и поэтому былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Но вмѣсто него явился молодой офицеръ Алексѣевъ, который увѣрилъ, что это онъ совершилъ буйства и что буйства эти только по ошибкѣ приписали Великому Князю, потому что фамилія его Алексѣевъ, а французскія власти не разобрали и вообразили, что буйства эти учинилъ Великій Князь — Алексѣй.

Затѣмъ, Алексѣевъ понесъ наказаніе въ видѣ денежнаго штрафа и все время былъ въ большой дружбѣ съ Великимъ Княземъ, который впослѣдствіи при Императорѣ Александрѣ III сдѣлался генералъ-адмираломъ.

Такимъ образомъ, Алексѣевъ и сдѣлалъ свою карьеру; по рекомендаціи же Великаго Князя онъ былъ назначенъ и начальникомъ Квантунской области.

Конечно, генералъ-адмиралъ никогда не могъ и вообразить, что Алексѣевъ потомъ сдѣлается намѣстникомъ Дальняго Востока, а въ особенности, главнокомандующимъ русской громадной дѣйствующей арміей. Это было такое сказочное явленіе, которое не могло придти и въ голову Великому Князю Алексѣю Александровичу.

Я помню, что, когда я въ 1903 году пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ, то когда Алексѣевъ сдѣлалъ смотръ войскамъ и я, въ качествѣ шефа пограничной стражи, имѣющій поэтому военный мундиръ, пришелъ на смотръ въ военномъ мундирѣ — я думалъ, что Алексѣевъ сядетъ верхомъ и будетъ дѣлать смотръ верхомъ, поэтому я самъ собрался поѣхать верхомъ, такъ какъ проѣзжая по Восточно-Китайской дорогѣ и осматривая пограничную стражу — я всегда ѣздилъ на эти смотры верхомъ. Къ моему удивленію Алексѣевъ не сѣлъ верхомъ. Оказалось, что Алексѣевъ не можетъ ѣздить верхомъ и боится лошади.

Мнѣ разсказывали анекдоты относительно Алексѣева и его отношенія къ сухопутнымъ войскамъ... И вотъ, вдругъ такого человѣка сдѣлали — шутка ли — главнокомандующимъ дѣйствующей арміей, которая въ то время состояла изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, а потомъ дошла до милліоннаго состава.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, которое относилось крайне недовѣрчиво къ назначенію Алексѣева, вскорѣ, а именно 8-го февраля, командующимъ арміей былъ назначенъ военный министръ Куропаткинъ.

Это назначеніе послѣдовало по желанію общественнаго мнѣнія; общественное мнѣніе единогласно требовало назначенія Куропаткина, питая къ нему большое довѣріе. Такимъ образомъ, можно сказать, что это назначеніе было сдѣлано не по иниціативѣ Его Величества, и даже вопреки симпатіямъ Его Величества, — исключительно, по единогласному желанію общественнаго мнѣнія, насколько оно выражалось въ газетахъ.

Самое это назначеніе все таки являлось довольно абсурднымъ, оказывалось: русская армія будетъ подъ командою двухъ лицъ — съ одной стороны — главнокомандующаго, намѣстника Дальняго Востока Алексѣева, а съ другой — командующаго арміей, бывшаго военнаго министра, генералъ-адъютанта Куропаткина. Очевидно, что такая комбинація противорѣчитъ самой азбукѣ военнаго дѣла, требующаго всегда единоличія начальства, а въ особенности во время войны. Поэтому, отъ такого назначенія, конечно, кромѣ сумбура ничего произойти не могло.

Когда Куропаткинъ уѣзжалъ, то онъ отправлялся на войну со всевозможною помпою, говорилъ различныя рѣчи, какъ будто бы онъ уже возвращался съ войны побѣдителемъ Японіи. Конечно, было бы гораздо тактичнѣе и умнѣе съ его стороны, уѣхать на войну спокойно и возвращаться съ помпою съ войны уже будучи побѣдителемъ. Къ сожалѣнію, вышло совершенно обратное.

Вечеръ передъ своимъ выѣздомъ онъ провелъ у меня и вотъ какой у меня съ нимъ былъ разговоръ.

Онъ говорилъ, что я, какъ лицо очень близко знающее Дальній Востокъ и положеніе дѣла, какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи, можетъ быть, ему бы далъ совѣтъ относительно общаго плана веденія войны. Я просилъ Куропаткина изложить свой взглядъ, онъ мнѣ сказалъ, что такъ какъ мы къ веденію войны не подготовлены, потребуется много мѣсяцевъ для того, чтобы усилить нашу дѣйствующую армію, то онъ полагаетъ вести войну по слѣдующему плану: покуда не соберется армія въ должномъ составѣ, съ дѣйствующими нашими на Дальнемъ Востокѣ силами постоянно отступать къ Харбину, замедляя лишь наступленіе японской арміи; Портъ-Артуръ предоставить своей участи, причемъ по его соображенію Портъ-Артуръ долженъ былъ держаться

много мѣсяцевъ. Въ это время собирать армію недалеко отъ Харбина и когда наша отступающая армія дойдетъ до этого мѣста, то лишь послѣ этого начать наступленіе на японскія силы и эти силы разгромить.

Я съ своей стороны сказалъ ему, что его планъ дѣйствія раздѣляю; что, по моему мнѣнію, другого плана быть не можетъ, такъ какъ мы къ войнѣ не приготовлены, а Японія къ ней приготовлена. Театръ военныхъ дѣйствій находится почти подъ рукой Японіи и въ громадномъ разстояніи отъ Европейской Россіи, центра всѣхъ нашихъ, какъ военныхъ такъ и матеріальныхъ силъ.

Когда мы обмѣнялись мыслями, то Куропаткинъ всталъ съ кресла, на которомъ онъ сидѣлъ, чтобы со мною проститься, и обратился ко мнѣ съ такою рѣчью: «Сергѣй Юльевичъ, вы человѣкъ такого громаднаго ума, такихъ громадныхъ талантовъ, навѣрное, вы на прощанье могли бы дать мнѣ хорошій совѣтъ, что мнѣ дѣлать». Я ему сказалъ: «Я бы могъ вамъ дать хорошій совѣтъ, но только вы его не послушаете». Онъ съ жадностью накинулся на меня, прося сказать, въ чемъ заключается мой совѣтъ. Я его спросилъ: «вы съ кѣмъ ѣдете на Дальній Востокъ»; онъ сказалъ, что съ нѣсколькими адъютантами и лицами, которыя составятъ на мѣстѣ его штабъ, и на мой вопросъ: лица эти таковы, что можно имъ вполнѣ довѣрять, онъ отвѣтилъ: «конечно». Тогда я ему сказалъ: «теперь главнокомандующій адмиралъ Алексѣевъ находится въ Мукденѣ; вы, конечно, поѣдете прямо въ Мукденъ, и вотъ, что я бы на мѣстѣ васъ сдѣлалъ: пріѣхавши въ Мукденъ, я бы послалъ состоящихъ при мнѣ офицеровъ къ главнокомандующему, приказавъ этимъ офицерамъ арестовать главнокомандующаго. Въ виду того престижа, который вы имѣете въ войскахъ, на такой вашъ поступокъ не будутъ реагировать. Затѣмъ бы я посадилъ Алексѣева въ тотъ поѣздъ, въ которомъ вы пріѣхали, и отправилъ бы его подъ арестомъ въ Петербургъ и одновременно бы телеграфировалъ Государю Императору слѣдующее: Ваше Величество, для успѣшнаго исполненія того громаднаго дѣла, которое Вы на меня наложили, я счелъ необходимымъ, пріѣхавши въ дѣйствующую армію, прежде всего арестовать главнокомандующаго и отправить его въ Петербургъ, такъ какъ безъ этого условія успѣшное веденіе войны немыслимо; прошу Ваше Величество за мой такой дерзкій поступокъ приказать меня разстрѣлять, или же въ видахъ пользы родины, меня простить».

Тогда Куропаткинъ засмѣялся, началъ махать руками и сказалъ мнѣ: «вотъ, Сергѣй Юльевичъ, вы всегда шутите»; на что я ему отвѣтилъ: «я, Алексѣй Николаевичъ, не шучу, ибо я убѣжденъ, что въ

томъ двоевластіи, которое обнаружится со дня вашего пріѣзда, заключается залогъ всѣхъ нашихъ военныхъ неуспѣховъ».

*Куропаткинъ ушелъ, сказавъ: — «а, вы правы».

На другой день онъ уѣхалъ, провожаемый, какъ побѣдитель японцевъ. Такихъ проводовъ нигдѣ и никогда не устраивали полководцамъ, «идущимъ на рать».

Пріѣхавши въ дѣйствующую армію, Куропаткинъ не только не обосновался въ Мукденѣ, а еще было бы правильнѣе сѣвернѣе его, не только не началъ проводить въ исполненіе разумный планъ имъ мнѣ высказанный, но сразу началъ проводить двойственный планъ: смѣсь своего съ планомъ, или вѣрнѣе, мыслями Алексѣева, ибо у послѣдняго никакого плана не могло быть, да и мыслей своихъ не было, а было то, что казалось ему, что будетъ пріятно Государю, а вѣдь тогда еще сохранились всѣ остатки сумасбродныхъ мыслей Безобразова и К-о и Государь не могъ отойти отъ того, что Ему сими дѣльцами было внушено. Японцы это «макаки», мы ихъ уничтожимъ.

Такъ какъ главная квартира главнокомандующаго была въ Мукденѣ, а Куропаткинъ не безъ основанія не желалъ имѣть свою главную квартиру тамъ, гдѣ былъ Алексѣевъ, то онъ обосновался значительно южнѣе Мукдена. Затѣмъ главнокомандующій Алексѣевъ совсѣмъ не раздѣлялъ системы пассивнаго отступленія, а напротивъ проводилъ систему активнаго наступленія, въ особенности, для выручки Портъ-Артура.

Командующій войсками Куропаткинъ не безъ основанія считалъ Алексѣева полнымъ ничтожествомъ, гражданскимъ морякомъ, а главное, карьеристомъ. Главнокомандующій же Алексѣевъ ненавидѣлъ Куропаткина и желалъ ему въ душѣ всякихъ неудачъ. Первый телеграфировалъ въ Петербургъ одно, второй другое, но первый все таки не хотѣлъ разрыва со вторымъ, а потому шелъ на полумѣры, а второй покрывался высочайшими повелѣніями, иногда самъ ихъ внушая.

Мнѣ Куропаткинъ послѣ войны говорилъ, что у него есть телеграммы изъ Петербурга, которыя могли бы представить въ истинномъ свѣтѣ неудачи первой части кампаніи. Вѣроятно, когда-нибудь онѣ появятся въ свѣтъ.

Государь также желалъ въ душѣ наступленій, но по обыкновенію двоился: сегодня — направо, завтра — налѣво, а главное, желалъ, какъ всегда, обоихъ провести. Проводилъ же Онъ всегда больше всего Самаго Себя. Я не знаю подробностей первой части кампаніи, покуда Алексѣевъ не былъ вызванъ въ Петербургъ и Куропаткинъ не былъ назначенъ

главнокомандующимъ, но могу безошибочно утверждать, что первая часть кампаніи разыгралась бы совершенно иначе, если бы не было этой двойственности; она была бы болѣе для насъ благопріятной. А неудача вначалѣ несомнѣнно имѣла вліяніе на вторую часть дѣйствій.

Затѣмъ Куропаткинъ мнѣ говорилъ также въ оправданіе свое, что ему назначили бездарныхъ генераловъ помимо его воли и вмѣшивались все время изъ Петербурга. На эти сѣтованія я ему отвѣтилъ, что во всемъ онъ самъ виноватъ, такъ какъ не исполнилъ моего совѣта, даннаго ему, когда онъ уѣзжалъ въ армію. Если бы онъ сумѣлъ себя сразу поставить такъ, чтобы никто не вмѣшивался и его слушались, то ему не пришлось бы ссылаться на другихъ. Если же это ему было невозможно, что я совершенно понимаю, зная характеръ Государя, то ему слѣдовало уйти. *

Насколько въ то время оптимистически смотрѣли на войну съ Японіей, между прочимъ можетъ служить доказательствомъ слѣдующее: когда война была объявлена 27-го января 1904 года, то бывшій военный министръ Ванновскій совѣщался съ Куропаткинымъ относительно шансовъ этой войны, причемъ они разошлись въ своихъ мнѣніяхъ по слѣдующимъ вопросамъ: Куропаткинъ считалъ, что намъ нужно выставить на театръ военныхъ дѣйствій на полтора солдата японскихъ — одного русскаго, а Ванновскій находилъ, что совершенно достаточно на двухъ солдатъ японскихъ выставить одного нашего солдата. Вотъ какъ бывшій въ то время военный министръ и его предшественникъ оцѣнили сравнительное достоинство японской арміи и нашей.

Когда началась война, то Его Величество весь 1904 годъ все время ѣздилъ напутствовать войска, отправляемыя на Дальній Востокъ. Такъ, въ началѣ мая Государь съ этой цѣлью ѣздилъ въ Бѣлгородъ, Полтаву, Тулу, Москву, затѣмъ въ іюнѣ въ Коломну, Пензу, Сызрань и другіе города. Въ сентябрѣ въ Одессу, Ромны и другія мѣста на западѣ. Въ сентябрѣ ѣздилъ также въ Ревель для осмотра нашихъ нѣкоторыхъ судовъ. Затѣмъ въ октябрѣ въ Сувалки, Витебскъ и другіе города. Наконецъ, въ декабрѣ въ Бирзулу, Жмеринку и другіе южные города.

Всѣ эти поѣздки имѣли цѣлью напутствованія войскъ и новобранцевъ, слѣдовавшихъ на Дальній Востокъ, причемъ Его Величество и Ея Величество раздавали войскамъ образа и между прочимъ, образъ Серафима Саровскаго.

А такъ какъ въ теченіе всего этого года, такъ и 1905 года мы все время на театрѣ военныхъ дѣйствій терпѣли пораженія самыя жестокія, то это и дало поводъ генералу Драгомирову сказать злую шутку, которая затѣмъ распространилась по Россіи. Онъ сказалъ: вотъ мы японцевъ все хотимъ бить образами нашихъ святыхъ, а они насъ лупятъ ядрами и бомбами, мы ихъ образами, а они насъ пулями.

Въ главныхъ чертахъ въ 1904 году война протекла въ слѣдующихъ событіяхъ: 31-го марта погибъ нашъ броненосецъ Петропавловскъ съ адмираломъ Макаровымъ и частью команды. Такъ какъ адміралъ Макаровъ былъ начальникомъ нашего дальне-восточнаго флота, то съ гибелью броненосца Петропавловска, послѣ другихъ уроновъ въ нашихъ судахъ, нашъ дальне-восточный флотъ можно было признать обреченнымъ на полное бездѣйствіе.

17 и 18 апрѣля мы проиграли Тюренченскій бой. 28 апрѣля японцы высадились въ Бидзиво, что было началомъ гибели Портъ-Артура. 28-го мая произошелъ морской бой у Портъ-Артура, гдѣ мы опять потеряли нѣсколько нашихъ судовъ. 17-23 августа мы проиграли большой бой при Ляоянѣ и начали отступленіе къ Мукдену.

Когда мы отступили къ Мукдену, то Куропаткинъ въ приказахъ по арміи объявилъ, что уже далѣе онъ не отступитъ ни на одинъ шагъ. 22 декабря палъ Портъ-Артуръ, а затѣмъ дальнѣйшій нашъ разгромъ уже происходилъ въ 1905 году, причемъ мы потеряли громаднѣйшее сраженіе въ Мукденѣ и должны были отступить по направленію къ Харбину.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ВТОРОГО ТОРГОВАГО ДОГОВОРА СЪ ГЕРМАНІЕЙ ВЪ 1904 ГОДУ

*КОГДА я покинулъ постъ министра финансовъ, то Его Величество просилъ меня взять на себя веденіе переговоровъ съ Германіей относительно возобновленія торговаго договора, срокъ коего истекалъ въ 1904 г., ибо 10 лѣтъ тому назадъ мною былъ заключенъ договоръ въ качествѣ министра финансовъ. Я уже началъ предварительный обмѣнъ мыслей и дипломатическіе шаги, подготовлявшіе почву. Это дѣло находится въ связи вообще съ отношеніями Россіи къ Германіи и къ Императору Вильгельму II, поэтому я остановлюсь на немъ болѣе подробно.

Когда я вступилъ въ должность министра финансовъ, то засталъ такое положеніе нашихъ внѣшнихъ торговыхъ отношеній. Императоръ Александръ III въ 1892 году ввелъ систематическій и серьезный покровительственный тарифъ. Тарифъ этотъ былъ выработанъ въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Вышнеградскаго, въ которомъ я въ качествѣ директора департамента состоялъ членомъ. Бисмаркъ провелъ также черезъ рейхстагъ покровительственный тарифъ, но не только покровительственный, но и боевой, т. е. одновременно общій тарифъ для странъ, съ которыми Германія имѣетъ торговые договоры, а другой просто воспретительный для странъ, съ которыми не имѣется торговыхъ договоровъ. Россія не имѣла торговаго договора съ Германіей и по традиціонной дружбѣ, основанной главнымъ образомъ на династическомъ родствѣ, они всегда трактовали другъ друга по принципу наибольшаго благопріятствованія. Но уже къ этому времени отношенія Россіи къ Германіи существенно измѣнились.

Во первыхъ, Александръ III былъ женатъ на датской принцессѣ. Между домомъ Гогенцоллерновъ и датскимъ были самыя холодныя

отношенія послѣ захвата Германіей, вѣрнѣе Пруссіей, Шлезвигъ-Гольштиніи. Императрица Марія Θеодоровна помнила все горе, причиненное бывшему своему отечеству этимъ захватомъ.

Во вторыхъ, Берлинская Конференція, въ которой Бисмаркъ явился честнымъ маклеромъ, оскорбила національное чувство Россіи. Я не знакомъ съ подноготной стороной всѣхъ пружинъ, двигавшихъ въ то время дипломатію, но на сколько можно судить по актамъ, которые были доступны публикѣ, Бисмаркъ дѣйствительно не проявилъ въ то время такой дружбы къ Россіи, на которую она могла разсчитывать.

Можетъ быть Бисмаркъ былъ честный маклеръ, но онъ забылъ, что, благодаря въ значительной степени Россіи, прусскій король сталъ германскимъ Императоромъ. Вѣдь Россія, какъ въ 1866 году во время войны Пруссіи съ Австріей, такъ и въ 70-мъ во время войны съ Франціей, могла совершенно измѣнить результаты этихъ войнъ, но она держала формальный нейтралитетъ, въ дѣйствительности же нейтралитетъ, благопріятный Пруссіи. Конечно, отчасти это произошло потому, что Россія не забыла роль Франціи въ Севастопольскую войну и Австріи въ первую половину XIX столѣтія, но главнымъ образомъ вслѣдствіе близкаго родства нашего Императорскаго Дома съ Гогенцоллернами. Такимъ образомъ отношенія между Германіей, т. е. Пруссіей и Россіей нѣсколько охладѣли. Бисмаркъ съ его умомъ, конечно, могъ бы это загладить, но онъ не зналъ Александра III, а съ другой стороны, придалъ смутѣ въ Россіи, повлекшей за собою 1 марта и дальнѣйшіе революціонные выступы, преувеличенное значеніе. Онъ рѣшилъ возможнымъ нѣсколько форсировать новаго молодого Императора. Если бы онъ зналъ, что Александръ III обладалъ желѣзной волей и характеромъ и что — что, а ужъ никакого шокированія Онъ ни отъ кого не допуститъ, то, вѣроятно, Бисмаркъ поступилъ бы иначе.

При такомъ положеніи вещей традиціонныя дружескія отношенія постепенно охлаждались и въ концѣ концовъ привели Бисмарка къ созданію тройственнаго союза, а Россію къ постепенному сближенію съ Французской Республикой, кончившемуся реализаціей двойственнаго союза (Россія и Франція).

При такихъ обстоятельствахъ Германія заявила, что она желаетъ заключить съ Россіей торговый договоръ, такъ какъ въ противномъ случаѣ примѣнитъ максимальный тарифъ. Начались переговоры. Они велись вяло. Въ это время я сталъ министромъ финансовъ. Нашъ покровительственный тарифъ имѣлъ въ виду развить у насъ промышленность обрабатывающую, а германскій — покровительствовать сельскому

хозяйству посредствомъ вздорожанiя всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Этимъ путемъ Германiя имѣла въ виду усилить интенсивность сельскаго хозяйства, но главнымъ образомъ удовлетворить аграрiевъ и въ особенности юнкерство. Такой экономическiй принципъ явился мiровымъ новшествомъ въ экономической политикѣ, идущимъ совершенно въ разрѣзъ съ экономическими теорiями. Существовалъ столѣтнiй споръ практики и теорiи о преимуществѣ покровительства или свободы торговли (фритредерство). По этому предмету исписано сотни тысячъ томовъ. Покровительство всегда имѣло въ виду обрабатывающую промышленность, но не сырые продукты. Мысль о покровительствѣ посредствомъ таможенныхъ пошлинъ на сырые продукты питанiя, особенно хлѣба насущнаго, была бы почтена въ первую половину XIX столѣтiя не только за ересь, но просто за сумасшествiе и вдругъ явился государственный дѣятель, который вздумалъ и привелъ въ исполненiе широчайшее покровительство посредствомъ усиленныхъ таможенныхъ пошлинъ на самые необходимые продукты питанiя народныхъ массъ. Затѣмъ за Германiей пошла Италiя, Францiя и нѣкоторыя другiя страны.

Правильный ли это принципъ или нѣтъ, по этому вопросу экономическая исторiя не сказала еще своего послѣдняго слова.

Мнѣ думается, что историко-экономическая наука въ концѣ концовъ признаетъ принципъ сей неправильнымъ вообще, но экономическая наука не есть чистая математика. Ея принципы не абсолютны и видоизмѣняются соотвѣтственно мiровымъ конъюнктурамъ. Широчайшее покровительство усиленнымъ таможеннымъ обложенiямъ, нынѣ вошедшее въ жизнь первоклассныхъ европейскихъ державъ, это очевидно доказываетъ. Но эта мѣра имѣетъ свою обратную сторону — она несомнѣнно способствуетъ развитiю соцiализма.

Въ то время, когда я велъ переговоры съ Германiей, она, чтобы понудить насъ на уступчивость, примѣнила къ намъ максимальный, боевой тарифъ, т. е. вывозъ Россiи былъ обложенъ значительно болѣе высокими пошлинами, нежели однородные продукты другихъ странъ и нашего главнаго конкурента по вывозу сырыхъ продуктовъ — Америки, хотя Америка также не имѣла торговаго договора съ Германiей. Подобный образъ дѣйствiя побудилъ меня не на уступчивость, а на торговую войну. Какъ только я вступилъ въ должность министра финансовъ, предвидя возможность такого оборота вещей, я также провелъ черезъ Государственный Совѣтъ боевой тарифъ на всякiй случай. Государственный Совѣтъ согласился на мое предложенiе, разсчитывая, что законъ этотъ останется на бумагѣ. Я увѣрилъ Государственный Совѣтъ, что никогда не воспользуюсь этой мѣрой безъ самой крайней необходи-

мости. Примѣненіе этого тарифа могло бы послѣдовать только по Высочайшему Указу, и Государственный Совѣтъ разсчитывалъ, что во всякомъ случаѣ министръ иностранныхъ дѣлъ не допуститъ его примѣненія.

Когда Германія примѣнила къ намъ свой максимальный тарифъ, Его Величество соизволилъ, по моему докладу, подписать указъ о примѣненіи къ Германіи нашего максимальнаго тарифа. Германія на это отвѣтила новыми стѣснительными мѣрами, на что Государь, по моему докладу, подписалъ указъ помимо Государственнаго Совѣта о возвышеніи максимальнаго тарифа. Въ сущности, торговыя отношенія съ Германіей сдѣлались невозможными. Германскія правительственныя сферы этотъ нашъ образъ дѣйствій премного озадачилъ.

Тогда уже Бисмаркъ былъ въ отставкѣ и его мѣсто занялъ генералъ Каприви.

Не менѣе перепугались наши правительственныя сферы. Многіе ожидали, что вспыхнетъ настоящая война. Я помню, какъ разъ въ это время былъ выходъ въ Петергофѣ. Когда я появился, всѣ отъ меня сторонились и меня громко критиковали, какъ молодого человѣка, неудержимаго, который Россію втянетъ въ войну. Изъ министровъ только одинъ военный министръ Ванновскій сталъ на мою сторону. Императоръ же былъ невозмутимо спокоенъ, и я за Его спиной чувствовалъ себя въ полномъ равновѣсіи, будучи убѣжденъ, что Государь меня не оставитъ, будетъ меня какъ министра поддерживать до конца, и только при такихъ условіяхъ можно дѣлать въ самодержавномъ государствѣ дѣло.

Если бы Императоръ Николай II послѣ 17-го октября не началъ сейчасъ же, при первой кажущейся неудачѣ, меня ослаблять и за моею спиною и помимо меня не началъ принимать всякія мѣры, самыя ретроградныя и жестокія, а одновременно безумно по несвоевременности либеральныя, то, вѣроятно, дѣло 17-го октября не кончилось бы такъ, какъ оно — если не кончилось, то во всякомъ случаѣ до нынѣ тянется въ полной анархіи...

Замѣчательно, что Бисмаркъ послѣ принятыхъ мною рѣшительныхъ мѣръ обратилъ на меня особое вниманіе и нѣсколько разъ черезъ знакомыхъ высказывалъ самое высокое мнѣніе о моей личности.

Когда разразилась торговая война и обѣ стороны, а въ особенности Германія начала чувствовать разорительность подобнаго образа дѣйствій, то переговоры приняли серьезный характеръ, и Германія подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія начала соглашаться на уступки, на которыя ранѣе не только не соглашалась, но и слышать о нихъ не хотѣла. Каприви, поддержанный весьма усиленно Императоромъ Вильгельмомъ, провелъ черезъ рейхстагъ торговый договоръ, предоставившій Россіи

всѣ благоразумныя уступки, несмотря на крайнее противодѣйствiе аграрiевъ и нѣмецкаго юнкерства. Вскорѣ договоръ былъ подписанъ въ Берлинѣ Каприви и нашимъ посломъ графомъ Шуваловымъ.

Война кончилась. Вильгельмъ возвелъ Каприви въ графа, но аграрiи и юнкерство начали противъ него усиленную войну. Онъ вышелъ въ отставку.

Что касается меня, Императоръ меня благодарилъ и эта благодарность для меня была выше всякихъ наградъ и графства, которымъ меня удостоилъ Императоръ Николай II послѣ Портсмутскаго договора. При этомъ я имѣлъ съ Императоромъ Александромъ III слѣдующiй разговоръ. Вильгельмъ II имѣетъ страсть къ мундирамъ. Онъ очень желалъ получить мундиръ русскаго адмирала, о чемъ мнѣ передали изъ Берлина, прося, буде возможно, это устроить. Когда Государь меня благодарилъ за окончанiе торговаго договора, то я просилъ Его Величество обратиться къ Нему съ одною просьбою. Получивъ Его разрѣшенiе, я обратилъ Высочайшее вниманiе на то, что Императоръ Вильгельмъ весьма содѣйствовалъ утвержденiю сего договора рейхстагомъ, разсказалъ о сильномъ желанiи Вильгельма получить русскiй адмиральскiй мундиръ и просилъ, не соизволитъ ли Государь исполнить это желанiе. Государь, который не особенно симпатизировалъ германскому Императору, улыбнувшись, когда я Ему сказалъ о такомъ желанiи Вильгельма, отвѣтилъ мнѣ, что дѣйствительно въ этомъ случаѣ германскiй Императоръ велъ себя вполнѣ корректно, что Онъ исполнитъ мою просьбу при первомъ удобномъ случаѣ, о чемъ разрѣшилъ мнѣ Ему напомнить. Такого случая до скорой кончины Императора не представилось. Я послѣ разсказалъ объ этомъ случаѣ Императору Николаю II, который при ближайшемъ свиданiи поднесъ германскому Императору адмиральскiй мундиръ. Упомянувъ о страсти Вильгельма къ мундирамъ, приведу другой подобный случай. Когда я былъ уже предсѣдателемъ комитета министровъ, то Вильгельмъ пожелалъ имѣть русскiй генералъ-адъютантскiй мундиръ. Я былъ въ опалѣ, а потому Государю сказать объ этомъ не могъ. Дѣло это не клеилось. Наконецъ, Великiй Князь Михаилъ Николаевичъ, возвратившись разъ изъ заграницы, говоритъ мнѣ, что Императоръ Вильгельмъ обратился къ нему при свиданiи, какъ къ старѣйшему члену Императорской Семьи, знавшему всѣ традицiи родственныхъ домовъ Гогенцоллерновъ и Романовыхъ-Гольштинскихъ и просилъ его передать Императору или, вѣрнѣе, удостовѣрить тотъ традицiонный обычай этихъ домовъ, что если Императоръ одного дома снабжаетъ себя какимъ либо своимъ отличiемъ, то тѣмъ самымъ безъ разрѣшенiя другого Императора онъ имѣетъ право на такое же

отличіе дружественной сосѣдней страны, т. е. если напримѣръ германскій Императоръ надѣваетъ фельдмаршалскій мундиръ германскій, то тѣмъ самымъ онъ имѣетъ право на русскій фельдмаршалскій мундиръ. Великій Князь удостовѣрилъ Государю этотъ фактъ и я не интересовался затѣмъ, какъ этотъ инцидентъ кончился.

Упомянувъ о ходѣ дѣла по заключенію перваго торговаго договора съ Германіей, который затѣмъ послужилъ базисомъ для заключенія договоровъ съ другими державами, и о томъ, что договоръ этотъ былъ заключенъ успѣшно только благодаря желѣзной волѣ Государя, я не могу воздержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ объ этомъ выдающемся Императорѣ. Прежде всего скажу о томъ, почему я превыше всего чту Его память. Я до сихъ поръ держусь того убѣжденія, что наилучшая форма правленія, въ особенности въ Россіи при инородцахъ, достигающихъ 35% всего населенія, есть неограниченная монархія, но при одномъ условіи — когда имѣется налицо наслѣдственный Самодержецъ, если не геній, чего, конечно, всегда ожидать невозможно, то лицо съ качествами, болѣе нежели обыкновенными. Прежде всего и болѣе всего отъ Самодержца требуются сильная воля и характеръ, затѣмъ возвышенное благородство чувствъ и помысловъ, далѣе умъ и образованіе, а также воспитаніе. Послѣднія два качества въ XIX и XX столѣтіяхъ суть аттрибуты довольно естественные и обыкновенные не только въ царской семьѣ, но во всякихъ аристократическихъ и богатыхъ семьяхъ. Природный умъ есть качество весьма полезное, но и съ изряднымъ и даже ограниченнымъ умомъ можно быть не только хорошимъ, но даже великимъ монархомъ. Сіе лучше всего доказалъ Императоръ Вильгельмъ I Великій. Я могъ бы, конечно, привести массу подобныхъ примѣровъ. По нынѣшнимъ временамъ не можетъ быть Самодержца, который бы не принесъ несчастья своей странѣ и самому себѣ, если онъ не имѣетъ крѣпкую волю и не обладаетъ царскимъ благородствомъ чувствъ и помысловъ. Если же онъ обладаетъ сими качествами въ пропорціи ниже средней даже для обыкновеннаго человѣка, то страна уподобляется безрульной лодкѣ въ бушующемъ океанѣ.

Кто создалъ Россійскую Имперію такъ, какъ она была еще десять лѣтъ тому назадъ? — Конечно, неограниченное самодержавіе. Не будь неограниченнаго самодержавія, не было бы Россійской Великой Имперіи. Я знаю, что найдутся люди, которые скажутъ: «Можетъ быть, но населенію жилось бы лучше». Я на это отвѣчу: «Можетъ быть, но только можетъ быть». Но несомнѣнно то, что Россійская Имперія не создалась

бы при конституціи, данной, напримѣръ, Петромъ I или даже Александромъ I. Но неоспоримо также и то, что при самодержавномъ неограниченномъ правленіи въ тѣ періоды, когда являются несоотвѣтствующіе и особливо совершенно несоотвѣтствующіе неограниченные правители, то страна подвергается самымъ ужаснымъ испытаніямъ. Неограниченный Самодержецъ въ самое короткое время можетъ разрушить все сдѣланное Его предшественниками «истинными» (по модному выраженію, пущенному Императоромъ Николаемъ II) неограниченными правителями-предками, ибо разрушеніе есть легчайшая стихія; четырехъ-лѣтній младенецъ можетъ уничтожить въ самое короткое время такое твореніе ума, таланта и труда, надъ которымъ люди работаютъ десятки и сотни лѣтъ.

Къ чему могъ бы привести Россію, напримѣръ, Павелъ Петровичъ, если бы онъ процарствовалъ десятокъ или болѣе лѣтъ?!..

Положеніе неограниченнаго правленія весьма осложняется, когда въ порядкѣ престолонаслѣдія нѣтъ лица, вокругъ коего могли бы сосредоточиться надежды, хотя бы такія, которыя могутъ и не оправдаться. Мы нынѣ, напримѣръ, находимся въ такомъ положеніи, когда Наслѣднику Алексѣю всего три года. Сохранить самодержавіе, когда неограниченный Самодержецъ многолѣтними не только несоотвѣтственными, но губительными дѣйствіями расшаталъ государство и когда подданные Его не видятъ болѣе или менѣе основательныхъ надеждъ въ будущемъ, особенно трудно въ XX вѣкъ, когда самосознаніе народныхъ массъ значительно выросло и питается тѣмъ, что у насъ названо «освободительнымъ движеніемъ». Такимъ образомъ, какъ по моимъ семейнымъ традиціямъ, такъ и по складу моей души и сердца, конечно, мнѣ любо неограниченное самодержавіе, но умъ мой послѣ всего пережитаго, послѣ всего того, что я видѣлъ и вижу наверху, меня привелъ къ заключенію, что другого выхода, какъ разумнаго ограниченія, какъ устройства около широкой дороги стѣнъ, ограничивающихъ движенія самодержавія, нѣтъ. Это, повидимому, неизбѣжный историческій законъ при данномъ положеніи существъ, обитающихъ на нашей планетѣ. Нельзя жить такъ, какъ хочется, а какъ непреодолимыя препятствія къ сему побуждаютъ и приводятъ. Всѣ страны перешли къ конституціонному правленію и пришли къ нему не безъ конвульсій. При такомъ положеніи вещей, хотя бы основанномъ на человѣческомъ заблужденіи, трудно, а при данныхъ обстоятельствахъ невозможно, держаться на образѣ правленія, постепенно уже откинутомъ не только всѣми болѣе или менѣе культурными народами, но также и такими, которые по общей культурѣ далеко ниже русской. У насъ въ Россіи уже давно нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, все, что ни дѣлается, хотя, можетъ быть, и хорошаго, прини-

мается или озлобленно, или критически, или равнодушно. Мѣры, гораздо худшія, если онѣ будутъ проходить черезъ представительство, будутъ почитаться хорошими, ибо это исходитъ отъ насъ, а не отъ бюрократовъ, безъ коихъ никакое самодержавіе неограниченное немыслимо. Весьма вѣроятно, что нынѣшній міровой конституціонализмъ есть историческая фаза движенія народовъ. Черезъ десятки, сотни лѣтъ человѣчество найдетъ другія формы, соотвѣтствующія своему вновь появившемуся самосознанію. Можетъ быть, опять родится стремленіе къ единоличному управленію судьбами народовъ, но теперь этого нѣтъ, и какъ-бы ни была несовершенна система парламентскаго управленія, нынѣ она выражаетъ собою политическую психологію народовъ и отъ нея не уйти.

Поэтому, когда по поводу 17-го октября и всего за симъ происшедшаго и происходящаго я слышу разговоры о томъ, что конституціонализмъ есть гнилая форма правленія, разговоры эти на меня производятъ впечатлѣніе въ родѣ того, какъ если бы я слышалъ, что жизнь человѣческая, основанная на дыханіи воздуха, гнилая, что такая жизнь не возможна, ибо воздухъ заражаетъ организмы содержащимися въ немъ бактеріями.

Будучи въ душѣ поклонникъ самодержавія неограниченнаго, какъ своего рода влюбленный въ фею изрѣдка лишь появляющуюся, а чаще подъ видомъ феи представляющую особу съ недостатками обыкновенной кокетки, хотя и добродѣтельной, и имѣвъ счастье быть министромъ дѣйствительно Самодержца Императора Александра III-го, я помимо личныхъ чувствъ благоговѣю какъ государственный дѣятель передъ Его памятью. Александръ III имѣлъ стальную волю и характеръ, Онъ былъ человѣкъ своего слова, царски благородный и съ царскими возвышенными помыслами, у Него не было ни личнаго самолюбія, ни личнаго тщеславія, Его «Я» было неразрывно связано съ благами Россіи такъ, какъ Онъ ихъ понималъ. Онъ былъ обыкновеннаго ума и образованія, Онъ былъ мужественъ и не на словахъ и театрально, а попросту. Онъ не давалъ телеграммъ «мнѣ смерть не страшна», какъ это дѣлаетъ Николай II, но своимъ поведеніемъ, своею жизнью сіе обнаруживалъ, такъ что никому и въ голову не могло придти, что «ему смерть страшна». Александра III могли не любить, критиковать, находить Его мѣры вредными, но никто не могъ Его не уважать. И Его уважалъ весь міръ и вся Россія. Онъ былъ по натурѣ Самодержецъ и Онъ могъ поддержать и сохранить исторически сложившееся въ Россіи неограниченное Самодержавіе. Если бы Онъ не скончался такъ рано, или если бы Его Сынъ обладалъ хотя частью Его качествъ Самодержца, то, конечно, ничего подобнаго, что произошло, произойти не могло.

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга, въ маѣ мѣсяцѣ, за недѣлю до манифеста 3-го іюня 1907 года ко мнѣ пришелъ министръ двора баронъ Фредериксъ спрашивать мое мнѣніе, какъ помочь горю. Находя излишнимъ, вѣрнѣе говоря, безплоднымъ давать совѣты въ особенности въ моемъ положеніи травленнаго звѣря (между прочимъ псами царской псарни), я показалъ ему портретъ Александра III, около мѣста, гдѣ я у себя занимаюсь, висящій, и сказалъ: «я знаю вѣрное средство кончить расчленяющую Россію анархію — воскресеніе Его хоть на три мѣсяца».

Когда критикуютъ Александра III, то забываютъ совершенно исключительныя условія, въ которыхъ Онъ находился. Онъ сѣлъ на тронъ, залитый кровью мученически убіеннаго своего отца.

И какого отца?.. Александра II Освободителя.

То что у насъ нынѣ есть свѣтлаго — это дѣло Его рукъ, Его воли. За что Его убили?

Найдутся люди, которые скажутъ: за то, что Онъ въ освобожденіи колебался, не шелъ такъ быстро, какъ хотѣлось многимъ политическимъ негодяямъ. Но тѣмъ не менѣе Онъ сдѣлалъ столько, сколько никто до него не сдѣлалъ. Онъ былъ Освободителемъ не только русскаго народа, но стремился дать возможную свободу всѣмъ своимъ подданнымъ и родственнымъ намъ племенамъ. Его образъ останется вѣчно въ памяти славянъ. Нѣкоторые говорятъ: «Онъ шелъ колеблясь, не такъ быстро, какъ того хотѣли бы», съ не меньшимъ основаніемъ можно сказать и многіе говорятъ: «Онъ шелъ часто черезчуръ быстро, можетъ быть слѣдовало идти тише, но безъ колебаній».

А кто виновенъ въ этихъ колебаніяхъ? — безумное покушеніе Березовскаго, Каракозова съ одной стороны, нелѣпое возстаніе поляковъ и всюду и всегда смердящее вліяніе придворной камарильи съ другой. Александръ III взошелъ на престолъ, не только окровавленный мученическою кровью своего отца, но и во время смуты, когда практика убійствъ слѣва приняла серьезные размѣры. При этихъ условіяхъ довольно понятно, что Онъ сталъ на путь реакціи. Многія изъ принятыхъ въ Его царствованіе мѣръ я не раздѣляю, нахожу, что онѣ дали въ дальнѣйшемъ неблагопріятные результаты. Тѣмъ не менѣе послѣ тринадцатилѣтняго царствованія Онъ оставилъ Россію сильною, спокойною, вѣрующею въ себя и съ весьма благоустроенными финансами. Онъ внушалъ къ себѣ общее уваженіе, ибо Онъ былъ Царь миролюбивый и высоко честный.

Послѣ несчастнаго случая въ Боркахъ, гдѣ вслѣдствіе крушенія поѣзда Онъ и вся Его семья подвергнулись страшной опасности (нѣкоторые думаютъ, что и болѣзнь, отъ которой Онъ почилъ, была резуль-

татомъ этого потрясенія) чувствовалось, что вся Россія, други и недруги, искренно перекрестились за сохраненіе Его жизни. Когда Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поѣхалъ въ Казанскій Соборъ, учащаяся, вѣчно волнующаяся молодежь, со свойственнымъ молодымъ сердцамъ благороднымъ энтузіазмомъ, сдѣлала Ему шумную овацію на Казанской площади, никѣмъ и ни отъ кого не охраняемой. Съ тѣхъ поръ Онъ душевно примирился съ этой молодежью и всегда относился къ заблужденіямъ ея снисходительно.

Успокоивъ Россію въ послѣдніе годы своего царствованія, Онъ видимо пошелъ въ другую сторону во внутренней политикѣ. Онъ началъ все болѣе и болѣе благосклонно относиться къ окраинамъ и инородцамъ. Побѣдоносцевъ потерялъ на него всякое вліяніе. Я помню такой случай. Какъ только я сталъ министромъ финансовъ, я внесъ проектъ отвѣтственности предпринимателей за увѣчье рабочихъ на фабрикахъ. Въ департаментахъ проектъ этотъ прошелъ съ разногласіями. Въ общемъ собраніи возсталъ противъ проекта К. П. Побѣдоносцевъ и объявилъ меня соціалистомъ. Конечно, это усилило противодѣйствіе. Я отвѣтилъ, что если я соціалистъ, то во всякомъ случаѣ миніатюрный сравнительно съ Бисмаркомъ и предпочитаю быть съ нимъ въ компаніи, нежели съ Побѣдоносцевымъ. Тѣмъ не менѣе посыпался рядъ критическихъ замѣчаній. Я былъ новичекъ и взялъ проектъ обратно для переработки. На другой день я былъ у Государя со всеподданнѣйшимъ докладомъ. Государь меня спросилъ, вѣрно ли, что я согласился взять мой проектъ обратно, и когда я это подтвердилъ, сказалъ мнѣ: «имѣйте въ виду, что К. П. Побѣдоносцевъ всегда все критикуетъ и если его слушаться, можно застыть». Его нельзя было подбить ни на какія авантюры, ни на какія несправедливости, ни на какія рѣзкія мѣры, разъ люди спокойны. Онъ былъ не на словахъ, а на дѣлѣ истинно русскій, понималъ, что Онъ Императоръ Россійской Имперіи и имѣетъ 35 % подданныхъ не русскихъ.

Въ началѣ Его царствованія съ Его разрѣшенія была образована «Святая Дружина», нѣчто въ родѣ «Союза Русскихъ Людей», но какъ только она вздумала принимать некорректныя мѣры, которыя могутъ почитаться невинно-дѣтскими сравнительно съ тѣмъ, что нынѣ творитъ «Союзъ русскаго народа», который теперь рекомендуется Николаемъ II какъ оплотъ Государства, въ который должны войти всѣ Его вѣрные подданные, Онъ — Александръ III мгновенно на всегда и безъ остатка прикрылъ эту дружину, несмотря на то, что въ нее входили самыя высшія и близкія къ Нему персоны. Это былъ серьезный человѣкъ. Если бы Онъ нынѣ почелъ спасеніе въ погромахъ «истинно русскихъ

людей», то Самъ посредствомъ Своего правительства мужественно привелъ бы ихъ въ исполненіе и не основывался бы на политической сволочи, помѣшанныхъ и недоумкахъ. Его дѣйствія всегда соотвѣтствовали Его убѣжденіямъ.

Онъ ничего не дѣлалъ исподтишка, что къ несчастью нынѣ возведено въ принципъ и почитается тонкой дипломатіей. Но главнѣйшая заслуга Александра III заключается въ томъ, что своими прямыми безхитростными и честными дѣйствіями Онъ несмотря на многія осложненія, явившіяся на Балканскомъ полуостровѣ и нѣкоторый разладъ съ Германіей, поставилъ политическій престижъ Россіи такъ высоко, какъ онъ никогда до Него не стоялъ. Россія была главною шашкою на шахматной доскѣ міровой политики. Поэтому я считаю критику царствованія Александра III вполнѣ недобросовѣстной.

Вѣчная память неограниченному Самодержцу Императору Александру III, русскому, первому между русскими, человѣку!..

Но возвращаюсь къ Вильгельму II. Александру III, человѣку простому, несуетливому, нелюбящему ничего показного, нетерпящему позъ, конечно, молодой Вильгельмъ не могъ быть лично симпатичнымъ, но Онъ, какъ и всегда, держалъ Себя въ должномъ равновѣсіи, а послѣ заключеннаго торговаго договора относился къ личности Вильгельма вполнѣ примирительно.

Когда вступилъ на престолъ Николай II, Онъ тоже относился къ Вильгельму, къ его суетливымъ выходкамъ несимпатично просто потому, что помнилъ, какъ къ нему относился Отецъ. Вскорѣ къ этому совершенно пассивному чувству примѣшались другія.

Во первыхъ ощущенія нѣкотораго личнаго соревнованія. Онъ — Вильгельмъ, какъ личность, видимо стоялъ или по крайней мѣрѣ почитается въ общественномъ не только русскомъ, но и міровомъ мнѣніи выше Его. Вильгельмъ и фигурою гораздо больше Императоръ, нежели Онъ. При самолюбивомъ въ извѣстныхъ сферахъ характерѣ Императора Николая II это Его коробило. Я помню, что послѣ перваго Его свиданія съ Вильгельмомъ появились cartes postales, на которыхъ были изображены оба Императора, причемъ Вильгельмъ держалъ свою руку на плечахъ Государя, какъ-бы обнимая Его. Государь же по росту подходитъ прямо ниже плеча Вильгельма, такъ что рука Вильгельма шла не къ верху, а горизонтально или даже скорѣе къ низу. Было приказано немедленно конфисковать всѣ эти карточки. Чувство же Государя къ Вильгельму особенно обострилось вслѣдствіе отношеній Вильгельма къ

Его beau frère'у, а также къ Императрицѣ. Вильгельмъ относился свысока къ брату Императрицы, Герцогу Дармштадтскому и также относился къ Александрѣ Θеодоровнѣ часто не какъ къ Русской Императрицѣ, а какъ къ нѣмецкой мелкой принцессѣ Alix. Это вообще его манера относиться довольно санфасонно къ людямъ, въ особенности къ нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ, къ которымъ не питаетъ уваженiя. Еще недавно около Франкфурта были маневры, на которыхъ присутствовалъ Герцогъ Дармштадтскiй. Вдругъ къ нему обратился Вильгельмъ и сказалъ: «Я знаю, что ты очень желаешь получить чернаго орла первой степени. Хочешь, я тебѣ его дамъ сейчасъ, но если ты мнѣ отвѣтишь на слѣдующiй вопросъ: когда гусаръ садится на лошадь, то какую ногу онъ прежде всего ставитъ въ стремя, правую или лѣвую»?

Въ послѣднiе годы отношенiя Его къ нашей Императрицѣ и Ея брату значительно измѣнились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ началѣ войны въ частныхъ разговорахъ канцлеръ Бюловъ и германскiй посолъ въ Петербургѣ мнѣ сѣтовали на то, что Государь не любезенъ къ ихъ Императору, что Онъ по долгу не отвѣчаетъ на письма, не отвѣчаетъ взаимностью на мелкiя любезности и знаки вниманiя, и что это нѣсколько влiяетъ на ходъ взаимныхъ отношенiй, и просили меня, не могу ли я содѣйствовать устраненiю этихъ отношенiй. Я имъ отвѣтилъ, что мнѣ кажется, что это зависитъ прежде всего отъ самого Вильгельма. Если Онъ начнетъ особенно предупредительно относиться къ Императрицѣ, бывшей принцессѣ Alix и къ Ея брату, то я увѣренъ, что отношенiя сами собою сдѣлаются лучшими. Въ послѣднiе годы Александра Θеодоровна сдѣлалась совершенно благосклонною къ Германскому Императору, когда Онъ съ своей стороны сталъ особенно любезенъ къ Ней и внимателенъ къ Ея брату. Онъ оказалъ особое вниманiе къ Ея брату при его разводѣ съ женою, двоюродной сестрою Императора Николая II-го, дочерью В. Кн. Марiи Александровны Кобургской. Съ тѣхъ поръ Императрица совсѣмъ перемѣнила свои чувства къ Вильгельму, что видимо отразилось на отношенiяхъ Государя къ нему. Между ними началась интимнѣйшая корреспонденцiя и Вильгельмъ началъ имѣть значительное влiянiе на Государя. Вильгельмъ сначала въ личныхъ сношенiяхъ съ Государемъ какъ бы не стѣснялся, относился къ Нему нѣсколько покровительственно, менторски, но затѣмъ понялъ, что это, по натурѣ Николая II-го, самое вѣрное средство обострять отношенiя и тогда началъ обратное поведенiе какъ, въ нѣкоторомъ родѣ, младшаго къ старшему. Императоръ Николай II съ трудомъ терпитъ людей, которыхъ Онъ въ душѣ почитаетъ выше Себя въ моральномъ и умственномъ отношенiи —

только при нуждѣ. Онъ же въ своей сферѣ, т.-е. чувствуетъ Себя въ своей тарелкѣ тогда, когда имѣетъ дѣло съ людьми, которые менѣе даровиты, нежели Онъ, или которыхъ Онъ считаетъ менѣе даровитыми и знающими нежели Онъ или, наконецъ, которые, зная эту Его слабость, представляются таковыми. Мнѣ графъ Ламсдорфъ неоднократно говорилъ, что Вильгельмъ съ тѣхъ поръ, какъ установилась Его интимная переписка съ Государемъ, постоянно самымъ наивнымъ и дружескимъ образомъ старается подвести Его Величество и разстроить Его отношенія къ другимъ державамъ, въ особенности къ Франціи и что ему — графу Ламсдорфу постоянно приходится съ этимъ бороться. Вѣроятно поэтому Вильгельмъ терпѣть не могъ гр. Ламсдорфа. Ламсдорфъ мнѣ передавалъ, что если когда-либо были-бы напечатаны секретныя бумажки, у него лично находящіяся, то это произвело бы не малое удивленіе въ Европѣ. Кстати относительно секретныхъ бумажекъ. У графа Ламсдорфа былъ цѣлый архивъ неоффиціальныхъ или полуоффиціальныхъ особенно секретныхъ и пикантныхъ политическихъ бумажекъ не только за то время, когда онъ былъ министромъ, но и за время другихъ министровъ начиная съ царствованія Александра III-го. Онъ мнѣ говорилъ, что это такого рода бумаги, которыя онъ не можетъ передать въ архивъ. Возвратясь изъ заграницы прошлою зимой, я уже засталъ графа совершенно больнымъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его пришлось отправить полу-умирающаго въ Санъ-Ремо. Я, между прочимъ, спросилъ его, что онъ думаетъ дѣлать со своими бумагами. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что въ случаѣ его смерти онѣ должны быть переданы его другу, князю Валеріану Оболенскому, его товарищу, который знаетъ, какъ съ ними поступить. Черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ въ Санъ-Ремо графъ Ламсдорфъ умеръ. Его тѣло привезъ князь Оболенскій. Какъ только похоронили Ламсдорфа, Его Величество назначилъ своего генералъ-адъютанта кн. Долгорукаго и одного чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ разобрать бумаги гр. Ламсдорфа. Князь Оболенскій вмѣшался въ этотъ инцидентъ, указавъ на волю покойнаго графа. Тогда князя Оболенскаго допустили разбирать бумаги съ Долгорукимъ, но черезъ нѣсколько дней умеръ и князь Оболенскій. Что теперь будетъ съ этими бумагами? Конечно, наиболѣе пикантныя будутъ уничтожены и такимъ образомъ многіе политическіе секреты будутъ похоронены.

Итакъ, будучи уже предсѣдателемъ комитета министровъ, я долженъ былъ вести съ Германіей переговоры о возобновленіи торговаго договора. Я стоялъ на томъ, чтобы возобновить дѣйствующій договоръ на

новое десятилѣтіе или хотя бы на меньшій срокъ. Въ началѣ 1904 года вспыхнула Японская война, которую Вильгельмъ вполнѣ предвидѣлъ, впрочемъ, это должны были предвидѣть всѣ не слѣпые, умѣющіе хотя немного разбираться въ дѣйствующихъ политическихъ элементахъ. Какъ только война вспыхнула, Вильгельмъ началъ выражать Государю свою преданность и вѣрность. Онъ удостовѣрилъ Государя, что Онъ — Государь можетъ быть покойнымъ относительно западной границы—Германія не двинется. Но между прочимъ выразилъ желаніе, чтобы Россія помогла Германіи заключить торговые договоры на началахъ новаго таможеннаго тарифа, только что проведеннаго черезъ рейхстагъ, по которому значительно повышались таможенныя пошлины, въ особенности, на сырье сравнительно съ прежнимъ Бисмарковскимъ тарифомъ, по которому на это сырье и безъ того были весьма высокія пошлины. Я предложилъ держаться прежней точки зрѣнія, не желая ничего уступать Германіи. Всѣ мои ноты, составленныя въ этомъ направленіи и передаваемыя въ Берлинъ черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, предварительно одобрялись Его Величествомъ, но вдругъ возбудился вопросъ о необходимости обсудить это дѣло въ совѣщаніи. Предсѣдателемъ совѣщанія былъ назначенъ я, а членами министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламсдорфъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве, министръ финансовъ Коковцевъ, главноуправляющій торговымъ мореходствомъ Великій Князь Александръ Михайловичъ и, кажется, еще военный и морской министръ. На этомъ совѣщаніи было придано особое значеніе просьбѣ Вильгельма, адресованной Государю, дабы онъ оказалъ содѣйствіе къ заключенію столь нужнаго Германіи торговаго договора, причемъ было обращено вниманіе на обѣщаніе Вильгельма — быть покойнымъ относительно западной границы во время нашей войны съ Японіей. Уже тогда произошли всѣ наши первыя неудачи на полѣ и водахъ брани.

Великій Князь Александръ Михаиловичъ особенно настаивалъ на необходимости оказать вниманіе Императору Вильгельму и во всякомъ случаѣ не доводить дѣло торговаго договора до рѣзкости, а тѣмъ болѣе до разрыва.

Плеве, подозрѣвая, что Великій Князь, женатый на сестрѣ Государя, выражаетъ Его желаніе, началъ поддерживать эту точку зрѣнія, что уронъ, причиненный нашему сельскому хозяйству возвышеніемъ германскихъ пошлинъ, нужно покрыть другими путями.

Министръ финансовъ объяснилъ, что теперь ведется война на тѣ резервные фонды, которые, уходя съ поста министра финансовъ, я оставилъ, что приходится уже для войны прибѣгать къ займамъ, что мы нуждаемся въ нѣмецкихъ денежныхъ рынкахъ, а потому нужно быть

уступчивымъ въ торговомъ договорѣ, но взамѣнъ того выговорить у германскаго правительства, чтобы оно не препятствовало нашимъ займамъ. Графъ Ламсдорфъ высказался, что собственно съ чисто дипломатической точки зрѣнія къ особой уступчивости прибѣгать нѣтъ надобности, но одновременно нашъ посолъ въ Берлинѣ графъ Остенъ-Сакенъ доносилъ совершенно противное.

Я заявилъ, что съ экономической точки зрѣнія дѣлать уступки противъ существующаго торговаго равновѣсія Россіи крайне невыгодно, что я до сихъ поръ рѣшительно отказывалъ Германіи въ ея требованіяхъ, заявляя о необходимости сохраненія существующаго договора, а въ случаѣ желанія Германіи измѣнить свои пошлины, мы соотвѣтственно повысимъ свои, въ мѣрѣ сохраненія суммою обложенія существующаго равновѣсія. Я разсчитывалъ на этомъ держаться, не входя въ компромиссы, но если въ виду войны признается необходимымъ съ политическо-стратегической точки зрѣнія и въ виду необходимости займовъ пойти на уступки, то это должно быть сдѣлано, но лишь исключительно по этимъ соображеніямъ, съ явнымъ урономъ экономическому положенію Россіи.

Въ заключеніе совѣщаніе постановило, что намъ необходимо достигнуть соглашенія съ Германіей, не доводя дѣло до рѣзкостей, что нужно идти на уступки, но съ тѣмъ, чтобы я выговорилъ открытіе для Россіи германскаго денежнаго рынка, причемъ было рѣшено по поводу заключенія торговаго договора не подымать вопроса о гарантіи неприкосновенности нашей западной границы во время японской войны и вообще о нравственномъ содѣйствіи намъ Германіи, такъ какъ это область личныхъ сношеній Монарховъ...

Журналъ засѣданія сего совѣщанія удостоился утвержденія Государя и былъ данъ мнѣ къ руководству. Одинъ экземпляръ его находится въ моихъ бумагахъ, а другой въ министерствѣ финансовъ или торговли. Затѣмъ явился вопросъ, гдѣ должны съѣхаться представители. Въ виду моего назначенія уполномоченнымъ, канцлеръ Бюловъ самъ рѣшилъ, вѣроятно, по желанію Императора, вести со мной переговоры. Вслѣдствіе лѣтняго времени мы рѣшили съѣхаться въ Нордерней. Туда я прибылъ съ Тимирязевымъ, товарищемъ министра финансовъ, а Бюловъ съ графомъ Посадовскимъ, статсъ-секретаремъ (помощникомъ рейхсъ-канцлера) по внутреннимъ дѣламъ; затѣмъ при насъ состояли еще другія лица.[1]

[1] Варіантъ: * Я по особому уполномочію Императора велъ письменно эти переговоры и на уступки не шелъ. Я былъ увѣренъ, что это лучшій путь веденія переговоровъ съ нѣмцами. Въ этомъ меня, между прочимъ, убѣдили обстоятельства

Въ Нордерней я пробылъ около двухъ недѣль. Тамъ почти все время я проводилъ съ рейхсканцлеромъ Бюловымъ. Днемъ на оффиціальномъ засѣданіи, а послѣ обѣда глазъ на глазъ или вмѣстѣ съ графиней. Графиня Бюлова итальянка, вѣроятно была очень красива, женщина образованная и большая музыкантша. Наединѣ мы говорили о политикѣ, а въ присутствіи графини на общія темы. Въ то время графиня читала книгу о декабристахъ. Она увлекалась графомъ Л. Толстымъ. Она, вѣроятно, думала и во мнѣ встрѣтить поклонника графа Толстого, но насколько я преклонялся передъ нимъ, какъ передъ великимъ художникомъ, настолько я отрицательно отношусь къ его политико-религіознымъ проповѣдямъ. Все, что исходитъ изъ его пера, изложено чрезвычайно талантливо, но что касается сути его ученій, то все это старое младенчество. Ни одной новой идеи, ни одной мысли, все и всегда повтореніе того, что провозглашено ранѣе Евангеліемъ и философами, но въ популярно-талантливой формѣ съ старческо-младенческими заключеніями и выводами. Великій художникъ, наивный мыслитель и большой поклонникъ своего «я».

Съ графомъ Бюловымъ мы прежде всего говорили о войнѣ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что въ ихъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ хранится dossier, изъ котораго видно, что еще при захватѣ Кіао-Чао, а затѣмъ Портъ-Артура я предупреждалъ, что это есть начало большихъ катастрофъ для Россіи, что тогда они (кто они?) сомнѣвались въ моихъ предсказаніяхъ, но теперь оказалось, что я правъ, что Императоръ Вильгельмъ еще недавно требовалъ этотъ dossier къ себѣ для того, чтобы возобновить всѣ факты въ своей памяти. Бюловъ очень интересовался моимъ мнѣніемъ о ходѣ войны. Я высказалъ, что на морѣ мы потерпимъ неудачи, но на сушѣ въ концѣ концовъ явимся побѣдителями. Высказывая это мнѣніе, во мнѣ тогда являлось сомнѣніе въ Куропаткинѣ и въ его увѣренности побѣдить японцевъ на сушѣ. Бюловъ часто возвращался къ разговору о томъ, что Вильгельмъ дѣлаетъ все, чтобы быть пріятнымъ нашему Государю, что въ послѣднее

веденія переговоровъ въ 1893—4 годахъ, когда я благодаря довѣрію ко мнѣ Императора Александра III вынудилъ Германію на большую уступчивость. Но въ 1904 году, когда мы втюрились въ несчастную ребяческую войну, то западная наша граница оказалась въ довольно печальномъ положеніи въ смыслѣ обороны. Ловкій Вильгельмъ II увѣрилъ Николая II, что послѣдній можетъ быть покоенъ относительно западной границы, а затѣмъ частнымъ письмомъ просилъ нашего Государя оказать ему одолженіе и сдѣлать весьма большія уступки въ торговомъ договорѣ, на которыя я не согласился и былъ увѣренъ, что заставлю нѣмцевъ уступить. Вслѣдствіе письма Вильгельма я получилъ указаніе уступить и затѣмъ выѣхалъ въ Германію вести переговоры словесно и заключить договоръ. *

время отношенія между двумя монархами установились самыя интимныя, такъ какъ Вильгельмъ показалъ, что онъ истинный другъ Россіи.

Что касается переговоровъ по торговому договору, то чувствовалось, что Бюловъ увѣренъ, что я переговоровъ не прерву. Вообще они боялись моихъ рѣзкостей, помня переговоры, бывшіе десять лѣтъ тому назадъ. Вѣроятно, они изъ Петербурга получили удостовѣреніе, что мнѣ дана инструкція мирно кончить дѣло торговаго договора. Много торговались, но въ концѣ концовъ пришли къ соглашенію. Нельзя сказать, чтобы соглашеніе было свободнымъ. Съ нашей стороны оно въ значительной степени было стѣснено фактомъ японской войны и открытою западною границею.

Еще передъ окончаніемъ переговоровъ о торговомъ договорѣ я началъ вести съ Бюловымъ бесѣду о томъ, что вслѣдствіе войны намъ придется дѣлать займы и что, въ случаѣ заключенія торговаго договора, мы между прочимъ расчитываемъ на германскій денежный рынокъ. Графъ Бюловъ ежедневно сносился по телеграфу съ Императоромъ, который въ это время находился въ норвежскихъ водахъ. На мое заявленіе о займѣ, онъ мнѣ отвѣтилъ, что съ своей стороны находитъ это естественнымъ и не видитъ препятствій, но что Императоръ въ послѣднее время вообще противъ открытія германскаго денежнаго рынка для иностранныхъ державъ, провозглашая принципъ «нѣмецкія деньги для нѣмцевъ». Въ подтвержденіе сего онъ показалъ мнѣ нѣсколько телеграммъ, полученныхъ имъ по этому предмету отъ Императора. Я съ своей стороны предложилъ подписать договоръ въ Берлинѣ, куда и выѣхалъ.

На другой день туда пріѣхалъ Бюловъ. Тогда я заявилъ, что не подпишу договора, который уже лежалъ на столѣ въ готовомъ видѣ, пока не получу оффиціальнаго обязательства объ открытіи нѣмецкаго денежнаго рынка. Бюловъ, увидавъ съ моей стороны такую рѣшимость, черезъ четверть часа далъ мнѣ письмо, разрѣшающее заемъ, а я съ своей стороны тогда подписалъ договоръ.

Продолжительные переговоры мои съ Бюловымъ оставили во мнѣ такое о немъ мнѣніе. Это человѣкъ недурной, хитрый, не особенно дѣловитый и не особенно умный, но умѣетъ хорошо говорить; вообще, какъ человѣкъ государственный, считаю его совершенно второстепеннымъ. Главное его дипломатическое качество (?) это хитрость, пожалуй въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и главное употребленіе этого своего качества онъ практикуетъ относительно своего Императора. Зная его слабости, онъ на нихъ хорошо разыгрываетъ и часто прячетъ въ карманъ не только личное самолюбіе, но и достоинство, связанное съ нравственной отвѣтственностью перваго министра.

Это, конечно, не Бисмаркъ, и даже не прямолинейный и честный Каприви, это нашъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Муравьевъ, но умнѣе и гораздо болѣе образованный, чѣмъ графъ Муравьевъ.

Изъ его сотрудниковъ-министровъ единственно выдающійся человѣкъ по своему трудолюбію и знанію, это графъ Посадовскій. Собственно я съ нимъ велъ всѣ дѣловые разговоры по торговому договору. Подписавши договоръ, я въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Въ этотъ же день былъ убитъ Плеве, о чемъ утромъ въ Берлинѣ получилась телеграмма. Какъ по пріѣздѣ моемъ въ Берлинъ, такъ и по окончаніи переговоровъ я получилъ прелюбезныя телеграммы отъ Императора Вильгельма.

Когда я вернулся, въ Петербургѣ шла рѣчь о томъ, кого назначить вмѣсто Плеве. Государь меня холодно поблагодарилъ за заключеніе торговаго договора, но ни о чемъ, ни о внутреннихъ, ни о внѣшнихъ дѣлахъ не говорилъ.

Между тѣмъ, передъ выѣздомъ моимъ изъ Берлина я получилъ отъ агента министерства финансовъ въ Лондонѣ д. с. с. Рутковскаго письмо, къ которому было приложено донесеніе его нашему послу по поводу дѣлаемаго японскимъ посломъ въ Лондонѣ Гаяши черезъ бывшаго нѣмецкаго дипломата, проживающаго въ Лондонѣ, предложенія его встрѣтиться со мною гдѣ либо на пути изъ Нордерней и войти въ соглашеніе о мирѣ до паденія Портъ-Артура, причемъ Гаяши заявилъ, что въ такомъ случаѣ условія мира будутъ болѣе легкія для Россіи, нежели послѣ того, какъ Портъ-Артуръ будетъ взятъ японцами. Дѣйствительно Гаяши дѣлалъ это предложеніе.

Тогда былъ самый удобный случай покончить ужасную войну. Замѣчательно, что почти въ то же время нашъ герой Портъ-Артура генералъ Кондратенко имѣлъ мужество писать Стесселю, упрашивая его донести Государю откровенно о положеніи дѣла, рекомендуя, чтобы избѣгнуть большихъ бѣдствій для Россіи, войти въ мирные переговоры съ Японіей.

Если бы тогда мнѣ было поручено вести переговоры, то вѣроятно, дѣло ограничилось бы тѣмъ, что мы потеряли бы Квантунскую область съ Портъ-Артуромъ и вліяніе наше въ Кореѣ, но за нами осталась бы вся южная вѣтвь восточно-китайской ж. д. и весь Сахалинъ, а главное въ нашей исторіи не было бы позорныхъ Ляояновъ, Мукденовъ и Цусимъ.

Въ Германіи я не получилъ никакихъ указаній по поводу предложенія Гаяши. Вернувшись въ Петербургъ, графъ Ламсдорфъ мнѣ сказалъ, что соотвѣтствующее донесеніе нашего посла графа Бенкендорфа было получено и представлено Его Величеству, но не имѣло никакихъ послѣдствій. Государь вообще, не разговаривая со мною ни о какихъ дѣлахъ, не говорилъ и объ этомъ дѣлѣ. Тогда я былъ въ первой моей опалѣ. Я сейчасъ же послѣ представленія Государю уѣхалъ къ себѣ въ Сочи, гдѣ и пришлось пережить извѣстіе о пораженіи при Ляоянѣ.

Куропаткинъ, отступивъ въ Мукденъ издалъ упомянутый приказъ, что больше отступленій не будетъ, но я уже пересталъ вѣрить Куропаткину, убѣдившись въ правильности сдѣланнаго мнѣ много лѣтъ тому назадъ опредѣленія его А. А. Абазой «умный, храбрый генералъ, но съ душою штабного писаря». Меня не смущали отступленія, какъ система дѣйствій, ибо они входили или должны были входить въ планъ дѣйствій, но они внушали мнѣ сомнѣнія и разочарованія, потому что отступали вынужденно, съ громадными потерями, тогда, когда хотѣли идти впередъ. Мы къ войнѣ не были готовы, потому что не хотѣли ея. Никто къ ней серьезно не готовился. Главнымъ образомъ потому мы ее и проиграли, но мы ее проиграли позорно и ужасно, потому что все, что дѣлалось въ послѣдніе годы, а въ томъ числѣ и веденіе войны — была ребяческая игра, часто науськиваемая самыми дурными инстинктами.

Все что мы пережили не образумило Того, Кого это прежде всего должно было образумить. Эта игра ведется и теперь и охъ, какъ дурно она можетъ кончиться!.. (сіе писано 13 августа нашего стиля 1907 г.).

Не желая войны, отвѣтственные министры хотѣли соотвѣтственно и вести дѣла и войны бы не было, но неотвѣтственная банда внушила Государю, что можно не желать войны, но дѣйствовать, не признавая ничьихъ интересовъ, «моему нраву не препятствуй». Государь не желалъ войны, но дѣйствовалъ такъ, что война сдѣлалась неизбѣжной. *

30 іюля 1904 г. произошло выдающееся событіе въ исторіи Россійской Имперіи, а именно рожденіе наслѣдника Алексѣя Николаевича. 11 августа произошло его крещеніе. Я часто себѣ задаю гамлетовскій вопросъ, что будетъ съ этимъ августѣйшимъ юношей, и молю Бога о томъ, чтобы въ немъ Россія нашла успокоеніе и начала новой своей жизни въ полномъ величіи, соотвѣтствующемъ духу и силѣ великаго русскаго народа. Дай Богъ, чтобы это было такъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НАЗНАЧЕНІЕ СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКАГО МИНИСТРОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ. УКАЗЪ 12 ДЕКАБРЯ 1904 ГОДА

*ПОСЛѢ убіенія Плеве явились различныя интриги, кого провести въ министры внутреннихъ дѣлъ: такъ нѣкоторые рекомендовали Штюрмера, бывшаго директора канцеляріи у Плеве и даже Штюрмеръ представился Государю. Какой онъ имѣлъ съ Государемъ разговоръ, мнѣ неизвѣстно. Другіе указывали на генерала Валя, который былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ одно время при Плеве, наконецъ, Государь остановился на Мирскомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе особой рекомендаціи его Государю со стороны Милашевичъ (Гендовъ), которая по первому мужу была Шереметьева (начальникъ конвоя при Александрѣ III-мъ), а по рожденію графиня Строганова, дочь принцессы Лейхтенбергской, дочери Императора Николая I Маріи Николаевны.

Государь, еще будучи наслѣдникомъ, часто бывалъ у Шереметьевыхъ и съ ней былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и она оказала большое вниманіе на незначеніе Мирскаго. Мирскій самъ по себѣ, какъ я уже имѣлъ случай говорить, представлялъ и нынѣ представляетъ человѣка выдающагося по своей нравственной чистотѣ. Это человѣкъ совершенно кристально чистый, безукоризненно честный, человѣкъ высокихъ принциповъ, рѣдкой души человѣкъ и очень культурный генералъ генеральнаго штаба.

Конечно, назначеніе Мирскаго представляло собой своего рода флагъ. Когда Мирскій былъ назначенъ, я былъ на Кавказѣ въ Сочи. Мирскій почему то считалъ, что я долженъ быть назначенъ вмѣсто Плеве, а потому, когда онъ сдѣлался министромъ, то далъ мнѣ теле-

грамму, какъ будто оправдывая себя. Я ему отъ всей души отвѣтилъ, выражая глубокую радость и удовлетвореніе по поводу его назначенія. Къ сожалѣнію Мирскій былъ назначенъ очень поздно, когда уже Россія была такъ революціонизирована внутренними событіями, а ранѣе неудачами на войнѣ, что перемѣнить положеніе дѣла было для него непосильно, тѣмъ болѣе, что Государь, назначивъ его, все-таки продолжалъ слушать совѣты крайнихъ реакціонеровъ, которые мѣшали Мирскому принять новый курсъ внутренней политики. При этомъ я долженъ сказать, что Мирскій при всѣхъ его высокихъ нравственныхъ качествахъ, съ точки зрѣнія государственной опытности, былъ новичкомъ, да и характеръ у него довольно мягкій. Съ этой точки зрѣнія, конечно, онъ не соотвѣтствовалъ тому трудному положенію дѣла, въ которомъ находился бы всякій министръ внутреннихъ дѣлъ.

*Святополкъ-Мирскій былъ губернаторомъ при Горемыкинѣ, товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и начальникомъ жандармовъ при Сипягинѣ. Уже при Сипягинѣ онъ собирался уйти, хотя былъ большимъ его пріятелемъ. Онъ упрекалъ Сипягина въ различныхъ мѣрахъ, напрасно раздражающихъ общественное мнѣніе.

Я тоже часто говорилъ Сипягину, что мѣры эти не успокаивая смуту, только раздражаютъ благоразумныхъ людей. Достаточно сказать, что членъ Государственнаго Совѣта, бывшій начальникъ удѣловъ, генералъ, раненый во время восточной войны, былъ сосланъ въ свое имѣніе за то, что во время безпорядковъ на Казанской площади революціонеровъ и молодежи, вошелъ въ пререканія съ полицейскимъ, дѣйствія коихъ ему показались некорректными, — князь Вяземскій, крупнѣйшій землевладѣлецъ, нынѣ одинъ изъ самыхъ правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Какъ то разъ, когда я говорилъ Сипягину въ присутствіи его жены, что мѣры эти не приведутъ къ добру, онъ, оправдывая ихъ и находя ихъ необходимыми, сказалъ мнѣ:

— Если бы ты зналъ, что отъ меня Государь требуетъ. Государь считаетъ, что я весьма слабъ.

Когда послѣ убійства Сипягина на его мѣсто былъ назначенъ Плеве, Мирскій откровенно съ нимъ объяснился и высказалъ, что, зная его идеи, не можетъ оставаться его помощникомъ. Плеве просилъ его нѣкоторое время остаться, дабы его уходъ не имѣлъ видъ демонстраціи и очень скоро послѣ того, Мирскій былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Вильну.

Вездѣ, гдѣ Мирскій служилъ, его всюду любили и уважали. Онъ несомнѣнно благороднѣйшій, честнѣйшій и благонамѣреннѣйшій человѣкъ съ малымъ государственнымъ опытомъ, довольно слабый физи-

чески, по природѣ умный и образованный. Вступивъ въ управленіе министерствомъ, онъ объявилъ принципъ, что управленіе Россіи должно зиждиться на довѣріи къ обществу. Это имъ было сказано одной депутаціи и сдѣлалось лозунгомъ того времени. Затѣмъ тоже самое имъ было сказано и развито какому то иностранному корреспонденту, который свое интервью напечаталъ.

Прочитавъ это въ Сочи, я сейчасъ же подумалъ: не сдобровать Мирскому. Еще въ Сочи мнѣ писали, что Государь недоволенъ интервью Мирскаго съ иностраннымъ корреспондентомъ. Въ октябрѣ я возвратился въ Петербургъ. Я хорошо зналъ и очень друженъ съ Мирскимъ. Какъ только я пріѣхалъ въ Петербургъ, я поѣхалъ къ нему. Тогда долженъ былъ собраться такъ называемый съѣздъ общественныхъ дѣятелей, составленный изъ земцевъ, городскихъ дѣятелей и нѣкоторыхъ политикановъ, сдѣлавшихся затѣмъ коноводами, такъ называемыхъ кадетовъ (Милюковъ, Гессенъ, Набоковъ и пр.). Съѣзды эти Плеве запрещалъ, такъ какъ они проводили идею водворенія конституціи. Замѣчательно, что многіе изъ дѣятелей этого съѣзда нынѣ бросились совсѣмъ вправо, но тогда всѣ образованные и, такъ называемые, интеллигентные люди, за самыми малыми исключеніями, требовали переворота, т.-е. объявили войну бюрократіи, а когда ихъ спрашивали, что они подразумѣваютъ подъ бюрократіей, то они отвѣчали: неограниченную верховную власть, но что они не могутъ такъ писать и говорить въ виду цензуры и репрессій.

При Плеве съѣзды эти собирались конспиративно, на частныхъ квартирахъ, но затѣмъ рѣшенія ихъ дѣлались всѣмъ извѣстными. Теперь они обратились къ Мирскому съ просьбою разрѣшить имъ этотъ съѣздъ гласно. Мирскій разрѣшилъ съ тѣмъ, чтобы съѣздъ собрался въ Петербургѣ и затѣмъ поставилъ нѣкоторыя ограничительныя условія.

При первомъ моемъ свиданіи съ Мирскимъ я ему поставилъ вопросъ, какъ относится Государь къ его дѣйствіямъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что когда Его Величество предложилъ ему занять постъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ Ему доложилъ, что ни физическія силы, ни способности не дозволяютъ ему принять этотъ постъ, но Государь настаивалъ на томъ, чтобы онъ исполнилъ Его желаніе, обѣщавъ ему нѣсколько мѣсяцевъ въ году отдыха. На это Мирскій доложилъ Его Величеству, что кромѣ того онъ имѣетъ свои политическіе взгляды и убѣжденія и что онъ не можетъ поступить иначе, какъ велитъ ему его совѣсть.

Взгляды его таковы, что правительство и общество въ настоящее время составляютъ два воинствующихъ лагеря, что такое положеніе дѣла зарождалось издавна, но несчастная война это положеніе довела до крайности и что такое положеніе вещей невозможно, такъ какъ государство при такихъ условіяхъ долго существовать не можетъ. Такимъ образомъ онъ считаетъ, что необходимо примирить правительство съ обществомъ, а это возможно только путемъ удовлетворенія назрѣвшихъ и справедливыхъ желаній общественныхъ круговъ, а равно и удовлетвореніемъ справедливыхъ желаній инородцевъ.

Государь ему сказалъ, что Онъ самъ того же мнѣнія и, что потому онъ не встрѣтитъ препятствій къ проведенію этихъ мыслей. Тогда Мирскій вѣрилъ, что это будетъ такъ. По поводу съѣзда я ему сказалъ, что, по моему мнѣнію, относительно этого съѣзда у него выйдетъ недоразумѣніе и что съѣздъ въ той или другой формѣ постановитъ желаніе конституціи а это, конечно, будетъ отвергнуто и что, слѣдовательно, вмѣсто начала примиренія правительства съ общественнымъ мнѣніемъ произойдетъ еще большее обостреніе.

Такъ и случилось. На его вопросъ, буду ли я его поддерживать по поводу его политики, я ему отвѣтилъ, что мои чувства и отношенія къ нему таковы, что я его, какъ Мирскаго, буду всегда поддерживать, а что касается его политики, то при теперешнемъ отношеніи ко мнѣ Государя, мои мнѣнія не будутъ имѣть значенія въ Его глазахъ... Но, если Государь меня будетъ призывать на совѣщанія, то я буду высказываться такъ, какъ это все время дѣлалъ съ полной откровенностью, не обращая вниманія на то, нравятся ли мои сужденія Государю и членамъ совѣщанія, или не нравятся.

Когда я вернулся въ Петербургъ, то ко мнѣ зашелъ одинъ чиновникъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы мнѣ сказать, что въ департаментѣ полиціи все ищутъ какую-то брошюру, мною написанную по поводу войны. Встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней Мирскаго, я его спросилъ, какую это брошюру ищетъ департаментъ полиціи. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ, и былъ удивленъ этимъ вопросомъ. На другой день онъ пріѣхалъ ко мнѣ и разсказалъ слѣдующее.

Дворцовый комендантъ генералъ-адъютантъ Гессе, помимо его, Мирскаго, передалъ директору департамента полиціи Лопухину Высочайшее повелѣніе, чтобы была розыскана брошюра, мною написанная по обстоятельствамъ, предшествовавшимъ войнѣ, и что департаментъ нашелъ, что такая брошюра была напечатана въ типографіи министерства

финансовъ. Найти же эту брошюру департаментъ не можетъ кромѣ нѣсколькихъ корректурныхъ листковъ. Затѣмъ Мирскій прибавилъ, что онъ высказалъ свое неудовольствіе Лопухину, что это дѣлается помимо него, и показалъ мнѣ найденные листки.

Я сейчасъ же узналъ, что дѣло идетъ о брошюрѣ совершенно академическаго характера, составленной канцеляріей министерства финансовъ въ бытность мою министромъ финансовъ, въ которой документально и кратко изложены всѣ обстоятельства по политикѣ на Дальнемъ Востокѣ до 1901 года. (Въ министерствѣ было въ обычаѣ составлять печатныя изданія по поводу всѣхъ выдающихся, касающихся министерства, событій и проектовъ.)

Брошюра эта самаго невиннаго содержанія при обыкновенномъ нормальномъ положеніи вещей (она приложена къ моей исторіи о возникновеніи русско-японской войны). Когда начались сумасшествія, приведшія къ войнѣ, опасаясь, чтобы факты, изложенные въ запискѣ, не попали въ печать и не отяготили положеніе лицъ, отвѣтственныхъ за безуміе, приведшее къ войнѣ, я приказалъ всѣ экземпляры этой брошюры сжечь, оставивъ лишь у себя нѣсколько экземпляровъ.

Разсмѣявшись по поводу сообщенія Мирскаго, я вынулъ изъ шкафа экземпляръ сказанной брошюры и сказалъ ему, чтобы онъ ее передалъ отъ моего имени Государю, доложивъ Ему, что я очень сожалѣю, что Государь не обратился за этой брошюрой прямо ко мнѣ. Послѣ я спрашивалъ Мирскаго, передалъ ли онъ брошюру Государю и сказалъ ли то, что я просилъ сказать. Мирскій отвѣтилъ утвердительно. Тогда я спросилъ:

— А что же сказалъ Государь?

Мирскій отвѣтилъ, что Онъ только спросилъ, навѣрно ли эта брошюра не распространена?

На что Мирскій Ему отвѣтилъ, что лучшимъ доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что департаментъ полиціи нѣсколько мѣсяцевъ старался ее достать, не жалѣя денегъ, а достать не могъ.

Въ это время война принимала все худшій и худшій оборотъ и потому у адмирала Абазы и дворцовой камарильи явилась мысль свалить войну на мою шею. Тогда уже начали появляться въ этомъ смыслѣ то въ одной, то въ другой газетѣ, въ особенности въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьи.

Князь Мещерскій по пріѣздѣ моемъ изъ Сочи обратился ко мнѣ съ просьбой, чтобы я попросилъ Мирскаго его принять, причемъ

заявилъ, что по его опытности онъ могъ бы ему принести громадную пользу. Я отказался отъ этого порученія, сказавъ, что зная Мирскаго, увѣренъ, что онъ не пожелаетъ имъ инспирироваться. Объ этомъ я между прочимъ передалъ Мирскому, указавъ на то, что Мещерскій находится въ постоянной перепискѣ съ Его Величествомъ. Мирскій мнѣ отвѣтилъ, что онъ это знаетъ и имѣлъ по этому предмету разговоръ съ Государемъ. Онъ мнѣ сказалъ, что какъ то Государь ему что то сказалъ о Мещерскомъ и что тогда Мирскій сказалъ Государю, что онъ съ такими личностями не знается, что фактъ постоянныхъ сношеній Государя съ Мещерскимъ извѣстенъ многимъ, и что всѣ порядочные люди сожалѣютъ и возмущаются этимъ, ибо порядочные люди не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ такими субъектами. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ отношенія Государя къ Мещерскому начали ослабѣвать и совсѣмъ прекратились, хотя Мещерскій продолжаетъ писать Государю свои политическія соображенія въ формѣ дневника[1].

Между тѣмъ во время этихъ внутреннихъ перипетій наши военныя дѣла на Дальнемъ Востокѣ съ каждымъ днемъ шли все хуже и хуже. Между Куропаткинымъ и Алексѣевымъ, конечно, происходили разногласія. Куропаткинъ, имѣя въ виду систему осмысленнаго отступленія до момента сбора всѣхъ необходимыхъ силъ, имѣлъ эту программу лишь въ головѣ, проповѣдуя все терпѣніе и терпѣніе, но проводить эту программу въ должной системѣ не могъ, ибо главнокомандующій Алексѣевъ, который въ сущности не принималъ никакого участія въ бояхъ, да и не могъ принимать никакого участія по полному невѣжеству въ этомъ дѣлѣ, проповѣдывалъ обратную систему, а именно, что намъ не только не нужно отступать, а нужно идти на Портъ-Артуръ и спасти и взять Портъ-Артуръ и выбить японцевъ. Ему, сидя въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, легко было говорить, что нужно идти на Портъ-Артуръ и взять его, но вопросъ заключался въ томъ, чѣмъ его взять.

Такимъ образомъ военныя дѣйствія находились подъ вліяніемъ двухъ плановъ, одинъ планъ Алексѣева, планъ наступленія на Портъ-Артуръ, а другой планъ Куропаткина, планъ осмысленнаго отступленія къ Харбину. Въ концѣ концовъ, конечно, ни одинъ изъ этихъ плановъ осмысленно не приводился къ исполненію. Обѣ стороны обращались

[1] Теперь отношенія эти сдѣлались опять интимными благодаря флигель-адъютанту капитану Нилову, который въ молодости былъ любимецъ Мещерскаго (1912 годъ).

въ Петербургъ и многія изъ дѣйствій на театрѣ войны происходили по командѣ изъ Петербурга. Конечно, такой способъ веденія войны былъ совершенно неслыханнымъ по своей абсурдности, а потому онъ и не могъ давать никакихъ другихъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, что мы систематически терпѣли самыя позорныя отступленія. Въ концѣ концовъ эта разноголосица дошла до такихъ размѣровъ, что намѣстникъ и главнокомандующій дѣйствующей арміей, Алексѣевъ былъ вызванъ въ Петербургъ и вмѣсто него главнокомандующимъ былъ назначенъ 14 Октября командующій войсками генералъ адъютантъ Куропаткинъ.

Князь Мирскій подалъ Государю докладъ съ приложеніемъ проекта указа о различныхъ вольностяхъ, въ томъ числѣ о привлеченіи въ Государственный Совѣтъ выборныхъ и о дарованіи полной свободы вѣроисповѣданія старообрядцамъ. Это былъ первый шагъ къ преобразованіямъ, задуманнымъ Мирскимъ. Какъ докладъ сей, такъ и проектъ указа составлялъ служащій министерства Крыжановскій подъ руководствомъ князя А. Оболенскаго (будущаго оберъ-прокурора), который, по обыкновенію, всюду вмѣшивался, всюду высказывалъ свои идеи, часто неглупыя, а большею частью внушенныя неспокойною душою, въ сущности неврастеніей. Онъ послѣ событій 17 октября мнѣ вполнѣ открылся.

Это по натурѣ умный и благонамѣренный Добчинскій, но страдавшій и понынѣ страдающій неврастеніей въ точномъ смыслѣ медицинскаго термина. О сказанномъ докладѣ я ничего не зналъ, никто тогда о немъ ничего не говорилъ и онъ нигдѣ не обсуждался. Мнѣ его передалъ князь Оболенскій значительно позже ухода Мирскаго и нынѣ онъ находится въ моемъ архивѣ.

Въ ноябрѣ 1904 года Государь собралъ совѣщаніе по вопросу о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры по поводу сказаннаго доклада Мирскаго. Въ совѣщаніе это были приглашены всѣ министры (Коковцевъ, Лобко, Ермоловъ, Муравьевъ, Ламсдорфъ, Сахаровъ, Великій Князь Александръ Михайловичъ, Мирскій, Побѣдоносцевъ, Авеланъ, затѣмъ Будбергъ (главноуправляющій комиссіей прошеній), Танѣевъ (главноуправляющій канцеляріей), генералъ-адмиралъ Рихтеръ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, графъ Сольскій, Э. В. Фришъ и я. Мнѣ передавали, что Государь не хотѣлъ меня приглашать, но Его уговорилъ Мирскій. Это мнѣ передавалъ князь Оболенскій.

Самый вопросъ поставленный въ совѣщаніи для меня былъ признакомъ того, что Государь далеко ушелъ въ своемъ политическомъ

міровоззрѣніи, ибо ранѣе, когда мнѣ приходилось при докладѣ говорить — таково общественное мнѣніе, то Государь иногда съ сердцемъ говорилъ:

— А мнѣ какое дѣло до общественнаго мнѣнія.

Государь совершенно справедливо считалъ, что общественное мнѣніе это есть мнѣніе «интеллигентовъ», а что касается Его мнѣнія объ интеллигентахъ, то князь Мирскій мнѣ говорилъ, что когда Государь ѣздилъ по западнымъ губерніямъ, и задолго до назначенія его, Мирскаго, министромъ, онъ въ качествѣ генералъ-губернатора Его сопровождалъ по ввѣреннымъ ему губерніямъ, то разъ за столомъ кто-то произнесъ слово «интеллигентъ», на что Государь замѣтилъ: какъ мнѣ противно это слово, добавивъ, вѣроятно, саркастически, что слѣдуетъ приказать академіи наукъ вычеркнуть это слово изъ русскаго словаря.

Государю внушали, что за него весь народъ, вся неинтеллигенція. Въ принципѣ это вѣрно: народъ всегда былъ за царей, которые были за народъ, но трудно ожидать, что весь народъ за царя, когда Государь управляетъ посредствомъ «дворцовой дворянской камарильи», которая, въ свою очередь, считаетъ, что она есть соль земли русской, что все должно дѣлаться для нея и во всякомъ случаѣ черезъ нее.

Если бы Государь послѣ Портсмутскаго мира Самъ по собственной иниціативѣ сдѣлалъ широкую крестьянскую реформу въ духѣ Александра II, Самъ по собственной иниціативѣ далъ извѣстныя вольности, давно уже назрѣвшія, какъ напримѣръ, освободилъ отъ всякихъ стѣсненій старообрядцевъ, смѣло сталъ на принципъ вѣротерпимости, устранилъ явно несправедливыя стѣсненія инородцевъ и пр., то не потребовалось бы 17 октября. Общій законъ таковъ, что народъ требуетъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ. Когда правительство систематически въ этомъ отказываетъ, то онъ приходитъ къ убѣжденію, что его желанія не могутъ быть удовлетворены даннымъ режимомъ, тогда въ народѣ экономическія и соціальныя требованія откладываются и назрѣваютъ политическія требованія, какъ средство для полученія экономическихъ и соціальныхъ преобразованій. Если затѣмъ правительство мудро не регулируетъ это теченіе, а тѣмъ паче, если начинаетъ творить безуміе (японская война), то разражается революція. Если революцію тушатъ (что мной и моими сотрудниками было сдѣлано — созывъ Думы), но затѣмъ продолжаютъ играть направо и налѣво, то водворяется анархія.

Величайшая анархія проявляется нынѣ въ дѣйствіяхъ такъ называемаго союза русскаго народа, являющагося вторымъ правительствомъ, и Государь сегодня подписываетъ акты правительства (министерства

Столыпина), а завтра своеволитъ, поощряетъ и думаетъ опираться на этихъ безсознательныхъ людей, руководимыхъ политическими негодяями или безумцами. Насколько Государь убѣжденъ, что за Него всегда будетъ весь народъ, можетъ быть характеризовано слѣдующимъ разговоромъ, который имѣлъ Мирскій не задолго до своего ухода съ поста министра внутреннихъ дѣлъ съ Императрицею Александрою Федоровною, которая руководитъ волею и склонностями Государя и которая больше всего виновата въ томъ, что царствованіе Николая II такъ несчастно для Него и для Россіи. Дай Богъ, чтобы не кончилось еще хуже, въ особенности для Него.

Зная Государя съ юношескихъ лѣтъ, я Его люблю, какъ человѣка, самымъ горячимъ и искреннимъ образомъ и если у меня накопляется иногда чувство злобы противъ Него, то чувство это подсказывается досадою за то, что Царь губитъ себя, Свой домъ и наноситъ раны Россіи, тогда какъ все это могло бы быть устранено, все это могло бы не быть.

Заговоривъ о политическомъ положеніи, Мирскій сказалъ Императрицѣ, что въ Россіи всѣ противъ существующихъ порядковъ. На это Императрица рѣзко замѣтила:

— Да, интеллигенція противъ Царя и Его правительства, но весь народъ всегда былъ и будетъ за Царя.

На это Мирскій отвѣтилъ:

— Да, это вѣрно, но событія всегда творитъ всюду интеллигенція, народъ же сегодня можетъ убивать интеллигенцію за Царя, а завтра — разрушитъ царскіе дворцы — это стихія.

Мнѣніе, высказанное Императрицею, было положено въ основаніе закона 6-го августа 1905 года о Думѣ. Весь выборный законъ былъ основанъ на томъ, что нужно дать главнѣйшій голосъ крестьянству; нужно, чтобы Дума была, если не крестьянская, то преимущественно крестьянская. Въ немъ историческая основа консерватизма.

Эту мысль, какъ мнѣ говорили, въ засѣданіяхъ, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ Его Величества въ Петербургѣ передъ 6-мъ августа, когда я былъ въ Америкѣ, усиленно проводили два столпа консерватизма: Побѣдоносцевъ и государственный контролеръ Лобко. Выборный Булыгинскій законъ легъ въ основаніе и выборнаго закона 12-го декабря 1906 года. Онъ не могъ не лечь въ его основаніе, какъ это видно изъ текста манифеста 17 октября 1905 года, такъ какъ манифестъ повелѣвалъ, не останавливая уже начатыхъ по закону 6-го августа выборовъ, сдѣлать въ немъ лишь возможныя расширенія.

Что же крестьянство дало въ первую и вторую думу? Наиболѣе крайніе лѣвые элементы и массу революціонеровъ. Вотъ тебѣ и консерватизмъ крестьянства! Консерватизмъ крестьянства въ настоящей стадіи его развитія и при настоящей взбаламученности — это фраза, ибо стихіи не подчиняются законопослѣдовательности.*

Возвращаюсь къ совѣщанію. Его Величеству угодно было высказать, что, въ виду того революціоннаго направленія, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливается въ Россіи, онъ созвалъ своихъ совѣтниковъ для того, чтобы обсудить, какія мѣры надлежитъ принять въ смыслѣ удовлетворенія желаній умѣреннаго и благоразумнаго общества; причемъ сперва былъ поставленъ вопросъ: нужно ли идти навстрѣчу этому обществу или надо продолжать прежнюю реакціонную политику Плеве, которая привела къ послѣдовательному убіенію двухъ министровъ внутреннихъ дѣлъ Сипягина и Плеве.

Мнѣ пришлось говорить первому; я высказалъ свое рѣшительное мнѣніе, что вести прежнюю политику реакцій — совершенно невозможно, что это приведетъ насъ къ гибели. Меня поддержали: графъ Сольскій, Фришъ, Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, Николай Валеріановичъ Муравьевъ и Владиміръ Николаевичъ Коковцевъ, причемъ послѣдній поддержалъ меня съ той точки зрѣнія, что при бывшемъ въ то время направленіи нашей внутренней политики, мы постепенно теряемъ довѣріе въ финансовыхъ кругахъ заграницей и такое положеніе дѣла при войнѣ, которая до настоящаго времени идетъ крайне для насъ неблагопріятно — можетъ привести финансы къ полному раззоренію.

Князь Мирскій почти не высказывалъ своего мнѣнія, потому что, очевидно, онъ свое мнѣніе высказалъ Государю ранѣе, наединѣ.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ относился къ нашимъ заявленіямъ критически, не высказываясь безусловно противъ; онъ всетаки свои реплики, свою рѣчь сводилъ на присущее ему направленіе т. е., что лучше всего ничего не дѣлать.

* Но наибольшій разговоръ возбудилъ вопросъ о привлеченіи выборныхъ къ участію въ законодательствѣ. Большинство говорило за, противъ говорилъ К. П. Побѣдоносцевъ. Вообще, какъ всегда, онъ говорилъ умно и его критическія замѣчанія были весьма сильны, но заключенія неопредѣленны. Я ничего не говорилъ, но когда Государь обратился ко мнѣ, чтобы я высказался по вопросу о выборахъ, я сказалъ, что, по моему убѣжденію, существующій порядокъ управленія государствомъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ его и находится въ противо-

рѣчіи съ самосознаніемъ почти всѣхъ интеллигентскихъ классовъ и что поэтому я раздѣляю мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ за необходимость этой мѣры, но нахожу, что выставляемый ими доводъ, будто бы это не поколеблетъ существующій государственный строй, не вѣренъ. Я, конечно, не думаю, чтобы они представляли этотъ доводъ, сознавая его вѣрность, дабы достигнуть того, къ чему они стремятся, но по моему глубокому убѣжденію всякое правильное организованное и постоянное участіе выборныхъ въ законодательствѣ неминуемо приведетъ къ тому, что называется конституціей. Какъ это бывало большею частью, совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Государя, когда не было опредѣленнаго написаннаго матеріала, никогда не приводили къ опредѣленно формулированнымъ заключеніямъ, такъ и было и на этотъ разъ.*

Въ концѣ концовъ, Его Величество согласился съ мнѣніемъ большинства, причемъ Государю благоугодно было поручить составить соотвѣтствующій проектъ указа мнѣ, какъ предсѣдателю комитета министровъ, и управляющему канцеляріей комитета министровъ барону Нольде, который тоже присутствовалъ на засѣданіи, но по своему положенію во время засѣданія молчалъ. Въ засѣданіи говорилось о тѣхъ предметахъ, которыхъ указъ долженъ коснуться. Указывалось на необходимость возстановить въ Россійской Имперіи законность, которая была значительно поколеблена въ послѣдніе годы, — а, кстати сказать, въ настоящее время и совсѣмъ свергнута въ пропасть; — на необходимость законовъ объ инославныхъ и иныхъ не православныхъ вѣроисповѣданіяхъ, и въ особенности, говорилось о необходимости уничтожить суровые законы относительно старообрядцевъ, говорили вообще о необходимости вѣротерпимости и большей свободы вѣроисповѣданій; высказывались о необходимости привлечь общественныхъ дѣятелей къ общественнымъ дѣламъ, особливо мѣстнымъ, т. е. иначе говоря, расширить земскія полномочія и земскую дѣятельность, а равно и городскія полномочія и городскую дѣятельность и проч. При этомъ былъ возбужденъ вопросъ: какимъ путемъ пересмотрѣть все надлежащее законодательство и сдѣлать въ немъ и въ жизни Россійскаго государства необходимыя преобразованія?

Было рѣшено, что всѣ эти вопросы должны быть разсмотрѣны въ комитетѣ министровъ, что комитетъ министровъ долженъ дать направленіе всѣмъ этимъ преобразованіямъ и, по мѣрѣ обсужденія вопросовъ, въ случаѣ необходимости, испрашивать Высочайшихъ указаній.

Это совѣщаніе окрылило духъ присутствующихъ; всѣ, повидимому, были взволнованы мыслью о новомъ направленіи государственнаго

строительства и государственной жизни, которую Его Величеству благоугодно дать Великой Россіи.

Престарѣлый графъ Сольскій въ концѣ засѣданія обратился къ Его Величеству отъ имени присутствующихъ съ прочувствованными словами о той благодарности, которую питаютъ всѣ присутствующіе и которую несомнѣнно раздѣляетъ и вся Россія къ почину Государя Императора.

Вся эта сцена была столь трогательна, что нѣкоторые изъ членовъ, а именно князь Хилковъ — министръ путей сообщенія и Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ расплакались.

Послѣ засѣданія я съ покойнымъ бар. Нольде занялся выработкой извѣстнаго историческаго указа 12-го декабря 1904 года, который я здѣсь не привожу, ибо всякій, кто имъ интересуется, можетъ его найти въ собраніи узаконеній.

Проектъ указа въ установленной мною и барономъ Нольде редакціи былъ подписанъ всѣми членами совѣщанія. Насколько я помню, лишь одинъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ сдѣлалъ нѣкоторыя затрудненія и я въ точности не увѣренъ: подписалъ онъ его или нѣтъ — кажется, подписалъ.

Проектъ этого указа подъ заглавіемъ: «О предначертаніяхъ къ усовершенствованію государственнаго порядка» — былъ представленъ Его Величеству.

Прошло нѣсколько дней и 11 декабря утромъ я получилъ записочку Его Величества, въ которой онъ меня просилъ пріѣхать къ нему вечеромъ. Я пріѣхалъ въ Царское Село послѣ обѣда.

Его Величество принялъ меня, по обыкновенію, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ, что Его Величество находится вмѣстѣ съ московскимъ генералъ-губернаторомъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ. Его Величество просилъ меня присѣсть. Мы втроемъ сѣли. Затѣмъ, Его Величество обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— Я указъ этотъ одобряю, но у меня есть сомнѣніе только по отношенію одного пункта.

(Это именно былъ тотъ пунктъ, въ которомъ говорилось о необходимости привлеченія общественныхъ дѣятелей въ законодательное учрежденіе того времени, а именно Государственный Совѣтъ.)

Его Величество сказалъ мнѣ, чтобы я совершенно откровенно высказалъ ему свое мнѣніе по поводу этого пункта и далъ ему совѣтъ: оставить этотъ пунктъ или не оставлять.

Я отвѣтилъ Государю Императору, что указъ этотъ, а въ томъ числѣ и пунктъ, о которомъ Его Величеству угодно говорить, составленъ подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ, а посему, по существу, я этотъ пунктъ раздѣляю и считаю, что нынѣ своевременно пойти на мѣру, которую этотъ пунктъ провозглашаетъ. Что же касается повелѣнія Его Величества дать ему совѣтъ, то я по совѣсти долженъ сказать слѣдующее: привлеченіе представителей общества, особливо въ выборной формѣ въ законодательныя учрежденія есть первый шагъ къ тому, къ чему стихійно стремятся всѣ культурныя страны свѣта, т.-е. къ представительному образу правленія, къ конституціи; несомнѣнно, то будетъ первый весьма умѣренный и ограниченный шагъ по этому пути — но со временемъ онъ можетъ повести и къ слѣдующимъ шагамъ, а поэтому мой совѣтъ таковъ: если Его Величество искренно, безповоротно пришелъ къ заключенію, что невозможно идти противъ всемірнаго историческаго теченія, то этотъ пунктъ въ указѣ долженъ остаться; но если Его Величество, взвѣсивъ значеніе этого пункта и имѣя въ виду, — какъ я ему докладываю — что этотъ пунктъ есть первый шагъ къ представительному образу правленія — съ своей стороны находитъ, что такой образъ правленія недопустимъ, что онъ его самъ лично никогда не допуститъ, — то, конечно, съ этой точки зрѣнія осторожнѣе было бы пунктъ этотъ не помѣщать.

Во время этого разговора зашла рѣчь о земскихъ соборахъ. Я высказалъ убѣжденіе, что земскіе соборы — это есть такая почтенная старина, которая при нынѣшнемъ положеніи не примѣнима; составъ Россіи, ея отношенія къ другимъ странамъ и степень ея самосознанія и образованія и вообще идеи XX и XVI вѣка совсѣмъ иныя.

Когда я высказалъ свое мнѣніе, Его Величество посмотрѣлъ на Великаго Князя, который, видимо, былъ доволенъ моимъ отвѣтомъ и одобрилъ его.

Послѣ этого Государь сказалъ мнѣ:

— Да я никогда, ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на представительный образъ правленія, ибо я его считаю вреднымъ для ввѣреннаго мнѣ Богомъ народа, и поэтому я послѣдую Вашему совѣту и пунктъ этотъ вычеркну.

Затѣмъ онъ всталъ, очень меня поблагодарилъ.

Я откланялся Государю и Великому Князю и съ указомъ, въ которомъ былъ вычеркнутъ этотъ пунктъ (а впослѣдствіи утвержденъ Государемъ), вернулся въ Петербургъ.

Какъ разъ въ этотъ день было совѣщаніе по сельско-хозяйственной промышленности. Въ виду того, что я былъ въ отсутствіи, вмѣсто меня предсѣдательствовалъ старѣйшій членъ Семеновъ-Тянь-Шанскій. Я вернулся, когда засѣданіе[1] еще не было кончено, и вступилъ въ предсѣдательствованіе.

На засѣданіи находился, между прочимъ, и кн. Мирскій. Я написалъ кн. Мирскому на бумажкѣ приблизительно слѣдующія строки: «Указъ утвержденъ и посылается для опубликованія, но такой-то пунктъ вычеркнутъ».

Это сообщеніе, повидимому, очень огорчило кн. Мирскаго. Послѣ засѣданія я подробно объяснилъ ему все происшедшее. Указъ этотъ былъ опубликованъ въ собраніи узаконеній 12 декабря 1904 года.

11-го вечеромъ я видѣлъ послѣдній разъ Великаго Князя Сергѣя Александровича.

Наступилъ 1905 годъ. Смута въ Россіи въ умахъ всего общества, безъ исключенія, во всѣхъ его слояхъ все болѣе и болѣе росла по мѣрѣ нашихъ постыдныхъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ.

Центральнымъ мѣстомъ проявленія смутъ, или выражаясь болѣе современно, революціоннаго настроенія, революціоннаго движенія была все время Москва.

Великій Князь Сергѣй Александровичъ, по существу весьма благородный и честный человѣкъ, но вслѣдствіе, съ одной стороны, своей ограниченности и государственной неопытности, а съ другой стороны упрямаго характера, проводившій въ Москвѣ реакціонныя полицейскія мѣры, которыя крайне озлобляли всѣ слои общества — всталъ въ Москвѣ въ положеніе совсѣмъ невозможное.

Между прочимъ, къ несчастью, онъ окружалъ себя лицами крайне ограниченными, съ полицейскими инстинктами, таковъ былъ и. д. оберъ-полицеймейстера во время Ходынки полк. Власовскій, таковъ былъ и оберъ-полицеймейстеръ генералъ Треповъ, который въ сущности говоря, былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ.

Такъ какъ направленіе политики Вел. Кн. Сергѣя Александровича, а въ сущности говоря, политики генерала Трепова, не могло получить

[1] Засѣданіе это происходило въ совѣтской комнатѣ министра финансовъ.

никакой поддержки въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ князѣ Святополкъ-Мирскомъ, то Великій Князь благоразумно пожелалъ оставить постъ генералъ-губернатора и 1-го января 1905 года былъ освобожденъ отъ этой должности, но назначенъ командующимъ войсками московскаго военнаго округа, а вмѣсто него остался его помощникъ Булыгинъ.

Въ 1905 году революціонная завируха въ Россіи начала разыгрываться быстрыми шагами.

Уходъ Великаго Князя съ поста генералъ-губернатора для министра юстиціи Николая Валеріановича Муравьева, который былъ въ высокой степени умный, ловкій и замѣчательно талантливый человѣкъ, былъ признакомъ того, что наступаетъ эра всевозможныхъ случайностей и катастрофъ, а поэтому, какъ крысы передъ бурей покидаютъ корабль, такъ и онъ рѣшилъ устроиться гдѣ нибудь въ болѣе тихой бухтѣ, понимая, что всю эту карьеру, въ сущности, ему сдѣлалъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, что пока еще Сергѣй Александровичъ въ силѣ, а тамъ, Богъ знаетъ, что будетъ, — можетъ быть у него уже было предчувствіе, что Великому Князю Сергѣю Александровичу, съ одной стороны, вслѣдствіе своей прямолинейности и ограниченности, а съ другой стороны, чести и благородства — не сдобровать, что анархисты будутъ на него точить зубы. Въ виду этихъ обстоятельствъ и послѣ всѣхъ этихъ событій, — Муравьевъ упросилъ Великаго Князя Сергѣя Александровича походатайствовать передъ Государемъ, чтобы его сдѣлали посломъ, причемъ онъ очень ходатайствовалъ, чтобы его назначили посломъ въ Парижъ; но въ Парижѣ никакъ не могли открыть вакансіи. Когда же открылся постъ въ Вѣнѣ, — туда былъ назначенъ римскій посолъ Урусовъ, — а Муравьевъ былъ назначенъ въ Римъ[1].

Если бы только указъ 12 декабря, даже и съ вычеркнутымъ пунктомъ получилъ быстрое, полное, а главнымъ образомъ, искреннее осу-

---

[1] *Муравьевъ человѣкъ съ большимъ талантомъ рѣчи, образованный, умный, но что касается нравственности — очень слабъ. Если бы онъ не былъ Муравьевъ, а родился въ семьѣ какого нибудь мѣщанина Иванова, то, конечно, давно бы кончилъ очень плохо.

Когда я оставилъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ и явился къ Государю откланяться, Онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ, что хотѣлъ предложить мѣсто предсѣдателя совѣта Муравьеву и прибавилъ:

— Но онъ пользуется такой дурной репутаціей, какъ человѣкъ, что Я оставилъ эту мысль.

Тѣмъ не менѣе это не помѣшаетъ Государю при случаѣ назначить его на другой выдающійся постъ.*

ществленіе, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ значительно бы способствовалъ къ успокоенію революціоннаго настроенія, разлитаго во всѣхъ слояхъ общества.

Къ сожалѣнію, какъ это будетъ видно изъ послѣдующихъ моихъ разсказовъ, осуществленіе указа встрѣтило скрытыя затрудненія, а затѣмъ и крайне неискреннее къ нему отношеніе — черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ этотъ указъ былъ изданъ.

Вслѣдствіе этого, указъ 12 декабря не могъ послужить къ успокоенію общества, а напротивъ, иногда служилъ еще къ большему возбужденію общества, ибо если не все, то часть общества скоро и легко разобралась въ томъ, что то, что было дано, уже желаютъ свести на нѣтъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

9 ЯНВАРЯ

6-Го января, во время традиціонной процессіи крещенія, когда Его Величество со всѣмъ духовенствомъ и блестящею свитою вошелъ въ бесѣдку присутствовать на освященіи воды митрополитомъ и когда, послѣ этого священнаго акта, традиціонно съ Петропавловской крѣпости, находящейся противъ бесѣдки, на другой сторонѣ Невы, начали стрѣлять орудія, то оказалось, что одно изъ орудій было заряжено не холостымъ зарядомъ, а боевымъ, хотя и весьма устарѣлымъ, тѣмъ не менѣе если бы этотъ снарядъ попалъ въ бесѣдку, то онъ могъ бы произвести большую катастрофу.

Изъ разслѣдованія потомъ оказалось, что это былъ простой промахъ, простая случайность, и Государь Императоръ отнесся къ лицамъ, допустившимъ этотъ промахъ, эту случайность, — крайне милостиво, какъ вообще Государь всегда относится къ военнымъ, — къ этому сословію Его Величество особливо милостивъ, особливо добръ.

Тѣмъ не менѣе случай этотъ во многихъ слояхъ общества трактовался какъ покушеніе, если не на царскую жизнь, то на царское спокойствіе.

Не прошло послѣ этого и 3-хъ дней, а именно 9-го января — произошло извѣстное шествіе рабочихъ подъ главенствомъ священника Гапона.

Я ранѣе имѣлъ случай говорить о тѣхъ полицейскихъ организаціяхъ рабочихъ, которыя ввелъ покойный Плеве и которыя получили наименованіе «Зубатовщины». Тогда же я разсказывалъ о приглашеніи въ руководители рабочихъ священника Гапона, къ которому Плеве питалъ полное довѣріе.

Это довѣріе къ полицейскимъ рабочимъ организаціямъ послѣ ссылки во Владиміръ Зубатова и убіенія Плеве — сохранилось у тогдашняго градоначальника генерала Фулона.

Генералъ Фулонъ замѣнилъ градоначальника генерала Клейгельса, который былъ сдѣланъ Его Величествомъ генералъ-адъютантомъ и отправленъ въ Кіевъ занять мѣсто генералъ-губернатора послѣ ухода генерала Драгомирова.

Назначеніе Клейгельса генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ очень всѣхъ удивило, ибо, хотя Клейгельсъ и былъ недурной градоначальникъ, по крайней мѣрѣ не хуже другихъ, которые были ранѣе его, напримѣръ генерала фонъ Валя и несомнѣнно лучше бывшихъ послѣ него, а въ томъ числѣ и нынѣшняго градоначальника Драчевскаго, — но тѣмъ не менѣе онъ представлялъ собой человѣка весьма ограниченнаго, малокультурнаго и гораздо болѣе знающаго природу жеребцовъ, нежели природу людей. Но какъ человѣкъ — Клейгельсъ былъ недурной и довольно комичный, комичный своею важностью. Въ молодости, вѣроятно, онъ былъ красивый гренадеръ и будучи градоначальникомъ, — хотя въ то время онъ былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, — онъ всегда держалъ себя съ сознаніемъ своей красоты, и именно красоты гренадерской, связанной съ внѣшнимъ величіемъ. Причемъ, когда онъ начиналъ говорить, то говорилъ съ разстановкой, крайне возвышенными словами, часто иностраннаго происхожденія.

Очень часто Клейгельсъ начиналъ разговоръ съ сакраментальной фразы: «хотя я человѣкъ извѣстныхъ формъ, но...» и т. д. — далѣе идетъ какая нибудь мысль.

Такимъ образомъ, большинство петербуржцевъ знало, о комъ идетъ рѣчь, если кто нибудь произносилъ фразу: «хотя я человѣкъ извѣстныхъ формъ» — значитъ, разговоръ идетъ о Клейгельсѣ.

Кстати сказать, Клейгельсъ, сдѣлавшись генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ, во время своего довольно кратковременнаго генералъ-губернаторства ничего ни дурного, ни хорошаго не сдѣлалъ, и мѣстнымъ населеніемъ, если не былъ любимъ, то и не былъ ненавидимъ. Но передъ самымъ 17 октября, когда революція разразилась во всю, когда я вступилъ на постъ предсѣдателя совѣта министровъ и въ Кіевѣ появились громадные безпорядки — Клейгельсъ какъ бы исчезъ со сцены и затѣмъ былъ уволенъ съ должности генералъ-губернатора и на мѣсто генералъ-губернатора былъ назначенъ нынѣшній военный министръ Сухомлиновъ, бывшій тогда командующій войсками въ Кіевѣ (кстати сказать, онъ какъ передъ 17 октября, такъ и послѣ 17 октября не былъ въ Кіевѣ, а былъ заграницей).

На мѣсто Клейгельса петербургскимъ градоначальникомъ былъ назначенъ генералъ Фулонъ, который былъ начальникомъ жандармовъ въ Царствѣ Польскомъ.

Генералъ Фулонъ, несомнѣнно, по существу порядочный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, крайне воспитанный, милый, но, конечно, совершенно чуждый и полицейскому духу, полицейскимъ пріемамъ, и полицейскому характеру. Онъ былъ бы гораздо болѣе на своемъ мѣстѣ, если бы, напримѣръ, онъ завѣдывалъ петербургскими институтами. Вслѣдствіе такого своего характера, Фулонъ вполнѣ довѣрился Гапону и той полицейской организаціи, которую Гапонъ долженъ былъ устроить съ полицейскими цѣлями, и которая, затѣмъ, преобразилась въ демонстрирующую силу.

Какъ я предсказывалъ при началѣ организаціи Зубатовщины, всѣ эти организаціи, дѣлаемыя съ цѣлью держать рабочихъ въ полицейскихъ рукахъ, хотя бы при помощи несправедливаго отношенія къ интересамъ капиталистовъ — должны привести въ извѣстный моментъ къ тому, что эти организаціи стряхнутъ съ себя полицейское направленіе и воспримутъ въ той или другой мѣрѣ соціалистическіе принципы борьбы съ капиталомъ, борьбы не только мирнымъ путемъ, но и силой, и, въ этомъ смыслѣ, представятъ значительную общественную опасность.

Когда, еще въ 1903 году, началось смутное революціонное броженіе, какъ на верхахъ, такъ и внизу, то, конечно, всѣ рабочія организаціи, прежде всего, восприняли революціонный духъ и революціонное настроеніе.

Попъ Гапонъ, если бы и хотѣлъ, то не могъ бы удержать этого теченія; но ему и не было никакого расчета удерживать, ибо, какъ я уже говорилъ, въ то время всѣ, или во всякомъ случаѣ большинство, спятили съ ума, требуя полнаго переустройства Россійской Имперіи на крайне демократическихъ началахъ народнаго представительства.

Если въ то время такихъ идей держались Меньшиковъ и кн. Мещерскій, нынѣ ежедневно пишущіе самыя удивительныя реакціонныя статьи совершенно зоологическаго характера, то что же удивительнаго, что не устоялъ и бѣдный попъ Гапонъ.

За нѣсколько дней до 9 января было извѣстно, что рабочіе приготовляютъ петицію Государю Императору, въ которой они предъявляютъ различныя не то просьбы, не то требованія, касающіяся ихъ бытія. Конечно, требованія эти были крайне односторонни, преувеличенны

и не безъ извѣстнаго оттѣнка революціонизма, хотя они и были написаны въ довольно приличной формѣ.

И вотъ, Гапонъ долженъ былъ повести всѣхъ этихъ рабочихъ, многія тысячи человѣкъ, на Дворцовую площадь — бить челомъ Государю Императору; причемъ они представляли себѣ, что увидятъ Его Величество, вручатъ ему эту просьбу и затѣмъ спокойно удалятся.

Было бы это такъ или нѣтъ — я утверждать не берусь, но полагаю, что если бы я былъ во главѣ правительства, то я не посовѣтовалъ бы Государю выйти къ этой толпѣ и принять отъ нихъ прошеніе, но съ другой стороны, вѣроятно, я бы далъ совѣтъ, чтобы Его Величество уполномочилъ или главу правительства или одного изъ генералъ-адъютантовъ взять это прошеніе и предложить рабочимъ разойтись, предупредивъ, что прошеніе это будетъ разсмотрѣно и по нему послѣдуютъ тѣ или другія распоряженія. Если же рабочіе не разошлись бы, то, конечно, я употребилъ бы противъ нихъ силу.

Но дѣло разыгралось иначе.

Все это движеніе было для градоначальника Фулона совершенною неожиданностью; онъ относился къ Гапону и ко всѣмъ его организаціямъ крайне благодушно и увѣрялъ министра внутреннихъ дѣлъ, что ничего серьезнаго произойти не можетъ.

Самъ Гапонъ, какъ оказывается, пытался видѣться съ министромъ юстиціи и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; видѣлся ли онъ съ ними или нѣтъ, я не знаю, но, во всякомъ случаѣ, копія петиціи, которую они предполагали подать, была имъ передана. Точно также и я получилъ у себя на дому, будучи предсѣдателемъ комитета министровъ, копію этой петиціи.

Такъ какъ шествіе рабочихъ было назначено на 9-е января, то 8-го у министра внутреннихъ дѣлъ было засѣданіе по вопросу о томъ, какъ надлежитъ поступить.

* 8-го января я видѣлъ министра юстиціи, который, разставаясь со мной, мнѣ сказалъ:

— Сегодня вечеромъ увидимся.

Я спросилъ:

— Гдѣ?

Онъ отвѣтилъ:

— У Мирскаго, тамъ будетъ совѣщаніе о томъ, какъ поступить завтра съ рабочими, которые подъ предводительствомъ Гапона рѣшили явиться на Дворцовую площадь и просить Государя принять отъ нихъ петицію.

Я на это ему сказалъ:

— Я никакого приглашенія не получалъ.

Онъ отвѣтилъ:

— Навѣрное получите. Я въ особенности указывалъ Мирскому на необходимость васъ пригласить, такъ какъ вы такъ близко знаете рабочій вопросъ, всю жизнь имѣя съ нимъ соприкосновеніе.

Никакого приглашенія я не получилъ и, какъ мнѣ передавали впослѣдствіи, потому что Коковцевъ просилъ Мирскаго не приглашать меня[1]. Вечеромъ 8-го ко мнѣ вдругъ явилась депутація переговорить по поводу дѣла чрезвычайной важности. Я ее принялъ. Между ними я не нашелъ ни одного знакомаго. Изъ нихъ по портретамъ я узналъ почетнаго академика Арсеньева, писателя Анненскаго, Максима Горькаго, а другихъ не узналъ. Они начали мнѣ говорить, что я долженъ, чтобы избѣгнуть великаго несчастія, принять мѣры, чтобы Государь явился къ рабочимъ и принялъ ихъ петицію, иначе произойдутъ кровопролитія. Я имъ отвѣтилъ, что дѣла этого совсѣмъ не знаю и потому вмѣшиваться въ него не могу; кромѣ того оно до меня, какъ предсѣдателя комитета министровъ, совсѣмъ не относится. Они ушли недовольные, говоря, что въ такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь.

Какъ только они ушли, я по телефону передалъ Мирскому объ этомъ инцидентѣ.*

Утромъ 9-го января, какъ только я всталъ, я увидѣлъ, что на улицѣ по Каменноостровскому проспекту шла большая толпа рабочихъ съ хоругвями, образами и флагами; между ними много женщинъ и дѣтей, а кромѣ того, много изъ любопытныхъ.

Какъ только эта толпа, или вѣрнѣе процессія, прошла, я поднялся къ себѣ на балконъ, съ котораго виденъ Троицкій мостъ, куда рабочіе направлялись.

Не успѣлъ я подняться на балконъ, какъ услышалъ выстрѣлъ и мимо меня пролетѣло нѣсколько пуль, а затѣмъ послѣдовалъ систематическій рядъ выстрѣловъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ значительная толпа народа хлынула обратно по Каменноостровскому проспекту, причемъ многіе несли раненыхъ и убитыхъ, взрослыхъ и дѣтей.

Оказалось, что на основаніи совѣщанія, которое происходило 8 января вечеромъ, было рѣшено, чтобы рабочихъ манифестантовъ, или эти толпы рабочихъ — не допускать далѣе извѣстныхъ предѣловъ, находящихся близъ Дворцовой площади. Такимъ образомъ, демонстрація рабо-

[1] В. Н. Коковцевъ будто бы сказалъ, что меня не слѣдуетъ приглашать, такъ какъ я несомнѣнно буду поддерживать интересы рабочихъ.

чихъ допускалась вплоть до самой площади, но на нее вступать рабочимъ не дозволялось. Поэтому, когда они подходили къ площади (это было около Троицкаго моста), то ихъ встрѣчали войска: военные требовали отъ рабочихъ, чтобы они далѣе не шли или возвращались обратно, предупредивъ, что если они сейчасъ не возвратятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Такъ было поступлено вездѣ. Рабочихъ предупредили, они не вѣрили, что въ нихъ будутъ стрѣлять, и не удалились. Всюду послѣдовали выстрѣлы, залпы и, такимъ образомъ, были убиты и ранены, насколько я помню, больше 200 человѣкъ.

Это событіе, конечно, послужило орудіемъ для лицъ, ведшихъ смуту и революцію, для еще большаго возмущенія народа. Всю эту исторію саму по себѣ непріятную, и, по моему мнѣнію, весьма неискусно направленную, конечно, еще взмылили такъ, что начали разсказывать уже по всей Россіи о томъ, что были убиты тысячи людей и только изъ за того, что они хотѣли подать своему Государю петицію относительно ихъ тяжелаго положенія. Но даже между благоразумными людьми эта исторія произвела очень дурное впечатлѣніе.

Послѣ этой катастрофы Гапонъ скрылся, бѣжалъ.

Это была первая кровь, пролитая въ довольно обильномъ количествѣ, которая какъ бы напутствовала къ широкому теченію, такъ называемую, русскую революцію 1905 года.

Эта Гапоновская катастрофа произвела смуту не только въ обществѣ, но и въ рядахъ правительства. Всѣ начали критиковать министра внутреннихъ дѣлъ, кн. Святополкъ-Мирскаго, обвиняя его въ слабости, я, съ своей стороны, при всей дружбѣ и уваженіи къ кн. Святополкъ-Мирскому, конечно, не могъ не признать, что въ этомъ дѣлѣ онъ показалъ себя слабымъ, довѣрившимся человѣку еще болѣе слабому, нежели онъ — градоначальнику ген. Фулону, который, между прочимъ, былъ назначенъ градоначальникомъ по рекомендаціи дворцоваго коменданта Гессе; первое время къ нему весьма благосклонно относился и Государь Императоръ.

Какъ я уже говорилъ, 1 января ушелъ московскій генералъ-губернаторъ, поэтому, конечно, не могъ оставаться на своемъ посту и оберъ-полицеймейстеръ генералъ Треповъ, который въ сущности и представлялъ собою московскаго генералъ-губернатора.

Треповъ сдѣлалъ это довольно демонстративно, объяснивъ свой уходъ тѣмъ, что онъ не можетъ служить съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, потому что совсѣмъ не раздѣляетъ его направленія.

Треповъ рѣшилъ ѣхать на Дальній Востокъ, на войну, и просилъ дать ему хотя бы бригаду. Но тѣмъ не менѣе, ранѣе чѣмъ поѣхать туда, онъ заѣхалъ въ Петербургъ, а такъ какъ онъ, съ одной стороны, былъ офицеръ коннаго полка и былъ въ большой связи съ коннымъ полкомъ, а съ другой стороны, конный полкъ являлся самымъ вліятельнымъ въ послѣднее десятилѣтіе, ибо министръ двора баронъ Фредериксъ, а вслѣдствіе этого и всѣ высшіе чины министерства двора также были изъ коннаго полка, то, конечно, генералъ Треповъ нашелъ пути къ тому, чтобы объяснить, что такого человѣка, какъ онъ, такого твердаго, рѣшительнаго и вѣрнаго, на котораго можно положиться, отпускать въ такое смутное время не слѣдуетъ, что именно ему слѣдуетъ поручить борьбу со смутой, революціей и крамолой и тогда онъ покажетъ, «гдѣ раки зимуютъ».

Поэтому, вмѣсто того, чтобы ѣхать изъ Петербурга на Дальній Востокъ, по рекомендаціи и настоянію министра двора, бывшаго командира коннаго полка, барона Фредерикса, и при поддержкѣ всѣхъ своихъ товарищей, офицеровъ коннаго полка, Треповъ получилъ назначеніе. 11 января, черезъ три дня послѣ Гапоновской катастрофы, было учреждено С.-Петербургское генералъ-губернаторство и на должность С.-Петербургскаго генералъ-губернатора былъ назначенъ генералъ-маіоръ Треповъ, который къ тому же еще поселился въ одномъ изъ отдѣленій Зимняго дворца.

Конечно, при такомъ оборотѣ дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскій не могъ оставаться министромъ внутреннихъ дѣлъ и, такимъ образомъ, черезъ недѣлю послѣ назначенія Трепова, а именно 18 января, онъ былъ уволенъ съ этого поста.

Говорятъ, что когда кн. Святополкъ-Мирскій увольнялся, то ему было предложено занять постъ Кавказскаго Главноначальствующаго; постъ этотъ въ то время былъ вакантенъ, вслѣдствіе увольненія князя Голицына, — но, затѣмъ, къ этому вопросу никогда болѣе уже не возвращались. Кн. Святополкъ-Мирскій считалъ, что этотъ постъ ему обѣщанъ и онъ туда долженъ ѣхать, но никто ему объ этомъ болѣе не упоминалъ. Князь Мирскій и до настоящаго времени состоитъ лишь генералъ-адъютантомъ Его Величества. Онъ ведетъ свѣтскую жизнь и никакими политическими дѣлами не занимается; никогда, ни въ какой мѣрѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не кривитъ душой; никогда ни о какихъ дѣлахъ не говоритъ, никогда ничего не разсказываетъ, но если спросятъ его мнѣніе, то кн. Мирскій высказывается такъ, какъ онъ высказывался

будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ и ранѣе, когда онъ еще не былъ министромъ.

Передъ моимъ выѣздомъ за границу въ іюнѣ мѣсяцѣ сего (1907) года я какъ то говорилъ съ Мирскимъ о печальномъ, если не ужасномъ положеніи дѣлъ. Онъ мнѣ сказалъ, что всѣ приключившіяся несчастья основаны на характерѣ Государя. Государь, которому ни въ чемъ нельзя вѣрить, ибо то, что сегодня Онъ одобряетъ, завтра отъ этого отказывается, не можетъ установить въ Имперіи спокойствіе. Когда Мирскій уходилъ и представлялся, съ нимъ были очень ласковы, хотя не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта, а какъ только онъ уѣхалъ, на него посыпались всякія нареканія. Оказалось, что онъ виновенъ во всякихъ безпорядкахъ, что онъ есть начало революціи, что какъ только онъ произнесъ, что хочетъ управлять, довѣряя Россіи, — все пропало. Конечно, крайнія черносотенныя газеты объявили, что онъ полякъ, измѣнникъ и другъ жидовъ. Однимъ словомъ, на него полились безъ удержу всѣ зловонные отбросы всѣхъ россійскихъ помойныхъ ямъ, наполняющихъ умы, сердца и совѣсть такъ называемыхъ «истинно-русскихъ» людей, находящихся подъ главенствомъ мелкаго мошенника Дубровина. Мирскій около года былъ въ деревнѣ и за границею; когда въ августѣ 1906-го года онъ вернулся въ Петербургъ, то, какъ генералъ-адъютантъ, желалъ представиться Государю и Императрицѣ. Его не захотѣли принять. Онъ подалъ въ отставку. Тогда въ этотъ инцидентъ вмѣшался баронъ Фредериксъ (министръ двора) и Столыпинъ. Мирскаго приняли. Какъ водится, были очень любезны и, какъ будто ничего никогда не было.

Съ уходомъ кн. Святополкъ-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и, въ сущности говоря, до извѣстной степени даже диктаторомъ явился новый генералъ-губернаторъ Треповъ, ибо петербургскій генералъ-губернаторъ съ особыми полномочіями, имѣющій полное довѣріе Самодержавнаго Монарха и ни съ кѣмъ, кромѣ Государя Императора, не считающійся — самъ по себѣ уже является, если не по формѣ, то по существу диктаторомъ.

Поэтому, конечно, отъ Трепова зависѣло, кого онъ выберетъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ рекомендовалъ Булыгина, замѣнявшаго въ Москвѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича, а ранѣе бывшаго помощникомъ московскаго генералъ-губернатора.

Булыгинъ представлялъ собою человѣка въ высокой степени порядочнаго, честнаго, благороднаго, очень неглупаго, человѣка съ довольно обширными государственными познаніями, но по характеру и натурѣ человѣка благодушнаго, не любящаго ни особенно труднаго положенія, ни борьбы, ни политической суеты.

Именно такой человѣкъ былъ самымъ подходящимъ для Трепова. Будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, въ сущности говоря, велъ лишь только вопросы спокойные, а всѣ вопросы неспокойные, которые и составляли, въ то время, всю суть положенія дѣла — велись или самимъ Треповымъ или подъ его вліяніемъ на самаго Булыгина и, въ особенности, на Его Величество.

Вслѣдствіе этого, несмотря на то, что Булыгинъ былъ, можно сказать, назначенъ Треповымъ, онъ все таки не могъ съ нимъ ужиться и въ теченіе почти всего этого времени Булыгинъ, если и не ссорился постоянно съ Треповымъ, то, во всякомъ случаѣ, и не сходился съ нимъ.[1] Такъ что Треповъ велъ свою линію особо и Булыгинъ тоже велъ особо свою линію. Булыгинъ, какъ человѣкъ безусловно честный, благородный, а также спокойный, конечно, не могъ слѣдовать по пути Трепова, по тому пути, который отличался полными неожиданностями въ рѣшеніяхъ, неожиданностями, соотвѣтствующими некультурности и невѣжеству этого гвардейскаго офицера.

*Почему именно Треповъ былъ назначенъ? Во первыхъ, потому, что разъ палъ престижъ Мирскаго, то естественно въ умѣ Государя явилась мысль назначить лицо противоположныхъ воззрѣній, а эти воззрѣнія у Трепова казались противоположными потому, что Треповъ рѣзко Государю критиковалъ Мирскаго. Такая система дѣйствія соотвѣтствуетъ натурѣ Государя, постоянно качаться то въ одно направленіе, то въ другое. Вся система Государя это, если можно такъ выразиться, есть качаніе на политическихъ качеляхъ. Теперь Государь качается на качеляхъ, на одной сторонѣ которой находится, кажется, порядочный, но недалекій Столыпинъ, а на другой негодяй, типъ лейбъ-кабатчика — Дубровинъ. Во вторыхъ, потому что Треповъ по наружности своей представлялъ браваго генерала съ страшными глазами, но главное, онъ былъ изъ конной гвардіи, а такъ какъ Фредериксъ самъ былъ въ конной гвардіи и командовалъ этимъ полкомъ, то для него высшей аттестаціей человѣка было то, что сей человѣкъ служилъ въ конной гвардіи, особливо въ то время, когда Фредериксъ былъ ея командиромъ. Когда Треповъ сталъ генералъ-губернаторомъ, то онъ возымѣлъ благую мысль уничтожить ужас-

[1] До 17 октября, когда я вступилъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, а Булыгинъ и Треповъ должны были уйти.

ное впечатлѣніе, произведенное на рабочихъ 9-мъ января. Но соотвѣтственно своимъ полицейскимъ воззрѣніямъ для сего выдумалъ такой способъ.

Поузнавши отъ фабрикантовъ имена такихъ рабочихъ, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, которыхъ можно было даже сдѣлать сыщиками по самымъ важнымъ политическимъ дѣламъ, онъ неожиданно взялъ десятокъ такихъ человѣкъ, повезъ ихъ въ Царское Село и представилъ Государю, какъ представителей петербургскихъ рабочихъ. Рабочіе эти засвидѣтельствовали Государю свои вѣрноподданническія чувства, а Его Величество сказалъ имъ заранѣе приготовленную рѣчь о томъ, что Онъ знаетъ ихъ нужды и сдѣлаетъ для нихъ все возможное; затѣмъ ихъ накормили завтракомъ и отвезли обратно въ Петербургъ. Конечно, на рабочихъ такая манифестація не произвела никакого впечатлѣнія, а въ нѣкоторыхъ фабрикахъ такъ встрѣтили представителей, ѣздившихъ въ Царское Село, что они должны были оттуда удалиться.*

Точно также 21 января Государю представлялась депутація отъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Эта депутація была болѣе подлинная и она произвела нѣкоторое впечатлѣніе на умѣренныхъ рабочихъ экспедиціи.

* Такимъ образомъ явилось два министра внутреннихъ дѣлъ или, вѣрнѣе, былъ министръ внутреннихъ дѣлъ и диктаторъ. Права Трепова, совершенно диктаторскія, истекали изъ положенія о генералъ-губернаторствѣ и товарища министра внутреннихъ дѣлъ по полиціи, но главнымъ образомъ отъ особыхъ личныхъ отношеній, которыя были созданы. Треповъ пользовался особымъ расположеніемъ сестры Императрицы, Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, весьма почтенной и премного несчастной женщины. Расположеніе это естественно истекало изъ того, что Треповъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ-руководителемъ ея мужа Великаго Князя Сергѣя Александровича, такъ ужасно погибшаго, и именно вскорѣ послѣ того, какъ Треповъ оставилъ постъ московскаго оберъ-полицеймейстера. Это свое расположеніе она внушила своей сестрѣ Императрицѣ.

Благоволеніе Императрицы уже одно было достаточно, чтобы Государь оказывалъ Трепову свое благоволеніе и довѣріе, а по натурѣ Государя эти чувства Его къ Трепову должны были высказаться преувеличенно уже потому, что Треповъ находился въ медовыхъ мѣсяцахъ своихъ отношеній къ Его Величеству. Затѣмъ Треповъ внушалъ довѣріе своей

бравою наружностью, страшными глазами, рѣзкою прямотою своей солдатской рѣчи. Рѣчь эта несомнѣнно всегда была искренняя и ясная по своей простотѣ, ибо для лица политически невѣжественнаго все кажется просто и ясно. Государю также любо въ политическихъ вопросахъ ясность и прямолинейность, истины чуждыя всякихъ «интеллигентныхъ» выдумокъ.

Треповъ былъ ставленникъ министра двора Фредерикса, который искренне вѣрилъ, что только такой бравый конногвардеецъ, какъ Треповъ, и представляетъ собой того человѣка, который можетъ водворить дисциплину не только въ дѣйствіяхъ, но и помыслахъ всѣхъ русскихъ обывателей. Самъ Фредериксъ по части пониманія дѣлъ былъ совсѣмъ плохъ, ему трудно было усвоить не только разсужденія, но и самые простые факты. Его сотрудники его подучивали какъ школьника передъ всякимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Онъ, конечно, самъ по себѣ не могъ разобраться въ томъ, правильны или неправильны тѣ или другія дѣйствія и предположенія Трепова, но у Фредерикса былъ директоръ канцеляріи генералъ свиты Его Величества, конногвардеецъ Мосоловъ, женатый на сестрѣ Трепова, человѣкъ смышленный, онъ всегда могъ убѣдить и внушить Фредериксу все, что Треповъ желалъ. Помощникъ, нынѣ начальникъ походной канцеляріи Государя князь Орловъ, ближайшій сотрудникъ Императрицы, добровольный шоферъ автомобилей, возящихъ Государя и Государыню, милый человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожный дѣятель во всякихъ дѣлахъ, и не-смотря на это интимный совѣтникъ или наушникъ въ особыхъ случаяхъ — тоже конногвардеецъ. Всѣ эти люди были на побѣгушкахъ у Трепова въ царскихъ покояхъ.

Треповъ въ сущности держалъ вполнѣ Государя, чуть ли не ежедневно писалъ ему доклады по всякимъ дѣламъ и давалъ совѣты, какъ по внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ событіямъ. Однимъ словомъ, будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, онъ былъ въ то же время диктаторомъ и при этомъ диктаторѣ въ сущности и была подготовлена вся активная революція, вышедшая изъ береговъ съ сентября 1905 года. Треповъ не только ея не предупредилъ, но когда она начала выходить наружу, то послѣ 17 октября оставилъ поле брани, совсѣмъ растерявшись. Очевидно, что съ такимъ товарищемъ въ дѣловомъ отношеніи Булыгинъ не могъ ладить. Онъ и не ладилъ, но, такъ какъ Государь его не отпускалъ, то спокойно сидѣлъ, узнавая о различныхъ новостяхъ по внутренней политикѣ изъ газетъ и занимаясь нѣкоторыми особыми дѣлами, главнымъ образомъ, текущими хозяйственно-административными и составленіемъ проекта о Думѣ 6-го августа.

Конечно, нужно обладать всею апатичностью, которою обладалъ Булыгинъ, чтобы переносить такое положеніе. Онъ его мужественно переносилъ и когда къ нему обращались съ вопросомъ, какъ то или другое произошло, онъ хладнокровно отвѣчалъ «не знаю, мнѣ объ этомъ еще не говорили», или «я самъ это только прочелъ сегодня въ газетахъ».

Князь Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ въ моемъ кабинетѣ, а затѣмъ членъ первой Государственной Думы, опредѣлилъ Трепова въ одной изъ своихъ рѣчей, сдѣлавшей много шуму и которую для князя Урусова было бы достойнѣе не произносить, такою фразою: «Вахмистръ по воспитанію и погромщикъ по убѣжденію». Вообще трудно опредѣлить политическаго дѣятеля, да и вообще человѣка, одною фразою.

Человѣкъ существо крайне сложное, не только фразою, но цѣлыми страницами опредѣлить его трудно. Нѣтъ такого негодяя, который когда либо не помыслилъ и даже не сдѣлалъ что либо хорошее. Нѣтъ также такого честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка (конечно, не святого), который когда либо дурно не помыслилъ и даже при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ не сдѣлалъ гадости. Нѣтъ также и дурака, который, когда либо не сказалъ и даже не сдѣлалъ что либо умное и нѣтъ такого умнаго, который когда либо не сказалъ и не сдѣлалъ что либо глупое.

Чтобы опредѣлить человѣка, надо написать романъ его жизни, а потому всякое опредѣленіе человѣка это только штрихи, въ отдаленной степени опредѣляющіе его фигуру. Для лицъ, знающихъ человѣка, эти штрихи бываютъ достаточными, ибо остальное возстановляется собственнымъ воображеніемъ и знаніемъ, а для лицъ, не знающихъ — штрихи даютъ очень отдаленное, а иногда и совершенно неправильное представленіе. Треповъ былъ «вахмистръ по воспитанію». Это вѣрно, и въ этомъ заключалась его бѣда и бѣда Россіи. Когда онъ учился въ пажескомъ корпусѣ, вѣроятно, въ своей жизни не прочелъ толково ни одной серьезной книги, все его образованіе и воспитаніе прошли въ конногвардейскихъ казармахъ и офицерскомъ собраніи и преимущественно въ первыхъ, такъ какъ онъ былъ серьезный фронтовикъ и добросовѣстный офицеръ, что, конечно, не принесло ему ущерба.

Съ политическою жизнью онъ столкнулся въ первый разъ, будучи назначенъ московскимъ оберъ полицеймейстеромъ, и отнесся къ ней, какъ оберъ полицеймейстеръ. Ему, какъ всякому невѣждѣ, все сначала казалось очень просто: бунтуютъ — бей ихъ; разсуждаютъ, вольнодумствуютъ, значитъ, надо приструнить. Рабочіе пошли въ революцію, значитъ, стоитъ только сдѣлаться полицейскимъ революціонеромъ и

рабочіе пойдутъ за нимъ. Никакой сложности явленій нѣтъ, все это выдумки интеллигентовъ, жидовъ и франмассоновъ. Иди по пути своего собственнаго разума и дойдешь до... помойной ямы.

«Погромщикъ по убѣжденію» это уже не совсѣмъ точно. Треповъ не былъ погромщикъ по любви къ сему искусству, но онъ не исключалъ сего средства изъ своего политическаго репертуара и по убѣжденію прибѣгалъ къ нему, или вѣрнѣе, былъ не прочь къ нему прибѣгать, когда считалъ сіе необходимымъ для защиты основъ государственности, такъ какъ основы эти ему представлялись, какъ «вахмистру по воспитанію». Съ легкимъ сердцемъ онъ относился только къ погромамъ «жидовъ»; а развѣ онъ одинъ такъ относился къ сей кровавой политической забавѣ? А Плеве развѣ былъ противъ того, чтобы въ Кишиневѣ, Гомелѣ и вообще хорошо проучили жидовъ? А графы Игнатьевы развѣ не питали тѣ же чувства? А развѣ вся черносотенная организація, такъ называемый союзъ русскихъ людей, не проповѣдуетъ открыто избіеніе жидовъ, а вѣдь Государь призывалъ насъ всѣхъ стать подъ знамена этой партіи бѣшенныхъ юродивыхъ!!..

Когда мнѣ самому приходилось Государю указывать на недопустимость подобныхъ дѣйствій, Государь или молчалъ, или говорилъ: «но вѣдь они, т. е. жиды, сами виноваты». Это теченіе шло не снизу вверхъ, а наоборотъ, но только, конечно, по мѣрѣ нисхожденія принимало другія формы и другой объемъ.

Урусовъ, а затѣмъ Лопухинъ, разоблачили травлю евреевъ посредствомъ прокламацій изъ департамента полиціи. Ихъ разсказы немного преувеличены, но въ сущности вѣрны. Организація эта была сдѣлана во всякомъ случаѣ съ вѣдома Трепова и когда я, будучи предсѣдателемъ совѣта министровъ, узнавши о ней, ее уничтожилъ, доложивъ обо всемъ Государю, то не могу сказать, чтобы Его Величество этимъ открытіемъ сколько бы то ни было удивился и возмутился. Все таки несомнѣнно то, что Треповъ былъ честный и порядочный человѣкъ. Меня нельзя заподозрить въ пристрастіи къ нему, потому что я съ нимъ не имѣлъ ничего общаго, онъ былъ мой врагъ и былъ едва ли не главнымъ элементомъ въ числѣ другихъ, поставившихъ меня почти въ безвыходное положеніе послѣ 17 октября.

Треповъ, ставъ диктаторомъ, сдѣлался политическимъ вахмистромъ — Гамлетомъ. Съ одной стороны по воспитанію, онъ признавалъ только «руки по швамъ», а съ другой, сталкиваясь съ бурными волнами разгулявшагося русскаго океана, онъ чувствовалъ, что этимъ не возьмешь, а потому, не имѣя никакого политическаго созерцанія, образованія, воспитанія, онъ временно выражалъ самыя противоположныя воззрѣнія

и кидался въ самыя противоположныя крайности. Съ одной стороны, напримѣръ, въ комитетѣ министровъ онъ настаивалъ на самыхъ рѣшительныхъ мѣрахъ не только противъ студентовъ, но и противъ всего учебнаго персонала и одновременно проводилъ мнѣніе, что нужно закрывать всѣ высшія учебныя заведенія, предоставивъ содержаніе ихъ частной иниціативѣ и частнымъ лицамъ.

Онъ стоялъ за неограниченное самодержавіе, но, когда обсуждалъ проектъ Булыгинской Думы, выражалъ, а иногда и настаивалъ на положеніяхъ совершенно лѣвыхъ. Издавъ въ октябрьскіе дни приказъ по войскамъ «патроновъ не жалѣть», черезъ нѣсколько дней онъ высказывался за широкую амнистію. Считая, что нужно выгнать всѣхъ профессоровъ и студентовъ, онъ затѣмъ далъ иниціативу и настоялъ на предоставленіи всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ широкой и неопредѣленной автономіи.

Эти мѣры открыли двери революціи и повели къ 17 октября. Послѣ 17 октября, совсѣмъ растерявшись, онъ оставилъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣлавшись — опять по совѣту барона Фредерикса — дворцовымъ комендантомъ и, въ сущности, самымъ интимнымъ и сильнымъ совѣтчикомъ Государя, такъ что я долженъ былъ нести всю отвѣтственность, а онъ управлять при помощи П. Н. Дурново.

Когда я не счелъ возможнымъ играть роль соломеннаго чучела на огородѣ и ушелъ, то не безъ его совѣта былъ составленъ и новый кабинетъ оловяннаго чиновника, отличающагося отъ тысячи подобныхъ своими большими баками, Горемыкина. Но уже черезъ недѣлю Горемыкинъ началъ жаловаться на то, что Треповъ ему все портитъ. Также не безъ вліянія Трепова Горемыкинъ былъ уволенъ. Вмѣсто него былъ назначенъ Столыпинъ, который ясно сознаъ, что съ Треповымъ управлять нельзя. Столыпину повезло, Трепова «lune de miel» начала проходить, а тутъ Треповъ по обыкновенію отъ пароля «хорошенько ихъ» кинулся въ другую сторону; ему пришло на мысль примѣнить теорію «зубатовщины» къ кадетамъ, и такъ, какъ онъ въ Москвѣ вздумалъ привлечь на свою сторону рабочихъ, влѣзши въ ихъ среду, также онъ задумалъ сдѣлать и съ кадетами. Онъ далъ въ этомъ смыслѣ неосторожное интервью иностранному корреспонденту, неосторожное уже въ томъ смыслѣ, что изъ него было ясно, кто въ сущности управляетъ Россіей, а затѣмъ представилъ списокъ кадетскаго министерства Государю. Если бы кадеты вели себя, сколько бы то ни было, благоразумно, начиная хотя бы со времени первой Думы, то дѣло бы ихъ выгорѣло. Они

вступили бы во власть, но они надѣлали столько глупостей, что Столыпину было не трудно свалить этотъ планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и Трепова.

Государь рѣшилъ отдѣлаться отъ Трепова и по обыкновенію прибѣгъ къ хитросплетеніямъ. Въ эти хитросплетенія нѣсколько запутался самъ Государь, какъ иногда бываетъ съ паукомъ, вяжущимъ паутину для мухи. Муха — Треповъ все равно былъ бы уничтоженъ, но Государю повезло. Треповъ въ это время умеръ естественною смертью. Онъ былъ политическій и общественный невѣжда, но несомнѣнно, что все, что онъ дѣлалъ, было имъ сдѣлано de bonne foi, и онъ былъ вѣрноподданнѣйшій и преданнѣйшій слуга не только Императора Николая II, но и Николая Александровича. Навѣрно, кто нибудь изъ семейства Трепова оставитъ подробное описаніе, въ какомъ трагическомъ положеніи находился этотъ честный и преданный Николаю Александровичу человѣкъ въ послѣднія недѣли до своей смерти. *

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РАБОТЫ ВО ИСПОЛНЕНІЕ УКАЗА 12 ДЕКАБРЯ

*Указъ 12-го декабря 1904 года возлагалъ на комитетъ министровъ озаботиться изысканіемъ мѣръ для водворенія законности, расширенія свободы слова, вѣротерпимости, мѣстнаго самоуправленія, устраненія излишнихъ стѣсненій инородцевъ и всякихъ исключительныхъ законовъ.

Затѣмъ въ указѣ обращалось вниманіе на необходимость благотворно окончить работы крестьянскаго совѣщанія. Задача комитета заключалась въ установленіи лишь главныхъ началъ и за утвержденіемъ сихъ началъ — подробная разработка каждаго вопроса въ отдѣльности возлагалась на особыя совѣщанія подъ предсѣдательствомъ лица, равно какъ и членовъ, Государемъ назначенныхъ. Предсѣдатель имѣлъ право независимо отъ сего пригласить членовъ въ совѣщаніе по своему усмотрѣнію съ совѣщательнымъ голосомъ. Разъ вопросъ былъ переданъ въ совѣщаніе, онъ выходилъ изъ рукъ комитета министровъ и предсѣдатель совѣщанія долженъ былъ имѣть непосредственныя отношенія къ Государю. Комитетъ министровъ дѣйствовалъ въ полномъ составѣ: предсѣдателя Государственнаго Совѣта, предсѣдателей всѣхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, всѣхъ министровъ и главноуправляющихъ и независимо отъ сего приглашались въ засѣданія другія лица: С.-Петербургскій митрополитъ Антоній по вопросамъ, касающимся церкви, и нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта.

Я употреблялъ всѣ усилія дабы реформы, намѣченныя въ указѣ, были проведены возможно полнѣе и спѣшно. По каждому вопросу давалъ инціативу; канцелярія представляла богатый матеріалъ. Я питалъ надежду, что если указъ этотъ будетъ скоро приведенъ въ исполненіе, то значительно ослабѣютъ неудовольствія, но, по обыкновенію, сначала я встрѣтилъ апатію, затѣмъ интриги, а въ заключеніе недовѣріе Государя ко всѣмъ реформамъ, намѣченнымъ указомъ.

Въ результатѣ практически было кое что сдѣлано по вопросу вѣротерпимости, о школѣ въ западныхъ губерніяхъ, о старообрядцахъ и сектантахъ. Остальное все застряло и затѣмъ похоронено 6 августа 1905 года и окончательно 17 октября 1905 года и вообще революціей. Всѣ рѣшенія комитета министровъ немедленно публиковались и затѣмъ всѣ журналы комитета издавались отдѣльною книгою. Желающій можетъ съ ними ознакомиться.

Сначала комитетъ министровъ, установивши программу дѣйствія, началъ разсматривать вопросъ о водвореніи законности. Вопросъ этотъ прошелъ довольно гладко. Только изъ замѣчаній К. П. Побѣдоносцева я усмотрѣлъ его отрицательное отношеніе къ настроенію комитета. Установивши главныя начала преобразованій для укрѣпленія законности, которыя были одобрены Государемъ, но до сихъ поръ не приведены въ исполненіе, подробную разработку вопроса о преобразованіи сената и установленіи административной юстиціи было рѣшено поручить особому совѣщанію.

Совѣщаніе было составлено изъ членовъ, мною представленныхъ Государю. Предсѣдателемъ былъ назначенъ по моему указанію А. А. Сабуровъ, а членами Таганцевъ, Кони, Голубевъ и другіе почтенные члены Государственнаго Совѣта и Сената.*

Это тотъ самый Сабуровъ, который во времена Лорисъ-Меликова былъ недолгое время министромъ народнаго просвѣщенія.

Всѣ труды этого особаго совѣщанія уже въ концѣ 1905 года были представлены Его Величеству и препровождены ко мнѣ, какъ предсѣдателю совѣта министровъ того времени, но послѣ моего ухода работа эта не получила никакого дальнѣйшаго движенія, причемъ, кажется, часть этой работы была представлена въ Государственную Думу, но тамъ застряла. Само собой разумѣется, что работа этого особаго совѣщанія по нынѣшнимъ временамъ и не могла получить какого бы то ни было осуществленія, потому что во время Столыпинскаго режима не только не укрѣпилась большая самостоятельность и независимость сужденій въ Сенатѣ, а напротивъ того Сенатъ обратился, въ значительной степени, въ орудіе администраціи вообще и министра юстиціи и предсѣдателя совѣта министровъ въ особенности.

Такимъ образомъ Сенатъ, можно сказать, совсѣмъ утратилъ свою самостоятельность и нравственную справедливость своихъ сужденій, и обратился въ такое учрежденіе, олицетворяющее часто полную незаконность, каковымъ онъ никогда не былъ; положеніе Сената и его составъ, въ то время, когда былъ изданъ указъ 12 декабря 1904 года, могли служить идеаломъ совершенства, сравнительно съ теперешнимъ

Сенатомъ, который систематически пополняется угодниками министра юстиціи и другихъ министровъ, а самъ министръ юстиціи изъ высшаго блюстителя законности обратился въ помощника шефа жандармовъ и начальника тайной полиціи.

*Затѣмъ пошелъ вопросъ о печати. Кромѣ матеріаловъ, составленныхъ по этому предмету канцеляріей, былъ доставленъ нѣкоторый матеріалъ академіей наукъ. Въ обсужденіи этого вопроса принималъ участіе президентъ академіи Великій Князь Константинъ Константиновичъ, извѣстный поэтъ, начальникъ военно-учебныхъ заведеній, человѣкъ благородный, образованный, съ традиціями своего отца Великаго Князя Константина Николаевича, не глупый, но и не орелъ. Къ этому вопросу К. П. Побѣдоносцевъ и его замѣститель Саблеръ, такъ какъ К. П. перестал посѣщать регулярно засѣданія, относились скептически.

Установивши главныя основанія, подробная разработка цензурнаго устава была поручена совѣщанію. Я предложилъ въ предсѣдатели директора публичной библіотеки, члена Государственнаго Совѣта Кобеко[1], а членами лицъ различныхъ партій: Кони, Арсеньева, Пихно, князя Мещерскаго, графа Голенищева-Кутузова и другихъ. Его Величество утвердилъ, какъ журналъ комитета, такъ и составъ совѣщанія, но уже черезъ нѣсколько дней Его Величество помимо меня и предсѣдателя совѣщанія Кобеко назначилъ новыхъ членовъ: князя Голицына (Муравлина), нынѣ члена союза русскаго народа, и Юзефовича. Эти назначенія ничего хорошаго не предвѣщали.

Юзефовичъ, изъ почтенной кіевской семьи, извѣстенъ, какъ самый безнравственный человѣкъ, его ненормальныя страсти, проявляемыя въ самой беззастѣнчивой формѣ и другія нечистыя выходки составили ему такую репутацію, что его нигдѣ въ порядочныхъ семействахъ въ Кіевѣ не принимали, хотя относились съ уваженіемъ къ его отцу и матери. Этотъ человѣкъ за деньги былъ ходатаемъ евреевъ и затѣмъ доносилъ на евреевъ, какъ только съ кѣмъ нибудь изъ нихъ не ладилъ. Благо-

[1] Дмитрій Фомичъ Кобеко, бывшій мой сотоварищъ по министерству финансовъ, извѣстенъ и симпатиченъ Государю Императору, вслѣдствіе его книги «Исторія Императора Павла I». Дмитрій Фомичъ выработалъ въ главныхъ чертахъ проектъ новаго положенія о прессѣ, которымъ и воспользовались, когда я сдѣлался предсѣдателемъ совѣта министровъ и явилась, во исполненіе манифеста 17 октября, необходимость издать временный законъ о прессѣ, впредь до того времени, когда все дѣло о печати будетъ обсуждено и установлено Государственной Думой.

даря связямъ его всегда гдѣ нибудь устраивали, дабы дать ему жирный кусокъ хлѣба, но вслѣдствіе своей безнравственности, онъ нигдѣ не могъ ужиться. Одно время при Сипягинѣ онъ былъ цензоромъ въ Кіевѣ, но затѣмъ долженъ былъ покинуть это мѣсто вслѣдствіе постоянныхъ исторій съ редакторами газетъ, въ томъ числѣ и съ Пихно[1], нынѣ едва ли не единственно умнымъ и культурнымъ черносотенцемъ, членомъ Государственнаго Совѣта.

Наконецъ, Юзефовичъ нашелъ себѣ пріютъ у бывшаго дворцоваго коменданта генералъ-адъютанта Гессе, своего друга дѣтства. Гессе пользовался его перомъ и давалъ ему 12.000 въ годъ изъ суммъ, ему отпускаемыхъ на дворцовую полицію. Но какъ къ нему относился самъ Гессе, видно изъ того, что какъ то разъ я его спросилъ:

— Что, у васъ бываетъ Юзефовичъ?

На что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— У меня да, но я его держу далеко отъ моихъ мальчиковъ.

Когда Гессе умеръ, лицо его замѣстившее, князь Енгалычевъ сейчасъ же удалилъ Юзефовича.

Треповъ, будучи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, по просьбѣ Рачковскаго, который въ сущности вѣдалъ департаментомъ полиціи, назначилъ Юзефовича въ Парижъ по полицейскимъ дѣламъ. Я тогда предупредилъ Трепова, что Юзефовичъ въ Парижѣ надѣлаетъ скандалы по части нравственности. Такъ и случилось. Его скоро должны были оттуда убрать.

Затѣмъ послѣ 17 октября онъ явился главою черносотенной организаціи въ Кіевѣ и отъ имени этой ничтожной партіи началъ посылать депеши Государю. Но въ Кіевѣ всѣ къ нему относятся съ такимъ же презрѣніемъ, какъ относились всегда. Понятно, что появленіе въ совѣщаніи о печати такого субъекта не предвѣщало ничего хорошаго.

Но само по себѣ назначеніе Юзефовича и Муравлина было дѣло второстепенное — главное было то, что это служило указаніемъ, что Государь по обыкновенію заколебался, что пошли наушничанья изъ темныхъ угловъ, что сдѣлавши шагъ впередъ, Онъ уже рѣшилъ сдѣлать шагъ назадъ. Очевидно, что то, что говорилось въ комитетѣ министровъ, передавалось Ему въ извращенномъ видѣ. То, что говорилось, почиталось бы между всѣми конституціонными фракціями, не говоря о тайныхъ и явныхъ революціонерахъ, обскурантизмомъ.

[1] *Пихно, ученикъ Бунге, недурной человѣкъ, но впалъ нынѣ въ крайности вслѣдствіе общей неврастеніи, которая появилась у всѣхъ не крѣпкихъ нервами отъ проклятой революціи.*

Когда же произошло 9-ое января 1905 года, кровавая исторія съ Гапоновщиной, вслѣдствіе которой Мирскій ушелъ, то въ дальнѣйшей работѣ комитета министровъ по указу 12-го декабря 1904 года явился полный переворотъ, было ясно, что хотятъ свести все на нѣтъ.

Дмитрій Фомичъ Кобеко съ Высочайшаго соизволенія представилъ въ комитетъ министровъ свои предположенія, которыя были обсуждены въ особомъ совѣщаніи подъ его предсѣдательствомъ. Эти соображенія отчасти послужили матеріаломъ для составленія и представленія соотвѣтствующаго закона въ Государственный Совѣтъ. Въ бытность мою предсѣдателемъ совѣта министровъ до открытія Государственной Думы, законопроектъ былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ совѣщанія, но при обсужденіи тамъ былъ въ значительной степени урѣзанъ, въ смыслѣ уменьшенія свободы прессы. Временно этотъ законъ и былъ установленъ и утвержденъ Его Величествомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло 5 лѣтъ, до сихъ поръ никакого новаго проекта закона о печати въ Думу не представлено и Думой не разсмотрѣно, а вмѣсто нового закона о печати Столыпинъ, въ его управленіе при помощи 3-ей Государственной Думы и вѣрныхъ ему молодцовъ, которыми командовалъ и командуетъ господинъ Гучковъ, ввелъ полнѣйшій произволъ въ дѣла печати; такъ что тотъ законъ, который былъ проведенъ мною въ бытность мою предсѣдателемъ совѣта министровъ и который тогда считался прессою довольно стѣснительнымъ, въ настоящее время составилъ бы идеалъ для нашей повседневной журналистики; такъ какъ этотъ законъ существуетъ на бумагѣ, а въ дѣйствительности существуетъ полный произволъ, основанный на усиленныхъ, чрезвычайныхъ, военныхъ и просто произвольныхъ Столыпинскихъ распоряженіяхъ. *

Комитетъ министровъ подробно остановился на той язвѣ, которая называется «исключительное положеніе» и которою даютъ администраціи въ руки полнѣйшій, неограниченный произволъ дѣйствій.

Такой консерваторъ, какъ Петръ Николаевичъ Дурново, который составляетъ собою въ настоящее время въ Государственномъ Совѣтѣ лидера наиболѣе реакціонной партіи, тогда въ комитетѣ министровъ высказывалъ, что исключительныя положенія принесли Россіи гораздо болѣе вреда, нежели пользы, основываясь на своей практикѣ, какъ бывшаго директора департамента полиціи.

Комитетъ министровъ, высказывавшій также свои дезидераты по вопросу объ исключительномъ положеніи, рѣшилъ, что дѣло это должно

быть разсмотрѣно въ особомъ совѣщаніи, причемъ особое совѣщаніе это должно было руководствоваться соображеніями комитета министровъ. Его Величеству благоугодно было совѣщаніе это утвердить и по собственной инициативѣ назначить предсѣдателемъ совѣщанія графа Алексѣя Павловича Игнатьева, бывшаго Кіевскаго генералъ-губернатора, нѣсколько времени тому назадъ уволеннаго отъ этой должности, вслѣдствіе несогласія съ командующимъ войсками генераломъ Драгомировымъ, человѣка не глупаго, но гораздо болѣе хитраго, нежели умнаго, продукта петербургской великосвѣтской военно-чиновнической атмосферы.

Само назначеніе предсѣдателемъ графа Игнатьева, отъ котораго зависѣлъ и выборъ членовъ особаго совѣщанія, ясно показывало то направленіе, которое оппозиція желала дать вопросу объ исключительныхъ положеніяхъ.

Когда послѣ 17 октября, въ концѣ 1905 года, я сдѣлался предсѣдателемъ совѣта министровъ, то ничего въ особомъ совѣщаніи графомъ Игнатьевымъ сдѣлано еще не было, затѣмъ какія то части этихъ трудовъ были переданы министерству внутреннихъ дѣлъ уже послѣ того, какъ я оставилъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ и тамъ крѣпко накрѣпко всѣ эти труды были похоронены.

Столыпинъ представилъ какой то законъ объ исключительныхъ положеніяхъ въ Думу, затѣмъ онъ не торопился его разсмотрѣніемъ и положеніе это донынѣ почиваетъ въ Государственной Думѣ. Только на дняхъ появился слухъ въ печати, что молодцы умершаго предсѣдателя совѣта министровъ, имѣя въ виду выборы, для мусированія своихъ избирателей намѣрены вдругъ поднять вопросъ объ исключительномъ положеніи и разсматривать по этому предмету уже давнымъ давно представленный въ Думу законъ Столыпина. Само собой разумѣется, что Дума это дѣлаетъ, въ томъ совершенно правильномъ соображеніи, что все равно Государственный Совѣтъ, въ нынѣшнемъ составѣ, такого положенія или не приметъ, или до роспуска Думы не успѣетъ его разсмотрѣть и поэтому этотъ выпадъ есть ни что иное, какъ своего рода провокаціонный жестъ.

* Когда приступили къ вопросамъ о вѣротерпимости, то К. П. Побѣдоносцевъ, пришедши разъ въ засѣданіе и усмотрѣвши, что митрополитъ Антоній выражаетъ нѣкоторыя мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ идеей о полицейско-православной церкви, которую онъ, Побѣдоносцевъ, двадцать пять лѣтъ культивировалъ въ качествѣ оберъ-прокурора Свя-

тѣйшаго Синода, совсѣмъ пересталъ ходить въ комитетъ и началъ посылать своего товарища Саблера.

Несмотря на то, что митрополитъ Антоній былъ весьма умѣренъ въ своихъ взглядахъ, а Саблеръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы дѣлать препоны, Побѣдоносцевъ остался все таки ими недоволенъ и разошелся съ ними.

Сперва комитетъ министровъ опредѣлилъ нѣкоторыя общія положенія о вѣротерпимости, затѣмъ главнымъ образомъ остановился на устраненіи стѣсненій, лежащихъ на старообрядчествѣ и на неизувѣрныхъ сектантахъ.*

Въ особенности комитетъ минстровъ остановился на крайне трудномъ положеніи, въ какомъ находятся въ смыслѣ религіозномъ наши русскіе старообрядцы, которые всегда составляли элементъ наиболѣе консервативный, наиболѣе преданный своему царю и родинѣ.

Такого воззрѣнія держался и покойный Императоръ Александръ III, который относился всегда къ старообрядцамъ въ высокой степени благосклонно. Такого же воззрѣнія и убѣжденія держался и понынѣ держится Императоръ Николай II и, если все-таки при всемъ этомъ ничего не было сдѣлано для большей вѣротерпимости къ старообрядцамъ, то конечно, это происходило не отъ взглядовъ и желанія этихъ Императоровъ, а отъ крайне узкихъ воззрѣній ихъ совѣтчиковъ и особливо оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Константина Петровича Побѣдоносцева. Въ отношеніи вѣротерпимости комитетъ министровъ, въ полномъ составѣ, а равно и члены, которые были приглашены въ комитетъ министровъ по моему представленію и съ утвержденія Его Величества для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ по указу 12 декабря 1904 года, а именно члены Государственнаго Совѣта Таганцевъ, Сабуровъ, Куломзинъ, единогласно считали необходимымъ въ отношеніи вѣротерпимости принять рѣшительныя мѣры. На этомъ поприщѣ было нѣчто и сдѣлано, а именно послѣдовалъ знаменательный указъ 17 апрѣля 1905 года о вѣротерпимости, который нынѣ составляетъ базисъ того положенія вещей, въ которомъ находятся въ Россіи инославныя и другія церкви, отличныя отъ святой православной церкви.

Этотъ указъ былъ выработанъ комитетомъ министровъ и Его Величеству угодно было утвердить его. Онъ пріобрѣлъ силу закона. Указъ этотъ такого же рода, какъ манифестъ 17 октября 1905 года, т.-е. представляетъ собою такіе акты, которыхъ можно временно не исполнить, можно проклинать, но которые уничтожить никто не можетъ.

Они какъ бы выгравированы въ сердцахъ и умахъ громаднаго большинства населенія, составляющаго великую Россію.

Указъ 17 апрѣля установилъ лишь принципы; необходимо было выработать всѣ подробности, ясно устанавливая предѣлы свободы инославныхъ, не христіанскихъ и отпавшихъ отъ православной церквей и отношеніе къ нимъ властей.

Для сего по представленію комитета министровъ должно было быть основано особое совѣщаніе по вопросамъ о вѣротерпимости. Его Величество, утвердивъ, какъ я сказалъ, указъ 17 апрѣля, утвердилъ и образованіе особаго совѣщанія по вопросу о вѣротерпимости, но опять таки предсѣдателемъ этого совѣщанія былъ назначенъ графъ Алексѣй Павловичъ Игнатьевъ.

Такимъ образомъ гр. Игнатьевъ долженъ былъ, съ одной стороны, вмѣщать въ себѣ предсѣдателя совѣщанія объ исключительныхъ положеніяхъ, т.-е. главнымъ образомъ о высшей государственной полиціи, а съ другой стороны, долженъ былъ быть предсѣдателемъ особаго совѣщанія по вопросамъ религіознымъ и вѣротерпимости.

Для всѣхъ было очевидно, что собственно отъ этого совѣщанія о вѣротерпимости желаютъ. Конечно, это особое совѣщаніе никакихъ законченныхъ трудовъ не сдѣлало и въ бытность мою предсѣдателемъ совѣта ничего не представило, затѣмъ было закрыто и нѣкоторый матеріалъ передало въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Какъ я уже сказалъ, при обсужденіи вопросовъ о вѣротерпимости въ комитетѣ министровъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ началъ оказывать явное противодѣйствіе, но такъ какъ встрѣтилъ въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ отпоръ не только съ моей стороны, но со стороны всѣхъ членовъ комитета, то сдѣлался больнымъ и въ засѣданіяхъ комитета министровъ не участвовалъ. Всѣ рѣшенія комитета не встрѣтили препятствій ни со стороны высокопочтеннаго митрополита, ни со стороны замѣстителя К. П. Побѣдоносцева товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода Саблера, нынѣшняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

Митрополитъ указывалъ лишь мнѣ, какъ предсѣдателю, и членамъ комитета министровъ, что согласно сообщеніямъ комитета, предполагается дать значительную свободу инославнымъ церквамъ, а равно и не христіанскимъ религіознымъ общинамъ, а также старо-

обрядчеству. Не возражая ничего противъ этихъ предположеній, въ томъ видѣ, въ какомъ они вылились въ комитетѣ министровъ, онъ, тѣмъ не менѣе, находилъ, что это въ высокой степени несправедливо въ отношеніи православной святой церкви, ибо православная церковь не пользуется тѣми свободами, которыми предполагается наградить иныя церкви и иныя вѣроисповѣданія. Конечно, это было заявленіе такого рода, которое не могло не встрѣтить не только полной симпатіи со стороны комитета министровъ, но даже не могло не возбудить въ сердцѣ членовъ, по крайней мѣрѣ, въ моей душѣ, самыя рѣзкія горестныя чувства.

Представляя Его Величеству докладъ объ указѣ 17-го апрѣля о рѣшеніи комитета образовать особое совѣщаніе по вопросу о вѣротерпимости, конечно, я не могъ не доложить Государю о томъ, что высказалъ высокопреосвященный митрополитъ. Его Величество тоже принялъ близко къ сердцу горькое соображеніе митрополита. Я доложилъ Государю, что вслѣдствіе такого заявленія митрополита было бы необходимо разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ главныя основанія, которыя желательно было бы ввести въ отношенія Государства къ русской православной церкви и которыя могли бы дать русской святой православной церкви необходимую свободу дѣйствій и свободу управленія.

Его Величеству благоугодно было соображенія мои одобрить. Вслѣдствіе этого, я доложилъ комитету министровъ о рѣшеніи Его Величества, чтобы комитетъ обсудилъ вопросъ о необходимыхъ мѣрахъ по измѣненію нѣкоторыхъ порядковъ въ православной церкви, съ тѣмъ, что бы эти рѣшенія, которыя будутъ намѣчены комитетомъ министровъ, получили осуществленіе лишь черезъ Святѣйшій Синодъ или при его участіи по заведенному порядку.

При обсужденіи указа 12 декабря, я, въ качествѣ предсѣдателя комитета министровъ, представилъ по каждому вопросу записку, т. е., свои мнѣнія, которыя могли бы облегчить комитетъ министровъ въ обсужденіи дѣла. Поэтому я вплотную занялся изложеніемъ вопроса о томъ, въ чемъ заключается слабость общества нашей православной церкви и какія, по моему мнѣнію, необходимо сдѣлать преобразованія.

Эта записка была составлена однимъ изъ моихъ сотрудниковъ при моемъ большомъ и сердечномъ участіи, такъ какъ вопросы православной церкви всегда, начиная съ моего дѣтства, были мнѣ очень близки, по

тѣмъ традиціямъ, которыя я наслѣдовалъ отъ моей семьи, и по той семейной атмосферѣ, въ которой я воспитывался.

Когда записка эта была напечатана и разослана членамъ, то послѣдовало возраженіе и критика на нее оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, числящагося больнымъ. На записку К. П. Побѣдоносцева я отвѣчалъ подробной запиской, одновременно же митрополитъ представилъ въ комитетъ министровъ, по моей просьбѣ, редакцію тѣхъ вопросовъ, которые подлежали обсужденію комитета министровъ.

Вопросы эти были установлены съ объясненіемъ сути дѣла по каждому изъ представляемыхъ вопросовъ. Эта работа, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, была произведена профессорами духовной академіи подъ руководствомъ митрополита.

Когда былъ составленъ весь этотъ матеріалъ, то мною было назначено засѣданіе комитета министровъ для обсужденія этого вопроса.

Наканунѣ дня, назначеннаго для засѣданія, вечеромъ, я получилъ отъ К. П. Побѣдоносцева письмо, въ которомъ онъ мнѣ сообщилъ, что по Высочайшему повелѣнію вопросъ этотъ долженъ быть снятъ съ обсужденія комитета министровъ, и вообще все это дѣло, объ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкахъ православной церкви, должно быть передано въ Святѣйшій Синодъ.

Очевидно, что такого рода рѣшеніе было принято подъ давленіемъ оппозиціонныхъ сферъ, во главѣ которыхъ стоялъ числившійся больнымъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ. Вопросъ этотъ такимъ образомъ былъ переданъ на обсужденіе Святѣйшаго Синода.

Синодъ того времени принялъ рѣшенія гораздо болѣе радикальныя, нежели тѣ, на которыхъ остановился бы комитетъ министровъ, а именно онъ рѣшилъ, что для обсужденія всего этого дѣла необходимо собрать помѣстный соборъ и учредить патріаршество и, такъ какъ это рѣшено было единогласно, то Владиміръ Карловичъ Саблеръ не только не рѣшился пойти противъ этого рѣшенія, но даже сталъ его соучастникомъ. Въ результатѣ В. К. Саблеръ долженъ былъ оставить мѣсто товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева, а митрополитъ Антоній впалъ въ опалу со стороны всесильнаго оберъ-прокурора. Рѣшеніе же Синода не было ни утверждено, но и не было отклонено Государемъ Императоромъ, а только было указано, что вопросъ о созывѣ собора будетъ рѣшенъ впослѣдствіи.

Затѣмъ прошло болѣе пяти лѣтъ, такъ вопросъ о соборѣ и не рѣшенъ. Въ надлежащихъ случаяхъ какъ бы подымается этотъ вопросъ и показывается въ видѣ отдѣльной туманной картины, но никакого собора въ дѣйствительности собирать не предполагается.

Между тѣмъ, если взирать на будущее не съ точки зрѣнія, какъ прожить со дня на день, то по моему мнѣнію наибольшая опасность, которая грозитъ Россіи — это разстройство церкви православной и угашеніе живого религіознаго духа. Если почтенное славянофильство оказало Россіи реальныя услуги, то именно въ томъ, что оно выяснило это еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ съ полною очевидностью.

Теперешняя революція и смута показали это съ реальной, еще большей очевидностью. Никакое государство не можетъ жить безъ высшихъ духовныхъ идеаловъ. Идеалы эти могутъ держать массы лишь тогда, если они просты, высоки, если они способны охватить души людей — однимъ словомъ, если они божественны. Безъ живой церкви религія обращается въ философію, а не входитъ въ жизнь и ея не регулируетъ. Безъ религіи же масса обращается въ звѣрей, но звѣрей худшаго типа, ибо звѣри эти обладаютъ бо̀льшими умами, нежели четвероногіе.

У насъ церковь обратилась въ мертвое, бюрократическое учрежденіе, церковныя служенія — въ службы не Богу, а земнымъ богамъ, всякое православіе — въ православное язычество. Вотъ въ чемъ заключается главная опасность для Россіи. Мы постепенно становимся меньше христіанами, нежели адепты всѣхъ другихъ христіанскихъ религій. Мы дѣлаемся постепенно менѣе всѣхъ вѣрующими. Японія насъ побила потому, что она вѣритъ въ своего бога несравненно болѣе, чѣмъ мы въ нашего. Это не афоризмъ, или же настолько же афоризмъ, на сколько вѣрно то, «что Германія побѣдила Францію въ 1870 году своею школою»...

Совѣщаніе графа А. П. Игнатьева угасло и только министерство Столыпина, воспользовавшись работами комитета министровъ въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ, докончило раскрѣпощеніе старообрядцевъ и неизувѣрнаго сектантства, которое было уже почти раскрѣпощено комитетомъ министровъ по указу 12-го декабря.

Такимъ образомъ были сняты стѣсненія, лежавшія столѣтіями на наиболѣе преданной русскимъ началамъ и православію въ правильномъ смыслѣ этого слова части русскаго народа. А сколько эти люди перетерпѣли, какимъ только они не подвергались стѣсненіямъ!

При всемъ уваженіи къ К. П. Побѣдоносцеву, какъ замѣчательному по своимъ способностямъ человѣку, долженъ сказать, что за послѣдніе 25 лѣтъ онъ являлся главнымъ тормазомъ къ рѣшенію старообрядческаго вопроса. Сколько разъ я его не подымалъ прямыми и косвенными путями, я ничего не могъ достигнуть. Долженъ засвидѣтельствовать, что Государь всегда въ душѣ былъ за старообрядчество, Онъ всегда хотѣлъ покончить съ этимъ вопросомъ, но у него недоставало воли перешагнуть препятствія въ Побѣдоносцевѣ и такихъ господахъ, какъ А. П. Игнатьевъ, Ширинскій-Шахматовъ и tutti-quanti. *

Независимо отъ изложеннаго комитетъ министровъ по указу 12 декабря принялъ нѣкоторыя частныя мѣры, такъ напримѣръ относительно свободы малороссійскаго языка, ибо въ то время не разрѣшалось даже обращеніе евангелія на малороссійскомъ языкѣ. Вѣроятно, это имѣетъ мѣсто и теперь, послѣ Столыпинскаго режима. Сказанное разрѣшеніе было дано комитетомъ министровъ, въ засѣданіе коего былъ приглашаемъ по этому дѣлу президентъ Академіи Наукъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, который очень поддерживалъ мнѣніе о необходимости дозволить обращеніе евангелія на малороссійскомъ языкѣ.

Были приняты нѣкоторыя частичныя рѣшенія относительно школъ въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, относительно преподаванія на инородческихъ языкахъ и другія подобныя мѣры. Частью эти мѣры были рѣшены комитетомъ министровъ и Высочайше утверждены и приведены въ исполненіе, а частью были даны по этому предмету порученія соотвѣтствующимъ министрамъ. Министры въ нѣкоторой степени эти порученія исполнили, но въ какомъ положеніи это дѣло находится въ настоящее время, въ дѣйствительности, это сказать трудно, потому что при нынѣшнемъ режимѣ, послѣ Столыпинскаго управленія, законъ — это есть одно, а административныя учрежденія — есть другое. Такъ напримѣръ, въ послѣдніе мѣсяцы управленія Столыпина произошелъ такой характерный фактъ, что одна полька аристократической семьи пріѣзжала сюда просить у Императрицы Маріи Ѳеодоровны защиты по слѣдующему дѣлу. Она совмѣстно съ представителями другихъ аристократическихъ польскихъ фамилій устроила около Варшавы нѣчто въ родѣ католическаго пансіона-монастыря, для воспитанія католическихъ дѣвицъ. Учрежденіе это существуетъ уже давно и относительно дѣйствій его имѣются самыя прекрасныя аттестаціи, какъ со стороны гене-

ралъ-губернатора, такъ и со стороны попечителя учебнаго округа. Тѣмъ не менѣе министерство внутреннихъ дѣлъ, а именно Столыпинъ, ни съ того, ни съ сего, потребовалъ принятія такихъ мѣръ по отношенію этого заведенія, которыя сводились бы къ его закрытію. Затѣмъ, когда эта дама аристократической польской фамиліи обратилась за защитой къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и дѣло это было разобрано лицами, состоящими при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, то все было найдено корректнымъ безусловно, и Столыпинъ хотѣлъ закрыть только потому, что въ числѣ кухарокъ этого заведенія находятся кухарки изъ монахинь, которыя пріѣхали изъ Львова, — въ этомъ фактѣ министръ внутреннихъ дѣлъ усмотрѣлъ какую то государственную опасность. Но когда Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ угодно было сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы онъ вникъ въ это дѣло, и засимъ эта дама являлась къ Столыпину, онъ самымъ хладнокровнымъ образомъ объяснилъ: Ну, говоритъ, если тамъ ничего такого особаго нѣтъ, то можетъ остаться и ваше учебное заведеніе. Хорошо управленіе, гдѣ цѣлое учебное заведеніе, въ которомъ заинтересована цѣлая масса семействъ, можетъ быть открыто или закрыто потому, какъ относится къ этому вопросу Столыпинъ или, иначе говоря, какъ въ данный моментъ у него дѣйствуетъ желудокъ.

По мѣрѣ засѣданій комитета министровъ по указу 12 декабря 1904 года чувствовалось, что исполненіе тѣхъ идей, которыя были внесены въ этотъ указъ, встрѣчаетъ все большее и большее нерасположеніе и препятствіе, а посему я и счелъ соотвѣтственнымъ закрыть засѣданія по указу 12 декабря.

Такимъ образомъ, этотъ шагъ, принятый Государемъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ по отношенію водворенія законности и разумной свободы въ Россіи, встрѣтилъ такія препятствія, которыя свели въ значительной степени благія намѣренія этого указа къ нулю. А между тѣмъ, смута въ Россіи и революціонное движеніе все болѣе и болѣе бродило и бродило и все время усиливалось по мѣрѣ постыдныхъ пораженій на Дальнемъ Востокѣ и по мѣрѣ нашего реакціоннаго шатанія по отношенію внутренняго управленія Россіей, — шатанія, въ которомъ иногда проявлялась искра напускного либерализма, какъ бы для успокоенія смуты и революціоннаго движенія на низахъ.

Эти либеральныя неискреннія вспышки не только не успокаивали смуту, а производили совершенно обратное дѣйствіе.

Послѣ Гапоновскаго шествія 9 января 1905 года и двухъ поддѣльныхъ депутацій рабочихъ, ѣздившихъ къ Государю въ Царское Село, о чемъ я говорилъ ранѣе, была образована особая комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Шидловскаго. Шидловскій былъ членомъ Государственнаго Совѣта; кѣмъ онъ былъ рекомендованъ на эту обязанность, мнѣ неизвѣстно, — я лишь получилъ записочку отъ Государя, въ которой онъ сообщалъ, что хочетъ образовать особую комиссію и предсѣдателемъ назначаетъ Шидловскаго.

Шидловскій былъ человѣкъ не глупый, дѣловой, заурядный, нѣсколько желчный. Я ему рекомендовалъ сотрудниковъ по этой комиссіи. Затѣмъ Шидловскій самъ имѣлъ доклады по этой комиссіи у Государя Императора, но комиссія эта не могла даже сформироваться. Дѣло въ томъ, что по мысли Шидловскаго въ эту комиссію должны были войти представители рабочихъ, а рабочіе не выбрали членовъ комиссіи съ тѣми уполномочіями, которыя желалъ Шидловскій. Въ то время рабочіе уже были совершенно выведены изъ равновѣсія, а потому никакого разумнаго спокойнаго рѣшенія они, конечно, принять не могли.

Изъ этого ничего не вышло, во первыхъ, потому, что такое дѣло было не по плечу очень порядочнаго и хорошаго чиновника, члена Государственнаго Совѣта Шидловскаго, который самъ былъ удивленъ такимъ порученіемъ по дѣлу, ему чуждому; во вторыхъ потому, что было невозможно разсматривать рабочій вопросъ для петербургскихъ рабочихъ, не касаясь рабочаго вопроса вообще, одновременно разсматривавшагося, — конечно, безнадежно относительно какихъ либо результатовъ — въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Коковцева, который пропитанъ чиновничьей ревностью къ своей власти и, наконецъ, въ третьихъ потому, что Шидловскій долженъ бы былъ работать подъ руководствомъ Трепова, т. е. нести отвѣтственность за дѣйствія сего послѣдняго.

Поэтому комиссія эта ничего не кончила, она даже не собиралась и, будучи основана 29 января, уже 20 февраля была закрыта, причемъ Шидловскій, видимо, убоялся того крайняго настроенія рабочихъ, которое онъ засталъ, и потому со свойственнымъ ему бюрократическимъ благоразуміемъ пожелалъ отъ этой комиссіи удалиться.

Потомъ, для разсмотрѣнія рабочаго вопроса, была учреждена новая комиссія, вмѣсто комиссіи Шидловскаго, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ В. Н. Коковцева. Комиссія эта также ничего практическаго не сдѣлала. Нѣкоторыя изъ ея предложеній обсуждались въ комитетѣ министровъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, причемъ комитетъ министровъ вынесъ рѣшеніе о необходимости прежде всего установить въ широкихъ размѣрахъ страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ слу-

чаевъ и болѣзней, но прошло 5, скоро 6 лѣтъ, а по этому предмету тоже ничего не сдѣлано, только нынѣ, наконецъ, дошелъ до Государственнаго Совѣта проектъ страхованія рабочихъ, который имѣетъ быть разсмотрѣнъ въ непродолжительномъ времени въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, такъ какъ проектъ этотъ уже въ комиссіяхъ прошелъ.

Одновременно со всѣми перипетіями по указу 12 декабря и послѣдствіями Гапоновскаго шествія, происходили другія совершенно исключительныя событія: такъ 4 февраля Великій Князь Сергѣй Александровичъ былъ убитъ посредствомъ бомбы анархистомъ Каляевымъ. Какъ теперь уже выяснилось, убіеніе это было убійствомъ, рѣшеннымъ центральнымъ революціоннымъ, анархическимъ комитетомъ, и было произведено при ближайшемъ участіи агента тайной полиціи Азефа, который впослѣдствіи, въ министерство Столыпина, началъ играть особо выдающуюся роль. Какъ оказывается теперь, этотъ Азефъ организовалъ и убійство Плеве, будучи агентомъ тайной полиціи у департамента полиціи во время Плеве.

*Въ связи съ указомъ 12-го декабря произошли слѣдующія обстоятельства, которыя имѣли значеніе въ дальнѣйшихъ событіяхъ. До преобразованій 17 октября существовало два высшихъ административныхъ учрежденія, которыя иногда и законодательствовали въ смыслѣ выработки законовъ, подносимыхъ на утвержденіе Его Величества — комитетъ министровъ и совѣтъ министровъ. Послѣдній собирался только подъ предсѣдательствомъ Государя, что вытекало ясно изъ самаго закона и было освящено практикою. Совѣтъ этотъ собирался весьма рѣдко, иногда не собирался годами.

Въ январѣ 1905 года Государь собралъ совѣтъ, уже не помню по какому вопросу, а затѣмъ въ концѣ обратился, какъ бы между прочимъ, къ графу Сольскому и сказалъ: «А затѣмъ я васъ прошу, графъ, собирать совѣтъ по всѣмъ вопросамъ, которые будутъ возбуждены министрами или которые Я буду указывать». Это повелѣніе всѣхъ смутило, такъ какъ во первыхъ оно было неясно, слѣдуетъ ли въ комитетѣ министровъ продолжать обсужденіе по указу 12-го декабря, во вторыхъ никогда ранѣе совѣтъ министровъ не собирался иначе, какъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, а въ третьихъ въ сущности это повелѣніе Государя упраздняло комитетъ министровъ.

Вслѣдъ за этимъ графъ Сольскій испрашивалъ указаній Государя, о томъ, какъ понимать Его повелѣніе. Какія указанія онъ получилъ, я

въ точности не знаю; кажется, не получилъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Для всѣхъ же было очевидно, что Государь уже не придаетъ значенія реформамъ, провозглашеннымъ указомъ 12-го декабря, и что Онъ находится подъ вліяніемъ лицъ, имъ враждебныхъ. Это, впрочемъ, имѣло мѣсто уже со времени исторіи взятія Портъ-Артура, всей безобразовщины и несчастной войны.

Мнѣ постоянно говорили, что Государь меня не любитъ, а другіе — ненавидитъ, потому что у меня рѣзкая манера говорить съ Нимъ. Я сознаю, что вообще при спорахъ бываю рѣзокъ и всегда говорю въ сыромъ видѣ то, что думаю. Это, вѣроятно, шокировало Государя. Но такъ я говорилъ и съ покойнымъ отцомъ Его Александромъ III и никогда не слышалъ отъ Него прямо или косвенно по этому предмету упрековъ. Александръ III благоволилъ ко мнѣ до самой смерти и говорилъ, что Ему нравится, что я всегда не стѣсняясь говорю то, что думаю.

Императрица Марія Өеодоровна была ко мнѣ, когда Императоръ Александръ III былъ живъ, враждебна изъ за сплетенъ, связанныхъ съ моей женитьбой. При первомъ представленіи моемъ Императрицѣ послѣ смерти Ея Августѣйшаго мужа, я, между прочимъ, сказалъ о томъ, какъ новый Императоръ будетъ относиться къ министрамъ, назначеннымъ Его отцомъ, и что при существующихъ интригахъ могутъ быть въ этомъ отношеніи неожиданности. На это Императрица замѣтила:

— Едва ли вамъ слѣдуетъ жаловаться на интриги, вѣдь интриги эти не поколебали васъ при моемъ мужѣ и до самой Его смерти вы были министромъ, къ которому Онъ наиболѣе благоволилъ.

Конечно, Императоръ Николай часто питалъ ко мнѣ дурныя чувства не потому, что у меня рѣзкая манера говорить и даже не столько вслѣдствіе интригъ, а потому, что въ глубинѣ своей души Онъ не можетъ не сознавать, что все, что я Ему говорилъ, все, о чемъ я Его предупреждалъ — случалось и случалось именно потому, что Онъ меня не послушалъ.

Послѣ послѣдовавшаго сказаннаго выше повелѣнія графу Сольскому, въ комитетѣ министровъ разсматривались только текущія дѣла, всѣ же дѣла по преобразованіямъ перешли въ совѣщанія, которыя иногда назывались совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго.

Такимъ образомъ, всѣ работы по Булыгинской Думѣ прошли въ совѣщаніи графа Сольскаго безъ всякаго моего сколько бы то ни было активнаго участія, а при окончательномъ обсужденіи этого вопроса въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Его Величества я былъ въ Америкѣ. Затѣмъ, послѣ 17 октября измѣненіе учрежденій о Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ обсуждалось также подъ предсѣдательствомъ гра-

фа Сольскаго, только при моемъ участіи и прочихъ министровъ. Докладчикомъ у Государя по этимъ дѣламъ являлся графъ Сольскій, а всю работу велъ государственный секретарь баронъ Икскуль и его товарищъ Харитоновъ, который затѣмъ за эту работу былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ совѣщаніи участвовали многіе члены Государственнаго Совѣта и, между прочимъ, графъ Паленъ, Э. В. Фришъ, Голубевъ, графъ Игнатьевъ и проч.

Если бы эта работа, какъ сіе должно было быть, велась совѣтомъ министровъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, какъ предсѣдателя совѣта министровъ, то, конечно, она была бы, если не лучше, то во всякомъ случаѣ была бы объединена однѣми и тѣми же идеями и все это не было бы сдѣлано съ такимъ спѣхомъ.

Второе обстоятельство, имѣвшее мѣсто при обсужденіи вопросовъ по указу 12-го декабря, это было выступленіе Дурново въ качествѣ товарища министра сперва Мирскаго, а потомъ Булыгина. Всѣ сужденія, которыя высказывалъ Дурново, отличались знаніемъ дѣла, крайней разсудительностью и свободнымъ выраженіемъ своихъ мнѣній. Я ранѣе зналъ Дурново за человѣка умнаго, характернаго, многому научившагося, проходя службу по судебному вѣдомству. Сужденія же имъ высказанныя по вопросамъ указа 12-го декабря особенно обратили мое на него вниманіе. Они обратили также на него и вниманіе Государя Императора, который не особенно охотно согласился назначить его управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ мой кабинетъ, вѣроятно, видя въ немъ либерала. Но затѣмъ, усматривая, что Дурново дѣлаетъ все, что пріятно Государю, Трепову и министру двора, началъ крайне къ нему благоволить; поэтому Дурново эмансипировался отъ меня, какъ предсѣдателя совѣта министровъ и отъ Совѣта и началъ вести собственную политику. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, я, неся за все отвѣтственность, часто не зналъ, что дѣлаетъ Дурново, а высшую политику стремился черезъ Государя вести Треповъ и часто не безуспѣшно. Я же, по мѣткому выраженію писателя Буренина (изъ «Новаго Времени») обратился въ tête de turc, по которой каждый прохожій воленъ ударять для измѣренія силы своихъ мускуловъ.

Когда послѣдовалъ указъ 12-го декабря, то я хотѣлъ привлечь къ работѣ лицъ, издававшихъ и нынѣ издающихъ журналъ «Право», такъ какъ въ немъ помѣщались многія серьезныя статьи и въ то время безъ революціонныхъ тенденцій. Вслѣдствіе сего, я принялъ одного

изъ главныхъ сотрудниковъ этого журнала, бывшаго чиновника министерства юстиціи І. Гессена.

Онъ на меня произвелъ впечатлѣніе умнаго и знающаго человѣка, говорилъ о нашихъ, всѣмъ культурнымъ людямъ извѣстныхъ, безпорядкахъ и въ особенности о томъ, какъ Муравьевъ совершенно обезобразилъ судебныя учрежденія, но никакой пользы отъ этихъ разговоровъ я не извлекъ. Затѣмъ я просилъ зайти ко мнѣ другого сотрудника, сына бывшаго министра юстиціи В. Набокова. Этотъ мнѣ прямо объявилъ, что существующему режиму онъ ни въ чемъ и никакого содѣйствія оказывать не будетъ. Затѣмъ, І. Гессенъ попался въ какую то исторію и былъ заключенъ въ тюрьму, его жена ходила ко мнѣ и все увѣряла, что ея мужъ не выдержитъ заключенія. Я за него хлопоталъ, его освободили и онъ приходилъ ко мнѣ благодарить. Затѣмъ, оба эти лица были во главѣ, такъ называемыхъ, кадетовъ, которые послѣ 17 октября пошли на меня войной, желая вырвать власть у Государя.

Собственно говоря, если 17 октября вмѣсто установленія нормально-дѣйствующей конституціи до сихъ поръ дало только революцію, то главная вина падаетъ на кадетовъ и ихъ вождей. Въ сущности они хотѣли не конституціонную монархію, а республику съ наслѣдственнымъ президентомъ, да и то до поры до времени, покуда существуетъ «монархическій предразсудокъ» въ народѣ.

Тогда же я познакомился съ профессоромъ Петражицкимъ, выдающимся ученымъ, замѣчательно талантливымъ и умнымъ человѣкомъ. Онъ тоже послѣ увлекся и попалъ въ кадеты, но въ благоразумные. Петражицкій оказалъ мнѣ нѣкоторое содѣйствіе по нѣкоторымъ вопросамъ указа 12-го декабря.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

МАНИФЕСТЪ О НЕСТРОЕНІЯХЪ И СМУТАХЪ И УКАЗЪ БУЛЫГИНУ О ПРИВЛЕЧЕНІИ ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ

Отъ 15 до 20 февраля послѣдовало громадное сраженіе нашихъ войскъ съ войсками японскими и несмотря на увѣреніе, объявленное приказомъ главнокомандующаго Куропаткина, что уже далѣе Мукдена онъ не отступитъ ни за что, мы потерпѣли громадное пораженіе. Бой былъ исключительный по количеству войскъ въ немъ участвующихъ, затѣмъ мы вынуждены были въ безпорядкѣ отойти по направленію къ Харбину. Это было послѣднее, но великое наше пораженіе. Я не помню ни одного такого громаднаго пораженія на сушѣ, которое бы потерпѣла русская армія, какъ то, которое мы потерпѣли въ Мукденѣ.

17 февраля вернулся въ Петербургъ командующій войсками въ Портъ-Артурѣ, который довольно постыдно сдалъ Портъ-Артуръ непріятелю. Этотъ командующій войсками Стессель, тѣмъ не менѣе, представлялся Государю Императору и имѣлъ счастье у Него завтракать. Затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ судился военнымъ судомъ и былъ приговоренъ имъ, какъ виновный въ сдачѣ Портъ-Артура. Съ него сняли генералъ-адъютантскіе аксельбанты, онъ былъ заключенъ въ крѣпость, въ которой пребывалъ нѣсколько мѣсяцевъ, затѣмъ былъ прощенъ Государемъ и нынѣ живетъ частнымъ обывателемъ, гдѣ то около Москвы.

Я первый разъ видѣлъ этого генерала Стесселя, когда пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ. Въ числѣ другихъ онъ меня встрѣтилъ на вокзалѣ. Какъ то разъ передъ этимъ въ него стрѣлялъ какой то нашъ офицеръ.

По этому предмету я имѣлъ разговоръ съ генераломъ Стесселемъ и съ намѣстникомъ, въ то время еще начальникомъ Квантунской области, Алексѣевымъ, который былъ встревоженъ этимъ случаемъ и спрашивалъ моего мнѣнія. Я ему высказалъ, что не входя въ обсужденіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя Стессель, я бы на его мѣстѣ предалъ этого офицера военному суду и его разстрѣлялъ, такъ какъ немыслимо допускать на окраинѣ подобные случаи. Но слыша разсказы тамошнихъ дѣятелей о Стесселѣ, я тогда же составилъ о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, подобномъ глупому непородистому жеребцу.

Я былъ очень удивленъ, когда послѣ объявленія войны онъ былъ назначенъ главнымъ военнымъ начальникомъ въ Портъ-Артурѣ. Я тогда же на основаніи тѣхъ отзывовъ, которые я слышалъ о генералѣ Стесселѣ въ Портъ-Артурѣ, былъ убѣжденъ, что онъ еще ухудшитъ и безъ того тяжелое положеніе, въ которомъ портъ-артурцы очутились.

Въ это время смута и революціонное движеніе въ Россіи колыхались во всѣ стороны, одновременно наверху явился полный хаосъ, или вѣрнѣе полнѣйшая растерянность.

* Не успѣли покончить малополезныя работы по указу 12-го декабря, когда опять состоялся совѣтъ по вопросу о привлеченіи выборныхъ къ законодательству. Эту тему въ засѣданіи особенно поддерживали Ермоловъ, Манухинъ (назначенный министромъ юстиціи вмѣсто Муравьева) и Коковцевъ. Послѣдній заявилъ, что безъ такого шага будетъ трудно сдѣлать заемъ, который является необходимымъ въ виду войны. Булыгинъ также заявилъ, что внутреннее положеніе Россіи его все болѣе и болѣе убѣждаетъ, что эта мѣра необходима.

Я присутствовалъ на этомъ засѣданіи, но молчалъ. Засѣданіе ничѣмъ опредѣленнымъ не кончилось, но Государь поручилъ Булыгину составить проектъ рескрипта на Его имя, въ которомъ давалось бы ему, Булыгину, министру внутреннихъ дѣлъ, порученіе составить проектъ привлеченія выборныхъ къ законодательству. Затѣмъ слѣдующее засѣданіе для обсужденія проекта рескрипта было назначено на завтра, хорошенько не помню. *

17 февраля всѣ министры и я, какъ предсѣдатель комитета, были приглашены къ Государю Императору въ Царское Село для обсужденія мѣръ, которыя необходимо принять для успокоенія общества.

Когда мы пріѣхали на вокзалъ, сѣли въ вагонъ и поѣздъ двинулся, то одинъ изъ министровъ говоритъ: «А вы читали манифестъ, который сегодня появился въ собраніи узаконеній, а равно и указъ сенату». Мы всѣ были удивлены, не имѣя понятія ни объ этомъ манифестѣ, ни объ указѣ. Въ томъ числѣ былъ удивленъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ. Конечно, мы всѣ обратились къ министру юстиціи Манухину, прося его объясненія, какимъ образомъ случилось, что появился этотъ манифестъ и указъ совершенно неожиданно.

Тогда министръ объяснилъ, что вечеромъ этотъ указъ и манифестъ былъ препровожденъ въ Сенатъ для опубликованія. Сенатская типографія не хотѣла опубликовать безъ его разрѣшенія и обратилась къ нему. Онъ считалъ, что нельзя опубликовать безъ соблюденія всѣхъ нужныхъ формальностей, поэтому онъ снесся съ начальникомъ канцеляріи Его Величества Танѣевымъ, который сказалъ, что послѣдовало указаніе, что Государь Императоръ приказалъ опубликовать. Поэтому онъ и разрѣшилъ опубликовать въ виду категорическаго Высочайшаго повелѣнія «манифестъ о нестроеніи и смутахъ». Какъ это было ясно по его редакціи, по слогу, такъ и по мысли, вложенной въ него, и какъ это затѣмъ вполнѣ подтвердилось, онъ былъ написанъ и составленъ К. П. Побѣдоносцевымъ, который все время числился больнымъ и проводилъ мысли совершенно реакціонныя, не соотвѣтствующія всему тому, что проповѣдывалось указомъ 12-го декабря, и всѣмъ тѣмъ мѣрамъ, которыя во исполненіе этого указа 12 декабря были приняты [1].

А указъ сенату заключался въ томъ, что предоставлялось право всему населенію обращаться съ петиціями въ совѣтъ министровъ, а въ то время совѣтъ министровъ это было учрежденіе, которое весьма рѣдко собиралось, иногда по цѣлому году не собиралось, но которое числилось подъ предсѣдательствомъ Государя Императора [2]. Мѣры эти

[1] Варіантъ: * Кто былъ авторъ этого манифеста? Не Булыгинъ, не Треповъ и никто изъ присутствовавшихъ. Побѣдоносцева не было. Пріѣхавши въ Царское Село, мы узнали, что манифестъ этотъ былъ посылаемъ наканунѣ Побѣдоносцеву, который отвѣтилъ, что манифестъ такъ хорошо составленъ, что онъ не можетъ измѣнить ни одного слова. Затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что манифестъ былъ переданъ Государю Императрицею, а Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ доставленъ полковникомъ отъ котлетъ княземъ Путятинымъ. А кто писалъ, такъ мнѣ и осталось неизвѣстнымъ, вѣроятно, одинъ изъ столповъ черносотенцевъ. *

[2] Указъ сенату о петиціяхъ, который, въ сущности говоря, принципіально ничего особеннаго не представлялъ; но практически онъ представлялъ собою вещь совершенно неисполнимую; ибо если допустить, чтобы въ Совѣтъ всякій могъ подавать петиціи и что всѣ онѣ должны разбираться, то тогда нужно было

весьма поразили всѣхъ членовъ комитета министровъ, ѣхавшихъ на засѣданіе къ Государю.

Государь явился на засѣданіе, какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не было манифеста. Въ душѣ, вѣроятно, Государь благодушно злорадствовалъ, такъ какъ Онъ всегда любилъ неожиданностями озадачивать своихъ совѣтчиковъ.

Еще до засѣданія нѣкоторые члены, которые хотѣли знать, какъ это все понимать, обратились съ вопросами къ Его Величеству. Его Величество, тѣмъ не менѣе, высказалъ, что онъ того направленія, подъ вліяніемъ котораго былъ изданъ указъ 12 декабря, не измѣнялъ, что онъ остается при этихъ мнѣніяхъ и что онъ не видитъ разногласія между манифестомъ о нестроеніи и смутахъ и указомъ сенату о правѣ петицій съ указомъ 12 декабря, хотя манифестъ находился съ нимъ въ явныхъ противорѣчіяхъ.

Въ засѣданіи всѣ министры высказывались, что смута идетъ такимъ ходомъ, что необходимо принять какія нибудь мѣры, которыя могли бы успокоить Россію и что единственная эта мѣра есть установленіе народнаго представительства, хотя бы въ формѣ совѣщательной.

*Булыгинъ прочелъ проектъ рескрипта, предрѣшающій болѣе или менѣе широкое участіе выборныхъ отъ населенія въ законодательствѣ, т. е. провозглашающій принципы діаметрально противоположные тому, что объявлялось въ опубликованномъ нѣсколько часовъ тому назадъ манифестѣ. Начался обмѣнъ мыслей, сводящихся къ различнымъ замѣчаніямъ болѣе или менѣе серьезнымъ по редакціи рескрипта. Я все время молчалъ. Сдѣланъ былъ перерывъ засѣданія для завтрака. По обыкновенію всѣ бывшіе на засѣданіи завтракали отдѣльно, а Государь у Императрицы.

Во время завтрака меня кто то спросилъ мое мнѣніе. Я отвѣтилъ, что мнѣ кажется, что присутствующіе заспорятся о деталяхъ и рескриптъ провалится. Въ данномъ случаѣ всѣ были такъ фруасированы

Совѣтъ обратить въ постоянное учрежденіе съ цѣлыми министерствами, но мысль, которая руководила авторомъ составленія этого указа, конечно, заключалась въ томъ, что Государь Императоръ долженъ стоять лицомъ къ лицу къ народу, что между нимъ и народомъ не должно быть никакого средостѣнія, что, молъ, министры подрываютъ престижъ неограниченнаго монарха и поэтому надо, такъ сказать, поставить Государя Императора лицомъ къ лицу съ народомъ.

Конечно, это есть только мысль, фраза, которая ничего реальнаго, а въ особенности практическаго не выражаетъ. А потомъ начало столько сыпаться петицій въ Совѣтъ, что указъ этотъ долженъ былъ быть отмѣненъ, одновременно съ манифестомъ объ учрежденіи Государственной Думы совѣщательнаго порядка 6-го августа того же самаго года.

продѣлкою съ манифестомъ, что согласились не спорить о деталяхъ и всѣ согласились на редакцію Булыгина.

Когда послѣ завтрака Государь открылъ засѣданіе, то былъ, видимо, удивленъ, что всѣ заявили, что не имѣютъ никакихъ замѣчаній по проекту рескрипта. Послѣ этого Государь подписалъ рескриптъ. Князь Хилковъ отъ умиленія расплакался, а графъ Сольскій произнесъ благодарственное прочувственное слово.

Такимъ образомъ въ одинъ и тотъ же день появилось два совершенно противоположныхъ государственныхъ акта, впрочемъ, это бывало и ранѣе, и позднѣе. Вѣдь еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился манифестъ 3-го іюня 1907 года, подтверждающій манифестъ 17 октября, а черезъ нѣсколько дней телеграмма Государя проходимцу Дубровину, предсѣдателю союза русскихъ людей, въ сущности, совершенно отрицающая манифестъ 17-го октября.

Само собой разумѣется, что при такомъ веденіи дѣла, несмотря на теперешнее желаніе Россіи такъ или иначе покончить съ революціей, нельзя добыть и ожидать спокойствія. Россіей играютъ, какъ игрушкою, можетъ быть, не дурныя, но все же дѣти. Вѣдь на войну съ Японіей смотрѣли, какъ на войну съ оловянными солдатиками. Такая уже психика — психика полной безотвѣтственности, какъ здѣсь, такъ и на небѣ...

Послѣ я уже не принималъ никакого участія въ выработкѣ проекта Думы Булыгина. Когда проектъ этотъ былъ оконченъ Булыгинымъ, онъ поступилъ на разсмотрѣніе Совѣта или совѣщанія Сольскаго. По поводу рѣшенія этого совѣщанія былъ составленъ болѣе или менѣе подробный журналъ, всѣми подписанный и отпечатанный, изъ котораго видны въ главныхъ чертахъ происходившія сужденія. Я принималъ въ этихъ совѣщаніяхъ пассивное участіе. Совѣтъ Сольскаго въ главныхъ основаніяхъ одобрилъ проектъ Булыгина. Затѣмъ, когда я уѣхалъ въ Америку, дѣло это окончательно обсуждалось въ Петергофѣ въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ Государя, въ которомъ участвовали кромѣ членовъ совѣта графа Сольскаго, нѣкоторые Великіе Князья (Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ) и другія лица, въ томъ числѣ столпы консерватизма Побѣдоносцевъ, Игнатьевъ, Нарышкинъ, (тогда сенаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта отъ дворянства), графъ Бобринскій (бывшій Петербургскій предводитель дворянства) и проч. *

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЦУСИМА

*НЕСОМНѢННО, что колебанія Государя и камарильи, его окружающей, влѣво шло праллельно всѣмъ нашимъ позорнымъ сплошнымъ неудачамъ въ войнѣ съ Японіей. Эта же война все болѣе и болѣе возбуждала въ различныхъ направленіяхъ,во всѣхъ случаяхъ неблагопріятныхъ для существующаго режима, всѣ слои русскаго населенія. Психика всѣхъ обывателей Россіи начала перевертываться, всѣ начали сбиваться съ панталыку и въ концѣ концовъ, можно сказать, — Россія сошла съ ума. Дѣйствительно, чѣмъ въ сущности держалась Россійская имперія? Не только преимущественно, но исключительно своей арміей. Кто создалъ Россійскую имперію, обративъ московское полуазіатское царство въ самую вліятельную, наиболѣе доминирующую, великую европейскую державу? — Только сила штыка арміи.

Не передъ нашей же культурой, не передъ нашей бюрократической церковью, не передъ нашимъ богатствомъ и благосостояніемъ преклонялся свѣтъ. Онъ преклонялся передъ нашей силой, а когда въ значительной степени преувеличенно увидѣли, что мы совсѣмъ не такъ сильны, какъ думали, что Россія «колоссъ на глиняныхъ ногахъ», то сразу картина измѣнилась, внутренніе и внѣшніе враги подняли головы, а безразличные начали на насъ не обращать вниманія. Послѣ того, какъ мы позорно проиграли бой подъ Мукденомъ и отступили, причемъ отступленіе это во многихъ частяхъ было самое безпорядочное, для всѣхъ здравомыслящихъ людей было ясно, что слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы по возможности достойно покончить несчастную войну.

Былъ смѣненъ Куропаткинъ и на его мѣсто назначенъ старый, полуобразованный генералъ Линевичъ. Можетъ быть, недурной полковой командиръ, вѣроятно, лично храбрый (Куропаткинъ былъ тоже вполнѣ храбрый человѣкъ), но извѣстный только тѣмъ, что, когда взялъ вмѣстѣ

съ союзными войсками Пекинъ, то произвелъ громадный грабежъ, въ коемъ и лично не остался въ сторонѣ. Взятіе Пекина никакой военной славы никому дать не можетъ, а потому слава Линевича, если и была, то болѣе была основана на фактѣ грабежа пекинскихъ дворцовъ*.

Я уже указывалъ на то, что Великій Князь Николай Николаевичъ еще до войны имѣлъ значительное вліяніе на Государя Императора и что онъ былъ въ нѣкоторой коалиціи съ Куропаткинымъ, когда еще этотъ послѣдній былъ военнымъ министромъ и предназначался командующимъ арміей въ ожидаемой войнѣ съ Австріей, въ то время, какъ Великій Князь Николай Николаевичъ назначался командующимъ арміей противъ Германіи.

Когда ушелъ Куропаткинъ и его мѣсто занялъ Сахаровъ, человѣкъ въ высокой степени почтенный и умный, но съ небольшимъ темпераментомъ, то Николай Николаевичъ пріобрѣлъ еще большее вліяніе.

Вслѣдствіе этого, когда Сахаровъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, то былъ возбужденъ вопросъ относительно того, чтобы подраздѣлить власть военнаго министра; устроить ареопагъ, который, какъ высшее военно-морское учрежденіе, находящееся подъ непосредственнымъ начальствомъ Его Императорскаго Величества, занимался бы вопросами государственной обороны.

Вслѣдствіе этого былъ образованъ совѣтъ государственной обороны и на мѣсто предсѣдателя былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Въ сущности говоря, дѣло сводилось къ тому, что Великій Князь Николай Николаевичъ былъ назначенъ, подъ видомъ предсѣдателя совѣта государственной обороны, начальникомъ какъ военнаго, такъ и морского министровъ.

Затѣмъ, Великій Князь Николай Николаевичъ, по слабости, присущей всѣмъ Великимъ Князьямъ, началъ, конечно, тащить на высшія мѣста лицъ, которыя были близки, или къ нему лично, или къ его отцу, или же къ дамѣ близкой къ сердцу его отца — танцовщицѣ Числовой, или къ дамѣ, близкой къ сердцу самого Великаго Князя Николая Николаевича — г-жѣ Бурениной, и наконецъ лицъ, заслужившихъ благоволеніе его супруги Анастасіи, Княжны Черногорской.

Явилась мысль о подраздѣленіи всего военнаго вѣдомства, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Германіи, на два отдѣла: съ одной стороны — административный, находящійся въ завѣдываніи военнаго министра, а съ другой — чисто военный, находящійся подъ вѣдѣніемъ

начальника Императорскаго Генеральнаго штаба, непосредственно подчиненнаго Государю Императору.

Когда явился этотъ проектъ, то мое мнѣніе по этому предмету спрашивалъ бывшій въ то время министромъ Сахаровъ, который относился къ этому преобразованію довольно скептически, но не имѣлъ достаточно силы, чтобы оказать энергичное противодѣйствіе къ осуществленію этой затѣи. Я высказалъ ему тогда, что эта затѣя ни къ чему привести не можетъ, ибо въ Германіи, — чисто военная и административная часть раздѣлена снизу доверху и такимъ образомъ подраздѣленіе наверху является довольно естественнымъ: между тѣмъ у насъ, — судя по проекту, который онъ мнѣ показалъ, — предполагается нанизу все оставить безъ измѣненія, а только взять и назначить вмѣсто одного военнаго министра — двухъ министровъ: назвавъ одного — военнымъ министромъ, а другого — начальникомъ генеральнаго штаба. Очевидно, что изъ этого ничего, кромѣ двоевластія, выйти не можетъ. Такимъ образомъ, будетъ изуродована существующая у насъ система военнаго управленія, заимствованная у Франціи, система, основанная на военныхъ округахъ, а затѣмъ отъ этого преобразованія мы не подвинемся къ германской системѣ, которая не основана на военныхъ округахъ, гдѣ военная часть отъ административной раздѣляются отъ самаго низа, отъ ячеекъ арміи.

Тѣмъ не менѣе, предположеніе Великаго Князя Николая Николаевича было выполнено: генеральный штабъ былъ отдѣленъ отъ центральнаго военнаго министерства и на постъ этотъ былъ назначенъ генералъ Палицынъ; это весьма порядочный, хорошій человѣкъ, очень хорошій военный администраторъ, знающій всѣ военно-административныя тонкости, человѣкъ очень не глупый, но неимѣющій никакого военнаго и въ особенности боевого авторитета, а поэтому назначеніе такого лица, послѣ развала нашей арміи, на постъ, соотвѣтствующій въ Германіи посту фельдмаршала Мольтке, конечно, представляло такое явленіе, которое при серьезномъ, государственномъ отношеніи къ дѣлу было бы немыслимо.

Эта затѣя Великаго Князя Николая Николаевича долго не продержалась. Послѣ того, какъ была открыта Государственная Дума и, наконецъ, явилась третья Государственная Дума, полная несостоятельность организаціи, которая была дана Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, а равно и полный произволъ, который началъ проявляться въ дѣлѣ высшаго военнаго управленія, вслѣдствіе полной великокняжеской безотвѣтственности, сдѣлались столь очевидными и невозможными, что

все это пало: и совѣтъ государственной обороны и начальникъ генеральнаго штаба — все было снова упразднено и мы вернулись къ прежнему положенію дѣла, т. е. къ французской военной системѣ.

Этотъ эпизодъ не только нисколько не улучшилъ положенія нашей военной обороны, а наоборотъ — внесъ въ это дѣло еще большую деморализацію противъ той деморализаціи, которая получилась вслѣдствіе нашей позорной войны на Дальнемъ Востокѣ.

* Въ теченіе всей войны самыя толковыя военныя статьи, почти всегда безошибочно предвѣщавшія будущее, появлялись въ «Русскомъ Словѣ». Какъ оказалось впослѣдствіи, онѣ принадлежали перу московскаго земскаго статистика, кажется, Михайловскаго. Послѣ Мукденскаго погрома появилась статья, ясно выясняющая, что ожидать успѣха отъ дальнѣйшихъ дѣйствій Линевича невозможно. Я послалъ эту статью графу Гейдену, въ то время завѣдывавшему походной канцеляріей Государя, рекомендуя ему обратить вниманіе Его Величества на эту статью.

На мое препроводительное письмо, я получилъ отвѣтъ съ различными соображеніями и колкостями. Мнѣ передали, что отвѣтъ этотъ извѣстенъ Государю. Вслѣдствіе сего я написалъ письмо, въ которомъ, въ тонѣ того письма, на которое оно служило отвѣтомъ, высказалъ, что я, будучи противъ войны, всегда считалъ, что скорѣйшій миръ, конечно, соотвѣтствующій обстоятельствамъ, есть лучшій исходъ сего государственнаго преступленія, что чѣмъ скорѣе его заключатъ, тѣмъ будетъ для насъ выгоднѣе, и что напрасно возлагаютъ надежды на Рождественскаго, такъ какъ онъ успѣха имѣть не можетъ.

Тогда Государь по свойственному Ему оптимизму ожидалъ, что Рождественскій перевернетъ всѣ карты войны. Вѣдь Серафимъ Саровскій предсказалъ, что миръ будетъ заключенъ въ Токіо, значитъ только одни жиды и интеллигенты могутъ думать противное...

Оба сказанныя письма находятся въ моемъ архивѣ. Мнѣ извѣстно, что Его Величество прочелъ мое письмо, но оставилъ его безъ послѣдствій. Онъ ожидалъ, что Рождественскій разгромитъ японскій флотъ. Къ тому же извѣстная часть прессы, прародительница Дубровщины, увѣряла, что, какъ только Рождественскій вошелъ въ китайскія воды, вся Японія въ паникѣ.*

Адмиралъ Рождественскій былъ извѣстенъ, съ одной стороны, потому, что онъ былъ на пароходѣ «Вестѣ», который подъ начальствомъ

капитана Баранова, далъ, какъ говорятъ, мнимое сраженіе въ Черномъ морѣ турецкому военному судну, во время нашей послѣдней войны. Затѣмъ, въ послѣдніе годы, Рождественскій былъ начальникомъ артиллерійской команды морского вѣдомства и во время послѣднихъ смотровъ флота Его Величества умѣлъ выказать прекрасную стрѣльбу моряковъ и со всѣхъ сторонъ заслужилъ большую похвалу, даже со стороны Германскаго Императора Вильгельма.

* Что касается эскадры Рождественскаго, то у меня составилось по многимъ причинамъ полное убѣжденіе, что это предпріятіе бѣдственное, и бѣдственное потому, что, не принеся пользы въ смыслѣ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, приведетъ къ уничтоженію флота въ европейскихъ водахъ и послужитъ новымъ доказательствомъ полной несостоятельности нашего режима. Оно не могло имѣть успѣха, во первыхъ, потому, что мнѣ была извѣстна несостоятельность организаціи нашего флота, которая затѣмъ явно подтверждалась на Дальнемъ Востокѣ съ самаго начала войны. Во вторыхъ, я былъ весьма отрицательнаго мнѣнія о Рождественскомъ не только по аттестаціи, данной мнѣ о немъ еще Кази, но и адмираломъ Дубасовымъ (когда Рождественскаго посылали), который по вопросу вообще о силѣ этой эскадры далъ мнѣ нѣкоторыя данныя, хранящіяся въ моемъ архивѣ; въ третьихъ потому, что на меня Рождественскій, будучи начальникомъ морского штаба, произвелъ въ началѣ войны самое странное впечатлѣніе, когда онъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ настаивалъ, чтобы во всѣхъ портахъ европейской Россіи относительно торговыхъ судовъ ввести такіе порядки военнаго надзора, при которыхъ торговля была бы невозможна, увѣряя, что подъ видомъ торговыхъ судовъ могутъ прійти суда японскаго военнаго флота (что это было, глупость или трусость?). Какъ ни странно было это предположеніе адмирала Рождественскаго, но комитетъ министровъ отнесся къ нему вполнѣ отрицательно и предположенія морского министерства, поддержанныя, между прочимъ, и Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ, не получили утвержденія. Подъ впечатлѣніемъ такой идеи, находившейся въ головѣ Рождественскаго, и произошелъ траги-комическій инцидентъ въ Гулѣ, когда шла его эскадра на Дальній Востокъ; наконецъ, графъ Ламсдорфъ и Великій Князь Александръ Михайловичъ разсказывали мнѣ то, что происходило въ засѣданіи, когда окончательно рѣшили отправить эскадру Рождественскаго. Изъ этого разсказа было ясно, что присутствовавшіе всѣ сомнѣвались въ успѣхѣ этого предпріятія; а нѣкоторые члены совѣщанія были

убѣждены въ неуспѣхѣ его и, если Государь рѣшилъ отправить эскадру, то съ одной стороны вслѣдствіе легкости сужденія, связаннаго съ оптимизмомъ, а съ другой потому, что присутствовавшіе не имѣли мужества говорить твердо то, что они думали. *

Такъ какъ я самъ участвовалъ во многихъ такихъ совѣщаніяхъ, то мнѣ представляется, что отрицательное мнѣніе это было выражаемо крайне осторожно, ибо, по обыкновенію, члены этихъ совѣщаній знали или догадывались о томъ или другомъ желаніи Его Величества, а потому стѣснялись высказываться рѣшительно противъ этихъ желаній. Тѣ члены, которые не слѣдовали этому правилу, въ концѣ концовъ, навлекали на себя нареканіе и должны были покидать свои посты (къ такимъ членамъ причисляю я и себя).

Когда же дѣло дошло до того, что Рождественскій долженъ былъ высказать свое мнѣніе, то Рождественскій, какъ мнѣ говорилъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, сказалъ слѣдующее: «Онъ находитъ, что экспедиція эта очень трудная, но если Государь Императоръ прикажетъ ее ему совершить, то онъ встанетъ во главѣ эскадры и поведетъ ее на бой въ Японію».

Затѣмъ, Его Величеству, предъ отправленіемъ Рождественскаго на бой, на Дальній Востокъ, благоугодно было оказать ему милость — повести адмирала къ малолѣтнему наслѣднику престола, Алексѣю Николаевичу, отъ котораго Рождественскій, кажется, получилъ въ видѣ благословенія образокъ.

Исторія всей этой экспедиціи извѣстна. О томъ, что она потерпитъ крушеніе, всѣмъ лицамъ, умѣющимъ трезво разсуждать, хотя бы и не спеціалистамъ, было отлично извѣстно.

Между прочимъ, и я предупреждалъ объ этомъ, совѣтуя не доводить нашу эскадру до боя съ японскимъ флотомъ.

* Послѣ хотѣли вслѣдъ за эскадрой Рождественскаго послать нашъ скромный черноморскій флотъ, совершенно оголивъ Черное море. На этомъ настаивали Великій Князь Александръ Михайловичъ и графъ Гейденъ и склоняли Государя. Графъ Ламсдорфъ приходилъ ко мнѣ совѣтоваться. Я ему высказалъ, что посылка этой эскадры ничему не поможетъ на Дальнемъ Востокѣ, совершенно обезсиливъ насъ въ Черномъ морѣ, а главное, представляетъ актъ, противный международнымъ трактатамъ. Нарушеніе трактатовъ несомнѣнно вызоветъ большія осложненія въ Европѣ и, какъ только нашъ черноморскій флотъ покинетъ Черное море, въ него войдетъ англійскій флотъ. Графъ Ламсдорфъ всячески

противодѣйствовалъ посылкѣ черноморскаго флота, но, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, базировался лишь на соображеніяхъ дипломатическихъ. Въ моемъ архивѣ имѣется печатная записка по этому предмету графа Ламсдорфа. Въ данномъ случаѣ его вліяніе взяло верхъ.

Въ связи съ дѣломъ объ эскадрѣ Рождественскаго находилось дѣло о покупкѣ аргентинскаго флота. Исторія эта также безумна по своему политическому основанію, какъ, въ особенности, по исполненію. По политическому основанію она нелѣпа потому, что, если бы эта покупка совершилась, то державы, поддерживавшія Японію, въ этой покупкѣ нашли бы предлогъ усилить японскій флотъ подъ тою или другою формою своимъ флотомъ, такъ какъ продажей Аргентиной Россіи своего флота нарушался принципъ нейтралитета. Что-же касается исполненія этой покупки, то этимъ дѣломъ подъ флагомъ большой секретности занимались такіе господа какъ Котю (Панама), адмиралъ Абаза, который ѣздилъ заграницу, измѣнялъ свою фамилію, переодѣваясь, брѣя свою бороду и усы — однимъ словомъ, съ полнѣйшей конспираціей, а къ нимъ прилѣпились десятки темныхъ дѣльцовъ.

Флотъ, конечно, пріобрѣтенъ не былъ, но были затрачены и украдены многіе милліоны. Это одна между многими другими изъ исторій безобразнѣйшаго хищенія казенныхъ денегъ. *

14 и 15 мая произошелъ несчастнѣйшій цусимскій бой и вся наша эскадра была похоронена въ японскихъ водахъ. Это былъ послѣдній ударъ той несчастной затѣѣ, которая привела насъ къ японской войнѣ.

Послѣ этого пораженія у всѣхъ явилось сознаніе, что необходимо покончить войну миромъ и это теченіе такъ сильно начало проявляться, что дошло, наконецъ, и до трона.

Его Императорское Величество началъ склоняться къ мысли о примиреніи.

Въ теченіе всей кампаніи я нѣсколько разъ пытался повліять въ смыслѣ прекращенія войны, не ожидая отъ продолженія ея никакихъ для насъ выгодъ. Но всѣ мои попытки ни къ какимъ результатамъ не приводили. Но благодаря этимъ попыткамъ Его Величество зналъ, какъ я былъ противъ того, чтобы начинать эту войну, принесшую намъ такія несчастья, такъ и въ теченіе войны стремился, — и не скрывалъ моихъ мыслей передъ Его Величествомъ, — не доводить войну до крайности и покончить скорѣе дѣло миромъ; такъ какъ я былъ

увѣренъ, что чѣмъ раньше мы пойдемъ на мирные переговоры, тѣмъ лучшіе результаты нами будутъ достигнуты.

Послѣ Цусимскаго боя генералъ-адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ и морской министръ Авеланъ просили Государя ихъ уволить. Этотъ поступокъ Великаго Князя и Авелана былъ въ высокой степени благородный. Они высказались въ томъ смыслѣ, что разъ флотъ потерпѣлъ такое крушеніе — лица, стоявшія во главѣ флота, не могутъ болѣе оставаться въ томъ же положеніи.

Еще до Цусимскаго боя вмѣсто адмирала Макарова, начальникомъ нашей дальневосточной эскадры, т.-е. начальникомъ нѣсколькихъ судовъ, оставшихся во Владивостокѣ, былъ назначенъ адмиралъ Бирилевъ. Послѣ Цусимскаго пораженія, очевидно Бирилеву нечего было дѣлать на Дальнемъ Востокѣ и поэтому не успѣлъ онъ туда пріѣхать, какъ вернулся обратно и былъ назначенъ морскимъ министромъ.

Бирилевъ былъ морскимъ министромъ въ моемъ министерствѣ послѣ 17-го октября 1905 года, затѣмъ былъ министромъ въ министерствѣ Горемыкина и въ министерствѣ Столыпина.

По мѣрѣ нашихъ военныхъ неудачъ смута и революціонное теченіе въ Россіи все болѣе и болѣе увеличивались; вслѣдствіе этого, 21 мая петербургскій генералъ-губернаторъ Треповъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и ему были даны особыя полномочія по завѣдыванію полиціей. Въ сущности Треповъ сдѣлался, — впрочемъ онъ и ранѣе былъ, — негласнымъ диктаторомъ.

Почтеннѣйшій министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ являлся лишь ширмой; онъ занимался всѣми спокойными дѣлами, а всѣ неспокойныя дѣла находились въ полномъ произвольномъ распоряженіи генерала Трепова, а такъ какъ въ то время вся Россія была въ неспокойномъ состояніи, то изъ этого очевидно, что роль министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина была совершенно стушевана.

Послѣ Цусимскаго боя былъ упраздненъ особый комитетъ Дальняго Востока и адмиралъ Алексѣевъ былъ уволенъ отъ должности намѣстника Дальняго Востока. Впрочемъ, комитетъ Дальняго Востока ни разу не собирался, а когда началась война, то намѣстникъ Дальняго Востока, уволенный отъ командованія арміей и пріѣхавшій въ Россію, потерялъ всякое значеніе, такъ что упраздненіе особаго комитета и увольненіе Алексѣева отъ должности намѣстника, — на каковую должность, конечно, уже никто никогда послѣ назначаемъ не былъ, — представляло

собою ничто иное, какъ своего рода панихиду надъ позорно погибшею авантюрой Безобразова и компаніи.

Но все таки, когда адмиралъ Алексѣевъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго дѣйствующей арміей, то онъ въ утѣшеніе получилъ Георгія на шею, хотя и не слышалъ въ своей жизни ни одного выстрѣла, а во время войны пребывалъ спокойно въ Мукденѣ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь болѣе состояніемъ своего тѣла, нежели состояніемъ дѣйствующей арміи.

Впрочемъ, послѣднее можетъ быть поставлено Алексѣеву только въ плюсъ, потому что несомнѣнно, если бы онъ началъ заниматься дѣйствующей арміей, то по полному своему невѣжеству въ этомъ дѣлѣ, онъ не могъ бы сдѣлать ничего кромѣ ущерба для арміи.

Адмиралъ Алексѣевъ носитъ этотъ, данный ему Георгій на шеѣ, по принятому статуту этого ордена, постоянно, и Алексѣеву дѣлаетъ честь то, что онъ одновременно носитъ и длинную бороду, которая закрываетъ этотъ орденъ и такимъ образомъ не возбуждаетъ у лицъ, на него смотрящихъ, печальныя мысли о томъ: какими путями иногда у насъ въ Россіи лица достигаютъ столь высокихъ постовъ, какъ постъ намѣстника русскаго великаго Государя и какимъ образомъ лица эти иногда получаютъ высшіе военные ордена, между тѣмъ, какъ дѣйствительные наши военные герои этой чести не удостаиваются, ибо этого высшаго военнаго ордена не имѣютъ многіе изъ русскихъ генераловъ, которые, дѣйствительно, отличились на послѣдней войнѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Государь Императоръ принялъ извѣстную депутацію земскихъ и городскихъ дѣятелей, во главѣ которой былъ князь Трубецкой, профессоръ московскаго университета.

Эта депутація недвусмысленно высказала Его Величеству свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что Россія ждетъ отъ Его Величества измѣненія государственнаго порядка въ смыслѣ привлеченія къ законодательнымъ дѣламъ народа и общества.

Его Величество милостиво отвѣчалъ на эту рѣчь и въ этомъ отвѣтѣ, если не обѣщалъ водворенія государственнаго строя на основаніи народнаго представительства, то, во всякомъ случаѣ, и не отвергъ желанія, Ему откровенно высказанныя этой депутаціей.

Въ этомъ смыслѣ черезъ нѣсколько дней, 18 іюня, послѣ представленія Его Величеству депутаціи, во главѣ которой стоялъ князь

Трубецкой, высказались и петербургскій и московскій губернскіе предводители дворянства, которые также представлялись Его Величеству, а именно графъ Гудовичъ и кн. Трубецкой — братъ профессора Трубецкого, — которые представили Его Величеству всеподданнѣйшую записку отъ двадцати шести губернскихъ предводителей дворянства.

Конечно, въ этой всеподданнѣйшей запискѣ предводителей дворянства излагались болѣе скромныя мысли, но, во всякомъ случаѣ, и въ этой запискѣ была высказана мысль, что такъ далѣе Россія жить не можетъ.

Приблизительно въ концѣ іюня мѣсяца Россія пришла въ такое положеніе, что Государь явно почувствовалъ, что необходимо принять какія нибудь рѣшительныя крутыя мѣры, чтобы въ Россіи не произошелъ полнѣйшій развалъ, который могъ грозить и всему царствующему дому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ПОРТСМУТСКІЙ МИРЪ

Въ концѣ іюня президентъ американской республики, Рузевельтъ, предложилъ свои услуги для того, чтобы привести Россію и Японію къ примиренію.

При какихъ условіяхъ произошли переговоры съ Японіей, закончившіеся портсмутскимъ трактатомъ — все это обрисовано въ систематическихъ документахъ, находящихся въ полномъ порядкѣ въ моемъ архивѣ. Изъ систематическаго тома этихъ документовъ видно, какъ возникла мысль о мирныхъ переговорахъ, какія были получены главноуполномоченными инструкціи по веденію этихъ мирныхъ переговоровъ, какимъ образомъ переговоры эти велись, благодаря чему они привели къ мирному разрѣшенію вопроса, а поэтому въ настоящихъ моихъ отрывочныхъ стенографическихъ замѣткахъ я эту часть дѣла излагать не буду. Я коснусь только нѣкоторыхъ болѣе или менѣе внѣшнихъ событій и инцидентовъ того времени, которые не содержатся въ сказанномъ томѣ документовъ.

Когда явился вопросъ о назначеніи главнаго уполномоченнаго для веденія мирныхъ переговоровъ, то графъ Ламсдорфъ словесно указывалъ Его Величеству на меня, какъ на единственнаго человѣка, который, по его мнѣнію, могъ бы имѣть шансы привести это дѣло къ благополучному концу.

Его Величеству не угодно было отвѣтить графу Ламсдорфу въ утвердительномъ смыслѣ, хотя Его Величество и не сказалъ «нѣтъ».

Нужно сказать, что въ это время, послѣ моего ухода съ поста министра финансовъ, я былъ въ своего рода опалѣ, въ какой я очутился

послѣ того, когда я покинулъ постъ предсѣдателя совѣта министровъ, — во всякомъ случаѣ я не находился въ милости.

Съ другой стороны, все то, что я предсказывалъ относительно той политики, которая была ведена Безобразовымъ и компаніей, при содѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, а равно и о послѣдствіяхъ войны, которыя, по моему убѣжденію, должны были произойти отъ этой политики, — все, почти буквально, сбылось и сбылось даже значительно въ большей степени, въ значительно большемъ размѣрѣ, нежели я предсказывалъ.

При такомъ положеніи дѣла, естественно, что у Его Величества являлись въ отношеніи меня особыя чувства.

Достаточно знать характеръ крайне мягкій, деликатный, Государя Императора, чтобы понять, что послѣ всего происшедшаго Его Величеству было не особенно удобно приблизить меня опять къ себѣ, назначивъ главнымъ уполномоченнымъ по такому великому государственному дѣлу, какъ веденіе переговоровъ съ Японіей.

Не говоря уже о моихъ личныхъ предупрежденіяхъ Государя о послѣдствіяхъ войны, которыя я дѣлалъ оффиціально во всѣхъ комиссіяхъ, — ранѣе войны, въ отчаянную минуту, когда я видѣлъ, что дѣло ведется къ тому, что война непремѣнно произойдетъ — я счелъ необходимымъ, какъ я это уже разсказывалъ — высказать мои сомнѣнія и опасенія въ формѣ полнѣйшаго убѣжденія моему большому пріятелю князю Шервашидзе, прося его доложить о моемъ убѣжденіи Императрицѣ-матери, при которой кн. Шервашидзе состоитъ.

Князь Шервашидзе исполнилъ эту мою просьбу и мнѣ сдѣлалось извѣстно, что Императрица говорила объ этомъ съ Императоромъ, но Его Величество высказалъ, что онъ не видитъ никакой опасности и что войны не будетъ.

Я привожу этотъ эпизодъ, какъ такой фактъ, который несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что Его Величеству были отлично извѣстны мои убѣжденія и мои старанія предотвратить отъ Россіи и ея монарха великія бѣдствія, и что мои старанія не увѣнчались успѣхомъ потому, что Его Величеству не угодно было въ этомъ вопросѣ оказать мнѣ довѣріе, которое Государь мнѣ милостиво оказывалъ въ другихъ случаяхъ.

*Какъ то разъ мнѣ графъ Ламсдорфъ сказалъ, что рѣшили съ нашей стороны первымъ уполномоченнымъ назначить посла въ Парижѣ Нелидова и что теперь идетъ рѣчь, гдѣ съѣхаться уполномоченнымъ.

Рузевельтъ желаетъ, чтобы переговоры велись въ Америкѣ, но что было бы удобнѣе съѣхаться въ Европѣ. Я ему сказалъ, что было бы всего удобнѣе съѣхаться гдѣ-либо не далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, но если дѣлать выборъ между Америкой и Европой, то, пожалуй, будетъ удобнѣе въ Америкѣ, чтобы по возможности устраниться отъ интригъ европейскихъ державъ.

Затѣмъ былъ экстренно вызванъ нашъ посолъ въ Римѣ Муравьевъ. Графъ Ламсдорфъ мнѣ сказалъ, что Нелидовъ отказался отъ порученія, ссылаясь на свои лѣта и здоровье, что Извольскій, нашъ посланникъ въ Даніи, такъ-же отказался, заявивъ, что единственно кому можно было бы дать такое трудное порученіе, это Витте, въ виду его авторитетности, какъ въ Европѣ, такъ и на Дальнемъ Востокѣ, и что Государь рѣшилъ поручить эту миссію Муравьеву. Муравьевъ по пріѣздѣ провелъ у меня цѣлый вечеръ, говорилъ, что являлся Государю, который поручилъ ему ѣхать въ качествѣ уполномоченнаго въ Америку вести мирные переговоры съ японскими делегатами, что по его мнѣнію при настоящемъ положеніи вещей необходимо заключить миръ, о чемъ онъ откровенно доложилъ Государю, что онъ понимаетъ, что на него возлагается самая неблагодарнѣйшая задача, ибо все равно — заключитъ ли онъ миръ или нѣтъ, при настоящемъ положеніи Россіи его будутъ терзать одни, увѣряя, что, если бы миръ не былъ заключенъ, то мы побѣдили бы, — для оправданія позора войны, а другіе, въ случаѣ незаключенія мира, что всѣ послѣдующія неизбѣжныя несчастья произошли отъ того, что онъ не заключилъ мира, но что тѣмъ не менѣе онъ рѣшился на это пожертвованіе своей личностью и согласился оказать эту услугу Государю. Затѣмъ онъ спрашивалъ, кого я ему совѣтую взять съ собою, я указалъ на нашего посланника въ Пекинѣ Покотилова и директора департамента казначейства Шипова, (который затѣмъ былъ министромъ финансовъ въ моемъ кабинетѣ послѣ 17-го октября), какъ лицъ бывшихъ все время моими сотрудниками по дѣламъ Дальняго Востока.

Тогда-же Муравьевъ мнѣ говорилъ, что какъ онъ счастливъ, что своевременно ушелъ изъ чепухи, которая творится въ Петербургѣ, и высказывалъ, что живя теперь заграницею и видя дѣйствія парламентарнаго устройства, даже въ такой странѣ, какъ Италія, гдѣ масса соціалистовъ и крайнихъ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что послѣ всего происшедшаго, Россію можетъ спасти только конституція.

Онъ пробылъ у меня цѣлый вечеръ и не было нисколько замѣтно, что онъ нездоровъ, напротивъ того онъ говорилъ, что чувствуетъ себя отмѣнно.

Прошло нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я не видалъ Муравьева.

Послѣ одного изъ засѣданій комитета министровъ явился графъ Ламсдорфъ въ лентѣ, что давало всѣмъ основаніе думать, что онъ пріѣхалъ отъ Государя, и сказалъ мнѣ, что желаетъ со мною переговорить. Мы удалились въ кабинетъ предсѣдателя комитета министровъ и тутъ графъ Ламсдорфъ мнѣ заявилъ, что онъ пріѣхалъ отъ Государя, дабы изъ частной бесѣды узнать, не соглашусь ли я взять на себя переговоры о мирѣ съ Японіей и для сего ѣхать въ Америку; что Государь, ранѣе нежели мнѣ дѣлать это предложеніе, поручилъ ему въ виду нашихъ личныхъ хорошихъ отношеній узнать это отъ меня, такъ какъ Государю конечно будетъ неловко получить отъ меня отказъ. Я его спросилъ:

«А что-же Муравьевъ?»

Ламсдорфъ мнѣ отвѣтилъ, что Муравьевъ вчера былъ у Государя, заявилъ, что онъ совсѣмъ боленъ и не можетъ принять возлагаемую на него миссію, что даже прослезился у Государя и что Его Величество ему, Ламсдорфу, сказалъ, что Ему дѣйствительно показалось, что Муравьевъ боленъ. На вопросъ мой: — «какъ же вы объясняете себѣ этотъ инцидентъ?» Ламсдорфъ мнѣ отвѣтилъ, что Муравьевъ, совсѣмъ не зная этого дѣла и вообще не имѣя никакихъ дипломатическихъ свѣдѣній, какъ умный человѣкъ, все-таки понялъ всю опасность, которой онъ себя подвергаетъ, а во вторыхъ, онъ очень интересовался вопросомъ, сколько будетъ назначено на поѣздку перваго уполномоченнаго, разсчитывая на 100 тысячъ рублей, и былъ очень смущенъ, когда я ему сказалъ, что Государь, по моему докладу, уже назначилъ первому уполномоченному 15 тысячъ рублей». Затѣмъ я спросилъ графа Ламсдорфа, не можетъ ли онъ поѣхать самъ или предложить назначить своего товарища князя Оболенскаго. Графъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ оставить свой постъ не можетъ, а его товарищъ (и самый интимный другъ) князь Оболенскій на эту роль не годится. Потомъ онъ началъ взывать къ моему патріотизму, дабы я не отказался. Я отвѣтилъ, что не считая по моему положенію возможнымъ уклониться отъ этой миссіи, я ее приму, но если Государь лично меня попроситъ или прикажетъ.*

Вечеромъ я уже получилъ приглашеніе Его Величества на другой день пріѣхать къ Нему. На другой день утромъ, это было 29 іюня, послѣдовало мое назначеніе главнымъ уполномоченнымъ по веденію мирныхъ переговоровъ съ Японіей и на другой день утромъ я былъ у Государя и Государь меня благодарилъ, что я не отказался отъ этого назначенія, и сказалъ мнѣ, что Онъ желаетъ искренно, чтобы переговоры

пришли къ мирному рѣшенію, но только Онъ не можетъ допустить ни, хотя бы, одной копѣйки контрибуціи, ни уступки одной пяди земли. Что же касается того военнаго положенія, въ которомъ мы нынѣ находимся, то я долженъ поѣхать къ главнокомандующему войсками Петербургскаго округа и предсѣдателю обороны Великому Князю Николаю Николаевичу, который мнѣ и разъяснитъ положеніе нашей арміи на Дальнемъ Востокѣ.

Такимъ образомъ, мой разговоръ съ Его Величествомъ былъ очень кратокъ. Это было въ Царскомъ Селѣ. Изъ Царскаго Села я возвратился въ Петербургъ и поѣхалъ прямо къ министру иностранныхъ дѣлъ и передалъ ему тѣ указанія, которыя далъ мнѣ Государь Императоръ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ поинтересовался узнать, желаю ли я, чтобы со мною поѣхали всѣ тѣ лица, которыя были назначены для Муравьева, или же я желаю сдѣлать перемѣны; на что я отвѣтилъ, что я считаю неудобнымъ кого нибудь мѣнять, потому что это было бы обидно для тѣхъ, которые назначены, между тѣмъ я не имѣю въ виду никого обижать. Онъ мнѣ сказалъ, что со стороны военнаго министерства и дѣйствующей арміи состоять при главномъ уполномоченномъ назначены: генералъ Ермоловъ, нашъ военный агентъ въ Англіи, а изъ дѣйствующей арміи полковникъ Самойловъ, нашъ военный агентъ въ Японіи и лейтенантъ Русинъ.

Точно также графъ Ламсдорфъ спросилъ меня, желаю ли я сохранить ту инструкцію, которая была дана Муравьеву, или же я желалъ бы другую инструкцію, на что я сказалъ, что мнѣ это безразлично, при этомъ у насъ было обусловлено, что эта инструкція для меня не будетъ обязательна, а только я ею буду пользоваться постольку, поскольку я сочту нужнымъ.

Когда я отъ графа Ламсдорфа уходилъ, то онъ меня спросилъ:

«Скажите, пожалуйста, Сергѣй Юльевичъ, какія у васъ отношенія съ В. Н. Коковцевымъ, вѣдь онъ былъ вашимъ товарищемъ по министерству финансовъ, въ сущности говоря, человѣкъ, вами созданный, между тѣмъ онъ какъ будто не вполнѣ къ вамъ относится дружески».

Я его спросилъ, въ чемъ дѣло. Онъ на это мнѣ отвѣтилъ: когда я былъ въ комитетѣ министровъ и выходилъ изъ кабинета, послѣ того, какъ вы сказали, что вы согласны принять мѣсто уполномоченнаго и я считалъ вопросъ рѣшеннымъ, то онъ спросилъ меня, для чего я пріѣзжалъ къ предсѣдателю комитета министровъ. Я ему сказалъ и думалъ, что онъ обрадуется, а онъ мнѣ на это отвѣтилъ: Очень жаль, что предсѣдатель комитета министровъ назначается на это мѣсто, ибо это

означаетъ, что миръ будетъ заключенъ, потому что Сергѣй Юльевичъ пойдетъ на всякія условія.

Это тѣмъ не менѣе не мѣшало В. Н. Коковцеву и передъ моимъ выѣздомъ въ Америку и во время моего пребыванія въ Америкѣ все время телеграфировать мнѣ свои мнѣнія, клонящіяся къ мирному веденію и къ мирному окончанію переговоровъ.

При честности и благородствѣ графа Ламсдорфа, ему показался очень страннымъ разговоръ его съ Коковцевымъ по поводу моего назначенія главно-уполномоченнымъ по веденію мирныхъ переговоровъ съ Японіей.

На другой день послѣ того, какъ я имѣлъ счастье быть у Государя, я былъ у Великаго Князя Николая Николаевича. Великій Князь мнѣ сказалъ, что онъ, со своей стороны, отказывается высказать какое бы то ни было мнѣніе относительно того, слѣдуетъ ли окончить войну миромъ и какія условія могутъ быть приняты; что онъ со своей стороны ограничится только передачей мнѣ того положенія, въ которомъ находится наша дѣйствующая армія въ настоящее время, и затѣмъ уже онъ предоставляетъ мнѣ вывести изъ этого тѣ или иныя заключенія, причемъ онъ мнѣ указалъ, въ какомъ положеніи находится дѣйствующая армія, на что можно надѣяться и на что можно разсчитывать, передавъ, что эти заключенія не есть его личныя мнѣнія, а что они истекаютъ изъ тѣхъ заключеній, къ которымъ пришло совѣщаніе изъ военныхъ, бывшихъ подъ его предсѣдательствомъ.

*Великій Князь мнѣ довольно обстоятельно объяснилъ положеніе дѣла со свойственной ему опредѣленностью рѣчи, которая сводилась къ слѣдующему: 1. Наша армія не можетъ болѣе потерпѣть такого крушенія, какое она потерпѣла въ Ляоянѣ и Мукденѣ; 2. при благопріятныхъ обстоятельствахъ съ возможнымъ усиленіемъ нашей арміи имѣется полная вѣроятность, что мы оттѣснимъ японцевъ до Квантунскаго полуострова и въ предѣлы Кореи, т. е. за Ялу, что для этого вѣроятно потребуется около года времени, милліарда рублей расхода и тысячъ 200—250 раненыхъ и убитыхъ, и 3. что дальнѣйшихъ успѣховъ безъ флота мы имѣть не можемъ; 4. что въ это время Японія займетъ Сахалинъ и значительную часть[1] Приморской области. Великій Князь выражалъ мнѣніе, что во всякомъ случаѣ невозможно соглашаться на отдачу Японіи хотя пяди исконно-русской земли. Управляющій морскимъ министерствомъ Бирилевъ мнѣ сказалъ, что вопросъ съ флотомъ поконченъ. Японія является хозяиномъ водъ Даль-

[1] Варіантъ: нѣкоторыя части.

няго Востока. Что же касается мирныхъ условій, то невозможно соглашаться на какія-бы то ни было унизительныя условія, что касается уступокъ территоріальныхъ, то по его мнѣнію возможно уступить часть того, что мы сами въ благопріятныя времена награбили.*

Я тогда же записалъ резюме разговора со мною Николая Николаевича и эта запись находится въ моемъ архивѣ. Кромѣ того, впослѣдствіи я сообщилъ объ этихъ заключеніяхъ какъ министру иностранныхъ дѣлъ, такъ и военному министру. Это было черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, вслѣдствіе полемики, которую возбудилъ генералъ Куропаткинъ. Я хотѣлъ, чтобы въ обоихъ министерствахъ былъ слѣдъ тѣхъ указаній, которыя были мнѣ даны со стороны главнокомандующаго и предсѣдателя комитета обороны, когда я уѣзжалъ въ Америку вести мирные переговоры.

Я знаю, что когда я эти указанія сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову и военному министру Сухомлинову, то первый изъ нихъ приказалъ мое письмо приложить къ соотвѣтствующимъ бумагамъ Его Императорскаго Высочества, а военный министръ Сухомлиновъ письмо это докладывалъ Государю и Государь подтвердилъ, что то, что я сообщилъ, вѣрно, что дѣйствительно эти указанія мнѣ были даны со стороны Великаго Князя Николая Николаевича.

Послѣ того, какъ Великій Князь мнѣ передалъ оффиціально эти документы, я на другой день явился къ Его Величеству откланяться и хотѣлъ Ему Всеподданнѣйше доложить то, что мнѣ передалъ Великій Князь, но Государь, какъ только я началъ докладывать, мнѣ сказалъ, что это ему извѣстно, такъ какъ Николай Николаевичъ ему доложилъ объ этихъ заключеніяхъ.

Когда маркизъ Ито узналъ, что я ѣду главно-уполномоченнымъ, то онъ очень жалѣлъ, что онъ не можетъ ѣхать, и это сожалѣніе выразилъ въ телеграммѣ, но уже въ то время Комура со своей свитой уѣхалъ въ Америку.

*Итакъ, послѣ свиданія съ Государемъ, о которомъ сказано выше, и полученіи Его краткихъ указаній, я выѣхалъ 6-го іюля 1905 года въ Америку заключать мирный договоръ. Были-ли у Государя по этому предмету совѣщанія и съ кѣмъ именно, мнѣ неизвѣстно. Я знаю, что главнокомандующій постоянно сносился съ Его Величествомъ, но каковы были мнѣнія по этому предмету главнокомандующаго Линевича, мнѣ также было неизвѣстно. Я лично до самаго заключенія договора не получилъ отъ Линевича ни слова. Куропаткинъ, который оставилъ постъ

главнокомандующаго, остался подъ начальствомъ Линевича въ качествѣ командующаго одной изъ армій, еще ранѣе, нежели Государь меня назначилъ главноуполномоченнымъ для веденія переговоровъ, написалъ мнѣ краткое письмо (находится въ моемъ архивѣ), въ которомъ онъ говоритъ, что теперь армія значительно усилилась и что они побѣдятъ, «если не будутъ опять сдѣланы ошибки». Но вѣдь Куропаткинъ все время говорилъ, что побѣдитъ, не отступитъ отъ Мукдена, не сдастъ Портъ-Артура, а мы несмотря на его увѣренія все время теряли сраженія за сраженіями, и какъ теряли — съ какимъ позоромъ!..

Я лично увѣренъ, что Линевичъ и Куропаткинъ молили Бога о томъ, чтобы мнѣ удалось заключить миръ, такъ какъ имъ оставался только одинъ выходъ — это послѣ заключенія мира кричать: «Да, насъ били, но если-бы миръ не былъ заключенъ, то всетаки мы побѣдили бы».

Что касается положенія нашихъ финансовъ, то мнѣ, какъ члену финансоваго комитета, бывшему такъ долго министромъ финансовъ, было и безъ министра финансовъ хорошо извѣстно, что уже мы ведемъ войну на текущій долгъ, что министръ финансовъ сколько бы то ни было серьезнаго займа въ Россіи сдѣлать не можетъ, такъ какъ онъ уже исчерпалъ всѣ средства, а заграницею никто болѣе Россіи денегъ не дастъ.

Такимъ образомъ дальнѣйшее веденіе войны было возможно, только прибѣгнувъ къ печатанію бумажныхъ денегъ (а министръ финансовъ въ теченіе войны и безъ того увеличилъ количество ихъ въ обращеніи вдвое, съ 600 милліоновъ на 1200 милліоновъ рублей), т. е. цѣною полнаго финансоваго, а затѣмъ и экономическаго краха. Такое положеніе произошло съ одной стороны по неопытности министра финансовъ Коковцева, а съ другой вслѣдствіе оптимистическаго настроенія относительно результатовъ войны.

Коковцевъ — это типъ петербургскаго чиновника, проведшій всю жизнь въ бумажной петербургской работѣ, въ чиновничьихъ интригахъ и угодничествѣ. Сперва онъ служилъ въ тюремномъ управленіи, а потомъ въ государственной канцеляріи и дошелъ до поста статсъ-секретаря департамента экономіи. Министръ финансовъ имѣлъ всегда больше всего дѣло съ этимъ департаментомъ. Когда открылся постъ одного изъ товарищей министра финансовъ, то предсѣдатель департамента Сольскій и другіе члены просили меня взять на это мѣсто Коковцева, такъ какъ имъ будетъ удобнѣе всего имѣть дѣло съ нимъ. Я его взялъ и онъ служилъ у меня лѣтъ шесть, покуда не былъ, не безъ моего сильнаго содѣйствія, назначенъ государственнымъ секретаремъ. Когда онъ

былъ у меня товарищемъ, то касался только дѣлъ бюджетныхъ и налоговыхъ и не имѣлъ никакого отношенія къ дѣламъ банковымъ и вообще кредитнымъ, каковыми дѣлами занимался мой другой товарищъ Романовъ. Когда я покинулъ постъ министра финансовъ, то на мое мѣсто былъ назначенъ почтеннѣйшій человѣкъ Плеске, управляющій государственнымъ банкомъ, но онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ, и тогда при содѣйствіи Сольскаго и, главнымъ образомъ, моемъ былъ назначенъ Коковцевъ. Содѣйствовалъ же я этому назначенію, опасаясь, что послѣдуетъ гораздо худшее. Коковцевъ человѣкъ рабочій, по природѣ умный, но съ крайне узкимъ умомъ, совершенно чиновникъ, не имѣющій никакихъ способностей схватывать финансовыя настроенія, т. е. способности государственнаго банкира. Что касается его моральныхъ качествъ, то онъ, я думаю, человѣкъ честный, но по натурѣ карьеристъ и онъ не остановится ни передъ какими интригами, ложью и клеветою, чтобы достигнуть личныхъ карьеристическихъ цѣлей. Когда началась война, то онъ не спѣшилъ съ займами, разсчитывая, что будетъ удобнѣе ихъ дѣлать впослѣдствіи, когда проявится сила нашего оружія. Между тѣмъ результаты войны оказывались все плачевнѣе и плачевнѣе. Вмѣсто того, чтобы съ перваго начала сдѣлать большіе займы, онъ все торговался съ банкирами, дѣлая ихъ постепенно, а потому кредитъ нашъ все понижался и понижался, и условія для займовъ дѣлались постепенно все болѣе и болѣе неблагопріятными. Такую политику поддерживалъ въ немъ и финансовый комитетъ. Изъ журнала засѣданія финансоваго комитета, въ которомъ участвовали морской, военный и министръ иностранныхъ дѣлъ, видно, что я одинъ, слабо поддерживаемый графомъ Ламсдорфомъ, выражалъ крайне пессимистическія воззрѣнія по поводу послѣдствій войны. Вслѣдствіе такой политики, когда былъ заключенъ миръ и началась революція, то, чтобы избѣгнуть финансоваго краха, мнѣ явилась необходимость совершить въ это страшное время громадный заемъ въ 800 милліоновъ рублей, и это обстоятельство значительно обусловливало мою политику и образъ дѣйствія. Коковцевъ-же ушелъ послѣ 17-го октября, свваливъ этотъ громадный дефицитъ на мою шею.

Изложенныя обстоятельства крайне неблагопріятно подѣйствовали на нашъ государственный кредитъ. Вторая главная ошибка Коковцева, изъ многихъ другихъ, совершенныхъ по его неопытности и самомнѣнію, заключалась въ томъ, что онъ значительно и безъ всякаго оправданія увеличилъ количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Страны, имѣющія правильное денежное обращеніе, основанное на свободномъ обмѣнѣ на металлъ, прибѣгали къ значительному увеличенію кредитныхъ билетовъ въ обращеніи только въ случаѣ большихъ войнъ,

когда не было возможности покрывать расходы путемъ кредитныхъ операцій. Значительное и быстрое увеличеніе кредитныхъ билетовъ можетъ имѣть оправданіе въ случаѣ внезапнаго экономическаго рѣзкаго кризиса, когда центральный банкъ вынуждается оказать большую и внезапную помощь.

Ни одного изъ этихъ обстоятельствъ не существовало. Всѣ расходы войны были покрыты займами, причемъ главный заемъ сдѣланъ мною въ то время, когда я былъ въ теченіе шести мѣсяцевъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и Коковцевъ не былъ министромъ финансовъ.

Кризисъ, потребовавшій помощь государственнаго банка, произошелъ отъ революціонной паники, направленной на сберегательныя кассы. Вслѣдствіе сего, банкъ долженъ былъ оказать помощь этимъ кассамъ. Это произошло опять таки, когда я былъ предсѣдателемъ совѣта и Коковцевъ не былъ министромъ финансовъ. Затѣмъ паника эта прошла и сберегательныя кассы вернули деньги банку. Кредитъ же, оказываемый государственнымъ банкомъ торговлѣ за время войны, не увеличился. Такимъ образомъ, ни война, ни потребности торговли не вызвали увеличенія ссудныхъ средствъ банка, а между тѣмъ Коковцевъ ухитрился увеличить количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, какъ я уже упомянулъ выше, съ 600 до 1200 милліоновъ рублей и кромѣ того увеличилъ въ обращеніи на 150 милліоновъ рублей билетовъ государственнаго казначейства, имѣющихъ свойства кредитныхъ билетовъ. Произошло это потому, что Коковцевъ, въ моменты, когда нужны были деньги, выпускалъ кредитные билеты, но затѣмъ не гасилъ ихъ, когда для сказанныхъ нуждъ дѣлались займы. Поэтому устойчивость денежнаго обращенія въ Россіи, т. е. гарантія размѣна на металлъ крайне уменьшилась и я, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и анархіи, не исключаю возможности въ ближайшее время прекращенія размѣна и финансоваго краха.

По этому предмету, когда въ прошломъ году я вернулся изъ заграницы, я въ частномъ совѣщаніи у Коковцева разъяснилъ этотъ вопросъ. Затѣмъ мы обмѣнялись записками. Весь матеріалъ по поводу сего инцидента находится въ моемъ архивѣ. Со временемъ матеріалъ этотъ можетъ быть весьма полезнымъ для финансистовъ-практиковъ и теоретиковъ.

Всѣ лица, которыя должны были сопровождать перваго уполномоченнаго или участвовать въ переговорахъ, были назначены, когда предполагали назначить первымъ уполномоченнымъ Муравьева, въ томъ числѣ

вторымъ уполномоченнымъ былъ назначенъ нашъ посолъ въ Америкѣ баронъ Розенъ. Лица эти были слѣдующія: членъ совѣта министра иностранныхъ дѣлъ профессоръ Мартенсъ, очень хорошій человѣкъ, съ громаднымъ багажемъ знаній, заслуженный профессоръ международнаго права С.-Петербургскаго университета, почетный членъ многихъ заграничныхъ университетовъ, пользующійся, можетъ быть, случайно большою извѣстностью заграницей, крайне ограниченный человѣкъ, если не сказать болѣе, но съ болѣзненнымъ самолюбіемъ. Чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Плансонъ, типъ угодливаго чиновника, нынѣ нашъ генеральный консулъ въ Кореѣ. Онъ былъ при намѣстникѣ Дальняго Востока Алексѣевъ въ Квантунѣ и былъ угодливымъ исполнителемъ его — Алексѣева — политики, приведшей насъ къ войнѣ. Нашъ посолъ въ Китаѣ, весьма умный, талантливый и отличный человѣкъ, Покотиловъ, прекрасно знающій Дальній Востокъ, былъ всегда противъ войны и убѣжденный сторонникъ заключенія мира, такъ какъ понималъ, что продолженіе войны кончится еще большими бѣдствіями. Покотиловъ пріѣхалъ изъ Китая, когда уже начались переговоры и почти не принималъ никакого участія въ этомъ дѣлѣ, но имѣлъ нравственное вліяніе на Розена, какъ безусловный сторонникъ мира. Затѣмъ двое молодыхъ талантливыхъ секретарей, чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ, Набоковъ и Коростовецъ. Отъ министерства финансовъ былъ назначенъ директоръ департамента казначейства, будущій министръ финансовъ въ моемъ кабинетѣ послѣ 17-го октября, Шиповъ, умный, талантливый и недурной человѣкъ, и при немъ два чиновника. Отъ военнаго вѣдомства генералъ Ермоловъ, бывшій и въ настоящее время состоящій военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, а въ то время завѣдывавшій всѣми заграничными военными агентами, человѣкъ умный, хорошій, культурный, приличный, но немного слабый характеромъ. Онъ выражалъ мнѣніе, что миръ желателенъ, мало вѣрилъ въ то, что мы можемъ имѣть успѣхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, весьма заботился, что ему дѣлаетъ великую честь, чтобы при переговорахъ и въ особенности въ мирномъ договорѣ не было задѣто достоинство нашей доблестной, но безголовой арміи, и чтобы военное начальство было въ курсѣ переговоровъ. Со вторымъ уполномоченнымъ военнаго вѣдомства, полковникомъ Самойловымъ, я встрѣтился на пароходѣ, когда тронулся изъ Шербурга. Онъ до войны былъ военнымъ агентомъ въ Японіи, а послѣ былъ при главной квартирѣ дѣйствующей арміи. Онъ человѣкъ весьма умный, культурный и знающій. Никакихъ свѣдѣній мнѣ отъ Линевича не привезъ и никакой инструкціи не получилъ. Онъ же мнѣ категорически заявилъ, оговоривъ, что это его личное мнѣніе и убѣжденіе, что никакой надежды на малѣйшій

нашъ успѣхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій нѣтъ, что дѣло окончательно проиграно, и что поэтому, по его убѣжденію, необходимо заключить миръ, во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уплатить значительную контрибуцію. Отъ морского вѣдомства былъ назначенъ капитанъ Русинъ, который завѣдывалъ канцеляріей по морскимъ дѣламъ при главнокомандующемъ. Онъ пріѣхалъ прямо изъ дѣйствующей арміи, когда я уже былъ въ Портсмутѣ, и высказалъ тѣ же взгляды, какъ и Самойловъ, но осторожнѣе и сдержаннѣе. Онъ вообще относился къ благопріятному дальнѣйшему ходу войны скептически. Съ барономъ Розеномъ я близко познакомился лишь тогда, когда пріѣхалъ въ Америку. Это человѣкъ хорошій, благородный, съ посредственнымъ умомъ логическаго балтійскаго нѣмца, очень отставшій отъ положенія дѣлъ въ Россіи, относительно вопроса о мирѣ колебавшійся, покуда не ознакомился съ разсказами полковника Самойлова и капитана Русина. Вѣрнѣе говоря, онъ былъ за миръ, когда выяснилось, что онъ будетъ достигнутъ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ былъ достигнутъ. Онъ человѣкъ воспитанный, вполнѣ джентльменъ, не принимая сколько бы то ни было активнаго участія въ переговорахъ, оказывалъ мнѣ во всемъ полное содѣйствіе.

Выѣхавъ изъ Петербурга 6-го іюля 1905 года, я сѣлъ на пароходъ въ Шербургѣ 13-го утромъ. Изъ Петербурга я поѣхалъ съ прислугой и меня сопровождала до Шербурга моя жена, а до Парижа мой внукъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, которому тогда было нѣсколько мѣсяцевъ. Въ Парижѣ я его передалъ его родителямъ, Нарышкинымъ.

Въ Парижѣ я былъ встрѣченъ посломъ и громадною толпою народа и почти всею русской колоніей. Я нѣсколько дней пробылъ въ Парижѣ, чтобы видѣться съ президентомъ кабинета министровъ Рувье и президентомъ республики Лубэ. Я заговорилъ съ Рувье, что Россіи во всякомъ случаѣ потребуются деньги или для веденія войны, если мнѣ не удастся заключить миръ, или для ликвидаціи таковой въ случаѣ заключенія мира. Рувье мнѣ заявилъ, что Россія должна имѣть въ виду, что при настоящемъ положеніи вещей она не можетъ разсчитывать на французскій денежный рынокъ, что по его мнѣнію Россіи необходимо заключить миръ, что по его свѣдѣніямъ это будетъ возможно только при уплатѣ Японіи контрибуціи, и что Франція окажетъ содѣйствіе Россіи для такой уплаты, такъ какъ она, какъ союзница Россіи, главнымъ образомъ заинтересована въ томъ, чтобы Россія покончила

эту несчастную войну и развязала себѣ руки въ Европѣ; покуда вся военная сила Россіи находится на Дальнемъ Востокѣ, она является безсильной союзницей Франціи на случай какихъ либо осложненій въ Европѣ. Я отвѣтилъ Рувье, что, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ мира, я ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на такой договоръ, по которому пришлось бы уплатить одинъ су контрибуціи. Россія никогда контрибуціи никому не платила и не будетъ платить. По поводу этого моего заявленія Рувье сказалъ, что Франція въ 70-хъ годахъ уплатила громадную контрибуцію Германіи и это не умалило ея достоинства, — на это я замѣтилъ, что если японская армія подойдетъ къ Москвѣ, тогда, можетъ быть, и мы будемъ относиться къ вопросу о контрибуціи иначе. Лубэ, который нарочно пріѣхалъ изъ Рамбулье, чтобы со мною повидаться, также настойчиво совѣтовалъ мнѣ заключить миръ. Онъ мнѣ говорилъ, что изъ донесеній французскихъ офицеровъ, бывшихъ и нынѣ находящихся при дѣйствующихъ арміяхъ, очевидно, что дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій не можетъ быть для насъ болѣе благопріятный, нежели былъ до настоящаго времени, и что потомъ мирныя условія будутъ еще болѣе тягостныя. Затѣмъ мнѣ Лубэ сказалъ конфиденціально, что онъ имѣетъ положительныя свѣдѣнія, что Японія поддерживаетъ смуты въ Россіи и антирусское движеніе въ европейской прессѣ.

Чтобы объяснить настроеніе, какъ президента республики, такъ и главы кабинета, необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства, происшедшія въ международномъ положеніи во время несчастной войны съ Японіей. Отношенія Франціи съ Англіей были довольно холодныя въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ до японской войны. Холодность эта основывалась главнымъ образомъ на соперничествѣ въ азіатскихъ и африканскихъ районахъ Средиземнаго моря. Англія послѣ послѣдней Наполеоновской имперіи совершенно вытѣснила доминирующее вліяніе Франціи въ Египтѣ и, можно сказать, вырвала изъ ея рукъ Суэцкій каналъ. Затѣмъ она начала вести соперничество съ Франціей въ тѣхъ частяхъ сѣверной половины Африки, которая естественно тяготѣла къ Тунису, къ Алжиру и къ Марокко, т. е. къ такимъ частямъ, которыя или принадлежали Франціи или находились подъ ея вліяніемъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до японской войны произошелъ въ Африкѣ инцидентъ съ экспедиціей полковника Маршана, который дѣлалъ изслѣдованія въ области, тяготѣющей къ мѣстностямъ, находящимся подъ вліяніемъ Франціи, водворилъ тамъ французскій флагъ, а Англія въ довольно

грубой формѣ заставила его снять. Этотъ инцидентъ возбудилъ большой переполохъ во Франціи и она просила содѣйствія Россіи. Россія, вслѣдствіе вліянія графа Ламсдорфа и моего, посовѣтовала Франціи не доводить дѣло до разрыва[1], такъ какъ изъ за такого инцидента было бы неосторожно доводить дѣло до военныхъ дѣйствій, къ которымъ мы не готовы.

Франція уступила, но тогда же пріѣзжалъ въ Петербургъ министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе для того, чтобы обсудить, какія мѣры принять, чтобы въ будущемъ имѣть орудіе къ обузданію Англіи при подобныхъ ея рѣзкихъ выходкахъ. Онъ усиленно ходатайствовалъ о томъ, чтобы была возможно скорѣе сооружена Оренбургско-Ташкентская дорога, дабы въ случаѣ чего можно было угрожать Индіи. Это желаніе было удовлетворено и тогда же по этому предмету была оформлена сдѣлка, по которой французское правительство обязалось содѣйствовать совершенію во Франціи соотвѣтствующаго займа.

Вотъ въ какихъ натянутыхъ отношеніяхъ находилось французское правительство съ С. Джемскимъ передъ японской войной.

Делькассе былъ довольно долго министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ умный и честный человѣкъ, но весьма недальновидный. Делькассе уже тогда, когда я покинулъ постъ министра финансовъ и когда для всѣхъ хотя немного прозорливыхъ людей было ясно, что безумная политика Алексѣева-Безобразова неизбѣжно, въ самомъ непродолжительномъ времени, кончится войной, продолжалъ увѣрять всѣхъ въ Парижѣ, что войны не будетъ, чему я весьма удивлялся, находясь въ это время тамъ[2].

Между тѣмъ, если бы Делькассе чувствовалъ возможность войны, то онъ отъ имени Франціи не только могъ, но долженъ былъ представить Россіи всю опасность послѣдствій войны. Онъ долженъ былъ

---

[1] Я сказалъ графу Ламсдорфу, что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ откровенно отвѣтить Делькассе, что Россія не можетъ въ данномъ случаѣ поддержать Францію на томъ простомъ основаніи, что флотъ нашъ столь слабъ, что оказать какого либо давленія на Англію мы не можемъ, а съ другой стороны мы не имѣемъ никакого непосредственнаго соприкосновенія съ Англіей по сухопутной границѣ. Мы могли бы сдѣлать диверсію въ Средней Азіи по направленію къ Индіи, но и тутъ, къ сожалѣнію, мы быстро ничего не можемъ сдѣлать, потому что мы не связаны съ Средней Азіей непосредственно желѣзной дорогой; намъ придется войска везти черезъ Кавказъ, Каспійское море, по Закаспійской желѣзной дорогѣ, а если Волга не замерзла, то по Волгѣ, а на это потребуется нѣсколько времени, — слѣдовательно, мы могли бы сдѣлать диверсію тогда, когда столкновеніе между Франціей и Англіей было бы кончено. Графъ Ламсдорфъ представилъ это мнѣніе Его Величеству. Его Величество его одобрилъ и въ этомъ смыслѣ было отвѣчено Франціи.

[2] См. стр. 235.

это сдѣлать потому, что война въ Манджуріи, если бы она даже не была столь несчастна, какъ была, во всякомъ случаѣ на долгое время ослабляла Россію на западной границѣ и передавала Германіи въ Европѣ если не роль европейскаго капрала, то во всякомъ случаѣ дирижерскую палочку.

Перемѣщенія главныхъ силъ Россіи на далекій Востокъ во всякомъ случаѣ временно обезцѣнивали такъ называемый «русско-французскій союзъ». Если бы Франція во время сдѣлала энергичныя представленія Россіи по этому предмету, проявила бы энергію для ослабленія мальчуганскаго отношенія со стороны Россіи къ веденію переговоровъ съ этими, какъ ихъ называлъ Императоръ Николай II, «макашками», а съ другой стороны проявила бы большую энергію къ распознанію того, что творилось въ то время въ Японіи, то очень можетъ быть, что войны совсѣмъ не было бы.

Я съ своей стороны увѣренъ, что энергичное слово союзной Франціи заставило бы Россію совсѣмъ иначе вести переговоры, отнестись къ нимъ болѣе зрѣло и съ большею опаскою.

Когда война вспыхнула и Россія начала терпѣть рядъ позорныхъ неудачъ, то руководитель внѣшнею политикою Франціи бросился въ другую крайность, началъ искать другихъ если не союзовъ, то реальныхъ сближеній.

Подать руку Германіи не рѣшались, съ одной стороны боялись общественнаго мнѣнія Франціи, съ другой — впечатлѣнія въ Россіи, хотя въ то время уже нѣсколько взбаламученной «макашками», но всетаки Россіи не Николая II, а Николая Угодника, а къ тому-же несомнѣнно, что Германія, пользуясь въ то время исключительно благопріятнымъ для нея положеніемъ, руку бы Франціи приняла, но вмѣстѣ съ существенными приложеніями. Поэтому пошли на сближеніе съ Англіей, т. е. протянули руку Англіи. Делькассе это сдѣлалъ не только съ вѣдома, но и съ согласія Россіи, а Россіи, если бы даже были серьезныя причины для возраженій, возражать было трудно. Сама отъ союзницы ушла на другой край свѣта, неловко-же еще говорить союзницѣ, что мы теперь никакой помощи въ случаѣ чего оказать тебѣ не можемъ, но не хотимъ, чтобы ты сама себѣ помогла, какъ ты находишь для себя удобнѣе, а къ тому же соглашеніе Франціи съ Англіей касалось такихъ предметовъ, которые непосредственно до Россіи не касались и если бы это соглашеніе не вовлекло Россію въ дальнѣйція, хотя и не неизбѣжныя послѣдствія, то и вреда Россіи принести не могло.

Такимъ образомъ, Франція соединилась съ Англіей въ извѣстной степени и съ тѣхъ поръ эти отношенія все болѣе и болѣе культивиру-

ются въ томъ же направленіи. Когда началась война, въ которую насъ вовлекъ въ нѣкоторой степени Императоръ Вильгельмъ, то Германія отъ этого больше всѣхъ выиграла, такъ какъ насъ ослабила на многіе годы и обезсилила, такимъ образомъ, союзника своей самой непріятной соперницы Франціи. Достигнувъ такого громаднаго результата исключительно дипломатическими маневрами, основанными на томъ, что Императоръ Вильгельмъ II позналъ Императора Николая II, Германія оставалась бы въ покоѣ несмотря на все безпокойство характера Императора Вильгельма. Увидѣвъ такое ослабленіе своего колосса-сосѣда, онъ ограничился бы только тѣмъ, что изливалъ бы свою дружбу Николаю II и вліялъ бы на Него, но послѣ того, какъ Делькассе заключилъ договоръ съ Англіей, что произошло вслѣдствіе той же злополучной японской войны, онъ и германская дипломатія всполошились.

Въ англо-французскій договоръ входило также разграниченіе вліянія Франціи и Англіи въ Марокко. Вотъ на этомъ германская дипломатія и рѣшила разыграть свою музыку, такъ какъ въ Марокко Германія также имѣетъ коммерческіе интересы, хотя весьма несущественные.

Германскій Императоръ поѣхалъ дѣлать морскую прогулку въ Средиземное море, а затѣмъ появился въ Марокко съ блестящей свитой. Тамъ было ясно дано понять, что въ Марокко Германія имѣетъ свои интересы, которые она намѣрена поддерживать, что она желаетъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ съ правительствомъ МарокксReferences султана и что Франція и Англія не могутъ оказать воздѣйствія на Марокко, поскольку сіе не будетъ въ согласіи съ тенденціями Германіи. Появленіе германскаго Императора въ Марокко уже само по себѣ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на марокккское правительство и населеніе и не умалить значенія Франціи.

Началась по этому предмету дипломатическая переписка между Германіей и Франціей; германское правительство стало предъявлять различныя требованія и по обыкновенію въ очень рѣзкой формѣ (благо Франція разсчитывать на поддержку обезсиленной Россіи не можетъ), явилось опасеніе разрыва и подъ шумокъ французскому правительству было сказано, что, покуда будетъ Делькассе министромъ, германская дипломатія будетъ несговорчива. Поэтому Делькассе слетѣлъ и портфель министра иностранныхъ дѣлъ принялъ президентъ министерства и министръ финансовъ Рувье, отличный финансистъ, умный человѣкъ изъ плеяды сотрудниковъ Гамбетты. Это случилось за нѣсколько мѣсяцевъ до моего пріѣзда въ Парижъ.

Настроеніе Франціи было таково, что она разочаровалась въ существующемъ въ Россіи режимѣ, приведшемъ ее къ полному ослабленію и позору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у нея явилось безпокойство за будущее. Не вздумаетъ ли Вильгельмъ опять натравить Германію на Францію, дабы, пользуясь удобнымъ случаемъ, ослабить своего противника на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Поэтому, французское правительство и всѣ благоразумные французы, сторонники союза съ Россіей, естественно желали окончанія японской войны, дабы перетащить ея силы и помыслы изъ Манджуріи на бассейнъ Вислы.

Какъ разъ, когда я былъ въ Парижѣ, послѣ моего свиданія съ Лубэ и перваго свиданія съ Рувье, произошелъ слѣдующій случай.

Вдругъ Вильгельмъ направился въ русскія воды, въ финляндскія шхеры, въ Біоркэ, куда поѣхалъ и нашъ Государь. Въ газетахъ появилось сообщеніе, что это свиданіе совершенно частное, родственное, не имѣющее никакого политическаго значенія, въ подтвержденіе чего приводилось, что Императора Вильгельма не сопровождаетъ канцлеръ Бюловъ, а съ нашимъ Государемъ не поѣхалъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламсдорфъ. Тѣмъ не менѣе, французскія газеты забили тревогу и не безъ основанія, такъ какъ по прошлому уже убѣдились, что германскій Императоръ всегда сопровождаетъ пріятное съ полезнымъ и любитъ соединять удовольствіе свиданья съ Императоромъ Николаемъ съ возможностью, угождая Его Царскому самолюбію и личному самомнѣнію, втиснуть Ему такую штуку, послѣ которой Россія чесала бы свой затылокъ многіе и многіе годы. Когда я уѣзжалъ, за нѣсколько дней до этого изъ Петербурга, Ламсдорфъ мнѣ ни слова не сказалъ объ этой поѣздкѣ, потому что онъ и самъ о ней не зналъ. Государь также мнѣ не сказалъ ни слова, хотя, конечно, уже зналъ, что поѣдетъ.

Я, хотя приходившихъ ко мнѣ въ Парижѣ успокаивалъ, что эта поѣздка не имѣетъ никакого политическаго значенія, тѣмъ не менѣе телеграфировалъ гр. Ламсдорфу. Онъ мнѣ сейчасъ же отвѣтилъ, что это свиданіе не имѣетъ никакого политическаго значенія, что оно совершенно частное, родственное — просто вѣжливый визитъ.

Съ этой телеграммой я поѣхалъ къ Рувье и успокоилъ его. Онъ меня очень благодарилъ, сказалъ, что это свиданіе также весьма обезпокоило президента Лубэ, и что онъ ему сейчасъ же сообщитъ о моемъ визитѣ и депешѣ графа Ламсдорфа, чтобы успокоить президента.

Во время моего пребыванія въ Парижѣ, съ самаго вокзала и въ теченіе всего времени, я былъ всюду охраняемъ агентами тайной полиціи, сопровождавшими меня на велосипедахъ; префектъ полиціи Лепинъ встрѣтилъ меня съ русскимъ посломъ Нелидовымъ на вокзалѣ (кстати, Нелидовъ оказался совсѣмъ здоровымъ; точно такъ, какъ и Муравьевъ сейчасъ же выздоровѣлъ, когда вмѣсто него назначили меня), а затѣмъ проводилъ меня. Оказалось, что французское правительство боялось покушенія на меня со стороны русскихъ анархистовъ-революціонеровъ, которые боялись, что мнѣ удастся заключить миръ.

Въ то время всѣ европейскія державы почему то имѣли обо мнѣ высокое мнѣніе, и всѣ правительства единогласно выражали мнѣніе, что если кто-либо сумѣетъ заключить миръ, то это только одинъ Витте.

Когда я былъ въ Парижѣ, то я получилъ письмо отъ одного изъ столповъ нашей революціи Бурцева, который выражалъ, что нужно уничтожить самодержавіе и, если миръ можетъ тому воспрепятствовать, то не нужно заключать его. Письмо это я переслалъ графу Ламсдорфу, который показалъ его Государю. Оно хранится въ моемъ архивѣ*.

Когда мы пріѣхали въ Шербургъ, то узнали, что пароходъ, одинъ изъ самыхъ большихъ нѣмецкой гамбургской компаніи, на который я долженъ сѣсть, опаздываетъ вслѣдствіе бури; такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать вечеромъ, я уѣхалъ на слѣдующее утро, причемъ ночевалъ въ Шербургѣ въ гостинницѣ около пристани, причемъ эта гостинница была переполнена такъ, что мы достали еле-еле двѣ очень некомфортабельныя комнаты.

На другое утро я сѣлъ на этотъ пароходъ, если не ошибаюсь, подъ названіемъ Wilhelm der Grosse, т. е. Вильгельмъ Великій. Меня на пароходѣ встрѣтили съ большимъ почетомъ, капитанъ и команда пароходная, причемъ при моемъ входѣ оркестръ заигралъ русскій гимнъ.

*Уже будучи въ Парижѣ, я почувствовалъ чувство патріотическаго угнетенія и обиды. Ко мнѣ, первому уполномоченному русскаго Самодержавнаго Государя, публика уже относилась не такъ, какъ она относилась прежде только какъ къ русскому министру финансовъ, когда мнѣ приходилось бывать въ Парижѣ, и даже не такъ, какъ она относилась прежде ко всякому русскому, занимающему болѣе или менѣе извѣстное общественное или государственное положеніе. Большинство

относилось равнодушно, какъ къ представителю «quantité négligeable», и иные съ чувствомъ какого-то соболѣзнованія, другіе, впрочемъ малое меньшинство, съ какимъ-то злорадствомъ, а нѣкоторые на вокзалѣ въ Парижѣ при пріѣздѣ и отъѣздѣ кричали «faites la paix». Всѣ лѣвыя газеты относились къ Государю и Россіи недостойно и оскорбительно. Очень тепло меня встрѣтилъ старикъ Лубэ, говорилъ съ искреннею любовью и преданностью къ моему Государю и только все, «comme ami sincère de la Russie», совѣтовалъ непремѣнно заключить миръ.

Нравственно тяжело быть представителемъ націи, находящейся въ несчастіи, тяжело быть представителемъ великой военной державы Россіи, такъ ужасно и такъ глупо разбитой!

И не Россію разбили японцы, не русскую армію, а наши порядки, или правильнѣе, наше мальчишеское управленіе 140 милліоннымъ населеніемъ въ послѣдніе годы.

Это я написалъ графу Гейдену въ письмѣ для Его Величества, о которомъ сказано ранѣе. Конечно, меня ненавидѣли, такую правду Цари рѣдко когда слышатъ, а Царь Николай совсѣмъ не привыкъ слышать.

Именно убѣжденіе, что разбита не Россія, а порядки наши, подняло гордо мою голову со дня пріѣзда моего въ Парижъ и это дало мнѣ силы въ Америкѣ одержать нравственную побѣду, а, съ другой стороны, возмутило меня, когда мнѣ пришлось показываться на парижскихъ улицахъ и видѣть отношеніе ко мнѣ части французскаго населенія. Впрочемъ, можетъ быть, но во всякомъ случаѣ только отчасти, я преувеличивалъ отношеніе ко мнѣ многихъ французовъ, что такъ было бы естественно щепетильной гордости представителя Россіи, очутившейся случайно въ несчастномъ положеніи. Если въ Парижѣ отношеніе къ представителю Россіи населенія меня нѣсколько коробило, то чувство это еще усилилось въ Шербургѣ, гдѣ было оказано мнѣ и моимъ сотрудникамъ, съ которыми я тамъ встрѣтился, полное невниманіе. Я, затѣмъ, это высказалъ нѣкоторымъ французскимъ корреспондентамъ, которые, вѣроятно, передали это Рувье, ибо при обратномъ моемъ проѣздѣ онъ передо мною извинялся. Поэтому, когда я подъѣхалъ въ Шербургѣ къ нѣмецкому пароходу и на немъ раздались звуки: «Боже Царя храни», и всѣ русскіе и многіе не русскіе пассажиры обнажили вмѣстѣ со мною головы, то такое отношеніе къ Россіи, конечно, было для меня въ высшей степени отрадно и еще болѣе приподняло мой духъ.

Подъ вліяніемъ этого настроенія, не зная того, что произошло во время моего пребыванія въ Парижѣ, когда я ѣхалъ въ Америку, въ Біор-

кахъ, по возвращеніи моемъ въ Парижъ, гдѣ меня встрѣтили уже совершенно иначе, я, принявъ, по усиленному ходатайству нашего посла Нелидова, сотрудника газеты «Temps» Tardieu, высказалъ ему о корректномъ отношеніи къ Россіи германскаго Императора и не особой корректности многихъ лѣвыхъ французскихъ газетъ и когда это интервью, составленное крайне дружественно къ французскому правительству и Франціи вообще, появилось, то оно произвело большую сенсацію въ лѣвыхъ французахъ.

А тогда уже Франція начала значительно лѣвѣть, скоро Рувье палъ и явилось постепенное облѣвѣніе правительства, покуда остановившееся на умномъ Клемансо. Вѣдь только нѣсколько лѣтъ тому назадъ имя Клемансо, какъ главы французскаго правительства, перепугало бы всю буржуазную Францію, такъ какъ Франція это наибуржуазная изъ наибуржуазныхъ странъ.

Пользуясь сказаннымъ интервью, мои враги и Муравьевъ, боявшійся, чтобы я не занялъ поста посла въ Парижѣ, котораго онъ такъ жаждалъ, начали распускать во Франціи легенду, что я ненавижу французовъ; отголоски этой легенды мнѣ иногда приходится слышать и теперь черезъ два года, когда, находясь во Франціи, мнѣ иногда приходится встрѣчаться съ легковѣрными, но милыми французами.*

Переѣздъ въ Америку я сдѣлалъ въ теченіе шести сутокъ. Море было довольно покойное, меня почти что не укачивало. На пароходѣ я обѣдалъ отдѣльно вмѣстѣ со своей свитой, иногда приглашалъ на обѣдъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ и только раза два я обѣдалъ вмѣстѣ со всей публикой. Оказалось, что на пароходѣ ѣдутъ многіе люди просто изъ любителей сенсаціонныхъ явленій для того, чтобы быть на мѣстѣ во время предстоящаго политическаго турнира между мною и Комурою.

* На пароходѣ изъ числа корреспондентовъ я встрѣтилъ знакомыхъ мнѣ: изъ русскихъ Брянчанинова и Суворина. Первый — молодой человѣкъ, сынъ бывшаго рязанскаго губернатора, нынѣ женатый на дочери св. князя Горчакова, порядочно владѣетъ перомъ, крайне неспокойный, всюду сующійся, не безъ способностей, но весьма неосновательный и легкомысленный. Можетъ быть, со временемъ это пройдетъ. Онъ проводилъ мысль о необходимости для Россіи мира, во что бы то ни стало, и своею болтовнею вредилъ переговорамъ не въ пользу Россіи,

на сколько могъ, конечно, имъ вредить молодой, не глупый болтунъ корреспондентъ Брянчаниновъ. Нынѣ онъ кадетъ, сотрудникъ газеты «Рѣчь» и, какъ мужъ Горчаковой, вѣроятно, въ душѣ мѣтитъ въ канцлеры Россійской имперіи въ кадетскомъ министерствѣ свихнувшихся буржуазныхъ революціонеровъ Милюкова-Гессена. Второй — милый юноша и только. Изъ иностранныхъ — докторъ русскаго университета, англичанинъ, весьма порядочный и вѣрный человѣкъ, очень талантливый, пользующійся большою извѣстностью въ Англіи и Америкѣ, публицистъ Диллонъ. Онъ, какъ бывшій профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ, хорошо говоритъ и пишетъ по-русски, отлично знаетъ Россію и въ особенности современное состояніе, имѣя связи со всѣми партіями и слоями общества. Макензи-Уоллесъ, посланный спеціально, какъ корреспондентъ короля Эдуарда, которому онъ и дѣлалъ постоянныя сообщенія, несомнѣнно вводя Его Королевское Величество въ постоянныя заблужденія, такъ какъ онъ до самаго подписанія договора утверждалъ, что договоръ не состоится. Когда то Уоллесъ завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ газеты «Times». Можетъ быть, онъ хорошій публицистъ, но что касается Россіи, то всегда дѣлалъ о ней самыя превратныя сообщенія своимъ соотечественникамъ. Онъ хорошо говоритъ по-русски, но имѣетъ слабость къ аристократизму; будучи въ Россіи, проживаетъ у аристократическихъ семействъ, якшается только съ высшимъ обществомъ, а потому bona fide принимаетъ за истину все, что тамъ слышитъ, и сообщаетъ этотъ матеріалъ своимъ соотечественникамъ. Въ Англіи его мало принимаютъ въ серьезъ. Когда то онъ написалъ книгу о русскомъ крестьянствѣ, гдѣ превозносилъ нашу общину. Еще за полъ года до нашей революціи онъ издалъ эту книгу новымъ изданіемъ и выразилъ убѣжденіе, что благодаря мудрому устройству русскаго крестьянства на общинномъ началѣ, у насъ революція невозможна. Всю эту зиму онъ проживалъ въ Петербургѣ и, какъ мнѣ говорили, дѣлалъ обо мнѣ не особенно лестныя сообщенія. Вѣроятно это происходило подъ вліяніемъ того круга лицъ, между которыми онъ терся, а, можетъ быть, и потому, что въ Америкѣ я къ нему относился не серьезно и какъ то разъ ему высказалъ, что его книга о русскомъ крестьянствѣ служитъ доказательствомъ того, какъ даже умные люди, но понимающіе съ чужого голоса, могутъ заблуждаться. Гедеманъ — корреспондентъ «Matin», весьма талантливый, благожелательный къ Россіи человѣкъ, по натурѣ профессіональный, юркій корреспондентъ. Затѣмъ, были и другіе корреспонденты, но что касается Европы, то въ сущности Диллонъ и Гедеманъ дирижировали всѣ сообщенія въ европейскую печать. Гедеманъ имѣлъ, кромѣ того, порученіе

отъ нѣкоторыхъ членовъ французскаго правительства держать ихъ въ курсѣ дѣла.

Со стороны нѣмецкой печати не было ни одного замѣтнаго корреспондента. Это меня заставило вспомнить, что въ противоположность тому, что мнѣ сказалъ передъ выѣздомъ изъ Парижа старикъ Лубэ («какъ искренній другъ Россіи я считаю необходимымъ заключить миръ»), нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе того Мендельсонъ, глава берлинскаго банкирскаго дома, человѣкъ близкій къ императору Вильгельму, членъ высшей палаты въ Берлинѣ, сказалъ мнѣ, что Бюловъ просилъ мнѣ передать, «что, если бы онъ былъ только другъ Россіи, (намекая на Францію), то совѣтовалъ бы спѣшить заключить миръ, но такъ какъ онъ больше, чѣмъ другъ Россіи, то этого не совѣтуетъ».

Со времени моего совершенно для меня неожиданнаго назначенія первымъ уполномоченнымъ прошло не болѣе двухъ недѣль, въ это время была такая суета, что я не имѣлъ возможности сосредоточиться. Черезъ шесть дней послѣ того, какъ я сѣлъ на пароходъ, я уже долженъ былъ вступить въ дипломатическій страшный бой, поэтому я рѣшилъ въ эти шесть дней предаться размышленіямъ, сосредоточиться и внутренно, исключительно для себя опредѣлить планъ кампаніи.

Имѣя возможность на пароходѣ часто находиться наединѣ и много передумавъ, я остановился на слѣдующемъ поведеніи: 1) ничѣмъ не показывать, что мы желаемъ мира, вести себя такъ, чтобы внести впечатлѣніе, что если Государь согласился на переговоры, то только въ виду общаго желанія почти всѣхъ странъ, чтобы война была прекращена; 2) держать себя такъ, какъ подобаетъ представителю Россіи, то есть, представителю величайшей имперіи, у которой приключилась маленькая непріятность; 3) имѣя въ виду громадную роль прессы въ Америкѣ, держать себя особливо предупредительно и доступно ко всѣмъ ея представителямъ; 4) чтобы привлечь къ себѣ населеніе въ Америкѣ, которое крайне демократично, держать себя съ нимъ совершенно просто, безъ всякаго чванства и совершенно демократично; 5) въ виду значительнаго вліянія евреевъ, въ особенности въ Нью-Іоркѣ, и американской прессы вообще не относиться къ нимъ враждебно, что, впрочемъ, совершенно соотвѣтствовало моимъ взглядамъ на еврейскій вопросъ вообще.

Этой программы я строго держался въ теченіе всего моего пребыванія въ Америкѣ, гдѣ по особымъ условіямъ, въ которыхъ находился, я былъ ежеминутно на виду, какъ актеръ на большой сценѣ, полной

народомъ. Эта программа мнѣ во многомъ помогла окончить дѣло благопріятнымъ миромъ въ Портсмутѣ. Таковымъ призналъ этотъ миръ образованный міръ всего свѣта. Скажу болѣе, еще за нѣсколько дней до подписанія мира никто бы не повѣрилъ, что мною будетъ достигнутъ миръ на такихъ условіяхъ.

Соотвѣтственно съ сказанной программой я держалъ себя еще на пароходѣ, когда ѣхалъ въ Америку, что создало между многочисленными пассажирами соотвѣтственную, благопріятную для меня, какъ перваго уполномоченнаго, атмосферу, которая начала съ парохода передаваться въ публику и прессу *.

Изъ середины океана было дано Диллономъ по воздушному телеграфу его интервью со мной по поводу предстоящихъ моихъ переговоровъ. Это было первое интервью со времени существованія прессы, которое было дано по воздушному телеграфу съ середины океана. Интервью это, гдѣ я высказалъ мой образъ дѣйствій, затѣмъ было, конечно, напечатано во всѣхъ европейскихъ газетахъ и оно опредѣлило, какъ я смотрю на дальневосточную мою задачу.

* Весь ходъ переговоровъ, мои сношенія съ президентомъ и Петербургомъ видны изъ оффиціальныхъ документовъ, хранящихся въ моемъ архивѣ, которые я, если буду имѣть возможность, приведу въ систематическій порядокъ и снабжу тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ, комментаріями. Поэтому здѣсь я буду излагать по памяти то, что не могло составить предметъ документовъ, — различныя болѣе или менѣе внѣшнія явленія и событія.

Когда мы приближались къ Нью-Іорку, нашъ пароходъ встрѣтили нѣсколько пароходовъ съ корреспондентами различныхъ американскихъ газетъ. Когда эти корреспонденты вошли на пароходъ, я имъ высказалъ радость по случаю пріѣзда моего въ страну, которая всегда была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей, и мою симпатію къ прессѣ, которая играетъ такую выдающуюся роль въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ и до моего выѣзда изъ Америки я всегда былъ, если можно такъ выразиться, подъ надзоромъ газетчиковъ, которые слѣдили за каждымъ моимъ шагомъ. Въ Портсмутѣ, не знаю съ цѣлью или нѣтъ, мнѣ отвели двѣ маленькія комнаты, изъ которыхъ одна имѣла окна такимъ образомъ направленныя, что черезъ нихъ было видно все, что я дѣлаю.

Со дня пріѣзда и до дня выѣзда изъ Америки меня постоянно снимали кодаками любопытные. Постоянно, въ особенности дамы, подходили ко мнѣ и просили остановиться на минуту, чтобы снять съ меня карточку. Каждый день обращались ко мнѣ со всѣхъ концовъ Америки, чтобы я прислалъ свою подпись и ежедневно приходили ко мнѣ, въ особенности дамы, просить, чтобы я расписался на клочкѣ бумаги. Я самымъ любезнымъ образомъ исполнялъ всѣ эти просьбы, свободно допускалъ къ себѣ корреспондентовъ и, вообще, относился ко всѣмъ американцамъ съ полнымъ вниманіемъ. Этотъ образъ моего поведенія постепенно все болѣе и болѣе располагалъ ко мнѣ, какъ американскую прессу, такъ и публику. Когда меня возили экстренными поѣздами, я всегда подходилъ, оставляя поѣздъ, къ машинисту и благодарилъ его, давая ему руку. Когда я это сдѣлалъ въ первый разъ къ удивленію публики, то на другой день объ этомъ съ особой благодарностью прокричали всѣ газеты. Судя по поведенію всѣхъ нашихъ пословъ и высокопоставленныхъ лицъ, впрочемъ не только русскихъ, но, вообще, заграничныхъ, американцы привыкли видѣть въ этихъ послахъ чопорныхъ европейцевъ, и вдругъ явился къ нимъ чрезвычайный уполномоченный русскаго Государя, предсѣдатель комитета министровъ, долго бывшій министромъ финансовъ, статсъ-секретарь Его Величества и въ обращеніи своемъ онъ еще болѣе простъ, болѣе доступенъ, нежели самый демократичный президентъ Рузевельтъ, который на своей демократической простотѣ особенно играетъ. Я не сомнѣваюсь, что такое мое поведеніе, которое налагало на меня, въ особенности по непривычкѣ, большую тяжесть, такъ какъ въ сущности я долженъ былъ быть непрерывно актеромъ, весьма содѣйствовало тому, что постепенно американское общественное мнѣніе, а вслѣдъ за тѣмъ и пресса все болѣе и болѣе склоняли свою симпатію къ главноуполномоченному русскаго Царя и Его сотрудникамъ. Этотъ процессъ совершенно ясно отразился въ прессѣ, что легко прослѣдить, изучивъ со дня на день американскую прессу того времени. Это явленіе выразилось въ телеграммѣ президента Рузевельта, въ концѣ переговоровъ, въ Японію послѣ того, какъ онъ убѣдился, что я ни за что не соглашусь на многія требованія Японіи и въ томъ числѣ на контрибуцію, въ которой онъ, между прочимъ, констатировалъ, что общественное мнѣніе въ Америкѣ въ теченіе переговоровъ замѣтно склонило свои симпатіи на сторону Россіи и что онъ, президентъ, долженъ заявить, что если Портсмутскіе переговоры ничѣмъ не кончатся, то Японія уже не будетъ встрѣчать то сочувствіе и поддержку въ Америкѣ, которую она встрѣчала ранѣе. Телеграмму эту показалъ мнѣ Рузевельтъ, когда я ему откланивался, покидая Америку.

Рузевельтъ съ самаго начала переговоровъ и все время старался поддерживать Японію. Его симпатіи были на ея сторонѣ. Это выразилось и въ поѣздкѣ, уже предпринятой въ то время, его дочери съ американскимъ военнымъ министромъ въ Японію, но какъ умный человѣкъ, по мѣрѣ того какъ склонялись симпатіи общественнаго мнѣнія въ Америкѣ къ Россіи, онъ почувствовалъ, что ему опасно идти противъ этого теченія, и онъ началъ склонять Японію къ уступчивости. Такому повороту общественнаго мнѣнія содѣйствовали и японскіе уполномоченные. Въ этомъ отношеніи они явились моими союзниками. Если они не были чопорны какъ европейскіе дипломаты-сановники, чему впрочемъ случайно препятствовала и ихъ внѣшность, то тотъ же эфектъ производился на американцевъ ихъ скрытностью и уединенностью.

Замѣтивъ это, я съ самаго начала переговоровъ, между прочимъ, предложилъ, чтобы всѣ переговоры были доступны прессѣ, такъ какъ все, что я буду говорить, я готовъ кричать на весь міръ, и что у меня, какъ уполномоченнаго русскаго Царя, нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей и секретовъ. Я конечно понималъ, что японцы на это не согласятся, тѣмъ не менѣе мое предложеніе и отказъ японцевъ сейчасъ-же сдѣлались извѣстными представителямъ прессы, что, конечно, не могло возбудить въ нихъ особенно пріятнаго чувства по отношенію къ японцамъ.

Затѣмъ было рѣшено давать послѣ каждаго засѣданія краткія сообщенія прессѣ, которыя редактировались секретарями и утверждались уполномоченными, но и тутъ прессѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что малосодержательность этихъ сообщеній происходитъ всегда отъ строгости цензуры японцевъ. Во всѣхъ разговорахъ съ президентомъ и съ публикой я держалъ себя такъ, какъ будто съ Россіей приключилось въ Манджуріи небольшое несчастье и только.

Въ теченіе всѣхъ переговоровъ на конференціяхъ говорили только я и Комура: вторые уполномоченные говорили весьма рѣдко и весьма мало. Я все время выражалъ свои сужденія такъ, что однажды вызвалъ у Комуры восклицаніе: «Вы говорите постоянно такъ, какъ побѣдитель», на это я ему отвѣтилъ: «здѣсь нѣтъ побѣдителей, а потому нѣтъ и побѣжденныхъ».

Въ Нью-Іоркѣ посолъ задержалъ мнѣ большое помѣщеніе въ лучшей гостинницѣ на лучшей улицѣ. Въ этой гостинницѣ для меня было приготовлено большое помѣщеніе, состоящее изъ спальни, изъ комнаты для моего человѣка, уборной, двухъ кабинетовъ, большой гостинной и столовой. За это помѣщеніе я долженъ былъ платить 380 рублей въ

день. Надъ балкономъ этого помѣщенія развѣвался громаднѣйшій флагъ чрезвычайнаго посла русскаго Императора, Самодержца Всероссійскаго.

Въ городѣ былъ тогда страшная жара и публика была въ разъѣздѣ. Вѣроятно американская полиція имѣла какія-либо свѣдѣнія о готовившемся на меня покушеніи, ибо, какъ только я сошелъ на берегъ, начала меня охранять. Охрана эта была усилена послѣ подписанія договора, ибо говорили, что на меня готовится покушеніе со стороны японцевъ, проживающихъ въ Америкѣ.*

Съ другой стороны, нашъ посолъ объяснилъ мнѣ, что до него доходятъ слухи, что на меня могутъ сдѣлать покушеніе и евреи, а именно тѣ русскіе евреи, которыхъ въ это время масса была въ Нью-Іоркѣ. Это все были выходцы-эмигранты изъ Россіи послѣ тѣхъ погромовъ, которые въ Россіи производились съ Кишиневскаго погрома, устроеннаго Плеве, лозунгомъ котораго было: «бей жидовъ».

* Американская охрана совсѣмъ незамѣтна по крайней мѣрѣ для иностранцевъ, потому что охранники ничѣмъ не отличаются отъ американскихъ джентльменовъ. Въ Европѣ охранника сейчасъ можно отличить, а въ Петербургѣ охранники имѣютъ такой видъ, хотя они одѣты какъ обыкновенные смертные, что ихъ издали можно замѣтить: у нихъ постоянно въ рукахъ большой черный зонтикъ, а на головѣ черная шляпа-котелокъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Нью-Іоркъ меня предупредили, чтобы я не ѣздилъ въ еврейскіе кварталы. Въ это время въ Нью-Іоркѣ уже было евреевъ до 500 тысячъ человѣкъ, большинство покинувшіе Россію главнымъ образомъ по случаю трудности заработка и отчасти еврейскихъ погромовъ. Вѣроятно, ожидали покушенія оттуда.

Я взялъ по пріѣздѣ автомобиль и поѣхалъ на немъ съ однимъ изъ чиновниковъ посольства по всѣмъ еврейскимъ кварталамъ. Евреи скоро узнали меня. Сначала смотрѣли косо, потомъ равнодушно, когда я съ нѣсколькими сказалъ нѣсколько словъ по русски и поздоровался съ ними, то относились ко мнѣ большею частью добродушно и благожелательно.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда я съ барономъ Розеномъ поѣхалъ къ президенту Рузевельту по желѣзной дорогѣ на островъ Остербей на его дачу, находящуюся недалеко отъ Нью-Іорка. Самъ президентъ еще не такъ давно былъ президентомъ этого города и, какъ говорятъ, отлично организовалъ тамъ полицію. Дача президента, лично ему при-

надлежащая, крайне простая — обыкновенная дача небогатаго бюргера. Прислуга — негры.

Рузевельтъ проводитъ идею полнаго ихъ фактическаго равенства и за это подвергается нападкамъ части, хотя незначительной, общественнаго мнѣнія.

Суть моей бесѣды изложена въ вышеупомянутыхъ оффиціальныхъ документахъ. Мы у президента завтракали. Президентъ, его жена, дѣти, я и баронъ Розенъ. Завтракъ болѣе чѣмъ простой, на столѣ непокрытомъ скатертью, для европейца очень трудно варимый. Вина никакого — одна ледяная вода. Барону Розену была налита рюмка какого-то вина, какъ особое исключеніе. Президенту первому подавались блюда и онъ первый садился за столъ и вставалъ. Онъ идетъ впереди жены. Меня это удивило, такъ какъ это не соотвѣтствуетъ европейскимъ обычаямъ въ особенности въ семейномъ кругу. Жена французскаго президента все таки есть madame и monsieur le président есть monsieur. Развѣ только въ очень парадныхъ случаяхъ президенту дается первенство, но тогда обыкновенно его супруга не принимаетъ участія.

Моя продолжительная бесѣда съ Рузевельтомъ повидимому ему не особенно понравилась. Онъ при первомъ же свиданіи со мной выразилъ мнѣніе, что при моихъ взглядахъ соглашеніе будетъ невозможно, и потому я началъ говорить о томъ, какъ сдѣлать, чтобы все таки окончить это дѣло прилично, дабы не задѣть самолюбія его — президента, какъ иниціатора конференціи. Было высказано, что все таки нужно съѣхаться уполномоченнымъ, констатировать непримиримую противоположность взглядовъ и затѣмъ разъѣхаться.

Черезъ сутки послѣ нашего пріѣзда въ Нью-Іоркъ пріѣхалъ Комура со своею свитою. Вторымъ уполномоченнымъ былъ назначенъ японскій посолъ въ Америкѣ. Затѣмъ, на второй или третій день послѣ нашего пріѣзда была назначена наша встрѣча съ японскими уполномоченными и затѣмъ отъѣздъ въ Портсмутъ на военныхъ судахъ для занятій конференціи.

Встрѣча была устроена въ морѣ около Остеръ-бея, дачи президента, на его яхтѣ. Мы выѣхали на особомъ пароходѣ и ѣхали по заливу часа полтора до яхты. Когда я подъѣхалъ съ барономъ Розеномъ къ пристани, тамъ стояла масса народу, насъ весьма сочувственно встрѣтившая. На берегахъ залива расположено много фабрикъ. Всѣ эти фабрики во время всего нашего пути гудѣли и свистѣли. Сперва я не понималъ, въ чемъ дѣло. Мнѣ сейчасъ же объяснили, что фабрики намъ салютуютъ и

выражаютъ свое сочувствіе. Когда мы пріѣхали къ мѣсту встрѣчи и тамъ узнали, какъ насъ встрѣчало населеніе, то было обращено вниманіе на то, что японцы, которые ѣхали при тѣхъ же условіяхъ, проѣхали тихо безъ овацій со стороны жителей. Мы подъѣхали съ парохода на лодкахъ къ яхтѣ президента, мнѣ салютовали. Когда мы вошли на яхту, президентъ взаимно представилъ уполномоченныхъ и ихъ свиты и затѣмъ сейчасъ же пригласилъ завтракать. Я ранѣе выражалъ барону Розену опасеніе, чтобы японцамъ было дано въ чемъ нибудь преимущество передъ нами, и въ особенности настоятельно указывалъ на то, что я не отнесусь спокойно къ тому, если Рузевельтъ во время завтрака провозгласитъ тостъ за нашего Царя послѣ тоста за микадо. Я боялся, чтобы президентъ, по неопытности въ подобныхъ дѣлахъ и какъ типичный американецъ, не особенно обращающій вниманіе на формы, не сдѣлалъ какой-либо оплошности въ этомъ отношеніи. Баронъ Розенъ обо всемъ этомъ предупредилъ еще въ Нью-Іоркѣ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, долго раньше служившаго въ Петербургѣ въ американскомъ посольствѣ. Онъ былъ назначенъ заниматься конференціей и уполномоченными, онъ заранѣе установилъ, такъ сказать, церемоніалъ, чтобы избѣжать какихъ-либо неловкостей. Что касается тоста, то онъ былъ связанъ съ рѣчью президента, такимъ образомъ редактированной, чтобы тостъ провозглашался одновременно за обоихъ монарховъ.*

Конечно, первая встрѣча съ японцами была очень тягостна въ смыслѣ нравственномъ, потому что какъ бы тамъ ни было, а все таки я являлся представителемъ, хотя и величайшей страны свѣта, но въ данномъ случаѣ на войнѣ побитой и побитой не вслѣдствіе отсутствія съ нашей стороны мужества, не вслѣдствіе нашего безсилія, а вслѣдствіе нашей крайней опрометчивости.

*Я ранѣе зналъ Комуру, когда онъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ, а также часть его свиты. Комура несомнѣнно имѣетъ много выдающихся качествъ, но наружностью и манерами не особенно симпатиченъ. Этого нельзя сказать о другихъ японскихъ государственныхъ людяхъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться, напримѣръ: Ито, Ямагата, Курино, Мотоно.

Послѣ завтрака съ насъ, президента и главныхъ уполномоченныхъ, сняли группу. Президентъ отправился на своей яхтѣ къ себѣ домой, а мы уполномоченные со свитою — русскіе на приготовленное военное судно, а японцы — на приготовленное для нихъ, и къ вечеру оба судна снялись и пошли въ Портсмутъ. Все время главнымъ уполномоченнымъ оказывались воинскія почести.

Не будучи особымъ любителемъ морскихъ путешествій, я заранѣе просилъ, чтобы меня высадили въ Нью-Портѣ, откуда мнѣ дали до Портсмута экстренный поѣздъ. Моя высадка была неожиданна. Я высадился только съ однимъ изъ чиновниковъ: баронъ Розенъ со всѣми поѣхалъ на военномъ суднѣ далѣе.*

Нью-Портъ, съ одной стороны, состоитъ собственно изъ города, очень маленькаго и не особенно богатаго, а съ другой стороны — изъ сплошныхъ, самыхъ роскошныхъ дачъ. Это лѣтнее мѣстопребываніе всѣхъ милліардеровъ Нью-Іорка; кромѣ того, лѣтомъ туда собираются вообще американскіе богачи со всей Америки, независимо отъ того, къ нимъ въ гости пріѣзжаетъ много европейцевъ. Каждая дача представляетъ собою дворецъ.

Хотя былъ ранній часъ, но въ дачной половинѣ города я встрѣчалъ многихъ, ѣхавшихъ верхомъ, и меня удивили ихъ костюмы: всѣ мужчины были одѣты въ очень легкія цвѣтныя рубашки, но не на русскій манеръ, а на манеръ иностранный (т.-е. рубашки эти входили въ панталоны), въ легкіе панталоны и легкіе сапоги съ кожаными гетрами; несмотря на сильный солнцепекъ, они были безъ шляпъ съ непокрытой головой.

Въ соотвѣтствующихъ костюмахъ ѣздили и амазонки; онѣ точно также были безъ шляпъ, въ очень легкихъ и довольно короткихъ амазонкахъ.

* Въ Нью-Портѣ я сдѣлалъ визитъ губернатору, который былъ нѣсколько удивленъ моему появленію. Затѣмъ я обѣдалъ у капитана нашего судна, женатаго на очень богатой дамѣ. Съ нами обѣдали губернаторъ съ женою и подруга хозяйки. Губернаторъ мнѣ сказалъ, что правительство сперва хотѣло, чтобы конференція состоялась въ Нью-Портѣ, но затѣмъ ему было дано знать, что нью-портское общество весьма радушно встрѣтитъ русскихъ, въ особенности перваго уполномоченнаго, имя котораго пользуется большимъ авторитетомъ между американцами-финансистами, но что оно не будетъ столь внимательно къ японцамъ, и что такимъ образомъ неизбѣженъ явный контрастъ въ отношеніяхъ къ русскимъ и японцамъ; послѣ полученія такихъ свѣдѣній правительство рѣшило назначить Портсмутъ мѣстомъ конференціи.

Вечеромъ я выѣхалъ ночевать въ Бостонъ. Тамъ я провелъ утро въ университетѣ и затѣмъ завтракалъ въ университетскомъ клубѣ съ профессорами. Этотъ университетъ считается лучшимъ въ Америкѣ. Рузевельтъ воспитанникъ этого университета. Онъ высказывалъ мнѣ,

что не желаетъ выбираться въ президенты республики на слѣдующій срокъ, и что его желаніе заключалось бы только въ томъ, чтобы быть выбраннымъ въ президенты бостонскаго университета.

Послѣ обѣда я выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ въ Портсмутъ. Къ моему выѣзду въ городѣ уже сдѣлалось извѣстнымъ, что я въ немъ нахожусь. Когда я явился на вокзалъ, то около моего поѣзда находилась масса публики Охранники почему-то сочли нужнымъ меня проводить до вагона подъ особою охраной. Затѣмъ просили меня не покидать вагонъ, но видя массу публики, изъ которой многіе хотѣли ко мнѣ приблизиться, я вышелъ изъ вагона и подошелъ къ толпѣ. Ко мнѣ подошло много евреевъ и начали со мною говорить по русски. Они мнѣ сказали, что сравнительно недавно покинули Россію, такъ какъ не подъ силу имъ было болѣе терпѣть стѣсненія. Я разспрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ они устроились? Они мнѣ отвѣтили, что сравнительно хорошо, во всякомъ случаѣ имѣютъ болѣе средствъ, чѣмъ имѣли въ Россіи. Я имъ сказалъ, что значитъ они довольны своей судьбой. На это я получилъ отвѣтъ: «нѣтъ, не вполнѣ, мы теперь американскіе граждане, а все таки не можемъ и никогда не забудемъ Россію, такъ какъ въ ея землѣ хранится прахъ нашихъ отцовъ и предковъ. Мы не питаемъ любви къ россійскимъ порядкамъ, но все таки любимъ болѣе всего Россію, а потому не вѣрьте, если вамъ будутъ говорить, что мы желаемъ на конференціи успѣха японцамъ, мы всѣ желаемъ вамъ успѣха, какъ представителю русскаго народа, и будемъ молить о томъ Бога».

Я простился съ ними и поѣздъ тронулся. Прозвучалъ громогласный гулъ «ура!» Поздно вечеромъ я очутился въ своихъ двухъ маленькихъ комнатахъ въ Портсмутѣ.

Портсмутъ состоитъ изъ двухъ частей: военной гавани съ арсеналомъ, въ которомъ находится большой адмиралтейскій дворецъ съ большими залами, маленькаго городка, стариннаго для Америки, и затѣмъ нѣсколько дачъ, казармъ для небольшой части войскъ и большущей деревянной гостинницы, выстроенной для лѣтняго пребыванія небогатыхъ людей. Вотъ въ этой гостинницѣ помѣщались уполномоченные, вся ихъ свита, стая корреспондентовъ и масса вѣчно пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ зрителей, желавшихъ побывать въ самомъ пеклѣ совершающейся великой дипломатической драмы. Несомнѣнно, что этотъ годъ былъ удивительно счастливый для владѣльцевъ этой гостинницы!

Эти три части Портсмута находятся въ двухъ различныхъ штатахъ: городъ въ одномъ, а дачи, гостинницы и казармы въ другомъ. Аме-

риканское правительство предложило содержаніе уполномоченныхъ въ Портсмутѣ взять на свой счетъ. Эта любезность была не совсѣмъ пріятна; насъ кормили ужасно плохо. Все было крайне обильно, но не свѣжо и не здорово. Впрочемъ, если бы мы жили на свой счетъ, то все равно едва-ли въ Портсмутѣ мы могли бы питаться лучше. Черезъ нѣсколько дней я заболѣлъ, поставилъ себя на діэту и держался ея все время пребыванія въ Портсмутѣ.*

Когда было объявлено, что конференція будетъ происходить въ Портсмутѣ, то всѣ помѣщенія, а въ особенности гостинницы были тамъ разобраны.

Всѣ помѣщенія были такъ заняты, что несмотря на то, что правительство наняло главную и очень большую гостинницу — была такая потребность въ комнатахъ, что мнѣ, главному уполномоченному отъ русскаго Императора, были предоставлены двѣ совершенно маленькихъ комнатки и третья, также очень маленькая, для моихъ двухъ камердинеровъ. Причемъ мой кабинетъ, какъ я уже говорилъ, былъ почти что стеклянный, такъ что все, что я дѣлалъ въ этомъ кабинетѣ, было видно не только изъ многихъ номеровъ этой гостинницы, съ веранды и балконовъ, но даже было видно съ дороги проходящимъ мимо гостинницы. Поэтому масса любопытствующей публики постоянно ходила мимо гостинницы, чтобы посмотрѣть, что дѣлаетъ главный уполномоченный Россійской Имперіи, смотрѣть на тѣ служебныя собесѣдованія, которыя я имѣлъ съ моими сотрудниками и массою корреспондентовъ, ежедневно желавшихъ меня видѣть.

Что касается этихъ корреспондентовъ, то они находились почти въ постоянныхъ сношеніяхъ съ моими секретарями, но тѣмъ не менѣе, не довольствуясь этимъ, они довольно часто просили меня назначать имъ свиданія, причемъ каждый корреспондентъ большой газеты, конечно, желалъ имѣть сепаратное свиданіе для того, чтобы тѣ свѣдѣнія и заключенія, которыя онъ могъ почерпнуть изъ разговоровъ со мною, сдѣлались достояніемъ только его газеты, а не достояніемъ газетъ, съ его газетою конкуррирующихъ.

* На другой день по пріѣздѣ въ Портсмутъ утромъ я сѣлъ на наше судно, которое стояло въ нашемъ распоряженіи все время нашего пребыванія. Оба судна — наше и японское, ночью вошли въ гавань. Мы высадились при парадной встрѣчѣ и салютѣ изъ пушекъ и отправились пѣшкомъ въ адмиралтейскій дворецъ. Я принялъ почетный караулъ. Тоже самое было продѣлано и для японцевъ, которые высадились послѣ насъ.

Въ адмиралтейскомъ дворцѣ находилось все портсмутское общество и начальство. Оно было представлено уполномоченнымъ и затѣмъ всѣмъ былъ предложенъ завтракъ, послѣ котораго мы поѣхали въ экипажахъ въ городъ. Кортежъ открывалъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, за нимъ ѣхали японскіе уполномоченные, потомъ русскіе и затѣмъ вся свита. Вездѣ на улицахъ стояла публика, а въ главной части города стояли шпалерами войска. Публика оказывала вниманіе японскимъ уполномоченнымъ, ѣхавшимъ въ первой коляскѣ, но затѣмъ, увидавъ насъ, возобновляла съ большой силой знаки своего сочувствія. Когда мы проѣзжали между войсками, то нѣсколько разъ послышался крикъ «Здравія желаемъ Вашему Превосходительству»; обернувшись въ сторону крика, я увидѣлъ солдатъ, отдававшихъ честь. Это были евреи въ рядахъ американскаго войска.

Насъ привезли въ ратушу. Здѣсь насъ встрѣтилъ губернаторъ со всѣми членами правительства города. Губернаторъ сказалъ рѣчь, затѣмъ сняли со всѣхъ фотографическую карточку группою. Церемонія была окончена и мы отправились къ себѣ въ гостинницу. На другой день начались засѣданія конференціи. Мучительное и тяжелое время!

Хотя мы жили съ японцами въ одной и той же гостинницѣ, мы другъ другу визитовъ не дѣлали, а только обмѣнялись по пріѣздѣ въ Портсмутъ карточками. Только разъ въ концѣ конференціи я попросилъ зайти второго японскаго уполномоченнаго, чтобы условиться относительно времени одного изъ послѣднихъ засѣданій: это было тогда, когда я заявилъ японцамъ, что ни на какія дальнѣйшія уступки я не соглашусь и что совершенно излишне тратить время, и когда между Комурой и его правительствомъ происходили заминки въ сношеніяхъ, не рѣшались — прервать засѣданія или согласиться на мои предложенія. Въ это время въ Токіо боролись двѣ партіи, одна, во главѣ которой находился Ито, она настаивала на томъ, чтобы согласиться на мои предложенія, а другая военная, находившая необходимымъ настаивать на контрибуціи, а иначе продолжать войну. Тогда именно президентъ Рузевельтъ, испугавшись, что общественное мнѣніе въ Америкѣ все болѣе склоняется къ Россіи и что окончаніе переговоровъ ничѣмъ можетъ возбудить общественное мнѣніе противъ него и японцевъ, телеграфировалъ Микадо, совѣтуя согласиться на мои предложенія. Комура получилъ приказъ уступить, но самъ Комура былъ противъ уступки и потребовалъ приказа непосредственно отъ Микадо, отчего и произошла заминка во времени засѣданій. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщили мнѣ

корреспонденты газетъ, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ лицами свиты Комуры.

Японцы держали себя на конференціи сухо, но корректно, только часто прерывали засѣданія, чтобы посовѣтоваться. На конференціи присутствовали только уполномоченные, т. е. я, баронъ Розенъ, Комура, японскій посолъ въ Вашингтонѣ и три секретаря съ каждой стороны. Говорили я и Комура, только нѣсколько разъ въ дебатахъ участвовали вторые уполномоченные. Я хотѣлъ, чтобы присутствовали также ассистенты, но Комура, не знаю почему, рѣшительно сему воспротивился. Нѣкоторые ассистенты были приглашены только на одно засѣданіе. Это рѣшеніе крайне огорчило Мартенса, и онъ все время не могъ успокоиться. Я и баронъ Розенъ, мы ѣздили на конференцію безъ ассистентовъ, а Комура бралъ ихъ съ собою и держалъ ихъ въ комнатахъ, отведенныхъ для японскихъ уполномоченныхъ. Съ нимъ былъ одинъ совѣтникъ, бывшій адвокатъ, американецъ въ Японіи, который затѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поступилъ на службу въ японское министерство иностранныхъ дѣлъ и тамъ играетъ большую роль, хотя и не показную. Съ этимъ то совѣтчикомъ Комура постоянно ходилъ совѣтоваться.

Будучи въ адмиралтейскомъ дворцѣ, мы — русскіе и японцы — видѣлись между собою частнымъ образомъ только во время непродолжительнаго завтрака. Я все время отъ пищи болѣлъ и говорилъ объ этомъ Комурѣ, когда онъ справлялся о моемъ здоровьѣ. Комура же мнѣ всегда отвѣчалъ, что онъ чувствуетъ себя превосходно, но какъ только окончилась конференція, онъ опасно заболѣлъ въ Нью-Іоркѣ, одни говорятъ — тифомъ желудка, другіе — нервнымъ потрясеніемъ.

Послѣ подписанія мира русскіе и японцы начали между собою видѣться и лица свиты Комуры говорили нашимъ, что Комура подписалъ мирныя условія вопреки своимъ убѣжденіямъ, и что ему готовится незавидная участь въ Японіи. Дѣйствительно, когда въ Японіи сдѣлались извѣстными мирныя условія, въ Токіо вспыхнула смута, памятникъ, сооруженный при жизни Ито, былъ разрушенъ толпою. Токіо было объявлено на военномъ положеніи, войскамъ пришлось дѣйствовать, были раненые и убитые. Когда Комура вернулся въ Японію, ему не только не дали никакой награды, но онъ былъ вынужденъ покинуть постъ министра иностранныхъ дѣлъ и удалиться въ частную жизнь. Только потомъ, когда все успокоилось, онъ былъ назначенъ посломъ въ Лондонъ. Я же былъ восторженно встрѣченъ, возведенъ въ графство, затѣмъ наступила революція, которую мнѣ пришлось подавить, какъ, вопреки моему желанію, назначенному предсѣдателемъ совѣта министровъ. Оставляя по собственному желанію этотъ постъ, я удостоился милостиваго

рескрипта и новой выдающейся награды, но затѣмъ уже попалъ въ опалу...

Такъ играетъ судьба людьми черезъ людей!..*

Меня очень удивляли нѣкоторыя своеобразныя черты американской жизни. Такъ, напримѣръ, большинство служителей въ гостинницахъ и ресторанахъ, т. е. лица, подающія кушанье и убирающія столы, были ничто иное, какъ студенты высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ, которые этимъ путемъ зарабатываютъ себѣ средства, такъ какъ лѣтомъ служителямъ въ ресторанахъ платятъ сравнительно очень большое содержаніе, доходящее до 100 долларовъ, т. е. около 200 рублей въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ.

И эти студенты нисколько такою обязанностью не шокировались. Они надѣвали соотвѣтствующій костюмъ ресторраннаго кельнера и самымъ аккуратнымъ образомъ служили во время обѣда и убирали столы (только не исполняли самой грязной работы). Затѣмъ, послѣ обѣда, или послѣ завтрака, они одѣвались, какъ всѣ остальные, надѣвали иногда корпоративные знаки, ухаживали за дамами и барышнями, жившими въ гостинницѣ, ходили съ ними по паркамъ, играли, а когда время подходило къ обѣду — они уходили, снова надѣвали свой костюмъ кельнера и служили, какъ самые исправные кельнеры.

Эта черта американской жизни меня очень удивляла, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что по нашимъ нравамъ ничего подобнаго въ Россіи быть не можетъ, несмотря на то, что наши бѣдные студенты голодаютъ, живя иногда на 10—20 руб. въ мѣсяцъ; они тѣмъ не менѣе были бы шокированы, еслибы имъ предложили служить за столомъ въ видѣ лакея, даже въ самыхъ лучшихъ ресторанахъ. Впрочемъ, это не только въ Россіи, но, вѣроятно, такъ смотрятъ на это и въ другихъ мѣстностяхъ Европы.

Точно также меня удивляло, что барышни весьма хорошихъ семействъ, которыя жили въ гостинницѣ, нисколько не считали предосудительнымъ, вечеромъ, во время темноты, уходить съ молодыми людьми. Барышня съ молодымъ человѣкомъ tête à tête уходила въ лѣсъ, въ паркъ, они вдвоемъ гуляли тамъ по цѣлымъ часамъ, катались въ лодкахъ, и никому въ голову не приходило считать это въ какой-бы то ни было степени предосудительнымъ. Напротивъ, — всякія гадкія мысли, которыя могли прійти въ голову постороннимъ зрителямъ по отношенію этихъ молодыхъ людей — считались бы предосудительными.

Недалеко отъ гостинницы жили двѣ молодыя барышни съ ихъ матерями, очень милыя и почтенныя особы, и лица, находившіяся въ моей свитѣ, а также и я раза два ходили туда пить чай; молодые же люди засиживались тамъ до поздняго вечера, — и это не считалось ни въ какой степени предосудительнымъ, такъ какъ эти особы пользовались такою репутацiей, что относительно ихъ никакой тѣни дурной мысли никому и въ голову не могло прійти.

Когда я былъ въ Портсмутѣ, то часто, чтобы развлечься, я бралъ автомобиль и ѣздилъ на часъ — на два въ окрестности, ѣздилъ въ мѣста, находящіяся въ совершенно открытомъ океанѣ, гдѣ были отдѣльные курорты для купающихся. Всѣ эти отдѣльныя мѣста были очень хорошо устроены. Что меня особенно поражало — это открытый океанъ съ его бурными притоками.

*Посолъ баронъ Розенъ, увидавъ, какъ со дня моего пріѣзда въ Америку общественное мнѣніе начало склоняться въ пользу Россіи, очень настаивалъ, чтобы я, какъ-бы ни кончилась конференція, совершилъ поѣздку по главнѣйшимъ городамъ Америки, чтобы еще болѣе упрочить съ ней отношенія. Я объ этомъ телеграфировалъ графу Ламсдорфу. Но пріемъ, сдѣланный мнѣ въ Америкѣ, уже сдѣлался извѣстнымъ въ Петербургѣ и многимъ мѣшалъ хорошо спать. Сейчасъ, конечно, начали наушничать. Государю внушили вѣдь, что я хочу быть президентомъ всероссійской республики, можетъ быть, говорили: «Смотрите, какъ онъ умѣетъ привлекать массы». Вѣдь Государь гораздо ранѣе, когда еще ко мнѣ благоволилъ, говорилъ: «Витте, это гипнотизеръ, какъ только онъ заговоритъ въ государственномъ совѣтѣ или другомъ собраніи, сейчасъ большинство, даже изъ его ненавистниковъ, становится на его сторону». Не слѣдуетъ ему позволять создавать себѣ популярность.

Казалось-бы, что касается президентства, то въ данномъ случаѣ долженъ былъ болѣе опасаться Рузевельтъ I-ый, нежели Николай II. Ламсдорфъ мнѣ отвѣтилъ на мою телеграмму, что Его Величество соизволилъ согласиться, но..... (и при этомъ мнѣ ставились какія-то условія).

Зная атмосферу, окружающую Государя, я, конечно, сейчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло, и самъ отъ проекта барона Розена отказался, о чемъ, можетъ быть, не совсѣмъ деликатно телеграфировалъ графу Ламсдорфу.*

Можетъ быть, еслибы такого рода телеграмму получилъ кто-нибудь другой изъ уполномоченныхъ, то онъ этимъ не былъ бы фраппированъ, но я, по моему характеру, не привыкъ получать подобнаго рода наставленія, а поэтому телеграфировалъ, что я этого путешествія дѣлать не желаю.

Точно такой же случай произошелъ, когда я былъ на Дальнемъ Востокѣ; это было въ 1902 году передъ войной, когда я получилъ отъ японскаго императора приглашеніе пріѣхать въ Японію. Это приглашеніе очень поддерживалъ и нашъ посланникъ Извольскій, который убѣждалъ меня пріѣхать.

Въ то время я игралъ такую громадную роль въ Россіи вообще, а на Дальнемъ Востокѣ въ особенности, что для меня вполнѣ понятно, что Извольскій желалъ, чтобы я туда пріѣхалъ, ибо я несомнѣнно остановилъ бы, какъ съ одной стороны и въ Японіи, а съ другой стороны и въ Россіи, то теченіе мыслей и дѣйствій, которое привело черезъ два года къ страшной войнѣ.

Но и тогда, точно также изъ Петербурга, я получилъ такого рода отвѣтъ: Поѣзжайте, но поѣзжайте, имѣя въ виду, что вы будете тамъ, какъ частный человѣкъ.

А это было очень трудно совмѣстить, чтобы министръ финансовъ русскаго Императора, отправившійся по его повелѣнію на Дальній Востокъ и осматривающій сооруженія Восточно-Китайской желѣзной дороги, которыя производились подъ моимъ высшимъ наблюденіемъ, чтобы какъ только я переѣхалъ кусокъ моря, отдѣляющій Портъ-Артуръ отъ Японіи — сейчасъ же превратился въ частнаго человѣка!

* Между тѣмъ, какъ только я уѣхалъ изъ Петербурга, начали интриговать, чтобы испортить мои отношенія съ Ламсдорфомъ, указывая ему на то, что я его хочу совсѣмъ затмить, сдѣлаться канцлеромъ и его устранить. Это выражалось въ нѣсколькихъ частныхъ депешахъ, имъ мнѣ посланныхъ, и моихъ ему отвѣтахъ (хранятся въ моемъ архивѣ), и только наши по истинѣ дружескія отношенія при благородствѣ характера графа Ламсдорфа помѣшали этой интригѣ. Расчетъ же этихъ пошлыхъ интригановъ былъ такой: если будутъ нелады между Ламсдорфомъ и Витте, то дѣло въ глазахъ Государя провалится и Витте провалится въ Портсмутѣ; не даромъ мои враги говорили, когда я поѣхалъ въ Портсмутъ: «Мы его въ костеръ бросили!»

Изъ телеграммъ Ламсдорфа и одной телеграммы личной Государя, въ которой проявилась Его тревога, какъ-бы я не согласился на

контрибуцію въ скрытой формѣ, и зная вѣчно колеблющійся характеръ Государя, при слабости Его воли, я замѣтилъ, что на Государя дѣйствуютъ въ томъ смыслѣ, что — смотри, Витте изъ самолюбія заключитъ миръ вопреки вашимъ инструкціямъ. Я имѣлъ основаніе полагать, что въ этомъ отношеніи на него больше всего дѣйствовалъ Коковцевъ.

Конечно, все это было только интрига. Единственную существенную уступку въ смыслѣ инструкціи Государя мнѣ данной, которая была сдѣлана — это уступка южнаго Сахалина, и ее сдѣлалъ Самъ Государь. Сія честь принадлежитъ лично Его Величеству, я, можетъ быть, ее не сдѣлалъ бы, хотя нахожу, что Государь поступилъ правильно, такъ какъ безъ этой уступки едва-ли удалось бы заключить миръ.

Когда я подписалъ миръ, то это было для всѣхъ и для Государя довольно неожиданно. Когда я ѣхалъ изъ гостинницы въ адмиралтейскій дворецъ въ день, когда послѣдовалъ миръ, я самъ навѣрное не зналъ, состоится соглашеніе или нѣтъ. Государь, получивъ мою телеграмму объ заключеніи мира, видимо не зналъ, какъ Ему къ этому отнестись, но когда Онъ началъ получать отъ всѣхъ монарховъ самыя горячія и искреннія поздравленія, и когда эти поздравленія начали сыпаться со всѣхъ концовъ міра, то Онъ укрѣпился въ сознаніи, что то, что сдѣлано, сдѣлано хорошо и только тогда Онъ послалъ мнѣ благодарственную телеграмму. Его поздравилъ также самымъ восторженнымъ образомъ Германскій Императоръ, и это понятно, Императоръ этотъ уже успѣлъ въ Біоркахъ втянуть Россію въ новое несчастье, можетъ быть, еще горшее, нежели японская война, на случай, если состоится миръ въ Портсмутѣ.

Когда мнѣ Рузевельтъ говорилъ, что весь міръ желаетъ, чтобы былъ заключенъ миръ между Россіей и Японіей и я ему замѣтилъ: «Развѣ и Германскій Императоръ также этого желаетъ?», онъ мнѣ отвѣтилъ, что несомнѣнно да. Тогда уже состоялось свиданіе въ Біоркахъ, а вѣдь Рузевельтъ находился въ очень близкихъ корреспондентскихъ отношеніяхъ съ Императоромъ Вильгельмомъ. Первый — типичный по духу американецъ, большой патріотъ, второй — типичный по духу нѣмецъ, еще большій патріотъ; такимъ образомъ оба главы государства представляютъ духовное выраженіе своихъ націй. Какъ тотъ, такъ и другой молодцы, оба оригинальны, неспокойны, рѣзки, скоропалительны, но умѣютъ держать тактъ въ своихъ головахъ[1].

---

[1] Выраженіе это я заимствую отъ одного военнаго писаря, который какъ то сказалъ, что самый простой изъ всѣхъ барскихъ танцевъ это мазурка: «болтай ногами какъ хочешь, а только держи тактъ въ головѣ».

Естественно, что оба нашли между собою много точекъ соприкосновенія, но, конечно, это не значитъ, что ихъ отношенія могли послужить къ особому сближенію Америки съ Германіей. Во-первыхъ, Рузевельтъ есть временный калифъ, сегодня онъ президентъ, а завтра простой американскій гражданинъ. Во-вторыхъ, вѣдь такъ еще недавно Вильгельмъ хотѣлъ экономическаго союза Европы противъ Америки (умѣетъ вести свою линію)

Я, какъ уже говорилъ, со дня моего назначенія главноуполномоченнымъ, не получилъ непосредственно или посредственно ни одного слова отъ главнокомандующаго Линевича, а вѣдь армія наша стояла въ бездѣйствіи послѣ Мукдена уже около полугода. Я не возбуждалъ вопроса о перемиріи, приступивъ къ мирнымъ переговорамъ, для того, чтобы не связывать главнокомандующаго. Онъ зналъ же, что мирные переговоры идутъ!

Ну что же, оказалъ ли онъ мнѣ силою какое бы то ни было содѣйствіе?!.

— Ни малѣйшаго!

Со дня выѣзда моего изъ Европы японцы забрали у насъ безъ боя полъ Сахалина, а затѣмъ нашъ отрядъ встрѣтился съ японскимъ между Харбиномъ и Владивостокомъ и при первомъ столкновеніи отступилъ, а затѣмъ, когда миръ былъ подписанъ, когда главнокомандующій не сумѣлъ отстоять свою армію отъ революціи, когда онъ спасовалъ передъ шайкою революціонеровъ, пріѣхавшихъ въ армію ее совершенно деморализировать, когда для водворенія порядка въ арміи былъ посланъ генералъ Гродековъ, а Линевичъ вызванъ въ Петербургъ, этотъ старый хитрецъ вернувшись въ Петербургъ, началъ нашептывать направо и налѣво: «вся бѣда въ томъ, что Витте заключилъ миръ, если бы онъ не заключилъ мира, я бы показалъ японцамъ!»

На дняхъ я здѣсь, въ Біаррицѣ, встрѣтился съ нынѣшнимъ начальникомъ нашего генеральнаго штаба генераломъ Палицынымъ, который уже занималъ это мѣсто до моего назначенія главноуполномоченнымъ. Я ему задалъ вопросъ — просилъ ли Линевичъ Государя не заключать мира и вообще, почему онъ бездѣйствовалъ все время съ того момента, когда заговорили о мирныхъ переговорахъ? На это онъ мнѣ отвѣтилъ: «теперь Линевичу, конечно, выгоднѣе всего кричать, что если бы мы не заключили мира, то онъ побѣдилъ бы. Это совершенно естественно для мелкихъ людей. Куропаткинъ идетъ дальше, онъ увѣряетъ, что всѣ виноваты въ его пораженіяхъ, кромѣ него самого».

Что же касается отношенія Линевича къ мирнымъ переговорамъ, то собственно о нихъ, на сколько ему — Палицыну — извѣстно, онъ ничего не телеграфировалъ Его Величеству, но телеграфировалъ, что онъ выработалъ планъ наступленія, который посылаетъ Государю на утвержденіе (хорошъ главнокомандующій!), а когда Государь ему отвѣтилъ, что планъ этотъ не подлежитъ утвержденію Его Величества, и что Государь уполномачиваетъ его привести наступленіе въ исполненіе, то онъ замолчалъ и затихъ и такъ продолжалось все время, покуда не былъ заключенъ миръ. А потомъ у него деморализировалась армія революціонерами, что онъ тоже отрицаетъ.

Что же касается поведенія президента Рузевельта, то оно совершенно выясняется, по крайней мѣрѣ, поскольку поведеніе это касается Россіи, изъ документовъ, о которыхъ я говорилъ ранѣе. Мои рѣшительные ему отвѣты убѣдили его, что отъ меня онъ никакой уступки не получитъ, поэ му онъ и перенесъ свои домогательства въ формѣ совѣтовъ Государю Императору непосредственно въ Петербургъ.

Какъ я говорилъ, въ день, когда я поѣхалъ на засѣданіе, на которомъ должно было рѣшиться — примутъ ли наши условія японцы или нѣтъ, что зависѣло отъ того, получитъ ли Комура подтвержденіе отъ самого Микадо принять предложенныя Россіей условія, у меня не было увѣренности, будетъ или не будетъ заключенъ миръ. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что миръ для насъ необходимъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ грозятъ новыя бѣдствія и полная катастрофа, которыя могутъ кончиться сверженіемъ династіи, которой я всегда былъ и нынѣ преданъ до послѣдней капли крови, но съ другой стороны, какъ ни какъ, а мнѣ приходилось подписать условія, которыя превосходили по благопріятности мои надежды, но все таки условія не побѣдителя, а побѣжденнаго на полѣ брани. Россіи давно не приходилось подписывать такія условія; и хотя я былъ не причемъ въ этой ужасной войнѣ, а напротивъ того убѣждалъ Государя ея не затѣвать, покуда Онъ меня не удалилъ, чтобы развязать безумнымъ авантюристамъ руки, тѣмъ не менѣе судьбѣ угодно было, чтобы я явился заключателемъ этого, подавляющаго для русскаго самолюбія, мира и поэтому меня угнетало тяжелое чувство. Не желаю никому пережить то, что я пережилъ въ послѣдніе дни въ Портсмутѣ. Это было особенно тяжело потому, что я уже тогда былъ совсѣмъ боленъ, а между тѣмъ долженъ

былъ все время быть на виду и играть роль торжествующаго актера. Только нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ сотрудниковъ понимали мое состояніе. Весь Портсмутъ зналъ, что на слѣдующій день рѣшится трагическій вопросъ, будетъ ли еще потоками проливаться кровь на поляхъ Манджуріи, или этой войнѣ будетъ положенъ предѣлъ. Въ первомъ случаѣ, т. е., если послѣдуетъ миръ, изъ адмиралтейства должны были послѣдовать пушечные выстрѣлы. Я сказалъ пастору одной изъ мѣстныхъ церквей, куда я ходилъ за неимѣніемъ православнаго храма, что, если миръ состоится, я изъ адмиралтейства приду прямо въ церковь. Между тѣмъ въ теченіе ночи пріѣхали наши священники изъ Нью-Іорка ожидать на мѣстѣ окончанія разыгравшейся трагедіи, съ сосѣднихъ мѣстъ съѣхались подъ вліяніемъ того же чувства священнослужители различныхъ вѣроисповѣданій.

Ночью я не спалъ.

Самое ужасное состояніе человѣка, когда внутри, въ душѣ его, что-то двоится. Поэтому, какъ сравнительно несчастны должны быть слабовольные. Съ одной стороны, разумъ и совѣсть мнѣ говорили: какой будетъ счастливый день, если завтра я подпишу миръ, а съ другой стороны, мнѣ внутренній голосъ подсказывалъ: «но ты будешь гораздо счастливѣе, если судьба отведетъ твою руку отъ Портсмутскаго мира, на тебя все свалятъ, ибо сознаться въ своихъ грѣхахъ, своихъ преступленіяхъ передъ отечествомъ и Богомъ никто не захочетъ и даже русскій Царь, а въ особенности Николай II». Я провелъ ночь въ какой то усталости, въ кошмарѣ, въ рыданіи и молитвѣ.

На другой день я поѣхалъ въ адмиралтейство.

Миръ состоялся, послѣдовали пушечные выстрѣлы.

Изъ адмиралтейства я поѣхалъ съ моими сотрудниками въ церковь. По всему пути насъ встрѣчали жители города и горячо привѣтствовали. Около церкви и на всей улицѣ, къ ней прилегающей, стояла толпа народа такъ, что намъ стоило большого труда черезъ нее пробраться. Вся публика стремилась пожать намъ руку — обыкновенный признакъ вниманія у американцевъ. Пробравшись въ церковь, я съ барономъ Розеномъ, за неимѣніемъ мѣста, встали за рѣшеткой въ алтарѣ и вдругъ намъ представилась дивная картина. Началась церковная процессія, сперва шелъ превосходный хоръ любителей пѣвчихъ, поющихъ церковный гимнъ, а затѣмъ церковнослужители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій — православной, католической, протестантской, кальвинистской и другихъ церквей. Процессія эта шла черезъ всю

церковь и помѣстилась въ алтарѣ (возвышеніе, огражденное низкой рѣшеткой), а затѣмъ русскій, а потомъ протестантскій священникъ начали служить краткіе благодарственные молебны за ниспосланіе мира и прекращеніе пролитія невинной крови. Во время служенія явился нью-іоркскій епископъ, скорымъ поѣздомъ пріѣхавшій изъ Нью-Іорка, чтобы принять участіе въ этомъ церковномъ торжествѣ. Онъ и русскій священникъ сказали краткія проповѣди. Затѣмъ послѣдовало пѣніе благодарственнаго церковнаго гимна всѣми служителями церкви и церковными хорами. Все время многіе молящіеся плакали. Я никогда не молился такъ горячо, какъ тогда. Въ этомъ торжествѣ проявилось единеніе христіанскихъ церквей, мечта всѣхъ истинно просвѣщенныхъ послѣдователей христіанскаго ученія, и единеніе всѣхъ сыновъ Христа въ чувствѣ признанія великой заповѣди «не убій». Видя американцевъ, благодарящихъ со слезами Бога за дарованіе мира, у меня явился вопросъ — что имъ до нашего Портсмутскаго мира? И на это у меня явился ясный отвѣтъ: да вѣдь мы всѣ христіане. Когда я покидалъ церковь, хоры запѣли «Боже, Царя храни», подъ звуки котораго я пробрался до автомобиля и, когда гимнъ затихъ, уѣхалъ.

Когда я выходилъ изъ церкви, то еле-еле могъ пробраться, причемъ, вѣроятно, по мѣстному обычаю, старались всунуть мнѣ въ руки и въ карманы различные подарки.

Когда послѣ этого я пріѣхалъ въ гостинницу, то въ моихъ карманахъ было найдено, кромѣ большого числа бездѣлушекъ, и нѣкоторые весьма цѣнные подарки, въ видѣ драгоцѣнныхъ камней.

Почему мнѣ удалось послѣ всѣхъ нашихъ жестокихъ и постыднѣйшихъ пораженій заключить сравнительно благопріятный миръ?

Въ то время никто не ожидалъ такого благопріятнаго для Россіи результата и весь міръ прокричалъ, что это первая русская побѣда послѣ болѣе нежели годовой войны и сплошныхъ нашихъ пораженій. Меня всюду возносили и возвеличивали. Самъ Государь былъ нравственно приведенъ къ необходимости дать мнѣ совершенно исключительную награду, возведя меня въ графское достоинство. И это при личномъ ко мнѣ нерасположеніи Его и, въ особенности, Императрицы и при самыхъ коварныхъ интригахъ со стороны массы царедворцевъ и многихъ высшихъ бюрократовъ, столь же подлыхъ, какъ и бездарныхъ. Это произошло потому, что съ появленія моего въ Америкѣ я сумѣлъ своимъ поведеніемъ разбудить въ американцахъ сознаніе, что мы русскіе и по крови, и по культурѣ, и по религіи имъ сродни, пріѣхали вести у

нихъ тяжбу съ расой имъ чуждой по всѣмъ этимъ элементамъ, опредѣляющимъ природу, суть націи, и ея духъ. Они увидали во мнѣ человѣка такого же, какъ они, который, несмотря на свое высокое положеніе, несмотря на то, что является представителемъ Самодержца, такой же, какъ ихъ государственные и общественные дѣятели. Мое поведеніе восприняли и всѣ находившіеся при мнѣ русскіе, что увеличивало объемъ впечатлѣнія. Мое отношеніе къ прессѣ, къ ея дѣятелямъ расположило ихъ ко мнѣ, а они вездѣ, а въ особенности въ Америкѣ играютъ громадную роль въ смыслѣ проведенія впечатлѣній и идей, хотя часто и не прочныхъ. Японскіе представители своимъ поведеніемъ содѣйствовали мнѣ въ смыслѣ впечатлѣнія на американцевъ. Американскіе евреи, зная, что я никогда не былъ ненавистникомъ евреевъ и послѣ моихъ бесѣдъ съ ихъ столпами, о которыхъ я скажу нѣсколько словъ ниже, во всякомъ случаѣ мнѣ не вредили, въ ихъ интересахъ было поддерживать такого русскаго государственнаго дѣятеля, о которомъ, по всему моему прошлому, они знали, что я къ нимъ отношусь, какъ къ людямъ. Сіе же послѣднее большая рѣдкость за послѣднія десятилѣтія, а нынѣ представляется въ Россіи заморскимъ чудомъ.

Рузевельтъ желалъ, чтобы дѣло кончилось миромъ, такъ какъ къ этому понуждало его самолюбіе, какъ иниціатора конференціи; успѣхъ его иниціативы усиливалъ его популярность, но симпатіи его были на сторонѣ японцевъ. Онъ хотѣлъ мира, но мира, какъ можно болѣе выгоднаго для японцевъ, но онъ наткнулся на мое сопротивленіе, на мою съ нимъ несговорчивость, а затѣмъ онъ испугался совершающагося поворота въ общественномъ мнѣніи Америки въ пользу русскихъ. О томъ, что Америкѣ не особенно выгодно крайнее усиленіе Японіи, ни онъ, ни вообще американцы не думали. Вообще познакомившись съ Рузевельтомъ и многими американскими дѣятелями, я былъ удивленъ, какъ мало они знаютъ политическую констелляцію вообще и европейскую въ особенности. Отъ самыхъ видныхъ ихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей мнѣ приходилось слышать самыя наивныя, если не сказать невѣжественныя политическія сужденія касательно Европы, напримѣръ: — Турція существовать не должна, потому что это страна магометанская, ей не мѣсто въ Европѣ, а кому она достанется, это безразлично; почему нельзя возсоздать отдѣльной сильной Польши, это такъ естественно и справедливо и т. п.

Франція жаждала мира, такъ какъ это былъ ея прямой и самый серьезный интересъ. Ея же государственные люди, находившіеся у власти, большею частью лично симпатизировали своей союзницѣ. Англія,

государственные и общественные дѣятели которой традиціонные политики и мастера этого дѣла, желала, чтобы миръ былъ заключенъ, конечно, болѣе или менѣе выгодный для Японіи, такъ какъ у нихъ явилось совершенно ясное сознаніе, что Россіи хорошій данъ урокъ, который принесетъ имъ пользу по урегулированію всѣхъ спорныхъ съ нею вопросовъ, но что, съ другой стороны, чрезмѣрное усиленіе Японіи для нихъ можетъ со временемъ представить опасность.

Какъ разъ въ это время истекъ срокъ соглашенія Англіи съ Японіей. Въ Лондонѣ велись переговоры о возобновленіи договора и редакція окончательнаго соглашенія ставилась въ зависимость отъ того, что скажетъ Портсмутъ. На это я обращалъ изъ Портсмута вниманіе Ламсдорфа, но мы не могли узнать, почему именно переговоры въ Лондонѣ ставились въ зависимость отъ переговоровъ въ Портсмутѣ. Японская война произвела порядочную пертурбацію въ финансахъ Европы, а потому весь денежный міръ желалъ, чтобы война кончилась.

Всѣ христіанскія церкви и ихъ представители сочувствовали заключенію мира, такъ какъ все таки дѣло шло о борьбѣ христіанъ съ язычниками. О томъ, что японцы, пожалуй, язычники, но особаго рода, съ непоколебимой идеей о безсмертной жизни и всесильной вѣрой въ Бога, это вопросъ, о которомъ мало кто думалъ и зналъ, да многіе ли это знаютъ и нынѣ? Наконецъ, императоръ Вильгельмъ. До свиданія въ Біоркахъ въ его интересѣ было еще болѣе обезсилить Россію, а разъ были Біорки, его интересъ также заключался въ томъ, чтобы въ Портсмутѣ дѣло кончилось миромъ. Не могъ же онъ тогда думать, что Біорки потомъ провалятся.

Вотъ всѣ тѣ главные факторы, которые мнѣ содѣйствовали къ заключенію возможно благопріятнаго мира. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ теченій японцы сдались на предложенныя имъ условія. Имъ была внушена мысль — лучше получить существенное, нежели рисковать получить громадное.

Что касается депутаціи еврейскихъ тузовъ, являвшихся ко мнѣ два раза въ Америкѣ говорить объ еврейскомъ вопросѣ, то объ этомъ имѣются въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ мои оффиціальныя телеграммы. Въ депутаціи этой участвовали Шиффъ (кажется, такъ), глава финансоваго еврейскаго міра въ Америкѣ, докторъ Штраусъ (кажется, бывшій американскій посолъ въ Италіи), — оба эти лица находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ президентомъ Рузевельтомъ, — и еще нѣсколько другихъ извѣстныхъ лицъ. Они мнѣ говорили о крайне

тягостномъ положеніи евреевъ въ Россіи, о невозможности продолженія такого положенія и о необходимости равноправія. Я принималъ ихъ крайне любезно, не могъ отрицать того, что русскіе евреи находятся въ очень тягостномъ положеніи, хотя указывалъ, что нѣкоторыя данныя, которыя они мнѣ передавали, преувеличенны, но по убѣжденію доказывалъ имъ, что предоставленіе сразу равноправія евреямъ можетъ принести имъ болѣе вреда, нежели пользы. Это мое указаніе вызвало рѣзкія возраженія Шиффа, которыя были сглажены болѣе уравновѣшенными сужденіями другихъ членовъ депутаціи, особенно докторомъ Штраусомъ, который произвелъ на меня самое благопріятное впечатлѣніе. Онъ теперь занимаетъ постъ посла въ Константинополѣ*.

Когда этотъ Штраусъ года два тому назадъ хотѣлъ пріѣхать въ Россію, то несмотря на то, что онъ былъ посломъ Америки въ Константинополѣ, пришлось дѣлать цѣлый рядъ сношеній съ полиціей по вопросу о томъ, можетъ ли онъ пріѣхать въ Россію или не можетъ, только при особомъ контролѣ и на строго опредѣленное время онъ могъ пріѣхать въ Россію.

Такое варварское, полудикое отношеніе со стороны Россіи къ вопросамъ, по которымъ нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ культурныхъ странахъ, и привело къ тому конфликту, который нынѣ переживаетъ и Россія и Америка, вслѣдствіе денонсіаціи Америкой торговаго договора съ Россіей.

* На другой день послѣ подписанія договора я уѣхалъ въ Нью-Іоркъ. По пріѣздѣ туда я и баронъ Розенъ поѣхали къ президенту въ Остеръ-бей. У президента мы обѣдали въ семейномъ кругу его. Я съ нимъ много говорилъ, какъ до обѣда, такъ и послѣ него.

Еще до войны Америка примѣнила къ намъ дифференціальную пошлину на сахаръ. Въ то время я былъ министромъ финансовъ. Въ этомъ дѣйствіи американскаго правительства я усмотрѣлъ явное нарушеніе принципа наибольшаго благопріятствованія. Мы протестовали противъ этой мѣры, но безуспѣшно. Тогда по моему докладу Его Величество утвердилъ нѣкоторыя дифференціальныя пошлины по отношенію нѣкоторыхъ американскихъ продуктовъ, что, конечно, было крайне непріятно Америкѣ.

Когда я ѣхалъ въ Америку, я исходатайствовалъ разрѣшеніе Его Величества заявить президенту, что Государь устраняетъ эти дифференціальныя пошлины. Я этимъ разрѣшеніемъ не воспользовался до и во время конференціи, дабы не дать повода говорить, что мы заиски-

ваемъ расположеніе американцевъ, но послѣ подписанія договора съ Японіей, будучи у президента, объявилъ ему объ этомъ Высочайшемъ рѣшеніи. Президентъ былъ очень доволенъ, на другой же день это было объявлено въ американскихъ газетахъ и произвело отличное впечатлѣніе. Президентъ во время разговора со мною, въ особенности передъ обѣдомъ, хотѣлъ видимо загладить тѣ рѣзкія по существу разногласія, которыя происходили между нимъ и мною, съ самаго моего пріѣзда до того момента, когда онъ, видя, что со мною каши не сваришь, перевелъ свои домогательства непосредственно въ Петербургъ. Онъ меня увѣрялъ, что онъ также дѣйствовалъ на японцевъ, чтобы они согласились на мои предложенія и, въ подтвержденіе своихъ словъ, показалъ мнѣ телеграмму, о которой я упомянулъ выше, въ которой онъ, сообщая о перемѣнѣ настроенія американцевъ въ пользу Россіи и о томъ, что, въ случаѣ продолженія войны, Японія уже не будетъ встрѣчать въ американцахъ прежней поддержки, совѣтовалъ принять наши условія. Я просилъ президента дать мнѣ его портретъ съ его подписью, что онъ съ видимымъ удовольствіемъ сейчасъ же исполнилъ. Затѣмъ мы бесѣдовали на различныя темы въ самыхъ любезныхъ формахъ. Распростившись съ нимъ и его семействомъ, вечеромъ мы вернулись въ Нью-Іоркъ.

Тамъ я неожиданно явился на биржу. Биржа, дабы выразить мнѣ уваженіе, замѣтивъ мое присутствіе, прервала свои занятія и оказала мнѣ особое вниманіе и сочувствіе. Затѣмъ по приглашенію командующаго войсками въ Нью-Іоркскомъ округѣ генерала Гранта, сына извѣстнаго президента, я ѣздилъ на островъ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ находится его главная квартира. Я хотѣлъ у него побывать, такъ какъ моя жена и я — мы въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ милѣйшей особой, женой кавалергардскаго офицера князя Кантакузена, графа Сперанскаго, дочерью генерала Гранта. Онъ меня встрѣтилъ и проводилъ съ воинскими почестями. Одно утро я провелъ въ Нью-Іоркскомъ (Колумбійскомъ) университетѣ, который мнѣ оказалъ честь, выбравъ меня почетнымъ докторомъ правъ. Университетъ этотъ по обстановкѣ богаче Бостонскаго.

Между прочимъ, бесѣдуя съ профессорами, я спросилъ профессора политической экономіи, знакомитъ ли онъ слушателей съ книгою Джорджа о національизаціи земли, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: конечно, во первыхъ Джорджъ одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей, а кромѣ того я считаю полезнымъ знакомить слушателей съ его взглядами на земельный вопросъ, чтобы выяснить его неосновательность.

Многимъ нашимъ доморощеннымъ русскимъ экономистамъ было бы полезно послушать эти лекціи и даже такому великому писателю, но наивному мыслителю, какъ графъ Левъ Толстой.

Я также спрашивалъ профессоровъ, возможны ли у нихъ такіе безпорядки, какіе происходятъ въ нашихъ университетахъ, и что бы они сдѣлали, если бы это у нихъ приключилось. На это они мнѣ отвѣтили, что они объ этомъ никогда не думали, такъ какъ имъ никогда не придется въ такія дѣла вмѣшиваться, ибо сами слушатели, при малѣйшей попыткѣ кого либо заниматься въ университетѣ чѣмъ бы то ни было, кромѣ науки, его немедленно выбросятъ изъ университета. Я обратилъ также вниманіе на то, что при университетѣ имѣется большое зданіе, служащее спеціально для физическихъ упражненій.

Извѣстный милліардеръ Морганъ просилъ меня съѣздить на его яхтѣ въ военное училище, откуда выходятъ почти всѣ офицеры американской арміи.

Училище это расположено въ часахъ трехъ ѣзды по рѣкѣ и замѣчательно богато устроено. Насъ встрѣтили съ воинскими почестями и затѣмъ, послѣ осмотра училища, на большомъ плацу начальникъ училища произвелъ парадъ всѣмъ кадетамъ. При осмотрѣ училища я замѣтилъ, что, вѣроятно случайно, въ тотъ же день для осмотра училища пріѣхали японскіе офицеры, находившіеся въ свитѣ Комуры. Они были видимо крайне смущены, такъ какъ на нихъ никто не обращалъ никакого вниманія. Замѣтивъ это, я подошелъ къ нимъ, поздоровался съ ними и пригласилъ ихъ быть съ нами, если имъ угодно. Они очень меня благодарили и все время были въ моей свитѣ.

Парадъ былъ замѣчательно красивый. Кадеты эти совсѣмъ взрослые мужчины. У нихъ очень красивые мундиры. Оригинальность была та, что между прочимъ маршировали подъ звуки «Боже Царя храни». Когда раздались звуки этого прекраснаго гимна, я снялъ шляпу и за мною послѣдовали всѣ присутствовавшіе.

Морганъ, хотя и имѣетъ дворецъ въ Нью-Іоркѣ, но живетъ постоянно на яхтѣ; на этой самой яхтѣ онъ совершаетъ путешествія изъ Америки въ Европу, ѣздитъ по Средиземному морю и т. д., словомъ, всю свою жизнь старается проводить на морѣ, находя не безъ основанія, что это самая здоровая жизнь.

На этой яхтѣ Моргана, ѣдучи въ кадетскій корпусъ, я завтракалъ со всею своею свитою, а на обратномъ пути обѣдалъ, и это былъ единственный разъ, когда я, будучи въ Америкѣ, порядочно позавтракалъ и порядочно пообѣдалъ, такъ какъ, когда я жилъ въ гостинницѣ, то и тогда, несмотря на совершенно баснословныя цѣны, которыя съ меня брали: такъ 380 рубл. за номеръ и за обѣдъ съ каждой персоны по 30—40 руб., причемъ за самый скромный обѣдъ, — и всетаки ѣда была очень гадкая.

На яхтѣ я велъ разговоры съ Морганомъ и спросилъ его, приметъ ли онъ участіе въ займѣ, который Россія будетъ вынуждена совершить для ликвидаціи расходовъ войны? Онъ не только соглашался, но самъ вызвался на это и настаивалъ, чтобы я не велъ переговоровъ съ другой группой, еврейской, во главѣ которой стоялъ Шиффъ. Я ихъ и не велъ. Но затѣмъ, когда пришлось дѣлать заемъ и Германія — по причинамъ, которыя будутъ выяснены ниже — отказалась принять участіе въ займѣ, согласно желанію Императора Вильгельма; то и онъ ушелъ на попятный дворъ, можетъ быть не безъ вліянія германскаго правительства.

Говоря о Морганѣ, между прочимъ, мнѣ вспомнился слѣдующій забавный разговоръ, происшедшій между нами.

У Моргана болѣзнь носа; на носу у него находится наростъ, какъ будто бы цѣлая выросшая свекла, который, конечно, представляетъ большое уродство.

Уходя съ его яхты, когда мы остались съ нимъ наединѣ, я сказалъ Моргану:

— Позвольте мнѣ васъ поблагодарить и, между прочимъ, сдѣлать вамъ маленькое одолженіе. У меня есть большой пріятель — знаменитый профессоръ въ Берлинѣ Ласаръ. Когда я какъ-то страдалъ накожною болѣзнью, — онъ меня лѣчилъ и вылѣчилъ. И вотъ, когда я ходилъ къ нему въ клинику въ Берлинѣ, то видѣлъ многихъ, имѣвшихъ такіе же уродливые носы; они у него лѣчились, онъ всѣ эти наросты вырѣзалъ и у нихъ получались совершенно нормальные носы.

На это Морганъ сказалъ, что онъ очень мнѣ благодаренъ, что онъ самъ это знаетъ, знаетъ даже этого знаменитаго профессора, но, къ несчастью, не можетъ эту операцію сдѣлать.

Я думалъ, что Морганъ боится, что ему будетъ очень больно или что-нибудь подобное.

Но Морганъ мнѣ сказалъ:

— Нѣтъ, я совсѣмъ не боюсь; я видѣлъ, какъ онъ это искусно дѣлаетъ, и нисколько не сомнѣваюсь въ результатѣ. Но скажите, пожалуйста, — говоритъ — какъ я тогда покажусь въ Америкѣ? Вѣдь я тогда не въ состояніи буду вернуться въ Америку.

— Почему? — спрашиваю.

— Да потому, — говоритъ, — что если я пріѣду въ Нью-Іоркъ послѣ операціи, то каждый мальчишка, который встрѣтится со мною на улицѣ, будетъ показывать на меня пальцемъ и хохотать. Всѣ меня знаютъ съ этимъ носомъ и представьте себѣ, что я вдругъ выйду на улицы Нью-Іорка безъ этого носа?

Мнѣ этотъ отвѣтъ Моргана показался крайне страннымъ, но онъ объяснилъ мнѣ это самымъ серьезнѣйшимъ образомъ, и съ большимъ сожалѣніемъ, что онъ не можетъ сдѣлать этой операціи.

После того, какъ я ѣздилъ осматривать это высшее американское офицерское училище, я ѣздилъ также на пароходѣ въ Вашингтонъ, т. е. въ оффиціальную столицу Америки.

Я осматривалъ Вашингтонъ, осматривалъ Бѣлый Домъ Президента, Сенатъ, Палату депутатовъ и библіотеки и, конечно, самымъ интереснымъ представлялся домъ, гдѣ жилъ и умеръ великій Вашингтонъ, можно сказать, создатель нынѣшнихъ Сѣверныхъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Домъ этотъ находится за городомъ надъ рѣкой Гудзонъ; замѣчательно, что всѣ суда, какъ торговыя, такъ и простыя, которыя проходятъ по этой рѣкѣ, салютуютъ этому дому, а также всѣ лица, проходящія мимо этого дома сзади, по дорогѣ, снимаютъ шапки. Вообще, можно сказать, что всѣ американцы преклоняются передъ этимъ домомъ, какъ передъ святыней.

Осматривающимъ этотъ домъ и это маленькое имѣніе Вашингтона показываютъ мѣсто, гдѣ похороненъ онъ и его жена. Между прочимъ, комнаты въ этомъ домѣ, по нынѣшнимъ временамъ, довольно скромныхъ размѣровъ, а во времена Вашингтона это считалось обширнымъ помѣщеніемъ; въ этомъ домѣ имѣются довольно обширныя залы, въ этомъ же домѣ есть комната, которую показываютъ осматривающимъ, гдѣ жилъ извѣстный французскій генералъ Лафайетъ, который участвовалъ въ организаціи Америки; здѣсь же та комната, гдѣ умеръ Вашингтонъ и гдѣ жила его жена.

Тамъ есть особое мѣсто, на которомъ растутъ деревья, которыя были посажены различными болѣе или менѣе извѣстными лицами,

посѣщавшими это имѣніе Вашингтона. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ и меня попросили посадить одно дерево; объ участи этого дерева, въ какомъ оно теперь находится положеніи, я не знаю.

Я осматривалъ все это въ воскресенье, потому что у меня не было времени; въ воскресенье я пріѣхалъ въ Вашингтонъ, въ воскресенье же осматривалъ и самое помѣстье президента.

Обыкновенно въ воскресенье этотъ домъ бываетъ запертъ, да и вообще по воскреснымъ днямъ въ Америкѣ все бываетъ заперто. Но такъ какъ у меня не было времени, — я долженъ былъ спѣшить ѣхать обратно, то я и обратился къ президенту съ просьбою, не можетъ ли онъ для меня сдѣлать исключеніе и разрѣшить, чтобы мнѣ показали этотъ домъ въ воскресенье.

Рузевельтъ сказалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, онъ ничего сдѣлать не можетъ, потому что всѣ историческіе памятники Америки находятся въ вѣдѣніи особаго женскаго общества, президентомъ котораго состоитъ какая-то дама; все это люди очень богатые и они содержатъ на свой счетъ всѣ знаменитые памятники Америки, причемъ они пользуются такою самостоятельностью, что если президентъ и обратится къ нимъ, то они могутъ не исполнить его желанія. Онъ посовѣтовалъ мнѣ:

— Обратитесь къ ней самой, объясните ей, что вы должны уѣхать, и я убѣжденъ, что въ виду той популярности, которую вы пріобрѣли въ Америкѣ, она сдѣлаетъ для васъ исключеніе и разрѣшитъ осмотрѣть домъ.

Я такъ и сдѣлалъ, обратился къ президенту общества депешей и получилъ отвѣтъ, что она съ большимъ удовольствіемъ распорядится, чтобы все было открыто и чтобы мнѣ все показали.

Такъ и было сдѣлано. Американское правительство дало мнѣ свой пароходъ и уполномоченные общества мнѣ все тамъ въ подробности показали.

Когда я вернулся въ Нью-Іоркъ, то опять ѣздилъ въ Ойстеръ-Бей откланяться президенту Рузевельту и опять у него завтракалъ.

На этотъ разъ мы говорили съ нимъ иначе, ибо въ теченіе всего времени Портсмутской конференціи и еще ранѣе, когда я былъ въ Нью-Іоркѣ, я съ президентомъ во многомъ не сходился; не соглашался на многія уступки, которыя онъ желалъ, чтобы я сдѣлалъ. Одно время наши отношенія дошли даже до того, что Рузевельтъ не пожелалъ болѣе имѣть со мною дѣла и началъ непосредственно обращаться къ Государю Императору.

Поэтому нѣкоторые вопросы были рѣшены Государемъ Императоромъ, и я прямо изъ Петербурга получилъ по этому предмету указанія, хотя Его Величество зналъ мои мнѣнія по этому предмету, а потому я не могу сказать, чтобы что-нибудь было сдѣлано вопреки моимъ мнѣніямъ. Можетъ быть, я бы не рѣшился на нѣкоторыя уступки, — на которыя рѣшился Его Величество, но это происходило, само собою разумѣется, потому, что я есть не что иное, какъ одинъ изъ слугъ Государя, а Государь представляетъ собою Самодержавнаго Монарха Россійской Имперіи, отвѣтственнаго за то, что онъ дѣлаетъ. только передъ Богомъ.

Передъ моимъ выѣздомъ Рузевельтъ далъ мнѣ письмо для передачи Государю. Письмо это онъ мнѣ прочелъ. Въ письмѣ этомъ говорилось о томъ, что Государь благодарилъ Рузевельта за то, что онъ помогъ окончить переговоры между Его уполномоченными и уполномоченными Японскаго Императора; что теперь онъ съ своей стороны обращается къ Государю съ просьбой: въ торговомъ договорѣ 1832 года имѣется одинъ пунктъ, который получилъ особое толкованіе со стороны Россіи, а именно: по этому договору, — какъ понимаютъ его въ Америкѣ, — всѣ американцы могутъ свободно пріѣзжать въ Россію; могутъ быть различныя ограниченія, но не исходящія отъ вѣроисповѣднаго принципа; еслибы ограниченія эти исходили изъ другихъ принциповъ, еслибы ограниченія эти дѣлались для того, чтобы оградить Россію отъ явнаго матеріальнаго или другого вреда, то тогда такое отношеніе со стороны Россіи къ этому вопросу признавалось бы американцами совершенно естественнымъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ американцы вообще могутъ пріѣзжать въ Россію, а только дѣлается вѣроисповѣдное ограниченіе по отношенію евреевъ. Въ письмѣ говорилось, что американцы никогда не въ состояніи усвоить и примириться съ тою мыслью, что можно различать людей въ отношеніи ихъ благонадежности, или въ отношеніи ихъ порядочности по принадлежности къ тому или другому вѣроисповѣданію. А поэтому, чтобы установить дружескія отношенія между Америкой и Россіей, тѣ отношенія, которыя начались, благодаря моему пребыванію въ Америкѣ, онъ очень проситъ Государя отмѣнить это толкованіе, которое установилось практикою, въ особенности послѣдняго десятилѣтія.

Какъ только я возвратился, я передалъ это письмо Государю Императору, а Его Величество передалъ письмо президента Рузевельта министру внутреннихъ дѣлъ.

Во время моего министерства по этому предмету была комиссія. Комиссія эта тогда не кончила своей работы. Впослѣдствіи, во время министерствъ Горемыкина и Столыпина, коммиссія кончила эту работу и пришла къ тому заключенію, что необходимо дать другое толкованіе той статьѣ договора, которая говоритъ о правѣ Россіи, какъ и каждаго государства, дѣлать ограниченія, по отношенію пріѣзда подданныхъ другого государства, но только не ставить вопросъ о дозволеніи или недозволеніи въѣзжать въ Россію въ зависимость отъ признака вѣроисповѣднаго.

Но почему то этому рѣшенію комиссіи не было дано никакого хода. Въ концѣ концовъ, въ теченіе почти шести лѣтъ вопросъ этотъ не получилъ никакого благопріятнаго рѣшенія и дѣло это кончилось тѣмъ, что американцы денонсировали торговый договоръ на тѣхъ основаніяхъ, что они не могутъ примириться съ такимъ произволомъ и съ несоотвѣтствующимъ духу времени толкованіемъ той части торговаго договора, которая говоритъ о правѣ въѣзда иностранцевъ въ ту или другую страну.

Когда я ѣхалъ обратно изъ Америки въ Европу, то это путешествіе я совершилъ на нѣмецкомъ пароходѣ того же самаго Гамбургскаго общества и еще большемъ, нежели тотъ, на которомъ я ѣхалъ въ Америку, и пароходъ этотъ шелъ нѣсколько быстрѣе. Пароходъ этотъ отличается всевозможнымъ комфортомъ.

На обратномъ пути я ѣхалъ уже какъ простой пассажиръ, точно такъ же, какъ я себя держалъ немедленно послѣ того, какъ я подписалъ Портсмутскій договоръ. Такъ какъ я, когда пріѣхалъ изъ Портсмута въ Нью-Іоркъ, уже сложилъ съ себя званіе чрезвычайнаго уполномоченнаго и посла Его Величества, а потому и въ Нью-Іоркѣ, хотя и жилъ въ той же самой гостинницѣ, но мое пребываніе стоило значительно менѣе, такъ какъ я уже платилъ за свой номеръ на русскія деньги всего 82 р., вмѣсто 380 р., хотя и жилъ, вслѣдствіе этого, на 17-мъ этажѣ.

Какъ я говорилъ, вообще въ Америкѣ было чрезвычайно дорого жить, на водку, напримѣръ, за подъемъ на машинѣ даютъ не менѣе доллара, т.-е. 2 р., мелкихъ денегъ, въ сущности говоря, въ большихъ гостинницахъ какъ бы совсѣмъ не существуетъ.

Такъ какъ я получилъ на поѣздку, какъ я уже говорилъ, всего 15 тыс. рубл. и потомъ дополучилъ 5 тыс. руб., всего 20 тыс. руб., то,

конечно, я долженъ былъ приплатить нѣсколько десятковъ тысячъ изъ своихъ собственныхъ денегъ.

Будучи въ Нью-Іоркѣ на обратномъ пути, я, между прочимъ, пошелъ осматривать самые высокіе дома и былъ въ верхнемъ 37 этажѣ, куда подымался, конечно, на лифтѣ. Въ это время былъ маленькій вѣтеръ и видимо чувствовалось, что комнаты на самомъ верхнемъ этажѣ колеблются, что весьма понятно, ибо ничтожное, безконечно малое движеніе внизу уже выражается наверху въ чувствительномъ колебаніи.

При обратной поѣздкѣ по вечерамъ устраивали на пароходѣ пѣніе и танцы, всегда вся публика была крайне наряжена, а равно происходили различныя чтенія.

Я, между прочимъ, вспоминаю, какое особое положеніе занимаютъ тамъ агенты охранной полиціи, о которыхъ я ранѣе говорилъ. Какъ то разъ въ Нью-Іоркѣ я поѣхалъ на автомобилѣ съ такимъ агентомъ, который одѣвается, какъ чистѣйшій джентльменъ, и вотъ мы проѣзжали по одной улицѣ, которая была крайне загромождена экипажами, а особливо трамваями. Вдругъ я замѣтилъ, что все движеніе полицейскій сразу остановилъ, чтобы дать мнѣ проѣхать. Я удивился, почему это онъ сдѣлалъ, и увидѣлъ, что агентъ, рядомъ около меня сидящій, разстегнулъ свой сюртукъ и я увидѣлъ, что подъ сюртукомъ у него была лента съ особымъ значкомъ, и вотъ, увидѣвши этотъ значекъ, полицейскій махнулъ рукой и все вдругъ ему повиновалось и все движеніе было прекращено.

Вотъ у насъ, особливо въ монархической странѣ, вся публика взволновалась бы на такое дѣйствіе полиціи, а вѣроятнѣе, большею частью и не послушалась бы.

На обратномъ пути капитанъ парохода мнѣ сказалъ, что онъ хочетъ въ моемъ присутствіи попробовать аппаратъ, только что введенный, который заключается въ томъ, что его ставятъ впереди парохода на опредѣленное разстояніе и если этотъ пароходъ приближается близко къ какому-нибудь препятствію и, между прочимъ, къ пароходу, идущему по направленію къ нему, то на пароходѣ начинаетъ гудѣть гудокъ. Аппаратъ этотъ сдѣланъ былъ для предотвращенія возможныхъ столкновеній. Онъ мнѣ показывалъ подробно этотъ аппаратъ и его дѣйствіе и произвелъ фальшивую тревогу, дернувъ одну изъ проволокъ, и дѣйствительно, на пароходѣ сразу началъ гудѣть гудокъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ПОСѢЩЕНІЕ ПАРИЖА НА ОБРАТНОМЪ ПУТИ ИЗЪ АМЕРИКИ

* ПЕРВЫЙ европейскій портъ, въ который заходилъ пароходъ — англійскій. Какъ только подошелъ нашъ пароходъ къ крѣпости, мнѣ салютовали пушками.

Когда я ѣхалъ въ Америку, я уже былъ нездоровъ, но не заявлялъ объ этомъ, дабы не подражать Нелидову и Муравьеву. Главная моя болѣзнь — это въ области дыхательныхъ органовъ. Конечно, болѣзни мои весьма усилились отъ этого дипломатическаго путешествія. Я все время поддерживалъ себя строжайшей діэтой и усиленными смазываніями кокаиномъ. Это совершенно разстроило мои нервы. Еще въ Америкѣ я твердо рѣшилъ удалиться отъ всякихъ дѣлъ и, такъ какъ я держалъ Петербургъ все время въ курсѣ каждаго моего дѣлового шага, то еще изъ Америки телеграфировалъ Ламсдорфу, что я пришлю всѣ документы, которые впрочемъ не представляютъ собою ничего новаго, потому что я своевременно сообщалъ по телеграфу, и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе Государя поѣхать прямо въ Брюссель на нѣсколько мѣсяцевъ къ дочери.

У меня было какое то предчувствіе, что, если я пріѣду въ Петербургъ, то меня снова «бросятъ въ костеръ». Изъ Соутгамптона я отправилъ Плансона курьеромъ со всѣми документами въ Петербургъ и самъ на пароходѣ прослѣдовалъ въ Шербургъ. Пріѣхавъ въ Европу, я рѣшилъ перемѣнить политику относительно прессы и запираться отъ корреспондентовъ, потому я отказался имѣть какіе либо разговоры съ прессой, какъ только я пріѣхалъ въ Соутгамптонъ и все время держался этой политики до 17 октября. Я сдѣлалъ въ Парижѣ только исключеніе для представителя газеты «Temps» Tardieu, по усиленной просьбѣ

посла Нелидова и то потомъ объ этомъ жалѣлъ[1]. Въ Шербургѣ я остановился на нѣсколько часовъ, чтобы пріѣхать въ Парижъ рано утромъ, для избѣжанія всякихъ встрѣчъ и въ особенности любопытной публики.

Я пріѣхалъ въ Парижъ, кажется, 6 сентября нашего стиля, рано утромъ. Я, конечно, прежде всего видѣлся въ Парижѣ съ главою министерства Рувье. Онъ меня очень поздравлялъ съ заключеніемъ мира, затѣмъ крайне сѣтовалъ на германское правительство, съ которымъ онъ все не могъ уговориться по Марокккскому вопросу. Онъ мнѣ объяснилъ, что онъ сдѣлалъ многія уступки, на которыя не соглашался Делькассе, но что германскіе представители требуютъ того, чего онъ уступить не можетъ, потому что палата депутатовъ этого не приметъ и этимъ воспользуются враги министерства, чтобы его свергнуть. Онъ мнѣ говорилъ, что съ посломъ княземъ Радолинымъ можно было бы сговориться, но что присланы два представителя отъ центральнаго правительства, изъ которыхъ одинъ Розенъ, германскій повѣренный въ дѣлахъ въ Марокко, наиболѣе притязательный. Затѣмъ Рувье мнѣ указалъ, въ чемъ заключаются разногласія, которыя мнѣ показались сравнительно совершенно второстепенными. Вмѣшательство Германіи задѣвало самолюбіе французовъ, возбужденные же ею вопросы имѣли очевидно для нея значеше политическое въ смыслѣ давленія на французское правительство, но не имѣли значенія по существу.

Дѣйствительно, ознакомившись съ прессой, я усмотрѣлъ сильное возбужденіе и нѣкоторыя газеты уже говорили о возможномъ столкновеніи. Французское правительство на всякій случай начало уже принимать даже нѣкоторыя военныя мѣры, связанныя съ крупными расходами. Французскіе руководящіе банкиры, которые очень желали бы сдѣлать русскій заемъ, заявили мнѣ, что при настоящемъ положеніи вещей произвести большой заемъ невозможно — Il faut, que le cauchemare du Maroc passe.

Рувье мнѣ также подтвердилъ, что при настоящемъ положеніи вещей трудно разсчитывать на заемъ, и просилъ моего содѣйствія, чтобы уладить дѣло. «Теперь отношенія съ Германіей, прибавилъ онъ, въ такой острой фазѣ, что нѣкоторыя лица и почти вся пресса ожидаютъ вооруженнаго столкновенія»[2]. Я ему высказалъ, что лучше всего всѣ

[1] См. стр. 371.

[2] Какъ оказалось впослѣдствіи, подъ вліяніемъ такого настроенія французское правительство произвело значительные расходы на случай войны.

вопросы колкіе не рѣшать теперь, а признать ихъ касающимися интересовъ всѣхъ націй, имѣющихъ какое либо отношеніе къ Марокко, и спустить ихъ въ конференцію изъ представителей этихъ державъ. Тогда, если Франціи придется уступить по рѣшенію конференціи, парламентъ къ рѣшеніямъ этимъ отнесется иначе, нежели если уступка послѣдуетъ отъ министерства.

Рувье сказалъ, что онъ самъ такъ думалъ, но что германское правительство или его представители на это не согласны. Я ему посовѣтовалъ теперь не спорить по существу и только стараться провести вопросъ о конференціи. Онъ мнѣ обѣщалъ, что, если Мароккскій вопросъ уладится, то правительство не будетъ препятствовать займу и онъ, Рувье, мнѣ окажетъ не только полное содѣйствіе, какъ глава правительства, но и какъ Рувье, т.-е. финансистъ. Я поѣхалъ къ князю Радолину, германскому послу, съ которымъ еще въ Петербургѣ я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ и прямо заговорилъ съ нимъ о Мароккскомъ вопросѣ, объясняя, что осложненія на этомъ вопросѣ въ настоящее время не на руку ни Россіи, ни Германіи, такъ какъ нельзя же готовить большой войны изъ за Мароккскаго дѣла; вѣдь въ случаѣ войны между Германіей и Франціей начнется общая война, въ которой должна будетъ принять участіе и Россія. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее чтобы придти къ соглашенію, что онъ совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе, что этотъ вопросъ раздутъ, что ему мѣшаютъ присланные уполномоченные отъ центральнаго правительства, а что его въ Берлинѣ считаютъ французомъ. Съ своей стороны онъ просилъ меня, не могу ли я оказать воздѣйствіе на канцлера Бюлова.

Между тѣмъ, какъ только я пріѣхалъ въ Парижъ, мнѣ сейчасъ же изъ соотвѣтствующихъ посольствъ дали знать, что король Эдуардъ и Императоръ Вильгельмъ были бы очень рады меня видѣть и принять, а Бюловъ, вѣроятно, не зная о переданномъ мнѣ желаніи Вильгельма, далъ мнѣ знать, что онъ былъ бы мнѣ очень благодаренъ, если бы я возвращаясь въ Россію, проѣхалъ черезъ Баденъ, гдѣ онъ въ то время лечился.

Относительно приглашенія короля Эдуарда и Императора Вильгельма я отвѣтилъ, что не считаю себя вправѣ явиться къ нимъ ранѣе, нежели явлюсь къ моему Государю. Въ Парижѣ я уже засталъ письмо Ламсдорфа о томъ, что Государь желаетъ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ, а потому онъ Ламсдорфъ не считалъ удобнымъ докладывать Его Величеству о моей просьбѣ отпустить меня въ Брюссель.

Что же касается Бюлова, то я ему далъ знать, что мнѣ неудобно заѣзжать въ Баденъ и, если онъ меня желаетъ видѣть, то пусть пріѣзжаетъ въ Берлинъ, гдѣ я могу остановиться на нѣсколько часовъ. Вслѣдъ за симъ я получилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы, возвращаясь въ Петербургъ, я явился къ Императору Вильгельму. Что касается Англіи, то ко мнѣ пріѣхалъ секретарь нашего посольства въ Лондонѣ, нынѣ совѣтникъ того же посольства, умный и дѣльный Поклевскій-Козелъ, интимный человѣкъ у короля Эдуарда и другъ нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ Извольскаго, съ видимымъ порученіемъ короля, хотя онъ говорилъ, что пріѣхалъ самъ по себѣ, и съ вѣдома нашего посла. Онъ заговорилъ со мною снова о желаніи Эдуарда и англичанъ, чтобы я заѣхалъ въ Англію, но я ему объяснилъ, что при всей моей охотѣ, я сдѣлать этого не могу безъ приказанія Государя, а въ то время, конечно, такого разрѣшенія Государя послѣдовать не могло, такъ какъ Его Величество находился подъ связями Біоркскаго свиданія.

Если бы даже король Эдуардъ просилъ о томъ Государя, разрѣшеніе послѣдовать не могло. Тогда Государь считалъ англичанъ нашими заклятыми врагами. Затѣмъ Поклевскій меня долго убѣждалъ въ томъ, что Россіи необходимо послѣ Портсмутскаго мира войти въ соглашеніе съ Англіей, дабы покончить недоразумѣніе по персидскому, афганскому, тибетскому и другимъ вопросамъ, служащимъ постоянными разжигающими факторами недобрыхъ отношеній между Россіей и Англіей. Я ему совершенно искренно говорилъ, что по моему мнѣнію желательно установить хорошія отношенія между Англіей и Россіей, но не портя существующія отношенія къ континентальнымъ европейскимъ державамъ. Такова должна быть по моему наша политика на западѣ, а на востокѣ необходимо съ полной искренностью установить добрыя отношенія къ Японіи. Россіи желателенъ миръ по крайней мѣрѣ на нѣсколько десятковъ лѣтъ и благоразумная политика должна къ этому стремиться всѣми силами. Несомнѣнно, что послѣдовавшее на дняхъ соглашеніе между Россіей и Англіей дѣло рукъ Поклевскаго и его вліянія на Извольскаго. Оно буквально воспроизводитъ то, что мнѣ представилъ Поклевскій-Козелъ въ Парижѣ. Король Эдуардъ умно воспользовался своимъ интимнымъ благоволеніемъ къ этому дипломату.

Получивъ повелѣніе ѣхать къ Императору Вильгельму, я передалъ объ этомъ Рувье и Радолину, обѣщавъ имъ содѣйствовать, чтобы германское правительство согласилось на передачу наиболѣе существенныхъ вопросовъ по марокскому дѣлу на обсужденіе международ-

ной конференціи. Затѣмъ я заявилъ Рувье, что желалъ бы видѣть президента Лубэ, который находился въ то время въ своемъ имѣніи на югѣ Франціи, около Монтелимара. Мнѣ собственно видѣть Лубэ не было надобности, хотя мнѣ всегда было пріятно бесѣдовать съ этимъ старикомъ, къ которому я питалъ глубокое уваженіе, но я понималъ, что если я поѣду къ Германскому Императору, не заѣхавъ, будучи во Франціи, къ президенту французской республики, это произведетъ дурное впечатлѣніе на французовъ. Лубэ сейчасъ же пригласилъ меня и я, вечеромъ того же дня, отправился въ Монтелимаръ, завтракалъ у него въ семейномъ кругу и на другой день вечеромъ вернулся въ Парижъ.

Когда я поѣхалъ къ Лубе, меня нѣсколько станцій сопровождалъ г. Нейцлинъ, директоръ банка de Paris et Pays Bas, который являлся представителемъ синдиката французской группы для совершенія русскаго займа безъ включенія въ этотъ синдикатъ еврейскихъ банкирскихъ домовъ, которые уклонялись отъ участія въ русскихъ займахъ со времени кишиневскаго погрома евреевъ, устроеннаго Плеве, несмотря на мои личныя отношенія съ главою дома Ротшильдовъ, который всегда являлся главою синдиката по совершенію русскихъ займовъ, когда въ немъ принимали участіе еврейскія фирмы.

Съ Нейцлинымъ я говорилъ о займѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, теперь изъ объясненій съ Нейцлинымъ выяснилось, что ему Рувье сказалъ то же что и мнѣ, т. е. что онъ поддержитъ французскихъ банкировъ, которые будутъ дѣлать русскій заемъ, но что эта операція возможна лишь послѣ соглашенія съ Германіей. Нейцлинъ, какъ и его коллеги, конечно, очень хотѣли имѣть заемъ, но и для нихъ было ясно, что покуда биржа не успокоится, это невозможно.

Лубэ поздравилъ меня съ окончаніемъ портсмутскихъ переговоровъ миромъ, когда я еще былъ въ Америкѣ. Вообще я тогда получилъ массу поздравительныхъ и восторженныхъ телеграммъ, въ особенности изъ Россіи. Въ Монтелимарѣ онъ меня еще разъ поздравилъ словесно, говорилъ о непріятностяхъ, дѣлаемыхъ Франціи германскимъ правительствомъ, и затѣмъ болѣе всего выражалъ свои мнѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, высказывая, что безъ системы представительства и конституціи Россія болѣе идти не можетъ.

Я его спросилъ, говорилъ ли онъ по этому вопросу когда нибудь съ Государемъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что говорилъ, выражая тѣ же мнѣнія. На мой вопросъ: что же Вамъ сказалъ Государь? онъ отвѣтилъ: Государь сказалъ — Вы такъ думаете? — Я ему отвѣтилъ — не только думаю, но въ этомъ убѣжденъ. Послѣдующія событія, — заключилъ онъ, — кажется оправдали мое мнѣніе.

Я все время только его слушалъ, а затѣмъ въ свою очередь спросилъ его, представляетъ ли опасность для Франціи все большее и большее усиленіе соціализма и иногда соціализма боевого. Онъ мнѣ убѣжденно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это все пѣна. Какъ только соціалисты входятъ въ правительство, они постепенно перестаютъ быть соціалистами. Французскій народъ столь благоразуменъ, и настолько политически развитъ, что не допуститъ во Франціи экспериментовъ соціалистическихъ бредней.

Когда же я заговорилъ объ антиклерикализмѣ французскаго правительства, переходящемъ разумные предѣлы и нравственные принципы, которыхъ, напримѣръ, держался такой крайній, но большой человѣкъ, какъ Гамбетта, то онъ, видимо, не желалъ останавливаться на этой темѣ разговора.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ истекалъ срокъ президентства Лубэ и онъ мнѣ заявилъ, что твердо рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ больше своей кандидатуры не ставить, хотя несомнѣнно, что, если бы онъ желалъ быть тогда выбраннымъ снова, то былъ бы выбранъ. Не было ли одной изъ причинъ его ухода то, что въ его президентство правительство подъ вліяніемъ палаты затѣяло столь грубую войну съ католической церковью?

Покидая Парижъ, я еще разъ видѣлся съ Рувье, и онъ мнѣ снова подтвердилъ, что, если уладится марокккскій вопросъ, то онъ обѣщаетъ мнѣ оказать содѣйствіе займу, а такой заемъ былъ необходимъ Россіи и, въ особенности, всякому правительству Государя Императора.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
РОМИНТЕНЪ

Я пріѣхалъ въ Берлинъ вечеромъ и чины посольства нашего меня предупредили на вокзалѣ, что публикѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что я пріѣзжаю въ этотъ день и останавливаюсь въ гостинницѣ Бристоль, на Унтеръ денъ Линденъ, и что тамъ ожидаетъ меня громадная толпа народа. Въ виду этого я рѣшилъ не ѣхать въ экипажѣ, а незамѣтно пройти пѣшкомъ. Меня замѣтили нѣкоторыя лица изъ публики только тогда, когда я входилъ въ подъѣздъ гостинницы. Тогда толпа начала увеличиваться и просила, чтобы я вышелъ на балконъ. Я былъ вынужденъ нѣсколько разъ выходить на балконъ и раскланиваться съ публикой, которая мнѣ оказывала знаки вниманія.

На другой день я обмѣнялся визитами съ министромъ иностранныхъ дѣлъ (Бюлова не было въ Берлинѣ) и видѣлся съ французскимъ посломъ. Я ему сказалъ, что, въ случаѣ благопріятнаго результата моего разговора съ Императоромъ Вильгельмомъ, я ему такъ или иначе дамъ знать для передачи Рувье.

Вечеромъ я выѣхалъ къ Императору, который находился въ своемъ охотничьемъ замкѣ Роминтенъ около русской границы. Туда нужно ѣхать по главному пути изъ Берлина въ Вержболово и затѣмъ, не доѣзжая Вержболово, свернуть на нѣсколько десятковъ верстъ на югъ.

Утромъ я пріѣхалъ въ Роминтенъ. На вокзалѣ меня встрѣтилъ графъ Эйленбургъ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, который привѣтствовалъ меня отъ имени императора и представился, какъ лицо, находящееся въ свитѣ Его Величества и какъ бывшій германскій посолъ въ Вѣнѣ.

Тогда я вспомнилъ, что графъ Эйленбургъ, бывшій посолъ въ Вѣнѣ, считается въ общественномъ мнѣніи человѣкомъ очень близкимъ къ Императору и однимъ изъ столповъ окружающей его дворцовой камарильи. Онъ меня повезъ въ автомобилѣ и дорогой передавалъ мнѣ, что Императоръ чрезвычайно высокаго мнѣнія обо мнѣ, восхищается

моимъ поведеніемъ и успѣхомъ въ Америкѣ и съ нетерпѣніемъ меня ожидаетъ.

Когда мы подъѣхали къ замку, меня передъ замкомъ встрѣтилъ самъ Императоръ со своею крайне малочисленною свитою. Онъ былъ чрезвычайно ко мнѣ любезенъ и послѣ встрѣчи приказалъ министру двора повести меня въ мое помѣщеніе.

Министръ двора графъ Эйленбургъ, весьма почтенный человѣкъ, двоюродный братъ сказаннаго Эйленбурга, меня повелъ въ мою комнату. Роминтенъ — охотничій замокъ. Онъ представляетъ изъ себя простой двухъэтажный деревенскій домъ, противъ котораго находится другой домъ, тоже двухъэтажный, еще болѣе простой конструкціи. Вторые этажи обоихъ домовъ соединяются крытою галлереею. Большой домъ и часть второго этажа меньшаго дома занимаютъ Ихъ Величества, а остальное помѣщеніе — свита и пріѣзжающіе.

Замокъ находится на небольшой возвышенности. Вокругъ него находятся нѣсколько маленькихъ домовъ для службъ. Затѣмъ вблизи деревня, вокругъ лѣса, гдѣ ежедневно во время пребыванія въ Роминтенъ охотится Императоръ. Онъ и вся свита, какъ и гости, носятъ охотничьи костюмы. Императоръ вѣдь особый охотникъ до формъ. Вся жизнь весьма проста; комнаты также весьма просты, но, какъ всегда у нѣмцевъ, все держится въ большомъ порядкѣ и чистотѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ я очутился въ своей комнатѣ, ко мнѣ пришелъ графъ Эйленбургъ и продолжалъ начатый разговоръ во время переѣзда съ вокзала въ замокъ. Разговоръ касался общаго политическаго положенія, отношеній Россіи и Германіи между собою и къ другимъ державамъ. Графъ мнѣ сказалъ, что Императоръ вспоминаетъ о томъ разговорѣ, который Его Величество имѣлъ со мною, когда онъ былъ въ Петербургѣ и гдѣ я проводилъ мысль о томъ, что континентальная Европа, по крайней мѣрѣ, великія державы континента должны соединиться и прекратить взаимную борьбу для того, чтобы Европа продолжала играть доминирующую роль на земномъ шарѣ, иначе пройдутъ сотни, а можетъ быть только десятки лѣтъ и Европа будетъ играть второстепенную роль во всесвѣтной политикѣ.

Я ему сказалъ, что очень сожалѣю, что тогда разговоръ этотъ не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій. На это графъ Эйленбургъ очень неопредѣленно замѣтилъ, что, можетъ быть, мое чаяніе гораздо ближе къ осуществленію, нежели я думаю. Затѣмъ мы пошли завтракать къ Его Величеству. Императоръ меня представилъ императрицѣ,

которой я, впрочемъ, былъ уже представленъ, когда она пріѣзжала съ Императоромъ въ Петергофъ. Затѣмъ я поздоровался съ принцессой, единственной ихъ дочерью, некрасивой, но весьма симпатичной, и которую повидимому августѣйшіе родители особливо любятъ. Послѣ этого меня познакомили со свитою, которая, впрочемъ, была крайне малочисленна; кромѣ Эйленбурговъ былъ бывшій морской министръ (запамятовалъ фамилію, кажется, Гольманъ), одинъ генералъ и затѣмъ два молодыхъ человѣка — адъютанта. Такимъ образомъ Вильгельмъ былъ въ тѣсномъ пріятельскомъ кругу.

Во время завтрака я сидѣлъ по правую руку Императрицы и велъ только свѣтскіе разговоры. Ея Величество между прочимъ сказала мнѣ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ Императоръ крайне неблагосклонно относился къ автомобилямъ, а теперь такъ увлекся этимъ спортомъ и ѣздитъ съ такой быстротой, что это иногда служитъ предметомъ ея безпокойства.

Кромѣ моей дѣловой бесѣды съ Императоромъ глазъ на глазъ послѣ завтрака, я имѣлъ такую же бесѣду, въ тотъ же день, передъ обѣдомъ. Императоръ, сказавъ нѣсколько словъ о моемъ громадномъ успѣхѣ въ Портсмутѣ, заговорилъ со мной о политическомъ положеніи Европы и перешелъ къ тому разговору, который я имѣлъ съ нимъ во время пребыванія въ Петергофѣ (въ Петербургѣ, въ германскомъ посольствѣ, послѣ завтрака), и который я нѣсколько часовъ тому назадъ велъ съ графомъ Эйленбургомъ, т. е. о союзѣ континентальной Европы. Я ему высказалъ мое полное убѣжденіе, что правильная политика должна заключаться въ постепенномъ сближеніи главныхъ величинъ Европы: Россіи, Германіи, Франціи, съ цѣлью достиженія союза между этими государствами, къ которому, конечно, пристанутъ и нѣкоторыя другія европейскія державы. Если это будетъ достигнуто, то Европа въ значительной степени освободится отъ громадныхъ затратъ, производимыхъ на сухопутныя вооруженія, имѣющія главнымъ образомъ въ виду войны между державами континента. Она будетъ имѣть возможность создать грозную силу на моряхъ, которая будетъ доминировать надъ цѣлымъ свѣтомъ. Иначе, по моему убѣжденію, не пройдетъ много времени и Европа будетъ въ міровомъ концертѣ почитаться почтенной, но дряхлой старушкой.

Его Величество мнѣ сказалъ, что онъ совершенно раздѣляетъ это мое убѣжденіе, что онъ радъ, что я остался вѣренъ этой идеѣ, и что моя идея получила осуществленіе въ Біоркахъ при послѣднемъ свиданіи

его съ моимъ повелителемъ. Онъ прибавилъ, что передаетъ мнѣ объ этомъ секретномъ дѣлѣ съ разрѣшенія моего Государя, и затѣмъ спросилъ, доволенъ ли я этимъ, на что я ему, радостно и съ полнымъ убѣжденіемъ, отвѣчалъ, что очень доволенъ. Засимъ, послѣ непродолжительнаго разговора, не имѣющаго дѣлового характера, я удалился.

Императоръ черезъ нѣкоторое время уѣхалъ на охоту, одинъ съ егеремъ. Ко мнѣ опять заходилъ графъ Эйленбургъ подъ предлогомъ, не нужно ли мнѣ чего либо, и мнѣ сказалъ въ разговорѣ, что онъ самое интимное лицо у Императора, что онъ пользуется его полнымъ довѣріемъ и что, если мнѣ что либо будетъ нужно по возвращеніи въ Россіи совершенно довѣрительно передать Императору, чтобы я это дѣлалъ черезъ него, и прибавилъ, что я могу разсчитывать на то, что то, что мною будетъ написано, будетъ немедленно передано Вильгельму, и что я черезъ него, Эйленбурга, получу отвѣтъ Императора. Пересылку писемъ можно производить, если не будетъ другой вѣрной оказіи, черезъ германское посольство. Послѣ этого разговора я пошелъ немного погулять около замка и встрѣтилъ играющую принцессу.

Вернувшись къ себѣ, я черезъ нѣкоторое время увидалъ возвращающагося съ охоты Императора и вскорѣ я опять былъ имъ принятъ.

Я началъ разговоръ съ того, что для подготовленія союзныхъ отношеній Германіи съ Франціей необходимо вести соотвѣтствующую политику сближенія, что для этого нужно постепенно подготовить общественное мнѣніе во Франціи и необходимо, чтобы дипломатія дѣйствовала искусно и дѣятельно, но что, къ сожалѣнію, этого не дѣлалось. Въ послѣдніе годы франко-германскія отношенія не только не улучшились, но ухудшились и въ результатѣ произошло сближеніе Франціи и Англіи, кончившееся извѣстнымъ соглашеніемъ. Послѣ такого соглашенія будетъ еще труднѣе повернуть общественное мнѣніе Франціи въ пользу сближенія съ Германіей, но, по моему, это возможно, и требуетъ очень обдуманныхъ и систематически проводимыхъ мѣръ; между тѣмъ, я не вижу этого ни въ дѣйствіяхъ нашей дипломатіи, ни въ дѣйствіяхъ дипломатіи Его Величества.

Будучи теперь во Франціи, я напротивъ замѣтилъ крайнее возбужденіе общественнаго мнѣнія, и многіе даже боятся войны, денежные рынки взбудоражены. Повидимому, послѣ Біоркъ ничего не было сдѣлано въ смыслѣ сближенія Франціи съ Германіей.

На это мнѣ Вильгельмъ сказалъ, что покуда ничего не было сдѣлано, но что будетъ сдѣлано. О томъ же, въ чемъ именно заключалось соглашеніе въ Біоркахъ, онъ мнѣ не сказалъ и, очевидно, уклонялся меня посвятить въ детали этого соглашенія, т. е. просто дать мнѣ его прочесть. Я подумалъ, что, вѣроятно, Императоръ Вильгельмъ считаетъ корректнымъ предоставить это моему Государю. Затѣмъ, Вильгельмъ началъ рѣзко сѣтовать на французское правительство, которое, по его словамъ, всегда поступаетъ по отношенію Германіи и его лично некорректно и что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ дать инціативу въ установленіи хорошихъ отношеній съ Франціей, но натыкался на некорректность со стороны представителей республики. Онъ особенно возмущался образомъ дѣйствій Делькассэ по заключенію соглашенія съ Англіей, и указалъ мнѣ на то, что германской дипломатіи было извѣстно, что Делькассэ ведетъ переговоры съ англійскимъ правительствомъ о соглашеніи, къ чему онъ относился спокойно, разсчитывая, что, когда соглашеніе состоится, онъ будетъ о томъ поставленъ въ извѣстность. Между тѣмъ, послѣ того, какъ соглашеніе состоялось, ни Англія, ни Франція не сочли нужнымъ, хотя бы для дипломатическаго приличія, сообщить содержаніе соглашенія Германіи, поэтому онъ могъ надѣяться, что въ соглашеніи этомъ нѣтъ ничего, что могло бы прямо или косвенно относиться къ Германіи.

Когда же это соглашеніе стало извѣстнымъ, то оказалось, что оно между прочимъ касается такихъ предметовъ, которые непосредственно касаются интересовъ Германіи, а именно Марокко, въ которомъ Германія имѣетъ торгово-промышленные интересы. Это заставило его, Вильгельма, показать, что нельзя дѣлать соглашеній по предметамъ, въ которыхъ заинтересована Германія, безъ соглашенія съ ней, а тѣмъ болѣе безъ ея вѣдома.

Я замѣтилъ, что французское правительство представило доказательство, что оно этотъ печальный инцидентъ желаетъ загладить, такъ какъ Делькассэ безъ смѣны министерства долженъ былъ покинуть свой постъ, и этотъ постъ взялъ на себя глава министерства Рувье, управлявшій ранѣе министерствомъ финансовъ. Рувье искренне желаетъ уладить это дѣло. Онъ — человѣкъ весьма уравновѣшенный. Посолъ Его Величества князь Радолинъ мнѣ засвидѣтельствовалъ въ Парижѣ, что Рувье дѣлаетъ всѣ уступки, которыя онъ можетъ сдѣлать, и Радолинъ находитъ, что нынѣшнее французское министерство держитъ себя по отношенію къ Германіи весьма корректно.

Послѣ всего этого я кратко объяснилъ императору Вильгельму разноласія между Рувье и представителями германскаго правительства по

марокккскимъ дѣламъ, причемъ я замѣтилъ, что Императоръ далеко не въ курсѣ переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ. Если мы хотимъ, сказалъ я, сближенія Германіи съ Франціей, то намъ необходимо, чтобы во Франціи было соотвѣтствующее министерство. Если, вслѣдствіе неудачи переговоровъ Рувье съ представителями Его Величества, министерство Рувье падетъ, то вмѣсто него можетъ явиться министерство, которое будетъ относиться къ мысли сближенія съ Германіей враждебно. Я сказалъ, что я не предлагаю, чтобы представители Германіи уступили во всемъ Рувье, я лишь нахожу, что наиболѣе серьезные вопросы марокккскаго дѣла слѣдуетъ передать на рѣшеніе международной конференціи. Рувье на это согласенъ, Радолинъ также не противъ этого, но германское правительство, въ лицѣ его представителей въ Парижѣ, дѣлаетъ затрудненія къ такому направленію дѣла. Кромѣ того, я ему сказалъ, что Франція вошла въ соглашеніе съ Англіей, въ которомъ разрѣшила марокккскій вопросъ, какъ будто вопросъ этотъ касался только интересовъ Франціи и Англіи. Германія нашла это некорректнымъ и вмѣшалась въ дѣло. Теперь, если Рувье сойдется съ вами, то кто можетъ поручиться, что какая либо другая держава, напримѣръ Америка, не признаетъ, что Рувье поступилъ некорректно, войдя въ соглашеніе съ вами безъ участія Америки. Очевидно, что французское правительство можетъ очутиться въ весьма запутанномъ положеніи и что правильнѣе всего вопросы, затрагивающіе интересы нѣсколькихъ державъ, передать на обсужденіе международной конференціи.

Императоръ выслушалъ меня внимательно, взялъ со стола телеграфный бланкъ и написалъ телеграмму на имя Бюлова. Показавъ телеграмму, Императоръ сказалъ:

— Вы меня убѣдили. Вопросъ будетъ улаженъ въ указанномъ вами смыслѣ.

Затѣмъ я сказалъ Императору, что, можетъ быть, онъ недоволенъ французскимъ посломъ въ Берлинѣ, и что для установленія сближенія желателенъ человѣкъ другого калибра. На это Вильгельмъ мнѣ отвѣтилъ:

— Нынѣшній посолъ — человѣкъ незамѣтный, но, по крайней мѣрѣ, вѣжливый и спокойный. Пожалуй, если его возьмутъ, то назначатъ худшаго.

Чтобы показать некорректность французскаго правительства, Императоръ мнѣ представилъ такой примѣръ: при посольствѣ былъ французскій офицеръ, весьма корректный, хорошій военный, и поэтому онъ оказывалъ этому офицеру вниманіе. Вдругъ онъ узнаетъ, что французское

правительство его отзываетъ. Тогда при ближайшемъ пріемѣ онъ обратился къ бывшему въ то время при его дворѣ французскому послу и спросилъ его, правда-ли, что отзываютъ сказаннаго офицера? Посолъ это подтвердилъ. А когда Императоръ сказалъ, что онъ объ этомъ жалѣетъ, посолъ ему отвѣтилъ, что его правительство вправѣ распоряжаться офицерами французской арміи по своему усмотрѣнію.

Я, конечно, не могъ не признать невѣжливости посла и только замѣтилъ, что вѣроятно французское правительство или не знало этого дѣла, или оно ему было представлено въ неправильномъ видѣ.

Императоръ также отзывался крайне неблагопріятно о нашемъ послѣ въ Лондонѣ, графѣ Бенкендорфѣ, относясь къ нему саркастически. Онъ говорилъ, что Бенкендорфъ ярый католикъ, а потому дѣйствуетъ противъ Германіи, и что все его значеніе въ Лондонѣ основано на угодничествѣ королю, который имѣетъ въ немъ хорошаго партнера въ бриджъ. Далѣе Императоръ мнѣ сказалъ, что, по его свѣдѣніямъ, въ Россіи весьма неспокойно, и спросилъ меня, что я думаю по этому предмету.

Я ему отвѣтилъ, что неправильная политика по внутреннему управленію привела многіе слои населенія въ возбужденное состояніе, а затѣмъ явная ошибка правительства, которое возбудило войну съ Японіей, и всѣ ужасныя неудачи этой войны взбаламутили Россію. Правительство потеряло всякій авторитетъ въ народѣ, и я думаю, что не обойдется безъ конституціи, на что императоръ мнѣ отвѣтилъ, что необходимо дать тѣ или другія реформы, которыхъ желаетъ общество, но главное то, что признается нужнымъ дать, нужно дать сразу и затѣмъ ни подъ какимъ предлогомъ не идти на дальнѣйшія уступки. Онъ мнѣ сказалъ, что это мнѣніе онъ высказалъ и нашему Государю.

По поводу же войны съ Японіей Императоръ со мной не говорилъ ни слова, избѣгая этого разговора, помня, конечно, что я ему передавалъ, черезъ повѣреннаго германскаго посольства въ Петербургѣ Чирскаго, когда Германія захватила портъ Кіо-Чао и тѣмъ, въ извѣстной мѣрѣ, дала толчокъ всѣмъ дальнѣйшимъ событіямъ, кончившимся безумной и позорной войной съ Японіей.

Послѣ этого разговора я удалился въ свое помѣщеніе, а погодя ко мнѣ пришелъ министръ двора и принесъ мнѣ отъ Императора портретъ Его Величества въ золотой рамкѣ съ такой собственноручной надписью, въ нѣкоторомъ родѣ исторической надписью «Portsmouth — Biorky — Rominten — Wilhelm Rex», и цѣпь ордена Краснаго Орла.

Надпись эта на портретѣ въ трехъ словахъ резюмируетъ всю политику императора, къ которой онъ стремился съ тѣхъ поръ, какъ нашъ Государь рѣшилъ пойти на мирные переговоры съ Японіей до моего возвращенія и прибытія въ Роминтенъ.

Вильгельмъ послѣ разговора со мною уже не сомнѣвался, что дѣло его въ шляпѣ — война ослабила Россію и ему развязала руки съ востока, теперь же Портсмутъ и Біоркэ послужатъ ему къ успокоенію, если не къ возвеличенію Германіи при помощи Россіи съ запада. И все это безъ пролитія капли крови и затраты хотя бы одного германскаго пфеннига. Но человѣкъ полагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Что же касается данной мнѣ Императоромъ Вильгельмомъ совершенно экстраординарной награды — орденской цѣпи, которая дается только царствующимъ особамъ или членамъ царствующихъ домовъ, то Императоръ, рѣшивъ мнѣ дать орденъ, не могъ мнѣ дать другой, такъ какъ я уже имѣлъ высшій орденъ германскій — ленту Чернаго Орла. Такая экстраординарная награда со стороны германскаго Императора, вѣроятно, отчасти послужила побужденіемъ для Государя вознаградить меня за Портсмутъ возведеніемъ въ графское достоинство. Я спросилъ министра, когда я могу явиться къ Императору благодарить его за оказанную мнѣ милость. Министръ мнѣ отвѣтилъ, что удобнѣе всего передъ самымъ обѣдомъ. При этомъ онъ мнѣ замѣтилъ, что, если я хочу доставить удовольствіе Его Величеству, то онъ совѣтуетъ явиться къ обѣду, надѣвши пожалованную мнѣ цѣпь. Я сказалъ, что это очень затруднительно сдѣлать, такъ какъ, уѣзжая въ Америку, я не взялъ съ собою ни одного мундира и ни одного ордена, зная, что въ Америкѣ это не потребуется, а являться къ коронованнымъ особамъ въ Европѣ не предполагалъ. Въ заключеніе мы условились, что я надѣну цѣпь на фракъ, а министръ доложитъ Императору, почему я являюсь не въ формѣ и безъ орденовъ. Я такъ и явился къ обѣду во фракѣ съ цѣпью и прежде всего благодарилъ Императора за необычайныя награды.

Обѣдали мы въ томъ же кружкѣ, какъ и завтракали. Послѣ обѣда перешли въ сосѣднюю комнату. Молодая принцесса и флигель-адъютантъ удалились, остались ихъ величества, графъ Эйленбургъ, выше упомянутые бывшій морской министръ, генералъ и министръ двора. Всѣ держали себя весьма непринужденно, разсѣлись на креслахъ около столика, пили кофе, пиво и курили. Причемъ, вѣроятно, по заведенному въ этихъ случаяхъ въ Роминтенѣ обычаю, начали по очереди разсказывать различныя смѣшныя исторіи и анекдоты. Императоръ больше

всѣхъ хохоталъ, причемъ меня поразили его отношенія къ графу Эйленбургу. Императоръ не сидѣлъ на отдѣльномъ креслѣ, а на ручкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ Эйленбургъ, причемъ Его Величество правую руку держалъ на плечахъ графа, какъ бы его обнимая. Графъ же Эйленбургъ держалъ себя менѣе всѣхъ принужденно, такъ что, если бы кто либо взглянулъ въ эту комнату, не зная никого изъ тамъ находящихся, и его бы спросили, кто именно изъ присутствующихъ германскій Императоръ, онъ, вѣроятно, прежде всего удивился бы такому вопросу, а если бы его увѣрили, что въ числѣ присутствующихъ находится Императоръ и настаивали бы, чтобы онъ указалъ его, то онъ скорѣе указалъ бы на графа Эйленбурга, нежели на Вильгельма. Обращеніе Императора съ Эйленбургомъ дало мнѣ полное основаніе повѣрить Эйленбургу, что онъ пользуется особой довѣренностью Его Величества. Часовъ около 10 Императоръ простился съ присутствовавшими и всѣ удалились.

На другой день, чтобы попасть на скорый поѣздъ, идущій изъ Берлина въ Петербургъ, я долженъ былъ выѣхать изъ Роминтена между 12 и часомъ дня. Я рано всталъ и вышелъ гулять. Все утро передъ окнами дома играла и гуляла молодая принцесса. Когда я вернулся къ себѣ, ко мнѣ зашелъ министръ двора и объявилъ, что Императоръ будетъ завтракать ранѣе обыкновеннаго времени, такъ какъ онъ желаетъ, чтобы я завтракалъ вмѣстѣ съ ними. Меня позвали завтракать въ началѣ 12 часа. Завтракъ прошелъ очень оживленно. Вообще на меня произвела крайне благопріятное впечатлѣніе крайняя простота жизни Императора, и его, и въ особенности ея величества крайняя простота и любезность въ обращеніи. Императоръ гораздо болѣе обворожителенъ въ частной жизни, нежели въ оффиціальной, когда у него является нѣкоторая рѣзкость въ движеніяхъ и манерахъ, и чопорность, свойственная хорошему берлинскому гвардейскому офицеру. Послѣ завтрака я откланялся императрицѣ и принцессѣ, простился со свитой и хотѣлъ откланяться Императору, но къ моему удивленію Его Величество мнѣ сказалъ, что онъ самъ меня проводитъ до вокзала.

У подъѣзда насъ ждалъ автомобиль Его Величества. Императоръ сѣлъ рядомъ со мной, а впереди сѣлъ все тотъ же графъ Эйленбургъ. Проѣздъ до вокзала длился минутъ десять. Дорогой Императоръ мнѣ сказалъ, что я могу вполнѣ довѣриться графу и что онъ знаетъ о его разговорахъ со мной. Пріѣхавши на станцію, Императоръ вошелъ со мною на платформу и ожидалъ, покуда поѣздъ не тронется. Я раскланялся съ Его Величествомъ и вновь благодарилъ его за оказанныя

мнѣ милости и гостепріимство и уѣхалъ. На вокзалѣ меня ожидалъ курьеръ нашего финансоваго агента въ Берлинѣ. Я взялъ клочекъ бумаги, написалъ маленькую записку[1] французскому послу въ Берлинѣ, чтобы онъ далъ знать Рувье, что дѣло о конференціи улажено, и немедленно послалъ ее съ сказаннымъ курьеромъ.

Въ Вержболовѣ меня встрѣтили весьма радушно. Всѣ офицеры пограничной стражи мѣстной бригады были на лицо. Пограничная стража, какъ войско, была создана мной, и я былъ первый шефъ пограничной стражи. Я всегда чувствовалъ въ себѣ военную струнку и любилъ заниматься военными вопросами. Произошло это оттого, что я родился на Кавказѣ и провелъ тамъ все юношество до тѣхъ поръ, покуда меня не повезли въ университетъ, когда мнѣ было $16^1/_2$ лѣтъ. Когда же я поступилъ въ университетъ, я потерялъ отца, и вышедши изъ университета, я все время былъ подъ нравственнымъ вліяніемъ моего дяди, извѣстнаго военнаго и политическаго писателя, боевого военнаго генерала, Ростислава Андреевича Фадѣева.

У него я встрѣчался съ такими генералами, какъ Коцебу, Лидерсъ, Черняевъ и проч. и слушалъ ихъ бесѣды, мнѣнія и споры. Поэтому изъ всѣхъ многочисленныхъ частей, которыя входили въ министерство финансовъ въ мое время, я болѣе всего любилъ пограничную стражу. Она это чувствовала и относилась ко мнѣ съ любовью и уваженіемъ. Я и теперь преисполненъ радости и гордости, что мною созданная пограничная стража оказалась на воинской высотѣ во время японской войны, и нигдѣ ни разу не поколебалась во время нашей революціи и анархіи. Меня особенно обрадовалъ пріемъ, сдѣланный мнѣ пограничной стражей въ Вержболовѣ.*

[1] Когда черезъ года два мнѣ пришлось какъ то высказывать одному французскому дѣятелю, что въ 1905 году я устранилъ столкновеніе между Франціей и Германіей изъ за Марокко, то дѣятель этотъ выразилъ сомнѣніе въ этомъ, поэтому я озаботился достать для моего архива документъ, подтверждающій мой предыдущій разсказъ. Достать мою записочку послу въ Берлинѣ не удалось, но мнѣ удалось изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ получить оффиціальную копію моей записочки въ томъ видѣ, какъ она была передана по телеграфу посломъ въ Берлинѣ президенту и министру иностранныхъ дѣлъ Рувье.

Телеграмма была послана отъ моего имени изъ Берлина 28 сентября (новаго стиля) 1905 года, значитъ тотчасъ же какъ только была получена моя записочка въ Берлинѣ и заключалась въ слѣдующемъ: «J'ai eu l'honneur de présenter à l'Empereur d'Allemagne mes explications sur les questions maroccaines et Sa Majesté a eu la bonté de me dire qu'Elle n'a pas l'intention de faire des difficultés au gouvernement français et qu'Elle donnera à ce sujet ses ordres imperiaux».

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

*ПОЗАВТРАКАВЪ со всѣми находившимися на лицо офицерами, я отправился со скорымъ поѣздомъ далѣе. О днѣ моего пріѣзда въ Петербургъ точно не знали, такъ какъ было извѣстно, что я заѣхалъ къ германскому Императору на нѣсколько дней, а сколько дней я тамъ пробуду, не было извѣстно. Вечеромъ, наканунѣ моего пріѣзда, стало нѣкоторымъ лицамъ извѣстно, что я выѣхалъ изъ Вержболово. Естественно, что это разгласилось, но только сравнительно между ограниченнымъ числомъ лицъ; мои друзья приняли всѣ мѣры, чтобы это не попало въ газеты, такъ какъ несомнѣнно явились бы манифестаціи и контръ-манифестаціи. Петербургъ уже тогда находился въ революціонной горячкѣ. Тѣмъ не менѣе на вокзалѣ меня встрѣтили много знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ. Толпа была большая, и я съ большимъ трудомъ пробрался до моего автомобиля. Кто то вышелъ изъ толпы и сказалъ мнѣ привѣтственную рѣчь, превознося мою заслугу, оказанную родинѣ Портсмутскимъ миромъ.

Это для меня было совершенно неожиданно, тѣмъ не менѣе я былъ вынужденъ сказать присутствующимъ нѣсколько благодарственныхъ словъ.

Было утро. Петербуржцы еще сидѣли дома, кромѣ дѣловыхъ людей. Во время моего проѣзда до дома всѣ лица, которыя меня узнавали, какъ знакомыя, такъ еще болѣе незнакомыя, почтительно снимали шапки и дѣлали благодарственные жесты. Ни одинъ человѣкъ во время моего проѣзда съ вокзала не высказалъ какого либо знака неудовольствія. Мои знакомые, послѣ сердечнаго поздравленія съ миромъ, почти всѣ говорили одно и то же:

— Сергѣй Юльевичъ, у насъ плохо, вы избавили Россію отъ пролитія русской крови въ Манджуріи, избавьте отъ пролитія крови у насъ внутри. Все бурлитъ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ 16 сентября 1905 года. Въ тотъ же день я былъ у графа Ламсдорфа. Я ему передалъ мои впечатлѣнія въ Америкѣ и обратилъ его вниманіе на то, что для того, чтобы установить болѣе или менѣе прочныя отношенія съ Японіей, нельзя ограничиваться Портсмутскимъ договоромъ, нужно пойти далѣе и установить entente cordiale съ этой державой, родъ союзнаго, но ограниченнаго договора, о чемъ я ему — графу Ламсдорфу — телеграфировалъ еще изъ Портсмута, предполагая положить основаніе къ сему тамъ же, но получилъ отъ него, если не совсѣмъ отрицательный, то во всякомъ случаѣ болѣе нежели уклончивый отвѣтъ. Я ему также указывалъ на то, что необходимо въ Японію послать не посланника, а посла, показавъ тѣмъ, что Россія придаетъ особую важность сношеніямъ съ Японіей и трактуетъ ее, какъ великую державу, что несомнѣнно подѣйствуетъ успокоительно и благопріятно на самолюбіе японцевъ.

Графъ Ламсдорфъ мнѣ сказалъ, что Государь полагаетъ назначить въ Токіо Бахметьева. Я отнесся очень отрицательно къ этому назначенію, такъ какъ Бахметьевъ никогда не занимался вопросами Дальняго Востока, не имѣетъ объ этой области дипломатіи никакого понятія и кромѣ того, насколько я слыхалъ, человѣкъ вздорнаго характера. Тогда графъ Ламсдорфъ спросилъ, кого же назначить. Я ему отвѣтилъ — Покотилова, посланника въ Китаѣ. На это графъ Ламсдорфъ мнѣ отвѣтилъ, что, конечно, Покотиловъ былъ бы отличнымъ посломъ въ Токіо, но Государь почему то очень желаетъ, чтобы туда былъ назначенъ Бахметьевъ, и врядъ-ли ему — Ламсдорфу — удастся перемѣнить это рѣшеніе. Вѣроятно, ему придется назначить Бахметьева посланникомъ, а когда рѣшится вопросъ о назначеніи посла, то тогда онъ выставитъ кандидата болѣе соотвѣтствующаго. На этотъ разъ о моемъ свиданіи съ германскимъ Императоромъ мы почти не говорили.

Прибывъ въ Петербургъ, я донесъ объ этомъ Его Величеству. На другой день я получилъ приглашеніе пріѣхать къ Нему въ Финляндскія шхеры, гдѣ Его Величество въ то время находился на яхтѣ «Штандартъ» съ Августѣйшимъ семействомъ.

Я выѣхалъ туда утромъ на военномъ суднѣ. На суднѣ я былъ встрѣченъ офицерами и командой, которая мнѣ отдала честь. Мы прибыли на мѣсто стоянки «Штандарта» послѣ полудня. Государь меня принялъ у себя въ каютѣ, сердечно и искренно благодарилъ за успѣшное окончаніе крайне тяжелаго порученія, Имъ мнѣ даннаго, и за точное не только по буквѣ, но и по духу данныхъ Имъ мнѣ инструкцій. За такую мою услугу, оказанную Ему и Россіи, Онъ меня возводитъ въ графское достоинство. Признаюсь, такая экстраординарная награда меня тронула и главное тронула та сердечность, съ которой Государь мнѣ объявилъ объ этой милости. Я Его весьма благодарилъ и поцѣловалъ Ему руку. Затѣмъ Государь мнѣ сказалъ, что Онъ получилъ отъ Императора Вильгельма письмо, въ которомъ германскій Императоръ восторженно обо мнѣ отзывается. Онъ мнѣ сказалъ, что Онъ, Государь, очень радъ, что я раздѣляю тѣ идеи, которыя были положены въ соглашеніе Его съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Біоркахъ. Я сказалъ Государю, что я былъ всегда сторонникомъ союза Франціи, Германіи и Россіи, на что Его Величество отвѣтилъ, что Ему извѣстно, что объ этомъ я говорилъ германскому Императору нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, замѣтивъ при этомъ, что тогда Императоръ Вильгельмъ хотѣлъ союза съ Англіей и полагалъ, что Европа должна объединиться противъ Америки. Я напомнилъ Государю о меморандумѣ Императора Вильгельма, тогда переданномъ Его Величеству, и о нашемъ отвѣтѣ, на что Государь сказалъ:

— Какъ же, помню.

Въ заключеніе я выразилъ, что я особенно счастливъ тѣмъ, что всѣ навѣты, которые дѣлались ему въ послѣдніе годы, когда многіе хотѣли представить меня Его Величеству чуть ли не революціонеромъ, остались безъ вліянія на Него. На это Государь отвѣтилъ:

— Я никогда не вѣрилъ этимъ навѣтамъ.

Такимъ образомъ, онъ не отрицалъ, что эти навѣты дѣлались. Авторомъ ихъ былъ тогда, главнымъ образомъ, Плеве. Послѣ этого разговора Государь и я — мы вошли въ каютъ-кампанію, гдѣ уже была Императрица и вся свита въ ожиданіи обѣда. Я раскланялся Императрицѣ, которая на этотъ разъ была ко мнѣ весьма благосклонна. Затѣмъ мы сѣли обѣдать. Во время обѣда, по обыкновенію, всѣхъ смѣшилъ морской министръ Бирилевъ, человѣкъ очень хорошій, правдивый, но оригинальный.

Послѣ обѣда я раскланялся съ Ихъ Величествами и пошелъ въ каюту, гдѣ были министръ двора, морской министръ и нѣкоторыя лица свиты. Всѣ относились ко мнѣ весьма радушно и даже почтительно.

На другой день я вернулся въ Петербургъ. Дорогой на военномъ суднѣ ѣхалъ молодой офицеръ, профессоръ морской академіи, который представлялся Государю и съ нами тамъ обѣдалъ. Онъ объяснялъ мнѣ, что Цусима должна была кончиться такъ, какъ она кончилась, вслѣдствіе неправильной конструкціи нашихъ судовъ. На другой день появился указъ о возведеніи меня въ графское достоинство.

Указъ объ этомъ возбудилъ всѣ мерзкія страсти въ болотѣ русскаго правящаго класса. Большинство общества, вѣчно молчащее, приняло этотъ фактъ, какъ актъ простой справедливости; многіе даже незнакомые мнѣ писали, что они жалѣютъ, что Витте не остался Витте, а сталъ графомъ Витте, такъ какъ послѣ моихъ услугъ, оказанныхъ родинѣ, къ Витте излишне прибавлять титулъ графа. Всѣ лѣвые — революціонеры, а тогда многіе теперешніе черносотенцы были революціонерами, остались недовольны тѣмъ, что миръ въ Портсмутѣ не былъ такъ позоренъ, какъ вся война, а потому старались въ прессѣ умалить мое значеніе въ этомъ дѣлѣ, какъ слуги самодержавнаго Государя, а для того приписывали всю честь этого акта Рузевельту. Вѣдь Рузевельтъ президентъ республики и они хотятъ республики, да еще какой — распродемократической.

Правыя газеты, которыя все время натравляли Россію на Японію, слѣдуя политикѣ Плеве, который говорилъ: «намъ нужна маленькая побѣдоносная война, чтобы удержать Россію отъ революціи», само собою разумѣется, начали говорить въ свое оправданіе, что не слѣдовало заключать мира, что если бы мы продолжали войну, то побѣдили бы. Витте, заключивъ миръ, сдѣлалъ ошибку. Идя по этому пути, когда у насъ революція вырвалась наружу, самые крайніе правые начали кричать, что я измѣнникъ, что я обманулъ Государя и заключилъ миръ помимо Его желанія. Особенно они ставили мнѣ въ вину, что я уступилъ южную часть Сахалина, и начали называть меня графомъ Полу-Сахалинскимъ. Этотъ тонъ стали проводить и нѣкоторые военные царедворцы, различные генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты и просто генералы и полковники — однимъ словомъ, военно-дворцовая челядь, которая дѣлаетъ свою военную карьеру, занимаясь дворцовыми кухнями, автомобилями, конюшнями, собаками и прочими служительскими занятіями. Этотъ тонъ былъ весьма на руку всѣмъ военноначальникамъ, которые шли на войну для хищеній и разврата и, въ особенности, для главныхъ виновниковъ нашего военнаго позора — генерала Куропаткина «съ душою штабнаго писаря», и старой лисицы, никогда не забываю-

щаго своихъ матеріальныхъ выгодъ, генерала Линевича, недурного фельдфебеля для хорошей роты, ведущей партизанскую войну на Кавказѣ.

Они подняли головы и начали трубить направо и налѣво: «какъ разъ, когда мы начали бы громить японцевъ, Витте заключилъ миръ». Относительно пропаганды идеи, что миръ былъ заключенъ несвоевременно, особенно отличилось «Новое Время», такъ какъ газетный торговецъ старикъ А. С. Суворинъ и талантливый, но неуравновѣшенный М. О. Меньшиковъ съ самаго начала войны проводили крайнія шовинистическія идеи — все увѣряли, что мы разгромимъ японцевъ, а поэтому имъ нужно было оправдать свои корыстныя (Суворинъ) и легкомысленныя (Меньшиковъ) заблужденія. А. С. Суворинъ, уже черезъ годъ послѣ заключенія Портсмутскаго мира, когда я впалъ въ опалу, объявилъ даже, въ своей весьма распространенной газетѣ, что ему достовѣрно извѣстно, что, когда въ одномъ собраніи въ присутствіи Его Величества заговорили о несвоевременности Портсмутскаго мира, Государь сказалъ: «Тогда всѣ, кромѣ меня, были за то, чтобы заключить миръ». Конечно, Суворинъ бы этого не печаталъ, если бы онъ не зналъ, что сіе будетъ встрѣчено свыше одобрительно.

Сказалъ ли это Государь или нѣтъ, я не знаю, но это такъ на Него похоже — Онъ весь тутъ. Сообщеніе Суворина конечно подхватила кабацкая пресса «союза русскаго народа», и начала кричать: «видите, мы говорили, что графъ Полу-Сахалинскій измѣнникъ». Ихъ пророкъ іеромонахъ Илліодоръ сейчасъ же написалъ передовую статью, въ которой требовалъ, чтобы меня на площади въ присутствіи народа повѣсили. И этой прессѣ давали деньги черезъ руки князя Путятина, полковника отъ котлетъ и довѣреннаго «истеричной» Императрицы Александры Ѳеодоровны. Только ненормальность «истеричной» особы можетъ служить, если не оправданіемъ, то объясненіемъ многихъ ея дѣйствій и того пагубнаго вліянія, которое она оказывала на Императора. Что она «истеричка», видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Она, конечно, желала имѣть сына, а Богъ имъ далъ четырехъ дочерей. Послѣ этого Она попала подъ вліяніе шарлатана доктора Филиппа. Этотъ Филиппъ Ей внушалъ, что у Нея будетъ сынъ и Она внушила себѣ, что она находится въ интересномъ положеніи. Наступили послѣдніе мѣсяцы беременности. Она начала носить платья, которыя носила ранѣе во время послѣднихъ мѣсяцевъ беременности, перестала носить корсетъ. Всѣ замѣтили, что Императрица сильно потолстѣла. Всѣ были увѣрены,

что Императрица беременна. Государь радовался, объ Ея беременности Россіи сдѣлалось оффиціозно извѣстно. Прекратились выходы съ Императрицей.

Прошло девять мѣсяцевъ, всѣ въ Петербургѣ ежечасно ожидали пальбу орудій съ Петропавловской крѣпости, оповѣщающую жителей по числу выстрѣловъ о рожденіи сына или дочери. Императрица перестала ходить, все время лежала. Лейбъ-акушеръ Оттъ, со своими ассистентами, переселился въ Петергофъ, ожидая съ часу на часъ это событіе. Между тѣмъ роды не наступали. Тогда профессоръ Оттъ началъ уговаривать Императрицу и Государя, чтобы ему позволили изслѣдовать Императрицу. Императрица по понятнымъ причинамъ вообще не давала себя изслѣдовать до родовъ. Наконецъ, Она согласилась. Оттъ изслѣдовалъ и объявилъ, что Императрица не беременна и не была беременна, что затѣмъ въ соотвѣтствующей формѣ было оповѣщено Россіи.

Если какой-нибудь шарлатанъ можетъ внушить женщинѣ, что она забеременѣла, и женщина подъ этимъ внушеніемъ находится впродолженіи девяти мѣсяцевъ, то что можетъ внушить любой проходимецъ такой особѣ? А разъ что либо Ей внушено, то сіе внушеніе передается ея безвольному, но прекрасному мужу, а этотъ мужъ неограниченно распоряжается судьбой величайшей Имперіи и благосостояніемъ и даже жизнью 140.000 000 человѣческихъ душъ, т.-е. божественными искорками Всевышняго...

Но кого болѣе всѣхъ взволновало мое графство, это многихъ лицъ высшей петербургской бюрократіи. Тутъ было дѣло просто зависти, но зависти особой ядовитости, на которую только способенъ петербургскій чиновникъ-сановникъ. Такіе господа, какъ Коковцевы, Будберги, Танѣевы не могли простить мнѣ графство и пустили интригу во всю и до сихъ поръ ею полны. Что же касается посла въ Римѣ Муравьева, то говорятъ, что онъ съ тѣхъ поръ страдаетъ черной меланхоліей и сдѣлался моимъ заклятымъ врагомъ.

Послѣ моего представленія Его Величеству, въ шхерахъ, къ Государю ѣздилъ съ докладомъ графъ Ламсдорфъ, и я затѣмъ съ нимъ видѣлся. Графъ Ламсдорфъ меня поздравилъ съ возведеніемъ въ графское достоинство. Это было одно изъ самыхъ искреннѣйшихъ поздравленій. Графъ затѣмъ сказалъ мнѣ: «Государь очень расхваливалъ

вашъ образъ дѣйствiй въ Америкѣ. Онъ сказалъ, что вообще вами весьма доволенъ и, въ частности, доволенъ вашимъ пребыванiемъ въ гостяхъ у Германскаго Императора, который отъ васъ въ восторгѣ. Его Величество мнѣ также сказалъ, что вы совершенно раздѣляете Бiоркское соглашенiе».

Я отвѣтилъ графу Ламсдорфу, что да, что я раздѣляю его вполнѣ и убѣжденъ въ томъ, что самое правильное веденiе политики заключается въ установленiи союза Россiи, Германiи и Францiи, а затѣмъ распространенiе этого союза и на другiя континентальныя державы Европы. Графъ Ламсдорфъ мнѣ замѣтилъ, что лучшая политика для Россiи это—быть самостоятельной и не обязываться ни передъ кѣмъ. Я съ этимъ согласился принципiально, но сказалъ, что это было бы возможно до войны съ Японiей и если бы у насъ не было союза съ Францiей, а теперь это неисполнимо, и потому я и сторонникъ соглашенiя между Россiей, Францiей и Германiей. Этимъ можно обезпечить миръ и надолго дать нашей несчастной родинѣ успокоиться и не вести постоянно войнъ, совершенно ее ослабляющихъ.

На это графъ Ламсдорфъ меня спросилъ: Да читали ли вы соглашенiе въ Бiоркахъ?

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ не читалъ.

— Вильгельмъ и Государь не давали вамъ его прочесть?

Я опять отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не давали, да и вы, когда я прiѣхалъ въ Петербургъ и былъ у васъ ранѣе, чѣмъ явиться къ Государю, также мнѣ не дали его прочесть.

На это графъ отвѣтилъ слѣдующее:

— Я не далъ потому, что не зналъ о его существованiи; о немъ въ эти три мѣсяца мнѣ никто не сказалъ ни одного слова, и только теперь Государь мнѣ его передалъ. Прочтите, что за прелесть!

Графъ Ламсдорфъ былъ весьма взволнованъ. Я взялъ и прочелъ это соглашенiе. Вотъ въ чемъ оно заключалось. Обыкновенный préambule — слова! — затѣмъ нѣсколько пунктовъ, суть которыхъ слѣдующая:

Германiя и Россiя обязуются защищать другъ друга въ случаѣ войны съ какой либо европейской державой (значитъ и съ Францiей). Россiя обязуется принять всѣ отъ нея зависящiя мѣры, чтобы къ этому союзу съ Германiей привлечь и Францiю (но покуда это не совершится, или вообще, если это достигнуто не будетъ, все таки союзъ

Россіи съ Германіей имѣетъ полную силу). Договоръ вступаетъ въ силу со времени заключенія мира съ Японіей, т.-е. со времени ратификаціи Портсмутскаго договора (значитъ, если война съ Японіей будетъ продолжаться — отлично, а если прекратится, то Россія втягивается въ этотъ договоръ). Договоръ подписанъ Императорами Николаемъ и Вильгельмомъ и контрассигнованъ германскимъ сановникомъ, бывшимъ съ Вильгельмомъ въ Біоркахъ (не разобралъ фамилію), а съ нашей стороны морскимъ министромъ Бирилевымъ.

Такимъ образомъ, со дня ратификаціи Портсмутскаго договора Россія обязывалась защищать Германію въ случаѣ войны съ Франціей, между тѣмъ мы имѣемъ договоръ съ Франціей, дѣйствующій съ 80 года и до сихъ поръ не отмѣненный, въ силу котораго мы обязаны защищать Францію въ случаѣ войны съ Германіей. Германія также обязалась защищать европейскую Россію въ случаѣ войны съ европейскими державами, но до тѣхъ поръ покуда у насъ дѣйствуетъ договоръ съ Франціей, мы съ ней воевать не можемъ, съ Италіей и Австріей тоже война невозможна при соглашеніи съ Германіей, въ виду тройственнаго союза Германіи, Австріи и Италіи, значитъ, договоръ могъ реально имѣть въ виду только войну Россіи съ Англіей, но Англія не можетъ вести сухопутной войны съ Россіей, что же касается Дальняго Востока, гдѣ покуда не установятся отношенія съ Японіей, война наиболѣе вѣроятна, то мы тамъ можемъ воевать сколько угодно — Германія никакого участія принимать не обязана.

Прочитавши этотъ договоръ, я сказалъ графу Ламсдорфу:

— Да это — прямой подвохъ, не говоря о неэквивалентности договора. Вѣдь такой договоръ безчестенъ по отношенію Франціи, вѣдь по одному этому онъ невозможенъ. Неужели все это сотворено безъ васъ и до послѣднихъ дней вы объ этомъ не знали? Развѣ Государю неизвѣстенъ нашъ договоръ съ Франціей?

Ламсдорфъ отвѣтилъ:

— Какъ неизвѣстенъ. Отлично извѣстенъ. Государь, можетъ быть, его забылъ, а вѣроятнѣе всего не сообразилъ сути дѣла, въ туманѣ напущенномъ Вильгельмомъ. Я же объ договорѣ ничего не зналъ и совершенно добросовѣстно телеграфировалъ вамъ въ Парижъ, когда ѣхали въ Америку, что свиданіе въ Біоркахъ не имѣетъ никакого политическаго значенія.

— Необходимо, — отвѣтилъ я графу Ламсдорфу, — во что бы то ни стало, уничтожить этотъ договоръ, хотя бы пришлось замедлить ратификаціей Портсмутскаго договора — это вашъ долгъ.

На это графъ мнѣ отвѣтилъ:

— Если Государь на это согласится, то конечно, это сдѣлать необходимо.

— Ну, лишь бы Государь согласился, а я найду различные дипломатическіе пріемы и доводы.

Обсуждая, какъ удобнѣе это сдѣлать, мы остановились на томъ, что, во первыхъ, можно выставить тотъ доводъ, что договоръ не скрѣпленъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, во вторыхъ, что Государь въ Біоркэхъ не имѣлъ подъ руками соглашенія съ Франціей, которому данное соглашеніе вполнѣ противорѣчитъ, въ третьихъ, для того, чтобы договоръ Біоркскій вступилъ въ дѣйствіе, необходимо ранѣе вступить въ соглашеніе съ Франціей, а для этого нужно время и, наконецъ, въ крайности нужно заявить, что Россіи удобнѣе не ратифицировать Портсмутскаго договора, нежели признать Біоркскій договоръ въ подписанной редакціи. Единственно, что слѣдуетъ признать въ Біоркскомъ договорѣ, это то, что союзное соглашеніе между Германіей, Россіей и Франціей желательно, и принять обязательство, что русское правительство будетъ сему всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать.

Оставивъ графа Ламсдорфа, я сталъ думать, какъ помочь дѣлу. Обратиться самому къ Государю я не имѣлъ основаній, такъ какъ съ окончаніемъ Портсмутскаго договора, я былъ ничто иное, какъ предсѣдатель комитета министровъ и могъ просить доклада только по дѣламъ, въ семъ учрежденіи разсматриваемымъ. Государь имѣлъ бы полное основаніе мнѣ сказать, что это дѣло до меня не касается, да, наконецъ, я сомнѣвался, чтобы я могъ убѣдить Государя въ необходимости аннулировать этотъ договоръ. На графа Ламсдорфа я не надѣялся, такъ какъ онъ, по мягкости своего характера, не имѣлъ никакого вліянія на Его Величество. Онъ могъ дѣйствовать только постепенно, медлительно, ведя съ Государемъ дипломатію. Какое же вліяніе могъ имѣть министръ иностранныхъ дѣлъ, когда за его спиной заключали договоръ первостепенной важности и держали его три мѣсяца отъ министра въ секретѣ. Вѣроятно, послѣ графъ Ламсдорфъ догадывался, что что-то было въ Біоркахъ, но что именно, онъ не зналъ. Я думаю, что это потому, что онъ жаловался, что Вильгельмъ постоянно стремится втянуть Государя въ бѣды, что это Ему можетъ удаться и въ виду личной переписки между Императорами, въ которую онъ — Ламсдорфъ — не посвящается, и что затѣмъ, когда онъ что либо узнаетъ,

тогда, когда дѣло уже ставится на оффиціальную почву, то ему приходится принимать мѣры для нарушенія того, что было болѣе или менѣе условлено, въ частной перепискѣ. Вслѣдствіе этого Вильгельмъ меня ненавидитъ, сказалъ графъ, считаетъ меня врагомъ Германіи и систематически стремится меня свергнуть съ поста министра иностранныхъ дѣлъ.

Я рѣшился обратиться за содѣйствіемъ Великаго Князя Николая Николаевича, который въ то время и донынѣ, благодаря Филиппу и черногоркамъ, а отчасти и личнымъ качествамъ, изъ коихъ главное — это преданность не только Императору, но и Николаю Александровичу, пользуется особымъ авторитетомъ у Его Величества.

Я объяснилъ Его Высочеству дѣло и всю невозможность договора въ Біоркахъ. Великій Князь меня понялъ, но въ разговорѣ со мною не далъ мнѣ понять, что содержаніе договора ему уже извѣстно. Между тѣмъ, мнѣ теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ его зналъ, такъ какъ еще на дняхъ, разговаривая съ нашимъ начальникомъ генеральнаго штаба, генераломъ Палицынымъ, онъ мнѣ сказалъ, что Государь два раза по возвращеніи изъ Біоркъ давалъ договоръ ему читать, т.-е. онъ давалъ читать договоръ генералу Палицыну еще тогда, когда держалъ его въ секретѣ отъ министра иностранныхъ дѣлъ, а разъ Государь давалъ его читать Палицыну, креатурѣ Великаго Князя Николая Николаевича, то несомнѣнно онъ давалъ его читать и Николаю Николаевичу, а если бы и не давалъ, что невозможно предположить, то Палицынъ сейчасъ бы все сообщилъ Великому Князю. Великій Князь совершенно ясно понялъ невозможность этого договора, главнѣйше потому, что разъ договоръ этотъ войдетъ въ силу, то Государь поступитъ какъ человѣкъ безчестный.

Само собой разумѣется, что Его Величество не могъ имѣть въ виду этого обстоятельства, иначе Онъ, несмотря на все вліяніе Вильгельма, договоръ не подписалъ бы.

Николай Николаевичъ спросилъ меня:

— Что же дѣлать?

Я отвѣтилъ, что нужно уничтожить договоръ до ратификаціи Портсмутскаго договора. Ламсдорфъ найдетъ къ сему дипломатическія средства. Я съ нимъ эту часть дѣла обсуждалъ, нужно только, чтобы Государь призналъ необходимость уничтожить это соглашеніе. Я добавилъ, что съ своей стороны я не могу взять на себя иниціативу разго-

вора по этому предмету съ Его Величествомъ, потому что по моей должности къ этому не призванъ. Великій Князь сказалъ мнѣ, что онъ переговоритъ по этому дѣлу съ Государемъ.

Затѣмъ я видѣлъ Бирилева и спросилъ его:

— Вы знаете, что вы подписали въ Біоркахъ?

Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не знаю. Я не отрицаю, что подписалъ какую-то бумагу, весьма важную, но что въ ней заключается, не знаю. Вотъ какъ было дѣло: призываетъ меня Государь въ свою каюту-кабинетъ и говоритъ: вы мнѣ вѣрите, Алексѣй Алексѣевичъ? — Послѣ моего отвѣта, Онъ прибавилъ: — Ну, въ такомъ случаѣ, подпишите эту бумагу. Вы видите, она подписана Мною и Германскимъ Императоромъ и скрѣплена отъ Германіи лицомъ, на сіе имѣющимъ право. Германскій Императоръ желаетъ, чтобы она была скрѣплена однимъ изъ моихъ министровъ. — Тогда я взялъ и подписалъ.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ приказъ Государя пріѣхать въ Петергофъ. Тамъ я засталъ Великаго Князя Николая Николаевича и графа Ламсдорфа. Государь насъ принялъ вмѣстѣ и сразу началъ разговоръ о Біоркскомъ соглашеніи. Каждый изъ насъ высказалъ свое мнѣніе, причемъ всѣ единогласно пришли къ заключенію, что этотъ договоръ долженъ быть уничтоженъ, а если Государь пожелаетъ, то замѣненъ другимъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ договоромъ съ Франціей. Россія не можетъ взять на себя обязательство въ случаѣ войны Германіи съ Франціей идти противъ Франціи, когда она имѣетъ формальное обязательство идти въ этомъ случаѣ противъ Германіи. Государю очевидно было очень тяжело отказаться отъ своей подписи, но Онъ долженъ былъ на это рѣшиться и разрѣшить графу Ламсдорфу въ этомъ направленіи дѣйствовать. Черезъ нѣкоторое время, но еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда я не былъ у власти, я спросилъ графа, какъ идетъ дѣло объ аннулированіи Біоркскаго соглашенія. Графъ мнѣ отвѣтилъ, что на нашу ноту Германія отвѣтила уклончиво, но все таки въ концѣ сказала «что подписано, то подписано», и что нами послана вторая нота болѣе рѣшительная.

Когда послѣ 17 октября я сталъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, то уже не по дружескому знакомству, а по праву спросилъ Ламсдорфа, въ какомъ положеніи дѣло о Біоркскомъ соглашеніи. Онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Будьте покойны, соглашенія этого болѣе не существуетъ.

Съ тѣхъ поръ императоръ Вильгельмъ почелъ Ламсдорфа явнымъ врагомъ Германіи и до меня начали доходить слухи, что германскій Императоръ пересталъ мною восторгаться, хотя я искренне до сихъ поръ убѣжденъ, что правильная политика Россіи заключалась въ стремленіи установить союзныя связи между Франціей, Германіей и Россіей, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Англіей и прочими державами.

Къ сожалѣнію, съ моимъ уходомъ отъ власти, а равно уходомъ графа Ламсдорфа, не безъ косвеннаго вліянія Вильгельма, дѣло, повидимому, пошло совершенно по другому пути. Извольскій, замѣнившій графа Ламсдорфа, склоненъ болѣе къ соглашенію Россіи, Англіи и Франціи, и первый въ этомъ направленіи шагъ сдѣланъ недавно опубликованнымъ соглашеніемъ Россіи съ Англіей по азіатскимъ вопросамъ. Само по себѣ это соглашеніе полъ бѣды, но какъ бы оно не стало началомъ другихъ, которыя могутъ кончиться большими пертурбаціями. Вильгельмъ, конечно, тревожится, хотя онъ самъ, или его близорукая дипломатія сама отчасти способствовала такому направленію дѣла; къ тому же на толканіе по пути союза Франціи, Англіи и Россіи премного способствуетъ нашъ совѣтникъ посольства въ Лондонѣ, Поклевскій-Козелъ, фаворитъ короля Эдуарда и ближайшій другъ Извольскаго и его семейства.

Для того, чтобы успокоить Вильгельма, состоялось, нѣсколько недѣль тому назадъ, новое свиданіе императоровъ въ Свинемюнде, на которомъ присутствовали князь Бюловъ и Извольскій.

Начальникъ генеральнаго штаба увѣряетъ меня, что на этомъ свиданіи ничего письменно не установлено, что только императоры подтвердили, что они будутъ стремиться дѣйствовать въ духѣ Біоркскаго соглашенія. Газеты, конечно, увѣряютъ, что это свиданіе чисто личное, а не дѣловое. Но вѣдь этимъ сообщеніямъ нельзя давать никакого значенія. Въ одномъ я увѣренъ, это что, если императору Вильгельму не дано реальнаго удовлетворенія, а такимъ удовлетвореніемъ не могутъ служить фразы, то онъ будетъ носить противъ Россіи за пазухой камень. *

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА

ЕЩЕ ранѣе моего выѣзда въ Америку уже было приступлено къ обсужденію проекта Булыгина, о которомъ я говорилъ ранѣе, т. е. проекта положенія о Думѣ совѣщательной. При обсужденіи этого положенія явно выступила слѣдующая тенденція, даже не тенденція, а какъ бы общее сужденіе, что единственно, на кого можно положиться при настоящемъ смутномъ и революціонномъ состояніи Россіи, есть крестьянство, что крестьяне представляютъ собою консервативный оплотъ государства, а поэтому, и выборный законъ долженъ быть основанъ, главнымъ образомъ, на крестьянствѣ, т. е., чтобы Дума была по преимуществу крестьянской и выражала крестьянскіе взгляды. Такъ какъ интеллигенція во время всего смутнаго времени съ 1903 года выражала болѣе или менѣе крайніе взгляды о необходимости положить конецъ бывшему государственному строю и ввести народное представительство въ управленіе судьбами имперіи, то она потеряла вполнѣ свой кредитъ въ глазахъ правительства. Въ самыхъ высшихъ сферахъ дворянство, которое было въ то время вполнѣ не объединеннымъ, вторило въ дудку интеллигенціи, т. е. также выражало, что Россія доведена до позорной войны и до полной дезорганизаціи, благодаря самодержавному правленію, которое въ концѣ концовъ сводится къ безотвѣтственному правленію бюрократіи и потому необходимо положить предѣлъ такому порядку вещей.

Въ сущности говоря, разница между пѣсней, которую въ это время пѣло дворянство, или, по крайней мѣрѣ, ея видные представители, и пѣсней другихъ сословій — заключалась не въ томъ, что нужно покончить съ бывшимъ въ то время государственнымъ строемъ, а въ иномъ: какъ этотъ строй передѣлать. Большинство русской интеллигенціи, въ сущности говоря, говорило: мы желаемъ монарха царствующаго, но не управляющаго судьбами имперіи. Управленіе судьбой

имперіи должно принадлежать народному представительству, а народное представительство должно заключаться, главнымъ образомъ, въ насъ, такъ какъ покуда еще народъ теменъ; они желали буржуазную конституцію, а нѣкоторые были не прочь отъ буржуазной республики.

Дворянство первую часть формулы интеллигенціи оставило безъ измѣненія, а только измѣнило вторую часть и говорило, что управленіе страной должно находиться въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ дворянъ, которые, по ихъ мнѣнію, составляютъ соль земли русской, т. е., иначе говоря, они говорили монарху: ты, молъ, отъ управленія уйди, но только мы одни можемъ тебя въ управленіи страной замѣнить.

Крестьянство же осталось вѣрнымъ своимъ традиціоннымъ воззрѣніямъ, по которымъ народъ не можетъ существовать безъ царя, а царь можетъ стоять только на народѣ, и никакихъ политическихъ преобразованій не желало и о нихъ не мечтало, но оно находило, что ему, крестьянству, трудно жить, что ему должна принадлежать, если не вся, то большая часть земли русской, что они главные работники на землѣ, а что потому эксплоатирующій ихъ трудъ, кто бы онъ ни былъ, дворянство ли, купечество, или вообще интеллигенція суть, по меньшей мѣрѣ, трутни, а потому гораздо болѣе мечтало объ экономическихъ, соціальныхъ преобразованіяхъ, нежели о преобразованіяхъ политическихъ.

Если что въ Россіи происходило дурного (даже и японская война, которая какъ громъ разразилась надъ Россіей), то простой народъ, особенно крестьянство, никогда Государя въ этомъ не винили. Они не могли себѣ представить, что Государь можетъ быть въ чемъ либо виновенъ, а если и есть виновные, то виновные — его совѣтчики, все тѣ же дворяне различныхъ категорій и различныхъ происхожденій.

Конечно, этотъ взглядъ — совершенно невѣрный, если можно такъ выразиться, куцый, ибо исторія всюду показала, что экономическія реформы на низу никогда не даются безъ предварительныхъ политическихъ реформъ на верху. Замѣчательно, что такой взглядъ у крестьянства, который окончательно подорванъ событіями съ 1903 года и особливо злосчастнымъ управленіемъ Столыпина, провозгласившимъ, что все должно дѣлаться лишь для сильныхъ, а не для слабыхъ, могъ существовать въ Россіи въ народѣ въ началѣ 20-го столѣтія, — когда этотъ фантастическій взглядъ, основанный на иллюзіяхъ, палъ уже во всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ странахъ, какъ взглядъ несостоятельный. Такой взглядъ могъ держаться въ Россіи только благодаря великимъ преобразованіямъ Императора Александра II, вся политика котораго

тѣмъ была велика, что Его лозунгъ былъ совершенно обратный: Россія не для сильныхъ, а Россія для слабыхъ, и этимъ путемъ слабые дѣлаются сильными и вся имперія дѣлается великой.

При обсужденіи проекта Государственной Думы Булыгина въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго твердо держался тотъ взглядъ, что необходимо, чтобы Дума была по преимуществу крестьянская, что въ этомъ заключается оплотъ консерватизма, въ этомъ заключается безопасность Царствующаго Дома и въ этомъ заключается и залогъ государственнаго порядка.

Съ особымъ жаромъ держались за необходимость, дабы Государственная Дума была, по преимуществу, крестьянской; держались этого такіе столпы консерватизма, какъ К. П. Побѣдоносцевъ и государственный контролеръ Николай Львовичъ Лобко, остальные члены такому взгляду не противорѣчили, хотя долженъ сказать, что у меня иногда являлось сомнѣніе въ правильности такого взгляда. У меня также являлось сомнѣніе и въ самомъ принципѣ совѣщательной Думы, ибо нигдѣ и никогда совѣщательное народное собраніе не существовало въ силу постояннаго закона, точно опредѣляющаго всѣ детали выборовъ, всѣ детали организаціи, всѣ детали дѣйствій народнаго собранія, почти непрерывно дѣйствующаго и составляющаго какъ бы такое звено государственнаго правленія, безъ котораго государственное правленіе не можетъ существовать и двигаться.

Всѣ формы Государственной Думы взяты были изъ образцовъ различныхъ парламентовъ, но въ то время, когда эти парламенты вездѣ имѣли силу рѣшающую и въ извѣстныхъ предѣлахъ обязательную для монарха и главы правительства, русскій парламентъ, русскую Государственную Думу полагали устроить по образцамъ западно-европейскимъ, дать ей все туловище, всѣ функціи, всѣ порядки въ общемъ государственномъ строѣ народнаго представительства съ голосомъ совѣщательнымъ, но только не давать ему рѣшающаго голоса, а сказать: мы будемъ постоянно выслушивать твои мнѣнія, твои сужденія, но затѣмъ будемъ дѣлать такъ, какъ мы хотимъ.

Для меня, по крайней мѣрѣ, было ясно, что такое уродливое построеніе кончится или тѣмъ, что Дума будетъ существовать только нѣсколько мѣсяцевъ, или же тѣмъ, что Государственной Думѣ, устроенной по парламентарному образцу, будутъ даны и функціи парламента.

Я во время обсужденія проекта Булыгина подъ предсѣдательствомъ Сольскаго ничего не возражалъ, такъ какъ вообще въ моемъ тогдашнемъ

положенiи я старался поменьше высказывать своихъ мнѣнiй, если объ нихъ спецiально не спрашиваютъ, но я рѣшилъ, что выскажу всѣ мои сомнѣнiя, когда дѣло будетъ обсуждаться подъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

Обсужденiе подъ предсѣдательствомъ Государя Императора происходило уже въ мое отсутствiе, когда я былъ въ Америкѣ, и я нѣсколько держался въ курсѣ этого дѣла министромъ финансовъ В. Н. Коковцевымъ, который телеграфировалъ мнѣ вообще о всемъ, происходящемъ въ Петербургѣ, или же бывшимъ въ моей свитѣ Иваномъ Павловичемъ Шиповымъ, директоромъ департамента казначейства. Шиповъ являлся при мнѣ какъ бы представителемъ министра финансовъ.

Изъ этихъ телеграммъ я видѣлъ, что и въ совѣщанiяхъ, подъ предсѣдательствомъ Его Величества, преобладалъ все тотъ же взглядъ, что единственное сословiе, на которое Государь и государство можетъ опереться, есть сословiе крестьянское. Въ засѣданiе подъ предсѣдательствомъ Государя были приглашены между прочимъ лица изъ партiй крайнихъ правыхъ, какъ то графъ Бобринскiй, Нарышкинъ и другiе.

* Мнѣ передавали лица достовѣрныя, участвовавшiя въ этихъ засѣданiяхъ, что Побѣдоносцевъ и Лобко особенно настаивали на томъ, чтобы всю силу выборовъ склонить къ крестьянству, какъ сословiю, на которое можно положиться. Вслѣдствiе сего была выдумана Коковцевымъ комбинацiя, чтобы крестьянство, которому и безъ того были даны широкiя привиллегiи, кромѣ того въ губернскихъ выборныхъ собранiяхъ имѣло право прежде всего выбирать одного члена Думы, а затѣмъ, вмѣстѣ съ другими выборными, выбирало другихъ членовъ.

Тупые носители дворянскихъ идей, между прочимъ, графъ Бобринскiй стремились къ предоставленiю при выборахъ особыхъ привиллегiй дворянству. Это дало поводъ Великому Князю Владимiру Александровичу бросить имъ въ глаза жестокiй, но справедливый упрекъ, что дворянство все на словахъ кричитъ о своей преданности Самодержавному Государю, а между тѣмъ, кто, если не дворяне, систематически вели линiю къ Его ограниченiю.

Дѣйствительно, дворянство, какъ классъ наиболѣе просвѣщенный съ одной стороны, а съ другой, по природѣ человѣческой, съ начала XIX столѣтiя, какъ только оно въ Наполеоновское время коснулось Францiи и ея идей, стремящiйся къ уравненiю правъ и привиллегiй, подняло вопросъ о введенiи конституцiи въ Россiи и ограниченiи Самодержавнаго

Монарха. Движеніе это причинило много безпокойства Александру Благословенному и Его правительству въ послѣдніе годы Его царствованія.

Затѣмъ, съ Его смертью произошелъ декабрьскій кровавый бунтъ, наложившій печать на все царствованіе Николая I. Кто сотворилъ этотъ бунтъ? Дворяне, и какіе дворяне — не такіе, которые нынѣ большею частью скрытно и тайно участвуютъ въ позорномъ Дубровинскомъ союзѣ русскихъ людей. Имена пострадавшихъ дворянъ декабристовъ чтутся нынѣ весьма и даже Царями, какъ личности несомнѣнно свѣтлыя. Какъ только окончилось продолжительное царствованіе Николая I севастопольскимъ погромомъ не нашего доблестнаго войска, а николаевскаго режима, и началось либеральное царствованіе Великаго Освободителя Александра II, и Онъ, между прочимъ, далъ земскія и городскія учрежденія, то кто, если не дворяне начали въ этихъ учрежденіяхъ систематически проводить линію, ведущую къ конституціи. Это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей, такъ какъ я доказалъ въ запискѣ (отвѣтъ министру внутреннихъ дѣлъ Горемыкину), о которой много кричали и на которую до сихъ поръ еще ссылаются въ прессѣ, что земскія учрежденія — это конституція снизу, которая несомнѣнно рано или поздно естественнымъ соціальнымъ путемъ приводитъ къ конституціи сверху. И этотъ путь самый спокойный; и если бы разъ давши земское и городское самоуправленіе и затѣмъ, въ теченіе четверти вѣка, съ ними не воевали, а постепенно ихъ развивали, то мы пришли бы къ конституціи безъ смутныхъ революціонныхъ эксцессовъ.

Въ царствованіе Александра II образовалась интеллигентная и сознательная буржуазія, а затѣмъ, началъ образовываться сознательный, такъ называемый, пролетаріатъ. Дворянство несомнѣнно хотѣло ограниченія Государя, но хотѣло ограничить Его для себя и управлять Россіей вмѣстѣ съ нимъ. Многіе изъ нихъ проглядѣли образованіе буржуазіи, третьяго сословія, сознательнаго пролетаріата. Кто, если преимущественно не дворянство участвовало во всѣхъ съѣздахъ, такъ называемыхъ земскихъ и городскихъ представителей въ 1904 и 1905 годахъ, требовавшихъ конституцію, систематически подрывавшихъ всякія дѣйствія царскаго правительства и Самодержавнаго Государя... Къ этому движенію пристала буржуазія и, въ особенности, торгово-промышленная. Морозовы и другіе питали революцію своими милліонами.

Дворянство увидѣло, что ему придется дѣлить пирогъ съ буржуазіей, — съ этимъ оно мирилось, но ни дворянство, ни буржуазія не подумали о сознательномъ пролетаріатѣ. Между тѣмъ, послѣдній для сихъ близорукихъ дѣятелей, вдругъ, только въ сентябрѣ 1905 года

появился во всей своей стихійной силѣ. Сила эта основана и на численности и на малокультурности, а въ особенности, на томъ, что ему терять нечего. Онъ, какъ только подошелъ къ пирогу, началъ ревѣть, какъ звѣрь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы. Вотъ, когда дворянство и буржуазія увидѣли сего звѣря, то они начали пятиться, т. е. началъ производиться процессъ поправѣнія.

Газетный торговецъ «Новаго Времени», Суворинъ, еще три года тому назадъ предвѣщавшій весну и ликовавшій, предвкушая ея благоуханіе, вдругъ обратился, во что? — въ шарлатана, ежедневно кричащаго: «я хочу конституцію и разныя свободы, но только для блага Россіи все должно дѣлаться какъ Царь и мы благоразумные русскіе люди, имѣющіе стотысячные заработки, того хотимъ».

Однимъ словомъ, дворянство сто лѣтъ добивалось конституціи, но только для себя и вся та часть дворянства, которая носитъ въ себѣ только проглоченную пищу, а не идеи, когда она увидѣла, что конституція не можетъ быть дворянскою, явно или стыдливо тайно начала исповѣдывать идеи такихъ каторжниковъ (они и на это не способны), а просто сволочи, какъ Дубровинъ, Пуришкевичъ и пр...

6-го августа при манифестѣ былъ обнародованъ законъ объ учрежденіи Думы. По закону сему: 1) Дума есть учрежденіе постоянно дѣйствующее по образцу парламентовъ, 2) всѣ постоянные и временные законы, штаты, бюджетъ обязательно вносятся на ея обсужденіе, 3) она — учрежденіе совѣщательное, но съ правомъ полной свободы выраженія своихъ мнѣній по предметамъ обсужденій, 4) выборный законъ основанъ преимущественно на крестьянствѣ, какъ на преобладающемъ элементѣ населенія и наиболѣе, по мнѣнію составителей закона, надежномъ монархическомъ и консервативномъ элементѣ; законъ о выборахъ можетъ подлежать измѣненію въ порядкѣ, въ положеніи о Думѣ установленномъ, т. е., выслушавъ мнѣніе Думы, 5) право на выборы находится внѣ зависимости отъ національности и религіи

Въ сущности была установлена нижняя палата и Россія вошла въ конституціонное устройство. Было наивностью думать, что то, что Думѣ приданъ характеръ совѣщательный при всѣхъ другихъ прерогативахъ парламента, можетъ что либо измѣнить. Или совсѣмъ не слѣдовало учреждать Думы или Дума, устроенная на парламентскихъ основаніяхъ, должна была или обратиться въ настоящій парламентъ или произвести революціонную сумятицу. Совѣщательный парламентъ, это по истинѣ есть изобрѣтеніе господъ чиновниковъ-скопцовъ.

Опубликованіе закона 6-го августа никого не успокоило, а всѣми разсматривалось, какъ широчайшая дверь въ спальню госпожи конституціи. Напротивъ того, съ августа мѣсяца революція начала все болѣе и болѣе лѣзть во всѣ щели, а неудовлетвореніе въ теченіе десятковъ лѣтъ насущныхъ моральныхъ и матеріальныхъ народныхъ нуждъ и позорнѣйшая война обратили всѣ эти щели въ прорвы*.

Я же съ своей стороны былъ увѣренъ, что эта Дума, въ зависимости отъ хода смуты и волненій, будетъ или навсегда закрыта, или перейдетъ въ обыкновенный типъ парламента, хотя бы и съ весьма ограниченными полномочіями.

Является большой вопросъ, при какой формѣ правленія было лучше жить народу: при настоящей, или при прежней? Я, конечно, не сомнѣваюсь въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ и отвѣчаю: совершенно увѣренъ въ томъ, что при настоящей формѣ правленія народу хуже, чѣмъ при прежней формѣ правленія. Но, какъ рѣка течь обратно не можетъ, такъ нельзя и вернуться къ прежнему, а нынѣшняя форма правленія есть переходная, которая неизбѣжно немного позже, или немного ранѣе, приведетъ къ тѣмъ конституціоннымъ порядкамъ, которые существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ДО 17 ОКТЯБРЯ 1905 Г.

*ВЕЛИКІЙ актъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, сдѣланный Великимъ Императоромъ Александромъ II, былъ совершенъ съ надѣленіемъ ихъ землею. Надѣленіе это было въ сущности принудительное, ибо помѣщики обязаны были подчиниться самодержавной и неограниченной Царской волѣ. Первый актъ съ точки зрѣнія гражданскихъ нормъ и самосознанія не возбуждаетъ никакихъ принципіальныхъ и политическихъ отрицаній. Что же касается второго, то съ точки зрѣнія гражданскаго самосознанія, какъ оно установилось со временъ Римской Имперіи, конечно, онъ являлся этому самосознанію, принципу свободы и незыблемости собственности, полнымъ противорѣчіемъ. Можно преклоняться и восторгаться этимъ актомъ — это другой вопросъ; но не слѣдуетъ не усматривать въ немъ того, что онъ дѣйствительно представляетъ — нарушеніе принципа собственности, принесеніе въ жертву принципа собственности политическимъ, можетъ быть, неизбѣжнымъ потребностямъ, а, разъ стали на этотъ путь, естественно было и ожидать и послѣдствій сего направленія. Этого не только тогда не понимали, но многіе не понимаютъ или не желаютъ понимать и теперь. Водворенію сознанія собственности былъ нанесенъ и другой ушербъ.

Надѣленіе землею всего населенія — это актъ безконечной сложности. Составленіе положенія и затѣмъ введеніе его требовало, даже при геніальности творцовъ и исполнителей — многіе годы. Все же было сдѣлано спѣшно, наскоро. При такихъ условіяхъ самый вопросъ объ общинномъ и индивидуальномъ надѣленіи не былъ ни по положенію ясно и опредѣленно разработанъ, но еще менѣе опредѣленно проведенъ въ дѣйствительную жизнь. Явилась масса недомолвокъ и вопросовъ, висѣвшихъ и нынѣ висящихъ въ воздухѣ.

Когда приходится въ сложной матеріи дѣлать работу спѣшно, гораздо легче ее дѣлать огульно, нежели детально. Несравненно легче имѣть какъ матеріалъ для дѣйствія, въ данномъ случаѣ для надѣленія землею, единицы въ нѣсколько тысячъ людей, нежели отдѣльныхъ людей. Поэтому, съ точки зрѣнія техническаго осуществленія реформы, община была болѣе удобна, нежели отдѣльный домохозяинъ.

Съ административно-полицейской точки зрѣнія она также представляла болѣе удобства — легче пасти стадо, нежели каждаго члена стада въ отдѣльности. Такое техническое удобство, кстати, получило довольно мощную поддержку въ весьма почтенныхъ любителяхъ старины, славянофилахъ и иныхъ старьевщикахъ историческаго бытія русскаго народа. Было провозглашено, что «община» это — особенность русскаго народа, что посягать на общину значитъ посягать на своеобразный русскій духъ. Общество, молъ, существовало съ древности, это цементъ русской народной жизни.

Разъ принявъ такой высокій и патріотическій лозунгъ, пользуясь имъ, при извѣстной способности дѣлать нужныя заключенія, на бумагѣ можно выводить разные узоры (бумага все терпитъ и при нѣкоторой талантливости и набитости пишущей руки — даже усердно читается). Было довольно не трудно доказать и убѣдить, что въ сущности община существовала повсюду, что она примитивная форма владѣнія. Есть не мало людей, которые и нынѣ эту истину не признаютъ.

Почтеннѣйшій членъ Государственнаго Совѣта П. Семеновъ (сдѣлавшійся въ этомъ году Тянь-Шанскимъ), едва ли не единственный, оставшійся въ живыхъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Ростовцева по освобожденію крестьянъ — ярый сторонникъ общины и только этой зимой, въ гостиной А. Н. Нарышкиной, сознался, что послѣ пережитаго въ послѣдніе два года онъ убѣдился, что была сдѣлана большая ошибка въ 60-хъ годахъ: не оцѣнили при крестьянской реформѣ принципа собственности, увлекшись общиннымъ началомъ. Это на 84-мъ году жизни послѣ кровавой революціи съ сентября 1905 года по февраль 1906 года и затѣмъ съ уходомъ моимъ съ поста главы правительства, послѣ водворенія анархіи, которая тянется до сей минуты. А что еще предстоитъ?..

Чувство любви старины очень похвально и понятно; это чувство является непремѣннымъ элементомъ патріотизма, безъ него патріотизмъ не можетъ быть жизненнымъ. Но нельзя жить однимъ чувствомъ — нуженъ еще разумъ. Координаціей и соотвѣтствующей координаціей этихъ двухъ элементовъ человѣческой природы только и можетъ жить, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и государство. Разумъ же всякому,

кто таковымъ обладаетъ, говоритъ, что люди, народы, какъ и все на свѣтѣ, двигаются, только мертвое, отжившее стоитъ, да и то не долго, ибо начинаетъ идти назадъ, гнить.

Общинное владѣніе есть стадія только извѣстнаго момента житія народовъ, съ развитіемъ культуры и государственности оно неизбѣжно должно переходить въ индивидуализмъ — въ индивидуальную собственность; если же этотъ процессъ задерживается и, въ особенности, искусственно, какъ это было у насъ, то народъ и государство хирѣетъ. Теперешняя жизнь народовъ вся основана на индивидуализмѣ, всѣ народныя отправленія, его психика основана на индивидуализмѣ. Соотвѣтственно сему конструировалось и государство. «Я» организуетъ и двигаетъ все. Это «я», особенно развитое въ послѣдніе два столѣтія, дало всѣ великія и всѣ слабыя стороны нынѣшней міровой жизни народовъ. Безъ преклоненія передъ «я» не было бы ни Ньютоновъ, ни Шекспировъ, ни Пушкиновъ, ни Наполеоновъ, ни Александровъ II и пр., и не существовало бы чудесъ развитія техники, богатства, торговли и пр. и пр.

Одна и можетъ быть главная причина нашей революціи — это запозданіе въ развитіи принципа индивидуальности, а слѣдовательно и сознанія собственности и потребности гражданственности, а въ томъ числѣ и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а такъ какъ жизнь шла своимъ чередомъ, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; такъ паръ взрываетъ дурно устроенный котелъ — или не увеличивай пара, значитъ отставай, или совершенствуй машину по мѣрѣ развитія движенія. Принципомъ индивидуальной собственности нынѣ слагаются всѣ экономическія отношенія, на немъ держится весь міръ.

Въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія явился соціализмъ во всѣхъ его видахъ и формахъ, который сдѣлалъ довольно видные успѣхи въ послѣднія десятилѣтія. Несомнѣнно, что эта эволюція въ сознаніи многихъ милліоновъ людей приноситъ положительную пользу, такъ какъ она заставляетъ правительства и общества обращать болѣе вниманія на нужды народныхъ массъ. Бисмаркъ явилъ тому явное доказательство.

Но насколько движеніе это стремится нарушить индивидуализмъ и замѣнить его коллективизмомъ, особливо въ области собственности, настолько движеніе это имѣло мало успѣха и едва ли оно, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, исчисляемомъ десятками лѣтъ, сдѣлаетъ какіе либо замѣтные успѣхи.

Чувство «я» — чувство эгоизма въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ есть одно изъ чувствъ наиболѣе сильныхъ въ человѣкѣ. Люди въ

отдѣльности и въ совокупности будутъ бороться на смерть за сохраненіе своего «я». Наконецъ то, что существуетъ, ясно потому, что оно существуетъ, а то, что предлагаютъ, не ясно не только потому, что не существуетъ, но и потому, что оно настолько искусственно и слабо, что не выдерживаетъ даже поверхностной, мало-мальски серьезной критики.

Единственный серьезный теоретическій обоснователь экономическаго соціализма, Марксъ, болѣе заслуживаетъ вниманія своею теоретическою логичностью и послѣдовательностью, нежели убѣдительностью и жизненною ясностью. Математически можно строить всякія фигуры и движенія, но не такъ легко ихъ устраивать на нашей планетѣ при данномъ физическомъ и моральномъ состояніи людей. Вообще соціализмъ для настоящаго времени очень мѣтко и сильно указалъ на всѣ слабыя стороны и даже язвы общественнаго и государственнаго устройства, основаннаго на индивидуализмѣ, но сколько бы то ни было разумно-жизненнаго иного устройства не предложилъ. Онъ силенъ отрицаніемъ, но ужасно слабъ созиданіемъ. Между тѣмъ, духомъ соціализма-коллективизма заразились у насъ многіе, даже очень почтенные люди. Они, уже не говоря о натурахъ, поклоняющихся всякому государственному разрушенію, также явились сторонниками «общины». Первые потому, что видѣли въ ней примѣненіе принципа мирнаго соціализма, а вторые потому, что въ примѣненіи этого принципа въ жизни народа не безъ основанія усматривали зыбкую почву, на которой легко произвести землетрясеніе въ общей экономической, а слѣдовательно и государственной жизни. Такимъ образомъ защитниками общины явились благонамѣренные, почтенные «старьевщики», поклонники старыхъ формъ, потому что онѣ стары, полицейскіе администраторы, полицейскіе пастухи, потому что считали болѣе удобнымъ возиться со стадами, нежели съ отдѣльными единицами; разрушители, поддерживающіе все то, что легко привести въ колебаніе и, наконецъ, благонамѣренные теоретики, усмотрѣвшіе въ общинѣ практическое примѣненіе послѣдняго слова экономической доктрины — теоріи соціализма. Послѣдніе меня больше всего удивляли, такъ какъ, если когда либо и восторжествуетъ «коллективизмъ», то, конечно, онъ восторжествуетъ совершенно въ другихъ формахъ, нежели онъ имѣлъ мѣсто при дикомъ или полудикомъ состояніи общественности.

Ученый экономистъ, который можетъ не понимать, что община мало сходна съ предполагаемымъ современнымъ или возможнымъ будущимъ коллективнымъ владѣніемъ землею, мнѣ напоминаетъ садовника, который смѣшиваетъ лѣсную дикую грушу съ прекрасною грушею, выхоленною въ культурнѣйшемъ современномъ саду. Если когда либо осуществится

въ Россіи коллективная собственность вмѣсто общины, то это можетъ произойти только послѣ того, какъ общинное владѣніе пройдетъ черезъ горнило индивидуализма, т. е. собственности индивидуальной. Это можетъ произойти только тогда, когда человѣкъ усомнится въ благѣ личной своей жизни, въ своемъ «я» и будетъ видѣть для своего личнаго блага спасеніе въ «мы».

Между тѣмъ соціализмъ залѣзъ уже давно въ наши университеты. Я помню, въ 70-хъ годахъ, когда послѣ окончанія курса въ Новороссійскомъ университетѣ на математическомъ факультетѣ, рѣшившись основательно изучить экономическія и финансовыя науки, я долго не могъ справиться съ яснымъ представленіемъ о томъ, что такое «цѣна» и что такое «цѣнность».

Въ это время профессоромъ политической экономіи въ Новороссійскомъ университетѣ былъ очень даровитый человѣкъ Постниковъ, авторъ извѣстнаго сочиненія объ общинѣ, оставшійся и до сихъ поръ ея ярымъ поклонникомъ. Пошелъ я къ нему и говорю — объясните мнѣ, пожалуйста, толково, какая разница между «цѣною» и «цѣнностью», на что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Охота вамъ заниматься этими пустяками. Вся теорія спроса и предложенія, нормирующая стоимость предметовъ и услугъ, есть выдумка людская. Это все сочинили тѣ люди, которымъ сочиненіе это выгодно для эксплоатаціи труда. Одинъ только трудъ даетъ цѣну; всякая цѣна будетъ лишь тогда справедлива, если она будетъ справедливо выражать затраченный трудъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ Постниковъ долженъ былъ покинуть университетъ, а затѣмъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Когда я создалъ петербургскій политехническій институтъ, я его назначилъ профессоромъ политической экономіи, а затѣмъ и деканомъ экономическаго отдѣла. Недавно онъ назначенъ директоромъ этого института. Я бывалъ, когда былъ министромъ финансовъ, на экзаменахъ его учениковъ. Онъ былъ строгимъ экзаменаторомъ, талантливымъ профессоромъ, преподавалъ, насколько я могъ усмотрѣть, свой предметъ методомъ историческимъ, избѣгая теоріи (вѣроятно, чтобы не впадать въ соціализмъ), во всякомъ случаѣ онъ человѣкъ достойный, но такъ-таки до сихъ поръ ярый поклонникъ общины и нѣсколько, хотя очень мало, охрипшій соціалистическими воззрѣніями.

Итакъ при освобожденіи крестьянъ весьма безцеремонно обошлись съ принципомъ собственности и нисколько въ дальнѣйшемъ не старались ввести въ самосознаніе массъ этотъ принципъ, составляющій цементъ

гражданскаго и государственнаго устройства всѣхъ современныхъ государствъ. Но всетаки за исключеніемъ вопроса о принудительномъ отчужденіи, при введеніи коего было въ корнѣ нарушено право собственности, на всѣ лады нынѣ обзываемой «священной», въ другихъ отношеніяхъ Положеніе объ освобожденіи крестьянъ давало всѣ выходы къ тому, чтобы прививать въ крестьянахъ понятіе о неприкосновенности собственности и вообще о гражданскихъ правахъ.

Но, какъ извѣстно, послѣ освобожденія крестьянъ преступнѣйшія и подлѣйшія покушенія на Царя-Освободителя дали силу лицамъ, не сочувствовавшимъ Его преобразованіямъ: партіи дворцовой, дворянской камарильи; и Положеніе не получило должнаго развитія въ томъ направленіи, въ которомъ оно, повидимому, было задумано. Тѣмъ не менѣе, хотя на крестьянское населеніе не были распространены общіе гражданскіе законы и по отношенію уголовныхъ для нихъ были сохранены особенности (между прочимъ тѣлесныя наказанія по приговорамъ крестьянъ), но всетаки на нихъ были распространены общія судебныя и административныя организаціи (мировой судъ).

Послѣ проклятаго 1 марта реакція окончательно взяла верхъ. Община сдѣлалась излюбленнымъ объектомъ министерства внутреннихъ дѣлъ по полицейскимъ соображеніямъ, прикрываемымъ литературою славянофиловъ и соціалистовъ. Участіе крестьянъ въ земствѣ ограничено. Мировые судьи были для крестьянскаго населенія замѣнены земскими начальниками. На крестьянское населеніе, которое, однако, составляетъ громаднѣйшую часть населенія, установился взглядъ, что они полудѣти, которыхъ слѣдуетъ опекать, но только въ смыслѣ ихъ поведенія и развитія, но не желудка. Забота о дѣтяхъ сводится главнымъ образомъ къ заботѣ о питаніи, но крестьянинъ вѣдь младенецъ sui generis — его дѣло питать.

Земскіе начальники явились и судьями и администраторами, и опекунами. Въ сущности явился режимъ, напоминающій режимъ, существовавшій до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостничества, но только тогда хорошіе помѣщики были заинтересованы въ благосостояніи своихъ крестьянъ, а наемные земскіе начальники, большею частью прогорѣвшіе дворяне и чиновники безъ высшаго образованія, были больше всего заинтересованы въ своемъ содержаніи.

Если не душою, то дѣльцомъ всѣхъ этихъ преобразованій явился Плеве. Онъ могъ служить и Богу и дьяволу, какъ въ данномъ случаѣ выгоднѣе для его карьеры.

Введеніе земскихъ начальниковъ вызвало въ Государственномъ Совѣтѣ сильное противодѣйствіе, но оно было поборено гр. Толстымъ и все тѣмъ же злополучнымъ княземъ Мещерскимъ («Гражданинъ»).

Что касается прямыхъ налоговъ, то благодаря Бунге и А. А. Абазѣ (министръ финансовъ, а второй предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта) была уничтожена подушная подать. Это было еще до проявленія усиленной реакціи. Всѣ мои попытки уничтожить выкупные платежи, когда я былъ министромъ финансовъ, были тщетны (на что баловать крестьянъ), и мнѣ удалось это сдѣлать только послѣ 17 октября, когда я сдѣлался предсѣдателемъ совѣта министровъ.

Итакъ, во время моего управленія финансами до революціи, крестьянство, т. е. громаднѣйшая часть населенія Россійской Имперіи, находилось въ такомъ состояніи: значительная часть земли находилась въ общинномъ коллективномъ владѣніи, исключавшемъ возможность сколько бы то ни было интенсивной культуры, подворное владѣніе находилось въ неопредѣленномъ положеніи вслѣдствіе неотмежеванности и неопредѣленности права собственности. Крестьянство находилось внѣ сферы гражданскихъ и другихъ законовъ.

Для крестьянства была создана особая юрисдикція, перемѣшанная съ административными и попечительными функціями — все въ видѣ земскаго начальника, крѣпостного помѣщика особаго рода. На крестьянина установился взглядъ, что это съ юридической точки зрѣнія не персона, а полуперсона. Онъ пересталъ быть крѣпостнымъ помѣщика, но сдѣлался крѣпостнымъ крестьянскаго управленія, находившагося подъ попечительнымъ окомъ земскаго начальника.

Вообще его экономическое положеніе было плохо, сбереженія ничтожны. Да, откуда быть сбереженіямъ, когда установился такой общій режимъ, что за послѣднее столѣтіе (а тоже было и раньше) мы были постоянно въ войнѣ. Не успѣетъ страна оправиться послѣ войны, смотри, затѣваютъ новую — такъ постоянно.

Россійская Имперія въ сущности была военная имперія; ничѣмъ инымъ она особенно не выдавалась въ глазахъ иностранцевъ. Ей отвели большое мѣсто и почетъ ни за что иное, какъ за силу. Вотъ именно потому, когда безумно затѣянная и мальчишески веденная японская война показала, что однако же сила то совсѣмъ не велика, Россія неизбѣжно должна была скатиться (дастъ Богъ-временно), русское населеніе должно было испытать чувство отчаяннаго, граничащаго съ помѣшательствомъ разочарованія; а всѣ наши враги должны были возлико-

вать, внутренніе же, которыхъ къ тому же мы порядкомъ третировали по праву сильнаго, предъявить намъ счеты во всякомъ видѣ, начиная съ проектовъ всякихъ вольностей, автономій и кончая бомбами. Наверху же провозгласили, что всѣ виноваты, кромѣ насъ — давай заметать слѣды. Сверху пошелъ кличъ — все это крамола, измѣна и этотъ кличъ родилъ такихъ безумцевъ, подлецовъ и негодяевъ, какъ іеромонахъ Илліодоръ, мошенникъ Дубровинъ, подлый шутъ Пуришкевичъ, полковникъ отъ котлетъ Путятинъ и тысяча другихъ. Но думать, что на такихъ людяхъ можно выйти — это новое мальчишеское безуміе. Можно пролить много крови, но въ этой крови можно и самому погибнуть и погубить своего перворошнаго чистаго младенца Сына-Наслѣдника. Дай Богъ, чтобы сіе не было такъ и во всякомъ случаѣ, чтобы не видѣлъ я этихъ ужасовъ...

Когда меня назначили министромъ финансовъ, я былъ знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ крайне поверхностно, какъ обыкновенный русскій, такъ называемый, образованный человѣкъ. Въ первые годы я блуждалъ и имѣлъ нѣкоторое влеченіе къ общинѣ, по чувству сродному съ чувствомъ славянофиловъ.

Аксаковы, Хомяковы и прочіе члены этой чистой плеяды русскихъ идеалистовъ, къ тому же людей съ громадными талантами (богословскія сочиненія Хомякова я считаю выше всего, что было написано на русскомъ языкѣ вообще, а по части православія въ частности) владѣли моимъ сердцемъ, и до нынѣ я храню къ нимъ родъ влеченія.

Къ тому же я мало зналъ коренную Русь, особенно крестьянскую. Родился я на Кавказѣ, а затѣмъ работалъ на югѣ и западѣ. Но сдѣлавшись механикомъ сложной машины, именуемой финансами Россійской Имперіи, нужно было быть дуракомъ, чтобы не понять, что машина безъ топлива не пойдетъ и что, какъ не устраивай сію машину, для того, чтобы она долго дѣйствовала и увеличивала свои функціи, необходимо подумать и о запасахъ топлива, хотя таковое и не находилось въ моемъ непосредственномъ вѣдѣніи. Топливо это — экономическое состояніе Россіи, а такъ какъ главная часть населенія это крестьянство, то нужно было вникнуть въ эту область. Тутъ мнѣ помогъ многими бесѣдами бывшій министръ финансовъ Бунге, почтеннѣйшій ученый и дѣятель по крестьянской реформѣ 60-хъ годовъ. Онъ обратилъ мое вниманіе на то, что главный тормазъ экономическаго развитія крестьянства — это средневѣковая община, недопускающая совершенствованія. Онъ былъ ярый противникъ общины.

Болѣе всего меня просвѣтили ежедневно проходившія передъ моими глазами цыфры, которыми столь богато министерство финансовъ и которыя служили предметомъ моего изученія и анализа. Скоро я себѣ составилъ совершенно опредѣленное понятіе о положеніи вещей и черезъ нѣсколько лѣтъ во мнѣ укоренилось опредѣленное убѣжденіе, что при современномъ устройствѣ крестьянскаго быта — машина, отъ которой ежегодно требуется все большая и большая работа, не будетъ въ состояніи удовлетворить предъявляемыя къ ней требованія, потому что не будетъ хватать топлива.

Я составилъ себѣ также совершенно опредѣленныя мнѣнія, въ чемъ заключается бѣда и какъ ее нужно лечить. Государство не можетъ быть сильно, коль скоро главный оплотъ его — крестьянство слабо. Мы все кричимъ о томъ, что Россійская Имперія составляетъ $1/5$ часть земной суши, и что мы имѣемъ около 140.000.000 населенія, но что же изъ этого, когда громаднѣйшая часть поверхности, составляющей Россійскую Имперію, находится или въ совершенно некультурномъ (дикомъ) или въ полу-культурномъ видѣ и громаднѣйшая часть населенія съ экономической точки зрѣнія представляетъ не единицы, а полу- и даже четверти единицъ.

Богатство и экономическая, а потому въ значительной степени и политическая мощь страны заключается въ трехъ факторахъ производства: природѣ — природныхъ богатствахъ, капиталѣ, какъ матеріальномъ такъ и интелектуальномъ, и трудѣ.

Россійская Имперія чрезвычайно богата природою, хотя значеніе этого богатства въ довольно серьезной степени умаляется неумѣренностью климата во многихъ ея частяхъ. Она весьма слаба капиталами, накопленными цѣнностями, главнымъ образомъ потому, что она создана непрерывными войнами, не говоря о другихъ причинахъ. Она можетъ быть весьма сильна трудомъ физическимъ по числу жителей и интелектуальнымъ, такъ какъ русскій человѣкъ даровитый, здравый и богобоязненный. Всѣ эти факторы производства находятся въ тѣсной между собою связи въ томъ смыслѣ, что только совокупнымъ и координированнымъ дѣйствіемъ они могутъ творить соотвѣтствующія затратамъ большія цѣнности, богатства, но при современномъ состояніи человѣчества, когда, благодаря развитію сообщеній, природныя богатства довольно легко перемѣщаются, а благодаря международному кредиту капиталы всего свѣта въ значительной мѣрѣ интернаціонализировались — трудъ пріобрѣлъ особое значеніе въ созданіи богатства.

Изъ изложеннаго ясно, что надлежало обратить вниманіе на увеличеніе второго фактора — производства капитала и въ особенности на развитіе третьяго фактора — труда.

Для первой цѣли нужно было прочно поставить національный кредитъ. Надѣюсь, что финансовая исторія признаетъ, что никогда кредитъ Россіи на международныхъ и отечественномъ денежныхъ рынкахъ не стоялъ такъ высоко, какъ онъ стоялъ, когда я былъ министромъ финансовъ.

Не моя вина, что ребяческія затѣи съ войной его уронили и уронили вѣроятно надолго.

На этихъ дняхъ я читалъ статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, что де иностраннымъ держателямъ нашихъ фондовъ и банкирамъ все равно, какой у насъ будетъ образъ правленія, лишь бы возстановился внутренній порядокъ, т.-е. прекратилась бы анархія. Довольно наивныя разсужденія. Конечно, они желаютъ, чтобы прекратилась анархія, но для иностраннаго и русскаго кредитора важно, чтобы установился такой образъ правленія, при которомъ были бы, если не невозможны, то маловѣроятны подобныя авантюры, какъ ужасающая японская война по личнымъ капризамъ, потакаемымъ авантюристами, и былъ невозможенъ такой порядокъ вещей, при которомъ величайшая нація находится въ вѣчныхъ экспериментахъ эгоистической дворцовой камарильи.

Взрослый человѣкъ можетъ, пожалуй, разъ обжечься кипяткомъ, но не глотнетъ его вторично. Послѣ тѣхъ потерь, которыя заграница понесла со времени японской войны, она откроетъ свои кошельки только такому россійскому режиму, которому она будетъ вѣрить, вѣрить же тѣмъ или тому порядку, при которомъ она потеряла процентовъ 20 капитала въ русскихъ цѣнностяхъ, она не будетъ.

Въ теченіе моего управленія финансами, я увеличилъ государственный долгъ приблизительно на 1900 милліоновъ рублей, на желѣзныя дороги и уплату безпроцентнаго долга Государственному банку, для возстановленія денежной (золотой) валюты истратилъ гораздо болѣе.

Такимъ образомъ занятыя деньги пошли исключительно на цѣли производительныя. Онѣ находятся въ капиталахъ страны. Благодаря установленному мною довѣрію заграничныхъ сферъ къ русскому кредиту, Россія получила нѣсколько милліардовъ (думаю не менѣе трехъ) рублей иностранныхъ капиталовъ. Нашлись люди и теперь ихъ

не мало, которые ставили и ставятъ мнѣ это въ вину. О глупость и невѣжество! Ни одна страна не развилась безъ иностранныхъ капиталовъ.

Когда противъ иностранныхъ капиталовъ ведутъ войну такъ называемые «истинные русскіе люди» (кажется это счастливое названіе пустилъ въ ходъ самъ Императоръ), то это понятно, вѣдь это или отпѣтые, или наемные безумцы, но вѣдь нерѣдко о вредѣ иностранныхъ капиталовъ толкуютъ и даже въ газетахъ люди, имѣющіе претензіи на знанія. Во все время управленія мною министерствомъ финансовъ мнѣ приходилось отстаивать пользу иностранныхъ капиталовъ и въ особенности въ комитетѣ министровъ (ярые противники были И. Н. Дурново, Плеве и генералъ Лобко).

Его Величество по обыкновенію дѣлалъ резолюцію то въ одну, то въ другую сторону. Было даже созвано Его Величествомъ особое засѣданіе по этому предмету подъ Его предсѣдательствомъ (журналъ находится въ архивѣ министерства финансовъ): полезны ли иностранные капиталы или нѣтъ?

Въ этомъ засѣданіи я къ немалому удивленію присутствовавшихъ и Его Величества высказалъ, что я совсѣмъ не боюсь иностранныхъ капиталовъ, почитая ихъ за благо для нашего отечества, но боюсь совершенно обратнаго, что наши порядки обладаютъ такими специфическими, необычными въ цивилизованныхъ странахъ свойствами, что не много иностранцевъ пожелаютъ имѣть съ нами дѣло. Конечно, если бы не дѣлалось во время моего управленія финансами массы затрудненій иностраннымъ капиталистамъ, то иностранные капиталы пришли бы въ гораздо большемъ количествѣ.

Но на что слѣдовало обратить вниманіе, это на развитіе труда. Трудъ русскаго народа крайне слабый и непроизводительный. Этому во многомъ содѣйствуютъ климатическія условія. Десятки милліоновъ населенія по этой причинѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году бездѣйствуютъ. Производительности труда препятствуетъ отсутствіе путей сообщенія. Въ этомъ отношеніи мнѣ удалось нѣчто сдѣлать, такъ какъ, во время моего управленія финансами, я удвоилъ сѣть желѣзныхъ дорогъ, но тутъ мнѣ постоянно мѣшало военное вѣдомство. Это вѣдомство поддерживало меня только тогда, когда я предлагалъ строить дороги, имѣющія, по его мнѣнію, нѣкоторое стратегическое значеніе. Такъ, вопреки моему мнѣнію, рѣшили строить стратегическія, или преимущественно стратегическія дороги, какъ, напримѣръ, вѣтвь Закаспійской дороги въ Кушку, Бологое — Полоцкъ и другія.

Кромѣ того, дороги экономическія часто искривлялись по какимъ то мало убѣдительнымъ соображеніямъ, причемъ замѣчательно, что одни военные спеціалисты заявляли, что стратегическія соображенія требуютъ немедленной постройки такой то дороги, а другіе находили ту же дорогу вредною въ военномъ отношеніи. Въ этой области мудрили и много повредили генералъ Куропаткинъ и, въ особенности, бывшій начальникъ главнаго штаба Обручевъ.

Послѣдній былъ образованный, даровитый, благородный и честный человѣкъ, но стратегическія дороги были родъ какой то его маніи. Нерѣдко случалось, что дорога, которая признавалась стратегическою, черезъ 2—3 года не признавалась таковою. Упомянувъ о Н. Н. Обручевѣ не могу не сказать, что онъ систематически проповѣдывалъ о необходимости обратить вниманіе на крестьянство. Многократно объ этомъ докладывалъ Государю. Къ сожалѣнію, онъ впадалъ постоянно въ то противорѣчіе, что одновременно требовалъ различныхъ облегченій для крестьянства и настаивалъ на все большемъ и большемъ увеличеніи военнаго бюджета и вообще расходовъ по оборонѣ. Ему, главнымъ образомъ, Россія обязана громаднѣйшими затратами, если не совсѣмъ, то весьма мало-производительными на Либавскій портъ. Выше уже разсказано, какъ Его Величество подписалъ высокопарный указъ о сооруженіи этого порта и наименованіи его портомъ Александра III и въ тотъ же день сѣтовалъ на то, что портъ этотъ совсѣмъ не нуженъ.[1]

Итакъ я всячески старался развить сѣть желѣзныхъ дорогъ, но военныя соображенія, на сторонѣ коихъ былъ естественно большею частью Его Величество, значительно мѣшали строить дороги, наиболѣе нужныя въ направленіяхъ наиболѣе производительныхъ въ экономическомъ отношеніи, а потому сѣть даетъ дефициты и ихъ довольно трудно будетъ уничтожить, нужно время, чтобы развилось движеніе.

При бывшей бѣдности въ желѣзныхъ дорогахъ всякая новая дорога, это — благо или, по крайней мѣрѣ, превратится довольно скоро въ благо. Возясь почти 40 лѣтъ съ желѣзными дорогами и съ стратегическими соображеніями нашего военнаго вѣдомства по поводу желѣзныхъ дорогъ, я пришелъ къ заключенію о томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ стратегическія соображенія о направленіи дорогъ суть химеры и фантазіи. Государство всегда гораздо болѣе выиграетъ, если при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ будетъ руководствоваться исключи-

[1] См. стр. 8.

тельно экономическими соображеніями. Въ общемъ, т.-е. почти всегда направленіе дороги экономическое будетъ соотвѣтствовать и стратегическимъ потребностямъ. По моему мнѣнію, въ курсѣ желѣзныхъ дорогъ это начало должно быть проведено, какъ правило, и его легко обосновать исторически и экономически. Мы 30 лѣтъ все строили дороги въ виду войны на западѣ, сколько ухлопали мало производительно, а иногда и совсѣмъ непроизводительно денегъ, а въ концѣ концовъ начали воевать (правда по причудѣ) на Дальнемъ Востокѣ.

Чтобы создать источникъ примѣненія труда, было болѣе нежели желательно развить нашу промышленность. Эту идею началъ мудро и со свойственной Его характеру твердостью проводить Императоръ Александръ III. Я всячески старался развить нашу промышленность. Этого требовали не только интересы народные, взятые въ частности, но высшій государственный интересъ.

Современное государство не можетъ быть великимъ безъ національной, развитой промышленности. Это показываетъ исторія. Это очевидно изъ современной дѣйствительности и, наконецъ, это ясно изъ экономической здравой теоріи. Если этого довольно много людей не понимаетъ и не знаетъ, то они заслуживаютъ сожалѣнія.

Во время управленія моего финансами (а въ то время министръ финансовъ былъ также министромъ торговли и промышленности) я твердо утроилъ нашу промышленность. Это тоже мнѣ постоянно ставили и нынѣ ставятъ въ вину. Глупцы!!..

Говорятъ, что для развитія промышленности я принималъ искусственныя мѣры. Что значитъ эта глупая фраза? Какими же мѣрами, кромѣ искусственныхъ, можно развить промышленность? Все, что дѣлаютъ люди, это съ извѣстной точки зрѣнія искусственно. Одни дикари живутъ и управляются безыскусственно. Вездѣ и всюду промышленность была развита искусственными мѣрами. Я же принималъ мѣры искусственныя гораздо болѣе слабыя сравнительно съ тѣми, которыя для этой цѣли принимали и даже донынѣ принимаютъ многія иностранныя государства. Этого, конечно, не знаютъ наши салонные невѣжды.

Александръ III ввелъ при министрѣ финансовъ Вышнеградскомъ покровительственный тарифъ, и я всячески его поддерживалъ, несмотря на всѣ приступы аграріевъ-дворянъ, но затѣмъ, къ сожалѣнію, я не могъ принимать другихъ искусственныхъ мѣръ. Законъ, или вѣрнѣе, произволъ въ образованіи акціонерныхъ обществъ (все сіе творилось въ комитетѣ министровъ) всячески стѣснялъ ихъ развитіе. Сколько

разъ я ни поднималъ вопросъ о введеніи явочной системы при образованіи акціонерныхъ обществъ, я всегда встрѣчалъ затрудненіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, вообще, и Плеве, въ частности и особенности. Обыкновенно мнѣ суютъ, что я де повыдавалъ промышленныя ссуды изъ государственнаго банка, но, во-первыхъ, вся сумма этихъ ссудъ доходитъ до 50-60 милліоновъ рублей; смѣшно говорить о томъ, что ссудами такого размѣра можно искусственно народить промышленность Россійской имперіи; во-вторыхъ, значительная часть этихъ ссудъ выдана нашимъ барамъ промышленникамъ изъ дворцовой камарильи или къ ней близкимъ, уже во всякомъ случаѣ не при моемъ содѣйствіи.

Вообще, вопросъ о значеніи промышленности въ Россіи еще не оцѣненъ и не понятъ. Только нашъ великій ученый Менделѣевъ, мой вѣрный до смерти сотрудникъ и другъ, вопросъ этотъ понялъ и постарался просвѣтить русскую публику. Надѣюсь, что его книга по этому предмету принесетъ пользу русскому обществу.

Конечно, когда онъ былъ живъ, говорили, что онъ писалъ такъ, потому что подкупленъ, заинтересованъ, но если вообще люди, то русскіе люди въ особенности, всегда болѣе склонны отдавать должное мертвымъ, нежели живымъ.

Если, вслѣдствіе развитія при моемъ управленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ и промышленности, я отвлекъ отъ земли 4-5 милліоновъ людей, а, значитъ, съ семействами милліоновъ 20-25, то этимъ самымъ я какъ бы увеличилъ земельный фондъ на 20-25 милліоновъ десятинъ. Но, конечно, при всей возможности этихъ мѣръ, въ вопросѣ объ увеличеніи производительности народнаго труда онѣ являются элементами второстепенными. Чтобы оплодотворить народный трудъ, необходимо поставить народъ такъ, чтобы онъ могъ и хотѣлъ не только производительно трудиться, но стараться всячески увеличивать эту производительность.

У насъ же народъ также трудится, какъ и пьетъ. Онъ мало пьетъ, но больше, чѣмъ другіе народы, напивается. Онъ мало работаетъ, но иногда надрывается работою. Для того, чтобы народъ не голодалъ, чтобы его трудъ сдѣлался производительнымъ, нужно ему дать возможность трудиться, нужно его освободить отъ попечительныхъ путъ, нужно ему дать общія гражданскія права, нужно его подчинить общимъ нормамъ, нужно его сдѣлать полнымъ и личнымъ обладателемъ своего труда — однимъ словомъ, его нужно сдѣлать съ точки зрѣнія гражданскаго права — персоною. Человѣкъ не разовьетъ свой трудъ, если онъ не имѣетъ сознанія, что плоды его труда суть его и собственность его

наслѣдниковъ. Какъ можетъ человѣкъ проявить и развить не только свой трудъ, но инициативу въ своемъ трудѣ, когда онъ знаетъ, что обрабатываемая имъ земля черезъ нѣкоторое время можетъ быть замѣнена другой (община), что плоды его трудовъ будутъ дѣлиться не на основаніи общихъ законовъ и завѣщательныхъ правъ, а по обычаю (а часто обычай есть усмотрѣніе), когда онъ можетъ быть отвѣтственъ за налоги, не внесенные другими (круговая порука), когда его бытіе находится не въ рукахъ примѣнителей законовъ (общая юрисдикція), а подъ благомъ попечительнаго усмотрѣнія и благожелательной защиты маленькаго «батюшки», отца земскаго начальника (вѣдь дворяне не выдумали же для себя такой сердечной работы), когда онъ не можетъ ни передвигаться, ни оставлять свое, часто бѣднѣе птичьяго гнѣзда, жилище безъ паспорта, выдача коего зависитъ отъ усмотрѣнія, когда однимъ словомъ, его бытъ въ нѣкоторой степени похожъ на бытъ домашняго животнаго съ тою разницею, что въ жизни домашняго животнаго заинтересованъ владѣлецъ, ибо это его имущество, а Россійское государство этого имущества имѣетъ при данной стадіи развитія государственности въ излишкѣ, а то, что имѣется въ излишкѣ, или мало, или совсѣмъ не цѣнится.

Вотъ, въ чемъ суть крестьянскаго вопроса, а не въ налогахъ, не въ покровительственной таможенной системѣ, и не въ недостаткѣ земли, по крайней мѣрѣ не въ принудительномъ отчужденіи земли для передачи ея во владѣніе крестьянъ.

Но, конечно, если государственная власть считала, что для нея самое удобное держать три четверти населенія не въ положеніи людей граждански равноправныхъ, а въ положеніи взрослыхъ дѣтей (существъ особаго рода), если правительство взяло на себя роль, выходящую изъ сферы присущей правительству въ современныхъ государствахъ, роль полицейскаго попечительства, то рано или поздно, правительство должно было вкусить прелести такого режима.

Высшее правительство — государственная власть сіе вкусила, когда произошелъ ударъ отъ японской войны, затѣянной по безумію и поощренной оберъ-полицеймейстеромъ Россійской Имперіи Плеве въ надеждѣ, такимъ образомъ, поднять престижъ власти, возвеличить нашу силу и режимъ и заставить смириться передъ мощью и успѣхомъ. Ужасное вліяніе имѣетъ на людей всякій успѣхъ. Это я испыталъ и на себѣ лично.

Но разъ ты попечитель и я голодаю, то корми меня. На семъ основаніи вошло въ систему кормленіе голодающихъ и выдающихъ себя за голодающихъ.

Въ сущности наши налоги въ мое время (до войны) сравнительно съ налогами другихъ странъ были не только не велики, но малы. Но разъ ты меня держишь на уздечкѣ, не даешь свободы труда и лишаешь стимула къ труду, то уменьшай налоги, такъ какъ нечѣмъ платить. Разъ ты регулируешь землевладѣніе и землепользованіе такъ, что мы не можемъ развивать культуру, дѣлать ее интенсивнѣе, то давай земли по мѣрѣ увеличенія населенія. Земли нѣтъ. — Какъ нѣтъ, смотри сколько ея у Царской семьи, у правительства (казенной), у частныхъ владѣльцевъ? — Да вѣдь это земля чужая. — Ну такъ что же, что чужая. Вѣдь Государь то Самодержавный, неограниченный. Видно, не хочетъ дворянъ обижать, или они Его опутали. — Да вѣдь это нарушеніе права собственности. Собственность священна. — А при Александрѣ II собственность не была священна, захотѣлъ и отобралъ и намъ далъ. Значитъ не хочетъ.

Вотъ тѣ разсужденія, которыхъ держится крестьянство. Эти разсужденія есть результатъ самимъ правительствомъ устроеннаго ихъ быта и затѣмъ, конечно, они раскалены безсовѣстнымъ огнемъ революціи.

Революція по своимъ пріемамъ всегда безсовѣстно лжива и безжалостна. Яркимъ доказательствомъ тому служитъ наша революція справа, такъ называемыя, черныя сотни или «истинно русскіе люди». На знамени ихъ высокія слова «самодержавіе, православіе и народность», а пріемы и способы ихъ дѣйствій архилживы, архибезсовѣстны, архикровожадны. Ложь, коварство и убійство — это ихъ стихія. Во главѣ явно стоитъ всякая с.....ь, какъ Дубровинъ, Грингмутъ, Юзефовичъ, Пуришкевичъ, а по угламъ спрятавшись — дворцовая камарилья.

Держится же эта революціонная партія потому, что она мила психологіи Царя и Царицы, которые думаютъ, что они тутъ обрѣли спасеніе. Между тѣмъ спасаться то было не надо, если бы ихъ дѣйствія отличались тѣми качествами, которыми правители народовъ внушаютъ общую любовь и уваженіе.

Еще въ первый годъ царствованія Императора Николая II я говорилъ съ И. Н. Дурново, стараясь убѣдить его, что необходимо поставить земскихъ начальниковъ въ болѣе опредѣленныя рамки, отобравъ отъ нихъ функціи судебныя, но И. Н. Дурново мнѣ категорически отвѣтилъ, что скорѣе его руки отсохнутъ, нежели онъ подпишетъ какое бы то ни было измѣненіе въ положеніи земскихъ начальниковъ. Послѣ

него былъ назначенъ министромъ Горемыкинъ, бывшій оберъ-прокуроръ сената и товарищъ министра юстиціи (при Манасеинѣ и Муравьевѣ).

Когда онъ занималъ это мѣсто, то онъ категорически высказывался противъ положенія о земскихъ начальникахъ. Я думалъ, что онъ пойдетъ на уничтоженіе произвола земскихъ начальниковъ. Собрались на частное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, на это засѣданіе я взялъ съ собою почтеннѣйшаго члена совѣта министра финансовъ Рихтера, бывшаго директора департамента окладныхъ сборовъ, знатока крестьянскаго дѣла, который при Вышнеградскомъ лишился мѣста директора за его quasi либерализмъ (по нынѣшнимъ временамъ онъ былъ бы правый октябристъ, но, вѣроятно, не согласился бы имѣть дѣло съ предсѣдателемъ этой партіи Гучковымъ, бретеромъ, купчикомъ, моему нраву не препятствуй).

Въ совѣщаніи начали бесѣдовать, какъ двинуть крестьянское дѣло. Рихтеръ указалъ на то, что нужно прежде всего измѣнить положеніе о земскихъ начальникахъ. Тогда Горемыкинъ у себя дома его, Рихтера, самымъ грубымъ образомъ срѣзалъ, заявивъ, что сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ никогда не допуститъ, чтобы былъ тронутъ институтъ земскихъ начальниковъ. Послѣ такого обращенія съ почтеннѣйшимъ старикомъ, я вмѣстѣ со своими коллегами по министерству финансовъ оставилъ засѣданіе у Горемыкина*.

Въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра III министръ внутреннихъ дѣлъ возбудилъ вопросъ о пріостановкѣ дѣйствія статьи выкупного положенія крестьянъ, по которому крестьяне, при соблюденіи извѣстныхъ условій, имѣютъ право покупать свои надѣлы.

Такъ какъ выкупныя суммы за землю постепенно съ каждымъ годомъ уменьшались, то въ концѣ 80 гг. многіе крестьяне, въ виду небольшой суммы, лежащей на землѣ, пріобрѣли возможность выкупать свои участки.

Вслѣдствіе того, что выкупъ этотъ провозглашенный въ выкупномъ положеніи 60 г. ничѣмъ затѣмъ не былъ регулированъ, выдѣлы дѣлались не съ должной осмотрительностью и систематичностью, нарушая интересы остального крестьянства, въ особенности, при общинномъ владѣніи землей.

Поэтому, министръ внутреннихъ дѣлъ возбудилъ вопросъ о пріостановкѣ дѣйствія этой статьи, что по понятіямъ того времени было почти равносильно уничтоженію этой статьи.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности со временъ Толстого и ранѣе этого, было большимъ поклонникомъ общины. Къ сожалѣнію, это поклоненіе общинѣ исходило не столько изъ аграрныхъ соображеній, сколько изъ соображеній полицейскихъ, такъ какъ несомнѣнно, что самый удобный способъ управленія домашними животными есть управленіе на основаніи стаднаго принципа.

Община въ ихъ понятіи представлялась чѣмъ то въ родѣ стада, хотя и не животныхъ, а людей, но людей особеннаго рода, не такихъ, какіе «мы», а въ особенности, дворяне.

По этому предмету возражалъ почтеннѣйшій Николай Христіановичъ Бунге. Такимъ образомъ, по поводу этой статьи, попутно былъ возбужденъ вопросъ принципіальный о преимуществѣ общиннаго или индивидуальнаго владѣнія, — вопросъ чрезвычайно острый и чрезвычайно обширный.

Въ департаментѣ Государственнаго Совѣта по этому предмету произошло разногласіе и дѣло должно было разсматриваться въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Я, какъ министръ финансовъ, долженъ былъ высказать совершенно опредѣленно мое мнѣніе по этому предмету.

Долженъ сказать, что въ то время, съ одной стороны, я еще не вполнѣ изучилъ крестьянскій вопросъ и относительно преимуществъ того или другого способа крестьянскаго владѣнія землей не установилъ себѣ окончательнаго воззрѣнія. Съ другой стороны, для меня было ясно одно, что если стать на точку зрѣнія личнаго индивидуальнаго владѣнія крестьянъ землею, т. е. признать преимущества этого способа, то проведеніе его въ жизнь должно дѣлаться систематично и планомѣрно; по этому предмету должны быть созданы извѣстныя опредѣленныя правила, но недостаточно сказать только, что каждый крестьянинъ можетъ имѣть право выкупа; необходимо указать подробно и точно всѣ условія выкупа, которыя не были указаны съ достаточной ясностью и опредѣленностью.

При такомъ положеніи дѣла, по поводу мнѣнія тѣхъ лицъ, которыя нападали на общину, я счелъ необходимымъ представить различныя соображенія о тѣхъ выгодахъ, которыя представляетъ община; я сказалъ, что во всякомъ случаѣ община это есть учрежденіе, имѣющее извѣстную историческую давность, а поэтому, невозможно отдѣльно рѣшить вопросъ о выдѣлѣ, не разрѣшивъ въ совокупности и весь крестьянскій вопросъ.

Такимъ образомъ, я не высказывался ни за общину, ни за личное владѣніе, а находилъ, что было бы благоразумнѣе, пока не будетъ выяс-

ненъ и разобранъ крестьянскій вопросъ, во всей его совокупности, дѣйствіе статьи о выдѣлѣ пріостановить.

Въ тотъ день, когда этотъ вопросъ долженъ былъ разбираться въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, я имѣлъ докладъ у Императора Александра III, но по этому предмету Государь со мною ничего не говорилъ. Послѣ доклада и завтрака, я поѣхалъ на вокзалъ (Государь въ то время жилъ въ Гатчинѣ) и, садясь въ поѣздъ, замѣтилъ, что къ поѣзду былъ прицѣпленъ отдѣльный вагонъ, и что въ этотъ вагонъ прошелъ молодой Цесаревичъ Николай. Цесаревичъ пригласилъ меня придти къ нему въ вагонъ и мы съ нимъ ѣхали вмѣстѣ до Петербурга, причемъ Цесаревичъ меня все разспрашивалъ, какъ я буду баллотировать вопросъ и какое мнѣніе буду поддерживать. Очевидно, онъ это дѣло ранѣе не читалъ и не зналъ, но находился подъ вліяніемъ Николая Христіановича Бунге, который стоялъ за то, чтобы предоставить министру внутреннихъ дѣлъ этотъ вопросъ отклонить.

Я Его Высочеству доложилъ, что я держусь другого мнѣнія и, при неопредѣленности вопроса, считаю, что лучше временно статью о выдѣлѣ отмѣнить, но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно было приступлено къ изученію крестьянскаго вопроса и чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени было представлено рѣшеніе крестьянскаго вопроса во всей его совокупности.

Въ концѣ концовъ, въ Государственномъ Совѣтѣ большинство примкнуло къ этому мнѣнію.

Какъ подалъ свой голосъ Цесаревичъ — я не знаю. Но ѣдучи съ Цесаревичемъ и имѣя случай говорить съ нимъ довольно долго о крестьянскомъ вопросѣ, я тогда замѣтилъ, что Его Высочество со свойственной ему сердечностью и благожелательностью относится въ высокой степени милостиво къ крестьянскимъ интересамъ и считаетъ ихъ первенствующими.

Несмотря на то, что Государственный Совѣтъ высказался о необходимости приступить къ окончательному разрѣшенію крестьянскаго вопроса во всей совокупности и поручилъ это ближайшимъ министрамъ — главнымъ образомъ, министру внутреннихъ дѣлъ, — дѣло это, конечно, не двигалось.

Въ 1898 году вышелъ первый отчетъ комитета Сибирской желѣзной дороги за время 1893—1897 г.г.

Такъ какъ предсѣдателемъ комитета Сибирской желѣзной дороги былъ все время Императоръ Николай II (сначала, будучи еще Цесаре-

вичемъ, а затѣмъ, сохранилъ за собою эту обязанность и сдѣлавшись Императоромъ), то отчетъ этотъ имѣлъ особое значеніе.

По этому поводу я считаю нужнымъ отмѣтить наиболѣе характеристичную черту молодого Цесаревича, а именно, какъ относился Цесаревичъ къ крестьянскому вопросу съ самаго начала учрежденія Сибирскаго комитета и затѣмъ, дабы мой разсказъ не прерывался, отмѣчу дальнѣйшіе фазисы измѣненія этихъ взглядовъ, или вѣрнѣе, не взглядовъ, а настроеній.

Какъ это ни удивительно, но несомнѣнно, что еще въ 1898 году, т. е. менѣе, чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ, въ связи съ сооруженіемъ Сибирской дороги, былъ мною поднятъ вопросъ о переселеніи, т. е. о томъ, чтобы дать возможность безземельному крестьянству двинуться по направленію къ Дальнему Востоку и заселять сибирскія пустыни по мѣрѣ сооруженія великаго сибирскаго пути и проникновенія его къ нашимъ Тихоокеанскимъ владѣніямъ. Эта мысль тогда казалась крайне либеральной и чуть ли не революціонной.

Правительство въ его большинствѣ, а равно и самые вліятельные круги въ Петербургѣ полагали, что эта мысль — давать возможность крестьянству уходить изъ Европейской Россіи для того, чтобы искать себѣ лучшей жизни въ Сибири — представляетъ громадную ересь.

Ихъ доводы были весьма просты: такая мѣра удорожитъ трудъ по обработкѣ земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, слѣдовательно, мѣра эта невыгодна всѣмъ частнымъ собственникамъ, а съ другой стороны она способна дать крестьянству такія стремленія къ вольностямъ, которыя, по мнѣнію помѣщиковъ, не только вредны для нихъ, т. е. для нашего дворянства, но и для самихъ крестьянъ.

Именно въ этомъ смыслѣ, хотя и въ прикрытой формѣ, представилъ свои возраженія тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Иванъ Николаевичъ Дурново.

Но я встрѣтилъ поддержку моихъ мнѣній въ очень просвѣщенномъ человѣкѣ — Николаѣ Христіановичѣ Бунге. И не знаю: благодаря ли вліянію Николая Христіановича Бунге или просто по собственному влеченію сердца — молодой Цесаревичъ Николай рѣшительно всталъ на сторону интересовъ крестьянства, и въ принципѣ былъ рѣшенъ вопросъ о допущеніи и даже о нѣкоторомъ поощреніи переселенія крестьянъ, которымъ трудно жить въ Европейской Россіи — въ сибирскіе края.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое рѣшеніе, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ особенности первое время, продолжало чинить различныя препоны, конечно, только изъ боязни, что такое переселеніе можетъ

удорожить сельско-хозяйственный рабочій трудъ; и только черезъ нѣсколько лѣтъ было допущено болѣе или менѣе безпрепятственное переселеніе, а въ послѣдніе годы, т. е. во время пережитыхъ нами смутъ, уже начали искать въ этомъ переселеніи какъ бы одно изъ могущественныхъ средствъ успокоенія крестьянскихъ волненій.

Я только хотѣлъ отмѣтить, что въ 1893 году молодой Цесаревичъ Николай отнесся къ вопросу объ интересахъ крестьянства со свойственной ему, въ особенности въ прежнее время, сердечностью.

Когда Цесаревичъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, вступилъ на престолъ, то я полагалъ, что теперь наступитъ пора болѣе справедливому и заботливому отношенію къ русскому крестьянству, т. е. тому отношенію, которое было провозглашено и на половину осуществлено Великимъ Императоромъ-Освободителемъ Александромъ II въ 60-хъ годахъ. Но, повидимому, силы, несочувствующія реформамъ Императора Александра II, навѣяли на молодого Императора сомнѣнія.

Вѣроятно, эти сомнѣнія усугубились послѣ того, когда, по воцареніи Императора Николая, въ Зимнемъ Дворцѣ ему представлялись различныя депутаціи отъ земствъ и дворянства, причемъ нѣкоторыя депутаціи высказали желанія, которыя были сродны съ тѣми, которыя осуществились 17 октября 1905 года, что составляетъ до сего времени злобу дня не только всѣхъ придворныхъ сферъ, не только большинства Государственнаго Совѣта, но и третьей безпринципной Государственной Думы.

Съ своей стороны, я нахожу, что рѣчи, которыя были тогда высказаны депутаціями, едва ли были тактичны; представителямъ общественности надлежало быть болѣе разсудительными въ выраженіи своихъ пожеланій, въ особенности въ то время, когда молодой Императоръ только что вступилъ на престолъ и не могъ еще составить себѣ окончательнаго зрѣлаго сужденія.

Этими нетактичными рѣчами представителей общественности воспользовался министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, и, вѣроятно, не безъ соучастія Константина Петровича Побѣдоносцева, подѣйствовалъ на Его Величество въ томъ смыслѣ, что Государю было благоугодно въ своей весьма достойной рѣчи сказать нѣсколько словъ о «напрасныхъ безсмысленныхъ мечтаніяхъ», которыя было бы лучше не высказывать, такъ какъ, къ счастью или несчастью Россіи — но эти «напрасныя мечтанія» послѣ 17 октября 1905 года перестали быть мечтаніями.

Мнѣ съ самаго начала царствованія Императора Николая приходилось нѣсколько разъ высказывать Государю, — а равно высказываться по этому предмету и въ ежегодныхъ докладахъ министра финансовъ о

государственной росписи, которые въ то время (до преобразованія нашихъ высшихъ законодательныхъ учрежденій) имѣли совершенно особое, исключительное значеніе, — о необходимости, такъ сказать, вплотную заняться крестьянскимъ вопросомъ, такъ какъ не нужно было имѣть ни много ума, ни дара пророчества, чтобы понять, что, съ одной стороны, въ этомъ заключается вся суть будущности Россійской Имперіи, а что, съ другой, въ неправильномъ и пренебрежительномъ отношеніи къ этому вопросу кроется ядро всякихъ смутъ и государственныхъ переворотовъ.

Тѣмъ не менѣе, вопреки моему ожиданію, въ 1895 году открылось совѣщаніе не по крестьянскому, а по дворянскому вопросу, т. е. такъ называемая «дворянская комиссія».

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ Иванъ Николаевичъ Дурново, а управляющимъ дѣлами этой комиссіи г. Стишинскій — тотъ самый Стишинскій, который былъ однимъ изъ сотрудниковъ Пазухина, управляющаго канцеляріей министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дмитрія Толстого, который въ 80-хъ годахъ провелъ цѣлый рядъ крайне реакціонныхъ законовъ, такъ, о земскомъ положеніи и о земскихъ, крестьянскихъ начальникахъ и проч.; эти законы не только затемнили душу реформъ Императора Александра II, но и наносили глубочайшую рану въ самое тѣло этой реформы.

Составъ дворянской комиссіи былъ таковъ, что, очевидно, имѣлось въ виду поднять не благосостояніе народныхъ массъ, а исключительно поднять благосостояніе земельныхъ частныхъ собственниковъ и преимущественно нашего задолженнаго и искусственно поддерживаемаго дворянства.

* Само собой разумѣется, что душою комиссіи сталъ Плеве. *

Въ качествѣ министра финансовъ и я состоялъ членомъ этой комиссіи. Въ первомъ же засѣданіи этой комиссіи, я высказалъ мнѣніе, что дворянамъ не можетъ быть хорошо, если крестьянамъ не будетъ хорошо, и обратно: съ улучшеніемъ положенія крестьянъ и большинству дворянъ сдѣлается лучше, а потому, по моему мнѣнію, дворянской комиссіи слѣдуетъ преимущественно обратить вниманіе на поднятіе благосостоянія крестьянства и преимущественно заняться этими вопросами.

Послѣ моей рѣчи, въ которой я развилъ эту идею, пресѣдатель закрылъ засѣданіе, сказавъ, что онъ имѣетъ испросить указаніе по этому предмету у Его Величества.

На слѣдующемъ засѣданіи Иванъ Николаевичъ Дурново объявилъ Высочайшее повелѣніе: что Государю Императору было угодно назначить дворянскую комиссію для изысканія средствъ къ улучшенію положенія русскаго дворянства, а не крестьянства, а потому дворянская комиссія не должна трогать и заниматься крестьянскими вопросами.

Такое рѣшеніе, конечно, само по себѣ, было смертнымъ приговоромъ дворянской комиссіи; она просуществовала нѣсколько лѣтъ, несмотря на всевозможныя попытки, искусственно возстановить здоровье отжившаго и ослабшаго организма, ничего сколько нибудь серьезнаго не сдѣлала и не могла сдѣлать, потому что комиссія эта встрѣтила во мнѣ отпоръ во всѣхъ поползновеніяхъ обогащать дворянскіе карманы на счетъ государственной казны, т. е. на счетъ народныхъ денегъ.

* Я на большинство этихъ затѣй не соглашался и тѣмъ возбуждалъ противъ себя всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые держатся принципа, что Россійская Имперія существуетъ для ихъ кормленія. Въ этихъ засѣданіяхъ Плеве проявился во всей своей красѣ. Онъ явился въ совѣщаніи адвокатомъ всѣхъ ультра-дворянскихъ тенденцій; въ своихъ рѣчахъ дѣлалъ постоянныя экскурсіи въ исторію Россіи, съ цѣлью доказать, что существованіе Россійской Имперіи главнымъ образомъ обязано дворянству. На этихъ засѣданіяхъ мои отношенія съ Плеве совершенно обострились. Я ему постоянно возражалъ и, признаюсь, не щадилъ его самолюбія, такъ что онъ нѣсколько разъ обращался къ защитѣ предсѣдателя, т. е. И. Н. Дурново. Конечно, дворянское совѣщаніе ничѣмъ серьезнымъ не кончилось. Дурново получилъ награду, а совѣщаніе — нѣсколько подачекъ для дворянъ, но извѣстная часть дворянъ никогда не могла забыть мою оппозицію ко всѣмъ дворянскимъ затѣямъ, требующимъ казенныхъ денегъ.

Само собою разумѣется, что я никогда не имѣлъ никакихъ враждебныхъ чувствъ къ дворянству вообще, и не могъ ихъ имѣть, такъ какъ самъ я потомственный дворянинъ и воспитанъ въ дворянскихъ традиціяхъ, но всегда считалъ несправедливымъ и безнравственнымъ всевозможныя денежныя привиллегіи дворянству на счетъ всѣхъ плательщиковъ податей, т. е. преимущественно крестьянства. *

Несмотря на то, что большинство было противъ меня и что меня поддерживали только нѣкоторые члены, — я по всѣмъ вопросамъ такъ явно обнаруживалъ некрасивую тенденцію дворянъ запускать руку въ

карманъ государственнаго казначейства, — что, несмотря на всю ихъ злость, простая, еще не совсѣмъ потерянная стыдливость членовъ комиссіи не дозволила имъ принимать рѣшительныя мѣры для захвата народныхъ денегъ.

Журналы этой комиссіи несомнѣнно находятся въ одномъ изъ архивовъ, вѣроятно, въ архивѣ Государственнаго Совѣта. И, несмотря на то, что журналы эти составлялись г. Стишинскимъ въ такомъ направленіи, чтобы не представить истинную картину тѣхъ преній, которыя имѣли мѣсто въ этой комиссіи[1], тѣмъ не менѣе журналы эти запрятаны, такъ какъ они находились въ столь значительномъ несоотвѣтствіи съ тенденціями и событіями, которыя явно выразились въ Россіи послѣ 1900 г., что, если бы журналы эти были опубликованы, то, можетъ быть, даже и третья Государственная Дума, съ г. Гучковымъ и графомъ Бобринскимъ, обнаружила неожиданное явленіе: у нихъ появилась бы краска стыдливости на лицѣ.

* Конечно, дворянское совѣщаніе прежде всего стремилось получить новыя льготы по дворянскому банку и къ сокращенію операцій по крестьянскому.

Дворянскій банкъ основанъ при Александрѣ III, вопреки мнѣнія министра финансовъ, почтеннѣйшаго Бунге. Суть его заключается въ томъ, чтобы предоставить государственный кредитъ дворянству. Это еще малая бѣда, но затѣмъ этимъ не ограничились, а подъ различными предлогами устроили такъ, чтобы дворяне платили менѣе того, что стоитъ кредитъ (т. е. займы) самому государству. Съ этою цѣлью, вопреки мнѣнію слѣдующаго министра финансовъ, Вышнеградскаго, прибѣгли къ большому выигрышному займу, т. е. къ такой формѣ кредита, которая осуждена финансовой теоріею и практикой. Къ такому кредиту государство не прибѣгло даже во время японской войны.

Затѣмъ вся исторія дворянскаго банка представляетъ сплошную цѣпь всевозможныхъ ходатайствъ о льготахъ дворянскаго банка въ пользу кліентовъ дворянъ и жалобъ на управляющихъ дворянскимъ банкомъ въ томъ смыслѣ, что они враги дворянства, потому что не оказываютъ просимыхъ льготъ.

Первый управляющій этимъ банкомъ, Картавцевъ, ученикъ и любимецъ Бунге, вопреки его, Бунге, желанію былъ уволенъ за красный

[1] Въ особенности, не изложены во всей своей неприкосновенности рѣчи Плеве.

образъ мыслей. Теперь онъ служитъ въ частномъ банкѣ, весьма почтенный человѣкъ и по убѣжденіямъ самый правый партіи 17 октября.

При мнѣ управляющими банкомъ были графъ Кутузовъ (поэтъ, ультра-правый), князь Оболенскій (впослѣдствіи товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта), свѣтлѣйшій князь Ливенъ (умершій, замѣчательной нравственной чистоты человѣкъ, весьма дѣльный и владѣлецъ большихъ помѣстій), графъ Мусинъ-Пушкинъ (женатый на графинѣ Воронцовой-Дашковой).

Когда они управляли банкомъ, всѣ они обвинялись въ томъ, что притѣсняютъ дворянъ, потому что — красные. Въ особенности на этомъ поприщѣ обвиненій отличался пресловутый князь Мещерскій, который постоянно хлопоталъ о льготахъ то одному, то другому своему знакомому или «духовному сыну» и въ случаѣ отказа сейчасъ же писалъ доносы и клеветы въ своемъ «Гражданинѣ». Онъ также все пропагандировалъ дворянское совѣщаніе, требуя рѣшительныхъ мѣръ для поднятія сего сословія, другими словами, усиленныхъ подачекъ на счетъ другихъ плательщиковъ.

Въ концѣ XIX и въ началѣ XX вѣка нельзя вести политику среднихъ вѣковъ; когда народъ дѣлается, по крайней мѣрѣ въ части своей, сознательнымъ, невозможно вести политику явно несправедливаго поощренія привиллегированнаго меньшинства на счетъ большинства.

Политики и правители, которые этого не понимаютъ, готовятъ революцію, которая взрывается при первомъ случаѣ, когда правители эти теряютъ свой престижъ и силу (японская война и перемѣщеніе почти всей вооруженной силы за границу, и дальнюю границу).

Когда былъ основанъ, вопреки желанію Бунге, дворянскій банкъ по его иниціативѣ, какъ бы для компенсаціи этой несправедливости былъ основанъ и банкъ крестьянскій, который долженъ былъ совершать такія же операціи, какъ и дворянскій.

Банкъ этотъ шелъ вяло въ особенности потому, что онъ ограничивался только ссудою подъ земли, покупаемыя крестьянами, но не могъ покупать земли за свой счетъ для продажи ея крестьянамъ.

Въ бытность управляющимъ обоими банками, дворянскимъ и крестьянскимъ, графа Кутузова, былъ выработанъ проектъ новаго устава крестьянскаго банка, предоставляющій ему право непосредственной покупки земли и затѣмъ перепродажи ее крестьянамъ. Графъ Кутузовъ, ультра-консерваторъ, весьма сочувствовалъ этому проекту потому, что

онъ предоставлялъ дворянамъ возможность нормальной продажи земли, и никому иному, какъ крестьянамъ.

Я весьма сочувствовалъ этому проекту, составленному по моей иниціативѣ, такъ какъ этимъ путемъ полагалъ содѣйствовать увеличенію крестьянскаго землевладѣнія. Къ моему удивленію, я встрѣтилъ возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, инспирируемыхъ Дурново и Плеве, но тогда я еще имѣлъ силу и, несмотря на всѣ возраженія, ко мнѣ присоединилось большинство, и проектъ, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями, получилъ утвержденіе. Дворянское совѣщаніе особенно сѣтовало на эту мѣру. Его Величество со всѣхъ сторонъ получалъ записки, указывающія на вредность этой мѣры, какъ ослабляющей дворянское землевладѣніе.

Плеве, уже будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, старался всячески уничтожить или ограничить эти покупки крестьянскаго банка. По этому предмету у меня опять родились непріятныя отношенія къ Плеве, такъ какъ я ему не уступалъ и не уступилъ. Достойно вниманія, что эта мѣра, которую всячески старались ограничить и даже уничтожить, явилась базисомъ аграрной политики правительства послѣ начала революціи (1905 годъ).

До настоящаго времени Столыпинъ и его министерство въ этомъ только и усматриваютъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, мѣра эта, не развитая во время, явилась уже запоздалою. Начали требовать принудительнаго отчужденія, а самые крайніе просто конфискаціи.

Вся наша революція произошла отъ того, что правители не понимали и не понимаютъ той истины, что общество, народъ двигается. Правительство обязано регулировать это движеніе и держать его въ берегахъ, а если оно этого не дѣлаетъ, а прямо грубо загораживаетъ путь, то происходитъ революціонный потопъ.

Въ Россійской Имперіи такой потопъ наиболѣе возможенъ, такъ какъ болѣе 35% населенія не русскаго, завоеваннаго русскимъ. Всякій же, знающій исторію, знаетъ, какъ трудно спаивать разнородныя населенія въ одно цѣлое, въ особенности при сильномъ развитіи въ XX столѣтіи національныхъ началъ и чувствъ.*

Въ концѣ концовъ, какъ я уже говорилъ, дворянская комиссія закрылась, почти ничего не сдѣлавъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ самыхъ ничтожныхъ подачекъ на чай частнымъ землевладѣльцамъ, преимущественно происходившимъ изъ прожившихся русскихъ дворянъ.

Говоря о русскомъ дворянствѣ, я считаю своимъ долгомъ еще разъ сказать, что я самъ потомственный дворянинъ и въ числѣ моихъ предковъ имѣются лица, исторически извѣстныя, какъ знатные столбовые дворяне, и я знаю, что и между дворянами есть много весьма благородныхъ неэгоистичныхъ людей, проявляющихъ именно тотъ духъ, который долженъ быть свойственъ каждому истинному дворянину, — именно: забота о слабыхъ и о народѣ.

Всѣ великія реформы Императора Александра II были сдѣланы кучкою дворянъ, хотя и вопреки большинству дворянъ того времени, такъ и въ настоящее время имѣется большое число дворянъ, которые не отдѣляютъ своего блага отъ блага народнаго и которые своими дѣйствіями изыскиваютъ средства для достиженія обще-народнаго блага вопреки своимъ интересамъ, а иногда съ опасностью не только для своихъ интересовъ, но и для своей жизни. Къ сожалѣнію, такіе дворяне составляютъ меньшинство, большинство же дворянъ въ смыслѣ государственномъ представляетъ кучку дегенератовъ, которые кромѣ своихъ личныхъ интересовъ и удовлетворенія своихъ похотей — ничего не признаютъ, а потому и направляютъ всѣ свои усилія относительно полученія тѣхъ или другихъ милостей насчетъ народныхъ денегъ, взыскиваемыхъ съ обѣднѣвшаго русскаго народа для государственнаго блага, а не для личныхъ интересовъ этихъ дворянъ-дегенератовъ.

Въ 1898 году разсматривался въ комитетѣ министровъ отчетъ государственнаго контроля за 1896 годъ. На отчетѣ государственнаго контроля на томъ мѣстѣ сего отчета, гдѣ государственный контролеръ выразилъ мнѣніе, что «платежныя силы сельскаго населенія находятся въ чрезмѣрномъ напряженіи», Его Императорскому Величеству благоугодно было отмѣтить: «Мнѣ то же кажется».

Это дало мнѣ поводъ снова возбудить въ комитетѣ министровъ вопросъ о необходимости заняться крестьянскимъ дѣломъ и довершить то, что было совершено Императоромъ Александромъ II въ 60-хъ годахъ, но не было докончено. А потому я и предлагалъ назначить для этого особую комиссію съ исключительными полномочіями, которая могла бы заняться крестьянскимъ вопросомъ, памятуя, что этимъ путемъ былъ разрѣшенъ крестьянскій вопросъ и въ 60-хъ годахъ.

Комитетъ министровъ въ засѣданіяхъ 28-го апрѣля и 5-го мая разсматривалъ отчетъ государственнаго контролера въ связи со всѣми заключеніями по этому предмету министровъ, и, главнымъ образомъ, за-

нялся вопросомъ, косвенно возбужденнымъ государственнымъ контролеромъ о крестьянахъ и моимъ по этому предмету предположеніемъ объ образованіи комиссіи.

Послѣ долгихъ споровъ мое мнѣніе всетаки одолѣло и комитетъ министровъ рѣшилъ, что «для разсмотрѣнія вопросовъ о дополненіи и развитіи законодательства о сельскомъ состояніи, образовать особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ лица, избраннаго Высочайшимъ Его Императорскаго Величества довѣріемъ, изъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, финансовъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и другихъ лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности по особому назначенію Его Величества».

Затѣмъ слѣдовало два пункта касательно организаціи работъ этой комиссіи и, наконецъ, 4-ый пунктъ говорилъ о томъ, что «этому особому совѣщанію предоставляется свои заключенія вносить на непосредственное благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества».

Государь Императоръ не утвердилъ этого рѣшенія комитета министровъ, но и не отклонилъ его, а Высочайше повелѣлъ: «оставить нынѣ журналъ комитета безъ движенія и испросить предсѣдателю комитета министровъ Высочайшихъ указаній относительно дальнѣйшаго направленія этого дѣла осенью настоящаго года».

Очевидно, что Его Императорское Величество опять подвергся воздѣйствію двухъ направленій: съ одной стороны — моего и большинства членовъ комитета министровъ, мнѣ сочувствующихъ, объ образованіи такого совѣщанія, а съ другой стороны — вліянію предсѣдателя комитета министровъ, которымъ въ это время былъ Иванъ Николаевичъ Дурново, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ и бывшій предсѣдатель дворянской комиссіи, которая являлась гласомъ тѣхъ силъ, которыя нынѣ совокупились и составили, такъ называемыя, совѣщанія «объединеннаго дворянства» подъ предсѣдательствомъ графа Бобринскаго; дворяне эти всегда смотрѣли на крестьянъ, какъ на нѣчто такое, что составляетъ среднее между человѣкомъ и воломъ. Это именно и есть тотъ взглядъ, котораго держалось исторически, испоконъ вѣковъ польское дворянство; оно смотрѣло всегда на своихъ крестьянъ, какъ на быдло, и мнѣ представляется, что та участь, которой подверглось Царство Польское, расхваченное сосѣдними государствами, что въ этой участи во многомъ было виновато отношеніе польскаго дворянства къ народу.

Такимъ образомъ опять рѣшеніе вопроса объ образованіи крестьянской комиссіи было заторможено, но окончательно не уничтожено. Весь вопросъ заключался въ томъ, какъ отнесется Государь Императоръ къ образованію крестьянской комиссіи осенью, послѣ возвращенія своего изъ Крыма.

Въ виду такого положенія дѣлъ, я счелъ необходимымъ написать Государю Императору въ Крымъ собственноручное письмо по этому предмету. — Собственноручная копія этого письма хранится у меня въ архивѣ съ массою документовъ, касающихся крестьянскаго дѣла. Я ее считаю необходимымъ помѣстить въ настоящихъ моихъ стенографическихъ воспоминаніяхъ. Письмо это помѣчено октябремъ 1898 года.

Вотъ его дословное содержаніе:

«ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

«Простите, что я дерзаю безпокоить ВАШЪ досугъ настоящимъ всеподданнѣйшимъ письмомъ. Мое извиненіе заключается въ томъ, что то, что я здѣсь излагаю, составляетъ мой долгъ, какъ вѣрноподданнаго министра ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и какъ сына своего отечества, и что можетъ статься, я не буду имѣть счастливаго случая доложить тоже словесно.

«ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было рѣшить вопросъ о назначеніи крестьянскаго совѣщанія съ цѣлью приведенія въ благоустройство быта сельскаго населенія. Это послѣдовало безъ треній. Во всякомъ случаѣ сдѣланъ первый шагъ, но и только. Всякое дѣло зависитъ отъ людей, отъ полета ихъ мыслей и вдохновенія. Разсматриваемое дѣло можетъ дать богатѣйшіе плоды или погибнуть въ зависимости отъ того, кто будутъ тѣ лица, коимъ оно будетъ поручено и какъ они будутъ направлены.

«Но въ чемъ заключается самое дѣло? Въ моей оффиціальной запискѣ по этому предмету, по которой послѣдовало положеніе комитета министровъ, я его, конечно, не могъ представить во всей наготѣ. Дѣло это заключается въ томъ: мощь Россіи должна ли продолжать развиваться съ тою же силою, съ какою она развивалась съ освобожденія крестьянъ, или же ростъ этотъ долженъ ослабѣть, а, можетъ быть, и идти назадъ?

«Крымская война открыла глаза наиболѣе зрячимъ; они сознали, что Россія не можетъ быть сильна при режимѣ, покоящемся на рабствѣ. ВАШЪ великій ДѢДЪ Самодержавнымъ мечемъ разрубилъ гордіевъ

узелъ. ОНЪ выкупилъ душу и тѣло СВОЕГО народа у ихъ владѣльцевъ. Этотъ безпримѣрный актъ создалъ такого колосса, который нынѣ находится въ ВАШИХЪ САМОДЕРЖАВНЫХЪ рукахъ. Россія преобразилась, она удесятерила свои силы, свой умъ и свои познанія. И это несмотря на то, что послѣ освобожденія увлеклись либерализмомъ, колебавшимъ Самодержавную власть и приведшимъ къ такимъ сектамъ, которыя грозили подточить основу бытія Россійской Имперіи: САМОДЕРЖАВІЕ. Мощь ВАШЕГО САМОДЕРЖАВНАГО РОДИТЕЛЯ поставила опять Россію на рельсы. Теперь нужно двигаться. Нужно окончить то, что началъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II и не могъ докончить, и что теперь возможно довершить послѣ того, какъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III навелъ Россію на едино-вѣрный путь управленія САМОДЕРЖАВНОЮ властью. Не освобожденіе крестьянъ, создавшее великую Россію, привело къ кризису 80-хъ годовъ. Кризисъ этотъ произошелъ отъ растлѣнія умовъ печатнымъ словомъ, отъ дезорганизаціи школы, отъ либеральныхъ общественныхъ управленій и, наконецъ, отъ подрыва авторитета органовъ дѣйствія САМОДЕРЖАВНОЙ власти: ВАШИХЪ министровъ и чиновниковъ, которое и до сего времени производится умышленно и неумышленно, неблагонамѣренными и наиблагонамѣренными людьми. Кто только не хлещетъ бюрократію и чиновничество? Сказанныя причины, приведшія къ кризису, не только не способствовали развитію крестьянскаго дѣла, а, напротивъ, остановили его. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II выкупилъ душу и тѣло крестьянъ, ОНЪ сдѣлалъ ихъ свободными отъ помѣщичьей власти, но не сдѣлалъ ихъ свободными сынами отечества, не устроилъ ихъ быта на началахъ прочной закономѣрности. ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III, поглощенный возстановленіемъ нашего международнаго положенія, укрѣпленіемъ боевыхъ силъ, не успѣлъ довершить дѣло СВОЕГО АВГУСТѢЙШАГО ОТЦА. Эта задача осталась въ наслѣдство ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Она выполнима и ее нужно выполнить. Иначе Россія не можетъ возвеличиться такъ, какъ она возвеличивалась. Для этого нужно ясное сознаніе необходимости совершить подвигъ — твердая рѣшимость его совершить и вѣра въ помощь Божію.

«ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО имѣете 130 милл. подданныхъ. Изъ нихъ едва ли много болѣе половины живутъ, а остальные прозябаютъ. Нашъ бюджетъ до освобожденія крестьянъ былъ 350 м. рублей, освобожденіе дало возможность довести его до 1400 м. р. Но ужъ теперь тяжесть обложенія даетъ себя чувствовать. Между тѣмъ бюджетъ Франціи при 38 м. жителей составляетъ 1260 м. р.; бюджетъ Австріи при народонаселеніи въ 43 м. составляетъ 1100 м. р. Если бы благосостояніе нашихъ

плательщиковъ было равносильно благосостоянію плательщиковъ Франціи, то нашъ бюджетъ могъ бы достигнуть 4200 м. р. вмѣсто 1400 м. р., а сравнительно съ Австріей могъ бы достигнуть 3300 вмѣсто 1400 м. р. Почему же у насъ такая налогоспособность? Главнымъ образомъ отъ неустройства крестьянъ.

«Каждый человѣкъ по природѣ своей ищетъ лучшаго. Это отличаетъ человѣка отъ животнаго. На этомъ качествѣ человѣка основывается развитіе благосостоянія и благоустройства общества и государства. Но для того, чтобы въ человѣкѣ развился сказанный импульсъ, необходимо поставить его въ соотвѣтствующую обстановку. У раба этотъ инстинктъ гаснетъ. Рабъ, сознавая, что улучшеніе его и бытія его ближнихъ неосуществимо, каменѣетъ. Свобода воскрешаетъ въ немъ человѣка. Но не достаточно освободить его отъ рабовладѣтеля, — необходимо еще освободить его отъ рабства произвола, дать ему законность, а слѣдовательно и сознаніе законности и просвѣтить его. Необходимо, по выраженію К. П. Побѣдоносцева, сдѣлать изъ него «персону», ибо онъ теперь «полуперсона». Все сіе не сдѣлано, или почти не сдѣлано. Крестьянинъ находится въ рабствѣ произвола. Законъ не очертилъ точно его права и обязанности. Его благосостояніе зависитъ не только отъ усмотрѣнія высшихъ представителей мѣстной власти, но иногда отъ людей самой сомнительной нравственности. Имъ начальствуютъ и онъ видитъ начальство и въ земскомъ, и въ исправникѣ, и въ становомъ, и въ урядникѣ, и въ фельдшерѣ, и въ старшинѣ, и въ волостномъ писарѣ, и въ учителѣ, и, наконецъ, въ каждомъ «баринѣ». Онъ находится въ положительномъ рабствѣ у схода, у его горлановъ. Не только его благосостояніе зависитъ отъ усмотрѣнія этихъ людей, но отъ нихъ зависитъ его личность. Существуетъ сомнѣніе слѣдуетъ ли оградить крестьянъ отъ розогъ, или нѣтъ? Можно различно разрѣшать этотъ вопросъ. Я думаю, что розги, какъ нормальное средство, оскорбляютъ Бога въ человѣкѣ. Когда ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II отмѣнилъ розги въ арміи, то вѣдь находились же лже-пророки, увѣрявшіе, что наша армія падетъ. Но кто осмѣлится утверждать, что духъ и дисциплина ВАШИХЪ воиновъ отъ сего умалилась? Но если еще розги необходимы, то они должны даваться закономѣрно. Крестьянъ же сѣкутъ по усмотрѣнію, и кого же? Напримѣръ, по рѣшенію волостныхъ судовъ — темныхъ коллегій, иногда руководимыхъ отребьемъ крестьянства. Любопытно, что если губернаторъ высѣчетъ крестьянина (чего я не одобряю), то его судитъ Сенатъ, а если крестьянина выдерутъ по каверзѣ волостного суда, то это такъ и быть надлежитъ. Крестьянинъ рабъ своихъ односельчанъ и сельскаго управленія.

«Крестьянина надѣлили землею. Но крестьянинъ не владѣетъ этой землею на совершенно опредѣленномъ правѣ, точно ограниченномъ закономъ. При общинномъ землевладѣніи крестьянинъ не можетъ даже знать, какая земля его. Теперь живетъ второе поколѣніе послѣ освобожденія. Права наслѣдства были предоставлены господству смутнаго обычая, а посему теперешніе крестьяне пользуются землею не по законно опредѣленному праву, а по обычаю, а иногда и усмотрѣнію. Законъ почти совсѣмъ не касается семейныхъ правъ крестьянъ.

«ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II даровалъ Россіи правосудіе гражданское и уголовное. Какъ бы не критиковали эту реформу, не затемнятъ ея величія. Эта реформа охраняетъ права и обязанности вѣрноподданныхъ своихъ МОНАРХОВЪ путемъ закона, а не усмотрѣнія. Но реформа эта не коснулась крестьянскихъ отношеній по сельскому быту. Крестьянскія гражданскія и уголовныя дѣла и дѣянія разрѣшаются крестьянскими судами не по общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ установленнымъ законамъ, а по особымъ, часто по обычаю — проще говоря, по произволу и усмотрѣнію. Податное дѣло не въ лучшемъ положеніи. Прямые налоги часто взыскиваются не по законно-освященнымъ для каждаго лица отдѣльнымъ нормамъ, а скопомъ, по усмотрѣнію. Губернаторъ съ полиціей можетъ взыскать и двойной окладъ, можетъ и ничего не взыскать. Круговая порука, созданная параллельно общинному землевладѣнію и съ нею связанная, дѣлаетъ крестьянина отвѣтственнымъ не за себя, а за всѣхъ, а потому иногда приводитъ къ полной безотвѣтственности. Земство устанавливаетъ сборы безъ всякаго вліянія правительства. Оно можетъ обложить землепашца свыше его силъ, и къ сему нѣтъ тормаза. Такого права не дано земствамъ въ наилибиральнѣйшихъ странахъ. Что касается мірскихъ сборовъ, собираемыхъ съ крестьянъ, которые въ послѣдніе годы неимовѣрно растутъ, то тутъ полнѣйшій произволъ. Эти налоги совсѣмъ ушли не только отъ государственной власти, но даже отъ государственнаго свѣдѣнія. А просвѣщеніе? О томъ, что оно находится въ зачаткѣ, это всѣмъ извѣстно, какъ и то, что мы въ этомъ отношеніи отстали не только отъ европейскихъ, но и отъ многихъ азіатскихъ и заатлантическихъ странъ. Впрочемъ, можно думать, что это случилось не безъ благости Божіей. Просвѣщеніе просвѣщенію рознь. Какое бы получилъ народъ просвѣщеніе въ пережитую нами эпоху общественныхъ увлеченій и шатаній съ 60-хъ годовъ вплоть до вступленія на престолъ АЛЕКСАНДРА III? Можетъ быть, просвѣщеніе привело бы народъ къ растлѣнію. Тѣмъ не менѣе, просвѣщеніе нужно двинуть — и нужно двинуть энергично. Отъ того, что дитя можетъ упасть и повредить себя, нельзя не дозволять и не

учить его ходить. Нужно только, чтобы просвѣщеніе было всецѣло въ рукахъ правительства. Нашъ народъ съ православной душой невѣжественъ и теменъ. А темный народъ не можетъ совершенствоваться. Не идя впередъ, онъ по тому самому будетъ идти назадъ, сравнительно съ народами, двигающимися впередъ.

Вотъ нѣкоторыя черты положенія крестьянскаго дѣла. Крестьянство освобождено отъ рабовладѣтелей, но находится въ рабствѣ произвола, беззаконности и невѣжества. Въ такомъ положеніи оно теряетъ стимулъ закономѣрно добиваться улучшенія своего благосостоянія. У нихъ парализуется жизненный нервъ прогресса. Оно обезкураживается, дѣлается апатичнымъ, бездѣятельнымъ, что порождаетъ всякіе пороки. Поэтому нельзя помочь горю одинокими, хотя и крупными мѣрами матеріальнаго характера. Нужно прежде всего поднять духъ крестьянства, сдѣлать изъ нихъ дѣйствительно свободныхъ и вѣрноподданныхъ сыновъ ВАШИХЪ. Государство, при настоящемъ положеніи крестьянства, не можетъ мощно идти впередъ, не можетъ въ будущемъ имѣть то міровое значеніе, которое ему предуказано природою вещей, а можетъ быть и судьбою. Отъ сказаннаго неустройства проистекаютъ всѣ тѣ явленія, которыя какъ надоѣдливыя болячки постоянно даютъ себя чувствовать. То вдругъ является голодъ. Къ нему приковывается все вниманіе. Всѣ шумятъ. Тратятъ громадныя деньги на голодающихъ, которыя собираютъ отъ будущихъ или прошедшихъ голодающихъ и воображаютъ, что дѣлаютъ дѣло. Эти современные голодающіе только вяще пріучаются быть голодающими въ будущемъ. То подымается вопросъ о земельномъ кризисѣ. Странный кризисъ, когда всюду цѣна на землю растетъ. Разжигаются аппетиты. Подымается вопросъ о доблестяхъ отдѣльныхъ сословій и даже о поддержкѣ ими Престола. Какъ будто САМОДЕРЖАВНЫЙ ПРЕСТОЛЪ до днесь держался на чемъ либо иномъ, какъ не на всемъ русскомъ народѣ; на семъ незыблемомъ базисѣ онъ и будетъ вѣчно покоиться. БОЖЕ сохрани РОССІЮ отъ престола, опирающагося не на весь народъ, а на отдѣльныя сословія... А собственно говоря, ядро вопроса совсѣмъ не въ земельномъ кризисѣ, а тѣмъ паче не въ кризисѣ частнаго землепользованія, а въ крестьянскомъ неустройствѣ, въ крестьянскомъ оскудѣніи. Тамъ, гдѣ овцамъ плохо, плохо и овцеводамъ. То подымается вопросъ о переселеніи и разселеніи; затѣмъ пугаются этого вопроса и ставятъ запруды. Дѣйствительно, процессъ происходитъ безпорядочно при безпорядочности крестьянскаго быта. Призваніе и развитіе Россіи требуютъ все новыхъ и новыхъ расходовъ; расходы эти по народонаселенію малы, но они непосильны не по ея бѣдности, а по неустройству. Поэтому одновременно требуютъ отъ

министра финансовъ денегъ и нападаютъ на него за то, что онъ заботится объ увеличеніи доходовъ для удовлетворенія настойчивыхъ требованій. Наконецъ, крестьянское неустройство какая радость для всѣхъ явныхъ и скрытыхъ враговъ САМОДЕРЖАВІЯ; здѣсь благодатное поле для ихъ дѣйствія. Наши журналы, газеты, подпольные листки, злонамѣренно и благодушно смакуютъ эту тему.

«Однимъ словомъ, ГОСУДАРЬ, крестьянскій вопросъ, по моему глубочайшему убѣжденію, является нынѣ первостепеннымъ вопросомъ жизни России. Его необходимо упорядочить.

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО по положенію комитета министровъ рѣшили образовать для упорядоченія крестьянскаго дѣла совѣщаніе и подготовительную комиссію. Совѣщаніе должно состоять изъ высшихъ сановниковъ и представлять ближайшій органъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА для направленія и рѣшенія дѣлъ. По моему мнѣнію, для успѣха, оно не должно быть многочисленно. Комиссія, предсѣдательствуемая членомъ Совѣщанія, управляющимъ ея дѣлами, должна взять на себя всю предварительную и проектную работу. Она должна состоять изъ высшихъ представителей подлежащихъ вѣдомствъ и мѣстныхъ дѣятелей. Но всякое дѣло зависитъ отъ людей. Необходимо, чтобы крестьянское дѣло было поручено людямъ просвѣщеннымъ (а ихъ такъ мало), людямъ не близорукимъ, людямъ помнящимъ и знающимъ эпоху освобожденія. Такъ какъ министры внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, земледѣлія, финансовъ, а можетъ быть и просвѣщенія неизбѣжно должны быть членами совѣщанія, то за симъ не придется выбирать много членовъ. Какъ я уже дерзалъ вѣрноподданнически докладывать ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, остальные члены могли бы быть выбраны изъ слѣдующихъ просвѣщенныхъ и умудренныхъ государственнымъ опытомъ сановниковъ: статсъ-секретари Сольскій, Побѣдоносцевъ, Кахановъ, Фришъ, члены Государственнаго Совѣта: Тернеръ, Дервизъ, Голубевъ, Семеновъ. Главный трудъ упадетъ на члена совѣщанія, предсѣдателя комиссіи. По моему убѣжденію, этому назначенію вполнѣ отвѣчаетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ князь Оболенскій. Онъ молодъ, трудолюбивъ, уменъ и въ качествѣ предводителя занимался крестьянствомъ болѣе 10 лѣтъ. Совѣщаніе будетъ его руководить. Что касается предсѣдательствованія въ совѣщаніи, то таковое могло бы быть возложено на старѣйшаго. Наиболѣе соотвѣтствовалъ бы этому назначенію Д. М. Сольскій, какъ близкій сотрудникъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, какъ замѣститель предсѣдателя Государственнаго Совѣта и какъ человѣкъ, при выдающихся способностяхъ, крайне уравновѣшенный и безстрастный.

«Но, конечно, такое первостепенной государственной важности дѣло, если оно даже будетъ поручено людямъ просвѣщеннымъ, не можетъ имѣть успѣха, если эти лица не будутъ одушевлены твердымъ желаніемъ ОТЦА русскаго народа сдѣлать изъ крестьянина дѣйствительно свободнаго человѣка. Этотъ крестъ тяжелъ. Его безстрашно поднялъ ВАШЪ АВГУСТѢЙШІЙ ДѢДЪ, но ЕМУ не суждено было донести его до конечной цѣли. ВАШЪ АВГУСТѢЙШІЙ РОДИТЕЛЬ устранилъ встрѣтившіяся препятствія, отъ ВАСЪ нынѣ, ГОСУДАРЬ, зависитъ сдѣлать БОГОМЪ ВАМЪ врученный народъ счастливымъ и тѣмъ открыть новые пути къ возвеличенію ВАШЕЙ Имперіи.

«Преклоненно прошу, ГОСУДАРЬ, простить мнѣ, что я позволилъ себѣ съ полною откровенностью высказать то, что у меня наболѣло на душѣ. Но, если ВАШИ министры будутъ бояться, по долгу совѣсти, докладывать то, что они думаютъ, то кто же ВАМЪ объ этомъ будетъ говорить.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданнѣйшій слуга

Сергѣй Витте.

Петербургъ, октябрь 1898 г.»

Какое произвело это письмо впечатлѣніе на Государя, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ Государь затѣмъ со мною по этому предмету не говорилъ.

Но возвратясь осенью въ Петербургъ, Его Величество, повидимому, никакого рѣшенія не далъ и предсѣдатель комитета министровъ вмѣстѣ со своими единомышленниками: злополучнымъ Вячеславомъ Константиновичемъ Плеве и г. Стишинскимъ. — могли торжествовать. Все дѣло осталось лежащимъ подъ спудомъ.

Такимъ образомъ, крестьянское дѣло не двигалось. Нѣсколько разъ въ Государственномъ Совѣтѣ я возбуждалъ вопросъ, или вѣрнѣе говоря, щупалъ почву: какъ отнесся бы Государственный Совѣтъ, если бы я, въ качествѣ министра финансовъ, поднялъ вопросъ о сложеніи выкупныхъ платежей, — и замѣтилъ явное нерасположеніе къ такой мѣрѣ.

Съ одной стороны, высказывали мнѣніе, что лишеніе казны такого большого дохода вынудитъ установить другого рода подати, которыя пожалуй, будутъ болѣе обременительны, нежели выкупные платежи и,

слѣдовательно, являлась боязнь: какъ бы эти новые налоги не легли своею тяжестью не только на крестьянство, но и на высшіе классы населенія; а нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта, которые, — какъ это нынѣ происходитъ и въ Государственной Думѣ, — для театральности бьютъ себя въ грудь, когда говорятъ о бѣдномъ крестьянствѣ, высказались глазъ на глазъ въ томъ смыслѣ, что это будетъ баловство для крестьянъ, для чего ихъ баловать? Въ результатѣ будетъ только то что такими мѣрами крестьянство будетъ совершенно распущено. И безъ того, — говорили они, — и теперь намъ жить въ деревняхъ нельзя — такъ крестьяне распущены и самовольствуютъ.

* Круговая порука за внесеніе прямыхъ налоговъ при освобожденіи крестьянъ была введена съ цѣлями фискальными опять въ силу начала, что легче управлять стадами, нежели отдѣльными единицами населенія. Въ сущности это есть отвѣтственность исправныхъ за неисправныхъ, работающихъ за лѣнтяевъ, трезвыхъ за пьяныхъ, однимъ словомъ, величайшая несправедливость, деморализація населенія и уничтоженіе въ корнѣ понятія о правѣ и гражданской отвѣтственности. Такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ всегда защищало это начало, ссылаясь на министерство финансовъ, то я заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что министерству финансовъ этого порядка не нужно, и представилъ проектъ взысканія съ крестьянъ податей съ уничтоженіемъ круговой поруки и передачей этого дѣла изъ рукъ полиціи въ руки органовъ министерства финансовъ — податныхъ инспекторовъ. Конечно, я встрѣтилъ большія возраженія.

Такъ какъ по существу возражать было трудно, то Горемыкинъ настаивалъ, чтобы дѣло взысканія передать не податнымъ инспекторамъ, а земскимъ начальникамъ и слѣдовательно полиціи т.-е. сохранить, такъ называемое «выбиваніе податей» и полицейскій произволъ. Большинство Государственнаго Совѣта поддерживало мой проектъ, хотя и сдѣлало въ немъ нѣкоторыя измѣненія, ослабляющія закономѣрность взысканія и индивидуальность отвѣтственности. Горемыкинъ остался при своемъ мнѣніи и жаловался Государю, что я хочу умалить значеніе земскихъ начальниковъ въ глазахъ крестьянъ. Его Величество поддался на жалобу Горемыкина. Ко мнѣ пріѣхалъ отъ Горемыкина его товарищъ князь Оболенскій, чтобы меня уговорить уступить.

Тогда я написалъ Его Величеству, что если будетъ отвергнутъ проектъ, поддержанный большинствомъ Государственнаго Совѣта, то я ходатайствую освободить меня отъ поста министра финансовъ. Въ это

дѣло вмѣшался графъ Сольскій, предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта, весьма почтенный человѣкъ, но типичный «примиритель», человѣкъ полумѣръ.

Въ концѣ концовъ круговая порука была отмѣнена, новый законъ о взысканіи податей, передававшій въ значительной части дѣло въ руки податныхъ инспекторовъ, прошелъ, но въ него были внесены нѣкоторые компромиссы, внесшіе специфическія черты отношенія къ крестьянамъ, какъ къ лицамъ, которыхъ нужно третировать особымъ порядкомъ.

Законъ о паспортахъ, связывающій крестьянство по рукамъ и ногамъ, также держался потому, что министерство внутреннихъ дѣлъ заявляло о необходимости для финансовъ паспортнаго налога. Я заявилъ въ Государственномъ Совѣтѣ, что министерство финансовъ отъ этого налога отказывается, и внесъ новый паспортный уставъ, значительно расширяющій свободу крестьянства. Хотя новый уставъ прошелъ, но по настоянію министерства внутреннихъ дѣлъ въ него всетаки внесены многія стѣсненія; стѣсненія эти вытекали изъ еврейскаго вопроса (черта осѣдлости) и необходимости гарантіи исправности мѣстныхъ крестьянскихъ сборовъ.

Государственный Совѣтъ тогда же поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ озаботиться регулированіемъ этихъ (мирскихъ) сборовъ. Но сколько я объ этомъ не напоминалъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ, такъ и до сего времени ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Когда я былъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, министръ внутреннихъ дѣлъ выработалъ новый паспортный уставъ, значительно облегчавшій крестьянъ, но его затормозили*.

Лишь послѣ того, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ такой благородный и честный человѣкъ, какъ Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ, въ 1902 году, мнѣ, при его содѣйствіи и по его инціативѣ, удалось снова поднять вопросъ объ образованіи крестьянской комиссіи.

Всѣ объясненія по этому предмету съ Его Величествомъ велъ Д. С. Сипягинъ. Онъ убѣдилъ Государя назначить такую комиссію и, когда Его Величеству угодно было спросить: «Кого же назначить предсѣдателемъ комиссіи?» — то Сипягинъ доложилъ Государю, что, по его мнѣнію, единственный человѣкъ, который можетъ справиться съ этимъ дѣломъ, это — министръ финансовъ Витте.

Тогда Его Величество пригласилъ меня къ себѣ и высказалъ свое рѣшеніе образовать комиссію съ тѣмъ, чтобы она разсмотрѣла крестьян-

скій вопросъ и разрѣшила его въ духѣ тѣхъ началъ, которыя были положены и въ нѣкоторой степени осуществлены въ царствованіе Александра II. При этомъ Государь сказалъ мнѣ, что Онъ желаетъ, чтобы я взялъ на себя предсѣдательствованіе въ этой комиссіи.

Я, конечно, былъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ; лично мнѣ оно ничего не давало, кромѣ лишняго новаго труда и новыхъ заботъ, но все крестьянское дѣло всегда было близко моему сердцу и не изъ какихъ нибудь сентиментальныхъ причинъ, а исключительно, потому что я смотрю, — и всегда смотрѣлъ, — на Россію, какъ на государство наиболѣе демократическое изъ всѣхъ государствъ Западной Европы, но демократичное въ особомъ смыслѣ этого слова, — было бы правильнѣе сказать: какъ государство «мужицкое», ибо вся соль русской земли, вся будущность русской земли, вся исторія настоящая и будущая Россіи связана, если не исключительно, то главнымъ образомъ, съ интересами, бытомъ и культурою крестьянства. И если, несмотря на то ужасное время, которое мы нынѣ переживаемъ, я все-таки убѣжденъ въ томъ, что Россія имѣетъ громадную будущность, что Россія изъ всѣхъ тѣхъ несчастій, которыя ее постигли и которыя, вѣроятно, будутъ, къ несчастію, еще слѣдовать, выйдетъ изъ всѣхъ этихъ несчастій перерожденной и великой, — то я убѣжденъ въ томъ, именно потому, что я вѣрю въ русское крестьянство, вѣрю въ его міровое значеніе въ судьбахъ нашей планеты.

Комиссія, имѣвшая въ виду разсмотрѣть крестьянское дѣло, была названа «особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». Такимъ образомъ, она была обобщена; предполагалось разсмотрѣть все, касающееся потребностей сельско-хозяйственной промышленности, а главная потребность ея заключалась, конечно, въ устройствѣ быта нашего главнаго земледѣльца, — именно крестьянина.

Совѣщаніе это было составлено изъ лицъ въ консерватизмѣ коихъ, казалось бы, не могло быть никакого сомнѣнія; въ совѣщаніе входили: графъ Воронцовъ-Дашковъ, нынѣшній намѣстникъ Кавказа, генералъ-адъютантъ Чихачевъ, который въ то время былъ предсѣдателемъ департамента промышленности Государственнаго Совѣта; Герардъ, предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Финляндіи; князь Долгоруковъ — оберъ-гофмаршалъ, графъ Шереметьевъ — егермейстеръ Его Величества и проч. Затѣмъ, въ совѣщаніе входили: министръ внутреннихъ дѣлъ, я —

какъ министръ финансовъ, а потомъ Коковцевъ (послѣ того, какъ я сдѣлался предсѣдателемъ комитета министровъ и министромъ финансовъ былъ назначенъ Коковцевъ) и другія весьма почтенныя лица.

Совѣщаніе это существовало съ 22 января 1902 года по 30 марта 1905 года

* Первый годъ прошелъ въ образованіи губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, въ ихъ работѣ, въ полученіи и классификаціи ихъ трудовъ, въ составленіи сводки и заключеній. Хотя мѣстные комитеты были образованы: губернскіе подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, а уѣздные — предводителей дворянства, и уже этимъ самымъ былъ положенъ нѣкоторый предѣлъ свободѣ сужденій, тѣмъ не менѣе это дало возможность въ первый разъ въ Россіи высказаться болѣе или менѣе откровенно. Какъ впослѣдствіи я замѣтилъ, Государь и министерство внутреннихъ дѣлъ ожидали, что мѣстные комитеты больше всего нападутъ на финансовую и экономическую политику, и ожидали, что я какъ бы самъ себѣ строю ловушку. Къ ихъ удивленію скоро выяснилось, что финансовая и экономическая моя политика не вызываетъ критики и жалобъ, по крайней мѣрѣ, общихъ, хотя въ то время уже при дворѣ дворянская камарилья, требовавшая все большихъ и большихъ подачекъ, работала противъ меня во всю. Общія жалобы послѣдовали на внутреннюю политику вообще, на безправіе, въ которомъ находилось все крестьянство.

Когда сельско-хозяйственное совѣщаніе, вооруженное всѣми матеріалами приступило къ сужденіямъ и рѣшеніямъ по существу, то уже честный Сипягинъ былъ убитъ и его мѣсто занялъ карьеристъ полицейскій Плеве. Онъ принялъ сейчасъ же мѣры репрессій противъ нѣкоторыхъ дѣятелей мѣстныхъ совѣщаній, высказавшихся откровенно, хотя можетъ быть, и не совсѣмъ справедливо и рѣзко. Такъ, напримѣръ, князя Долгорукова, предсѣдателя уѣздной управы Курской губерніи, отрѣшилъ отъ должности, статистика довольно извѣстнаго Щербина сослали изъ Воронежской губерніи, съ болѣе мелкими шишками поступили еще болѣе безцеремонно.

Графъ Левъ Толстой (извѣстный писатель), ходатайствуя объ одномъ крестьянинѣ, подвергнувшемся за свои мнѣнія, высказанныя въ совѣщаніи, аресту и ссылкѣ — не безъ нѣкотораго основанія упрекалъ меня въ провокаціи. (Письмо его хранится въ моемъ архивѣ.)

Затѣмъ Плеве испросилъ разрѣшеніе разработать положеніе о крестьянахъ въ особомъ вѣдомственномъ совѣщаніи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Разрѣшеніе, конечно, послѣдовало. Тогда онъ образовалъ свои губернскія совѣщанія подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, состоящія изъ лицъ, привыкшихъ высказывать то, что угодно начальству. Прямого же высочайшаго повелѣнія, чтобы сельско-хозяйственное совѣщаніе не разсматривало нужды крестьянства, не послѣдовало, а потому я принялъ выжидательное положеніе, будучи увѣренъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ съ Плеве ничего не выработаетъ. Покуда совѣщаніе разсматривало общіе вопросы по части хлѣбной торговли, подъѣздныхъ путей, мелкаго кредита и проч.

Когда былъ убитъ Плеве, чему, конечно, ни одинъ честный человѣкъ сочувствовать не могъ, и вмѣсто него былъ назначенъ князь Святополкъ-Мирскій (честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, но черезъчуръ слабый для поста министра внутреннихъ дѣлъ), то совѣщаніе приступило къ обсужденію крестьянскаго вопроса. Былъ поднятъ вопросъ объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей. Министръ финансовъ Коковцевъ былъ противъ. Государь рѣшилъ отложить до окончанія войны. Затѣмъ началось обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до крестьянства, и стремленія совѣщанія были направлены къ тому, чтобы сдѣлать, наконецъ, изъ крестьянина «персону»*.

Въ этомъ отношеніи вопросы были подвергнуты самому тщательному обсужденію. Конечно, при обсужденіи этихъ вопросовъ приходилось отрицательно высказываться и относительно нѣкоторыхъ мѣръ, которыя были проведены въ царствованіе Императора Александра III и которыя въ корнѣ измѣнили нѣкоторыя черты преобразованій Императора Александра II.

Вообще, совѣщаніе, обсуждая вопросы крестьянскаго быта, исходило не изъ того взгляда, изъ котораго исходила дворянская комиссія, что, молъ, нужно дать всякія блага лишь дворянамъ, а бытъ крестьянъ слѣдуетъ оставить въ такомъ положеніи, въ какомъ онъ находится, такъ какъ положеніе это совершенно удовлетворительно, т. е. совѣщаніе исходило не изъ этого положенія, что для овецъ нужно ничего не дѣлать, и только давать различныя блага пастухамъ, а наоборотъ, изъ того, что необходимо ввести благоустройство въ стадахъ, сдѣлать такъ, чтобы стада были тучныя и здоровыя, тогда и пастухамъ будетъ во всякомъ случаѣ недурно.

По крестьянскому вопросу сельско-хозяйственное совѣщаніе вообще высказалось за желательность установленія личной, индивидуальной собственности и, такимъ образомъ, отдавало предпочтеніе этой формѣ землевладѣнія передъ землевладѣніемъ общиннымъ.

Уже въ такомъ рѣшеніи министерство внутреннихъ дѣлъ и вообще реакціонное дворянство не могло не усмотрѣть значительнаго либерализма, если не революціонизма, такъ какъ въ существованіи общины, т. е. въ стадномъ устройствѣ быта нашего крестьянства, высшая полиція усматривала гарантію порядка.

Но сельско-хозяйственное совѣщаніе, высказываясь за индивидуальную собственность, полагало, что этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ дѣлать понудительно, а слѣдуетъ тѣмъ крестьянамъ, которые пожелаютъ выходить изъ общины, дать право свободнаго выхода. Вообще, оно полагало, что устройство личной, индивидуальной собственности крестьянства должно истекать не изъ принужденія, а изъ такихъ мѣръ, которыя бы постепенно привели крестьянство къ убѣжденію въ значительныхъ преимуществахъ этой формы землевладѣнія передъ землевладѣніемъ общиннымъ.

Но для того, чтобы въ крестьянствѣ ввести частную собственнность, необходимо ранѣе всего дать крестьянамъ твердую гражданственность, т. е. устроить для нихъ такіе гражданскіе законы (если нашъ X томъ свода законовъ къ нимъ не вполнѣ подходитъ), которые бы совершенно опредѣленно, ясно и незыблемо устанавливали ихъ гражданскія права вообще, и особливо права собственности. Слѣдовательно нужно было составить для крестьянъ — постолько, посколько общіе гражданскіе законы, существующіе для насъ, на нихъ не распространяются, — особый гражданскій кодексъ и, если тотъ кодексъ долженъ основываться на обычаяхъ, то необходимо было бы точно кодифицировать эти обычаи.

Наконецъ, для того, чтобы создать личную собственность, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, необходимо крестьянамъ дать такіе суды, которые бы гарантировали точность примѣненія созданныхъ для нихъ законовъ, т. е. ввести этотъ мировой институтъ, который существовалъ ранѣе водворенія у насъ земскихъ начальниковъ, хотя, можетъ быть, ввести его съ нѣкоторыми измѣненіями сравнительно съ тѣмъ, какъ этотъ институтъ былъ основанъ въ 60 годахъ Императоромъ Александромъ II.

* Меня все время поддерживали такія лица, которыхъ никоимъ образомъ въ либерализмѣ заподозрить нельзя: графъ Воронцовъ-Дашковъ (бывшій министръ двора и нынѣ намѣстникъ на Кавказѣ), Герардъ (нынѣшній финляндскій генералъ-губернаторъ), князь Долгорукій (оберъ

гофмаршалъ), статсъ-секретарь Куломзинъ, генералъ-адъютантъ Чихачевъ, П. П. Семеновъ (почтенный могиканинъ изъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ) и проч.

Оппозиція состояла изъ графа Шереметьева (честнаго, но ненормальнаго человѣка, столпа дворцовой дворянской камарильи, нынѣ одного изъ тайныхъ главъ черносотенцевъ), графа Толстого (того же пошиба), князя Щербатова (явнаго главы черносотенцевъ), Хвостова (сенатора). «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости», т. е. Мещерскій-Грингмутъ начали трубить, что совѣщаніе хочетъ нарушить «устои».

Въ совѣщаніи участвовалъ также Горемыкинъ, который шелъ съ нами, а за спиной вмѣстѣ съ величайшимъ карьеристомъ Кривошеинымъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и управляющій дворянскимъ и крестьянскимъ банками) подвели при помощи генерала Трепова (товарища министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина) подъ совѣщаніе мину, внушивъ, что оно не благонадежно.*

Въ работахъ совѣщанія нѣкоторые члены усмотрѣли нарушеніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, которыя, вопреки предначертаніямъ Императора Александра II, были введены въ царствованіе Императора Александра III, а другіе члены, въ томъ числѣ и Горемыкинъ, нашли въ этомъ хорошую почву для высшихъ интригъ и внушили высшимъ сферамъ, что сельско-хозяйственное совѣщаніе желаетъ проводить мѣры чуть ли не революціоннаго характера.

Вслѣдствіе этого 30 марта 1905 года послѣдовалъ указъ о закрытіи совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ то время, когда уже всѣ вопросы, касающіеся крестьянства были въ достаточной степени, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, разработаны, но еще ничего окончательнаго не было сдѣлано, не проредактировано, а, слѣдовательно, и не утверждено Его Величествомъ.

Хотя я былъ предсѣдателемъ сельско-хозяйственнаго совѣщанія и предсѣдателемъ весьма дѣятельнымъ, а также и докладчикомъ у Государя Императора по дѣламъ сельско-хозяйственнаго совѣщанія, — тѣмъ не менѣе, я никакъ не могъ ожидать, чтобы это совѣщаніе могло быть закрыто.

* Еще за два дня до указа Государь соизволилъ утвердить журналъ совѣщанія, въ которомъ содержались предположенія о будущемъ. Конечно, о томъ, что Онъ недоволенъ работою совѣщанія, Онъ мнѣ никогда не говорилъ ни слова, о закрытіи совѣщанія не предупредилъ и затѣмъ, вообще, о совѣщаніи никогда не проронилъ ни слова. Это

Его характеръ. Между тѣмъ, если бы совѣщанію дали окончить работу, то многое, что потомъ произошло, было бы устранено. Крестьянство, вѣроятно, не было бы такъ взбаламучено революціей, какъ оно оказалось. Были бы устранены многія «иллюминаціи» и спасена жизнь многихъ людей*.

Управляющій дѣлами этого совѣщанія былъ Иванъ Павловичъ Шиповъ, который, когда я былъ министромъ финансовъ, занималъ должность директора этой канцеляріи, затѣмъ былъ директоромъ департамента казначейства, а впослѣдствіи, когда я сдѣлался послѣ 17 октября предсѣдателемъ совѣта министровъ — Шиповъ же былъ министромъ финансовъ въ моемъ министерствѣ. Нынѣ онъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта. И. П. Шиповъ всегда былъ такимъ, какой онъ есть и теперь, т. е. человѣкомъ весьма консервативнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и просвѣщеннымъ.

30 марта 1905 года утромъ въ то время, когда я пилъ кофе, мнѣ позвонили въ телефонъ. Я подошелъ къ телефону, оказалось, что въ телефонъ говоритъ со мною И. П. Шиповъ.

Шиповъ мнѣ говоритъ:

— Вы, ваше превосходительство, читали Высочайшій указъ?

Я говорю: — Какой указъ?

Онъ говоритъ:

— Указъ о закрытіи совѣщанія о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ.

Причемъ въ тонѣ Шипова слышался какъ бы упрекъ, что я никого объ этомъ не предупредилъ.

Я на этотъ упрекъ ничего не отвѣтилъ, такъ какъ странно было бы мнѣ сказать: Да я и самъ первый разъ объ этомъ отъ васъ слышу.

Сельско-хозяйственное совѣщаніе разрѣшило нѣкоторые вопросы, касающіеся нуждъ сельскаго хозяйства, вообще провинціальнаго быта. Но вопросы сравнительно второстепенные. Главный же вопросъ былъ разработанъ, но вслѣдствіе закрытія совѣщанія былъ оставленъ безъ разрѣшенія.

Послѣ совѣщанія осталась цѣлая библіотека самыхъ серьезныхъ трудовъ, трудовъ заключающихся въ различныхъ запискахъ весьма компетентныхъ лицъ различныхъ комиссій, которыя выдѣлило изъ себя сельско-хозяйственное совѣщаніе; въ трудахъ провинціальныхъ комиссій, которые были потомъ систематизированы и по которымъ были составлены систематическіе своды.

Весь этотъ матеріалъ представляетъ собою богатыя данныя для всѣхъ изслѣдованій и даже для всякихъ научныхъ изслѣдованій.

Затѣмъ изъ матеріаловъ этого сельско-хозяйственнаго совѣщанія всякій изслѣдователь увидитъ, что въ умахъ всѣхъ дѣятелей провинціи того времени, т.-е. 1903—1904 гг. бродила мысль о необходимости для предотвращенія бѣдствій революціи сдѣлать нѣкоторыя реформы въ духѣ времени. Въ сущности говоря, вотъ эта черта трудовъ комиссіи и послужила истиннымъ основаніемъ къ закрытію сельско-хозяйственнаго совѣщанія, какъ нѣчто грозящее существующему въ то время государственному строю.

* Одновременно[1] съ закрытіемъ совѣщанія о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ указомъ было открыто новое совѣщаніе для разработки крестьянскаго вопроса подъ предсѣдательствомъ Горемыкина большею частью изъ другихъ членовъ одинаковаго съ Горемыкинымъ пошиба, т.-е. или «чего изволите?» или «за Царя, Православіе и Народность», а въ сущности за свое пузо, за свой карманъ и за свою карьеру.

Само собою разумѣется, совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и Горемыкинѣ ничѣмъ не кончились, ими никто и не интересо-

[1] Варіантъ. Одновременно съ закрытіемъ совѣщанія о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, открылось другое совѣщаніе, или вѣрнѣе, комиссія, которой было поручено заняться исключительно крестьянскимъ вопросомъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, бывшій членъ сельско-хозяйственнаго совѣщанія, который вмѣстѣ съ Кривошеинымъ и тогдашнимъ полу-диктаторомъ Треповымъ повели всю интригу противъ сельско-хозяйственнаго совѣщанія, что и привело къ его закрытію.

Комиссія И. Л. Горемыкина сразу пошла подъ другимъ флагомъ; она дала понять, что придерживается твердо существовавшаго тогда строя крестьянства, т. е. строя общиннаго и административно-стаднаго управленія.

Главными дѣятелями этой комиссіи явились: Кривошеинъ, Стишинскій и другія лица, бывшія въ то время поклонниками общины и полицейскаго управленія крестьянства. А потому въ этой комиссіи опять выплыли интересы дворянства, въ томъ смыслѣ, что предполагалось лишь постольку допустить измѣненія въ бытѣ крестьянства, поскольку это вообще представлялось дворянству для ихъ кармана не вреднымъ.

Но такъ какъ во главѣ комиссіи былъ, въ сущности говоря, такой недурной и умный человѣкъ, какъ Иванъ Логгиновичъ Горемыкинъ, но человѣкъ, обладающій крайней неподвижностью, если не сказать лѣностью, обладающій спокойствіемъ, присущимъ всякому бездѣятельному организму, то, конечно, дѣла этой комиссіи подвигаться впередъ не могли.

Наступило 17 октября 1905 года, наступили смуты, такъ называемая революція и о комиссіи Горемыкина всѣ забыли, вопросъ крестьянскій всплылъ въ рѣзкой формѣ, во всемъ объемѣ въ совѣтѣ министровъ, и, по моему представленію, комиссія Горемыкина была закрыта, погребена, не оставивъ по себѣ рѣшительно никакихъ слѣдовъ.

вался. Наше совѣщаніе, закрытое, какъ революціонный клубъ, оставило по себѣ массу разработаннаго матеріала, который и теперь еще долго будетъ служить для различныхъ экономическихъ проектовъ. Это громадный вкладъ въ экономическую литературу.

Затѣмъ, когда черезъ полтора года началась революція, то само правительство по крестьянскому вопросу уже хотѣло пойти дальше того, что проектировало сельско-хозяйственное совѣщаніе. Но уже оказалось мало. Несытое существо можно успокоить, давая пищу во время, но озвѣрѣвшаго отъ голода уже одною порціею пищи не успокоишь. Онъ хочетъ отомстить тѣмъ, которыхъ правильно или неправильно, но считаетъ своими мучителями.

Всѣ революціи происходятъ отъ того, что правительства во время не удовлетворяютъ назрѣвшія народныя потребности. Онѣ происходятъ отъ того, что правительства остаются глухими къ народнымъ нуждамъ.

Правительства могутъ игнорировать средства, которыя предлагаютъ для удовлетворенія этихъ потребностей, но не могутъ безнаказанно не обращать вниманія и издѣваться надъ этими потребностями. Между тѣмъ мы десятки лѣтъ высокопарно все манифестовали «наша главная забота это народныя нужды, всѣ наши помыслы стремятся, чтобы осчастливить крестьянство» и проч. и проч. Все это были и до сего времени представляютъ одни слова.

Послѣ Александра II дворцовое дворянство затнало крестьянство, а теперь крестьянство темное бросается на дворянство, не разбирая правыхъ и виновныхъ. Такъ создано человѣчество. Тѣ, которые «милостью Божіей» неограниченно царствуютъ, не должны допускать такихъ безумій, а коли допускаютъ, то должны затѣмъ признать свои невольныя ошибки.

Нашъ же нынѣшній «Самодержецъ» имѣетъ тотъ недостатокъ, что когда приходится рѣшать, то выставляетъ лозунгъ «я неограниченный и отвѣчаю только передъ Богомъ», а когда приходится нравственно отвѣчать передъ живущими людьми впредь до отвѣта передъ Богомъ, то всѣ виноваты кромѣ Его Величества — тотъ Его подвелъ, тотъ обманулъ и проч. Одно изъ двухъ: неограниченный монархъ самъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія, Его слуги отвѣтственны лишь за неисполненіе Его приказаній и то лишь тогда, если они не докажутъ, что съ своей стороны сдѣлали все отъ нихъ зависящее для точнаго исполненія даннаго приказа; а если хочешь, чтобы отвѣчали совѣтчики, то долженъ ограничиться ихъ совѣтами и мнѣніями. Я говорю о совѣтчикахъ оффиціальныхъ, единоличныхъ и коллегіальныхъ. *

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

НАКАНУНѢ 17 ОКТЯБРЯ

*ЕЩЕ когда я пріѣхалъ изъ Америки въ Парижъ, мнѣ Л. Н. Нарышкина, вдова Эммануила Дмитріевича и сестра извѣстнаго Бориса Николаевича Чичерина съ особою радостью передала, что послѣдовалъ указъ объ автономіи университетовъ, что ректоромъ московскаго университета избранъ князь Трубецкой, что вслѣдствіе сего всѣ высшія учебныя заведенія открылись, студенты начали заниматься и что потому можно ожидать водворенія спокойствія.

Высшія учебныя заведенія «забастовали» и въ послѣднее полугодіе были закрыты. Я отнесся скептически къ такимъ надеждамъ. Мнѣ было ясно, что съ одной стороны автономія высшихъ учебныхъ заведеній не могла быть дана правительствомъ, въ сущности говоря Треповымъ, безъ принудительныхъ къ тому полицейско-административныхъ причинъ, такъ какъ смыслъ существа автономіи высшихъ учебныхъ заведеній, какъ мѣры просвѣщенія, не могъ быть доступенъ ни Трепову, ни тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Глазову. Съ другой стороны, дарованіе автономіи указомъ безъ переработки уставовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній должно было вызвать цѣлый рядъ недоразумѣній.

До моего отъѣзда въ Америку въ комитетѣ министровъ обсуждался вопросъ о положеніи сказанныхъ заведеній и тогда я настаивалъ на необходимости органической переработки уставовъ и въ этомъ видѣлъ возможность успокоенія профессуры и студентовъ и наслышался по этому поводу отъ Трепова и Глазова самыхъ невѣжественныхъ мнѣній. Вообще большинство членовъ высшихъ государственныхъ учрежденій были или военные или кончившіе курсъ въ привиллегированныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Царскосельскій лицей и училище Правовѣдѣнія), мало были знакомы съ университетской жизнью, а потому

даже просвѣщенные члены высказывали по вопросу объ организаціи университетовъ мало-компетентныя мнѣнія, ну а о большинствѣ военныхъ и говорить нечего. Я зналъ, что ничего до моего выѣзда въ смыслѣ разработки уставовъ сдѣлано не было, значитъ, принятая мѣра была не органическая, а вытекала изъ соображеній полицейско-административныхъ, а такъ какъ выходила изъ рукъ, не имѣющихъ понятія объ университетской жизни, то навѣрное и не предвидѣла всѣхъ послѣдствій дарованной неопредѣленной автономіи .

Дѣйствительно оказалось, что мѣра эта послѣдовала по иниціативѣ Трепова и обсуждалась въ совѣщаніи, въ которомъ онъ доминировалъ, и въ которомъ участвовали генералъ Глазовъ, министръ финансовъ Коковцевъ (лицеистъ) и министръ земледѣлія Шванебахъ (правовѣдъ). Когда же я прочелъ указъ, то увидѣлъ всю его неопредѣленность и оторванность отъ дѣйствительнаго положенія вещей, созданнаго въ послѣдніе 15—20 лѣтъ со времени изданія новаго университетскаго устава (кажется въ 84 году).

Пріѣхавши же въ Петербургъ, я узналъ изъ газетъ, что всѣ высшія учебныя заведенія послѣ указа объ автономіи сдѣлались мѣстомъ ежедневныхъ революціонныхъ митинговъ, въ которыхъ участвуютъ какъ студенты, такъ еще въ большей степени рабочіе настоящіе или подложные, учителя, чиновники, лица въ военныхъ мундирахъ, въ томъ числѣ нижніе чины, курсистки, дамы, а также публика, даже изъ высшаго общества, которая приходила дивиться такимъ необычнымъ представленіямъ и энервироваться, т.-е. получать особыя психическія ощущенія, подобныя тѣмъ, которыя ощущаются отъ шампанскаго, боя быковъ, скабрезнаго представленія и пр.

На митингахъ этихъ проповѣдывались самыя крайнія революціонныя идеи анархизма и боевого соціализма. Рѣчи ораторовъ прерывались криками «долой самодержавіе», и самыми возмутительными словами относительно Главы государства и Царствующаго дома, т.-е. такія рѣчи, которыя были бы заглушены, если не публикою, то полицейскою силою не только въ монархическихъ странахъ, но также въ буржуазной французской республикѣ, въ демократической американской республикѣ и даже въ республикѣ съ президентомъ княземъ Крапоткинымъ и министрами Алексинскимъ (недоучка студентъ, членъ второй думы), Аладьинымъ (русскій комиссіонеръ въ одной изъ лондонскихъ гостинницъ, членъ первой думы), присяжнымъ повѣреннымъ Винаверомъ (членъ первой думы) и подобными индивидуумами-диллетантами, все изъ клики русскихъ республиканцевъ-революціонеровъ.

Ни Треповъ, ни вообще члены правительства на эти явленія не реагировали, а только иногда выставляли около университетовъ войска, чтобы огонь въ зданіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній не перебросился на улицы. Университетское начальство и профессора заявляли, что, конечно, то, что происходитъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не нормально, но виною этому то, что правительство не дозволяетъ гражданамъ законно собираться и устраивать митинги, какъ это существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, а потому по ихъ мнѣнію естественно, что граждане собираются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для этой потребности. Разрѣшите устраивать митинги въ другихъ мѣстахъ, говорили профессора, мы тогда будемъ въ состояніи оградить университеты отъ посторонней публики. Студенты почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній на сходкахъ провозгласили, что они прекращаютъ «забастовку», но не для того, чтобы заниматься науками, а для того чтобы использовать «автономію» для революціонныхъ цѣлей. Профессора, въ руки коихъ, послѣ указа объ автономіи, всецѣло перешли высшія учебныя заведенія, на указаніе правительства, что митинги, происходящіе въ сихъ заведеніяхъ, не допустимы, все таки повторяли, что, конечно, это безпорядокъ, но что они съ своей стороны ничего сдѣлать не могутъ къ прекращенію этого безпорядка, такъ какъ это происходитъ отъ того, что нигдѣ не дозволяется собираться для обсужденія всѣхъ волнующихъ общество вопросовъ; студенты заявляютъ, говорили профессора, что они считаютъ своимъ долгомъ дѣлиться съ обществомъ тою привиллегіею, которую только они одни изъ всѣхъ русскихъ гражданъ получили. Университетское начальство настаивало, что единственное средство прекратить митинги въ университетахъ это дозволить устраивать ихъ внѣ высшихъ учебныхъ заведеній.

Такимъ образомъ, указъ объ автономіи университетовъ, послѣдовавшій въ августѣ мѣсяцѣ, былъ первою брешью, черезъ которую революція, созрѣвавшая въ подпольѣ, выступила наружу. Вѣроятно, мысль о томъ, что устраивать безобразные митинги можно только посредствомъ изданія закона о собраніяхъ, была принята правительствомъ, такъ какъ по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я получилъ приглашеніе предсѣдателя совѣщанія (или совѣта) графа Сольскаго пожаловать на засѣданіе совѣщанія по вопросамъ объ изданіи закона о собраніяхъ. Явившись въ засѣданіе, я узналъ, что законъ уже проектированъ совѣщаніемъ и только обсуждались нѣкоторыя разногласія по этому закону. Я съ своей стороны заявилъ, что въ настоящее время едва ли законъ въ той ограничительной конструкціи, въ какой онъ былъ проектированъ, можетъ отвлечь публику отъ митинговъ въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ митинги происходятъ при такой дикой свободѣ, что едва ли публика безъ строгаго принужденія пожелаетъ пользоваться новымъ весьма ограничительнымъ закономъ; что во всякомъ случаѣ, если хотѣли издавать указъ о неопредѣленной автономіи университетовъ, то слѣдовало ранѣе издать сказанный законъ. Черезъ нѣсколько дней законъ былъ изданъ указомъ помимо Государственнаго Совѣта, но остался мертвою буквою, — митинги самые бурные и дикіе продолжали производиться въ залахъ учебныхъ заведеній и иногда въ залахъ различныхъ научныхъ обществъ (въ Соляномъ городкѣ — техническое общество, въ Вольно-экономическомъ обществѣ). И это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не начались еще до 17-го октября забастовки и когда вслѣдствіе этихъ забастовокъ большинство высшихъ учебныхъ заведеній закрылись.

Во время моего отсутствія, въ Америкѣ, возбудился также вопросъ объ единеніи министровъ, т.-е. объ образованіи чего-то въ родѣ кабинета министровъ. Вопросъ этотъ также обсуждался въ совѣщаніи графа Сольскаго; я засталъ его обсужденіе въ началѣ. За необходимость внести единство въ дѣйствія министровъ высказались почти всѣ члены совѣщанія; противъ этой мѣры особенно ратовалъ министръ финансовъ Коковцевъ. Такъ какъ по проекту предполагалось создать должность предсѣдателя (главу) министерства и такъ какъ Коковцевъ понималъ, что онъ имъ не будетъ, то по узкому самолюбивому чувству, такъ свойственному этому мелкому человѣку, онъ всячески старался похоронить проектъ объ единствѣ министерства. Коковцева поддерживали и другіе члены не въ смыслѣ отрицанія общей идеи, а только по частностямъ, дабы уменьшить значеніе предсѣдателя (главы) кабинета, проводя ту мысль, что, будто бы, такая мѣра можетъ умалить значеніе Императора въ глазахъ народа. Въ концѣ концовъ, было рѣшено создать совѣтъ министровъ взамѣнъ существовавшаго по закону изданному въ царствованіе Александра II совѣта, предсѣдателемъ коего былъ самъ Императоръ, и предсѣдательство въ коемъ вопреки закону Государь Николай II передалъ графу Сольскому. Этотъ новый законъ, выработанный и утвержденный Государемъ до 17 октября, въ нѣкоторой степени объединяетъ министерство, хотя какъ все, что выходило изъ совѣщаній графа Сольскаго, являло различныя неопредѣленности и недосказанности, какъ результатъ компромиссовъ, которые такъ любилъ графъ, дабы не утруждать Его Величество разногласіями.

Сольскій назвалъ новое учрежденіе совѣтомъ министровъ вмѣсто кабинета, дабы избѣжать мысли о западныхъ конституціяхъ. Первымъ предсѣдателемъ совѣта былъ назначенъ я, а такъ какъ ранѣе также существовалъ совѣтъ, то затѣмъ все, что дѣлалъ прежній совѣтъ ранѣе, такъ, напримѣръ, Булыгинскій законъ о думѣ, также приписывался мнѣ.

До сихъ поръ большинство публики не дѣлаетъ различія между прежнимъ совѣтомъ, который иногда годами не собирался, и теперешнимъ, созданнымъ въ началѣ октября 1905 года, за нѣсколько дней до 17 октября.

Я имѣю основаніе думать, что созданію новаго совѣта министровъ и уничтоженію стараго отчасти способствовало то, что графъ Сольскій, видя, что волненія все растутъ и растутъ и буря неизбѣжна, пожелалъ спрятаться и уйти отъ отвѣтственной роли предсѣдателя совѣта вмѣсто Государя. Это и было понятно и извинительно, такъ какъ графъ уже многіе годы былъ совершенно боленъ, не могъ ходить, и можно было только удивляться, какъ онъ рѣшается на такую отвѣтственную дѣятельность, которая вытекала изъ того, что онъ былъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ финансоваго комитета, и предсѣдателемъ совѣта вмѣсто Государя и предсѣдателемъ всякихъ совѣщаній.

При его мягкости характера, полнаго болѣзненнаго состоянія въ послѣдніе годы, онъ, понятно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ секретарей и дѣлопроизводителей.

Вернувшись въ Россію, меня также поразила необузданность прессы при существованіи самаго реакціоннаго цензурнаго устава.

Пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мѣрѣ нашихъ пораженій на востокѣ, пресса все смѣлѣла и смѣлѣла. Въ послѣдніе же мѣсяцы, еще до 17 октября, она совсѣмъ разнуздалась, и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась въ революціонную, въ томъ или другомъ направленіи, но съ тождественнымъ мотивомъ «долой подлое и бездарное правительство, или бюрократію, или существующій режимъ, доведшій Россію до такого позора». Петербургская пресса, дававшая, и по нынѣ, хотя въ меньшей степени, дающая тонъ всей прессѣ Россіи, совершенно эмансипировалась отъ цензуры и составила союзъ, обязавшійся не подчиняться цензурнымъ требованіямъ. Въ этомъ союзѣ участвовали почти всѣ газеты, и въ томъ числѣ консервативныя, а также «Новое Время», которое затѣмъ забыло это обстоятельство и, когда вспыхнула революція, въ

мое министерство подавленная, то оно, видя, что правительство одолѣло, первое начало кричать о слабости правительства и распущенности прессы. Когда газеты вышли въ силу «захватнаго права» изъ подъ цензуры, то отъ нихъ сдѣлалось извѣстнымъ публикѣ, что въ послѣднiй годъ образовался рядъ союзовъ — союзъ инженеровъ, адвокатовъ, учителей, академическiй (профессоровъ), фармацевтовъ, крестьянскiй, желѣзно-дорожныхъ служащихъ, техниковъ, фабрикантовъ, рабочихъ и проч. и, наконецъ, союзъ союзовъ, объединившiй многiе изъ этихъ частныхъ союзовъ. О рѣшенiяхъ и дѣйствiяхъ нѣкоторыхъ союзовъ, напримѣръ, академическаго, газеты давали полныя свѣдѣнiя, о другихъ отрывчатыя, а о нѣкоторыхъ только сообщалось, что такой то союзъ собирался тамъ-то и принялъ важныя рѣшенiя и т. п.

Конечно, продолжалъ дѣйствовать и союзъ представителей земскихъ и городскихъ дѣятелей, съ постоянно дѣйствующимъ бюро, въ которомъ принимали участiе столпы, такъ называемыхъ, «общественныхъ дѣятелей», изъ которыхъ многiе нынѣ послѣ прелести революцiи сдѣлались правыми.

Въ этихъ союзахъ принимали живое участiе Гучковъ, Львовъ, князь Голицынъ, Красовскiй, Шиповъ, Стаховичи, графъ Гейденъ и проч. и проч. Къ этому союзу присоединились и тайные республиканцы, люди большого таланта пера и слова и наивные политики: Гессенъ, Милюковъ, Гредескулъ, Набоковъ, академикъ Шахматовъ и проч., и проч. Всѣ эти союзы различныхъ оттѣнковъ, различныхъ стремленiй были единодушны въ поставленной задачѣ — свалить существующiй режимъ, во что бы то ни стало, и для сего многiе изъ этихъ союзовъ признали въ своей тактикѣ, что цѣль оправдываетъ средства, а потому для достиженiя поставленной цѣли не брезгали никакими прiемами, въ особенности же завѣдомою ложью, распускаемой въ прессѣ. Пресса совсѣмъ изолгалась, и лѣвая также, какъ правая; а когда вспыхнула революцiя и началась анархiя, то правая пресса: «Новое Время» (Суворинъ, Меньшиковъ), «Русское Знамя» (Дубровинъ, Булацель), «Московскiя Вѣдомости» (Грингмутъ, изъ еврейскихъ ренегатовъ), «Вѣче» (Иловайскiй и какой то каторжникъ Оловянниковъ) и даже «Кiевлянинъ» (Пихно) и проч. въ смыслѣ небрезганiя для преслѣдуемыхъ цѣлей, распространять ложь, клевету, обманъ, пожалуй, превзошли лѣвую прессу.

Правительство, т. е. Треповъ, такъ какъ въ сущности онъ былъ диктаторъ, на всѣ эти явленiя не реагировалъ или реагировалъ не успѣшно. Вѣроятно, о многихъ союзахъ, ихъ дѣятельности и преслѣ-

дуемыхъ ими цѣляхъ, онъ не имѣлъ и надлежащихъ свѣдѣній. Желѣзно-дорожный союзъ, который затѣмъ привелъ желѣзныя дороги къ забастовкѣ, всячески защищалъ князь Хилковъ (это мнѣ говорилъ Треповъ), увѣряя, что этотъ союзъ преслѣдуетъ чисто экономическіе и бытовые интересы желѣзно-дорожнаго персонала и не имѣетъ антиправительственныхъ стремленій.

Кромѣ открытой прессы, милліонами экземпляровъ распространялась скрытая пресса — всевозможные революціонные листки, прокламаціи, программы, и въ этой нелегальной прессѣ въ нѣкоторой степени принимало участіе охранное отдѣленіе департамента полиціи.

Треповъ не могъ отстать отъ идеи Зубатова «клинъ клиномъ вышибай», т. е. борись съ революціей ея-же орудіями и пріемами. Министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ пребывалъ въ полной апатіи, такъ какъ, въ сущности, управлялъ не онъ, а Треповъ. Треповъ-же совершенно сбился съ панталыку, дергалъ то направо, то налѣво и, предвидя бурю, а отчасти по нездоровью, мечталъ, какъ ему уйти изъ непонятнаго для него хаоса. Онъ мнѣ говорилъ, что выбился изъ силъ, и оставаться болѣе на имъ же созданномъ для себя посту товарища министра внутреннихъ дѣлъ, а, въ сущности, диктатора, не можетъ. Мудрый старецъ, скептикъ К. П. Побѣдоносцевъ, совсѣмъ удалился отъ явнаго вліянія на дѣла; что же онъ писалъ Государю и писалъ ли вообще, мнѣ не извѣстно.

Остальные министры, безцвѣтные чиновники, Коковцевъ, Шванебахъ, генералъ Глазовъ, генералъ Редигеръ, сидѣли спокойно и молчали. Впрочемъ, Шванебахъ внесъ въ комитетъ министровъ проектъ о раздачѣ въ Сибири земли манчжурской арміи. Мысль эта истекала изъ опасенія, что армія, возвратившись домой послѣ всѣхъ неудачъ, пожалуй, пристанетъ къ революціи, и тогда уже навѣрное все пропало.

Въ балтійскихъ губерніяхъ революція выскочила наружу нѣсколько ранѣе; представители балтійскаго дворянства, очень сильные при дворѣ г.-а. Рихтеръ, главноуправляющій комиссіей прошеній Будбергъ — все говорили о необходимости установить въ этомъ краѣ генералъ-губернаторство; уже въ Митавѣ и въ южныхъ уѣздахъ, къ ней прилегающихъ, было почти въ родѣ военнаго положенія, тамъ дѣйствовали войска виленскаго округа, и тамошняго командующаго войсками, Фрезе, обвиняли въ нерѣшительности и потворствѣ евреямъ и полякамъ. Въ скоромъ времени его смѣнили, назначивъ членомъ Государственнаго Совѣта.

На Кавказѣ цѣлые уѣзды и города находились въ полномъ возстаніи, происходили ежедневныя убійства, намѣстникъ графъ Воронцовъ-Дашковъ проводилъ политику «доброжелательства», выражающуюся въ постоянной смѣнѣ либеральнѣйшихъ и реакціонныхъ мѣръ, то та, то другая мѣстность объявлялась на военномъ положеніи чрезвычайной охраны, то эта мѣра опять отмѣнялась. Вообще, графъ, хотя несомнѣнно умный, благожелательный и хорошій человѣкъ, но всегда главный его недостатокъ заключается въ самомъ невозможномъ подборѣ сотрудниковъ.

Въ юго-западномъ краѣ генералъ-губернаторъ Клейгельсъ бастовалъ, а когда наступили октябрьскіе дни, то совсѣмъ удалился. Клейгельсъ, пренедалекій человѣкъ, былъ въ Петербургѣ градоначальникомъ и полюбился Государю вѣроятно за свою наружность браваго кавалериста и своимъ наружнымъ спокойствіемъ. Впрочемъ, какъ полицеймейстеръ Клейгельсъ былъ на своемъ мѣстѣ, когда же Государь его назначилъ въ Кіевъ генералъ-губернаторомъ, то всѣ, которые еще не перестали удивляться творящемуся, были очень удивлены этому назначенію.

Въ Москву послѣ убійства Великаго Князя Сергѣя Александровича былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ бывшій тамъ когда-то оберъ-полицеймейстеромъ генералъ Козловъ, человѣкъ весьма порядочный, всѣми уважаемый въ Москвѣ, но онъ не поладилъ съ Треповымъ и ушелъ. Вмѣсто него былъ назначенъ, кажется, по протекціи Сольскихъ, — Дурново, такъ называемый, Пе Пе, попавшій ранѣе того въ Государственный Совѣтъ по представленію Сольскаго. Дурново — генералъ, весьма богатый человѣкъ, бывшій недавно предсѣдателемъ Петербургской городской думы, смѣсь либерализма и дворянскаго «моему нраву не препятствуй», совершенно неспособный къ какому бы то ни было серьезному дѣлу. Онъ совсѣмъ въ Москвѣ запутался, ничего не зналъ, что тамъ дѣлалось, въ концѣ концовъ, такъ растерялся, что выходилъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ на площадь для переговоровъ съ революціонной толпой съ красными флагами и снималъ при этомъ военную шапку.

Царство Польское находилось почти въ открытомъ возстаніи, но революція держалась внутри, только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прорывалась наружу, потому что тамъ была сравнительно значительная военная сила и былъ, хотя не орелъ, но прямой и мужественный генералъ-губернаторъ Скалонъ, только что назначенный на этотъ постъ. Его предмѣстникъ, генералъ Максимовичъ, человѣкъ ничтожный, назначенный туда по протекціи министра двора барона Фредерикса, былъ смѣненъ, потому что забастовалъ и удалился на дачу около Варшавы, откуда не выѣзжалъ. Максимовичъ, бывшій офицеръ конной гвардіи, това-

рищъ барона Фредерикса, оказалъ ему, Фредериксу, услугу при его женитьбѣ, считавшейся мезальянсомъ, а потому потомъ и получилъ мѣсто Варшавскаго генералъ-губернатора.

Вся Сибирь находилась въ полной смутѣ; отчасти и, пожалуй, главнымъ образомъ, это происходило отъ того, что Сибирь уже спеконъ вѣка и до настоящаго времени представляетъ собою резервуаръ для ссылки неспокойныхъ и порочныхъ людей, а такъ же отъ того, что Сибирь, какъ окраина, находившаяся ближе къ театру военныхъ дѣйствій, болѣе чувствовала весь позоръ войны и имѣла больше о ней свѣдѣній, такъ какъ все для войны и обратно провозилось черезъ Сибирь. Отчасти же смутѣ содѣйствовало назначеніе въ Иркутскъ генералъ-губернаторомъ графа Кутайсова, не глупаго человѣка, но безконечно болтливаго и не серьезнаго дѣятеля.

Этому назначенію всѣ очень удивлялись; какъ говорятъ, Кутайсовъ былъ назначенъ по желанію Императрицы Александры Өеодоровны, которая, будучи еще дѣвицей и гостя у своей бабушки, королевы Викторіи, познакомилась съ Кутайсовымъ, который тогда состоялъ нашимъ военнымъ агентомъ въ Лондонѣ.

Въ Омскѣ генералъ-губернаторомъ былъ Сухотинъ, человѣкъ твердый, прямой и умный, только нѣсколько скоропалительный, въ особенности послѣ завтрака и обѣда. Между Сухотинымъ и Кутайсовымъ были вѣчныя несогласія, которыя вели къ подрыву власти, центральное же правительство бездѣйствовало, во всякомъ случаѣ, мало дѣйствовало.

Одесса также была совершенно революціонизирована, потому что большинство ея жителей — евреи, которые вслѣдствіе постоянныхъ стѣсненій полагали, что, пользуясь общею суматохою и паденіемъ престижа власти, они добудутъ себѣ равноправіе путемъ революціоннымъ. Конечно, это относится не ко всѣмъ евреямъ; дѣйствующими всегда является сравнительное меньшинство, но большинство евреевъ, выведенное изъ терпѣнія несправедливостями, сочувствовали, такъ называемому, освободительному движенію, легко принимавшему всѣ (до самыхъ рѣзкихъ включительно) революціонные пріемы. Такому революціонированію Одессы къ тому же очень способствовалъ тогдашній градоначальникъ Нейдгардтъ (beau frère Столыпина), человѣкъ не глупый, но крайне легкомысленный, поверхностный и мало знающій, но пребывающій о себѣ высокаго мнѣнія, надменный и съ подчиненными грубый. Большинство жителей города его ненавидѣло. Тамъ въ началѣ октября явились безпорядки, связанные съ кровавыми жертвами[1].

[1] Дѣло это затѣмъ изслѣдовалъ сенаторъ Кузьминскій и призналъ главнымъ виновникомъ Нейдгардта, который потомъ былъ прикрытъ Его Величествомъ.

Послѣ 17 октября я долженъ былъ его смѣнить, черезъ что въ немъ и его сестрѣ, супругѣ нынѣшняго премьера Столыпина, я нажилъ себѣ враговъ. Нейдгардтъ былъ назначенъ въ Одессу градоначальникомъ только потому, что былъ забавнымъ офицеромъ Преображенскаго полка тогда, когда тамъ служилъ Его Величество, будучи Наслѣдникомъ. Ни по своему образованію, ни по службѣ никакой подготовки къ занятію такого важнаго поста какъ Одесскій градоначальникъ онъ не имѣлъ. По той же причинѣ, по которой онъ былъ назначенъ градоначальникомъ, теперь онъ назначенъ сенаторомъ.

Такимъ образомъ, вернувшись изъ Америки 16 сентября 1907 года, я засталъ Россію въ полномъ волненіи, причемъ революція изъ подполья начинала всюду вырываться наружу; правительство потеряло силу дѣйствія, всѣ или бездѣйствовали или шли врознь, а авторитетъ дѣйствующаго режима и его верховнаго носителя былъ совершенно затоптанъ. Смута увеличивалась не по днямъ, а по часамъ, революція все грознѣе и грознѣе выскакивала на улицу, она завлекала всѣ классы населенія. Весь высшій классъ былъ недоволенъ и ожесточенъ; вся молодежь, и не только университетская, но и высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, не признавала никакихъ авторитетовъ кромѣ тѣхъ, которые проповѣдывали самыя крайнія революціонныя и антигосударственныя теоріи; профессора въ громадной части стали противъ правительства и дѣйствующаго режима и авторитетно, не только для молодежи, но и для большинства взрослыхъ провозгласили «довольно — нужно все перевернуть»; земскіе и городскіе дѣятели уже давно заявили «спасеніе лишь въ конституціи»; торгово-промышленный классъ, богатые люди, стали на сторону земцевъ, городскихъ дѣятелей, и профессуры и нѣкоторые изъ нихъ (Морозовъ, Четвериковъ, вдова Терещенко) производили большія денежныя пожертвованія не только для поддержки освободительнаго движенія, но прямо на революцію (Савва Морозовъ, засимъ застрѣлившійся за границей); рабочіе совершенно подпали подъ руководство революціонеровъ и дѣйствовали наиболѣе активно тамъ, гдѣ нужно было дѣйствіе физическое; всѣ инородцы, а вѣдь въ Россійской Имперіи инородцевъ около 35% всего населенія, видя столь сильное разслабленіе Имперіи, подняли головы и рѣшили, что насталъ моментъ, проводить свои мечты и желанія: поляки — «автономію», евреи — «равноправіе», и проч., а всѣ — устраненіе всѣхъ стѣсненій, въ которыхъ проходила вся ихъ жизнь, а стѣсненія

эти во многихъ случаяхъ были безобразныя, антихристіанскія, грубыя и, что особливо непростительно, часто глупыя; крестьяне подняли усиленно вопросъ о безземеліи и вообще о ихъ утѣсненномъ положеніи; чиновники, видя близко многіе порядки въ канцеляріяхъ и систему протекцій, развитую въ царствованіе Николая II-го до гигантскихъ размѣровъ, стали противъ режима, которому служили; войско было взволновано всѣми позорными неудачами войны и винило во всемъ совершенно основательно правительство, но кромѣ того съ заключеніемъ мира явилось особое обстоятельство, внесшее большую смуту въ войска, особенно оставшіяся въ Россіи: съ заключеніемъ мира по закону нужно было отпустить всѣхъ, призванныхъ на время войны, но такъ какъ въ Россіи войскъ оставалось очень мало, то ихъ не отпускали, они начали волноваться, черезъ это революціонеры нашли легкій доступъ въ войска, въ войскахъ начались вспышки непослушанія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ маленькіе выступы въ пользу революціи съ оружіемъ въ рукахъ, поэтому многіе думали, что на войска разсчитывать нельзя и боялись возвращенія арміи съ востока.

Эта болѣзнь и вызвала проектъ Шванебаха оставить, по крайней мѣрѣ, часть арміи въ Сибири и во всякомъ случаѣ, задобрить ихъ, объявивъ для нихъ особую привиллегію на полученіе сибирскихъ земель...

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что вся Россія пришла въ смуту и что общій лозунгъ заключался въ крикѣ души «такъ дальше жить нельзя», другими словами, съ существующимъ режимомъ нужно покончить. А для того, чтобы съ нимъ покончить, явились борцы дѣйствія и мысли во всѣхъ безъ исключенія классахъ населенія и не единичные, а исчисляемые многими тысячами. Большинство же, не двигаясь, совершенно сочувствовало дѣйствующимъ. Всѣ объединились въ ненависти къ существующему режиму и только тогда, когда былъ не только поставленъ, но и фактически проведенъ вопросъ, чѣмъ ненавистное будетъ замѣнено (17 октября), было разрушено единеніе ненависти къ существующему; явились партіи, которыя пожелали каждая перекроить управленіе по своему и затѣмъ — ожесточенная борьба этихъ партій, происходящая до нынѣ. 17 октября разрушило единеніе чувства ненависти къ существующему, разбило борьбу, направленную лишь на «существующій режимъ», на борьбу и ненавистничество партійное.

Со дня моего возвращенія изъ Америки я ясно видѣлъ, что смута растетъ не по днямъ, а по часамъ, все усиливаясь и усиливаясь.

Въ концѣ сентября и началѣ октября она начала бить наружу фонтаномъ. Не говоря объ окраинахъ, революція вырывалась наружу

всюду. Подъ моимъ руководствомъ, въ бытность мою предсѣдателемъ совѣта, составлена однимъ чиновникомъ рукопись подъ названіемъ «Наканунѣ 17 октября», — она находится въ моемъ архивѣ.

Начались усиленныя забастовки почти во всѣхъ фабричныхъ районахъ, затѣмъ, забастовали желѣзныя дороги. Наивный князь Хилковъ, начавшій свою карьеру машинистомъ желѣзной дороги, человѣкъ очень хорошій, но рамоли (вообще, ему было бы умѣстнѣе оставаться желѣзнодорожнымъ служащимъ, нежели быть министромъ), пробрался въ Москву, дабы тамъ урезонить машинистовъ, такъ какъ центръ, руководящій желѣзнодорожными забастовками, была Москва. Онъ самъ сѣлъ на паровозъ и хотѣлъ повлечь за собою машинистовъ, но послѣдніе надсмѣялись надъ его наивностью. Однимъ словомъ, въ Россіи наступилъ полный хаосъ. Будучи въ то время простымъ наблюдателемъ, я не располагаю свѣдѣніями о всѣхъ тѣхъ смутахъ, связанныхъ съ пролитіемъ крови, которыя въ теченіе второй половины сентября и первой половины октября 1907 года происходили въ Россіи, но ими были исчерпаны страницы всѣхъ газетъ. Въ особенности же происходилъ полный хаосъ въ сужденіяхъ газетъ и дѣйствіяхъ правительства, которое въ значительной своей части забастовало, а въ другой кидалось изъ стороны въ сторону; это послѣднее, главнымъ образомъ, относится къ генералу Трепову — диктатору, первому довѣренному Его Величества. Какъ житель Петербурга, я могу болѣе точно разсказать, что происходило въ Петербургѣ. Фабрики были закрыты и рабочіе проводили время въ митингахъ, а затѣмъ, въ хожденіяхъ по улицамъ; къ массѣ рабочей примкнули, конечно, и такъ называемые хулиганы.

Высшія учебныя заведенія сначала служили мѣстомъ революціонныхъ митинговъ, а потомъ они закрылись и большая часть студенчества проводила время также, какъ и рабочіе. Печать вышла изъ всякаго надзора и законопочитанія. Городскія желѣзныя дороги забастовали, вообще, движеніе по улицамъ въ экипажахъ почти прекратилось, прекратилось также освѣщеніе улицъ, жители столицы вечеромъ боялись выходить на улицу, прекращалось и водоснабженіе, телефонная сѣть бездѣйствовала, забастовали всѣ желѣзныя дороги, доходящія до Петербурга. Государь съ Августѣйшимъ семействомъ находился въ Петергофѣ и сообщеніе съ Нимъ производилось только на казенныхъ пароходахъ. Дѣятельность и нахальство противоправительственной власти росли ежедневно, всякіе союзы и союзъ союзовъ ежедневно изрекали резолюціи, всѣ клонившіяся къ подрыву власти и уничтоженію существующаго режима. Революціонная пропаганда дѣятельно проникала въ войска и находила адептовъ въ отпускныхъ, которые требовали, чтобы

ихъ отпустили. Въ нѣкоторыхъ воинскихъ частяхъ происходили безпорядки, моряки совсѣмъ вышли изъ повиновенія, постоянно проявлялись бунты въ черноморскомъ флотѣ (исторія съ броненосцемъ «Потемкинымъ», бывшая еще нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, просто баснословна). Въ Петербургѣ, морской экипажъ, помѣщавшійся въ казармахъ рядомъ съ конной гвардіей, взбунтовался и ночью пришлось его посредствомъ военной силы арестовать и на баржахъ переправить въ Кронштадтъ. Въ Кронштадтѣ также было не благополучно, моряки постоянно производили смуту и проч.

Самымъ главнымъ и опаснымъ было то, что вся Россія была недовольна существующимъ положеніемъ вещей, т. е., правительствомъ и дѣйствующимъ режимомъ. Всѣ болѣе или менѣе сознательно, а кто и не сознательно, требовали перемѣнъ, встряски, искупленія всѣхъ тѣхъ грѣховъ, которые привели къ безумнѣйшей, позорнѣйшей войнѣ, ослабившей Россію на десятки лѣтъ. Никто и нигдѣ искренно не высказывался въ защиту или оправданіе правительства и существующаго режима; разница была лишь та, что одни винили его за одно, а другіе за совершенно противоположное. Одни указывали, какъ на виновныхъ, на однихъ лицъ, а другіе на другихъ. Самые крайніе реакціонеры до сихъ поръ больше всѣхъ нападаютъ на правительство и только въ безконечной своей подлости отдѣляютъ правительство отъ Монарха и то, когда говорятъ не между собою, а въ открытую. Когда же они говорятъ въ своей средѣ, многіе изъ нихъ хуже революціонеровъ поносили Государя Императора и даже доходили до того, что строили глупѣйшіе и подлѣйшіе планы о возведеніи на престолъ другихъ лицъ, напримѣръ, Великаго Князя Дмитрія Павловича съ регентшей Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной, вдовой Великаго Князя Сергѣя Александровича. Нѣкоторые изъ кадетъ желали видѣть, если не на престолѣ, то въ качествѣ президента республики, кадета князя Долгорукова, а нѣкоторые черносотенцы не стѣснялись въ своемъ кружкѣ выражать желаніе видѣть на престолѣ тупоумную дубину, князя Щербатова. Конечно, все это изъ области анекдотовъ революціи, умовъ безъ ума.

Многіе, какъ прежде, такъ и теперь не понимаютъ, что сила Царя, какъ и всякаго Монарха, въ своего рода таинствѣ — секретѣ, недоступномъ познанію людей, наслѣдіи — наслѣдственности. Въ наслѣдіи Царской власти заключается сила Царя. Никто ближе не знаетъ Николая II, какъ Царя, никто лучше меня не знаетъ Его пороки и слабости, какъ

Государя, но тѣмъ не менѣе я по убѣжденію, какъ передъ Богомъ, говорю, что не дай Господь, если что либо съ Нимъ случится. Любя Россію, я ежедневно молю Бога о благополучіи Императора Николая Александровича, ибо покуда Россія не найдетъ себѣ мирную пристань въ міровой жизни, покуда все расшатано, она держится только тѣмъ, что Николай II есть наслѣдственный законный нашъ Царь, т. е. Царь милостью Божьей, иначе говоря, природный нашъ Царь. Въ этомъ Его сила и въ этой силѣ дай Богъ, чтобы Россія скорѣе нашла свое равновѣсіе. Покуда правительство есть правительство Государя, т. е., покуда Государь былъ неограниченный, покуда онъ, какъ теперь, будетъ Самодержавный и въ Россіи не будетъ парламентаризма, нападающіе не на отдѣльныя личныя дѣйствія министровъ, а на ихъ государственную дѣятельность, нападаютъ тѣмъ самымъ на Императора. У насъ же, къ сожалѣнію, часто самыя крупныя событія происходили прямо по волѣ и дѣйствіямъ Императора, даже помимо министровъ. Самая война, открывшая брешь всей смутѣ и революціи, произошла не по волѣ и желанію министровъ, а вопреки ихъ волѣ и желаніямъ. Войны никогда бы не было, если бы Императоръ не сдѣлалъ все, чтобы она произошла; хотя Онъ предполагалъ, что Онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, и войны не будетъ, «не посмѣютъ».

По возвращеніи изъ Америки и полученіи графскаго титула, ко мнѣ приходила масса лицъ меня поздравлять. Съ министрами я встрѣчался только въ комитетѣ министровъ и совѣщаніяхъ графа Сольскаго, но разговоровъ съ ними, за исключеніемъ графа Ламсдорфа, о текущихъ дѣлахъ не велъ. Съ Треповымъ я раза два имѣлъ краткіе разговоры, изъ которыхъ усмотрѣлъ только то, что онъ, во что бы ни стало, желалъ удалиться. Съ графомъ Сольскимъ я велъ наединѣ бесѣды, онъ совсѣмъ ослабѣлъ, растерялся и только твердилъ: «графъ, вы только одни можете спасти положеніе»; когда же я ему сказалъ, что я хочу уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ за границу, то онъ разрыдался и плача сказалъ: «Ну, уѣзжайте, а мы погибнемъ».

Такое состояніе этого, несомнѣнно, хорошаго, умнаго и благороднаго человѣка, конечно, въ значительной степени объяснялось его болѣзненнымъ состояніемъ. Затѣмъ, я говорилъ съ нѣкоторыми лицами, которыя играли значительную роль въ послѣднихъ событіяхъ и содержаніе этихъ разговоровъ будетъ не излишне привести для характеристики положенія вещей до 17 октября.

По моей иниціативѣ я видѣлся два раза съ генераломъ, недавно вышедшимъ въ отставку, Кузьминымъ-Караваевымъ, воспитанникомъ пажескаго корпуса и затѣмъ, военно-юридической академіи, бывшимъ ординарнымъ профессоромъ уголовнаго права въ юридической академіи, публицистомъ, потомственнымъ дворяниномъ, небольшимъ землевладѣльцемъ и извѣстнымъ въ то время земскимъ дѣятелемъ Тверской губерніи.

Онъ принималъ участіе въ съѣздахъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, былъ извѣстенъ въ то время, какъ либералъ, былъ затѣмъ членомъ первой и второй Думы, къ партіи кадетъ не принадлежалъ, находя ее крайней, а числился въ самой малочисленной партіи демократическихъ реформъ. Я привелъ этотъ краткій формуляръ Кузьмина-Караваева для того, чтобы читатель видѣлъ, что это лицо не изъ санъ-кюлотовъ, не революціонеръ, а человѣкъ съ образованіемъ, знакомый съ мѣстною жизнью.

Независимо отъ сего, онъ въ своей жизни не совершилъ ничего, что бы давало поводъ его упрекать въ какой нибудь безчестной некорректности. Я просилъ Кузьмина-Караваева мнѣ откровенно высказать свое сужденіе о положеніи вещей. Онъ мнѣ высказалъ во всѣхъ подробностяхъ свое мнѣніе, что единственный выходъ это переходъ къ конституціонному режиму, хотя уже эта мѣра опоздала и потому будетъ связана съ различными эксцессами. Я попросилъ его свое мнѣніе изложить письменно, и онъ мнѣ черезъ два дня принесъ краткую записку, въ которой были резюмированы тѣ мысли, которыя онъ высказывалъ.

Я также имѣлъ разговоръ съ Меньшиковымъ, талантливымъ публицистомъ «Новаго Времени», теперь онъ проводитъ ярымъ образомъ идеи самыя реакціонныя, но въ то время онъ также убѣжденно какъ нынѣ доказывалъ мнѣ, что единственный выходъ это перемѣна режима управленія отъ неограниченнаго къ конституціонному. Я тоже попросилъ его резюмировать свои мысли на бумагѣ. Онъ мнѣ принесъ проектъ манифеста и конституціонныхъ началъ, которыя шли несравненно далѣе, того что было сдѣлано 17 октября и всѣми послѣдующими узаконеніями. Къ сожалѣнію, я до сихъ поръ не могъ найти этотъ документъ, который служитъ образцомъ того, какъ люди подъ вліяніемъ событій мѣняютъ свои мнѣнія и какъ вслѣдствіе 17-го октября люди поправѣли, причемъ многіе въ своемъ поправѣніи дошли до геркулесовыхъ столбовъ.

Послѣ портсмутскаго мира или вѣрнѣе послѣ позорнѣйшей и бездарнѣйшей войны, почти не было правыхъ или если они были, то втихомолку, въ скрытомъ состояніи. 17 октября разбудило Россію,

заставило многихъ опомниться, образовало партіи и воскресъ угасшій духъ. Люди увидали, что скачки въ области государственнаго устроенія ведутъ къ пропасти, заговорилъ патріотизмъ и особенно чувство о благополучіи своемъ и своихъ ближнихъ — чувство личной «собственности», которое къ сожалѣнію было вытравляемо въ нашемъ крестьянствѣ, и русская телѣга начала волочить оглобли направо. Дай только Богъ, чтобы это не свалило телѣгу, стремительно несшуюся въ лѣвую пропасть, въ правое болото и чтобы она не завязла тамъ въ тинѣ...

Тогда же у меня былъ князь Мещерскій — редакторъ-издатель «Гражданина», десятки лѣтъ живущій на правительственныя крупныя субсидіи и считающій своимъ неотъемлемымъ правомъ получать таковыя, человѣкъ безнравственный, низкопоклонный тамъ, гдѣ нужно или можно что либо схватить и надменный съ лицами, которыя ему не нужны. Князь былъ очень сумраченъ и высказалъ свое «убѣжденіе», что нынѣ нѣтъ другого исхода, какъ дать конституцію. Затѣмъ, послѣ 17 октября, когда гроза революціи прошла, онъ началъ громить новые законы и теперь опять затянулъ старую пѣснь. Благо ему за это платятъ.

Въ то время у меня также былъ нѣсколько разъ П. Н. Дурново, бывшій въ моемъ министерствѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что главная причина происходящаго развала заключается въ Треповѣ и что если Треповъ не уйдетъ, то мы доживемъ до величайшихъ ужасовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по существу онъ находилъ, что единственный выходъ изъ созданнаго положенія вещей заключается въ широкихъ либеральныхъ преобразованіяхъ и въ уничтоженіи исключительныхъ положеній. Дурново былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина и состоялъ товарищемъ трехъ его предшественниковъ князя Мирскаго, Плеве и Сипягина, былъ ранѣе директоромъ департамента полиціи, а потому, конечно, его мнѣніе имѣло нѣкоторое значеніе.

Изъ всѣхъ лицъ, которыхъ я видѣлъ со дня моего возвращенія въ Петербургъ изъ Америки до октябрьскихъ дней, я слышалъ противъ общаго теченія мнѣніе только одного лица — А. П. Никольскаго, будущаго впослѣдствіи въ моемъ министерствѣ министромъ земледѣлія. Онъ мнѣ говорилъ, что вся бѣда въ прессѣ, и что для того, чтобы облагоразумить

революціонное движеніе, нужно прежде всего безпощадно шлепнуть газеты. Самъ А. П. Никольскій былъ въ теченіе 30 лѣтъ постояннымъ сотрудникомъ «Новаго Времени», и потому этотъ его отзывъ меня нѣсколько удивилъ тѣмъ болѣе еще, что въ то время «Новое Время» уже было въ «союзѣ печати» и пользовалось «захватнымъ правомъ», а главный его сотрудникъ Меньшиковъ мнѣ, какъ сказано выше, представилъ проектъ конституціоннаго манифеста, такъ какъ только въ конституціи онъ видѣлъ спасеніе.

Итакъ, къ концу сентября мѣсяца 1905 года революція уже совсѣмъ, если можно такъ выразиться, вошла въ свои права — права захватныя. Она произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населенія, а затѣмъ, когда увидѣло, что смута выходитъ изъ своихъ щелей наружу, вздумало усилить свой престижъ и свою силу «маленькой побѣдоносной войной» (выраженіе Плеве). Такимъ образомъ правительство втянуло Россію въ ужасную, самую большую, которую она когда либо вела, войну. Война оказалась для Россіи позорной во всѣхъ отношеніяхъ и режимъ, подъ которымъ жила Россія, оказался совсѣмъ несостоятельнымъ — гнилымъ. Всѣ смутились и затѣмъ — добрая половина русскихъ людей спятила съ ума... Явился вопросъ, что же дѣлать?.. Вопросъ этотъ былъ рѣзко поставленъ заревомъ революціоннаго пожара. Съ первыхъ чиселъ октября 1905 года въ силу самыхъ событій пришли къ необходимости его рѣшить и съ 6-го въ десять дней докатились до великаго и знаменательнаго акта — манифеста 17 октября.

Какимъ образомъ это произошло, я буду излагать во второй части моихъ записокъ, которую начну писать, возвратясь въ Россію. *

ПРИЛОЖЕНІЯ

О КОМИССІИ ПО БОРЬБѢ СЪ ЧУМОЮ И ЕЯ ПРЕДСѢДАТЕЛѢ ПРИНЦѢ А. П. ОЛЬДЕНБУРГСКОМЪ

Въ 1896 г. — въ Индіи, а также въ Астраханской губерніи и Киргизскихъ степяхъ начали проявляться отдѣльные случаи чумныхъ заболѣваній.

Такъ какъ вопросами экспериментальной медицины занимался принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, то для борьбы съ чумою и была образована 11 января 1897 г. комиссія, которая состояла: изъ министровъ, прикосновенныхъ къ дѣлу народнаго здравія, нѣкоторыхъ спеціалистовъ, а предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Эта комиссія такъ и называлась «чумной», — хотя оффиціальное названіе ея было «Особая комиссія для предупрежденія занесенія чумной заразы и борьбы съ нею, въ случаѣ появленія ея въ Россіи».

Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій представляетъ собою замѣчательный типъ. Съ его именемъ связано устройство въ Петербургѣ института экспериментальной медицины, — что было сдѣлано еще при Императорѣ Александрѣ III, хотя тогда институтъ экспериментальной медицины былъ устроенъ въ скромныхъ размѣрахъ.

Съ именемъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго связана большая больница душевно-больныхъ, находящаяся на Удѣльной. Онъ является попечителемъ школы Правовѣдѣнія и особаго рода гимназіи, находящейся въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка.

Эти учебныя заведенія связаны съ его именемъ, потому что они были основаны отцомъ его — Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ. Съ

именемъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго связанъ, наконецъ, Петербургскій Народный Домъ, — одно изъ выдающихся учрежденій. — Съ его именемъ связаны Гагры, — родъ санитарной станціи на берегу Чернаго моря.

Такимъ образомъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій связалъ свое имя съ весьма полезными и благодѣтельными учрежденіями имъ самимъ созданными или полученными имъ по наслѣдству отъ своего отца.

Большинство обывателей Россійской Имперіи думаютъ, что все это создано, благодаря необыкновенной щедрости Его Высочества, но это совершенно не такъ.

Все это создано принцемъ А. П. Ольденбургскимъ, но на казенныя деньги; можно даже съ увѣренностью утверждать, что то же самое было бы создано съ гораздо меньшими затратами и, вѣроятно, болѣе разумно, обыкновенными смертными, если бы тѣ деньги, которыя ухлопалъ на это дѣло изъ казеннаго сундука принцъ А. П. Ольденбургскій, были бы даны обыкновеннымъ русскимъ обывателямъ.

Вся заслуга принца заключается въ томъ, что онъ человѣкъ подвижной и обладаетъ такимъ свойствомъ характера, что когда онъ пристанетъ къ лицамъ, въ томъ числѣ иногда лицамъ стоящимъ выше, нежели самъ принцъ А. П. Ольденбургскій, то они соглашаются на выдачу сотенъ тысячъ рублей изъ казеннаго сундука, лишь бы только онъ отъ нихъ отвязался.

Надо отдать справедливость принцу Ольденбургскому, онъ весьма подвижной человѣкъ и если нужно сдѣлать что нибудь экспромптомъ, а въ особенности сдѣлать нѣчто выдающееся по своей оригинальности, то онъ по своему характеру къ этому совершенно приспособленъ.

Судя по тому, какъ описываютъ исторіографы характеръ и натуру Императора Павла, нужно сказать, что никто изъ Царской семьи не унаслѣдовалъ качествъ Императора Павла въ такой полности и неприкосновенности — въ какой унаслѣдовалъ ихъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Въ сущности говоря, онъ не дурной, хорошій человѣкъ, но именно вслѣдствіе своей, — мягко выражаясь, — «необыкновенности» характера и темперамента онъ можетъ дѣлать поступки самые невозможные, которые ему сходятъ съ рукъ только потому, что онъ — «Его Высочество принцъ Ольденбургскій».

Когда я былъ министромъ финансовъ, я раза два имѣлъ съ нимъ непріятныя объясненія по слѣдующему поводу:

Принцъ А. П. Ольденбургскій приходитъ ко мнѣ и мнѣ объявляетъ, что Его Величество изволилъ повелѣть выдать ему на такое-то дѣло столько-то сотенъ тысячъ рублей изъ казенныхъ средствъ.

Я обращался къ принцу и спрашивалъ его: уполномоченъ онъ мнѣ это объявить оффиціально, какъ генералъ-адъютантъ?

На что не получилъ отъ него опредѣленныхъ отвѣтовъ. Поэтому — хотя обыкновенно дѣло сводилось къ тому, что мнѣ приходилось выдавать деньги въ той или другой степени изъ казенныхъ средствъ принцу: то на расширеніе Народнаго Дома, то на Гагры, — тѣмъ не менѣе, всякій разъ такія выдачи были связаны съ нѣкоторыми треніями, которыя ставили Его Величество и въ особенности меня въ весьма непріятное положеніе.

При покойномъ Императорѣ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій былъ командиромъ гвардейскаго корпуса, но очень скоро онъ долженъ былъ покинуть этотъ постъ, именно, вслѣдствіе своихъ оригинальныхъ и неожиданныхъ выходокъ, а вѣдь Императоръ Александръ III вообще шутить не любилъ.

Въ чумной комиссіи, какъ я уже говорилъ, предсѣдателемъ былъ принцъ Ольденбургскій. Когда же въ 1897 г. принцъ Ольденбургскій былъ въ Киргизскихъ степяхъ, гдѣ недалеко отъ Астрахани вспыхнула чума, то вмѣсто него, за его отсутствіемъ, предсѣдательствовалъ въ комиссіи — я, какъ старшій членъ.

Какъ то разъ въ комиссіи была получена телеграмма, въ которой принцъ Ольденбургскій требовалъ, чтобы въ виду появленія чумы въ Киргизскихъ степяхъ былъ запрещенъ вывозъ нѣкоторыхъ продуктовъ изъ Россіи, или вѣрнѣе, изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, — причемъ желаніе принца выражалось, по обыкновенію, въ формѣ императивной.

Я, конечно, на такую мѣру никоимъ образомъ согласиться не могъ, такъ какъ, если бы мы это объявили, то мы бы подняли переполохъ во всей Европѣ, и Европа тогда имѣла бы полное право сама воспретить вывозъ различныхъ продуктовъ изъ Россіи, основываясь на чумѣ. И такъ я на подобную мѣру не согласился, причемъ ко мнѣ присоединились и остальные члены комиссіи. Объ этомъ мы представили Государю Императору и Его Величество, вопреки требованію принца Ольденбургскаго, согласился съ нами.

Принцъ Ольденбургскій на это чрезвычайно обидѣлся и, вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, довольно долгое время со мною не видѣлся.

Такъ какъ принцъ Ольденбургскій не былъ у меня, то и я, съ своей стороны, не искалъ съ нимъ свиданія.

Когда же министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлался Д. С. Сипягинъ, съ которымъ я былъ въ весьма дружественныхъ личныхъ отношеніяхъ, то какъ то разъ пріѣхавъ ко мнѣ, Сипягинъ сказалъ, что принцъ Ольденбургскій желалъ бы со мною опять сойтись, при этомъ Сипягинъ очень совѣтовалъ мнѣ сдѣлать первый шагъ и поѣхать самому къ принцу Ольденбургскому. Я, конечно, сказалъ, что сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ. Я спросилъ по телефону: когда принцъ Ольденбургскій можетъ меня принять, онъ мнѣ назначилъ время, я поѣхалъ къ нему.

И вотъ разговоръ, который я имѣлъ съ принцемъ Ольденбургскимъ, вполнѣ характеризуетъ этого оригинальнаго человѣка.

Я началъ объяснять принцу, что я противъ Его Высочества рѣшительно ничего не имѣю, отношусь къ нему съ полнымъ уваженіемъ и очень сожалѣю, что тогда не могъ согласиться съ мѣрою, которую Его Высочество предлагалъ. Я сказалъ принцу Ольденбургскому, что и Государь тогда согласился со мною, а не съ нимъ, и настаивалъ на томъ, что я былъ совершенно правъ, — что подтвердилось и дѣйствительностью, — такъ какъ хотя никакого запрещенія вывоза нашихъ продуктовъ не было, а тѣмъ не менѣе чума, благодаря нѣкоторымъ мѣрамъ, принятымъ принцемъ Ольденбургскимъ на мѣстѣ, прекратилась и все сошло благополучно. Затѣмъ я добавилъ, что вообще появленіе чумы въ Киргизскихъ степяхъ — явленіе довольно частое, оно бывало и прежде и всегда кончалось однимъ и тѣмъ же, а именно, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при принятіи нѣкоторыхъ мѣръ, чума временно утихала.

Принцъ Ольденбургскій со слезами на глазахъ мнѣ говорилъ, что вотъ тѣмъ не менѣе этотъ инцидентъ на него чрезвычайно подѣйствовалъ, что съ тѣхъ поръ у него болитъ сердце и что онъ именно этому инциденту приписываетъ свою болѣзнь сердца.

Во время этого разговора я сидѣлъ, а принцъ Ольденбургскій, разговаривая со мною, все время ходилъ по комнатѣ быстрыми шагами. Къ нему во время этого нашего разговора раза два подходилъ камердинеръ, говорилъ ему нѣсколько словъ, а принцъ Ольденбургскій что-то такое камердинеру приказывалъ. Затѣмъ камердинеръ опять пришелъ и принцъ не говоря мнѣ ни слова, не простившись со мною, убѣжалъ.

Я остался одинъ въ комнатѣ и ждалъ минутъ десять... Вдругъ ко мнѣ прибѣгаетъ принцъ Ольденбургскій, уже совсѣмъ въ другомъ распо-

ложеніи духа, весьма веселый, безъ всякихъ жалобъ на болѣзнь сердца и кричитъ мнѣ: «Проснулась, проснулась».

Тогда я спросилъ Его Высочество: «Въ чемъ дѣло?»

Его Высочество сказалъ мнѣ:

— У насъ въ домѣ есть нянюшка, очень старая (чуть ли это не была еще его нянюшка) — она нѣсколько дней тому назадъ уснула и вотъ нѣсколько дней не просыпалась. Принимали различныя мѣры — она все не просыпалась. И вотъ, — говоритъ, — я пришелъ туда и закатилъ ей громадный клистиръ и какъ только я ей сдѣлалъ клистиръ — она вскочила и проснулась.

Принцъ Ольденбургскій былъ по этому поводу въ весьма хорошемъ настроеніи духа и я разстался съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

•

Когда я ввелъ питейную монополію въ Петербургѣ, то одновременно съ введеніемъ монополіи были введены и попечительства трезвости — учрежденія правительственныя.

Мнѣ хотѣлось, чтобы во главѣ этихъ попечительствъ въ Петербургѣ всталъ такой человѣкъ, которому Его Величество оказывалъ бы симпатію, однимъ словомъ, чтобы это былъ такой человѣкъ, который бы могъ дѣлать то, что обыкновенному смертному дѣлать не дозволятъ. Вслѣдствіе этого я просилъ Государя назначить предсѣдателемъ попечительствъ въ Петербургѣ принца Ольденбургскаго, — который состоитъ предсѣдателемъ попечительствъ и до настоящаго времени.

Пока я былъ министромъ финансовъ, я имѣлъ съ принцемъ Ольденбургскимъ по этому дѣлу нѣкоторыя столкновенія, такъ какъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ различныя народныя увеселенія и забавы связывалъ съ питьемъ крѣпкихъ напитковъ — противъ чего я всегда возставалъ.

Тѣмъ не менѣе, благодаря принцу Ольденбургскому устроенъ и существуетъ въ настоящее время, такъ называемый, «Народный Домъ», представляющій собою мѣсто здоровыхъ увеселеній, если не народа то, во всякомъ случаѣ, различныхъ бѣдныхъ классовъ петербургскаго населенія.

Конечно, все это сдѣлано на казенныя деньги, но съ другой стороны, не будь во главѣ этого дѣла принца Ольденбургскаго — Петер-

бургское Попечительство никогда не получило бы этихъ денегъ 1) потому что Государственный Совѣтъ не соглашался бы отпускать столько денегъ, а 2) потому что у принца Ольденбургскаго по этому предмету имѣется особый способъ дѣйствій. Онъ организуетъ большія предпріятія, не имѣя денегъ и зная, что такъ или иначе, но деньги эти будутъ уплачены, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онъ всегда упроситъ Государя, чтобы Его Величество приказалъ это сдѣлать.

О ЛЕДОКОЛѢ «ЕРМАКѢ» И НАМѢРЕНІИ УСТАНОВИТЬ МОРСКОЙ ПУТЬ НА ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ ПО СѢВЕРНОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ СИБИРИ.

Въ 1898 году, а именно въ концѣ этого года, былъ по моей инціативѣ заказанъ ледоколъ «Ермакъ», ближайшей цѣлью сооруженія этого громаднаго ледокола была у меня та мысль, чтобы, съ одной стороны, сдѣлать возможнымъ судоходство въ Петербургѣ и другихъ важныхъ портахъ Балтійскаго моря въ теченіе всей зимы, но главнымъ образомъ попытаться, нельзя ли пройти на Дальній Востокъ черезъ сѣверныя моря, по сѣверному побережью Сибири. Ледоколъ этотъ былъ сооруженъ при ближайшемъ участіи адмирала Макарова, того самаго Макарова, который геройски погибъ около Портъ-Артура, будучи во время Японской войны назначенъ главнокомандующимъ Дальневосточнымъ флотомъ. Адмиралъ Макаровъ отличился еще и во время послѣдней Турецкой войны и вообще по своему характеру представляетъ собою истинный типъ военнаго рѣшительнаго человѣка, съ оригинальными взглядами. Къ сожалѣнію, хотя нѣкоторое время онъ командовалъ Ермакомъ, или вѣрнѣе Ермакъ находился подъ его высшимъ командованіемъ, (это судно-ледоколъ находилось въ вѣдѣніи министерства финансовъ въ непосредственномъ моемъ распоряженіи), тѣ проекты, которые я имѣлъ въ головѣ, не осуществились. Ледоколъ этотъ оказалъ нѣкоторую пользу въ смыслѣ очистки отъ льдовъ Балтійскихъ портовъ и Макаровъ на этомъ суднѣ лишь одинъ разъ сдѣлалъ довольно большое плаваніе въ сѣверныя моря и разъ попытался сдѣлать плаваніе и на Новую Землю, но дальнѣйшихъ экскурсій въ томъ же направленіи не производилъ.

Этому дѣлу открытія морского пути на Дальній Востокъ, черезъ Сибирскія прибрежья, а равно плаванію по направленію къ полярному полюсу очень сочувствовалъ также извѣстный нашъ ученый Менделѣевъ.

Этотъ Менделѣевъ былъ извѣстный всему міру русскій химикъ, бывшій профессоръ Петербургскаго университета, затѣмъ онъ вслѣдствіе своего довольно рѣзкаго неуживчиваго характера выслуживши

пенсію бросилъ университетъ. Къ стыду нашей Академіи онъ не былъ выбранъ академикомъ и на мѣсто академика по спеціальности химика мы выбрали лицо, хотя и очень почтенное, но не имѣвшее никакой серьезной длительной репутаціи въ наукѣ. Опять таки онъ не былъ академикомъ вслѣдствіе своего довольно тяжелаго характера, что совершенно не оправдываетъ дѣйствія академіи. Такъ какъ Менделѣевъ былъ товарищемъ по педагогическому институту Вышнеградскаго, то тотъ его сдѣлалъ управляющимъ палатою мѣръ и вѣсовъ.

Когда я сдѣлался министромъ финансовъ, то это учрежденіе палаты мѣръ и вѣсовъ я значительно увеличилъ и расширилъ именно потому, что во главѣ ея стоялъ такой значительный ученый, какъ Менделѣевъ, человѣкъ съ большою не только научною, но и практическою иниціативой. Менделѣеву во многомъ обязано развитіе нашей нефтяной промышленности и другихъ отраслей нашей промышленности. Онъ былъ по тѣмъ временамъ ярый протекціонистъ и, какъ это бываетъ обыкновенно со всѣми выдающимися людьми, во время его жизни вслѣдствіе того, что онъ былъ и талантливѣе и умнѣе и ученѣе лицъ его окружающихъ, а съ другой стороны вслѣдствіе того, что имѣлъ самостоятельный характеръ, подвергался со всѣхъ сторонъ самой усиленной критикѣ. Его сочиненія, касающіяся развитія нашихъ хозяйственныхъ и промышленныхъ силъ, служили предметомъ насмѣшливой критики; его обвиняли въ томъ, что будто бы онъ находится на жалованьи у промышленниковъ и потому онъ проводитъ идею протекціонизма и только тогда, когда онъ умеръ, то начали кричать, что мы потеряли великаго русскаго ученаго.

Хорошо еще, что россіяне отдали ему эту честь послѣ смерти его, хотя для Менделѣева было бы пріятнѣе, если бы были оцѣнены его достоинства во время его жизни.

Я помню довольно интересное засѣданіе, которое было у меня въ кабинетѣ, въ которомъ принимали участіе: я, Менделѣевъ и адмиралъ Макаровъ. Я поставилъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ установить программу для того, чтобы достигнуть намѣченной мною цѣли, т.-е. пройти на Дальній Востокъ къ Сахалину черезъ сѣверныя моря по нашему Сибирскому прибрежью. На это мнѣ Менделѣевъ послѣ размышленія, на которое я ему далъ время, высказалъ то убѣжденіе, что для того, чтобы найти путь на Дальній Востокъ, не слѣдуетъ идти изъ Петербурга, огибая Норвегію сѣверными морями параллельно нашимъ

сѣвернымъ побережьямъ, а нужно просто пройти прямо по направленію къ Сѣверному Полюсу, прорѣзать Сѣверный Полюсъ и спуститься внизъ, что такой переходъ будетъ гораздо проще и можетъ быть совершенъ и гораздо скорѣе и безопаснѣе. Адмиралъ Макаровъ не вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе, онъ находилъ, что это будетъ очень рискованный шагъ, что благоразумнѣе будетъ попытаться идти по направленію нашего сѣвернаго прибрежья.

Между ними въ моемъ присутствіи произошелъ обмѣнъ взглядовъ. Менделѣевъ утверждалъ, что не увѣренъ, что то, что онъ предполагаетъ, можетъ быть вполнѣ реализировано, но, что есть гораздо болѣе шансовъ къ тому, что можно прорѣзать сѣверный полюсъ и спуститься внизъ южнѣе. На вопросъ Макарова, согласится ли съ нимъ ѣхать Менделѣевъ на Ермакѣ, по плану имъ предложенному, Менделѣевъ ему категорически отвѣтилъ, что по этому плану, т. е. идти на сѣверный полюсъ и тамъ спуститься внизъ онъ совершенно согласенъ и съ нимъ поѣдетъ, тогда Макаровъ ему предложилъ съ нимъ ѣхать, но только не по этому направленію, а опять таки по нашимъ сѣвернымъ морямъ, придерживаясь къ Сибирскому побережью. Менделѣевъ отвѣтилъ, что такое плаваніе и болѣе рискованное и болѣе трудное и поэтому онъ ѣхать съ нимъ по этому направленію не согласенъ. Такимъ образомъ между этими двумя выдающимися лицами произошло въ моемъ присутствіи довольно крупное и рѣзкое разногласіе, причемъ оба эти лица разошлись и затѣмъ болѣе уже не встрѣчались. Уходя отъ меня каждый изъ нихъ мнѣ повторилъ: Менделѣевъ, что онъ во всякое время согласенъ ѣхать на Ермакѣ съ адмираломъ Макаровымъ на Дальній Востокъ къ Сахалину прямо прорѣзывая сѣверный полюсъ, а Макаровъ мнѣ заявилъ, что онъ согласенъ на Ермакѣ ѣхать къ Сахалину, придерживаясь направленія параллельно нашимъ сѣвернымъ прибрежьямъ. Въ концѣ концовъ ни тотъ, ни другой проектъ не осуществился, отчасти вслѣдствіе этого разногласія, а отчасти отъ того, что Макаровъ въ скоромъ времени былъ назначенъ начальникомъ Кронштадтскаго порта, а затѣмъ началась несчастная Японская война.

Ермакъ во все время моего управленія министерствомъ финансовъ впредь до образованія главнаго управленія мореходства находился въ распоряженіи министерства финансовъ, а затѣмъ, когда было образовано главное управленіе мореходства, то былъ переданъ въ вѣдѣніе этого управленія.

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ

